MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XVII [XXXII] nr. 1

Chişinău
2023

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacţie

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacţie: dr. Aurel Zanoci
Redactori: dr. Claudia Cemârtan, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iaşi); dr. Ana Boldureanu (Chişinău); dr. hab. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. hab. Ion Eremia (Chişinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitser (New York); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Igor Manzura (Chişinău); dr. Eugen Nicolae (Bucureşti); dr. Virgil Nițulescu (Bucureşti); dr. hab. Elena Ploşniță (Chişinău); dr. Elena Postică (Chişinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chişinău); dr. hab. Igor Sapozhnikov (Kiev); dr. Ion Tentiuc (Chişinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chişinău); dr. hab. Lilia Zabolotnaia (Chişinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărţile şi revistele pentru schimb, precum şi orice corespondenţă se vor trimite pe adresa Colegiului de redacţie al „Tyragetiei”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and journals for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorial board of the „Tyragetia”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

Lucrare apărută în cadrul Programului de Stat (2020-2023), Proiect instituţional „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”, cifru 20.80009.09 07.43, finanţat de Agenţia Naţională de Cercetare şi Dezvoltare (ANCD).

© Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen imponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Mariana Sîrbu
Ceramica complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Tipologie (Pottery of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex. The typology) 7

Tudor Soroceanu
Bronze- und eisenzeitliche Verbindungen in Eurasien. Vorläufige Betrachtungen anhand einer Sondergattung (Interconexiuni în Eurasia epocii bronzului și a fierului. Considerații preliminare pe baza unei categorii aparte) 33

II. Materiale și cercetări (Papers and surveys)

Marian Cosac
Geoarchaeology of two Palaeolithic sites from Întorsura Buzăului (Covasna County, Romania) (Geoarheologia a două situri paleolitice din Întorsura Buzăului (județul Covasna, România) 95

Valery Manko, Guram Chkhatarashvili
Trapezes with dorsal flat invasive retouching: the indicator of Neolithic network formation (Trapeze cu retușare invazivă dorsală plată – indicator al formării unei rețele neolitice) 103

Eugen Mistreanu
Noi date privind comunităţile gumelniţene în microzona râului Ialpug (New data on Gumelnița communities in the Yalpug River microzone) 113

Светлана Иванова
Буджакская культура как археологический феномен (Budzhak culture as an archaeological phenomenon) 123

Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов, Светлана С. Лысенко, Николай П. Тельнов
Погребения позднего бронзового века из курганов в верхнем течении р. Красная на Нижнем Днестре (по результатам исследований 2013-2022 гг.) (Graves of the Late Bronze Age from barrows in the upper course of the Krasnaya River in the Lower Dniester Region (according to the results of research in 2013-2022) 161

Aurel Zanoci, Daniel Scherf, Mihail Băţ
Timpurile se schimbă. Noi date despre situl epocii fierului de la Horodişte din bazinul Nistrului de Mijloc (Times are changed. New data on Iron Age site from Horodişte, Middle Dniester Basin) 195

Natalia Mateevici
Un nou tip de amforă heracleotă: tip *Hlinaia*? (Is the *Hlinaia amphora type* a new type of Heraclean ware?) 229

Александр Варзарь, Александр Постолаки, Ольга Белик
Морфологическое описание костных останков знатного воина из скифского погребения с правобережья Нижнего Днестра (Morphological characterization of the human skeletal remains from a noble Scythian burial on the right bank of the Lower Dniester) 237

Horea Pop, Cătălin Borangic
Posibile interferenţe celto-dacice în depresiunea Şimleului. O buterolă de la teaca unei spade celtice descoperită la Şimleu Silvaniei-*Observator* (Possible interrelations between Celts and Dacians in the Şimleu Depression. A chape of the scabbard of a Celtic sword, found in Şimleu Silvaniei-*Observator*, Sălaj County) 251

Vasile Iarmulschi
Observaţii cu privire la „costumul" comunităţilor din silvostepa est-carpatică în epoca preromană recentă a fierului (în baza studiului necropolei de la Boroseşti) (Bemerkungen zur „Kleidung" Gemeinschaften in der ostkarpatischen Waldsteppe in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit (auf der Grundlage der Untersuchung der Nekropole von Boroseşti) 261

Radu Ota, Cristian Titus Florescu, Gabriel Tiberiu Rustoiu
Stamped Incriptions recently found at Apulum, Roman Dacia (Inscripţii ştampilate descoperite recent la Apulum, Dacia romană)..... 269

Vasile Mărculeţ
Consideraţii privind componentele apărării *limes*-ului Dunării de Jos la sfârşitul secolului al IV-lea şi la începutul secolului al V-lea. Forţele terestre înregistrate de *Notitia Dignitatum* (Considerations regarding the defense components of the lower Danube limes at the end of the 4th century and the beginning of the 5th century. The land forces recorded by *Notitia Dignitatum*)..... 295

Игорь Сапожников, Ольга Айсфельд, Виктор Савченко
Кунсткамера (музей) и другие археологические собрания Николаева, их создатели и передача Одесскому Обществу Истории и Древностей в 1840-х годах (The Kunstkamera (Museum) and other archaeological collections of Nikolaev, their creators and the transfer to the Odessa Society of History and Antiquities in the 1840s)..... 307

Elena Arcuş-Jantovan
Emisiuni monetare ruseşti din patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (prima jumătate a secolului al XIX-lea) (Russian coins from the holdings of the National Museum of History of Moldova (first half of the 19th century)..... 341

Elena Arcuş-Jantovan
Tezaurul monetar „Chişinău-*Poltava*" (Chisinau-*Poltava* Highway coin hoard)..... 357

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

Alexandru Berzovan, At the borders of the Great Steppe: Late Iron Age hillforts between the Eastern Carpathians and Prut (5th-3rd centuries BC). Cluj-Napoca: MEGA, 2022, 310 p. ISBN: 978-606-020-494-7 (*Dumitru Condrea*) 371

IV. Notă informativă (Information note)

Extras din procesul-verbal nr. 3 din 19 septembrie 2023 al şedinţei Comisiei Naţionale Arheologice a Ministerului Culturii al Republicii Moldova (Extract from minutes no. 3 of September 19, 2023 meeting of the National Archaeological Commission of the Ministry of Culture of the Republic of Moldova) 377

V. In memoriam

In memoriam Mircea Babeş (*Daniel Spânu*)..... 381

Lista abrevierilor (List of abbreviation)..... 387

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia" 389

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal..... 390

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 391

CERAMICA COMPLEXULUI CULTURAL NOUA-SABATINOVKA-COSLOGENI. TIPOLOGIE[1]

Mariana Sîrbu

Cuvinte-cheie: perioada târzie a epocii bronzului, complexul cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, ceramică, tipologie.

Fragmentele ceramice reprezintă, de cele mai multe ori, repere cronologice şi de atribuire culturală ale unui sit arheologic. Din cele peste 2700 de aşezări cunoscute pentru complexul Noua-Sabatinovka-Coslogeni[2], marea majoritate au fost determinate cultural în baza „cenuşarelor", dar şi a materialului ceramic descoperit în perimetrul acestora. Modelarea manuală a recipientelor din lut reprezenta o îndeletnicire pe larg practicată de comunităţile complexului cultural N-S-C. Convenţional, inventarul ceramic poate fi divizat în două categorii de bază: *ceramica fină* şi ceramica *grosieră*, deşi se cunoaşte un lot numeros de fragmente, ce poate constitui o categorie intermediară – *semifină*[3]. Caracterul acestei ocupaţii, cel mai probabil, avea două laturi – ca îndeletnicire casnică (în mare parte, pentru vasele din categoria ceramicii grosiere) şi ca ocupaţie meşteşugărească, în cazul ceramicii fine şi a vaselor de provizii.

Ceramica fină se caracterizează prin pereţi relativ subţiri, în unele cazuri acoperiţi cu angobă, şi suprafaţa exterioară lustruită. Este lucrată din pastă consistentă, în amestec cu ceramică pisată, sau, mai rar, microprundişuri. Culoarea poate varia de la galben-roşiatic la cenuşiu şi negru, fiind de nuanţă cenuşie sau neagră în secţiune. Cele mai răspândite forme din această categorie le constituie recipientele cu o toartă (ceştile) şi cele cu două toarte (kantharosurile). Toartele, la rândul lor, se împart în câteva tipuri de bază: fără proeminenţă; cu proeminenţă în formă de buton; cu proeminenţă în formă de creastă; cu proeminenţă de formă cilindrică. În secţiune, de regulă, acestea au formă elipsoidală, fiind prevăzute, în unele cazuri, cu o şănţuire longitudinală (Sava 2014, 429). Pentru această categorie sunt cunoscute şi alte forme de recipiente, precum vasele-cupe cu corp sferic; vasele cu profil în formă de S şi corp aplatizat; vase cu profil bitronconic şi buza evazată; văscioare şi străchini, ultimele descoperite sporadic. Ceramica fină constituie în jur de 15% în aşezările de tip N-S-C cercetate (Sava 2014, 429, 432). De regulă, ceramica fină este descoperită prioritar în complexele funerare atribuite acestor culturi.

Ceramica grosieră se diferenţiază de cea fină prin pasta neomogenă, în amestec cu nisip, cioburi pisate şi, mai rar, calcar, scoică şi silex mărunţit. De regulă, vasele din această categorie sunt arse neuniform şi incomplet, culoarea acestora variind de la galbenă-deschisă şi galbenă-cărămizie, cu pete negre, la brună, brună-roşcată şi cenuşie-neagră. În secţiune, de cele mai multe ori, sunt de culoare neagră, mai rar – galbenă sau portocalie. Destul de frecvent sunt descoperite fragmente bicrome şi policrome în secţiune. Suprafaţa exterioară a vaselor variază de la zgrunţuroasă la netedă sau chiar uşor lustruită. Forma predominantă aparţine vasului-borcan, fragmente de astfel de vase fiind descoperite destul de frecvent în aşezările cercetate (Sava 2014, 428). Oalele reprezintă categoria secundă în ceea ce priveşte frecvenţa în aşezările de tip N-S-C. Alte două forme specifice acestei categorii sunt castroanele şi străchinile, acestea fiind descoperite mai rar. Tot aici merită a fi menţionate tigăile, capacele şi aşa-numitele strecurători. O formă aparte de vas o constituie vasele de provizii, tipice culturilor Sabatinovka (Тощев, Черняков 1986, 130, рис. 7/37; Прибалова, Прибалов 1987, 100, рис. 2/2; Gerškovič 1993, 76, Abb. 13/1-2)

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[2] Mai departe în text N-S-C.

[3] Fragmentele ceramice din categoria grosieră care au suprafaţa bine netezită şi chiar lustruită ar putea fi incluse într-o categorie aparte, intermediară, care ar încadra ceramica semifină, adică ceramica modelată din pastă grosolană neomogenă, dar cu suprafaţa exterioară bine finisată prin şlefuire sau lustruire.

şi Coslogeni (Morintz 1978, fig. 63, 69/1-2, 75/7, 10; Florescu 1991, fig. 84). Majoritatea ceramicii grosiere este ornamentată cu brâu aplicat: continuu, alveolat, crestat sau incizat, amplasat sub buză sau pe umărul vasului. În unele cazuri, brâul este însoţit de împunsături sau perforaţii succesive, amplasate sub buză, şi doar în cazuri rare ornamentul se rezumă la un rând de împunsături sau orificii. În aşezările de tip N-S-C, ceramica grosieră reprezintă în jur de 85% din fragmentele ceramice descoperite.

Analiza tipologică a ceramicii descoperite în cadrul aşezărilor de tip N-S-C este foarte dificilă, având în vedere varietatea mare de forme, starea fragmentară a ceramicii, la care se adaugă numărul redus al publicaţiilor în care sunt prezentate tipologic formele ceramice identificate. O altă problemă ce vine în defavoarea unei analize detaliate a materialului ceramic o reprezintă accesul limitat la colecţiile păstrate în instituţii de profil din afara ţării.

În literatura de specialitate, tipologii ceramice au fost elaborate pentru fiecare cultură în parte din cele trei, lipsind o tipologie generală pe complex cultural. În cele ce urmează, va fi prezentată o primă tipologie generală pentru complexul cultural N-S-C. Aceasta are la bază tipologii elaborate pentru culturile Noua (Sava 1998, 279-292; Sava 2002, 25-42; Sava 2014, 22-404, 427-433; Diaconu 2014, 116-136), Sabatinovka (Gerškovič 1997, 125-144) şi Coslogeni (Bolohan 2016, 124-131).

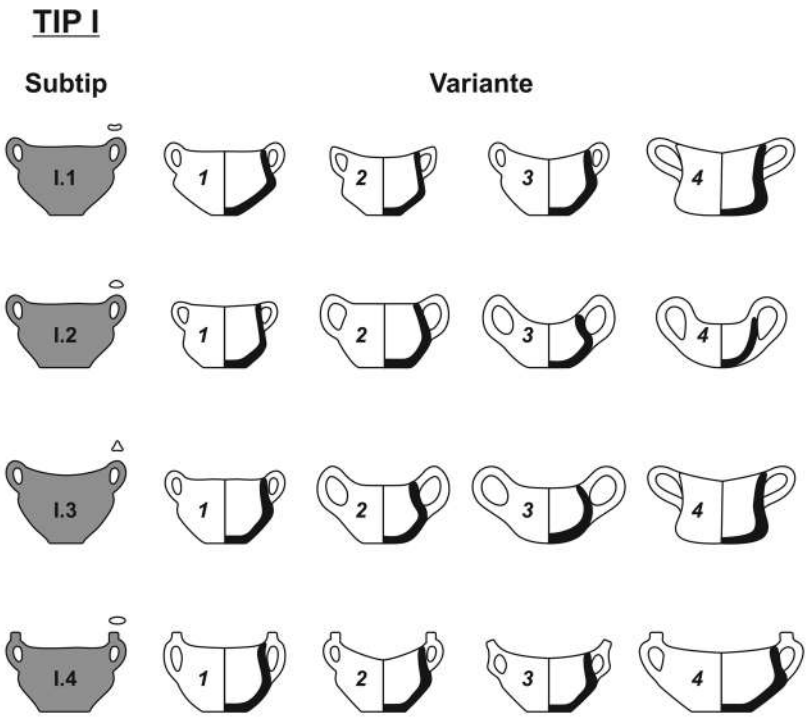
Astfel, ca urmare a coroborării datelor existente, au fost identificate 12 tipuri de forme ceramice:

Tipul I. Vase cu două toarte (Kantharos)
Vase de dimensiuni mici şi medii, cu corpul bitronconic sau rotunjit, lucrate îngrijit, cu suprafaţa exterioară lustruită în multe din cazuri. Sunt prevăzute cu două toarte supraînălţate, ce pot avea secţiune ovală, plată, lenticulară sau în formă de şa, fiind trase din buză şi aplicate, de cele mai multe ori, pe umărul vasului. Deseori, umărul este bine accentuat printr-un prag. Este o formă întâlnită des în mediul culturilor Noua (Балагурі 1968, рис. 5/8, 11; Смирнова 1972, рис. 2/1-2; Черняков 1985, рис. 30/6-7; Dumitroaia 1986, 18, fig. 7/4; Florescu, Florescu 1990, 65, fig. 19-20; Florescu 1991, fig. 30/13, 49/3, 54/24, 60/5; Smirnova 1993, Abb. 10/22; 11/2, 12, 15, 18, 20, 22; Cavruc 2003, foto 252; Dascălu 2007, pl. 8/15; Sava 2014, fig. 10/5, 7-8; 13/13; 14/1; 33/8; 28/3; 40/1-2; 74/1-7; 130/23-26, 28-29; 133/5 ş.a) şi Coslogeni (Стефанов 1974, обр. 16а; Morintz 1978, fig. 64/1-2,4, 71/5-6; Todorova 1982, Abb. 11; Alexandrov et al. 1998, pl. 7/2; Bolohan 2016, 129, pl. 17, 18) şi doar sporadic în cel al culturii Sabatinovka (Шарафутдинова 1964, рис. 4/7; Черняков 1985, рис. 30/7-8; Березанская и др. 1986, рис. 27/1, 2, 4, 9; Клюшенцев 1995, рис. 12; Gerškovič 1999, Taf. 31/12; Sava 2014, fig. 168/2; 171/1; 187/11; 201/1-3). Deşi este descoperit frecvent în mediul culturii Noua, acest tip de vas reprezintă o preluare din culturile bronzului mijlociu, în special, Monteoru (Florescu, Buzdugan 1962, 304-305, fig. 2; Zaharia 1991, fig. 10; 13/5; Sava 1998, 283), respectiva formă de vas fiind atestată şi în mediul culturilor Komarow (Крушельницька 1976, рис. 1/6; 3/2-4), Wietenberg (Sava 1998, 283) şi Tei (Leahu 2003, pl. LII/1, 2, 4). Forme asemănătoare sunt cunoscute în mediul culturii Tšineck (Молодцов 1994, рис. 1/11). De cele mai multe ori, acestea nu prezintă decor, însă sunt destule exemplare cu ornament incizat şi canelat. Prezenţa preponderentă a acestor vase în complexe funerare poate atribui un caracter ritualic, ceremonial acestui tip de vas (Dietrich 2011, 115-119). Însă, cu aceeaşi probabilitate, acestea puteau fi utilizate în diferite activităţi casnice sau pentru păstrarea lichidelor. În baza caracteristicilor morfologice, vasele cu două toarte pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul I.1. Vase cu două toarte supraînălţate în formă de bandă şi secţiunea în formă de şa. Aici pot fi diferenţiate patru variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corpul bitronconic şi buza uşor evazată, prevăzute cu două toarte supraînălţate în formă de bandă şi secţiunea în formă de şa;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul sferic, buza uşor evazată şi două toarte supraînălţate în formă de bandă, secţiunea în formă de şa;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul rotunjit, buza uşor evazată şi două toarte supraînălţate în formă de bandă şi secţiunea în formă de şa;
– *Varianta 4*. Vase cu pereţii aproape drepţi, buza uşor evazată şi două toarte supraînălţate în formă de bandă şi secţiunea în formă de şa.

Subtipul I.2 reprezintă vase cu două toarte supraînălţate transversale şi cu secţiunea ovală sau plan-convexă. Aici pot fi diferenţiate cinci variante:



– *Varianta 1*. Vase cu corpul bitronconic şi buza uşor evazată, prevăzute cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul rotunjit şi buza trasă în interior, dotate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul rotunjit şi buza evazată, înzestrate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 4*. Vase cu corpul rotunjit, buza dreaptă şi baza convexă, având două toarte supraînălţate;

Subtipul I.3. Vase cu două toarte transversale în secţiune, prevăzute în punctul de înălţime maximă cu toarte triunghiulare. Aici pot fi diferenţiate patru variante:

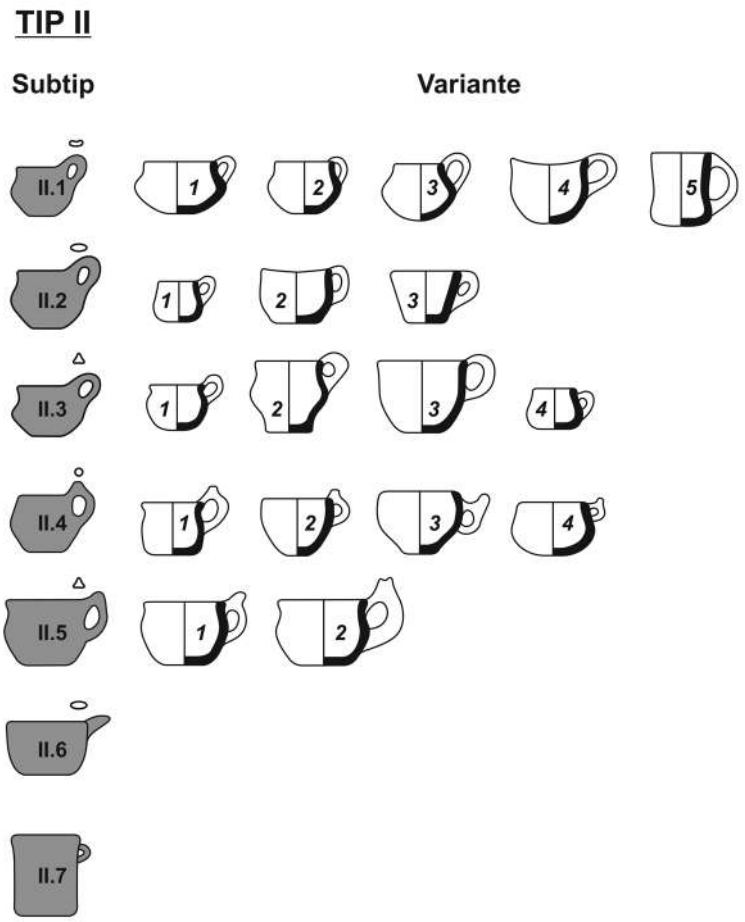
– *Varianta 1*. Vase cu corpul bitronconic şi buza evazată, având două toarte supraînălţate;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul rotunjit şi buza evazată, dotate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul rotunjit şi buza trasă în interior, înzestrate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 4*. Vase cu pereţii aproape drepţi şi buza uşor evazată, prevăzute cu două toarte supraînălţate.

Subtipul I.4 îl constituie vase cu două toarte supraînălţate, finisate cu buton oval sau circular în secţiune. Aici se cunosc, cel puţin, patru variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corpul tronconic şi buza evazată, dotate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul bitronconic şi buza evazată, având două toarte supraînălţate;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul rotunjit şi buza evazată, înzestrate cu două toarte supraînălţate;
– *Varianta 4*.Vase cu corpul rotunjit şi buza trasă în interior, prevăzute cu două toarte supraînălţate.

Tipul II. Vase cu o toartă (cești)

Vase de dimensiuni mici sau medii, cu corp puternic profilat sau tronconic şi buza dreaptă. Baza acestui tip de vas este dreaptă, dar se cunosc şi exemplare cu baza rotunjită sau convexă. Sunt lucrate îngrijit, de multe ori, suprafaţa exterioară a acestora fiind lustruită. Reprezintă o formă destul de frecventă în mediul culturilor Noua (Смирнова 1957, рис. 39/1; 40/1-6; Балагурі 1968, рис. 5/12; Florescu, Florescu 1990, fig. 17/6; 19/4, 6; Florescu 1991, fig. 41/2; 67/35,



40; Dumitroaia 1992, fig. 21/3; 26/4; Smirnova 1993, Abb. 10/3, 14, 16; 11/9, 11; Ursachi 2007, pl. 10/4; Diaconu 2012, fig. 62/1; Sava 2014, fig. 5/1; 33/6; 133/2-3; 154/7 ș.a.) și Coslogeni (Стефанов 1974, обр. 16 б, в; Morintz 1978, fig. 81/3-4; 83/1-3, 7, 11; Bolohan 2016, pl. 19/1-5), mai rar fiind descoperite în mediul culturii Sabatinovka (Лесков 1970, рис. 16/3; 17/1-4; Березанская и др. 1986, рис. 26/14; Sava 1994, 147, fig. 6/1-7; Gerškovič 1999, Taf. 30/16). Ca și în cazul vaselor de tip kantharos (tipul I), originea recipientelor cu o toartă se află în mediile culturale ale bronzului mijlociu din spațiul balcano-carpatic (Sava 2002, 155-157), având o pondere însemnată în fazele finale ale culturii Monteoru (Oancea 1976, 203, fig. 8/4, 12, 13; 13/1, 2; Morintz 1978, fig. 55/5), dar fiind cunoscute și în mediul culturilor Komarow (Swiesnikow 1967, pl. II/2, 10; III/8; V/12, 13; VI/8; IX/8, 11, 15, 16; Крушельницька 1976, рис. 1/7; 3/3; Sava 1994, fig. 3/29) și Costișa (Cavruc 2003, foto 323, 325; Munteanu 2010, 135, fig. 49/4a, 4b). În cele mai multe cazuri, ceștile nu prezintă decor. Pentru zonele de sud ale Moldovei de peste Prut, cele decorate reprezintă motive apropiate de elementele tipice culturii Monteoru, efectuate prin caneluri și, mai rar, impresiuni, iar în zona nordică – mai apropiate de elementele ornamentale tipice Komarow – cu registre de linii verticale (Diaconu 2014, 144). În baza caracteristicilor morfologice, vasele cu o toartă pot fi divizate în mai multe subtipuri și variante.

Subtipul II.1. Vase cu corp profilat sau rotunjit, prevăzute cu o toartă supraînălțată în formă de bandă și cu secțiunea în formă de șa. Se cunosc în cinci variante:

– *Varianta 1.* Vase cu pereții puternic profilați și buza ușor evazată, înzestrate cu o toartă supraînălțată, cu secțiunea în formă de șa și baza dreaptă;
– *Varianta 2.* Vase cu pereții profilați și buza ușor evazată, având o toartă supraînălțată, cu secțiunea în formă de șa și baza dreaptă;

– *Varianta 3*. Vase cu pereţii profilaţi şi buza trasă în interior, prevăzute cu o toartă supraînălţată, cu secţiunea în formă de şa şi baza rotunjită;
– *Varianta 4*. Vase cu corp rotunjit şi buza uşor dreaptă, dotate cu o toartă supraînălţată, cu secţiunea în formă de şa şi baza convexă;
– *Varianta 5*. Vase cu corp uşor profilat şi buza dreaptă, având o toartă cu secţiunea în formă de şa, care uneşte buza cu baza convexă.

Subtipul II.2. Vase cu corp uşor profilat sau tronconic, prevăzute cu o toartă supraînălţată sau uşor supraînălţată, ovală în secţiune. Se cunosc în trei variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corp uşor profilat, buza dreaptă şi baza dreaptă, dotate cu o toartă supraînălţată, ovală în secţiune;
– *Varianta 2*. Vase cu corp tronconic, buza şi baza evazată, înzestrate cu o toartă supraînălţată, ovală în secţiune;
– *Varianta 3*. Vase cu corp tronconic, buza şi baza dreaptă, având o toartă ovală în secţiune, ce nu depăşeşte înălţimea vasului.

Subtipul II.3. Vase cu corp tronconic sau arcuit, prevăzute cu o toartă supraînălţată, ovală în secţiune transversală. Se cunosc în patru variante:

– *Varianta 1*. Vase cu pereţii profilaţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, având o toartă triunghiulară în secţiune, trasă din marginea buzei;
– *Varianta 2*. Vase cu pereţii profilaţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, cu o toartă triunghiulară în secţiune, trasă din marginea buzei;
– *Varianta 3*. Vase cu corp tronconic, buza uşor evazată şi baza dreaptă, dotate cu o toartă triunghiulară în secţiune, trasă din marginea buzei;
– *Varianta 4*. Vase cu corpul arcuit, buza uşor evazată şi baza dreaptă, înzestrate cu o toartă triunghiulară în secţiune, plasată în zona mediană a vasului.

Subtipul II.4. Vase cu corp tronconic sau rotunjit, prevăzute cu o toartă supraînălţată, finisată cu buton. Se cunosc în patru variante:

– *Varianta 1*. Vase cu pereţii arcuiţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, dotate cu o toartă trasă din marginea buzei şi finisată cu buton;
– *Varianta 2*. Vase cu corp tronconic, buza şi baza dreaptă, având o toartă trasă din marginea buzei şi finisată cu buton;
– *Varianta 3*. Vase cu corp tronconic, buza şi baza dreaptă, înzestrate cu o toartă trasă de sub buză şi finisată cu buton;
– *Varianta 4*. Vase cu corp rotunjit, buza şi baza dreaptă, cu o toartă trasă de sub buză şi finisată cu buton.

Subtipul II.5. Vase cu corp tronconic sau rotunjit, buza evazată şi bază dreaptă, prevăzute cu o toartă supraînălţată, finisată în formă de unghi ascuţit. Se cunosc în două variante:

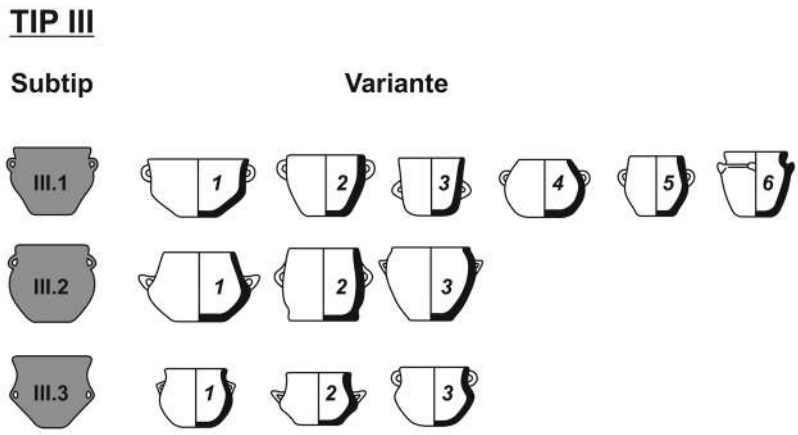
– *Varianta 1*. Vase cu pereţii arcuiţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, dotate cu o toartă supraînălţată, finisată în unghi ascuţit;
– *Varianta 2*. Vase cu pereţii arcuiţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, având o toartă supraînălţată, finisată în două unghiuri ascuţite, luând formă de creastă.

Subtipul II.6. Vas cu corp tronconic, buza uşor evazată şi baza dreaptă, prevăzut cu o toartă-apucătoare, triunghiulară în plan şi ovală-alungită în secţiune. A fost descoperit în aşezarea culturii Sabatinovka de la Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 29/3).

Subtipul II.7. Vas cu pereţii aproape drepţi, buza uşor evazată, dotat cu tortiţă ovală în secţiune, amplasată în partea superioară a vasului, mai jos de buză. Vasul provine din aşezarea culturii Noua de la Costeşti (Sava 2014, fig. 33/6).

Tipul III. Vase mici cu toarte

Vase de dimensiuni mici, cu corp arcuit sau tronconic, baza dreaptă, prevăzute cu tortiţe perforate vertical sau transversal. Sunt cunoscute şi exemplare cu simple apucători, aplicate sub buza vasului. Decorul nu este unul variat şi reprezintă, de regulă, caneluri largi, dispuse vertical, sau registre orizontale de caneluri scurte, plasate vertical (Diaconu 2014, 145). Vasele de acest tip sunt descoperite, de cele mai multe ori, în complexe funerare de tip Noua din nordul României, al Republicii Moldova, din zona sudică a Ucrainei (Sava 2002, harta 22) şi, mai rar, în aşezările de tip Noua (Смирнова 1972, рис. 2/4; Черняков 1985, рис. 36/1-2; Smirnova 1993, Abb. 10/15; Florescu 1991, fig. 26/4; 67/36), Sabatinovka (Gershkovich 1993, 17, fig. 2; Gerškovič 1999, Taf. 15/16; 27/11; Sava 2014, fig. 192/7) şi Coslogeni (Alexandrov et al. 1998, pl. 7/5; Bolohan 2016, pl. 22/B1-2). Această formă de vase este întâlnită şi în mediile culturale din perioada bronzului mij-



lociu, mai ales în faza finală a culturii Monteoru (Oancea 1981, 140-143, fig. 7/5-6; 9/18), în culturile Komarow (Swieznikow 1967, pl. XII/10) şi Mnogovalikovaja (Дергачев 1986, рис. 35/7). Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturii Belozerka (Ванчугов 1981, рис. 2/5). În baza caracteristicilor morfologice, vasele cu două toarte pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul III.1. Vase de înălţime mică, cu corp tronconic sau rotunjit, prevăzute cu tortiţe perforate transversal. Se cunosc în şase variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corp tronconic şi buza uşor evazată, dotate cu două tortiţe, plasate sub marginea buzei;
– *Varianta 2*. Vase cu corp uşor tronconic şi buza uşor evazată, având două tortiţe, dispuse sub marginea buzei;
– *Varianta 3*. Vase cu corp tronconic şi buza uşor evazată, înzestrate cu două tortiţe în zona mediană a vasului;
– *Varianta 4*. Vase cu corp sferic, cu buza trasă uşor în interior, prevăzute cu două tortiţe, plasate sub marginea buzei;
– *Varianta 5*. Vase cu corp rotunjit, cu buza trasă uşor în interior, având două tortiţe, dispuse sub marginea buzei;
– *Varianta 6*. Vase cu corp tronconic profilat în partea superioară, buza uşor trasă în interior, prevăzute cu două tortiţe mai jos de marginea buzei.

Subtipul III.2. Vase de înălţime mică, cu corp bitronconic sau uşor profilat, dotate cu una sau două tortiţe perforate vertical. Se cunosc în trei variante:

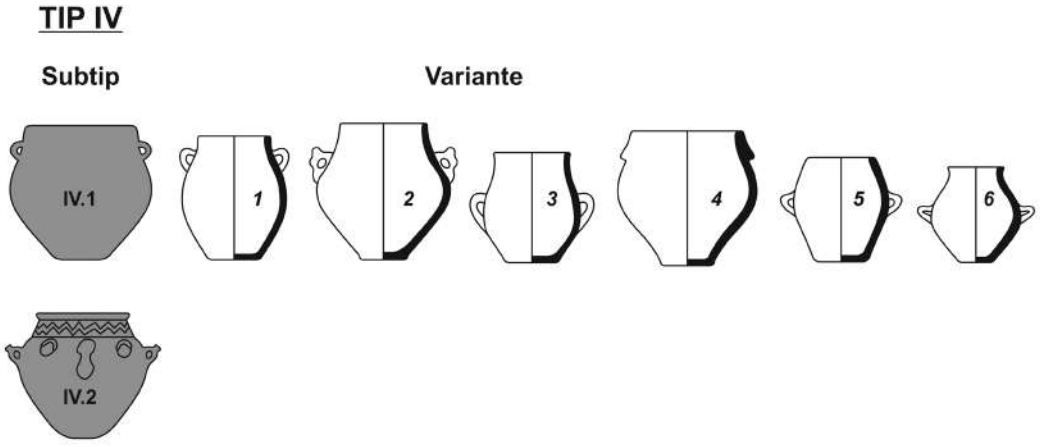
– *Varianta 1*. Vase cu corp bitronconic şi buza uşor evazată, înzestrate cu o tortiţă plasată sub marginea buzei;
– *Varianta 2*. Vase cu corp uşor profilat şi buza trasă în interior, având două tortiţe dispuse sub marginea buzei;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul uşor bitronconic, buza slab evazată şi baza dreaptă, prevăzute cu două tortiţe-suporturi sub marginea buzei.

Subtipul III.3. Vase de înălţime mică, corp profilat şi buză evazată, dotate cu proeminenţe neperforate. Se cunosc în trei variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corp profilat şi buza evazată, înzestrate cu proeminenţe aflate sub marginea buzei;
– *Varianta 2*. Vase cu corp profilat şi buza evazată, prevăzute cu proeminenţe plasate în zona mediană a vasului;
– *Varianta 3*. Vase cu corp bitronconic, buza uşor evazată şi baza dreaptă, având două tortiţe ovale în secţiune, amplasate sub marginea buzei.

Tipul IV. Vase mari, cu corp profilat şi toarte

Vase de dimensiuni mari, cu corp bitronconic sau rotunjit, prevăzute cu toarte de diferite tipuri (finisate cu buton, tubulare, simple proeminenţe perforate), aplicate sub buză sau în zona mediană a vasului. Acest tip de vas este cunoscut în tot arealul culturii Noua (Florescu 1991, fig. 50/2, 4; 52/14; 53/23; 55/4; 57/24 ş.a; Smirnova 1993, Abb. 10/27; Sava 2014, fig. 130/15-16), dar şi în mediul culturilor Sabatinovka (Черняков 1985, рис. 33/23; Дергачев 1986, рис. 50/17; Gerškovič 1999, Taf.



15/21) şi Coslogeni (Morintz, Anghelescu 1970, fig. 8/1-3, 9, 10; Bolohan 2016, pl. 15/1, 2, 7, 10). Decorul prezent pe acest tip de vas, în unele cazuri, reprezintă caneluri simple sau caneluri asociate cu linii incizate (Florescu 1991, fig. 50/4). Această formă de recipient este cunoscută şi în mediul culturilor Costişa (Dumitroaia 2001, pl. 33/2; 35/2; 36/10; Munteanu 2010, fig. 49/8a, 9a; 65/4), Monteoru (Zaharia 1991, fig. 14/4; 23/15) şi Tei (Leahu 1966, fig. 32/2, 7). În baza caracteristicilor morfologice, ele pot fi divizate în:

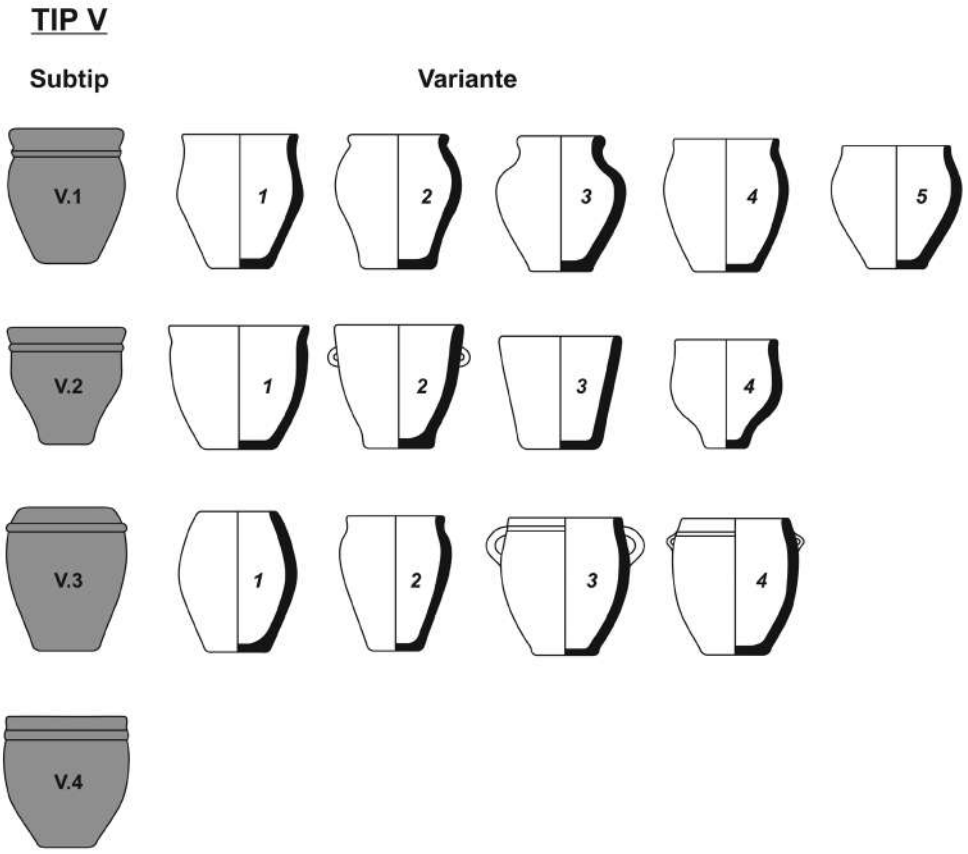
Subtipul IV.1. Vase cu corpul puternic profilat sau bitronconic, buza evazată sau trasă în interior şi baza dreaptă, prevăzute cu toarte. Aici pot fi diferenţiate şase variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corp puternic profilat şi buza evazată, dotate cu două tortiţe, plasate sub marginea buzei;
– *Varianta 2*. Vase cu corp bitronconic şi buza evazată, înzestrate cu două tortiţe finisate cu buton, amplasate pe umărul vasului;
– *Varianta 3*. Vase cu corp profilat şi buza evazată, având două tortiţe, dispuse în zona mediană a vasului;
– *Varianta 4*. Vase cu corp puternic profilat în partea mediană şi buza uşor evazată, prevăzute cu două sau mai multe tortiţe-suport, aflate sub marginea buzei;
– *Varianta 5*. Vase cu corp profilat şi buza trasă în interior, dotate cu două tortiţe, plasate în zona mediană a vasului;
– *Varianta 6*. Vase cu corp bitronconic şi buza uşor evazată, înzestrate cu două toarte, aplicate în zona mediană a vasului.

Subtipul IV.2. Vas cu corpul uşor bitronconic, buza evazată şi baza convexă. Este prevăzut cu două tortiţe laterale finisate cu buton. Gâtul şi umerii vasului sunt ornamentaţi prin incizii şi aplicaţii. A fost descoperit în aşezarea Călăraşi-Măgureni (cultura Coslogeni) (Bolohan 2016, pl. 9/B1).

Tipul V. Vase mari, cu corp profilat (aşa-numitele „vase-sac" sau „vase-borcan")

Vase de dimensiuni mari, cu corp tronconic, bitronconic sau uşor profilat, buza dreaptă, evazată sau uşor trasă în interior, baza dreaptă. Elementele decorative reprezintă, în mare parte, aplicaţii: brâuri simple, alveolate sau crestate, dispuse sub marginea buzei. Uneori, sunt întâlnite combinaţii de tipuri diferite (Florescu 1991, fig. 71/72) sau asocieri cu şiruri de perforaţii totale sau parţiale în peretele vasului (Sava 2014, fig. 4/1, 5-9; 9/1-10, 12; 13/6-9, 11, 12; 25/1-6; 117/1-11). Mai rar, este atestat decorul format din brâuri duble, uneori unite între ele cu segmente dispuse oblic (Florescu, Florescu 1990, fig. 21/7; Florescu 1991, fig. 72/78, 79, 82; Шарафутдинова 1964, рис. 5/17; Шарафутдинова 1968, рис. 2/26; Morintz 1978, fig. 11/5; 61/14; Gerškovič 1999, Taf. 9/23; Sava 2014, fig. 122/10), şi brâie întrerupte, cu capete răsfrânte sau suprapuse (Кривцова-Гракова 1955, рис. 27/4, 5, 9; Романовская 1964, рис. 2/3; Черняков 1985, рис. 34/4, 10, 14; Березанская и др. 1986, рис. 26/3, 7, 21; Sava 1994, fig. 6/11; Morintz 1978, fig. 69/2; Florescu 1991, fig. 82/16; 84/32; Sava 2014, fig. 119/6, 8; 134/7; 168/7 ş.a). Această formă de vas prezintă frecvenţa cea mai ridicată în aşezările N-S-C (Кривцова-Гракова 1955, рис. 27/8-15; 28/15-



29; 29/1; Смирнова 1969, рис. 4/1-4, 16, 17; Morintz, Anghelescu 1970, fig. 6/3, 20; Morintz 1978, fig. 61/2, 14-17; 75/1-12; Черняков 1985, рис. 30/4, 39; Irimia, Bardac 1996, 13-15, fig. 1-3; Gerškovič 1999, Taf. 24/10; Cavruc 2003, foto 248-249; Крушельницька 2006, рис. 10/1; Sava 2014, fig. 125/7; 131/1-19; 134/5, 7, 8; 144/1-6; 168/7-9, 11; 178/1, 8, 9, 12; 184/1-5 ș.a), și totuși nefiind un element caracteristic acestora. Astfel de vase sunt documentate şi în mediul mai multor culturi din perioada bronzului mijlociu – Costişa (Florescu 1970, fig. 1/1-9; Dumitroaia 2001, pl. 36/9; Munteanu 2010, 137, fig. 49/10a, 10b), Monteoru (Oancea 1981, 179, fig. 23/8; Zaharia 1991, fig. 23/2), Mnogovalikovaja (Березанская и др. 1986, рис. 5/3; 6/13; Sava 1994, fig. 2/1, 5, 6, 11), Srubnaja (Березанская и др. 1986, рис. 19/1, 5, 8, 9; 22/1-4; Березанская 1990, рис. 19-20), Komarow (Swieznikow 1967, pl. II/1, 3; III/7; VI/5, 6; VII/9; Крушельницька 1976, рис. 1/1-3). În baza caracteristicilor morfologice, vasele mari cu corp profilat pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul V.1. Vase înalte, cu corp rotunjit spre partea superioară, buza evazată şi baza dreaptă. După gradul de arcuire al pereţilor, se deosebesc cinci variante, unele din ele având ornamente din brâie de diferite tipuri sau perforaţii:

– *Varianta 1*. Vase înalte, cu corp uşor bitronconic, buza evazată şi bază dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase înalte, cu corp rotunjit în partea superioară, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 3*. Vase înalte, cu corp bitronconic, buză evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 4*. Vase înalte, cu corp uşor arcuit, buză evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 5*. Vase arcuite în partea superioară, buză uşor evazată şi baza dreaptă.

Subtipul V.2. Vase înalte, cu corp tronconic şi pereți arcuiți, buză uşor evazată şi baza dreaptă. Majoritatea sunt decorate cu brâuri simple, alveolate sau crestate. Unele din ele sunt prevăzute cu toarte tubulare, amplasate simetric. În baza caracteristicilor morfologice, se divizează în patru variante.

– *Varianta 1*. Vase înalte, cu corp uşor tronconic, uşor arcuit în zona mediană, buza uşor evazată şi bază dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase înalte, cu corp tronconic, uşor arcuit în partea superioară, buza puţin evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 3*. Vase înalte, cu corp tronconic, cu pereţii drepţi, buză evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 4*. Vase înalte, cu corp tronconic, cu buză uşor evazată şi pereţii arcuiţi, îngustaţi progresiv spre baza dreaptă.

Subtipul V.3. Vase înalte, cu corp uşor arcuit, cu buza trasă în interior şi baza dreaptă. Se cunosc în patru variante:

– *Varianta 1*. Vase înalte, cu corp arcuit, buza trasă în interior şi bază dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase înalte, cu corp tronconic, uşor arcuit în partea superioară, buza trasă în interior şi baza dreaptă;
– *Varianta 3*. Vase înalte, cu corp arcuit, buza uşor trasă în interior şi baza dreaptă, prevăzute cu două toarte ovale în secţiune, amplasate sub marginea buzei;
– *Varianta 4*. Vase cu corp uşor profilat şi buza trasă uşor în interior, înzestrate cu două tortiţe dispuse sub marginea buzei.

Subtipul V.4. Vas înalt, cu corp profilat, buza dreaptă, dotat sub aceasta cu brâu continuu sau perforaţii.

Tipul VI. Vase adânci, cu deschidere mare (străchini, castroane)

Au înălţimea mică sau medie, corp tronconic sau uşor profilat, buza puternic evazată, dreaptă sau trasă în interior. Baza este dreaptă. Ornamentul reprezintă, de regulă, un brâu continuu sub buza vasului. Diametrul maxim coincide, de cele mai multe ori, cu deschiderea vasului. Acest tip de recipient prezintă o frecvenţă crescută în aşezările de tip N-S-C (Балагурі 1968, рис. 5/13, 15; Черняков 1985, рис. 27/18; Florescu 1991, fig. 4/5; 24/13; 25/18; 32/39; 55/1; 57/22; Smirnova 1993, Abb. 10/4; Alexandrov et al. 1998, pl. 7/3; Gerškovič 1999, Taf. 23/5; Cavruc 2003, foto 250-251; Sava 2014, fig. 33/10; 39/7; 40/12, 15; 154/2 ş.a.), dat fiind faptul că erau utilizate la prepararea şi servirea alimentelor. Tot aici menţionăm că acestea, contextual, puteau servi şi în calitate de capace pentru vasele de dimensiuni mari. Vase de acest tip sunt cunoscute şi în mediile culturilor din perioada mijlocie a epoci bronzului, precum Monteoru, Costişa (Munteanu 2010, fig. 32/5b; 49/11), Komarow (Swieznikow 1967, pl. II/4; VIII/8, 9; IX/2; Крушельницька 1976, рис. 1/16, 17; 2/7, 15; Дергачев 1986, рис. 39/7-9). În baza caracteristicilor morfologice, vasele cu deschidere mare pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul VI.1. Vase adânci, cu înălţime mică sau medie, corp tronconic şi pereţi uşor profilaţi, buza evazată, prezentând diametrul maxim. Unele din ele sunt ornamentate cu brâu în relief. Se cunosc în trei variante:

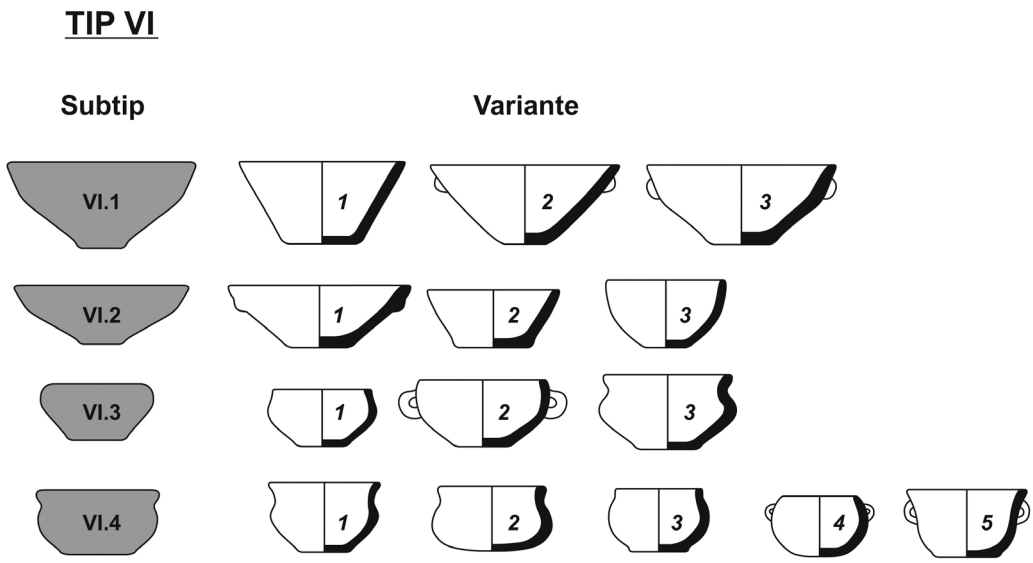
– *Varianta 1*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi uşor arcuiţi, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi uşor arcuiţi, buza evazată şi baza dreaptă. Pe marginea buzei sunt prevăzute cu apucători;
– *Varianta 3*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi uşor arcuiţi, buza evazată şi baza dreaptă. Pe marginea buzei sunt dotate cu tortiţe tubulare.

Subtipul VI.2. Vase adânci, cu înălţime mică sau medie, corp tronconic, deschidere mare şi buza evazată sau uşor trasă în interior. Se cunosc exemplare prevăzute, sub marginea buzei, cu brâu în relief. Se deosebesc trei variante:

– *Varianta 1*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi drepţi, buza evazată sau uşor trasă în interor şi baza dreaptă. Sunt dotate cu apucători, plasate simetric pe corpul vasului;
– *Varianta 2*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi drepţi, buza evazată sau uşor trasă în interior şi baza dreaptă.
– *Varianta 3*. Vase adânci, cu corp tronconic şi pereţi rotunjiţi, buza uşor trasă în interior şi baza dreaptă.

Subtipul VI.3. Vase cu înălţimea medie, corp tronconic în partea inferioară şi profilat în cea superioară, buză dreaptă sau trasă în interior, baza dreaptă. Se deosebesc trei variante:

– *Varianta 1*. Vase cu înălţimea medie, corp tronconic în partea inferioară şi profilat în cea superioară, buză dreaptă sau trasă în interior, baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase cu înălţimea medie, corp tronconic în partea inferioară şi profilat în cea



superioară, buză dreaptă sau trasă în interior, baza dreaptă. Sunt prevăzute cu toarte, plasate în zona diametrului maxim;
– *Varianta 3*. Vase cu înălţimea medie, corp tronconic, profilat în partea superioară, buză evazată şi baza dreaptă.

Subtipul VI.4. Vase adânci, cu corp profilat, deschidere mare, buza evazată sau trasă în interior. Baza dreaptă sau uşor convexă. În funcţie de profilul pereţilor, se împart în cinci variante:

– *Varianta 1*. Vas adânc, cu corp uşor bitronconic, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vas adânc, cu corp profilat în partea inferioară, buza evazată şi baza convexă;
– *Varianta 3*. Vas adânc, cu corp profilat în zona mediană, buza trasă în interior şi baza dreaptă;
– *Varianta 4*. Vas cu corp puternic profilat, buza trasă în interior şi baza dreaptă. Este prevăzut sub marginea buzei cu tortiţe;
– *Varianta 5*. Vas cu corp tronconic uşor profilat în partea inferioară, buza evazată şi baza dreaptă. Este dotat sub marginea buzei cu tortiţe perforate orizontal.

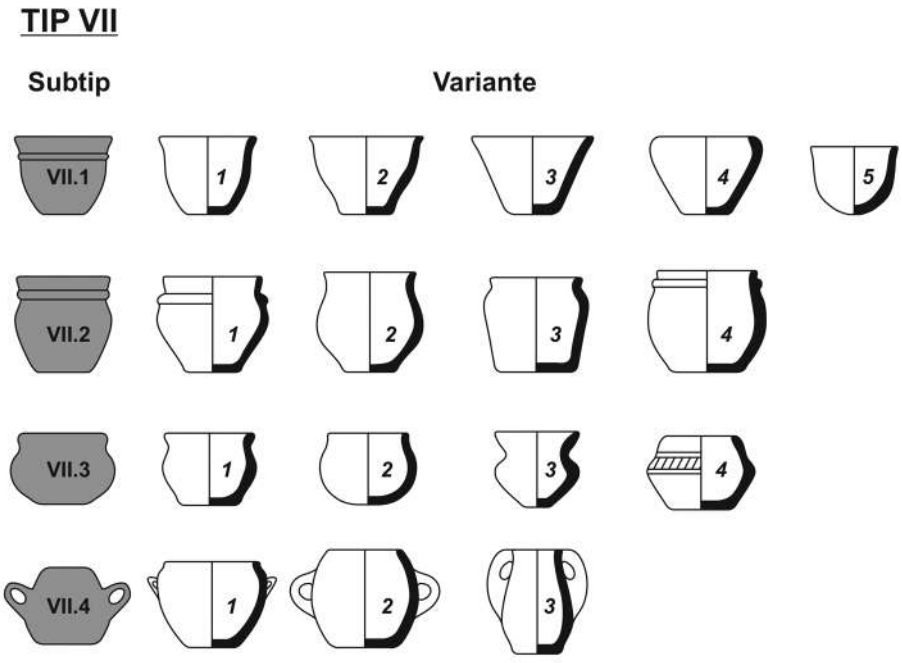
Tipul VII. Vase medii, cu corp uşor profilat (oale)

Au corp tronconic sau uşor profilat, de înălţime medie, buza dreaptă, evazată sau trasă în interior. Baza poate fi dreaptă sau convexă. Această formă de ceramică se întâlneşte destul de frecvent în aşezările culturilor N-S-C (Шарафутдинова 1964, рис. 5/12, 13, 16; Черняков 1966, рис. 43/1, 2; Балагурі 1968, рис. 5/18; Шарафутдинова 1968, рис. 2/21, 28; Morintz 1978, fig. 61/9, 10, 16; Черняков 1985, рис. 25/18; 27/20-24; Березанская и др. 1986, рис. 26/6, 12, 19; Тощев, Черняков 1986, рис. 6/33; Прибалов, Прибалова 1987, рис. 2/1-6; Smirnova 1993, Abb. 10/24-26; 11/7, 8, 21; Gerškovič 1999, Taf. 6/7; 13/1, 7; 22/20, 23; 23/3; Alexandrov et al. 1998, pl. 7/1; Колотухин 2003, рис. 49/18; 52/10, 11; Sava 2014, fig. 14/2; 39/7; 47/8-12; 58/8; 123/7-8, 10; 182/1, 15, 192/11; 196/7; Bolohan 2016, pl. 22/A1, 3; 25/B2 ş.a.). Elementele de decor reprezintă, de regulă, brâuri de diferite tipuri, mai rar – impresiuni sau rânduri de orificii. Cele mai apropiate analogii ale acestei forme de vas le găsim în mediile epocii bronzului din zona nord-pontică (Шарафутдинова 1982, рис. 16/7; 55/25, 27, 29; Дергачев 1986, рис. 33/23-25; 34/1-4; Березанская 1990, рис. 19/1-4; 20/2-6).

În baza caracteristicilor morfologice, vasele cu o toartă pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul VII.1. Vase cu corp tronconic, puţin profilat, buza evazată, egală cu diametrul maxim al vasului. Pot fi distinse cinci variante:

– *Varianta 1*. Vase cu pereţii uşor profilaţi, buza evazată şi baza dreaptă, unele din ele ornamentate cu brâuri de diferite tipuri;



– *Varianta 2*. Vase cu pereţii arcuiţi în partea superioară, buza evazată şi baza dreaptă, unele din ele ornamentate cu brâuri de diferite tipuri;
– *Varianta 3*. Vase cu corp conic, pereţi drepţi, buza uşor evazată şi baza dreaptă, unele din ele ornamentate cu brâuri de diferite tipuri;
– *Varianta 4*. Vase cu corpul tronconic şi buza trasă în interior, ornamentate, de regulă, cu brâu;
– *Varianta 5*. Vase cu corp conic, pereţi aproape drepţi, buza uşor evazată şi baza convexă, unele din ele ornamentate cu brâuri de diferite tipuri.

Subtipul VII.2. Vase cu corpul uşor bitronconic, buza evazată sau dreaptă, baza dreaptă. Pot fi distinse patru variante:

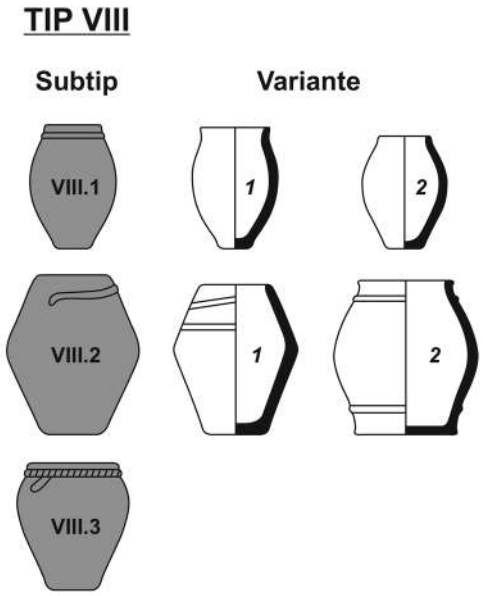
– *Varianta 1*. Vase cu corpul bitronconic, buza uşor evazată şi baza dreaptă, unele din ele ornamentate cu brâuri de diferite tipuri;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul bitronconic, puternic profilat în zona mediană, buza uşor evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 3*. Vase cu corpul uşor profilat în partea superioară, buza slab evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 4*. Vase cu corpul arcuit, buza dreaptă sau buza trasă în interior, ornamentat, de regulă, cu brâu.

Subtipul VII.3. Vase cu corpul bitronconic, scund, buza evazată şi baza dreaptă sau convexă. Pot fi deosebite patru variante:

– *Varianta 1*. Vase cu corpul bitronconic, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul puternic profilat în partea inferioară, buza uşor evazată şi baza convexă;
– *Varianta 3*. Vase cu corp puternic profilat în partea superioară, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 4*. Vas cu corpul birtonconic, buza trasă în interior, ornamentat cu brâu şi incizii.

Subtipul VII.4. Vase înalte, cu corpul bitronconic sau arcuit, dotate cu două torţi, buza dreaptă sau evazată şi baza dreaptă.

– *Varianta 1*. Vase cu corpul arcuit, cu buza uşor evazată şi baza dreaptă, prevăzute cu două tortiţe mici, aplicate în zona diametrului maxim;
– *Varianta 2*. Vase cu corpul profilat, buza şi baza dreaptă, înzestrate cu o toartă ovală în secţiune, aplicată în zona diametrului maxim;
– *Varianta 3*. Vas înalt, cu corpul uşor profilat, gât cilindric şi buza dreaptă. Toartele ovale în secţiune sunt trase din buza recipientului şi aplicate pe umărul acestuia.



Tipul VIII. Vase de provizii
Vase de dimensiuni mari, a căror înălţime depăşeşte diametrul maxim. Acestea au deschidere largă, marginea buzei îngroşată sau rotunjită, gâtul scurt sau marcat printr-un brâu aplicat. Erau utilizate pentru păstrarea şi transportarea proviziilor. Sunt specifice pentru culturile Sabatinovka (Черняков 1966, 226-234; Лесков 1970, 14-27, рис. 11/11; Шарафутдинова 1982, 90-102; Черняков 1985, рис. 39/1-4; Тощев, Черняков 1986, рис. 7/37-39; Irimia, Bardac 1996, fig. 4/1-4; Гершкович 1997, 135; Gerškovič 1999, Taf. 24/10; 28/9; Кравченко 2004, 56, рис. 3; Сава и др. 2017, рис. 9/8, 10 ş.a.) şi Coslogeni (Morintz, Şerbănescu 1985, pl. 9; 10/1, 2; Florescu 1991, fig. 85/7; 86/2, 3, 5; 90/2, 3; Irimia, Bardac 1996, fig. 3/1; Alexandrov et al. 1998, pl. 3/7; 4/5, 9; Bolohan 2016, pl. 9/2, 4), nefiind cunoscute, cel puţin până la momentul de faţă, în cultura Noua. Se pot distinge trei subtipuri cu variantele lor:

Subtipul VIII.1. Vase cu corpul puternic profilat, buza evazată şi baza dreaptă, prevăzute, de multe ori, pe gât cu brâu aplicat.

Varianta 1. Vase cu corpul profilat, buza evazată şi baza dreaptă;

Varianta 2. Vase cu corpul puternic profilat, buza evazată şi baza dreaptă.

Subtipul VIII.2. Vase cu corp de formă bitronconică, cu diametrul maxim în partea mediană, buza dreaptă sau evazată şi baza dreaptă. De regulă, prevăzute cu ornament aplicat în formă de brâuri continue sau întrerupte.

Varianta 1. Vase cu corpul bitronconic, buză şi baza dreaptă;

Varianta 2. Vase cu corpul bitronconic, puternic profilat, cu buză evazată şi baza dreaptă.

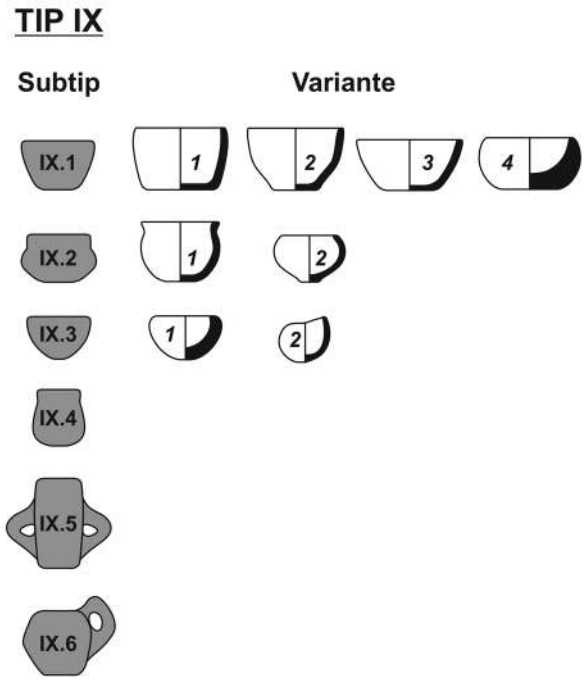
Subtipul VIII.3. Vas cu corp de formă conică, arcuit în partea superioară, amintind forma vaselor „sac", buza evazată şi baza dreaptă. Este ornamentat sub marginea buzei cu un brâu. Descoperit în aşezările Novoselica (cultura Sabatinovka) (Тощев, Черняков 1986, рис. 7/37) şi Târgușor-Grăgina (cultura Coslogeni) (Bolohan 2016, pl. 20/7).

Tipul IX. Vase miniaturale (imitaţii ale formelor de vase mari, pahare)
Au corp tronconic, bitronconic sau semisferic, pereţi drepţi sau profilaţi, buza dreaptă sau uşor evazată. Baza, de regulă, este dreaptă şi doar în cazuri rare poate avea formă convexă. Aceste recipiente au o frecvenţă destul de mică în aşezările de tip N-S-C (Балагурі 1968, рис. 5/14, 21-22; Смирнова 1972, рис. 5/13; Черняков 1985, рис. 36/9; Sava 2014, fig. 40/10-11; 196/1; Sîrbu 2015, fig. 3/14-18; Bolohan 2016, pl. 19A/1-6 ş.a.). Analogii ale lor găsim în mediile mai multor culturi din epoca bronzului: Mnogovalikovaja (Sava 1991, fig. 5/20-23), Komarow (Swieznikow 1967, pl. I/8; II/5, 8, 9; III/6), Belogrudovka (Тереножкин 1961, рис. 28/1-4). În baza caracteristicilor morfologice, vasele miniaturale pot fi divizate în mai multe subtipuri şi variante.

Subtipul IX.1. Vase miniaturale, cu corp tronconic, pereţii drepţi sau profilaţi, buza dreaptă, evazată sau trasă în interior. Baza dreaptă sau convexă. Se cunosc patru variante:

– *Varianta 1*. Vase miniaturale, cu corp tronconic, pereţi aproape drepţi, buza şi baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vase miniaturale, cu corp tronconic, pereţi arcuiţi, buza şi baza dreaptă;
– *Varianta 3*. Vase miniaturale, cu corp tronconic, buza trasă în interior şi baza convexă;
– *Varianta 4*. Vase miniaturale, cu corp arcuit, buza trasă în interior şi baza dreaptă.

Subtipul IX.2. Vase miniaturale, cu corp bitronconic, buza evazată sau trasă în interior şi baza dreaptă.



– *Varianta 1*. Vas miniatural, cu corp bitronconic, buza evazată şi baza dreaptă;
– *Varianta 2*. Vas miniatural, cu corp bitronconic, buza trasă în interior şi baza dreaptă.

Subtipul IX.3. Vase miniaturale, cu corp semisferic sau elipsoidal, buza dreaptă şi baza convexă.

– *Varianta 1*. Vas miniatural, cu corp elipsoidal, buza dreaptă şi baza convexă;
– *Varianta 2*. Vas miniatural, cu corp semisferic, buza dreaptă şi baza convexă.

Subtipul IX.4. Vas miniatural, cu corpul arcuit în partea inferioară şi îngustat spre gură, buza dreaptă şi baza uşor convexă (Bolohan 2016, pl. 19A/6).

Subtipul IX.5. Vas miniatural, cu corpul cilindric, buza trasă în interior şi baza dreaptă, prevăzut cu două toarte laterale, ovale în secţiune, plasate în zona mediană a vasului. Provine din aşezarea culturii Coslogeni de la Andolina (Bolohan 2016, pl. 19A/1).

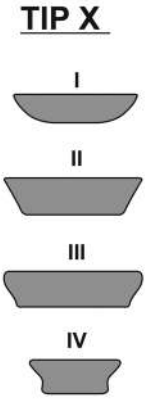
Subtipul IX.6. Vas miniatural cu corpul arcuit, buza trasă în interior şi baza dreaptă, dotată cu o toartă supraînălţată, ovală în secţiune. A fost descoperită în aşezarea culturii Coslogeni din localitatea eponimă (Bolohan 2016, pl. 19A/2).

Tipul X. Tigăi

Vase cu corp scund, tronconic, buza evazată, dreaptă sau invazată şi baza dreaptă. Deseori, acestea prezintă decor pe pereţi sau pe marginea buzei (Колотухин 2003, рис. 53/13, 16; 58/10; Sava 2014, fig. 179/11; 192/9). Sunt cunoscute în aşezările Sabatinovka (Шарафутдинова 1964, рис. 4/11; Черняков 1966, рис. 44/15; Черняков 1985, рис. 27/18, 30/12; 32/22-24; 36/8; Самар 1998, рис. 4/16-18; Колотухин 2003, рис. 49/16, 17; 53/13, 16; Sava 2014, fig. 179/8, 9, 11; 187/9, 10; 192/9; Gerškovič 1999, Taf. 14/9), reprezentând 1-3% din ceramică în faza timpurie şi mijlocie a culturii, numărul acestora crescând în faza târzie (Клюшенцев 1995, 15). Nu se cunosc, cel puţin până la momentul de faţă, în aşezări de tip Noua şi Coslogeni. Analogii sunt cunoscute în cadrul culturii Belozerka (Ванчугов 1981, рис. 2/6-9, 13). O prezentare tipologică detaliată a acestei forme de recipient a fost elaborată de Klyushencev (Клюшенцев 1995, рис. 10).

La această formă de vas pot fi diferenţiate patru subtipuri de bază:

Subtipul X.1. Vase cu corpul tronconic, pereţi profilaţi, buza evazată şi baza dreaptă;



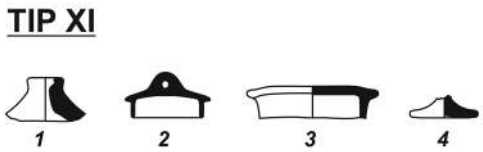
Subtipul X.2. Vase cu corpul tronconic, pereţi drepţi, buza evazată şi baza dreaptă;

Subtipul X.3. Vase cu corpul tronconic şi partea superioară profilată, buza trasă în interior şi baza dreaptă;

Subtipul X.4. Vase cu corpul tronconic, cu partea inferioară înaltă şi cea superioară profilată. Are buza evazată şi baza dreaptă.

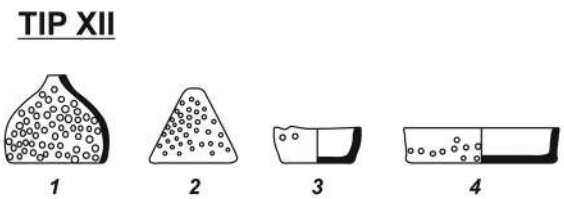
Tipul XI. Capacele

Acestea au corpul discoidal sau conic, unele din exemplare fiind prevăzute cu apucători. Ornamentul, rar întâlnit pe capace, reprezintă caneluri dispuse radiar. În aşezările culturilor N-S-C, sunt descoperite, de regulă, fragmentar şi destul de rar (Тощев, Черняков 1986, рис. 7/18, 23; Florescu, Florescu 1991, fig. 66/34; Sava 2014, 23/5; 126/2; 193/5, 6; Кравченко 2004, 54-55). Această formă ceramică cunoaşte analogii în mediul culturii Monteoru (Oancea 1981, fig. 8/11; 10/2; Zaharia 1991, fig. 9/1, 2; 10/1-12; 11/1-9), precum şi în cadrul culturii Belozerka (Ванчугов 1981, рис. 2/11).



Tipul XII. Vase cu perforaţii (strecurători)

Pot avea corp tronconic, puternic profilat, deschis la ambele părţi şi suprafaţa perforată multiplu. La fel, sunt cunoscute recipiente tronconice cu buza dreaptă, având baza, uneori şi pereţii, prevăzuţi cu un şir de perforaţii haotice. Acest tip de recipient prezintă o frecvenţă scăzută în aşezările N-S (Балагурі 1968, рис. 5/16, 17; Черняков 1985, рис. 28/18; Florescu 1991, fig. 35/2; 69/54; 74/15; Smirnova 1993, Abb. 10/9, 18, 23; Колотухин 2003, рис. 58/3; Крушельницька 2006, рис. 47/11; Dumitroaia 1992, fig. 11/5; 30/6; Sava 2014, fig. 13/16; 68/9; 118/10, 11; 130/35, 36; 134/4, 6) şi lipsesc în aşezările de tip Coslogeni (cel puţin, nu au fost descoperite până în momentul de faţă). Analogii găsim atât în mediile culturilor din bronzul mijlociu, ca Otomani (Bader 1978, pl. XXIX/4), Komarow (Swieznikow 1967, pl. XIII/4), Costişa (Diaconu 2012, fig. 51/5), cât şi în cele din bronzul târziu (Bader 1978, pl. XLVI/4; XLVX/14; LIII/6). Din cauza descoperirilor sporadice şi a stării fragmentare a acestor recipiente, nu poate fi făcută o tipologie a lor.



Elemente decorative cunoscute pentru ceramica de tip Noua-Sabatinovka-Coslogeni

După cum este bine cunoscut, motivele decorative joacă un rol important în procesul analizei ceramicii. Pentru perioada târzie a epocii bronzului, modalităţile de realizare a decorului erau aplicaţiile plastice, inciziile, impresiunile, canelura şi, doar în rare cazuri, pictura. În multe din cazuri sunt cunoscute decoruri combinate. Pentru o imagine mai clară, în cele ce urmează, sunt prezentate mai detaliat tipurile de decor întâlnite pe vase tipice celor trei culturi arheologice.

I. Aplicaţiile plastice reprezintă, practic, elementul cel mai frecvent utilizat pentru decorul ceramic N-S-C şi include brâie, segmente de brâie, butoane, apucători. Acestea erau realizate prin aplicare pe suprafaţa vasului, în unele cazuri fiind trase din peretele crud al vasului. La această categorie pot fi distinse următoarele tipuri:

I.1. Brâu simplu în relief, continuu, dispus orizontal, cu secţiunea triunghiulară sau rotunjită.

Frecvenţa cu care este întâlnit permite atribuirea elementului decorativ specific ceramicii grosiere de tip N-S-C (Gerškovič 1999, Taf. 5/5; 6/8; 8/20, 22, 24; 12/13; 19/4-6, 8, 9; Sava 2014, fig. 54/4; 56/3, 5, 6, 12; 71/4-9; 178/1, 3, 5, 12; Bolohan 2016, pl. 10/1-10; 11A/1-7; 11B/1-4 ş.a);

I.2. Brâu simplu, continuu, orizontal, combinat cu un şir de perforaţii complete sau parţiale (Смирнова 1957, рис. 39/11, 14; Колотухин 2003, рис. 53/4; Sava 2014, fig. 4/5, 7, 8; 13/6-9; 26/1, 3, 6, 8, 9; 47/12; Niculică 2015, pl. CII/2; CIII/5). Acest ornament este cunoscut şi în mediul culturii Komarow (Березанская и др. 1986, рис. 2/2, 4; Sava 1994, fig. 3/2, 4, 10, 12), de unde, cel mai probabil, a şi fost preluat;

I.3. Brâu simplu în relief, continuu, orizontal, din care coboară vertical un fragment de brâu în formă de cârlig (Колотухин 2003, рис. 52/3; 58/4; Niculică 2015, pl. CXVII/2; Bolohan 2016, pl. 9A/2). Are secţiune rotunjită;

I.4. Brâu simplu în relief, continuu, orizontal, din care coboară vertical un fragment similar. Are secţiune rotunjită (Sava 2014, fig. 185/2; Bolohan 2016, pl. 10/11);

I.5. Brâu simplu, orizontal, continuu, prevăzut cu proeminenţe simple sau duble, plasate simetric (Florescu 1991, fig. 54/30; 55/3). Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită;

I.6. Brâu simplu, orizontal, întrerupt, cu capetele răsfrânte în jos. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită. Acesta este simplu, incizat sau alveolat şi înfrumuseţează, de regulă, vasele de tip borcan (Лесков 1970, рис. 11/10; Morintz, Anghelescu 1970, fig. 20/2; Смирнова 1972, рис. 2/10; Прибалов, Прибалова 1987, рис. 2/2; Florescu 1991, fig. 59/40; 61/19; 88/32; Sava 2014, fig. 168/7; Bolohan 2016, pl. 13B/2). Este cunoscută şi varianta incizată oblic (Черняков 1985, рис. 34/4; Sava 2014, fig. 192/1; Bolohan 2016, pl. 13B/3) sau alveolată (Черняков 1985, рис. 23/2, 3, 5). Analogii sunt cunoscute în cadrul culturilor Srubnaja (Березанская 1990, рис. 20/6) şi Mnogovalikovaja (Березанская и др. 1986, рис. 1/19);

I.7. Brâu simplu, orizontal, întrerupt, cu capetele suprapuse. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Florescu 1991, fig. 50/3, 5, 6; 72/80; Крушельницка 2006, рис. 12/2б; Gerškovič 1999, Taf. 14/7; 21/5; Sava 2014, fig. 68/6; 119/6, 8; 131/12, 17; 134/7; 181/1, 2; 201/4);

I.8. Brâu simplu, orizontal, întrerupt, cu capetele petrecute unul peste altul. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Колотухин 2003, рис. 52/12). Este cunoscută şi varianta prevăzută cu un şir de perforaţii (Смирнова 1957, рис. 39/7);

I.9. Brâu simplu, orizontal, întrerupt, cu un capăt în formă de buclă (Florescu 1991, fig. 50/8; Bolohan 2016, pl. 14A/5). Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită;

I.10. Brâu simplu, orizontal, întrerupt, cu capetele răsfrânte, combinat cu un şir de perforaţii. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Florescu 1991, fig. 26/6; Smirnova 1993, fig. 10/24; Крушельницька 2006, рис. 46/2а; Sava 2014, fig. 68/6; Niculică 2015, pl. CIX/12);

I.11. Brâu continuu, orizontal, cu capetele unite în formă de unghi cu vârful în jos şi prevăzut cu un şir de perforaţii în partea superioară (Sava 2014, fig. 56/13);

I.12. Brâu simplu orizontal întrerupt, cu capetele depărtate (Черняков 1985, рис. 34/2);

I.13. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa incizată vertical (Лесков 1970, рис. 10/15; Sava 2014, fig. 120/12; 172/16; Bolohan 2016, pl. 12B/1). De regulă, are secţiunea rotunjită;

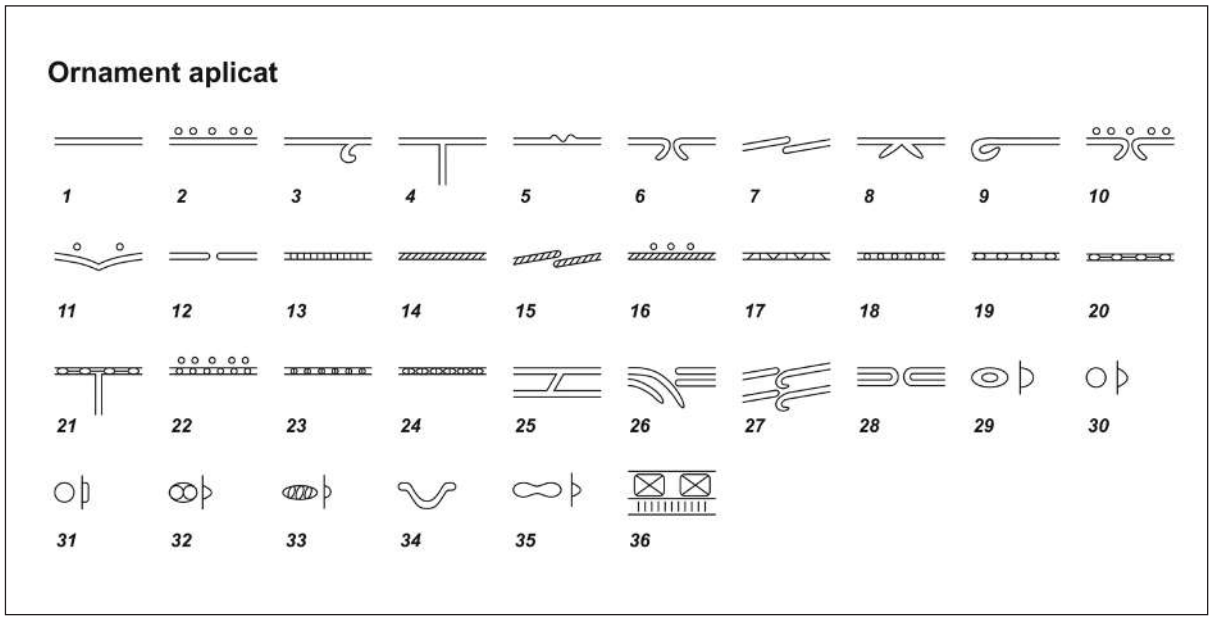
I.14. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa incizată oblic (Лесков 1970, рис. 11/7; Черняков 1985, рис. 14/4, 7, 8; 15/9; 24/1, 10; Gerškovič 1999, Taf. 4/17, 20; 11/13; 21/6; 22/20; Sava 2014, fig. 120/11, 152/1, 4, 5; Bolohan 2016, pl. 12B/3, 4, 7; 13/3). De regulă, are secţiunea rotunjită. Analogii sunt cunoscute în cadrul culturii Srubnaja (Березанская 1990, рис. 20/5);

I. 15. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa incizată oblic şi capetele suprapuse. De regulă, are secţiunea rotunjită (Клюшенцев 1995, рис. 9/6; Гершкович 1997, рис. 2/5; Gerškovič 1999, Taf. 26/11; 27/12);

I.16. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa incizată oblic, combinat cu un şir de orificii (Смирнова 1957, рис. 39/10, 13; Sava 2014, fig. 4/9; 9/2). De regulă, are secţiunea rotunjită;

I.17. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa incizată în diferite direcţii (Черняков 1985, рис. 32/10, 13; Gerškovič 1999, Taf. 27/9);

I.18. Brâu simplu, orizontal, cu alveole circulare (Черняков 1985, рис. 15/16, 17; Колотухин



2003, рис. 50/10; Sava 2014, fig. 4/1; 9/13; 69/1, 2, 4, 8, 10; 172/14; 178/2, 4, 8; 184/3). Poate avea secţiunea rotunjită sau cvasirectangulară;

I.19. Brâu simplu, orizontal, cu alveole ovale (Лесков 1970, рис. 11/1; Черняков 1985, рис. 31/17; 32/14; 34/1; Bolohan 2016, pl. 12B/5-6; Gerškovič 1999, Taf. 3/3; 26/15). Poate avea secţiunea rotunjită sau cvasirectangulară;

I.20. Brâu simplu, orizontal, cu alveole rombice. Poate avea secţiunea rotunjită sau cvasirectangulară (Шарафутдинова 1974, рис. 22/8; Гершкович 1997, рис. 1/в; Колотухин 2003, рис. 51/5, 6; Sava 2014, fig. 4/3; 9/11; 192/10; Gerškovič 1999, Taf. 5/4; 13/8). Este cunoscută şi varianta prevăzută cu un rând de orificii (Gerškovič 1999, Taf. 3/9);

I.21. Brâu simplu, orizontal, cu alveole rombice, de la care coboară pe linie verticală un brâu continuu (Гершкович 1997, рис. 1/м; Gerškovič 1999, Taf. 26/8);

I.22. Brâu simplu, orizontal, cu suprafaţa alveolată, combinat cu un şir de perforaţii. De regulă, are secţiunea triunghiulară (Sava 2014, fig. 9/5, 8; 13/12; Niculică 2015, pl. CII/3);

I.23. Brâu simplu, orizontal, cu alveole circulare, incizate vertical pe centru (Клюшенцев 1995, рис. 6/10; Sava 2014, fig. 69/5; 71/12; 99/12). De regulă, are secţiunea rotunjită;

I.24. Brâu format din proeminenţe conice (Aleksandrov et al. 1998, pl. 7/3);

I.25. Brâu dublu, continuu, orizontal. Brâiele sunt lipite printr-un segment plasat oblic. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită. (Шарафутдинова 1964, рис. 4/3; Florescu 1991, fig. 72/78, 79, 82; Morintz 1978, fig. 61/14; Gerškovič 1999, Taf. 9/23; Sava 2014, fig. 153/7). Acest tip de brâu este cunoscut şi în mediul culturii Srubnaja (Дергачев 1975, рис. 93/1);

I.26. Brâu dublu, continuu, orizontal, cu capete întrerupte, dintre care două finisate orizontal, şi alte două răsfrânte în jos. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Bolohan 2016, pl. 9/A5);

I.27. Brâu dublu, continuu, orizontal, cu capete întrerupte, dintre care două suprapuse şi alte două finisate în formă de buclă. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Bolohan 2016, pl. 20/1);

I.28. Brâu dublu, continuu, orizontal, întrerupt, cu capete unite prin îndoire. Poate avea secţiunea triunghiulară sau rotunjită (Bolohan 2016, pl. 21/1);

I.29. Buton conic, alveolat. De regulă, apare pe străchini şi vase de dimensiuni mici (Aleksandrov et al. 1998, pl. 7/5; Sava 2014, fig. 13/3; Bolohan 2016, pl. 13A/5);

I.30. Buton simplu, conic (Черняков 1985, рис. 27/16, 17; 33/13, 18, 20, 21; Gerškovič 1999, Taf. 3/6; 9/22; 17/4; Sava 2014, fig. 68/11-12; 191/1);

Tabelul 1

Analiza combinatorie dintre tipul ceramicii şi ornamentul aplicat

Tip ceramic	Tip ornament																		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I																			
II																			
III																			
IV	*																		
V	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
VI	*						*												*
VII	*												*	*				*	*
VIII	*		*				*												
IX																			
X																			
XI																			
XII																			

Tabelul 2

Analiza combinatorie dintre tipul ceramicii şi ornamentul aplicat

Tip ceramic	Tip ornament																
	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
I											*						
II																	
III											*		*				
IV						*											
V	*	*	*	*	*	*	*		*	*	*			*	*	*	*
VI										*	*	*					
VII																	
VIII								*									
IX																	
X																	
XI																	
XII																	

I.31. Buton simplu, discoidal (Gerškovič 1999, Taf. 23/4; 25/5);

I.32. Buton reliefat, realizat prin „ciupire" din peretele crud al vasului (Черняков 1985, рис. 27/14; Sava 2014, fig. 191/3);

I.33. Segment de brâu alveolat. Cel mai probabil, acest element de decor a fost preluat din mediul culturii Costişa (Florescu 1991, fig. 12/1; Munteanu 2010, fig. 53/1-3; 54/2, 4, 5);

I.34. Segment de brâu continuu, dispus în formă de val pe peretele vasului (Гершкович 1997, рис. 1/2; Gerškovič 1999, Taf. 17/18);

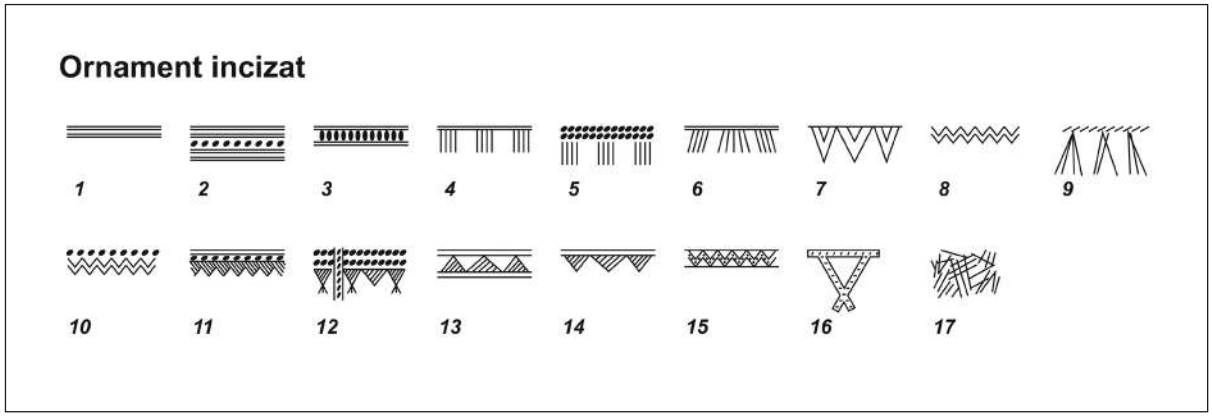
I.35. Apucători duble, de formă conică (Florescu 1991, fig. 57/21);

I.36. Ornament format din proeminenţe reliefate, de formă piramidală, încadrate în două linii orizontale incizate, sub care se perindă un şir de incizii scurte, verticale, delimitate în partea inferioară de o altă linie orizontală incizată (Sava 2014, fig. 56/13).

II. Decorurile incizate reprezintă triunghiuri, striaţii, linii verticale şi orizontale. Pot fi diferenţiate următoarele tipuri:

II.1. Linii paralele, plasate orizontal (Petrescu-Dâmboviţa 1999, fig. 405/6; Sava 2002, fig. 103/8). În unele cazuri, se atestă prezenţa doar a unei linii incizate orizontal în partea superioară a vaselor (Sava 2002, fig. 102/6);

II.2. Şir de impresiuni încadrate de linii orizontale paralele (Florescu 1991, fig. 189/4; Sava 2002, fig. 75/3; Dascălu 2007, pl. XV/9);



II.3. Incizii scurte, dispuse vertical, încadrate de linii orizontale (Sava 2002, fig. 103/5; Ursachi 2010, pl. 4/2);

II.4. Registre verticale, compuse din linii scurte, delimitate în partea superioară de două linii orizontale (Dascălu 1994, pl. V/4). Acest ornament găseşte analogii în culturile Komarow (Swieznikow 1967, pl. V/9; IX/12; Sava 1994, fig. 3/29) şi Costişa (Munteanu 2010, fig. 50/22);

II.5. Registre de linii verticale, delimitate în partea superioară de două rânduri de impresiuni circulare (Dascălu 1994, pl. XIV/M15; Sava 2002, fig. 77/6; Dascălu 2007, pl. 18/5);

II.6. Linii scurte, verticale, delimitate în partea superioară de o linie orizontală (Florescu 1991, fig. 191/5; 198/8). Cunoaşte analogii în mediul culturii Komarow (Swieznikow 1967, pl. X/3);

II.7. Triunghiuri cu laturile duble şi vârful orientat în jos, cu baza delimitată de o linie orizontală (Florescu 1991, fig. 191/2). Motive analogice se cunosc în faza finală a culturii Monteoru (Oancea 1976, fig. 12/7);

II.8. Linii duble înlănţuite, dispuse în unghi (Florescu, Florescu 1990, fig. 18/8). Cunoaşte analogii în cultura Monteoru (Oancea 1976, fig. 12/7; Bobi 1994, fig. 1/4);

II.9. Linii duble în formă de unghi cu vârful în sus, delimitate în partea superioară cu crestături oblice (Zaharia 1963, fig. 7/11);

II.10. Bandă de linii dispuse în formă de unghi, delimitată în partea superioară de un rând de impresiuni (Zaharia 1963, fig. 5/6);

II.11. Triunghiuri haşurate cu linii dispuse oblic şi vârful orientat în jos. Baza este delimitată cu o bandă de impresiuni (Florescu 1991, fig. 23/2, 3; 40/1; 190/9). Cunoaşte analogii în mediul culturilor Komarow (Swieznikow 1967, pl. IV/2; Крушельницька 2006, рис. 1/6, 7, 11, 14; Dascălu 2007, pl. 7/11) şi Costişa (Munteanu 2010, fig. 50/3-5);

Tabelul 3

Analiza combinatorie dintre tipul ceramicii şi ornamentul incizat

Tip ceramic	Tip ornament																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I	*	*	*			*				*	*						
II				*			*		*			*		*		*	
III																	
IV															*		
V																	*
VI								*									
VII																	
VIII																	
IX					*								*				
X																	
XI																	
XII																	

II.12. Triunghiuri haşurate, cu baza delimitată prin două rânduri de impresiuni oblice şi dispuse cu vârful în jos. În cadrul acestui decor sunt combinate triunghiuri mai înalte cu prelungiri scurte în vârf şi triunghiuri haşurate mai mici. Rândul de triunghiuri este întrerupt de o bandă verticală, cu impresiuni oblice (Florescu 1991, fig. 185/4; Dascălu 2007, pl. 37/393; Sava 1994, fig. 3/13);

II.13. Triunghiuri haşurate, delimitate la bază şi în partea superioară de linii orizontale. Triunghiurile sunt plasate cu vârful în sus (Dascălu 1994, pl.VI/M11,3). Cunoaşte analogii în mediul culturilor Srubnaja (Березанская 1990, рис. 22/1), Komarow (Swieznikow 1967, pl. VIII/3), Mnogovalikovaja (Березанская и др. 1986, рис. 2/14; 10/17; Sava 1991, fig. 3/5, 11);

II.14. Triunghiuri haşurate, delimitate în partea superioară de linii orizontale. Triunghiurile sunt dispuse cu vârful în jos (Smirnova 1993, Abb. 9/1, 3, 4; Gerškovič 1999, Taf. 4/15; Bolohan 2016, pl. 19/B5);

II. 15. Două linii trasate în zigzag, cu interspaţiul completat cu impresiuni circulare, încadrate în două linii orizontale paralele (Bolohan 2016, pl. 9/B1);

II. 16. Benzi de linii cu impresiuni, dispuse sub forma unui triunghi cu vârful orientat în jos şi laturi ce se prelungesc (Florescu 1991, fig. 185/3);

II.17. Striuri neorganizate (Florescu, Florescu 1990, fig. 23/6; Florescu 1991, fig. 93/10; Sava 2014, fig. 95/13-14; 182/2). Acest element este considerat a fi de origine Srubnaja (Florescu, Florescu 1990, 65), însă motivul respectiv este cunoscut şi în mediul Costişa (Munteanu 2010, 142, fig. 50/55-58).

III. Decoruri imprimate. Simple sau combinate cu alte tipuri de decor, impresiunile sunt întâlnite ca modalitate de ornamentare a ceramicii fine. Pot fi distinse mai multe tipuri:

III.1. Impresiuni oblice, dispuse în două rânduri orizontale (Florescu 1991, fig. 189/7). Cunoaşte analogii în mediul culturilor Monteoru (Oancea 1981, fig. 11/6; 14/6-8) şi Costişa (Florescu 1970, fig. 5/3, 6);

III.2. Impresiuni oblice, plasate în patru rânduri orizontale (Bolohan 2016, pl. 19/B1);

III.3. Impresiuni mici, aplicate în formă de zigzag orizontal, delimitate în partea superioară de un şir orizontal de impresiuni oblice (Dascălu 1994, pl. III/M6; Sava 2002, fig. 71/2; Dascălu 2007, pl. 46/47.1). Cunoaşte analogii în mediul culturii Komarow (Munteanu 2010, fig. 74/10);

III.4. Şir orizontal de impresiuni oblice, combinat cu o linie incizată orizontală, dispusă deasupra (Florescu 1991, fig. 31/21, 26; Dumitroaia 1992, fig. 14/4, 5). Cunoaşte analogii în mediul culturilor Komarow (Munteanu 2010, fig. 74/19) şi Monteoru (Oancea 1976, fig. 12/11);

III.5. Două şiruri orizontale de impresiuni, cel superior format din impresiuni oblice şi scurte, iar cel inferior – din impresiuni alungite verticale (Dascălu 1994, pl. II/M4; Sava 2002, fig. 70/6; Dascălu 2007, pl. 53/47.1);

III.6. Două şiruri orizontale de impresiuni oblice, combinate cu rânduri verticale de impresiuni similare, dispuse la distanţă aproximativ egală (Florescu 1991, fig. 198/2; 201/26). Cunoaşte analogii în mediul culturii Monteoru (Bârzu 1989, fig. 7/2);

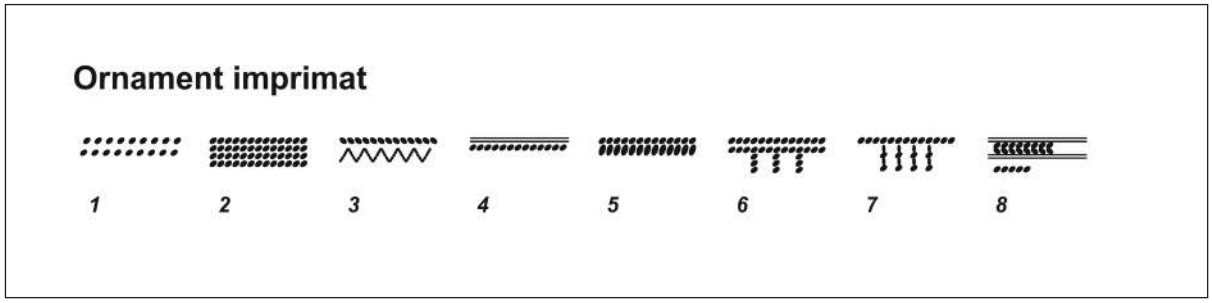
III.7. Un şir orizontal de impresiuni oblice, de la care coboară şiruri verticale de impresiuni, unite între ele cu incizii fine (Florescu 1991, fig. 205/7);

III.8. Două şiruri orizontale de impresiuni oblice, încadrate în câte două linii paralele orizontale, sub cele inferioare fiind prezent un alt şir de impresiuni oblice orizontale (Sava 2014, fig. 182/8).

Tabelul 4

Analiza combinatorie dintre tipul ceramicii şi ornamentul imprimat

Tip ceramic	Tip ornament							
	1	2	3	4	5	6	7	8
I	*		*	*		*	*	*
II		*						
III								
IV								
V								
VI								
VII								
VIII								
IX					*			
X								
XI								
XII								



IV. Decoruri canelate. În baza modalităţilor de realizare şi dispunere pe pereţii vaselor, pot fi distinse mai multe variante de ornament canelat:

IV.1. Caneluri înguste, dispuse orizontal în partea superioară a vaselor (Florescu 1991, fig. 43/5; Sava 2002, fig. 87/1; 97/2; Ursachi 2010, pl. 3/3);

IV.2. Caneluri largi, aplicate orizontal (Sava 2014, fig. 182/9);

IV.3. Caneluri simple, verticale. Acestea pot fi încadrate în unul sau două registre orizontale (Florescu 1991, fig. 53/17; Petrescu-Dîmboviţa 1999, fig. 402/6; Zaharia 1963, fig. 6/6);

IV.4. Caneluri uşor curbate, scurte (Florescu 1991, fig. 193/1; Sava 2014, fig. 182/10). Motiv asemănător este cunoscut în mediul culturii Komarow (Swieznikow 1967, pl. IX/11; XI/6);

IV.5. Caneluri largi, arcuite, prevăzute cu o proeminenţă centrală (Zaharia 1963, fig. 6/8; Черняков 1985, рис. 28/14; Florescu 1991, fig. 202/32; Niculică 2015, pl. XCI/5);

IV.6. Caneluri înguste, arcuite, delimitate în partea superioară de o linie incizată, orizontală (Florescu 1991, fig. 192/1; Ursachi 2010, pl. 2/3; Niculică 2015, pl. XCI/4);

IV.7. Caneluri înguste, scurte şi arcuite, ce încadrează alte caneluri semicirculare, cu proeminenţă centrală (Florescu 1991, fig. 194/6; Sava 2002, fig. 20/4);

IV.8. Caneluri largi, orizontale combinate cu caneluri înguste, semicirculare (Florescu 1991, fig. 192/4; Ursachi 2010, pl. I/4);

IV.9. Caneluri largi, verticale, combinate cu caneluri dispuse oblic (Zaharia 1963, fig. 6/4).

IV.10. Caneluri largi, orizontale, combinate cu caneluri înguste şi scurte, plasate vertical (Florescu 1991, fig. 53/17; 200/15);

IV.11. Caneluri largi, orizontale, combinate cu caneluri înguste, aplicate oblic (Florescu, Florescu 1990, fig. 19/4; Florescu 1991, fig. 51/2; Dascălu 2007, pl. 8/7);

IV.12. Caneluri largi, orizontale, întrerupte de două registre formate din caneluri verticale. Un registru este format din patru caneluri înguste şi lungi, iar altul – din caneluri scurte (Florescu 1991, fig. 49/3).

IV.13. Registre de caneluri orizontale, înguste şi scurte, care alternează cu caneluri verticale. Registrele sunt încadrate în linii orizontale (Petrescu-Dâmboviţa 1953, fig. 2/1). Cunoaşte analogii în cultura Komarow (Swieznikow 1967, pl. III/4);

IV.14. Caneluri scurte şi înguste, oblic dispuse şi încadrate de linii orizontale (Florescu 1991, fig. 192/3; Колотухин 2003, рис. 54/10; Sava 2002, fig. 103/4; Ursachi 2010, pl. II/4; Niculică 2015, pl. XCI/3). Cunoaşte analogii în cultura Monteoru (Oancea 1981, fig. 7/9);

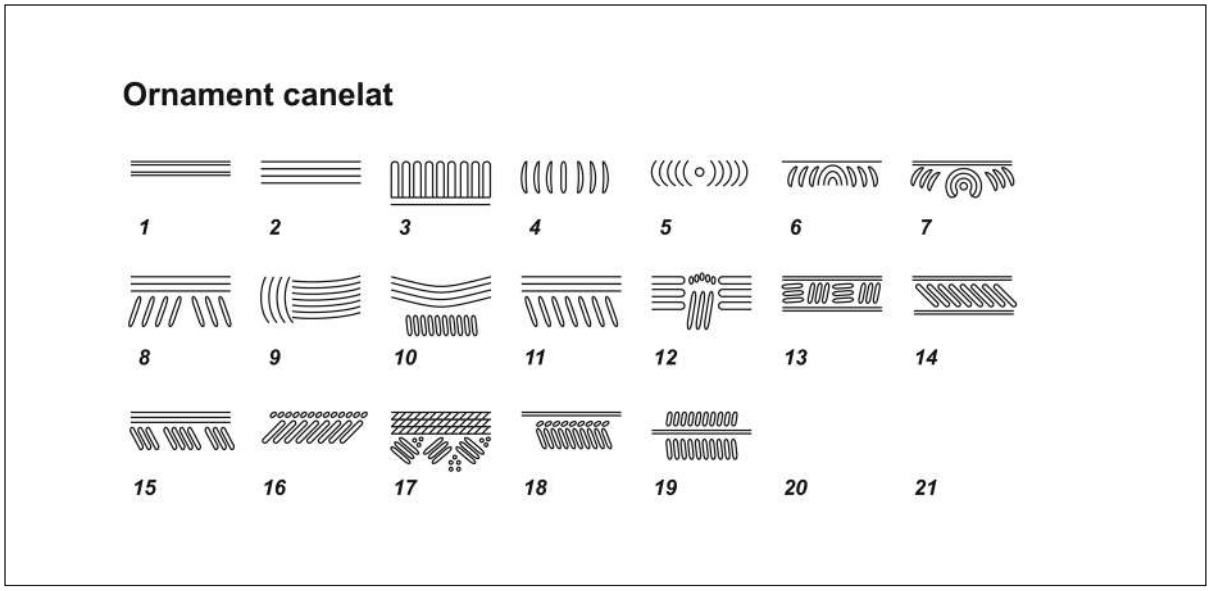
IV.15. Grupe de caneluri scurte şi înguste, amplasate oblic şi delimitate în partea superioară cu două caneluri orizontale înguste (Petrescu-Dîmboviţa 1999, fig. 399/7; Sava 2002, fig. 119/7; Dascălu 2007, pl. 31/16). Cunoaşte analogii în cultura Komarow (Swieznikow 1967, pl. VII/13);

IV.16. Caneluri înguste şi scurte, oblic dispuse şi delimitate în partea superioară de impresiuni oblice scurte (Zaharia 1963, fig. 6/7; Florescu 1991, fig. 73/8; Sava 2002, fig. 73/6);

IV.17. Grupe de caneluri scurte, oblic plasate în diferite direcţii. Spaţiul dintre ele este prevăzut cu trei impresiuni mici de formă circulară. În partea superioară sunt delimitate de o bandă de linii incizate cu interspaţiile completate cu crestături fine (Florescu 1991, fig. 12/6; 67/40);

IV. 18. Caneluri scurte şi largi, dispuse oblic şi combinate cu impresiuni alveolare şi caneluri orizontale (Florescu 1991, fig. 17/14; 60/5);

IV.19. Două rânduri de caneluri medii aplicate vertical, despărţite de două linii incizate orizontale (Florescu 1991, fig. 67/36).



Tabelul 5

Analiza combinatorie dintre tipul ceramicii şi ornamentul canelat

Tip ceramic	Tip ornament																		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I	*	*	*	*	*	*	*	*		*		*	*		*	*		*	
II		*		*					*		*			*			*		
III			*	*															*
IV	*				*														
V																			
VI																			
VII																			
VIII																			
IX																			
X				*															
XI																			
XII																			

V. Decoruri pictate. Elementul de pictură, utilizat pentru decorarea ceramicii de tip N-S-C, este unul rar întâlnit, iar cazurile cunoscute îl atestă pe ceramica grosieră. Decorul reprezintă benzi simple sau pete circulare de culoare maronie sau brună-închisă (Sava 2014, fig. 95/15; Сава и др. 2017, рис. 13) şi este cunoscut pe vase de tipul V şi VIII.

Motivele decorative sunt în concordanţă cu diferite categorii de pastă, din care au fost modelate vasele. Dacă inciziile, imprimările şi canelurile se întâlnesc majoritar pe vase lucrate din pastă fină, ornamentele aplicate, de cele mai multe ori, înfrumuseţează ceramica grosieră. Ceramica cu decor format din oricare tip de brâu şi, îndeosebi, cu brâu întrerupt şi capete lăsate în jos, are analogii directe aproape în tot arealul culturilor din bronzul tardiv euroasiatic şi este străină aceleiaşi perioade din spaţiul carpato-balcanic (Sava 2014, 432-433). Ceştile şi kantharos-urile, uneori ornamentate cu caneluri sau incizii, au analogii fidele în culturile Wietenberg, Tei şi Komarow (Sava 2014, 433).

Clasificarea efectuată a fost posibilă prioritar datorită vaselor descoperite în complexe funerare şi, mai puţin, celor găsite în aşezări, ultima oferind, în schimb, mai multe forme şi tipuri de decor. Cu mici excepţii, formele de vase identificate se întâlnesc în toate cele trei culturi vizate în lucrare. Altă trăsătură comună o reprezintă ponderea masivă a ceramicii grosiere asupra celei fine. Ceramica fină (ceştile şi

Tabelul 6

Tipologia generală a ceramicii complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni

Tip	Subtip	Cultura Noua	Cultura Sabatinovka	Cultura Coslogeni
I	I.1	●		●
	I.2	●	●	●
	I.3	●		●
	I.4	●		●
II	II.1	●		●
	II.2	●	●	●
	II.3	●	●	●
	II.4	●	●	●
	II.5	●	●	●
	II.6		●	
	II.7	●		
III	III.1	●		●
	III.2	●		●
	III.3	●	●	●
IV	IV.1	●	●	●
	IV.2			●
V	V.1	●	●	●
	V.2	●	●	●
	V.3	●	●	●
	V.4	●	●	●
VI	VI.1	●	●	●
	VI.2	●	●	●
	VI.3	●	●	●
	VI.4	●	●	●
VII	VII.1	●	●	●
	VII.2	●	●	●
	VII.3	●	●	●
	VII.4			●
VIII	VIII.1		●	●
	VIII.2		●	●
	VIII.3		●	●
IX	IX.1	●	●	●
	IX.2	●		
	IX.3	●		
	IX.4			●
	IX.5			●
	IX.6			●
X			●	
XI		●	●	
XII		●	●	

kantharosurile) cunoaşte analogii perfecte în culturile Wietenberg, Tei, Monteoru şi Komarow, pe când cea grosieră ornamentată cu orice tip de brâu are origine estică şi se regăseşte, practic, în toate mediile culturale ale bronzului târziu euroasiatic. O altă formă de vas de origine răsăriteană o constituie aşa-numitele pithosuri (vase de provizii) şi tigăile/tavele.

În baza trăsăturilor tipologice şi decorative, ceramica complexului cultural N-S-C poate fi divizată în două grupe: *vase de origine carpato-balcanică* (vestică, tipurile I-II, IX-X) şi *vase de origine estică* (tipurile IV-VIII, XII), per ansamblu, aceasta reprezentând o simbioză etnoculturală între culturile asiatice şi cele carpato-balcanice, existente în perioada târzie a epocii bronzului.

Bibliografie

Aleksandrov et al. 1998: S. Aleksandrov, N. Sirakov, R. Gaidarska, T. Petkov, Trial Excavations of a bronze Age Site near Tutrakan (North-eastern Bulgaria). Archaeologia Bulgarica 3, 1998, 7-30.

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică şi tracică (Bucureşti 1978).

Bârzu 1989: L. Bârzu, La station de Sărata Monteoru: La nécropole nº 4 de l'epoque du bronze. Dacia N.S. XXIII, 1989, 39-78.

Bobi 1994: V. Bobi, Etapele timpurii şi târzii ale culturii Monteoru din zona de curbură a Carpaţilor în lumina noilor descoperiri arheologice. Mousaios IV/1, 1994, 37-63.

Bolohan 2016: N. Bolohan, Bronzul Târziu la Dunărea de Jos. Componente şi relaţii interculturale (Cluj-Napoca 2016).

Cavruc 2003: V. Cavruc, Noi descoperiri arheologice în sud-estul Transilvaniei (Sfântu Gheorghe 2003).

Dascălu 1994: L. Dascălu, Probleme ale bronzului târziu în nord-estul României. Rit şi ritul funerar în cultura Noua. Hierasus IX, 1994, 135-165.

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul Mijlociu şi Târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Diaconu 2012: V. Diaconu, Depresiunea Neamţ. Contribuţii arheologice. BMA, XXVIII (Piatra-Neamţ 2012).

Diaconu 2014: V. Diaconu, Cultura Noua în regiunea vestică a Moldovei, vol. I. (2014) Teza de doctorat, manuscris.

Dietrich 2011: L. Dietrich, Gânduri asupra dimensiunilor sociale ale vaselor de tip kantharos din cultura Noua. In: Arhaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeş at his 70th anniversary (Piteşti 2011), 115-122.

Dumitroaia 1986: Gh. Dumitroaia, Sondajul arheologic de la Vânători-Neamţ. MemAntiq VI-VII, 1986, 15-29.

Dumitroaia 1992: Gh. Dumitroaia, Materiale şi cercetări arheologice din nord-estul judeţului Neamţ. MemAntiq XIX, 1992, 63-143.

Dumitroaia 2001: Gh. Dumitroaia, Sat Lunca, comuna Vânători-Neamţ, jud. Neamţ. In: Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România (Piatra-Neamţ 2001), 31-34.

Florescu 1970: M. Florescu, Problèmes de la civilization de Costişa à la lumière du sondaje de Borleşti. Dacia N.S. XIV, 1970, 51-82.

Florescu, Buzdugan 1962: M. Florescu, C. Buzdugan, Săpăturile din aşezarea din epoca bronzului (cultura Monteoru) de la Bogdăneşti (r. Tg. Ocna, reg. Bacău). MCA 8, 1962.

Florescu, Florescu 1983: M. Florescu, A.C. Florescu, Cercetările arheologice de la Cîndeşti-Coasta Banului com. Dumbrăveni (jud. Vrancea) în perioada 1976-1980. MCA 15, 1983, 112-123.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, IX (Călăraşi 1991).

Gershkovich 1993: Ya. P. Gershkovich, On the Eastern Boumdary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos X, 1993, 15-22.

Gerškovič 1999: Ya. P. Ğerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. EA, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Irimia, Bardac 1996: M. Irimia, A. Bardac, Noi descoperiri din epoca bronzului la Grădina (jud. Constanţa). Pontica XXVIII-XXIX, 1996, 13-21.

Leahu 1966: V. Leahu, Cultura Tei (Bucureşti 1966).

Leahu 2003: V. Leahu, Cultura Tei. Grupul cultural Fundenii Doamnei. Probleme ale epocii bronzului în Muntenia. BTHR, XXXVIII (Bucureşti 2003).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic, vol. I (Bucureşti 1978).

Morintz, Anghelescu 1970: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21, 3, 1970, 373-415.

Morintz, Şerbănescu 1985: S. Morintz, D. Şerbănescu, Rezultatele cercetărilor de la Radovanu, punctul „Gorgana a doua" (jud. Călăraşi). I. Aşezarea din epoca bronzului. II. Aşezarea geto-dacică. Thraco-Dacica VI, 1985, 5-30.

Munteanu 2010: R. Munteanu, Bronzul mijlociu şi târziu în depresiunile marginale ale Carpaţilor orientali. BMA, XXV (Piatra-Neamţ 2010).

Niculică 2015: B.P. Niculică, Epoca bronzului în Podişul Sucevei (Suceava 2015).

Oancea 1976: A. Oancea, Unele observaţii cu privire la fazele finale ale culturii Monteoru în lumina cercetărilor de la Cârlomăneşti, jud. Buzău. Cercetări arheologice II, 1976, 191-237.

Oancea 1981: A. Oancea, Considérations sur l'étape finale de la culture de Monteoru. Dacia N.S. 25, 1981, 131-194.

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfârşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova. SCIV 4, 3-4, 1953, 443-480.

Petrescu-Dîmboviţa 1999: M. Petrescu-Dîmboviţa, Alte descoperiri din diferite epoci de la Truşeşti-Ţuguieta. In: M. Petrescu Dîmboviţa, M. Florescu, A.C. Florescu, Truşeşti. Monografie arheologică (Bucureşti-Iaşi 1999), 627-632.

Sava 1991: E. Sava, Relaţii între cultura „Mnogovalikovaja" dintre Nistru şi Prut şi cultura Monteoru. Thraco-Dacica XII, 1991, 15-37.

Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului – perioada mijlocie şi târzie, sec. XVII-XII î.e.n. Thraco-Dacica XV, 1994, 141-158.

Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: (Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v. Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 267-312.

Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS, Bd. 19 (Kiel 2002).

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Sîrbu 2015: M. Sîrbu**,** Viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor non-funerare descoperite în aşezări. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 91-122.

Smirnova 1993: I. Smirnova, Die Siedlung Mahala IIA und IIB ein Denkmal der Noua I und II- Kultur. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos X, 1993, 57-81.

Swiesnikow 1967: I.K. Swiesnikow, Kultura Komarowska (Na podstawie materialów z pin. Podkarpacia i zach. Wolynia). Archeologia Polski XII, 1, 1967, 39-107.

Todorova 1982: H. Todorova, Die spätbronzezeiliche Siedlung auf der „Großen Insel" bei Durankulak (Bulgarien). In: Beiträge zum bronzezeilichen Burgenbau in Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 417-425.

Ursachi 2007: V. Ursachi, Săbăoani. Monografie arheologică, vol. I (Iaşi 2007).

Ursachi 2010: V. Ursachi, Săbăoani. Monografie arheologică, vol. II (Iaşi 2010).

Zaharia 1963: E. Zaharia, Das Gräberfeld von Balinteşti-Cioinagi und einige Fragen der Bronzezeit in der Moldau. Dacia N.S. VII, 1963, 139-176.

Zaharia 1991: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La IIIe étape MIc2. Les fouilles de Sărata Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXV, 1991, 61-91.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культуры Ноа біля с. Острівець, Івано-Франківської області. Археология 21, 1968, 135-146.

Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н., Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Гершкович 1997: Я.П. Гершкович, Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса. Археологический Альманах 6, 1997, 125-144.

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Клюшинцев 1995: В.Н. Клюшинцев, Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века гранитно-степново Побужья (Киев-Южноукраинск 1995).

Колотухин 2003: В.А. Колотухин, Поздний бронзовый век Крыма (Киев 2003).

Кравченко 2004: Е.А. Кравченко, Матеріалы доби піздньої бронзи з поселення Уч-Баш. Археологія 4, 2004, 52-66.

Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46, 1955, 5-164.

Крушельницька 1976: Л.І. Крушельницька, Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза (Київ 1976).

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноуа на землях України (Львів 2006).

Лесков 1970: А.М. Лесков, Кировское поселение. В: Древности Восточного Крыма (Пресдкифский период и скифы) (Киев 1970), 7-59.

Молодцов 1994: Б.А. Молодцов, Керамика как источник периодизации восточно-тшинецкой культуры. В: Древнейшие общености земледельцев и скотоводов Северо-Причерноморья V тыс. до н.э. – V век н.э. (Тирасполь 1994), 122-124.

Прибалова, Прибалов 1987: О.Я. Прибалова, А.И. Прибалов, Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в северном Приазовье. В: Древнейшие скотоводы степей юга Украины (Киев 1987), 94-107.

Романовская 1964: М.В. Романовская, Находки эпохи поздней бронзы на поселении Ульма. СА 3, 1964, 288-291.

Сава и др. 2017: Е. Сава, Э. Кайзер, М. Сырбу, Е. Мистряну, Новые исследования поселений с «зольниками» эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье. В: Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 151-179.

Самар 1998: В.А. Самар, Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на юге Украины. Археологические Вести 5 (1996-1997), 1998, 132-140.

Смирнова 1957: Г.И. Смирнова, Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой облости. КСИИМК 70, 1957, 99-107.

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII вв. до н.э.). В сб.: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Смирнова 1972: Г.И. Смирнова, Новые исследования поселения Магала. АСГЭ 14, 1972, 12-31.

Стефанов 1974: С. Стефанов, Новоград. Старинни селища. В: Известия на археологическия институт, XXXIV (София 1974), 250-277.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по Археологий северо-западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Черняков 1966: И.Т. Черняков, Слой поздней бронзы Болградского поселения. КСИА 106, 1966, 99-105.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шарафутдінова 1964: І.Н. Шарафутдінова, Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. Археологія XVII, 1964, 153-169.

Шарафутдинова 1968: И.Н. Шарафутдинова, Поселение поздней бронзы Новорозановка I. В сб.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Информационные сообщения (Киев 1968), 25-26.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Pottery of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex. The typology

Keywords: Late Bronze Age, Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex, pottery, typology.

Abstract: Of the more than 2,700 known settlements belonging to the Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex, most were attributed based on the ceramic material found on the surface. Pottery was an occupation widely practiced in the communities of this cultural complex. The character of pottery making, most likely, had two sides: domestic occupation (vessels in the category of coarse ceramics) and craft occupation (fine pottery and food storage vessels).

The typological analysis of pottery of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni type is very difficult due to the diversity of shapes, the fragmented state of the finds, as well as the small number of publications containing the classification of the ceramic material found in the investigated settlements. In the literature there are typologies of ceramic vessels for each of the cultures of the complex separately, but there is no general typology. Therefore, we considered it necessary to develop a general typology of Noua-Sabatinovka-Coslogeni pottery. This allowed us to identify 12 pottery types with subtypes and variants representing shapes and ornaments found, with some exceptions, in each of the three cultural environments.

Керамика культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка-Косложень. Типология

Ключевые слова: период поздней бронзы, культурный комплекс Ноуа-Сабатиновка-Косложень, керамика, типология.

Резюме: Из более чем 2700 известных поселений, относящихся к культурному комплексу Ноуа-Сабатиновка-Косложень, большинство получили атрибуцию на основании найденного на поверхности керамического материала. Гончарное дело было широко распространено в общинах этого культурного комплекса. Керамика, вероятнее всего, подразделяется на предметы домашнего изготовления (сосуды из разряда грубой керамики) и ремесленного производства (тонкая керамика и сосуды для хранения продуктов).

Типологический анализ керамики типа Ноуа-Сабатиновка-Косложень весьма затруднен по причине разнообразия форм, фрагментарности находок, а также скудного количества публикаций, содержащих классификацию керамического материала, обнаруженного на исследованных поселениях. В специальной литературе имеются типологии керамических сосудов для каждой из культур комплекса в отдельности, но общей типологии нет. Поэтому мы сочли необходимым разработать общую типологию керамики Ноуа-Сабатиновка-Косложень. Это позволило нам выделить 12 типов сосудов с подтипами и вариантами, представляющими формы и орнаменты, встречающиеся, за некоторыми исключениями, в каждой из трех культурных сред.

05.06.2023

Dr. Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-1537-7375, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

BRONZE- UND EISENZEITLICHE VERBINDUNGEN IN EURASIEN. VORLÄUFIGE BETRACHTUNGEN ANHAND EINER SONDERGATTUNG[1]

Tudor Soroceanu

Meinem alten Freund Mircea Babeş
ein Reisegeschenk für seinen längsten Flug

Schlüßelworte: Eurasien, Bronze- und Eisenzeit, Verbindungen, Metallschmuck, kleine Ringe mit Spiralscheibenenden, Tracht.

Einleitung

Unlängst nach der Neuveröffentlichung der Slg. Egger (Soroceanu 2011) wurde es bereits deutlich, daß mindestens eine Fundgattung durch ihre Verbreitung, durch ihre zeitliche Beharrung und nicht zuletzt durch die vielen Varianten und Untervarianten in besonderer Art und Weise in Erscheinung tritt. Es handelt sich um den üblicherweise genannten „Fingerring mit Spiral(scheiben)enden" (s. unten die verschiedenen Bezeichnungen), eine Gattung welche für mindestens 1500 Jahre, von der Spätfrühbronzezeit bis in die späte Hallstattzeit, von Garonne bis zum oberen Obi eine unregelmäßige, aber ständige eurasiatische Schmuckpräsenz war[2]. Die allmählich wachsende Dokumentationsbasis gestattete ein ständig tieferes Erfassen der Forschung dieser Fundkategorie. Es lag nahe – vorrangig wegen des Umfanges – die Ergebnisse zunächst getrennt bekannt zu machen.

Zur Definition

Der eingebürgerte Begriff *Fingerring mit Spiral(scheiben)enden* ist an sich keine perfekte definitorische Lösung. Diese Bezeichnung verweist auf eine bestimmte – verbreitete, aber gar nicht allumfassende – Funktionalität als **Finger**schmuck und ist daher nicht angebracht, sie in erster Reihe im typologischen Sinne zu verwenden (s. unten Zur Methode und Zur Tragweise). Sie wird deshalb, vor allem im vorliegenden Rahmen mit dem Begriff *kleine Ringe mit Spiralscheibenenden* ersetzt. Es handelt sich um Ringe mit einer oder mehreren Windungen (bis circa elf), dessen Durchmesser meistens ungefähr 1 bis 3 cm beträgt[3]. Darüber hinaus ist die Zahl der Spiralscheiben (1-4) unterschiedlich und hängt nicht unbedingt mit der Funktionalität, wohl aber zunächst mit der Typologie, auf einer höheren Stufe wohl auch mit der Deutung zusammen. Bis zu einer vollständigen Untersuchung der Fundumstände, bzw. der Tragweise – soweit sie bekannt sind – ist es also zunächst eine streng typologische Orientierung bei der Analyse des Materials zu empfehlen. Daher ist die Tragweise („funktionsverbundene Typologie") unten nur als nötiger Systematisierungsversuch angesprochen worden.

Die auffallende Verschiedenheit der aufgebotenen Bezeichnungen (s. unten Zur Forschungsgeschichte) trug nicht weiter zur definitorischen Stabilität unserer Gattung bei. Wir haben vorrangig die vielen deutschen Namensvarianten berücksichtigt; ihr Ansammeln aus allen verwendeten Sprachen würde ihre Anzahl auf mindestens 60-70 erhöhen.

[1] Für die vielseitige Hilfe sei die folgenden Damen und Herren herzlich gedankt: Wojchiech Blajer, Nikolaus Boroffka, Dirk Brandherm, Florin Gogâltan, Gábor Ilon, Piotr Kotowicz, Sergej Kuzminych, Ljuben Leščakov, Marija Ljustina, Viktor Merz, Eugen Sava, Alexandru Soroceanu, Alina Soroceanu, Levan Tchabashvili, Denis Topal, Maria Windholz-Konrad. Das Manuskript wurde in großen Zügen im Laufe des Monats April 2023 niedergeschrieben. In besonderer Weise danke ich den Kollegen Aurel Zanoci und Mihail Băţ für die vielfältige Unterstützung bei der Entstehung dieses Beitrages.

[2] Aus technischen Gründen wurde das kritische Apparat reduziert, daher sind überwiegend Beispiele angegeben. Die Fundlisten spielen dementsprechend eine wichtigere Rolle als normal und wird oft darauf hingewiesen.

[3] Dabei ist zu beachten, daß in den meisten Publikationen der Außendurchmesser angegeben wird, was nicht dem tatsächlichen Tragen, sei es an Fingern, Zehen oder als Haarringe, Anhänger usw. entspricht.

Zur Methode

Unsere Arbeitsmethode fußt auf den Lehren der Forschungsgeschichte und den Umgang mit dem Material. Der über drei Jahrhunderte angesammelte Fundstoff läßt durch die Diversität der Veröffentlichungen und der Sichtweisen einige Bearbeitungs- und Deutungsschwierigkeiten entstehen, die nicht immer leicht zu bewältigen sind: Abgesehen von den vielen Beeinträchtigungen, wie beispielsweise die sehr unterschiedliche Qualität der Abbildungen, der Beschreibungen, der Angaben, wurden die „Finger"ringe mit Spiralenden weitgehend in sehr beschränkten Zusammenhängen, Territorien und Zeiten erforscht. Sogar der einzige Versuch, über den wissenschaftlichen Tellerrand zu blicken, limitiert sich praktisch auf einen wichtigen, aber reduzierten Teil des Verbreitungsraumes ungefähr zwischen dem Rhein und der Theiß-Unterdonau-Linie (Kilian-Dirlmeier 1980).

Demzufolge zeigen die Forschungsgeschichte, aber besonders unsere ergänzten Fundlisten, daß nur eine Gesamtbearbeitung – jetzt eine vorläufige, als Forschungsansatz – den richtigen Überblick verschaffen kann. Der breite Blickwinkel ist zuerst aus typologischer Sicht, aber auch wegen der unterschiedlichen Tragweisen erforderlich. Einerseits wurden nicht alle Spiralringe mit kleinerem Durchmesser (ca. 1-3 cm), nicht einmal diejenigen, die in zwei Spiralscheiben enden, unbedingt als Fingerringe in der Bronze- und Hallstattzeit gedacht, bzw. getragen, andererseits zeigen viele Ringe, die auch an der Hand getragen wurden, eine ganz einfache Form (s. unten Typologie).

Wenig wurde auch beachtet, daß die Fundkategorie der „Finger"ringe mit zwei Spiralenden in eine allgemein verbreitete „Mode" des Spiralscheibenschmucks gehört (Abb. 1) und daß der Schmuck mit (Zwei)spiralscheiben oft – wenn auch unvollständig – Garnituren bildet (s. unten, die Tragweise). Weiter unbeachtet blieb die Tatsache, daß die Größe unserer Fundgattung beim selben Exemplar veränderlich waren; unsere Experimente mit modernen mehrwindigen Stücken aus verschiedenen Metallen (z. B. Abb. 5/11) bewiesen, daß der Durchmesser eines Exemplares mindestens um 3 cm angepaßt werden kann. Dies besagt, daß das, was die Archäologen heutzutage finden, in der allermeisten Fällen nur ein bestimmtes „Stadium" darstellen könnte, und zwar dasjenige was der damalige Benutzer in dem gegebenen Augenblick brauchte[4]. Ein und dasselbe Stück könnte dementsprechend, aus der heutigen Sicht, mehrere typologische Einstufungen erleben. Das Gleiche geschieht – wenn auch nicht so prägend – mit dem Schmuck der nur eine Spiralscheibe aufweist. In unserer aktuellen Fundliste wurden also – ebenfalls aus methodischen Gründen – auch einige sichere Exemplare mit einer einzigen Spiralscheibe eingeschloßen, jedoch mit Vorsicht[5].

Aus demselben Grund wird im hiesigen Zusammenhang auf die vielen ***abgetrennten kleinen Spiralscheiben*** für die Untersuchung der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden überhaupt keine Rücksicht genommen. Die kleinen abgetrennten Spiralscheiben können übrigens von vielen Gegenständen (wie z. B. von brillenförmigen Anhängern, von achtförmigen Doppelspiralen, von verschiedenen Fibeln, von Nadeln mit Doppelspiralkopf usw.) stammen oder können auch selbstständige Formen bilden, so daß ihre Berücksichtigung das aktuelle Gesamtbild verunklaren würde (Abb. 1-2)[6]. Andererseits scheint es fast eine Sitte gewesen zu sein, getrennte Spiralscheiben neben anderen ganzen Schmuckstücken mit Spiralscheiben zu deponieren[7]. Ob sie absichtlich angesichts der Deponierung (im Grab oder im Depotfund) vom Hauptgegenstand abgebrochen worden sind, ist zur Zeit nicht zu klären. Deshalb ist es zu empfehlen, diesen ganzen Nebenbereich disjunkt zu behandeln.

[4] Wie mehrere „beschädigte" auseinandergezogene „Finger"-Ringe bestätigen: ein kleines Stück mit zwei-drei Windungen kann jederzeit ein mittelgroßer Armring werden (z. B. Kućišta, Bosnien; Slatinice, Tschechei; Kengyel-Tenyősziget, Ungarn). Auch die Dicke des Drahtes hilft nicht immer die zwei Größenkategorien zu unterscheiden.

[5] Die Veröffentlichungsweise gestattet selten festzustellen, ob eine Spiralscheibe abgebrochen worden war, sowie andere Details zu erkennen, daher spielt diese Fundkategorie im vorliegenden Rahmen nur eine nebensächliche Rolle.

[6] Für ein unabhängiges Verwenden der kleinen Spiralscheiben, viele davon auch konischer Form, spricht ihre reiche Anwesenheit in der Frühbronzezeit Bayerns, in welcher die Ringe mit Spiralscheiben eher eine Rarität bilden, vgl. Ruckdeschel 1978 passim, aber auch Hübener 1957, Abb. 4/4-6; 5/3-7 (Bayerisch Schwaben).

[7] Sie können von Fibeln, Nadeln, (brillenförmigen) Anhängern usw. stammen (vgl. auch Abb. 1-2), sie können aber auch selbstständige Schmuckstücke sein, wie beispielsweise das spitzzulaufende Ende des Stückes von Hienheim zeigt (Hochstetter 1980, 130, Kat.-Nr. 103, Taf. 37/6).

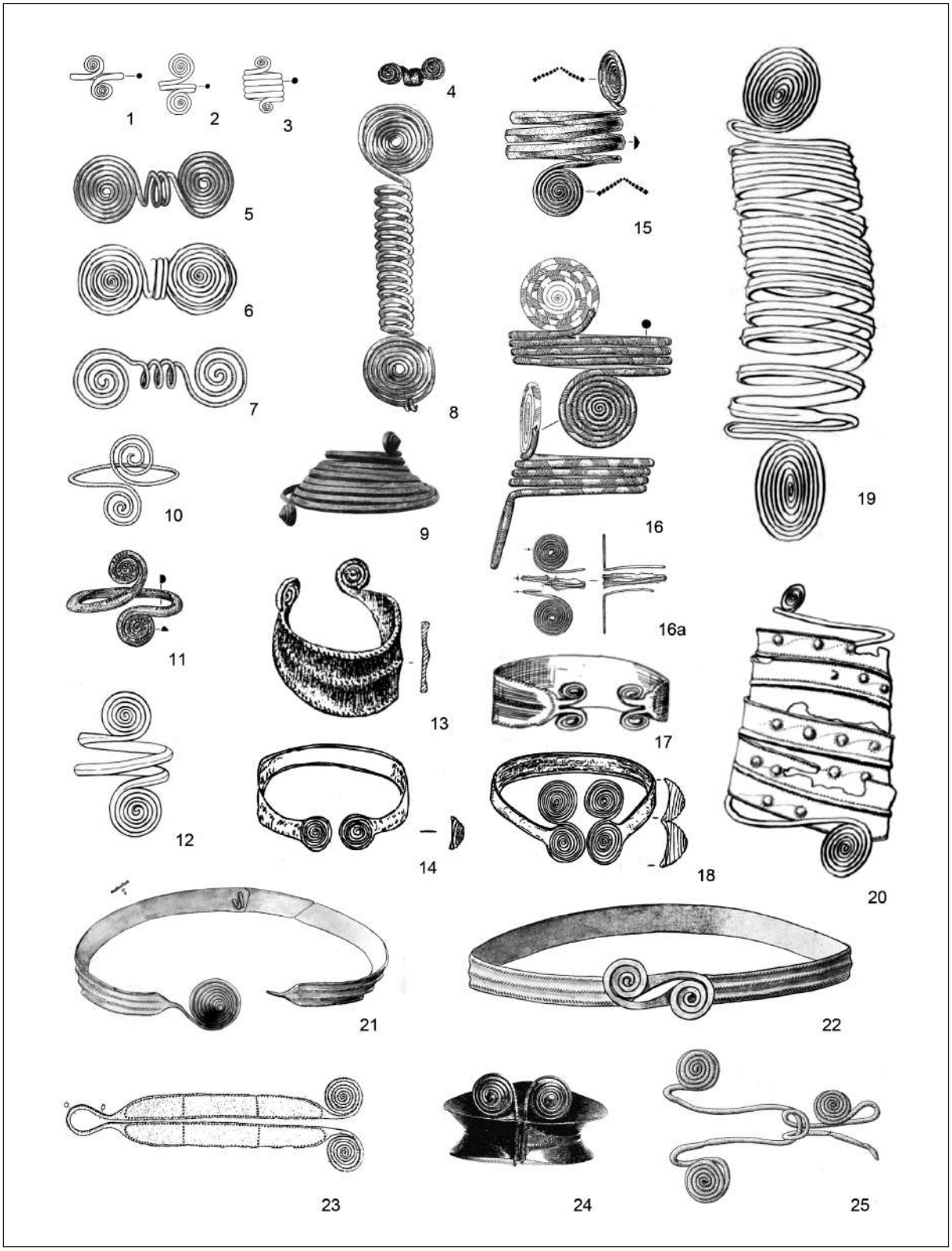


Abb. 1. Der typologische Platz der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden innerhalb der Typologie der körperteilumfassenden doppelspiraligen Trachtbestandteile: Beispiele: Fingerringe/-berge; sehr schmale mehrwindige Ringe; mittelgroße Ringe; Bänder oder Berge (3-6 cm); Armringe /-stulpen /-berge; Fußringe /-stulpen /-berge; große kegelstumpfförmige Spiralen mit je eine Spiralscheibe am Ende; Diademen; Draht- und Bandgürtelhaken mit je zwei Spiralenden (Beispiele nach Benac, Čović 1956; Furmánek 1973; Карабаспакова 2011; Kilian-Dirlmeier 1975; Kilian-Dirlmeier 1980; Козенкова 2004; Козенкова 2013; Лысенко 2021; Mozsolics 1973; Neugebauer 1991; Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

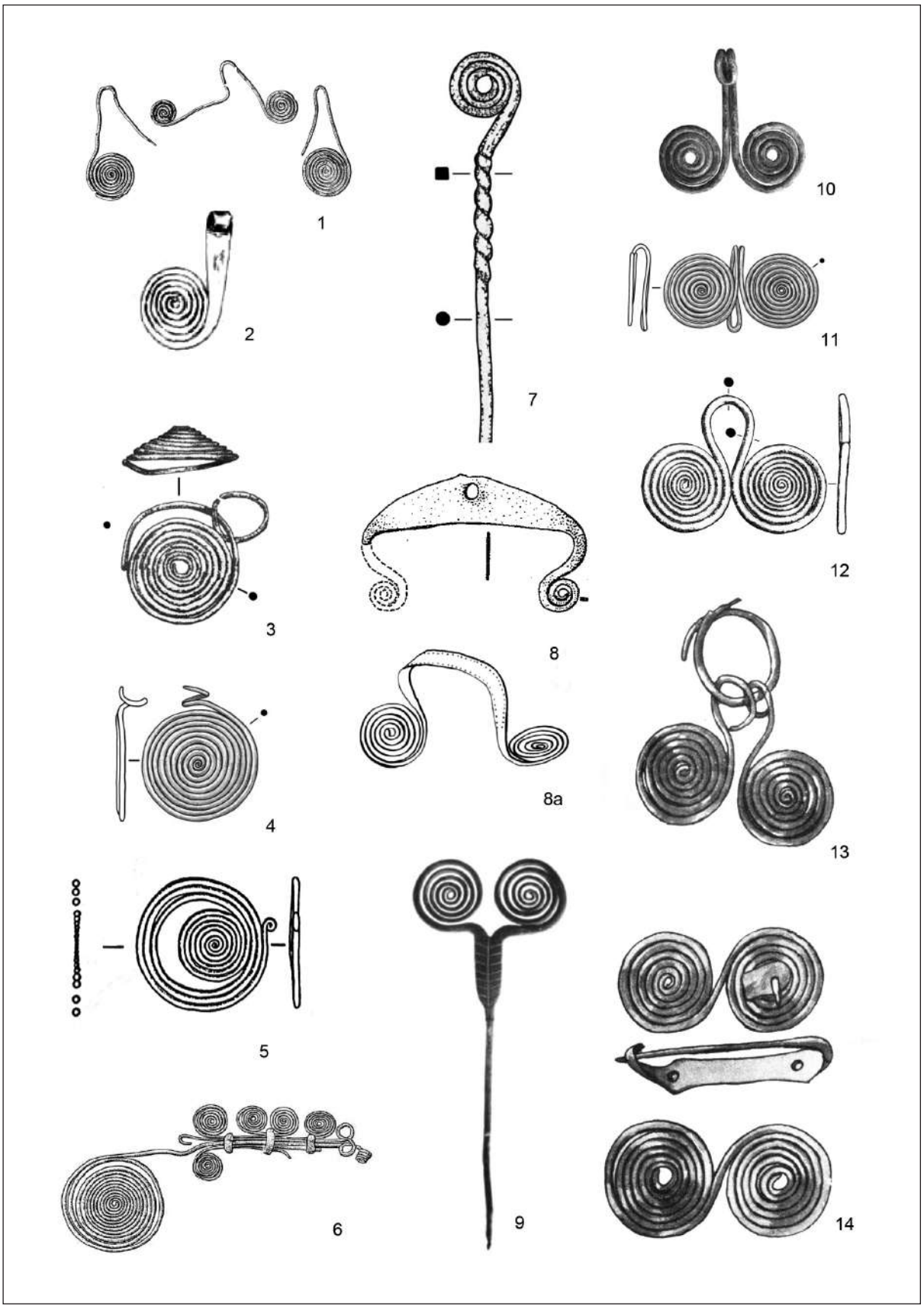


Abb. 2. Schmuckgegenstände mit kleinen Spiralscheiben, die keine Gegenstände im Sinne der Abb. 1 sind (Beispiele nach Bader 1983; Benac, Čović 1957; Kovács 1979; Лысенко 2021; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

Zur Forschungsgeschichte

1) *Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jhs.*

Obwohl die erste Beschreibung eines Ringes mit Spiralscheibenenden sehr wahrscheinlich nicht unmittelbar mit einem „Finger"-Ring, sondern eher mit einem Arm- oder Fußring/-berge in Verbindung steht, ist es ratsam, sie zu berücksichtigen. Es handelt sich, unseres Wissens nach, um das erste Auftreten eines solchen Ringes mit „circumvolutiones" in der Fachliteratur, der mit einer „runden Umbeugung etwa in Größe eines Sechslings oder Dreyers" endet (Rhode, Rhode 1720, 146[8]). Hundert Jahre später beschreibt D. Popp erstmals einen kleinen Ring mit Spiralscheibenenden; Fr. A. Mayer und G. C. F. Lisch folgen ihm mit weiteren Beispielen und Deutungen (Popp 1821, 36)[9].

2) *Von der Mitte des 19. Jhs. bis zum Ersten Weltkrieg.*

Diese zweite Forschungsetappe kennt eine Vermehrung sowohl kleinerer Publikationen, als auch der Monographien, welche u.a. auch unsere Fundgattung berücksichtigen. Das geographische Forschungsgebiet wird erweitert, sowohl in Mitteleuropa, als auch im Nordkaukasus: Gelehrte aus Deutschland, Österreich-Ungarn, Italien, Rußland veröffentlichen immer mehrere Exemplare, so daß die Auswertung sich auf einer immer breiteren Basis stützen darf (Lindenschmit 1864; Mariani 1901; Tocilescu 1880, 454[10]; Hampel 1896; Pič 1900; Lindenschmit Sohn 1889; Schumann 1897; Уварова 1900).

3) *Die dritte Phase* (vom Ersten Weltkrieg bis zum Erscheinen des Aufsatzes von I. Kilian-Dirlmeier, 1980) teilt sich fast von alleine in zwei Unterphasen:

3a) *Vom Ersten bis zum Zweiten Weltkrieg.*

Besonders in den Monographien von J. Schránil, Vl. Dumitrescu, F. Birkner und K. Willvonseder[11] aber auch in mehreren Materialveröffentlichungen wird die Aufmerksamkeit auf unsere Fundkategorie immer deutlicher gelenkt (s. Fundlisten). Anläßlich der Veröffentlichung der Nekropole von Kerameikos wird mit gutem Recht bereits auf Mitteleuropa als Ursprungszentrum (auch für Griechenland) hingewiesen und dadurch eine wichtige Verbindung hergestellt[12].

3b) *Vom Zweiten Weltkrieg bis 1980.*

Ein seltsamer Übergang von der Unterphase 3a zu 3b schafft unwillkürlich Fr. Holste, indem einige vor seinem Tod (1942) verfaßte Werke und gesammeltes Material erst nach dem Zweiten Weltkrieg herausgegeben wurden. Für unser Thema sind sowohl die Hortfunde Südosteuropas[13] als auch sein Buch über die Bronzezeit in Süd- und Westdeutschland von Bedeutung[14]. Die „Doppelspiralen" werden in ihrem kulturgeschichtlichen Kontext bearbeitet, jedoch kommen sie nicht in seine anderen Typentafeln mit Leitformen[15].

Im Sinne von W. Kraiker und K. Kübler, betrachten auch V.G. Childe, S. Dakares, D. Theochares, I. Vokotopoulou, S. Iakovides und V.R. Desborough, bedingt auch M. Andronikos die

[8] „No. 1 ist ein schöner hoher Ring 7 ziemlich weit auseinander gedehnete Spiras oder Circumvolutiones, Kringe oder Umwindungen habende welche dazu auch von der Weite oder Rundung daß der so ihn getragen wol von einer grössern als ordinairen Statur und Gliedmassen mag gewesen seyn. Der oberste Reift oder Kring am selbigen endet sich mit einer zwiefachen runden Umbeugung etwa in Größe eines Sechslings oder Dreyers". („bey dem offterwehnten Dorfe Cölln, Grafschafft Rantzau..." / heute Kr. Pinneberg, Schleswig-Holstein, vgl. auch unsere Abb. 3/7). Dies darf als erste Beschreibung und Bezeichnung einer Spiralscheibe gelten, die Teil eines mehrwindigen Ringes ist. Ein Hamburger Sechsling aus dem Jahr 1669 hat einen Durchmesser von ca. 1,4 cm.

[9] „Grosse Ähnlichkeit mit diesen [„kleine Scheiben von schneckenförmig gewundenem Draht"] haben auch andere Drahtscheiben, deren immer zwei durch eine aufwärts stehende breite Schiene verbunden sind (Tab. II, fig. 5)" (unsere Abb. 3/3); vgl. unsere Abb. 3/1-2, wo auch die Abbildungen von Fr. A. Mayer 1835 und Lisch 1837 reproduziert sind. Wie erwartet verwerten die meisten Autoren bis zur Mitte des 19. Jhts. in erster Reihe ihre Kenntnisse der antiken Autoren. Viele ihrer Überlegungen behalten ihren Wert bis heute.

[10] „Ringe die um die Finger mehrere oder wenigere Male gedreht waren und oft diskusförmig endeten".

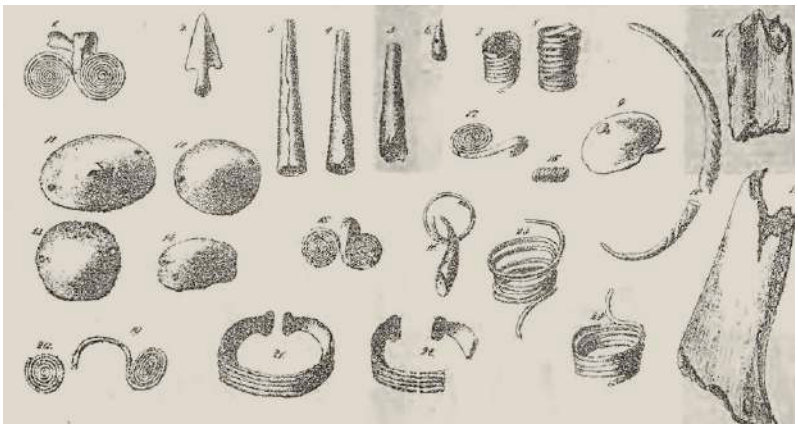
[11] Schránil 1928, 125, 166, 365; Dumitrescu 1929, 112: „anelli terminati in volute spiraliche"; Birkner 1931, 74-82, mit den ersten Fundlisten. Willvonseder 1937, 134-135: „Fingerringe mit Endpiralen" behandelt sie im Rahmen eines abgesonderten Paragraphes; bei Holste 1939 findet unsere Gattung keine Berücksichtigung, für den allgemeinen Rahmen ist sein Werk auf jeden Fall von Bedeutung.

[12] Kraiker/Kübler 1939, 85-86; vgl. dazu die weiteren bibliographischen Hinweise und die Bemerkungen bei Kilian-Dirlmeier 1980, 249, die stets aus „griechischer Sichtweise" auf die ganze Problematik blickt.

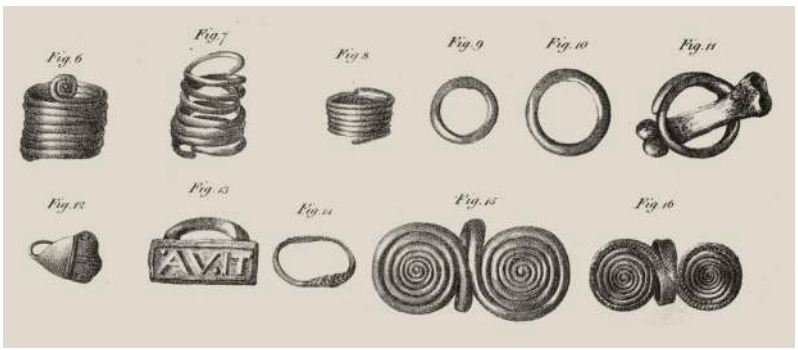
[13] Wo mehrere kleine Ringe mit Spiralscheibenenden, die er auf seiner Forschungsreise aufgenommen hatte, veröffentlicht wurden, vgl. z. B. Holste 1951, 10, Taf. 18/49.

[14] Wo die erste, soweit bekannt auch die letzte Verbreitungskarte (Holste 1953, Karte 9) unserer Gattung erschien und mehrere grundlegende Ideen und Beobachtungen ihren Platz finden.

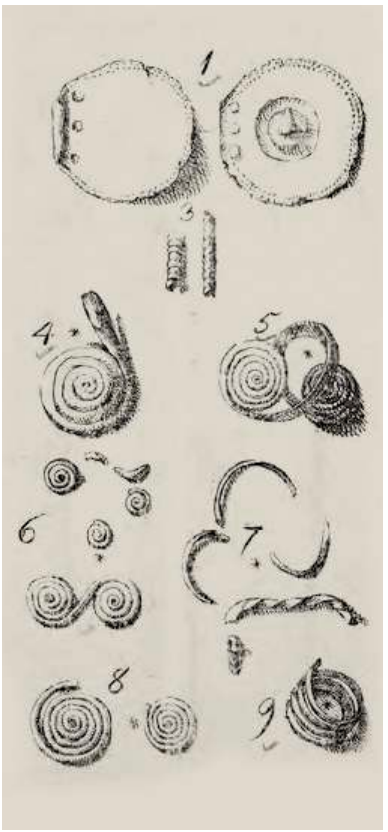
[15] Bis auf die oberpfälzische Gruppe, „ältere Stufe", s. Holste 1953, 41 Abb. 3/7.



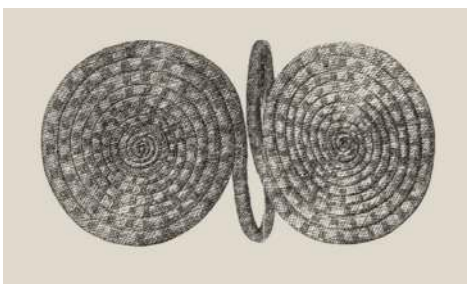
1



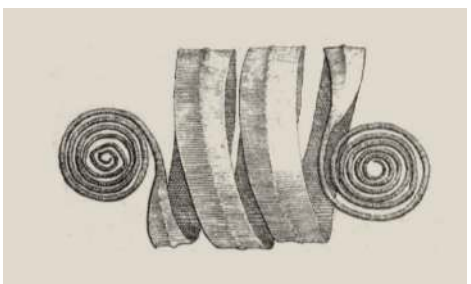
2



3

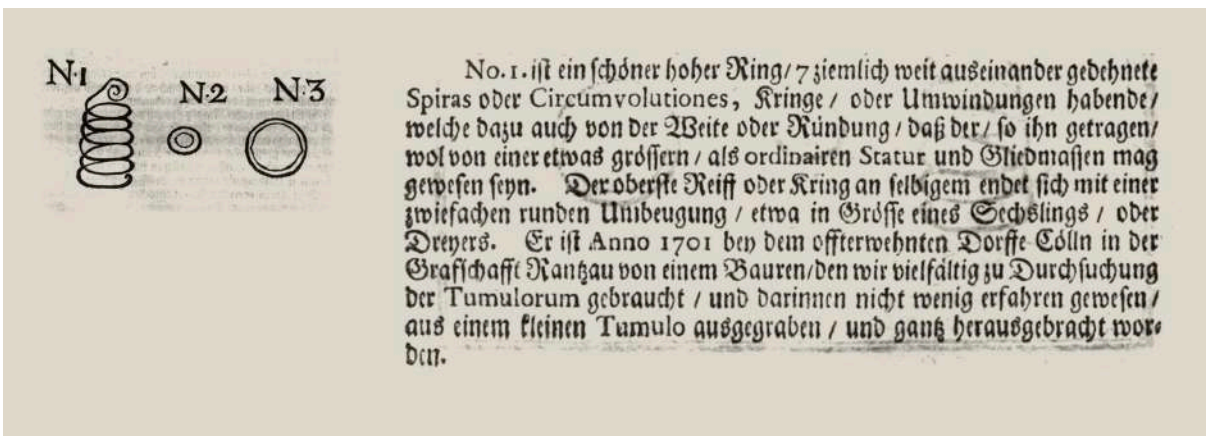


4



5

6


N:1
N:2
N:3
No. 1. iſt ein ſchöner hoher Ring / 7 ziemlich weit auseinander gedehnete Spiras oder Circumvolutiones, Kringe / oder Umwindungen habende / welche dazu auch von der Weite oder Ründung / daß der / ſo ihn getragen / wol von einer etwas gröſſern / als ordinairen Statur und Gliedmaſſen mag geweſen ſeyn. Der oberſte Reiff oder Kring an ſelbigem endet ſich mit einer zwiefachen runden Umbeugung / etwa in Gröſſe eines Sechslings / oder Dreyers. Er iſt Anno 1701 bey dem offterwehnten Dorffe Cölln in der Grafſchafft Rantzau von einem Bauren / den wir vielfältig zu Durchſuchung der Tumulorum gebraucht / und darinnen nicht wenig erfahren geweſen / aus einem kleinen Tumulo ausgegraben / und gantz herausgebracht worden.

7

Abb. 3. Ältere, „historische“ Veröffentlichungsbeispiele: 1 - nach Mayer 1835; 2 - nach Lisch 1837; 3 - nach Popp 1825; 4, 5 - nach Schumann 1897; 6 - nach Уварова 1900; 7 - Abb. und Text, nach Rhode, Rhode 1721.

Anwesenheit eines kleinen Ringes mit Spiralscheibenenden in Griechenland als Imitation, Import oder Nachherstellung aus Mitteleuropa und dadurch den „Norden“ als den Ursprung der Form und ihrer Entwicklung im griechischen Raum[16]. In dieser Phase macht die Forschung weitere Fortschritte, indem Autoren wie z. B. I. Foltiny, W. Torbrügge, A. Beneš, H. Adler, T. Kemenczei, E. Čujanová-Jílková, A. Mozsolics immer mehr Material und Ansichten in den wissenschaftlichen Umgang bringen[17].

Von wegweisender Bedeutung ist die Dissertation von B. Hänsel. Der Verfasser bietet zum ersten Mal – obwohl er zeitlich nur auf seine FD III-SD I-Phasen eingeschränkt bleibt – im Rahmen einer allgemeinen gründlichen Diskussion eine breitere Vision an, die bis heute, auch wenn nicht vollkommen akzeptiert, sicherlich berücksichtigt werden muß (Hänsel 1968, 108, 217, Fundlisten 110 und 111)[18]. Weitere Beiträge wie die von V. Furmánek ergänzen die Fundstoffsammlung und die Palette der Meinungen (Furmánek 1973; Furmánek 1977; Furmánek, Kruta 2002; Furmánek 2004). Die rumänischen Forscher berücksichtigen die Fundkategorie nicht[19].

Im östlichen Teil des Arbeitsgebietes erschienen die Arbeiten von M.N. Komarova, E.I. Krupnov und E.A. Novgorodova, die nicht nur bestimmte Exemplare zugänglich machten, sondern auch zur Herstellung einer Typologie und zu einer kulturgeschichtlichen Diskussion veranlaßten (Комарова 1952; Комарова 1962; Крупнов 1960; Крупнов 1963; Новгородова 1970).

Der umfassendste Aufsatz mit Bezug auf die hier angesprochene Fundkategorie verdankt man Ida Kilian-Dirlmeier (1980, 249-269: Fundliste, Typologie, chronologische und kulturgeschichtliche Ansätze). Sie bearbeitet die „Fingerringe mit Spiralenden“ zum ersten Mal nach Hänsel, in einem überregionalen Rahmen: von Elsaß bis ungefähr zur Theiß und vom nordmediterranen Raum (Italien, Kroatien, Griechenland) bis zur Ostsee (Kreis Rügen).

Ihre Hinweise auf die vier nordkaukasischen Funde (S. 258) waren für sie kein Anstoß zum weiteren Recherchieren, die „verdächtigen“ Zwischenareale (z. B. die heutigen Territorien der Ukraine und Rumäniens) näher zu untersuchen und die Verbindungen zwischen den „singulären“ kaukasischen und den mitteleuropäischen/griechischen Exemplaren herstellen zu lassen. Weite Teile Rußlands und Kasachstans kamen überhaupt nicht ins Gespräch. Insgesamt enthält ihre, bereits vor über 40 Jahren hergestellte Fundliste nur ungefähr zwei Drittel der damals einer Wissenschaftlerin zugänglichen Fundorte mit „Fingerringen mit Spiralenden“ aus dem bereits damals in Anspruch genommenen Arbeitsgebiet[20]. Dies hatte nicht nur die Dichte des von ihr in Betracht gezogenen Arbeitsgebietes beeinträchtigt, es hat zur Auslassung eines umfangreichen Teils des Verbreitungsgebietes von der Theiß-Donau-Linie bis zum oberen Obi geführt[21].

Zum ersten Mal entstand im Aufsatz von Kilian-Dirlmeier eine Typologie der Gattung. Freilich hatte die Nichtberücksichtigung vieler Fundorte, bzw. Exemplare ebenfalls ungünstige Konsequenzen auf der Herstellung einer tatsächlichen Gesamttypologie. Ihre Typologie bildet jedoch einen wichtigen Ein- und Ausgangspunkt. Es wurde aber dafür deutlich, daß nur eine getrennte Typologie jeweils für Mitteleuropa und Griechenland herzustellen, keine günstigen formenkundlichen und kulturgeschichtlichen Grenzen zieht. Offensichtlich hat auch ein griechenlandbezogener Zentrismus, ersichtlich auch in ihrer Forschungsgeschichte, eine gewisse negative Rolle

[16] Vgl. die Diskussion und die Literatur bei I. Kilian-Dirlmeier 1980, 249; grundsätzlich lehnt sie jede nördliche typologische Abhängigkeit der griechischen Exemplare ab, was auch nicht vom Forschungsstand im Jahre 1980 gerechtfertigt wird.

[17] Foltiny 1957, 55 („Ringe mit Spiralenden“), Torbrügge 1959 („Spiralscheibenring“), Beneš 1959; Adler 1965 („Fingerreif mit zwei Spiralen“); Kemenczei 1965, 114 („Fingerring mit Spiralscheibe“); Čujanová-Jílková 1970, z. B. 30 („Spiralscheibenring“); Mozsolics 1973, 54 („Fingerringe mit flachen Spiralenden“).

[18] Als Namen verwendet er „Fingerringe mit gegenständigen Spiralenden“ und „Fingerspiralen mit gegenständigen Spiralenden“. Leider findet unsere Form keinen Eingang in seine Typenlisten s. Beilage 4-6 und auch in seine Verbreitungskarten.

[19] Petrescu-Dîmboviţa 1978 verwendet die Bezeichnung „Spiralringe mit Endspiralscheiben“ bei der Veröffentlichung des Fundes von Moldova Veche, sonst ist an unsere Fundgattung nicht interessiert. In Anbetracht des einzigen HaA-Exemplares von Moldova Veche I, berücksichtigt Rusu 1972 diesen Typ nicht.

[20] Nur in ihrer Fundliste für Deutschland fehlen genau so viele, damals bekannte Fundorte, wie sie bis 1980 registriert hatte (s. Fundliste Deutschland).

[21] Eine Annäherung zu den schon damals wissenschaftlich erreichbaren osteuropäischen Areale (Rumänien, Ukraine, große Teile der damaligen UdSSR) hätte sie auch vor das Problem der Spiralscheibenwölbung unserer Fundgattung gestellt und auch in diesem Sinne die Möglichkeit einer eurasiatischen Typologie zu erwägen.

gespielt. Dies erklärt vielleicht warum ohnehin eine Verbreitungskarte in ihrem Artikel nicht vorliegt, was nicht als Gewinn betrachtet werden kann.

Die vier Schlußbetrachtungen (Kilian-Dirlmeier 1980, 258-259) dürfen folgendermaßen kommentiert werden:

1) Das Problem liegt nicht in der [„beträchtlichen"] zeitlichen Differenz „im Auftreten der Fingerringe mit Spiralenden in Mitteleuropa und Griechenland…", sondern im kontinuierlichen Herstellen und Verwenden dieser Fundstücke im östlichen Mitteleuropa, die jederzeit als Inspirationsquelle für die spätmykenische Welt dienen konnten.

2) Es mag wohl sein, daß „das Eindrehen von Drahtspiralen im mykenischen Handwerk geläufig genug ist", diese spätere Entwicklung berechtigt jedoch überhaupt nicht, die Vermutung einer selbstständigen Erfindung zu behaupten, solange in der Nähe ein mindestens 500 Jahre früheres, ununterbrochen praktiziertes „Eindrehen" der Drahtspiralen belegt ist. Es gilt nämlich, die mykenischen Anfänge dieses Eindrehens zu untersuchen und mit der mittel- und südosteuropäischen Entwicklung zu parallelisieren.

3) Das chronologische Süd-Nordgefälle hat im Auftreten dieser Fingerringe in der mykenischen Welt eine sehr geringe Bedeutung, zumal der Handel auch auf maritimen (Küsten)Wegen stattgefunden hat und z. B. nach Peloponnes führen konnte. Umgekehrt, weiß man nicht, welche mykenische Zentren das neue Produkt für attraktiv und übernehmbar fanden. Man brauchte „weder eindringende Fremdgruppen, noch weitreichende Kontakte" um einige Produkte mit einem kleinen Boot stufenweise nach Süden zu bringen.

4) Das „nachweisliche Vorkommen von spätmykenischer Zeit bis ins 7./6. Jahrhundert v. Chr." – ohne weiteres eine großartige Entwicklung – ist kein Argument dafür, unseren Typ als „genuines Erzeugnis der mykenischen Bronzeindustrie" zu betrachten. Das durchgehende „Eindrehen von Drahtspiralen" nördlich der mykenischen Welt eigentlich schon von der Kupferzeit her, reduziert die Genuinität der mykenischen Erfindung drastisch, ebenso wie das Spätleben unserer Form (bis in das 4. Jh. v. Chr.) in Italien und Nordkaukasus.

Trotz allem stellt der Aufsatz von Kilian-Dirlmeier vergleichsmäßig einen Höhepunkt in der Forschung dar und dient ohne Zweifel als Referenzstudie für die Erforschung unserer Fundgattung. Daher ist es schlicht unerklärlich, warum er bedauerlicherweise von der Mehrheit der Fachkollegen, die nach 1980 diese Fundgattung bearbeitet haben, nicht berücksichtigt, bzw. ergänzt worden ist[22]. Es gibt aber auch Forscher, die vollkommen unkritisch ihre Behauptungen übernehmen (Lichter 2013, 143, Fßn. 143)[23].

4) *Von 1980 bis in die Gegenwart.*

Bereits ab 1980 erschienen weitere Werke, die unterschiedlich, aber stetig Aufmerksamkeit auf unsere Fundgattung lenkten: A. Hochstetter, H. Koschik, T. Kemenczei, Z. Benkovsky-Pivovarová, A. Mozsolics, B. Wiegel, J. Godiš und J. Haruštiak, J.-W. Neugebauer, J. Bátora, A. Găvan, A. Heinrich[24]. Für den östlichen Teil des Arbeitsgebietes gilt das Gleiche für die Arbeiten von V.I. Kozenkova, N.A. Avanesova, O.V. Kuz'mina, S. Reinhold, S.S. Lysenko (Козенкова 1982; Аванесова 1991; Кузьмина 1992; Козенкова 1998; Козенкова 2001, 48; Аванесова 2001; Reinhold 2007, 98; Козенкова 2013, 46, 165; Grigoriev 2019; Лысенко 2021, 372-373, рис. 127: „Перстни и кольца-подвески со спиральными щитками", 616, рис. 228).

[22] Man kann nur sehr wenige Ausnahmen zitieren, beispielsweise Neugebauer 1991, 32; Wiegel 1994; Козенкова 2001, 48; Козенкова 2013, 165; Lichter 2013, 143, Fßn. 143, was im Vergleich zu den Studien, in denen unsere Fundgattung angesprochen wird, eine unbedeutende Präsenz darstellten.

[23] Der einverstanden mit der typologischen „Unabhängigkeit" der Fundgattung in Griechenland ist und der die Abwesenheit der „Fingerringe mit Doppelspiralenden" 33 Jahre nach Kilian-Dirlmeier weiter behauptet. Es wäre vielleicht nicht unnötig gewesen, daß C. Lichter mindestens die Arbeiten von Reinhold 2007 (Nordkaukasus) und Nascimbene 2007 (Mittel- und Norditalien) durchblättert, um die eindrucksvolle Menge der „Fingerringe mit Doppelspiralenden" außerhalb Griechenlands zur Kenntnis zu nehmen.

[24] A. Hochstetter 1980, 53; Koschik 1981, 91 („Spiralscheibenringe"); Kemenczei 1984, 21 („Fingerringe … mit Spiralscheibenenden"), 24 („Spiralscheibenfingerringe"); Benkovsky-Pivovarová 1985, 69-70 („Fingerringe mit gegenständigen Endrosetten"); Mozsolics 1985, 63-64 („Spiralringe mit flachen Endspiralen");Wiegel 1994 („Fingerberge"); Gruber 1999; Godiš, Haruštiak 2020, 137 („Drahtringe mit spiralförmigen Endscheiben"); Neugebauer 1991, 32; Bátora 2000, 418-419 („Fingerring des Typs D"); Găvan 2015, 134; Heinrich 2019, 57 („Doppelspiralfingerring, mit entgegengesetzt verlaufenden Spiralenden, bestehend aus flachem Bronzedraht mit einem Mittelring und Spiralscheibenansätzen").

Zu den Fundumständen

Grab – Depotfund – Tempel – Siedlung bilden die Hauptmöglichkeiten, kleine Ringe mit Spiralscheibenenden zu entdecken (s. Fundlisten). Diese Fundkategorien sind jedoch nach Regionen und Zeitstufen ungleich verteilt. Die Mehrheit der Fundorte sind ohne weiteres die Gräber, egal zu welcher Art von Bestattungen (Hügelgrab, Flachgrab usw.) sie gehören. Dies gilt ebenfalls für bislang von der europäischen Forschung unberücksichtigte Verbreitungsräume, vom karpatisch/nordpontischen bis zum westsibirischen.

Im Gegensatz zu früheren Meinungen (Kilian-Dirlmeier 1980) liegt jedoch eine viel größere Anzahl von Fundstücken in Depotfunden vor [s. Fundlisten] und diese geben auch über eine andere Tragweise als Fingerschmuck Auskunft (s. unten). Ein Fundareal wie das heutige Rumänien zeigt eben ein mehrheitliches Erscheinen in Depotfunden: sechs von sieben Fundorten sind keine funerären Kontexte, fünf davon datieren in die Urnenfelderzeit, in der die Fundgattung insgesamt besser vertreten als vermutet ist. Griechenland bildet hingegen das Areal, in welchem die allermeisten Tempelfunde vorkamen. Ein bescheidenes mitteleuropäisches Gegenstück könnte die Deponierung in einer Pfostengrube der Siedlung in Haunstetten bilden (Fundliste D 36). Hier ist zu betonen, daß auch die Anzahl der Fundstücke in den jeweiligen Funden sehr unterschiedlich ist, was nicht nur mit dem Tragen an verschiedenen Fingern zu tun hat. Allgemein sind die Fundumstände der kleinen Ringe mit Spiralenden noch detailliert zu untersuchen.

Die Grabbefunde geben meistens für unser Arbeitsgebiet richtige Hinweise, die Niederlegung der Bronzefunde (s. bes. Fundliste Slowakei) geben auch wichtige Auskünfte darüber. Eine Deponierung im Rahmen eines Grabes von Komarov (s. Fundliste Ukraine) verbindet allerdings die beiden „Richtungen". Man muß freilich auch daran denken, daß die Fundumstände uns nur eine bestimmte Verwendungsphase unserer kleinen Ringe zur Kenntnis bringen (s. unten Zur Tragweise).[25]

Die **technischen Fragen** haben verständlicherweise wenig Interesse bei den Fachleuten erweckt. Umsomehr verwundert die Feststellung ihres Alters: bereits Rhode und Popp waren um die chemische Zusammensetzung bemüht (Rhode, Rhode 1720, 146[26]; Popp 1821, 19). Erst viel später wurde ein Stück im Rahmen der SAM analysiert. Komplexer sind die Analysen und die Datierungen, die J. Bátora veranlaßt hat (Junghans, Sangmeister, Schröder 1968, Taf. 37/13134 (Südosteuropa); Bátora 2000, 419[27]).

Große technische Probleme haben die kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden den Herstellern nicht bereitet und es darf als sehr wahrscheinlich gelten, daß manche Exemplare, die rudimentär aussehen, aus der Hand von „Nicht-Spezialisten" stammen. Nicht selten wirkt sich die tatsächlich sehr unterschiedliche Anfertigung auf die Qualität des Produktes aus und man kann schon die Mehrheit der Fundstücke in bestimmte „Qualitätsniveaus" einstufen.

Ungeachtet davon, ist es interessant festzustellen, daß – unseres Wissens nach – noch nicht bemerkt wurde, daß bei der Herstellung des Ringes die Drehung des Drahtes/Stieles der Ringwindungen in zwei gegensätzliche Richtungen stattfand: a) Wenn der Draht in Uhrzeige-Richtung von unten nach oben gedreht wird, dann wird die obere Spiralscheibe nach rechts eingerollt und findet ihren Platz rechts. b) Wenn aber die Ringwindungen von unten nach oben umgekehrt gedreht werden, dann muß die obere Spiralscheibe nach links eingerollt werden und findet ihren Platz links. In beiden Fällen ist die untere Spiralscheibe entgegengesetzt. Wird die ganze Handlung von oben nach unten durchgeführt, erreicht man genau umgekehrte Positionen der Spiralscheiben. Unabhängig von diesen herstellerischen „Subtilitäten" bekommt man am Ende zwei typologisch leicht unterschiedliche Varianten. Inwiefern das absichtlich oder zufällig geschah, ist zur Zeit nicht zu entscheiden; auch über eine Symbolik der zwei Richtungen zu spekulieren, scheint uns verfrüht zu sein.

Die Querschnitte sind sehr unterschiedlich und bilden oft vielleicht Änderungen der „Moden" oder des Zufalls, d. h., daß der Handwerker oder der Laie das Material benutzte, was ihm eben zur Verfügung stand (s. teilweise Typologie). Ver-

[25] Freundlicher Hinweis von Alina Soroceanu. In diesem Sinne spricht auch die Bemerkung, die Zehenringe wären wegen der Unbequemlichkeit sie zu tragen, eher als Grabbeigabe einzusehen. In der heutigen Öffentlichkeit werden, sichtbar aber nur in den warmen Jahreszeiten, nicht selten Zehenringe getragen; in der Bronzezeit sollten die Frauen ähnlich mit den Zehenringen umgegangen sein.

[26] S. seinen Text in unserer Abb. 3/7.

[27] Alle Ringtypen gehören zum selben „cluster".

zierungen treten äußerst selten auf: offensichtlich sind die mitteleuropäischen und die aus dem Karpatenbecken stammenden Funde weniger verziert (s. Detek, HU, oder Hordeevka, UA als Ganzes), im Vergleich zu den Exemplaren aus Griechenland (Kilian-Dirlmeier 1980, 256, Abb. 4/16; 257, Abb. 5/7-8, 18-19), was auch mit technischen Schwierigkeiten verbunden war. Fundstücke aus tordiertem Draht sind äußerst selten (z. B. in unseren Listen: Dol'any bei Levoča, SK Nr. 6; Jenišovice, CZ Nr. 8). Sie fehlen, nach den vorhandenen Beispielen, in der mykenischen bis in die archaische Zeit vollkommen (Kilian-Dirlmeier 1980, Abb. 4-5).

Ein Problem, das allerdings im Rahmen mehrerer Bereiche diskutiert werden kann, betrifft das Metall aus dem die kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden hergestellt wurden. Neben Bronze, gegebenenfalls Kupfer, ist das Gold das wichtigste hierfür verwendete Material[28]. Betrachtet man die Fundkontexte und die reduzierte Anzahl der Stücke, wird es deutlich, daß es sich um ein Prestigeartefakt handelt. Vorläufig scheinen sie im ungarisch-slowakischen Raum (Pécs, HU 23; Rozsaly, HU 26; Tiszapalkonya, HU 31; Nižna Myšl'a, SK 17, aber auch Hordeevka, UK 4) konzentriert zu sein, weitere Entdeckungen können jederzeit die Situation ändern lassen.

Zur Typologie (Abb. 4)

Um die Entstehung unserer Gattung besser zu begreifen, ist ein kurzer Blick in die Kupferzeit zu empfehlen. Dies erlaubt uns, einzusehen, daß die äneolithischen Wurzel der Spiralscheibe und der Spiralringe keine zu übersehenden Elemente für unsere Analyse darstellen. Als konstitutives Element unserer kleinen Ringe ist die Spiralscheibe deutlich vor der Frühbronzezeit präsent und es gibt davon zahlreiche Beispiele an mehreren Gattungen, wie Nadeln (Mareş 2002, 421, Taf. 11/1-8, 12), Anhänger mit einer Spiralscheibe und Haken (Дергачев, Парнов 2022), brillenförmige Anhänger (Дергачев, Парнов 2022, рис. 6/12 - Condriţa; рис. 24/1-3), Spiralscheibenknöpfe mit Doppeldorn (Mareş 2002, 471/14 - Hăbăşeşti), einfache Spiralscheiben[29], sogar bei *anthropomorphen Anhängern* (Дергачев, Парнов 2022, рис. 37/19-20) könnte das suggeriert gewesen sein.

Das zweite konstitutive Element sind die Spiralringe. Wenn wir nur in einem beschränkten Areal bleiben möchten, existiert schon in der Kupferzeit eine beachtliche Vielfalt von ein- und mehrwindigen kleinen Ringen aus Gold, Silber und Kupfer (Mareş 2002, 469, Taf. 59/13, 15-23; Дергачев 2022, 104, рис. 53/1-18; Dergačev 2002, Taf. 13/6-7 - Giugiuleşti). Von den getrennt vorhandenen Spiralscheiben an den äneolithischen Gegenständen und den kleinen Spiralringen bis zu unseren Ringen mit Spiralscheibenenden ist nur ein kleiner typologischer Schritt notwendig. In der Kupferzeit laufen die zwei Elemente sozusagen noch parallel: Ihre Zusammenstellung erfolgt sicherlich in der Frühbronzezeit (Hänsel 1968, 108[30]) und damit entsteht unsere andauernde Form, die praktisch bis zum Ende, in der Späthallstattzeit, trotz vieler Varianten unverändert bleibt. Die getrennten Elemente sind freilich auch später vertreten.

Obwohl die Formulierung zu drastisch klingt, ist die Zeit für ein endgültiges formenkundliches Zusammenfassen unserer Form noch nicht reif. Zwar fehlten es nicht an Beispielen, die graphische Dokumentation ist jedoch oft sehr mangelhaft und behindert die Herstellung einer korrekten, umfassenden Typologie. Es ist allerdings der Verdienst von I. Kilian-Dirlmeier, den ersten Versuch gewagt zu haben. Sie hat sogar zwei getrennte, für Mitteleuropa und für Griechenland gedachten Typologien hergestellt, vielleicht als Ausdruck ihres Wunsches, das griechische Areal von der restlichen Welt hervorzuheben. Das wäre unserer Meinung nach nicht notwendig gewesen, zumal alle Typen und Varianten aus Griechenland Entsprechungen zunächst im übrigen Europa besitzen, woher sie auch stammen, abgesehen von den weiten Räumen zwischen der Theiß-Donau-Linie und dem oberen Verlauf des Flusses Obi.

Für den heutigen Bearbeitungsstand scheint uns vielmehr ein stets erneuerbares Typologie-Mo-

[28] Silber käme für die zwei (Miniatur?)-Exemplare aus dem Grab 4 von Achmylovo in Frage (Патрушев, Халиков 1982, 10, табл. 2/3в, г, dort und in unserem Katalog auch weitere Beispiele).

[29] Veselyi Kut (Tripol'e B 2, Dergačev 2002, 200, Taf. A 65/296); Дергачёв, Парнов 2022, рис. 21 allgemeine Darstellung, vgl. auch Mareş 2002, Taf. 473/6 (Poduri) und Полтавец 2013.

[30] Vgl. auch in den Nekropolen von Franzhausen I-II, Gemeinlebarn, Linz-St. Peter (Literatur in den Fundlisten). Bereits in einem Grab von Kay-Mühlham fand man einen kleinen Armring (maximaler AußenDm 4,3 cm) mit konischen Spiralscheiben bei einem Infans II, vgl. Ruckdeschel 1978, 37, Taf. 10/5.

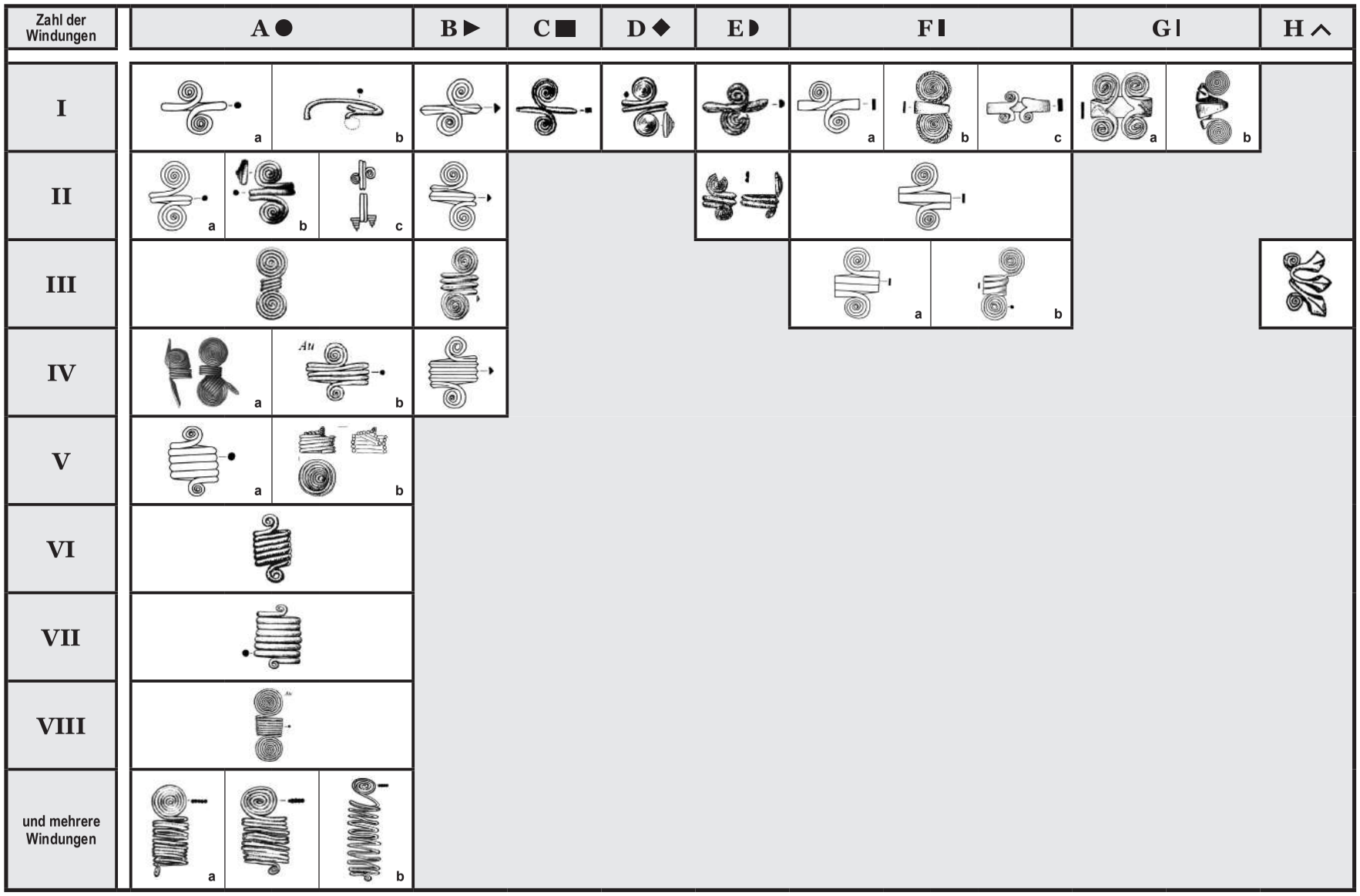


Abb. 4. 1 - Haupttypologie der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden.

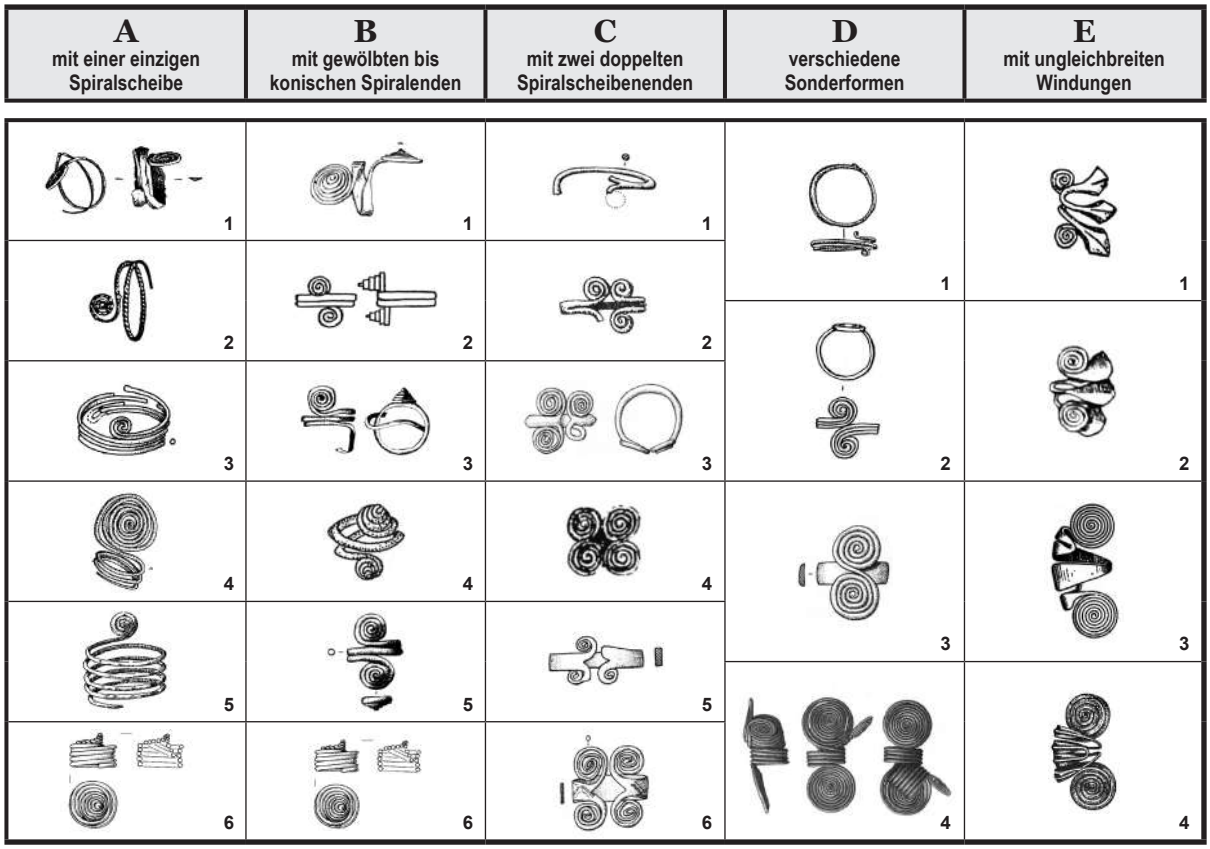


Abb. 4. 2 - Haupttypologie der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden. Sonderformen, nach Kategorien geordnet: A. mit einer einzigen Spiralscheibe; B. mit gewölbten bis konischen Spiralenden; C. mit zwei doppelten Spiralscheibenenden; D. verschiedene Sonderformen; E. mit ungleichbreiten Windungen.

dell angebracht, das nicht nur die zwei Hauptelemente (Querschnitt und Zahl der Windungen, höchstens die zwei doppelten Spiralscheiben) berücksichtigt. Dementsprechend darf z. B. das Spektrum der Querschnitte beachtlich erweitert werden (nicht nur rund, dreieckig, rechteckig, sondern auch rhombisch, D-förmig, quadratisch, dachförmig, „linienförmig"); dabei ist nicht zu vergessen, daß bei ein und demselben Exemplar kleine Unterschiede bestehen können. Ob diese Änderungen Folge der „Mode" oder des Zufalls bilden, ist beim heutigen Dokumentationsstand nicht zu entscheiden.

Wir haben also versucht, weitere typologische Elemente einzubauen, wohl wissend, daß unsere typologische Tafel nur einen Anfang darstellt. Darüber hinaus, waren wir bemüht, das ganze Verbreitungsareal einzubeziehen, weil manche Varianten, trotz einiger lokaler Unterschiede, vom westlichen Mitteleuropa bis zum östlichen Westsibirien identisch sind. Auf der Vertikale wurden, dem früheren Vorbild entsprechend, die Zahl der Windungen als I, II, III, IV usw., auf der Horizontale der Ringquerschnitt als A, B, C, D usw. eingetragen. Im Rahmen dieses Grundschemas wurde jedoch versucht, alle Querschnitte, die unterschiedlichen Größen der Spiralscheiben (klein, mittelgroß, groß), die verschiedenen Wölbungen der Spiralescheiben (von kaum gewölbt bis spitzkonisch) sowie die Anzahl der Spiralscheiben (von 1 bis 4) mindestens andeutend einzubeziehen. Alles wurde anhand konkreter Beispiele durchgeführt, die unserer Meinung nach die aussagefähigsten Vertreter sind. Eine Stilisierung darf in einem fortgeschrittenen Bearbeitungsstadium erfolgen. Unsere typologische Tafel erweist sich zur Zeit als offenes Modell, das mit der Vermehrung der Neuigkeiten ergänzt und ausgebaut werden kann.

Im vorliegenden Rahmen sollen nur drei typologischen Fragen kurz angesprochen werden, die allerdings ineinander gehen: die Frage der Sonderformen im Allgemeinen, die Frage der ver-

schiedenen Wölbungen der Spiralscheiben und die Frage der doppelten Zweischeibenendungen.

Die Frage der *Sonderformen* beschränkt sich auf wenige Beispiele, welche praktisch auf Elemente hinweisen, die sich nicht wiederholen und dadurch z. Z. nur durch ein einziges Exemplar vertreten sind. So kann man die kleinen Ringe von Perati, Jászdozsa und Schönebeck (s. Fundlisten) nennen. Beim Ring von Perati handelt es sich um eine angebrachte achtförmige Spiralscheibe, bei Jászdózsa um einen Ring aus „doppeltem Draht"; der Ring von Schönebeck verweist auf einen komplizierteren Aufbau aus zwei mehrwindigen Ringen und drei Spiralscheiben (s. Fundlisten und Abb. 4-2/D).

Die Entwicklung und die Verbreitung der *leicht gewölbten bis zu den spitzkonischen Spiralenden* wurden bislang weiträumig überhaupt nicht berücksichtigt (s. Fundlisten und Abb. 4-1; 4-2/B). Vorläufig darf man behaupten, daß man es mit einer sehr wahrscheinlichen Entstehung und Entwicklung in zwei Zentren zu tun hat: in einem mitteleuropäischen und in einem westsibirischen. Die beiden Zentren sind auch deshalb getrennt zu betrachten, weil der nordpontische Raum mit zwei Stücken leicht konischer, separater Spiralen[31] zu über 100 flachen Spiralscheiben aller Formen und Größen diesen Raum nur schwerlich zu einem „Vermittlungsraum" in puncto „kleine Ringe mit konischen Spiralenden" werden läßt.

Das mitteleuropäische Zentrum der gewölbten Spiralenden aller Art ist bereits in der Frühbronzezeit bekannt[32]. Obwohl z. Z. kein „Finger"ring mit solchen Spiralenden zutage trat, sind in derselben Größe selbstständige (unterschiedlich gebaute) kleine (Ruckdeschel 1978, Taf. 12/3-4; 14/21-24; 18/7; 26/11-12) oder große (Ruckdeschel 1978, Taf. 11/2-8; 19/13; 28/9-10; 29/4-6; 30/1; 32/16-20; 37/3-4; 39/4; 41/7)[33] Spiralenden, sowie diese an kleineren (Ruckdeschel 1978, Taf. 10/5) oder an größeren (Gemeinlebarn: Neugebauer 1991, Taf. 2Gr. 18/3-4) Armringen präsent. All diese Beispiele deuten darauf hin, daß konische Spiralenden nicht selten sind: alle bilden eine kompakte frühbronzezeitliche Erscheinung, die sich mit solcher Intensität nicht wiederholt. Dafür aber begegnet man im hügelgräberzeitlichen Bayern richtige kleine Ringe mit gewölbten Spiralscheibenenden, die keine Rarität darstellen (z. B. Torbrügge 1959, 78, Taf. 11/9; 37/36, „gewölbte Scheiben"). Ein anderer Typ ist im heutigen Kroatien vertreten, wie die dortigen Funde beweisen (s. Fundliste).

Im Areal westlich des Uralgebirges, sowie im westsibirischen Verbreitungsraum befinden sich kleine, meistens (Finger)Ringe mit leicht gewölbten Spiralenden bis zu spitzkonischen Spiralenden. Die ersten sind beispielshalber im Kurgan Kulevči VI, Sopka II oder Nurmanbet präsent, andere kommen im Hügelgrab 13 von Tomsk (im heutigen Zustand Dm. ca. 4 cm) oder Borovoe, Karaterek und Džangildy in Kasachstan (s. Fundlisten) vor. Soweit vernehmbar, sind solche Spiralenden an kleinen Ringen im Nordkaukasus nicht vorhanden (vgl. synthetisch Reinhold 2007, bes. die Fundlisten 535-536), dafür aber an Armringen.

Eine Besonderheit bilden die kleinen Ringe mit zwei doppelten Spiralscheibenenden, die von Kilian-Dirlmeier unter Typ B der in Griechenland vorkommenden Exemplare zusammengelegt worden sind (Kilian-Dirlmeier 1980, 251, 254, 255, Abb. 3). Darüber hinaus behauptet sie, daß ihr Typ B ein Ringtyp wäre, „der unter den bronzezeitlichen Fingerringen Mitteleuropas und des Karpatenbeckens bisher noch nicht vertreten ist". Das wirkt verwunderlich, weil sie selber das mittelbronzezeitliche Exemplar von Ascona (Schweiz) und das italienische Fundstück von Atri zitiert (s. Fundlisten). Darüber hinaus ist aus Colli del Tronto ein weiteres Stück bekannt (s. Fundliste Italien), was schon früher auf eine italienisch-schweizerischen Gruppe hätte hinweisen können. Wenn man auch die inhaltsreiche späte Gruppe aus Mittelitalien, aber besonders aus dem Veneto (19 Fundorte mit ca. 50 Stück, vgl. Nascimbene 2007, fig. 3; unsere Abb. 7) miteinbezieht, dann verlieren die Exemplare aus Griechenland deutlich an Bedeutung und Singularität.

Diese Charakteristika gehen weiter verloren, wenn man bedenkt, daß die kaukasischen Vertreter dieser Sonderringe aus einer metallurgischen Region stammen, die bewiesene Beziehungen mit der balkanischen Halbinsel pflegt, wobei der kleine Ring mit zwei Doppelspiralen aus der West-

[31] Also keine kleinen Ringe mit Spiralenden, darüber hinaus jeweils mit einem Durchmesser von ca. 3 cm, vgl. Лысенко 2021, рис. 135/5-6.

[32] S. z. B. bei Ruckdeschel 1978, zahlreiche Beispiele verschiedenster Größen von Formen, davon nur ein einziger kleiner Armring für ein Kind, s. die nächsten Fußnoten.

[33] Aber auch in der Hügelgräberzeit (Torbrügge 1959, Taf. 67/9).

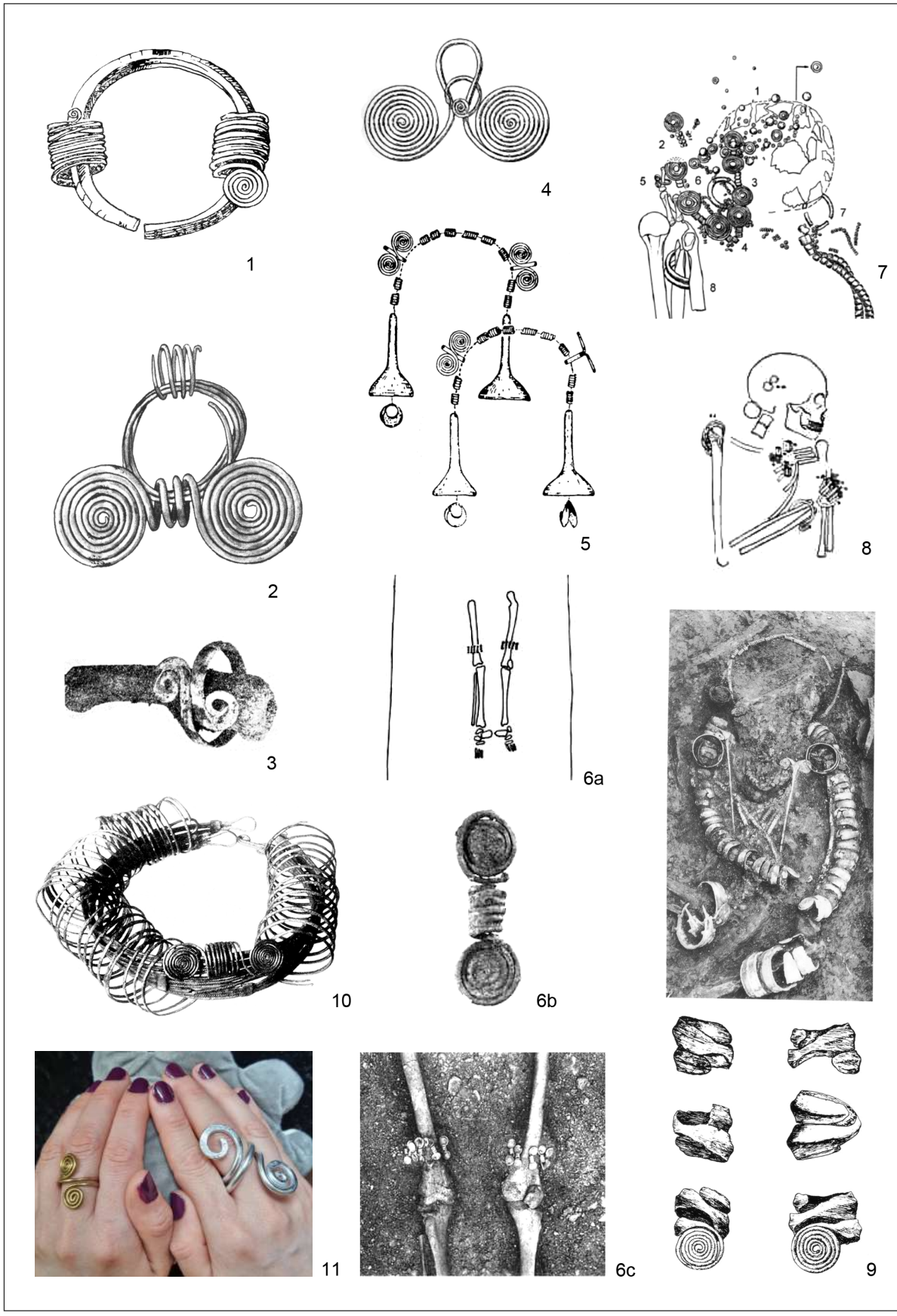


Abb. 5. Die Tragweise verschiedener kleiner Ringe mit Spiralscheiben (Hinweise im Text, die Tragweise).

ukraine (aus der mittleren Dnjeprregion, Среднее Поднепровье, s. Fundliste) eine Zwischenstation darstellen kann. S. Reinhold hat bereits vollständige Fundlisten aufgestellt (s. Reinhold 2007, Fundlisten 535-536 und auch unsere Fundlisten), so daß die Anwesenheit dieses Ringtypus durch Beispiele wie Alleroj und Novogroznenskij bestätigt werden kann. Kozenkova, die die Beziehungen Nordkaukasus-Griechenland analysierte, vertrat in diesem Sonderfall sogar die Meinung, daß die kaukasischen Handwerker die Ringe mit zwei Spiralenden aus „Westeuropa" zu Ringen mit zwei Doppelspiralenden modifiziert hätten (Козенкова 2013, 45-46[34]).

Eine weitere wichtige Frage ist die der Tragweise; sie stellt an sich eine besondere „Typologie" dar, die funktionsverbundene „Typologie". Sie kann verständlicherweise nicht als formenkundliche Einteilung im herkömmlichen Sinne betrachtet werden, sie ist an sich eine Klassifizierung unserer Gattung – meistens, aber nicht ausschließlich – nach der Art und Weise wie die kleinen Ringe mit Spiralenden getragen wurden (Abb. 5) und ist eine „quereinsteigende" ergänzende typologische Einteilung unserer Form. Sie ist notwendig, da der Vergleich zwischen den beiden Aufgliederungsmethoden die Deutungsmöglichkeiten vertiefen läßt. Eine umfassende Arbeit steht noch aus, eine kurze Systematisierung ist hingegen notwendig.

Folgende Bereiche sind u. E. die wichtigsten (Abb. 5):

1A. Fingerring. Die Fingerknochen sind ohne Zweifel die am meisten verwendeten Stellen, wo Ringe unserer Form auftreten; nicht wenige davon wurden mit den entsprechenden Hinweisen und mit dem steckenden Knochen veröffentlicht und nicht selten mit Details über die Tragweise[35].

Wenn das Alter auf keine besondere Richtung aufweist, sind die Meinungen über das Geschlecht der Ringtragenden ziemlich unterschiedlich: so bezieht Kilian-Dirlmeier unseren Fundtyp ausschließlich auf Frauen, eine Aussage, der bereits von der Analyse J. Blischkes widersprochen wird[36].

Die große Anzahl und die Positionierung an Fingern erweist sich als sehr unterschiedlich und scheint einigermaßen auch vom persönlichen Geschmack beeinflußt gewesen zu sein[37]. Weil eine komplette Analyse noch bevorsteht, begnügen wir uns im Augenblick damit, einige Beispiele anzubieten. Bislang kennen wir in einem einzigen Fall zehn Ringe jeweils an einem Finger bei einer Frau aus dem Gräberfeld von Všekary[38]. Neun Ringe wurden in einem Grab von Sükösd-„Árpásdűlő" entdeckt: Vier wurden an der linken, fünf an der rechten Hand getragen (Pásztor, Pap, Andrási 2022, 87, Abb. 2). Im Ostteil unseres Arbeitsgebietes ist die Fundlage ähnlich: in Stepnnoe VII und in Kulevči VI waren je fünf Ringe an einer Hand getragen (Куприянова, Зданович 2015, 44[39]).

1B. Zehenring. Einfache Spiralringe finden sich in Grabbefunden im Bereich der Zehen, so daß eine solche Tragweise auch für den Typ mit Spiralscheibenenden durchaus glaubwürdig ist[40].

2A. Anhänger, Teil einer Halskette. Im mittelbronzezeitlichen Kurgan 8 von Komarov, in einem Kasten aus Eichenholz, wurden kleine Ringe mit Spiralscheibenenden entdeckt, welche – obwohl der Befund leicht unterschiedlich rekonstruiert wurde – deutlich nicht zum Tragen an Fingern

[34] Sowohl für Fingerringe, рис. 21, als auch für Armringe mit zwei doppelten Enden, рис. 22-25, die letzte ist auch die typologische Tafel. S. dort auch die ältere Literatur.

[35] Bereits Fr. A. Mayer 1835, Taf. I/1, 15, 17 (unsere Abb. 3/1 oben links) für Pfahldorf bei Kipfenberg: „in einem davon der Fingerknochen". vgl. auch Brizio 1895, 145, Taf. 8/38 (Novilara, Sepolcreto Molaroni); Hochstetter 1980, 130, Kat.-Nr. 104, Taf. 38/1-2 (Hienheimer Forst, Grab, 3 Stück, „in einem noch ein Fingerknochen"); Nestor et al. 1953, 78, Abb. 8 (Sărata Monteoru). Für weitere Beispiele von Tiszafüred (Kovács 1975) und Tápé (Trogmayer 1975), s. auch unsere Abb. 5/3, 8 und unsere Fundlisten.

[36] Kilian-Dirlmeier 1980, 251; Benkovsky-Pivovarová 1985, 69-70 kennt auch nur in Frauengräbern solche Ringe; s. eine andere Stellungsnahme bei Blischke 1997, 325-334, allgemein auch bei Blischke 2002, 96-103.

[37] Wie der Verfasser im Berliner Alltag feststellen kann, ungeachtet davon, daß es sich um Frauen, Männern, sogar Kindern und Jugendlichen handelt.

[38] Vgl. Schránil 1928, 121 Abb. 12/9-18; 125 (Frau an jeder Finger je ein Ring). Die bronzezeitliche Seltenheit entspricht der heutigen: in zwei Jahren Beobachtungen sahen wir eine einzige ähnlich geschmückte Frau.

[39] An den Fingern der linken Hand wurden fünf Bronzeringe getragen: der kleine Finger hatte keinen Ring, der Ringfinger hatte zwei Ringe (Stepnnoe VII); Виноградов, Берсенева, Алаева 2020, 88-89, 109, рис. 1/112, Kurgan 4, Grube 1, 3. Skelett, ca. fünf Stück (Kulevči VI), vgl. auch Усманова 2010, 152, рис. 150 (Alakul'sker-Kreis) ohne Einzelheiten.

[40] Bereits Birkner spricht von dieser Tragweise und stellt die ersten Fundlisten zusammen (1931, 81). Fr. Holste 1938 vermutete auch dieses Tragen, was Torbrügge (1959, 78) bezweifelt und spricht von einer „Verwechslung" Holstes. Für einfache Spiralringe: z. B. Tápé (Trogmayer 1975, 61 Gr. 252/6); Csólyospálos (Ungarn), vgl. Kustár, Wicker 2002, 177, Gr. 96/3: 24 Bruchstücke von mehreren *Spiralringen* an den rechten und linken Zehen, Dm. ca. 1,8 cm. Man darf auch nicht vergessen, daß die Größe bei den Zehenringen zwischen ca. 1 cm und 3,5 cm Dm variieren kann, die Länge darf jedoch nicht mehr als 2-3 cm betragen. Allgemein zu den Zehenringen s. Torbrügge 1959, 78-79, Schumacher-Matthäus 1985, 117-118 beide mit älterer Literatur.

bestimmt waren.[41] Ebenfalls als Teil einer Halskette fand seinen Platz der goldene „Finger"ring im Gr. 76 der Otomani-Kultur aus Nižna Myšl'a (Fundliste SK 17). Als Diademteil kommt unser Ring in Žilina vor (Novotná 1968, Taf. XVI unten).

2B. Anhänger, an einem Bronzearmring aufgereiht. Im Depotfund von Banka (HaA) wurden zwei kleine Ringe mit ungleich großen Spiralscheiben entdeckt, die zur Bereicherung des Armschmuckes beigetragen haben (Novotná 1970, Taf. 49 oben re). Ebenso wurde ein größerer (Arm?)-Ring in zwei mehrwindige (Miniatur?)-Ringe mit Spiralscheibenenden aus dem Grab 4 von Achmylovo eingesteckt (Патрушев, Халиков 1982, 10, табл. 2/3б, в, г; weitere Beispiele, s. Fundlisten). Im unteren Teil der beiden Oberbeine kamen in einem Grab von Rajhradice-Stráně nad Habřinou, mehrere kleine Ringe mit zwei Spiralen als Teil eines Hosen/Bein(?)schmuckes zutage (Parma, Stuchlík 2017, 222 und unsere Abb. 6/6a-c). Bereits T. Kemenczei spricht allgemein über die Möglichkeit, daß unsere Ringe nicht mehr als Fingerringe getragen worden sind (Kemenczei 1965, 114[42]). Im Gegenteil äußert sich G. Schumacher-Matthäus entschieden für die Tragweise des kleinen Ringes mit Spiralscheibenenden von Kazincbarcika nur als Anhänger (Schumacher-Matthäus 1985, 98-99[43]).

2C. Ohrringe. Als Ohrringe können die kleinen Ringe mit einer einzigen Spiralscheibe oder mit einem einzigen Spiralkonus betrachtet werden. Wenn sie größtenteils als Fingerringe betrachtet sind (s. Fundlisten), so wurden sie als Ohrringe schon mindestens vor 30 Jahren definiert. Leider ist beim Exemplar von Šoindykol' der Spiralkonus nicht gut erkennbar (Евдокимов, Усманова 1990, рис. 2/16).

3A. Haarring. Im Kopfbereich wurden mehrere kleine Ringe mit Spiralscheibenenden gefunden. Sie dürfen nicht als Fingerringe gelten, zumal einige Fundlagen deutlich dagegen sprechen[44]. Bereits D. Popp behandelt unseren kleinen Ring mit Spiralscheibenenden im Rahmen des Haarschmuckes zusammen mit anderen Spiralringen, welche denselben Durchmesser aufweisen (Popp 1821, 35-37[45]). E.M. Kłosińska spricht anläßlich der Veröffentlichung des mittelbronzezeitlichen Depotfundes von Pogroszyn ebenfalls über Haarringe.[46] Insgesamt im Kopf- oder im Brustbereich kamen auch östliche Exemplare vor, sie wurden als Anhänger, Schläfenringe und Ähnliches bezeichnet, was das Gesamtbild abrundet.[47]

Als helfende Beispiele darf die Verwendung typologisch naher Formen ins Gespräch geführt werden. Die folgenden Fundsituationen wären so zu bezeichnen:

3B. Eine Zwischenposition zwischen Tragweise und absichtliche Deponierung nimmt ein kleiner Ring mit zwei Spiralscheiben ein, der in einer Pfostengrube der Siedlung in Haunstetten entdeckt worden ist (Fundliste D 36).

4A. Sicherlich nicht mit der üblichen Tragweise zu tun hat die Benutzung eines einfachen Spiralringes im Grabkult. Ein solcher „Schmuckgegenstand" wurde „im Mund eines Kindes" in einem Grab aus Pörndorf entdeckt (Hochstetter 1980, 53, Taf. 80/11). Das konkrete Ziel und die Durchführung des Rituals soll noch geklärt werden.

4B. Ähnlich den östlichen Haar- oder Lockenringen, jedoch ohne Spiralscheiben/-konusse fand man am Stab eines Zepters (?), in einer bestimmten Entfernung platziert, breite kobanische „Finger"-/"Haar"ringe, die eine Stärkungsrolle hätten spielen können oder sogar das festere Halten zu gestatten. Natürlich war auch ein Prestigeobjekt (Spiegel?) in den Händen des Trägers.

4C. Unklar wegen der nicht sehr genauen Zeichnung ist die Situation eines brillenförmigen Anhängers, der anscheinend mit einem kleinen

[41] Sulimirski 1936, 174 (allgemeine Angabe); Swiesznikow 1967, 85 Taf. 1/2; Sulimirski 1968, 108, fig. 26/5-6 (andere Ergänzung des Schmuckes als bei Swiesznikow); vgl. auch Makarowicz et al. 2016, 303, Abb. VIII.88).

[42] „Die großformatigen Stücke .... sind bereits eine Weiterentwicklung der ursprünglichen Form, die wahrscheinlich nicht mehr als Ringe, sondern als Schmucksachen getragen wurden".

[43] Im Rahmen der Garnituren mit Halsringen.

[44] Auch Kilian-Dirlmeier nimmt an, daß Exemplare „mit einem für Fingerringe zu großen Durchmesser auch weiterhin als Lockenringe getragen werden konnten", vgl. Kilian-Dirlmeier 1980, 258 mit älterer Literatur (R. Felsch).

[45] Besonders 36; auf S. 35 findet man die schriftlichen Quellen zum Thema.

[46] Es handelt sich um vier Stück mit elf Windungen und mit je einer größeren und einer kleineren Spiralscheibe; der Innendurchmesser betrifft ca. 1,7-1,8 cm, vgl. Kłosińska 2008, 207 ff., 213, Abb. 6/3-6.

[47] Beispiele: Majrtup 2 (Vinogradov, Dudarev 2000, 375, 377, 376, Abb. 10/10, InnenDm ca. 2,5-2,6 cm. im Kopfbereich, vgl. auch Виноградов, Дударев 2003, 49, рис. 19/7); Algaši, Grab 9 im Kopfbereich (Кузьмина 1992, 112, табл. 36); Bronzeartefakte der Koban-Kultur, Anhänger (Полтавец 2013, 210, рис. 95/5. s. auch im Bereich der Brust 114 табл. 39; orientativ zur Lage im Grab 115 табл. 40); Tli/Tlia (Техов 1977, 170 mit Abb. als Schläfenringe, bei Tchabashvili als Anhänger).

Ring mit Spiralscheibenenden befestigt (?) wurde (Truhelka 1893, 99 fig. 161, vgl. auch unsere Abb. 5/2).

Zusammenfassend darf man darauf hinweisen, daß – trotz der zahlenmäßigen Ungleichheit – für die Fundgattung der kleinen Ringe mit Spiralenden ein viel breiteres Verwendungsspektrum als nur die Rolle als Fingerringe in Betracht gezogen werden muß. Darüber hinaus, darf man wiederum unterstreichen, daß der Schmuck mit Spiralenden (Finger-, Arm-, Bein-, Halsringe, sowie Diademe und Gürtelbleche, s. Abb. 1) ein wichtiger Bestandteil der bronzezeitlichen Körperzierden bei Frauen, Männern und Kindern von Westeuropa bis zum Nordkaukasus und Westsibirien darstellte und nicht selten Schmuckgarnituren bildete[48]. Zwischen Eleganz, sozialem Status und Symbolik ist dies ein wichtiger Bestandteil der bronzezeitlichen eurasiatischen Gesellschaft.

Wichtig ist es auch zu unterstreichen, daß alle Grabbefunde und Fundumstände im Allgemeinen nur die Handlungen, die Intentionen und die Lage angesichts des Todes, angesichts des endgültigen Trennens widerspiegeln und nicht unbedingt des alltäglichen und zeremoniellen Tragens auf Erden. Dementsprechend ist mit größeren oder kleineren Unterschieden zu rechnen, wie beispielshalber der Ring im Munde des Kindes von Pörndorf zeigt.

Chronologische Ansätze

Erschwert ist zur Zeit, ein stabiles zeitliches Bild der Fundgattung zu bekommen, sowohl durch die mangelnden Korrelierungen zwischen Mitteleuropa und Westsibirien, aber auch innerhalb kleinerer Areale, die nicht genug erforscht worden sind. Darüber hinaus wirken die schwankenden Datierungen der letzten Jahrzehnte ungünstig, manchmal lähmend, auf die Versuche, das Gesamte auf einen gemeinsamen Nenner zu bringen. Dies veranlaßt uns, im vorliegenden Rahmen, nur ganz allgemeine chronologische Stufen und Begriffe zu verwenden und die Präsenz unserer Form durch die Zeiten zu verfolgen. Es soll Ziel der zukünftigen Forschung sein, die zeitlichen „Kleinräume“ zu korrelieren.

Um besser die zeitliche Entwicklung unserer Fundgattung verstehen zu können, darf hier nochmals knapp an die äneolithischen Ursprünge der Spiralscheibe erinnert werden. Sie wurden oben, im Rahmen der Typologie diskutiert, so daß nun ihre chronologische Bedeutung lediglich unterstrichen werden muß. Es handelt sich grundsätzlich darum, daß die morphologisch-typologische Basis für den kleinen Ring, mit einer oder mehreren Windungen und mit Spiralscheibenenden bereits vor der Frühbronzezeit vorhanden ist. Die hier erforschte Fundgattung bildet also keine generatio spontanea, sie entsteht allmählich, lange noch vor ihrer mittelbronzezeitlichen Blütezeit. Wie und genau wo diese Übernahme oder dieser Übergang der äneolithischen Elemente (s. oben) durch die frühbronzezeitlichen Metallurgen geschah, ist einstweilen schwer zu verfolgen; mit dem Ansammeln des Materials wird sich die Lage näher klären lassen.

1) Beim heutigen Forschungsstand kann man mit gutem Recht von der unmittelbaren Entstehung unserer kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden in der Frühbronzezeit sprechen und feststellen, daß die eben angesprochene Mittelbronzezeit jedoch keinen Anfang der Fundgattung darstellt. Die Beispiele von Franzhausen, Gemeinlebarn, Linz (s. Fundlisten) zeigen unumstritten, daß bereits die Frühbronzezeit die vollentwickelte Form unseres kleinen Ringes mit Spiralscheibenenden kennt. J. Bátora (2000, 418-419) trennt deutlich eine vorhügelgräberzeitliche Stufe in der Existenz unserer Form ab, auch A. Găvan (2015, 375, Abb. 92)[49] läßt sie im Karpatenbecken in einer Etappe, die der Stufe BA2 entspricht, auftreten; nach ihr dauert sie bis in die BC-Stufe an. Ein Hügelgräberfeld der Věteřov-Kultur wie Borotice mit fünf Stück unterstützt durch seine BA2-B1-Datierung (s. Fundliste) den ununterbrochenen Durchgang zur Hügelgräberkultur. Godiš und Haruštiak (Godiš, Haruštiak 2020, 137) meinen ebenfalls, daß die Form im Karpatenraum recht breite chronologische Grenzen erkennen läßt, da sie „ab dem Ende der Frühbronzezeit auftaucht und bis in den mittleren Abschnitt der Hügelgräberzeit fortbesteht“.

Mit einigen Fundstücken in Befunden der Abaševo-Kultur könnte man im Osten auf die frühesten Ringe mit Spiralscheibenenden in diesen

[48] Als Beispiele seien nur Gräber aus Süddeutschland (Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 77, Nr. 1, Taf. 35 C: 1 Fingerring-2 Armberge-Gürtelschnalle jeweils 2 Spiralen) und Hordeevka (Berezanskaja, Kločko 1998, Taf. 17/3, 6, wahrscheinlich auch 4-5; Taf. 37/8; 57/2; Taf. 23/2, Kurgan 14; Taf. 28/4, Kurgan 16; Taf. 42/2) genannt.

[49] Chronologische Tabelle: BA2 entspricht nach ihr der Mittelbronzezeit II im Karpatenbecken.

Regionen hinweisen.[50] Weitere frühere Funde sind in der Sintašta-Kultur belegt, so daß die frühe östliche Gruppe als stabil erscheint.[51]

Eine nötige Bemerkung betrifft die Zeit und die Region der Entstehung unserer Fundgattung. Es fällt zuweilen auf, daß die anscheinend unabhängige Entstehung im Westen und im Osten einer Realität entspricht: sowohl im mitteleuropäischen (z. Z. besonders in Österreich), als auch im Ausbreitungsraum der Abaševo-Kultur befinden sich Areale mit den frühesten Exemplaren (vgl. Козенкова 2013, 165/4, vgl. auch рис. 19/1; 21/4). Mittlerweile sind die dazwischenliegenden nordpontischen Entdeckungen später zu datieren, dazu ein fundloser breiter Streifen (ungefähr im Wolga-Don-Raum), so daß ein Gefälle festzustellen, und dadurch ein einziges Entstehungszentrum im Osten oder im Westen festzulegen, z. Z. unmöglich ist. Man kann jedoch entgegenhalten, daß „Goldschmuckstücke" wie Rozsály (Ungarn) oder sehr ähnliche „Schläfenringe" wie Seržen-Jurt, Rußland (s. Fundlisten) ohne erkannte Zwischenanalogien sehr gut zu verbinden sind.

Die chronologische Stufe der blühendsten europäischen Entfaltung ist zweifelsohne die Hügelgräberzeit: die Fundlisten, vor allem aus Süddeutschland, Tschechien, Slowakei, Österreich und Ungarn lassen deutlich diese Behauptung unterstützen. Es handelt sich um eine kontinuierliche Entwicklung der Herstellung und der Deponierung unserer Ringe. Darüber hinaus ist diese Zeit auch ein chronologisches Bindeglied und sichert das Fortbestehen der Herstellung und des Tragens zwischen der Früh- und der Mittelurnenfelderzeit.

2) Während der Urnenfelderzeit wird unsere Fundgattung überhaupt nicht „außer Mode" kommen (Kilian-Dirlmeier 1980, 250). Sie bleibt während der ganzen Urnenfelderzeit eine mittel- und südosteuropäische Schmuckpräsenz: ihre Anwesenheit – basiert auf einem soliden hügelgräberzeilichen Fundament – in allen Stufen (BD-HaB) mittlerweile in über 40 Fundorten (Deutschland, Polen, Österreich, Kroatien, Serbien, Tschechei, Slowakei, Ungarn, Rumänien, Albanien sogar Westukraine) mit ca. 100-150 Exemplaren sichern die Einflußstraße nach dem spätmykenischen und dem protogeometrischen Griechenland und lassen dabei die vermeintliche unabhängige Entstehung in diesem Raum nicht bestehen.

Der östliche Verbreitungsraum ist auch zufriedenstellend besetzt, sei es in der „Postandronovo"-, sei es in der „vorskytischen Zeit", wie es je nach der Region benannt wird. Eine Sonderstelle nimmt die nordkaukasische Region ein, wo offensichtlich der Typ nicht vor dem 11. Jh. bekannt ist, eigentlich entspricht die früheste Stufe seiner Existenz dem 11.-10. Jh. (Koban-Kultur s. Козенкова 2013, 46 und unsere Fundlisten). Ungefähr in der selben Zeit dürfen auch Funde im westsibirischen-kasachischen Areal hergestellt worden sein (s. beispielshalber Tomsk oder Nurmanbet). In diesem Fall ist der nordpontische Raum mit Funden aus verschiedenen Zeitstufen besetzt und läßt mittlerweile den Eindruck entstehen, er wäre von beiden Seiten beeinflußt. Eine echte Durchgangsregion scheint dieser Raum für unseren Ringtyp nicht gewesen zu sein.

3) Die Funde aus der Mittel- und Späthallstattzeit (s. Italien, Österreich, Bosnien-Herzegowina, Slowenien, Rumänien, sowie dem Nordkaukasus, s. Fundlisten) sind zahlreich und können auch diesmal die vermeintliche Vorherrschaft der geometrisch-archaischen Exemplare bestreiten, bzw. dieses Territorium in einen größeren Entwicklungsraum einbeziehen. In manchen Fällen, wie sicherlich einige Funde aus Italien und Nordkaukasus bezeugen, können sie sogar das 6.-4. Jh. erreichen (Nascimbene 2007, 152, fig. 3; Козенкова 2013, 46).

Damit wird es deutlich, daß unser Typ beträchtlich früher auftaucht und beträchtlich später als in Griechenland aufhört; ungeachtet der Blüte, die er im griechischen Areal erlebt hat, ist die allgemeine Zeitspanne seiner Existenz länger als man dachte.[52] Die griechische Entwicklung deckt nicht das ganze chronologische Spektrum ab und beeinflußt überhaupt nicht maßgebend seine zeitliche Entfaltung.

Schlußfolgernd ist es erlaubt zu behaupten, daß aus chronologischer Hinsicht der Gegenstand unserer jetzigen Forschung ein deutlich länge-

[50] Es gibt eine Reihe von Radiokarbondaten, die Befunde mit kleinen Ringen mit Spiralscheibenenden in die Zeit 2140 -1740 datieren läßt (Algaši, Beregovka, Čukrakly usw. vgl. Fundlisten).

[51] Stepnoe VII ca. 2100-1800 v. Chr.; Sintašta/Petrowsk-Alakul'-Kultur , vgl. Fundlisten.

[52] Die Frage der sehr späten Exemplare aus der Kaiserzeit (ca. 180-375 n. Chr.) darf im vorliegenden Kontext nicht angesprochen werden, zumal die Zeit, die kulturelle Zugehörigkeit und die Region, so wie sie veröffentlicht worden sind, z. Z. keine Verbindungen zu unserem Thema aufweisen (s. als Beispiel Juga-Szymańska 2014).

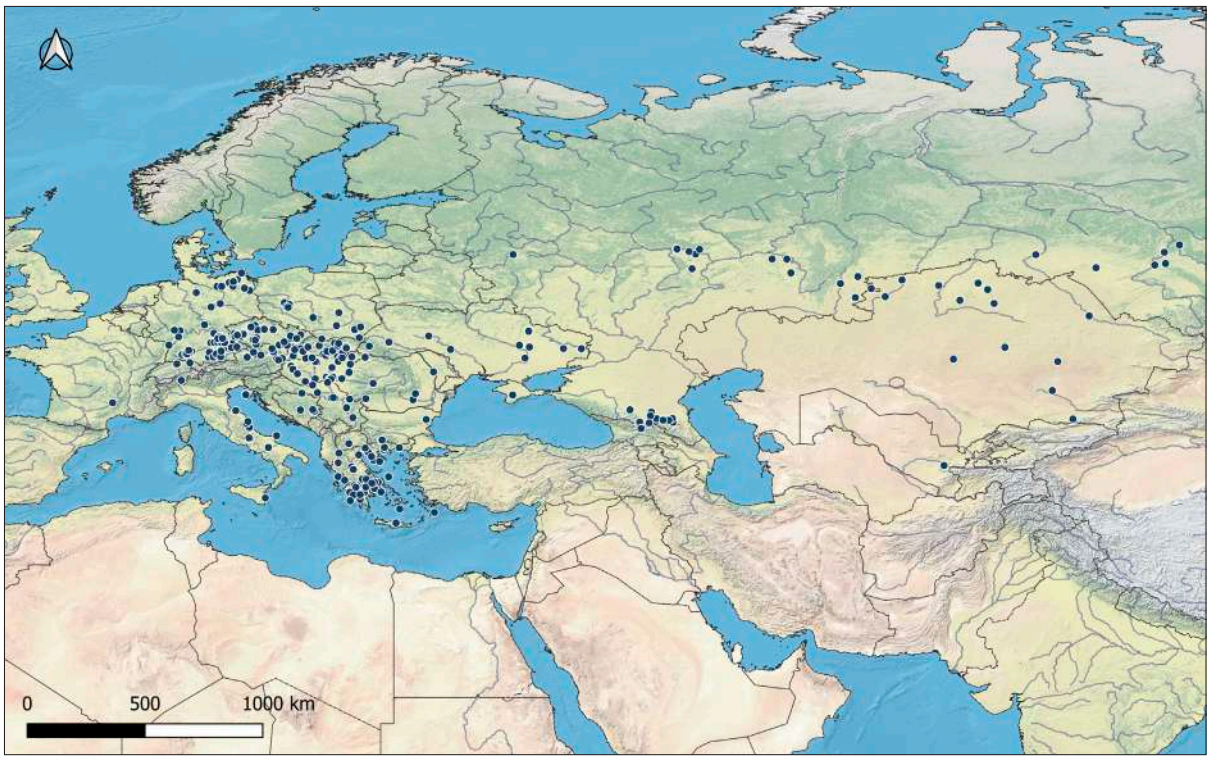


Abb. 6. Verbreitungskarte der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden. Eine Übersicht (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).

res Leben als bisher gemeint, genossen hat. Auch inhaltlich und typologisch lebt unser kleine Ring mit Spiralscheibenenden durch alle Zeitstufen kompakter und einheitlicher als man vermutete.

Wir sind bereits oft im vorliegenden Aufsatz auf die ***Verbreitung, bzw. Ausbreitung*** (Abb. 6-7) unserer Form zu sprechen gekommen, so daß an dieser Stelle nur ein kurzer Überblick notwendig ist. Die sehr ausgedehnten Regionen, wo sie verwendet worden war, stellen selber die Frage nach der Möglichkeit des Transports, der Übermittlung, der Herstellung und der Tragweise in verschiedenen Territorien und schließlich der Deponierung dieses kleinen, anscheinend unauffälligen Gegenstandes.

Ganz allgemein betrachtend, zeichnen sich mehrere große Ballungsräume ab: In Europa bilden süddeutsche, nordösterreichische, tschecho-slowakische, ungarische und serbische Entdeckungen eine kompakte Konzentration, hinzu kommen der griechische und der italienische Raum. Zwei weitere Ballungsräume zeichnen sich im Nordkaukasus und im europäischen, süduralischen, im südwestsibirischen, bzw. nordkasachischen Areal ab. Alle anderen Fundgebiete sind mehr oder weniger spärlich belegt und stellen Einflußzonen dar.

Behält man aber ihre chronologische Entwicklung im Hintergrund, darf man behaupten, daß der österreichische (Gemeinlebarn, Franzhausen, Linz), ungarische (Deszk A), slowakische (Jelšovce, Spišský Štvrtok) und tschechische (Borotice) Raum, teilw. das süddeutsche Gebiet (Ruckdeschel 1978), die bislang ältesten Exemplare, aus der Spätphase der frühen Bronzezeit geliefert haben. Auf dieser geographischen Grundlage findet in der mittleren Bronzezeit die reichste Produktion und eine hervorragende Ausbreitung statt, die auch Serbien, Italien, Schweiz, Norddeutschland, Polen, Westukraine, teilw. Rumänien und freilich auch Griechenland erreicht. Dafür brauchte man kein „Eindringen nördlicher Gruppen“ in die spätmykenische Welt, sondern nur Handelsverbindungen auf Land- oder Seewegen.

Auch wenn nicht so intensiv deponiert, kann man in den oben erwähnten Territorien auf eine kontinuierliche Entwicklung hinweisen. Depot- und Grabfunde mit kleinen Spiralscheibenringen wurden aber auch im Nordkaukasus und im uralisch-südwestsibirischen-nordkasachischen Raum entdeckt. Der ostukrainische Verbreitungsraum scheint irgendwie unter dem Einfluß der süduralischen Zone zu stehen. Zwei

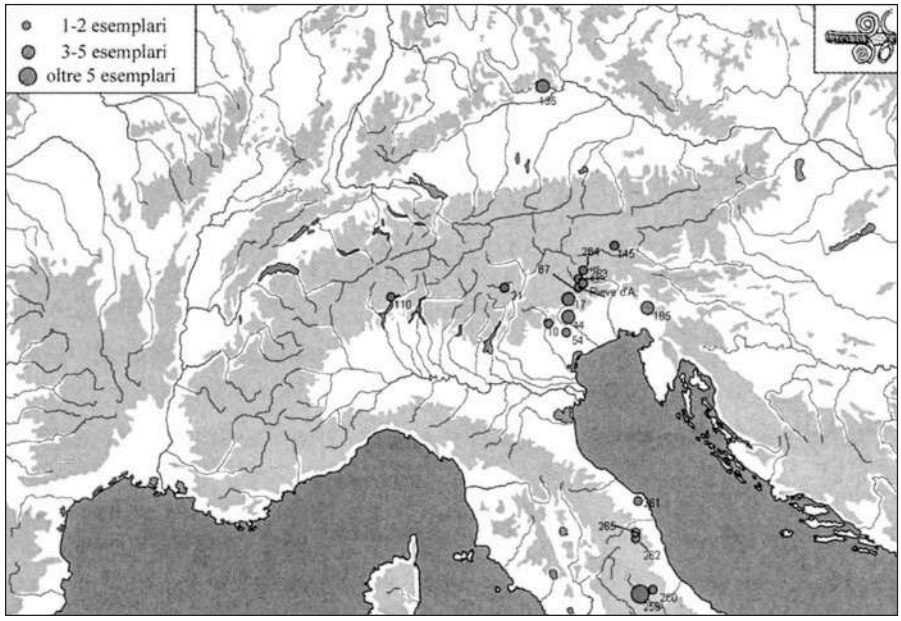


Abb. 7. Teilverbreitungskarte der kleinen Ringe, mit vorwiegend vier Spiralscheibenenden aus Mittel- und Norditalien (nach Nascimbene 2007). Fundorte nicht nachweisbar.

Verbreitungsräume – Mittel- und Norditalien, sowie Nordkaukasus – bleiben bislang die letzten „Inseln", wo noch im 6.-4. Jh., also etwa später als die archaische Zeit Griechenlands, die Spiralscheibenringe Verwendung fanden.

Schlußfolgerungen

Der vorliegende Aufsatz war von Anfang an als summarische Präsentation der Gesamtproblematik der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden gedacht, in der möglichst alle zu bearbeitenden Fragen mindestens erwähnt werden sollten, um einen nützlichen, weiterbringenden Überblick zu gewinnen. Dazu gehören auch die erweiterten Fundlisten, die als Ausgangspunkt für die zukünftige Erforschung dienen können.

Wie bereits oben angedeutet, war die Erforschung unserer Ringe einigermaßen „verstreut": eine klare Definition des Forschungsgegenstandes, eine umfassende Forschungsgeschichte, Fundlisten, Fundkarten, Typologien, Besprechungen wurden nie zu einer „Zusammenarbeit" eingeladen. Ebenso wurde nie den vollständigen geographischen Rahmen berücksichtigt[53] .

Die erste unserer Aufgaben war es dementsprechend festzulegen, was wir genau zu untersuchen haben. Sowohl die früheren Entscheidungen bei der Auswahl der berücksichtigten Typen und Varianten, als auch die Bezeichnungen (s. oben Die Forschungsgeschichte) lassen eine gewisse typologische Unsicherheit herrschen. Demzufolge haben wir versucht, alles unter ein Dach zu bringen und möglichst viele kleine Ringe mit Spiralscheibenenden zusammenzustellen. Dazu hat uns auch die Analyse der Tragweise gebracht, indem es deutlich wurde, daß sogar die sog. „**Finger**ringe mit Spiralenden" auch andere Tragmöglichkeiten anbieten als nur den Finger (z. B. Anhänger oder Haarringe, Abb. 5).

Man mußte einsehen, daß die Tragweise und die Typologie – so unterschiedlich sie sind – eine gewisse gegenseitige Beeinflussung veranlassen; dies ist aber kein Grund, konkrete Elemente der Tragweise (**Finger**ringe) in die formelle Typologie einzufügen. Es ist auch nicht immer leicht, das Verhältnis zwischen den lokalen typologischen Erscheinungen und den weitverbreiteten Elementen zu analysieren. Es ist auch offensichtlich, daß bestimmte Varianten (z. B. der kleine Ring mit zwei Windungen und zwei entgegengesetzten Spiralscheiben) in allen Zeitstufen von Rhein bis zum oberen Obi unverändert auftauchten.

Um die Komplexität der Typologie deutlicher zu machen, haben wir nicht nur zwei Elemente (Anzahl der Windungen und ihre Querschnitte) in die Graphik eingetragen, sondern versucht, auch die Anzahl der Spiralscheiben, ihre Form usw. zu

[53] Siehe beispielshalber die Versuche von Birkner, Willvonseder, Holste, Torbrügge, Hänsel, Furmánek, Kilian-Dirlmeier usw., die jeweils nur Teilaspekte angesprochen haben.

berücksichtigen (Abb. 4). Hinzu kommen mehrere Sonderformen und die Vielfalt der Spiralkonusse.

Der chronologische Rahmen kann nur schwer vereinheitlicht werden: Zuerst wird es immer deutlicher, daß unsere Form nur allmählich Konturen annimmt, wobei nicht alle Komponenten hier ausführlich analysiert werden konnten. Die zwei zeitlichen „Säulen", die mitteleuropäische und die wolgo-uralische/westsibirische hinterlassen z. Z. den Eindruck, daß sie in der Frühbronzezeit getrennt entstanden, weil die typologisch-chronologische, allerdings unvollständige Brücke dazwischen kein frühes Treffen erleichtert zu haben scheint. Abgesehen von den möglichen äneolithischen Ursprünge, ist das Leben unserer Gattung länger als die früher eingeschätzte Periode von der Hügelgräberzeit bis zum Ende der Hallstattzeit, bzw. bis in die archaische Zeit. Aus der heutigen Perspektive wird es nötig sein, mehrere örtliche Chronologien so gründlich wie möglich herauszuarbeiten, und diese später überzeugend zu parallelisieren.

Die Verbreitung, bzw. die Ausbreitung unserer Fundgattung ist eindrucksvoll und muß, nach der vorliegenden Präsentation, eigentlich ausführlich untersucht werden. Die Verflechtung mit den unzähligen kulturellen Milieus auf dem weiträumigen chronologischen Hintergrund verlangt zuerst eine viel bessere, unmittelbare Dokumentation. Alle damit verbundenen Probleme erfordern im Grunde genommen die Begriffe „Kleindynamik" und „Großdynamik" vereinend zu erforschen, d. h. die kulturelle, religionsgeschichtliche, verbreitungsmäßige, chronologische Facetten zu einem geschichtlichen Bild – trotz der scheinbare Unbedeutendheit unserer Schmuckgattung – zu verschmelzen.

Unser bescheidener Forschungsgegenstand – der kleine Ring mit Spiralscheibenenden – könnte also ebenfalls dazu beitragen, zu beweisen, daß die eurasiatische Dimension nicht nur ein geographischer Begriff, nicht nur Platz für einen gewissen Austausch *à longue distance*, sondern auch, daß er, trotz kultureller lokaler Verschiedenheiten, in einem gewissen Sinne Teil eines eurasiatischen gemeinschaftlichen Gedankenguts ist.

Fundlisten der kleinen Ringe mit Spiralscheibenenden[54]

Vorbemerkung. Angesichts der Fundmasse der Exemplare, bzw. der Fundorte, welche in den folgenden Fundlisten erfaßt worden sind, sowie der ausgedehnten berücksichtigten Territorien, darf keinen Anspruch auf Vollständigkeit erhoben werden. Dies minderte aber unsere Bemühungen nicht, so viele Beispiele wie es nur möglich war, zusammenzusetzen. Die Literaturzitate sind wegen manchmal zahlreicher Wiederholungen für dasselbe Fundstück, bzw. -ort auf das Wesentliche reduziert worden; in manchen Fällen war uns leider die Primärliteratur nicht zugänglich oder nicht zu besorgen.

Der umfassendste Aufsatz mit Bezug auf die hier gesammelte Fundkategorie (Fundliste, Typologie, chronologische Ansätze usw.) verdankt man Ida Kilian-Dirlmeier (1980). Die Fundorte, die sie in ihrem vor über 40 Jahren erschienenen Aufsatz hätte aufnehmen müssen, sind mit einem Sternchen (*), die später veröffentlichten mit zwei Sternchen (**) gekennzeichnet worden. Einige Korrekturen ihrer Fundliste wurden durchgeführt und sind in unserem Text entsprechend vermerkt. Dies gestattet, sich eine bessere Übersicht zu verschaffen.

Die jeweiligen Eintragungen wurden grundsätzlich nach dem folgenden Schema erarbeitet:

Ortschaftsname *(verwaltungsamtliche Zugehörigkeit).* – Depot, Grab, Siedlung, Streufund, Zahl der Stücke. – Datierung. – Hauptliteratur. – Bemerkungen.

Die Fundorte in den Fundlisten wurden nach Ländern alphabetisch geordnet. Da bei den Eintragungen in die Verbreitungskarte (s. Abb. 6) die Abkürzung des Landes angegeben wird, ist es nicht mühsam, die Karte mit den Fundlisten zu korrelieren. Bei den gewaltigen Namensänderungen der Ortschaften im 20. und im 21. Jh. ist es uns nicht gelungen, im ganzen Arbeitsgebiet die aktuellsten Namen herauszusuchen. Dies gilt auch für die Einteilung zu verschiedenen verwaltungsamtlichen Kreisen oder Regionen innerhalb des riesigen Arbeitsgebietes; in den allermeisten Fällen wurden die von den jeweiligen Autoren angegebenen administrativen Einheiten übernommen; dies war auch die einzige Lösung, dem Leser eine Überprüfungschance anzubieten.

[54] Die kleinen, abgebrochenen/getrennten Spiralscheiben wurden prinzipiell nicht aufgenommen, weil sie vielen anderen Typen angehören können, z. B. brillenförmige Spiralanhänger, Ohrringe mit Spiralscheiben, Fibeln, Nadeln usw. (s. Abb. 1-2). Ebenso wurden die unaussagefähigen Bruchstücke nicht berücksichtigt.

	****Albanien (AL)**
1.	****Barçi**, *Bez. Korçë.* – Grab, 1 St.(?). – „passage de l'âge du bronze à l'âge du fer". – Koka 1985, 16, Nr. 66, Abb. 66
	Bosnien und Herzegowina (BIH)
1.	***Glasinac-***ohne nähere Angaben.* – Fünfwindiger Fingerring mit Spiralscheibe nur an einem Ende. Das andere Ende läuft spitz zu. – Grabhügel unbekannt. – Datierung unsicher. – Truhelka 1893, 94, 95, Abb. 121; Mariani 1901, 305 Fußnote. – Das Exemplar ist deutlich ein anderes im Vergleich zu Maravići, s. unten.
2.	***Kovačev Do. –** Grabhügel VI, Gr. 1, 2 St. mit je zwei Endspiralscheiben, teilw. beschädigt. – Eisenzeit, HaC. – Benac, Čović 1956, 9, Taf. 3/4-5.
	Kućišta, *Gde. Bosanski Brod, vgl. unten Nr. 5.*
3.	**Maravići,** *Bez. Rogatica.* – Grabhügel VI, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Benac, Čović 1956, 48, Taf. 8/13; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 144. **–** Bei Müller-Karpe 1980, Taf. 321 A 2 steht das Stück unter Glasinac.
	Planje, *Bez. Rogatica*, soll aus der Liste der „Fingerringe mit Spiralenden" gestrichen werden (Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 145) zumal der innere Dm. nur ca. 0,7 cm mißt, vgl. Benac, Čović 1956, Taf. 13/7.
	Pod, *Gde. Bugojno, vgl. unten Nr. 6.*
	Putičevo, *Gde. Travnik, vgl. unten Nr. 7.*
4.	***Taline,** *Gegend um Glasinac.* – Grabhügel, 1 St. Der deformierte Fingerring mit einer Spirale ist nur teilweise erhalten und wurde an einem brillenförmigen Anhänger befestigt. – Datierung unsicher. – Truhelka 1893, 99, Abb. 161.
5.	****Kućišta,** *Gde. Bosanski Brod.* – Depotfund, 1 St., beschädigt. – HaA1 (Stufe 2 nach König). – König 2004, 206, Taf. 4/88: „Drahtspirale (Fingerring?)" mit älterer Literatur; Gavranović 2011, I, 205, Abb. 196/1. – Man darf auch nicht übersehen, daß das Stück von Kućišta ein Gehängehalter sein könnte, wie die zwei obersten Teile von Otok es suggerieren, vgl. König 2004, 216, Nr. 29, Taf. 68/1-2 mit älterer Literatur. – Nicht kartiert.
6.	****Pod**, *Gde. Bugojno.* – Siedlungsfund, 1 St. – Stufe Pod B, spätestens HaB3; Einzelheiten unbekannt. – Gavranović 2011, II, 89ff., bes. 101 m. Abb. 129/1 mit älterer Literatur. – Dimensionen/Maßstab fehlen, daher ist die typologische Zuweisung unsicher. – Nicht kartiert.
7.	***Putičevo,** *Gde. Travnik.* – Hügelgrab, 4 St. – Beginnende Jungurnenfelderzeit. – Gavranović 2011, I, 205, Abb. 196/2-5; II, Taf. 22/2-5 mit älterer Literatur. – Nicht kartiert.
	Bulgarien (BG)
1.	**Dobrina**, *Bez. Varna.* – Grabhügel 3, Urne 1, 2 St. – 7.-6. Jh. v. Chr. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 149; Gergova 1987, Taf. 36 A 176-177.
2.	****Kočan**, *Bez. Blagoevgrad.* – Hügel 2, Gr. 4, 1 St. – 7.-6. Jh. v. Chr. – Gergova 1987, 22, Nr. 8-9; 23; Taf. 36 A 178.
3.	****Ljubtscha** *bei Dospat, Bez. Smolean.* – Hügelgrab 5, 1 St. – 7.-6. Jh. v. Chr. – Damyanov 2003, 587, Abb. 14.
4.	***Silistra**, Umgebungen von ~. – Fundzusammenhang unbekannt. – Datierung unsicher. – Cărăbişi 2022, 273, fişa 121, Taf. 20/121, mit älterer Literatur: Severeanu 1928. Der Verweis auf Nestor 1933 trifft nicht zu. – Nicht kartiert.
	Deutschland (D)[55]
	Abbachhof, *vgl. Grünthal.*
1.	***Agendorf-***„Muckenwinklig", Gde. Steinach, Ldkr. Straubing-Bogen, Bayern.* – Grabhügel 7 u. 11, je über 10 St. u. Fragm.; Grabhügel 16, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Hundt 1964, 23, Taf. 4/22-23; 26, Taf. 7/13; 28, Taf. 12/3.
	Allersburg, vgl. *Thonhausen* (Torbrügge 1959, 138, Kat.-Nr. 103).
2.	***Altessing,** *Ldkr. Kelheim, Bayern.* – Hügel 8,2, 2 St. – Mittelbronzezeit. – Hochstetter 1980, Kat.-Nr. 96, Taf. 30/5, mit älterer Literatur.

[55] Die Fundliste bei Birkner 1932, 81 enthält ca. 50 Fundorte mit „Fingerringen mit Spiralenden", die in der späteren Fachliteratur nur zum Teil aufgenommen worden sind. Sie bietet keine bibliographischen Angaben oder Hinweise über den Aufbewahrungsort an. Deshalb ist sie schwer überprüfbar: diese Kontrolle würde den jetzigen Rahmen überschreiten, sie soll als zukünftige Aufgabe betrachtet werden. Weil die Liste von Birkner bei Torbrügge 1959 nicht wahrgenommen worden ist, ist sein Aufsatz auch bei Kilian-Dirlmeier 1980 nur vereinzelt zitiert und nicht richtig aufgearbeitet.

3. **Amberg**, *Bayern*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Popp 1821, 36 Tab. II/5; Torbrügge 1959, 105, Taf. 2/9; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 39.

4. **Amtmannsdorf,** *Ldkr. Eichstätt, Bayern*. – Hügel 3, 2 St. – Bronzezeit. – Torbrügge 1959, 112, Hügel 3; Taf. 11/9, Hügel 1; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 40.

5. **Angermünde,** *Brandenburg*. – Depotfund, 1 St. – Periode II. – Bohm 1935, 64 mit Taf. 15/7; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 84, Bohm ungenau zitiert.

6. **Asenkofen,** *Ldkr. Landshut, Bayern*. – Grabhügel E, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 41, mit älterer Literatur.

7. **Asch bei Leeder**, *Ldkr. Landsberg am Lech, Bayern*. – Grabhügel I, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 42, mit älterer Literatur.

Aying (*Bayern*) *vgl. Peiß*.

8. **Batzhausen**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Grabhügel 5, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 142 B Hügel 5; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 44. – Das Stück *„Ohne Nachweis“* (Torbrügge 1959, 141, Nr. 116) wurde von Kilian-Dirlmeier 1980 nicht übernommen.

9. ***Bayerseich**, *eingemeindet in Engelsbach, Hessen*. – Hügel 25, Grab 1: „An der linken Hand: 1 Fingerspirale (22039) und 1 Drahtring in Spiralscheibe endigend (22035)“. – Hügelgräberbronzezeit. – Behrens 1916, 196, Nr. 465; Baierseich, nicht abgebildet; Richter 1970, 54, Nr. 301, Taf. 76 B 8 „Fingerberge“ (unter Darmstadt-Arheilgen).

10. ***Beilngries**, *Ldkr. Eichstätt, Bayern*. – Anlage I-Arzberg, Grab 1, 2 St.; Anlage 2-Sandgrube, Grab 4, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 112-113, Taf. 11/15.

Beratzhausen, *vgl. Rechberg/Beratzhausen*.

11. **Bernloch**-„Wiesenfeld“, *Baden-Württemberg*. – Gr. 1, 2 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 40, Taf. 3 A 11-12; Taf. 18 B 13; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 65.

12. ***Beutelsbach**-*„Reitholz-Steinhügel“, Kr. Passau, Bayern*. – Hügel 1, 1 Fingerring m. Doppelspiralenden. – Mittelbronzezeit. – A. Hänsel 1997, 88, 90, mit älterer Literatur; vielleicht 136 Taf. 10 unten li. ohne Nr.

13. **Bichishausen**, *Baden-Württemberg*. – Hügel 1, Gr. 2, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 40, Taf. 2 S 2; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 66.

14. **Bleckmar**, *Niedersachsen*. – Grab 9 III, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 82 mit älterer Literatur.

15. ***Brunn-***„Mennersberg“, Ldkr. Neumarkt, Bayern*. – Hügel 1, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 126, Nr. 74.

16. **Brunn**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügelgrab, 3 + 3 + 4 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 144-145, Nr. 119, Taf. 30/36; 31/2-3, 6-7, 13; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 45.

17. ***Brunn**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Nicht näher lokalisierbare Hügel, 4 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 151, Nr. 124.

18. ****Bubsheim**, *Baden-Württemberg*. – Hügelgrab, Frauenbestattung, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Gutekunst, Kuhnle 2021, 50.

19. ***Buch**, *Ldkr. Riedenburg, Bayern*. – „angeblich aus einem Hügel“, „Reste eines Spiralscheibenringes“. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 214, Nr. 368.

20. ***Darshofen**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Grabhügel, mehrere „Reste von Spiralscheibenringen“. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 152-153, Nr. 130.

Darze, *vgl. unten Nr. 104*.

21. ***Daßwang**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Grabhügel 2, „Bügel eines Spiralscheibenringes“. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 154, Nr. 137.

22. ***Degerndorf-Heimberg,** *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 2, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 155, Nr. 140.

23. **Degerndorf**-*Pöfersdorf, Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 2, 4 St. typologisch unterschiedlich. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 156, Nr. 145, Taf. 36/32; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 47; A. Hänsel 1997, 69 m. Abb. 31/3; 103-104, Nr. 51; 156, Taf. 30/8.

24. ***Deutschland, vermutlich Grossherzogtum Mecklenburg-Schwerin**. – Fundumstände unbekannt, 2 St. – wahrscheinlich Bronzezeit. – Lisch 1837, 139: „Die [grossherzogliche] Sammlung besitzt noch 2 Exemplare, deren jedes einem der hier abgebildeten Exemplare [von Ludwigslust, s. unsere Abb. 4/2] gleich, deren Fundort jedoch nicht bekannt ist". – Nicht kartiert.

25. ***Deutschland, vermutlich Nordostdeutschland**. – Fundumstände unbekannt, 2 St. – wahrscheinlich Bronzezeit. – Lisch 1837, 139: „Auch in Berlin finden sich zwei solche Ringe [s. oben Ludwigslust und unsere Abb. 4/2] und daneben einige Fingerreife, welche nur eine Spiralplatte als Schild haben". – Nicht kartiert.

26. **Diesenbach**-*„Kerm", Ldkr. Regensburg, Bayern*. – Hügel 2, Gr. 1, 3 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 187, Nr. 253, Taf. 54/21, 25; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 46.

Dürn, *Bayern* soll aus der Liste von Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 48 ausgetragen werden, weil bei Torbrügge für das von Kilian-Dirlmeier zitierte Stück nur „kleine Doppelspirale" genannt wird, was auch von seiner Abbildung bestätigt wird: das Fundstück hat nichts mit einem „Fingerring mit Spiralscheiben" zu tun (Torbrügge 1959, 156-157, Taf. 37/15).

27. ***Endorf/Rechberg**-*„Nebental zum Schwarzen Laaber"*. – Hügelgrab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 158, Nr. 154.

Engstingen, *vgl. Großengstingen*.

28. **Gauingen-Hochberg**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 14, Taf. 11 L 8; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 67.

Gielow, *Kr. Malchin, vgl. unten Nr. 103*.

29. **Glendelin**, *Kr. Demmin, Mecklenburg-Vorpommern*. – Grab (Hügel 9), 1 St. – Hügelgräberzeit. – Schumann 1897, 44, Taf. 2/22; Kersten 1958, Taf. 31/344; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 85.

30. **Großengstingen-Haid**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 55-57; Taf. 13 E 2; Taf. 15 A9; F5; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 68.

31. **Großengstingen-Holzwiese**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 58, Nr. 19; Taf. 18 B13; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 69.

32. **Großengstingen-Kohlhülb**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 59, Nr. 25, Taf. 19 G6; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 70.

33. **Grünthal**-*Abbachhof, Ldkr. Regensburg, Bayern*. – Hügel 2, 3 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 193, Nr. 269, Taf. 55/11; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 49.

34. **Haag**-*„Friesenhof", Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Grab, Hügel 1, 2 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 161, Nr. 170, Taf. 38/28; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 50.

35. **Harthausen bei Feldhausen**, *Baden-Württemberg*. – Grab, je 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 61, Nr. 1-2; Taf. 21 G6; Taf. 22 C5; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 71.

Hatzenhof, *vgl. Schwarzenthonhausen*.

36. ****Haunstetten**, *Bayern*. – Siedlung, in einer Pfostengrube, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Dumler, Wirth 2001, 49, Abb. 38.

37. ***Hemau,** *Kr. Regensburg, Oberpfalz, Bayern*. – Grabhügel, Fund II, 2 St. – BzC1. – Torbrügge 1959, 161, Nr. 173; A. Hänsel 1997, 98-99, 149, Taf. 23/13.

38. ***Herzfelde,** *Kr. Templin, Brandenburg*. **–** Depotfund, 1 St. – Periode III. – Bohm 1935, 64 mit Taf. 23/2.

39. ***Hienheim,** *Ldkr. Kelheim, Bayern*. – Grab, 1 St. – Bz B2/C1. – Hochstetter 1980, 130, Kat.-Nr. 103, Taf. 37/5 mit älterer Literatur.

40. ***Hienheimer Forst**, *Gemarkung in Ldkr. Kelheim, Bayern*. – Grab, 3 St. – Bz B2/C1. – Hochstetter 1980, 130, Kat.-Nr. 104, Taf. 38/1 mit älterer Literatur.

41. ***Hohenburg**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 2, 1 St.; Hügel 4, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 163, Nr. 184 mit älterer Literatur; A. Hänsel 1997, 99, Kat.-Nr. 36, Taf. 24/14.

42. **Honau**-*„Traifelberg", Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 63, Taf. 24 A4; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 72).

43. **Hörmannsdorf**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 1, Gr. 1, 9 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 161, Nr. 175, Taf. 39/1, 12; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 51.

44. **Huldstetten**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 63-64, Taf. 24 C1; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 73.

45. **Hundersingen**, *Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 63-64, Taf. 24 C1; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 74.

46. ***Hüttenkofen**, *Gde. Niedereichbach, Bayern*. – Hügel 1, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Hochstetter 1980, 145, Kat.-Nr. 172, Taf. 71/9, mit älterer Literatur.

47. ***Ihrlerstein**, *Ldkr. Kelheim, Bayern*. – Grab, 1 St. – B2/C1. – Hochstetter 1980, 132, Kat.-Nr. 111, Taf. 41/5-6.

48. **Ilvesheim**, *Baden-Württemberg*. – Grab (?), 1 St. – Mittelbronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 75, mit älterer Literatur.

Kelheim, *vgl. Nr. 54.*

49. **Kemnathen**,-*„Oswang“, Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 1, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Torbrügge 1959, 164, Nr. 187 mit älterer Literatur, Taf. 37/36; Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 52.

Kipfenberg, *vgl. Pfahldorf.*

50. **Kneiting**, *Ldkr. Regensburg, Bayern*. – Grabhügel, 4 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 194, Nr. 274, Taf. 57/8; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 53.

51. ***Laaber**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Grabhügel, Bruchstücke mehrerer Spiralscheibenringen. – Wahrscheinlich mittlere Bronzezeit. – Torbrügge 1959, 164, Nr. 190.

52. ***Ludwigslust**, *Mecklenburg*. – Fundumstände unbekannt, 3 St. aus „Erz“. – wahrscheinlich Mittlere Bronzezeit. – Lisch 1837, 138-139, Taf. 23/6, 15, 16; Lindenschmit Sohn 1889, Taf. 39/9, 15 (nur 2 St.); der zweite Fingerring wurde in Technik 1965, Abb. 54 oben Mitte photographisch aufgenommen; in der Abbildungserklärung hinten (ohne Seitennummerierung) sind jedoch 2 St. erwähnt. – Ob die drei, allerdings typologisch unterschiedlichen Fingerringe (damals in der grossherzogl. Sammlung zu Ludwigsburg aufbewahrt) zum selben Fund gehören, bleibt ungewiß (s. unsere Abb. 4/2).

53. ****Machtlfing**, *Ldkr. Starnberg, Bayern*. – Hügel 5, Körpergrab, 1 St.; Hügel 8, 2 St. – Bronzezeit. – Koschik 1981, 210, Kat.-Nr. 186, Taf. 104/6, 11-12.

54. ***Kelheim.** – Grabhügel, 1 St. – wahrscheinlich Hügelgräberzeit. – Lindenschmit 1864, 5. Heft, Taf. 4/5.

55. **Malchin**, *Mecklenburg-Vorpommern*. – Grab (?), 3 St. – Bronzezeit. – Schocknecht 1964, 195; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 86 Bez. Neubrandenburg, mit älterer Literatur.

56. ***Mamming**, *Ldkr. Deggendorf, Bayern*. – Grab, 3 St. – B2/C1. – Hochstetter 1980, 123, Kat.-Nr. 76, Taf. 20/2 mit älterer Literatur.

57. **Mantlach**, *Ldkr. Parsberg, Bayern*. – Hügel 1, Gr. 2, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 167-168; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 54.

58. **Mecklenburg**, *Mecklenburg-Vorpommern*. – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 89, mit älterer Literatur. – Nur ungefähr kartiert.

59. **Mehrstetten-***Böttingler Steige, Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 77, Nr. 2, Taf. 35 C10; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 76.

Mörfelden, *Kr. Groß-Gerau, vgl. unten Nr. 107.*

60. ***Morschreuth,** *Kr. Forchheim, Bayern*. – Hügelgräber, mindestens 5 St. – Hügelgräberzeit. – A. Hänsel 1997, 93-94, Kat.-Nr. 22, Taf. 15/16, mit älterer Literatur.

61. **München**-*Obermenzing, Bayern*. – Hügelgrab 3, Körpergrab 2, 4 St. – Hügelgräberzeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 55; Koschik 1981, 188, Nr. 118, Taf. 56/7-10, beide mit älterer Literatur). – Zwei weitere Spiralscheiben könnten zur selben Fundgattung angehören.

62. **München**-*Pasing, Bayern*. – Depotfund, 2 St. erhalten, weitere verloren. – älteste Hügelgräberzeit. – Holste 1953, Taf. 9/16; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 56; Koschik 1981, 189, Nr. 121, Taf. 57/7-8, die letzten beiden mit älterer Literatur.

63. ***München**-*Untermenzing, Bayern*. – Hügel 1, Körpergrab, 1 St. - Hügelgräberzeit. – Koschik 1981, 186, Nr. 117, Taf. 52/9 mit älterer Literatur.

64. ***Oberhochstatt/Wülsburg**, eingemeindet in Weißenburg, Mittelfranken, Bayern.* – Hügel 3/Gr. 2; Gr. 4, je 1 St. – Bz C1. – Redenbacher 1903, 81 ff.; A. Hänsel 1997, 86-87, Kat.-Nr. 5, 129, Taf. 3/7-8.

Obermenzing, *Bayern, vgl. München-Obermenzing*.

Onsmetingen, *Zollern-Alb-Kreis, vgl. unten Nr. 108*.

65. ***Osterhofen**, Ldkr. Deggendorf, Bayern.* – Hügelgrab, 4 St. - Bz B2/C1. – Hochstetter 1980, Kat.-Nr. 40, Taf. 14/5 mit älterer Literatur.

66. ***Peilstein**, Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Grabhügel mit Skelettbestattung, 2 St. – Hügelgräberzeit. – Behrens 1916, 125, Nr. 200, Taf. XI/13 (Peilnstein).

67. **Peiß**-*Aying, Bayern.* – Grabhügel 1, Körpergrab 1, 1 St.; Körpergrab 2, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Birkner 1932, 76 mit Abb. 2/5; 77-79 mit Abb. 3/17; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 43; Koschik 1981, 176-177, Taf. 41/9; 42/14.

68. ***Pfahldorf** *bei Kipfenberg, Ldkr. Eichstätt, Bayern.* – Grab, 3 St. – Hügelgräberzeit. – Mayer 1835, Taf. I/1, 15, 17, vgl. unsere Abb. 4/1; Behrens 1916, 141, Nr. 265.

69. ***Pfeffertshofen**, Ldkr. Neumarkt, Bayern.* – Grabhügel, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 136, Nr. 96.

Pöfersdorf, *vgl. Degerndorf*.

Pisede, *Kr. Malchin. vgl. unten Nr. 105.*

70. **Poltnitz**, *Mecklenburg-Vorpommern.* – Grabhügel I, 1, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 87, mit älterer Literatur.

Ponholz, *Ldkr. Regensburg, vgl. unten Nr. 106.*

71. ***Pörndorf**-*„Meßnerholz“. Ldkr. Landshut, Bayern.* – Grabhügel 1/Gr. 2, 3 St. – B2/C1. – Hochstetter 1980, 149, Nr. 189, Taf. 81/9, mit älterer Literatur; Wels-Weyrauch 1991, Taf. 47/C/6-16.

72. ****Quedlinburg**, *Sachsen-Anhalt.* – Bronzefund, unklar, ob 4 oder mehrere Stücke. – Urnenfelderzeit. – Maraszek 2012, 103-104, Abb. 9.

73. **Raitenbuch**-*„Hitzendorf“, Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Grabhügel, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 174-175, Nr. 223, Taf. 49/13; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 57.

74. **Rechberg/Beratzhausen**-*„Parstadl“, Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Grabhügel, Fundgruppe 4, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 175, Nr. 226, Taf. 44/5; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 58.

Rechberg *vgl. ebenfalls Endorf/Rechberg*.

75. ***Rechlin**-*„Haltestelle“, Mecklenburg-Vorpommern.* – Zufallsfund, 1 St. – „Bronzezeit“. – Hollnagel 1958, 51-52, Taf. 19/f.

76. ***Regensburg,** *Ldkr. oder Umgebung, Bayern.* – Unbekannt, „Reste von Spiralscheibenringen“. – Unzuweisbar. – Torbrügge 1959, 226, Nr. 421.

77. **Riegerau**, *Bayern.* – Grab, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 59, mit älterer Literatur.

78. **Röckenricht**-*„Frommberg“, Bayern.* – Grabhügel, 2 St. – entwickelte Hügelgräberzeit. – Behrens 1916, 139, Nr. 251, Taf. IX/15-16; Holste 1953, Taf. 10/16; Torbrügge 1959, 223, Nr. 408, Taf. 78/13; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 60.

79. ***Römhild**, *Kr. Meinigen, Thüringen.* – Streufund, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Neumann 1957, 113, Abb. 1/12; Feustel 1958, 93, Nr. 95, Taf. 39/4.

80. **Ronsolden**, *Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Grabhügel, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 177-178, Nr. 233, Taf. 44/29, C Hügel 5-7; Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 61.

81. **Rügen, Kreis**, *Mecklenburg-Vorpommern.* – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Bronzezeit (?). – Kersten 1958, 22, Taf. 14/163; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 88.

82. ****Schönebeck**, *Sachsen-Anhalt.* – Bronzefund, 4 + 2 St. – BD, 1300-1200 v. Chr. – Maraszek 2012, 101, Abb. 6.

83. **Schutzendorf**, *Ldkr. Roth, Bayern.* – Grab, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 62.

84. **Schwaighauser Forst**-*„Beerenwiese“(?), Ldkr. Regensburg, Bayern.* – Grabhügel, 6 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 191, Nr. 264, Taf. 60/29, 33; Kilian-Dirlmeier 1980, 263-264, Nr. 63[56].

85. **Schwaighauser Forst***, Ldkr. Regensburg, Bayern.* – Grabhügel, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 192, Nr. 265, Taf. 60/42; Kilian-Dirlmeier 1980, 263-264, Nr. 63. – Nicht näher lokalisierbar.

86. ***Schwaighauser Forst**-*„Wolfsegg“, Ldkr. Regensburg, Bayern.* – Hügel 2, 1 St.; Hügel 10, 6 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 192, Nr. 266.

87. **Schwaighauser Forst***, Ldkr. Regensburg, Bayern.* – Grabhügel, 5 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 192, Nr. 267, Taf. 60/39; Kilian-Dirlmeier 1980, 263-264, Nr. 63.

88. ***Schwarzenthonhausen***, *Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Hügelgrab, Grab 1, 6 St. – Bz C1. – Torbrügge 1959, 181, Nr. 238, 5 St.; A. Hänsel 1997, 106-107, Kat.-Nr. 56, 162, Taf. 36/1, beide mit älterer Literatur.

89. ***Schwarzenthonhausen**-*„Hatzenhof“, Ldkr. Parsberg, Bayern.* – Hügelgrab, „Reste von mehreren Spiralscheibenringen“; mehrere davon verschollen, 1 St. zeichnerisch aufgenommen. – Bz C1. – Torbrügge 1959, 179-180, Nr. 237 A Hügel 1; A. Hänsel 1997, 97-98, Kat.-Nr. 34, 148, Taf. 22/8.

90. **Sigmaringen,** *„Bei den sieben Kirschbäumen“, Baden-Württemberg*. – Grabhügel, Bestattung 1. – Zürn, Schiek 1969, 13 Bestattung 1, Nr. 4, Taf. 6B 4; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 77.

91. ***Staadorf**-*„Muttenhofen“, Bayern.* – Hügel 15, „Rest eines Spiralscheibenringes“. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 217, Nr. 381.

92. **Straßberg**-*„Harthof“, Baden-Württemberg*. Fundumstände unbekannt, 1 St. – Mittelbronzezeit (?). – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 86, Taf. 46 I; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 78.

93. ***Sunzendorf**-*„Rothsricht“, Ldkr. Sulzbach-Rosenberg, Bayern.* – Unbekannt, 1 St. – Unzuweisbar. – Torbrügge 1959, 224-225, Nr. 414.

94. ****Thale,** *Sachsen-Anhalt*. – Fundumstände nicht überliefert, 1 St. – Ältere Hügelgräberzeit. – A. Hänsel 1999, 146, 147, Abb. 19/9.

95. ***Thonhausen/Allersburg***, *Ldkr. Neumarkt, Bayern.* – 4. Grabhügel, 1 St. – Ältere Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 138-139, Kat.-Nr. 103; Wels-Weyrauch 1991, Taf. 47/E/1, 4; Hänsel 1997, 145, Taf. 19/1.

96. **Tigerfeld** -*„Dürrer Berg“, Baden-Württemberg*. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 88, Nr. 1, Taf. 48 K3; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 79.

97. ***Trautmannshofen,** *Ldkr. Neumarkt, Bayern.* – Fundumstände nicht überliefert, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Behrens 1916, 135, Nr. 235; Torbrügge 1959, 139, Nr. 104.

Untermenzing, *vgl. München-Untermenzing*.

98. **Veringenstadt***, Baden-Württemberg*. – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Mittlere Bronzezeit (?). – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 94, Nr. 1, Taf. 55/13; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 80.

99. **Wardböhmen,** *Niedersachsen.* – Grab, 1 St. – Bronzezeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 83, mit älterer Literatur.

100. ***Winzer***, *Stadtkreis Regensburg, Bayern.* – Grabhügel 3, 4 bis 5 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 213, Nr. 360.

101. **Wolfsbach**-*„Götzenöd“, Ldkr. Amberg, Bayern.* – Hügel 2/Grab 2, 1 St.; Hügel 3, „Bruchstücke von Spiralscheibenringen“; Hügel 6, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Torbrügge 1959, 111-112, Taf. 6/5, 11, 16; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 64, nur Grabhügel 6.

102. **Würtingen**-*„Blachen“, Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, Taf. 60 A30; Kilian-Dirlmeier 1980, 264, Nr. 81.

103. ***Gielow***, *Kr. Malchin, Mecklenburg-Vorpommern.* – Grab, 6 St. – Mittelbronzezeit, Periode III. – Schoknecht 1964, 188-197, Abb. 191 Abb. 2h.

104. ***Darze***, *Kr. Röbel, Mecklenburg-Vorpommern.* – Keine Angaben. – Vermutlich Mittelbronzezeit. – Schoknecht 1964, 195. – Nicht kartiert.

105. ***Pisede***, *Kr. Malchin, Mecklenburg-Vorpommern.* – Grab (?), 2 St. – Vermutlich Mittelbronzezeit. – Schoknecht 1964, 195. – Nicht kartiert.

[56] Kilian-Dirlmeier (1980, 263-264) „komprimiert“ drei bei Torbrügge getrennt eingetragene Fundstellen zu einer einzigen und ignoriert die vierte.

106.	***Ponholz**-*„Medersbach“, Ldkr. Regensburg, Bayern*. – Hügelgrab, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Torbrügge 1959, 196, Nr. 280 (Hügel 6).
107.	***Mörfelden**-*„Unterwald“, Kr. Groß-Gerau, Hessen*. – Grab im Hügel, 1 St.: „Spiralfingerring“ (Behrens)/„Fingerberge“ (Kubach). – Mittlere Bronzezeit. – Behrens 1916, 197 Nr. 468; Kubach 1977, 143 Nr. 139; Taf. 111 B 4, beide mit älterer Literatur. – Nicht kartiert.
108.	***Onsmetingen**, Zollern-Alb-Kreis, Baden-Württemberg*. – Grab, 1 St. an der linken Hand. – Mittelbronzezeit. – Wels-Weyrauch 1978, 52, Nr. 266; Taf. 115 C; Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980, 82, Taf. 40 A 10, beide mit älterer Literatur. – Nicht kartiert.
	Frankreich (F)
1.	**Birklach**-*„Hagenauer Wald“, Elsaß*. – Tumulus 4, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Schaeffer 1926, 35, Abb. 17 g; 179, Abb. 71K; 207; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 90.
2.	****Bramont** (Fluß). – Befestigte Siedlung, 1 St. – Bronze moyen final. – Piningre, Ganard 2017, 166 mit Abb. 8/4.
	***Georgien (GE)**
1.	***Tli**. – Aus den Gräbern der bekannten Nekropole kamen mehrere kleine Ringe mit zwei Spiralscheiben an den Enden, die als Schläfenringe verwendet wurden. – 11.-10. Jh. v. Chr. – Техов 1977, 170.
	Griechenland (GR)
spätmykenisch-protogeometrisch	
1.	**Amphikleia**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 260, Nr. 2, mit älterer Literatur.
2.	**Athen**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 5, mit älterer Literatur.
3.	**Elaphotopos**. – Grab, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 4, mit älterer Literatur.
4.	**Hexalophos,** *Ep. Trikala, Thessalien*. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 3, mit älterer Literatur.
5.	**Kallithea,** *Achaia*. – Grab, 1 St. – Späthelladisch III C. – Kilian-Dirlmeier 1980, 260, Nachtrag.
6.	**Levkandi**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 7, mit älterer Literatur.
7.	**Monodendri,** *Achaia*. – Grab, 1 St. – Späthelladisch III A2-III B. – Kilian-Dirlmeier 1980, 260, Nachtrag.
8.	**Mykenai**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 260-261, Nr. 8, mit älterer Literatur.
9.	**Perati**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 1, mit älterer Literatur.
10.	**Salamis**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 6, mit älterer Literatur.
11.	**Vergina**. – Grab, mehrere St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 9, mit älterer Literatur.
geometrisch-archaisch	
12.	**Aivasil**. – Grab, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 15, mit älterer Literatur.
13.	**Alt-Galepsos**. – Grab, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 16, mit älterer Literatur.
14.	**Ano Mazaraki,** *Achaia*. – Heiligtum, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 259, Nachtrag.
15.	**Argivisches Heraion**. – 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 26, mit älterer Literatur.
16.	**Argos**. – Depotfund, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 27, mit älterer Literatur.
17.	**Arkadien**. – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 24, mit älterer Literatur.
18.	**Asea**. – Siedlung, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 21, mit älterer Literatur.
19.	**Chalkidike**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 34, mit älterer Literatur.
20.	***Chauchitsa**. – Grab, 1 St. – HaC-D. – Kilian 1975, 74-76, Taf. 39/5, mit älterer Literatur.
21.	**Emporio**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 17, mit älterer Literatur.
22.	**Eretria**. **–** Hafenheiligtum, mindestens 3 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 11, mit älterer Literatur.

23. **Exochi**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 36, mit älterer Literatur.

24. **Griechenland**. – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 38, mit älterer Literatur. – Nicht kartiert.

25. **Kalapodi**. – Heiligtum, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 32, mit älterer Literatur.

26. *zw*. **Kavalla** *und* **Drama**. – Grab, 2 St. – Kilian 1975, 101, Taf. 33/11-12; Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 14, mit älterer Literatur.

27. **Knossos**. – Demeter-Heiligtum, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 263, Nr. 37, mit älterer Literatur.

28. **Lindos**. – Athena-Heiligtum. 4 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 35, mit älterer Literatur.

29. **Lousoi**. – Artemis-Heiligtum, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262. Nr. 23, mit älterer Literatur.

30. **Mikron Doukaton**, *Thrakien*. – Grab, 4 St. – makedonische Eisenzeit II C, erste Hälfte 6. Jhs. v. Chr. – Kilian-Dirlmaier 1980, 259, Nachtrag.

31. **Olympia**. – Zeus-Heiligtum, 4 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 25, mit älterer Literatur.

32. **Palaiomanina**. – Grab, 1 Ring. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 10, mit älterer Literatur.

33. **Peloponnes**. – Fundumstände unbekannt, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 28, mit älterer Literatur.

34. **Perachora**. – Hera-Limneia-Heiligtum, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 29, mit älterer Literatur.

35. **Phigaleia**-*Bassae*. – Apollon-Heiligtum, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261-262, Nr. 22, mit älterer Literatur.

36. **Philia,** *Karditsa*. – Athena Itonia-Heiligtum, 11 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 33, mit älterer Literatur.

37. **Rhitsona**. – Grab, 5 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 13, mit älterer Literatur.

38. **Romano**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 12, mit älterer Literatur.

39. **Skyros**. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 18, mit älterer Literatur.

40. **Sparta**. – Akropolis, 1 St.; Artemis Ortheia-Heiligtum, 9 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 19, mit älterer Literatur.

41. **Sounion**, *Kap*. – Poseidon Heiligtum, 2 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 30, mit älterer Literatur.

42. **Tegea**. – Athena Alea-Heiligtum, 7 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 261, Nr. 20, mit älterer Literatur.

43. **Theben**. – Grab, mehrere St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 262, Nr. 31, mit älterer Literatur.

Italien (I)

Unsere Abb. 7 reproduziert die Verbreitungskarte einiger kleinen Ringe mit zwei Doppelspiralscheiben von Nascimbene 2007, 152, fig. 3; es handelt sich um 19 Fundorte mit ungefähr 50 Stücken aus Mittel- und besonders Norditalien (Nascimbene 2005, unzugänglich), die teilweise zeitgleich mit den entsprechenden Funden der archaischen Zeit Griechenlands einzustufen sind. In ihrem Aufsatz sind die Fundorte nicht angegeben und dementsprechend nachweisbar, vielleicht sind die unten stehenden Entdeckungen von Caverzano di Belluno und Fossa auch mitberücksichtigt. Ihre Karte stammt von ihrer ungedruckten Dissertation 2005.

1. ***Alfedena**, *prov. L'Aquila*. – Grab, mindestens 3 St.: „Gli anelli da dita, rinvenuti spesso infilati alle falangi dell'anulare e del medio, sono per lo più in bronzo fuso e cilindrici; non mancano però quelli di ferro. Alcuni di bronzo (nn. 255, 2153, 2714), sono piatti, aperti alle due estremità terminano con due ricci o volute, forma che non è raro riscontrare nelle necropoli Picene (') e che richiama il motivo prediletto delle spire ad occhiale o volute". – Eisenzeit. – Mariani 1901, 305.

Ascoli, *prov. Ascoli-Piceno*. – Gabrielli 1896, 14 m. Abb. 4743 drückt sich vollkommen deutlich aus, es handelt sich um Colli del Tronto, während Mariani (1901, Sp. 305 Fußnote) von Ascoli redet und zitiert dabei Gabrielli (s. auch unten Colli del Tronto).

Ascona, falsche Landzugehörigkeit bei Kilian-Dirlmeier 1980, 268, Nr. 154, vgl. Schweiz.

2. **Atri**, *prov. Teramo*. – Grab XXIX, 1 St. mit zwei doppelten Endspiralscheiben. – Brizio 1902, 238-240, 243, Abb. 22; Kilian-Dirlmeier 1980, 268, Nr. 155.

Caverzano di Belluno, *vgl. unten Nr. 10*.

3. ***Colli del Tronto (?)**, *prov. Ascoli-Piceno*. – Grab(?), 1 St. – Mariani 1901, Sp. 305 Fußnote: „un esemplare di Colli del Tronto in mia proprietà"; Dumitrescu 1929, 112. – Manchmal ist das Fundstück als Ascoli (s. oben) angegeben. Mariani (1901, Sp. 305) trennt sogar die Entdeckungen in Colli di Tronto und im benachbarten Ascoli, so daß es sich sehr wahrscheinlich um zwei unterschiedliche Fundorte innerhalb des Areals Ascoli-Colli del Tronto, sicherlich um zwei separate Fundstücke handelt: „cfr. un esemplare di Colli del Tronto in mia proprietà; ad Ascoli v. Gabrielli, Pal. Comunale di A. P. 1896, p. 14, n. 4743...". – Eine unmittelbare Überprüfung der Stücke war uns nicht möglich.

4. **Cupramaritima**, *prov. Ascoli-Piceno*. – Aus Gräbern. – Dall'Osso 1915, 211 m. Abb.; Dumitrescu 1929, 105, Abb. 13/15; 112; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 156.

Este darf nicht in die Liste eingetragen werden, obwohl Dumitrescu 1929, 112 m. Fßn. 3 von dort „anelli terminati in volute spiraliche" erwähnt und dabei „[Prodoscimini] B[ollettino di] P[aletnolgia] I[taliana] VI [1880, 95-96] tav. IV No. 11, da Este" zitiert; in der Tat bezieht sich Prodoscimini auf einen einfachen Ring mit mehreren Windungen, jedoch ohne Endspiralscheiben.

Fossa, *vgl. unten Nr. 11.*

Italien, *o. Fundort. vgl. unten Nr. 12.*

5. **Lacedonia**, *prov. Avellino, in Campagna*. – Grabfund, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 157, mit älterer Literatur.

6. ***Manaccora**-*„Gorgone", prov. Foggia*. – Bei Skeletten in der Grotte, 2 St. (typologisch unterschiedlich) an zwei Stellen. – Subapenninisch = jungbronzezeitlich. – Rellini, Baumgärtel 1934, tav. 10/5 (grotticella anteriore); tav. 12/6 (grotticella funebre); Müller-Karpe 1980, 792-793, Taf. 270/5.

7. **Megara Hyblaia,** *griechische Kolonie zwischen den heutigen Städten Siracusa und Augusta*. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 268, Nr. 158, mit älterer Literatur.

8. ***Novilara,** *prov. Pesaro*. – Grab, 1 St. (sepolcreto Molaroni). – Brizio 1895, Sp. 145 m. Tav. VIII/38 (mehrwindiger Fingerring: nur eine schwer sichtbare Spiralscheibe oben, hinter dem Knochen, ist zu erkennen). – Im Sinne unserer typologischen Zuschreibung ist die Stelle auch von Mariani 1901, Sp. 305 Fußnote zitiert.

9. ***Villetta-Barrea,** *prov. L'Aquila*. – „un esemplare [Fingerring] a quattro coppie di spirali, proveniente da Villetta-Barrea, nel Museo Preistorico n. 53840". – Einzelstückfund, Datierung unsicher. – Mariani 1901, Sp. 305 m. Fßn.

10. ****Caverzano di Belluno,** *prov. Belluno*. – Grab, doppelte Doppelspiralscheibe und Fragmenten. – 6. Jh. v. Chr.; – Nascimbene 1999, 104-105, 100, fig. 21/227-230. – Nicht kartiert.

11. ****Fossa,** *prov. L'Aquila*. – Grab (tomba 47), 1 St. – 6. Jh. v. Chr. – D'Ercole, Benelli 2004, 26-27, tav. 11/2. – Nicht kartiert.

12. ***Italien**, *o. Fundort*. – Vermutlich Grab, 1 St. – Von Nascimbene im späten Zusammenhang erwähnt. – De Carolis et al. 1977, tav. 115/22 (materiali della collezione Allevi); Nascimbene 1999, 105. – Nicht kartiert.

***Kasachstan (KZ)**

Allgemeine Bemerkung zu den kasachischen Funden: Die Hinweise (Nordkasachstan, Zentralkasachstan und Kustanaj) bei Комарова 1962, 66, рис. 8/13 konnten nicht überprüft werden; es geht auch nicht hervor, welche Größe die vermeinten Ringe mit Spiralscheiben betragen.

1. ***Alekseev,** *Rajon Akkol, Obl. Akmola* (**Алексеев**, *Аккольский р-н, Акмолинская обл.*). – Grab Nr. 13, 2 St. – Andronovo-Kultur. – Кривцова-Гракова 1948, 113, рис. 40; Müller-Karpe 1980, Taf. 546/6.

Алтынсу *vgl. unten Nr. 14.*

2. ****Atasu,** *Rajon Žanaarka, Obl. Karaganda* (**Атасу**, *Жанааркинский р-н, Карагандинская обл.*). – Nekropole I, 1 St. – Кадырбаев, Курманкулов 1992, 104, рис. 76/21; Кузнецова, Тепловодская 1994, 73, рис. 28/20.

3. ***Borovoe**, seit 2005 *Burabaj*, *Obl. Akmola* (**Боровое**, с 2005 г. *Бурабай, Акмолинская обл.*). – „Umzäunung 5" (=ограда 5), Ausgrabungen A.M. Orazbaev, 1(?) St. – Andronovo-Kultur. – Новгородова 1970, 130, рис. 42/5; 131-132.

4. ****Bozengen,** *Rajon Egindybulak, Obl. Karaganda* (**Бозенген**, *Егиндыбулакский р-н, Карагандинская обл.*). – Grab, 2 St. – Ткачёв 2002, 230, рис. 96/14 ogr. 9, mog. 2; 96/24 (kurg. 24, mog. 3, 1 St.).

5. ****Džangildy 5**, *Rajon Mendykara*, *Obl. Qostanai* (**Джангильды 5**, *Мендыкаринский р-н, Костанайская обл.*). – In mehreren Gräbern, zahlreiche Exemplare. – Andronovo-Kultur (Frauenetrachten 2013); Alakul'skaja Kultura (Калиева, Колбина, Логвин 2016, 138: 17.-14. Jh.). – Frauenetrachten 2013, 339, Kat.-Nr. 171 m. Abb. (Beispiel: Grab, 2. St.); Калиева, Колбина, Логвин 2016, 51, рис. 28/7 (яма 26Б); 54, рис. 29/4 (яма 28); 59, рис. 32/6, 9 (яма 30); 4, рис. 41/3, 15, 25; 77, рис. 44/10 (Grab 43Б); 81, рис. 53/2 (Grab 53); 112, рис. 65/9, яма 66Б; 177, Nr. 48 (Grab 27); 185, Nr. 77 (Grab 41).

6. ****Grafskie razvaliny**, *Rajon Šal akyn, Obl. Nordkasachstan* (**Графские развалины**, *р-н Шал акына, Северо-Казахстанская обл.*). – Kurgan I, Gr. 4. – Vermutlich Petrovskaja kultura. – Аванесова 1991, рис. 1/32.

7. ****Karaterek**, *Rajon Majskij, Obl. Pawlodar* (**Каратерек**, *Майский р-н, Павлодарская обл.*). – Gräberfeld Lebjaž'e (могильник Лебяжье). – Mitt. V. Merz; Мерц 2010, 474, рис. 705 rechts.

Konezavod *vgl. unten Nr. 17.*

Kopa, *vgl. unten Nr. 15.*

8. ****Kuropatkino**, seit 2018 *Orken, Rajon Zerenda, Obl. Akmola* (**Куропаткино**, с 2018 г. *Оркен, Зерендинский р-н, Акмолинская обл.*). – Gr. 4, 1 St. – Alakul'skaja kultura. – Аванесова 1991, рис. 4/63.

9. ****Lisakovsk,** *Obl. Qostanai* (**Лисаковск**, *Костанайская обл.*). – Gr., 1 St. – Усманова 2005, 213, рис. 72/1.

10. ****Mičurino I**, *Rajon Timirjazev, Obl. Nordkasachstan* (**Мичурино 1**, *Тимирязевский р-н, Северо-Казахстанская обл.*). – Grab, insgesamt 6 St. – Freundliche Mitt. V. Merz: „Еще три перстня были обнаружены в могиле 6, два в могиле 9, обломок одного перстня в могиле 11, могильника Мичурино 1, севернее Павлодара 20 км. Материалы не опубликованы".

11. ****Majtan**, *Rajon Balqasch, Obl. Almaty* (**Майтан**, *Балхашский р-н, Алматинская обл.*). – Grab, 2 + 4, insgesamt 6 St. – Ткачёв 2019, 53, рис. 9/17-18 [ograda B, mog. 1]; 65, рис. 36/1, 3, 6, 9 [ograda G, mogila].

12. ****Nurmanbet**, bis 2006 *Zhanaortalyk, Rajon Aktogaj, Obl. Karaganda* (**Нурманбет**, до 2006 г. *Жанаорталык, Актогайский* р-н, *Карагандинская обл.*). – ograda 40 м, Grab 7. 41, 57. – Fedorovskaja kultura. – Аванесова 1991, Abb. 6/57.

13. ****Nurtaj,** *Rajon Taldinka, Obl. Karaganda* (**Нуртай**, *Талдинский р-н, Карагандинская обл.*), – Grab, 1 St. – ograda 4a, moghila 1. – Ткачёв 2002, 189, рис. 69/24.

Токанай, *vgl. unten Nr. 18.*

Žaman-Usen *vgl. unten Nr. 16.*

14.*Altynsu, *Fluß* (**Алтынсу**, *река*). – Grab, 1 St. – Frühandronovo-Kultur. – Кабанов, Кожин, Черных 1975, 231 рис. 1/11; Матющенко 2004, 310. – Nicht kartiert.

15. ****Kopa**, *Rajon Ajagos, Obl. Abai* (**Копа**, *Аягозский р-н, Абайская обл.*). – Grab, 1 St. – Andronovo-Kultur. – Евдокимов, Усманова 1990, рис. 2/7; Матющенко 2004, 310. – Nicht kartiert.

16. ***Žaman-Usen 2,** *Rajon Žanaarka, Obl. Karaganda* (**Жаман-Узен 2**, *Жанааркинский р-н, Карагандинская обл.*). – Grab, 1 St. – Andronovo?/Atasuk-Kultur. – Аванесова 1975, рис. 2/2; Матющенко 2004, 310. – Nicht kartiert.

17. ****Konezavod,** *nördlich von Zarečnoe, Rajon Qostanai, Obl. Qostanai* (**Конезавод**, *к северу от Заречное, Костанайский р-н, Костанайская обл.*). – Grab, 1 St. mit konischen Spiralendungen. – Alakul'-Kultur. – Евдокимов, Варфоломеев 2002, 101 рис. 1 (Karte), 108 рис. 7/52. – Nicht kartiert.

18. ****Tokanaj 1,** *östlich von Atybaj, Rajon Amangeldi, Obl. Qostanai* (**Токанай 1**, *восточнее с. Атыбай, Амангельдинский р-н, Костанайская обл.*) – Grab, 2 St., am mittleren und am Ringfinger. – Sintašta-Kultur. – Логвин 2005, 192, рис. 1/8; 193. – Nicht kartiert.

Kroatien (HR)

1. **Brodski Varoš**, *Kreis Brod-Posavina*. – Bronzefund, 1 St. – Phase II (nach Vinski-Gasparini). – Vinski-Gaparini 1973, 212, Taf. 52/43; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 142.

2. ****Gradina,** *Gradina Vrčin/Monte Orcino*. – 2 Exemplare wie Monkodonija, Steinkiste A; Gräbern des benachbarten Ortes Gradina Vrčin bekannt. – frühe SpätBZ. – Hänsel, Teržan 2020, 213, Fßn. 173 (weitere Lit.); Hänsel, Teržan 2020, 212 m. Abb. 26b.

3. **Lovas**, *Kreis Vukovar-Syrmia*. – Bronzefund, 9 St. – Mittlere Bronzezeit. – Vinski 1958, Taf. 1 Mitte; Taf. 2/2-3; Hänsel 1968, Taf. 14/10, 11; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 143.

4. ****Monkodonija, Rovinj. –**

a) Aus der Steinkiste A. – Steinkistengrab A, 1 St. mit einem Spiralende. – Früh- bis Frühmittelbronzezeit. – Hänsel, Teržan 2020, 212-213, Taf. 7/1-2, Abb. 6.

b) Aus der Nähe der Steinkiste B – Fingerring mit einem konisch gestalteten Spiralende, das andere Ende läuft spitz und frei zu. AußenDm. 2,5 cm. – Mittelbronzezeit. – Hänsel, Teržan 2020, 170, Nr. 8, Abb. 7; 213, Abb. 157/1. – Das konische Spiralende kann entweder absichtlich nach innen gebogen worden sein oder im Laufe der späteren Bauumwälzungen.

	***Velebit,** *Stadt in Kroatien, versehentlich bei Serbien eingetragen, vgl. dort.*
	Vrčin, *vgl. Gradina Vrčin.*
5.	**Zmajevac**/*vormals Vörösmart, Region Baranja.* – Grabfund (mündliche Mitt. G. Bándi an A. Mozsolics), 1 St. – 3. Phase der Mittelbronzezeit nach Bóna. – Mozsolics 1967, 177, Taf. 29/6; Bóna 1975, 295, Taf. 271/6; Kilian-Dirlmeier 1980, 167, Nr. 148.
	****Montenegro (MNE)**
1.	****Velika Gruda II**, *Opš. Kotor.* – In mehreren Gräbern, verschiedene Varianten von kleinen Ringen mit Spiralscheibenenden. – Mittelbronzezeit. – Della Casa 1996, 28-57. – Nicht kartiert.
	Österreich (A)
1.	****Franzhausen I**, *Gem Nußdorf, Bez. Sankt Pölten.* – mehrere Exemplare in Gräbern. – Frühbronzezeit. – Neugebauer, Neugebauer 1997, pl. 428/5, 6; 429/2-4; 435/3-9; 436/4-7; 437/4, 5; 441/8; 442/3; 443/9; 445/5, 15; 447/10, 11; 451/3; 453/2, 11). Für **Franzhausen II**, vgl. Neugebauer 1994, fig. 46/6, 7.
2.	***Gemeinlebarn** – Aus mehreren Gräbern, zahlreiche Exemplare. – Frühbronzezeit. – Bertemes 1989, pl. 20/4-8; 21/1-9; 24/1-10; 25/2-8; 29/1-4; 32/8-15; 35/10-13; 36/1-15; 38/22-27; 40/1-3; 42/24, 25, 28-30; 50/3-5; 52/2-10; 54/3-7; 57/10-15. *Gemeinlebarn F* vgl. Neugebauer 1991, Abb. 6, Typentafel; Taf. 2 Gr. 18.
3.	**Gmunden**, *Salzkammergut, Oberösterreich.* – Hügelgrab 5, 11 und unbekannter Fundzusammensetzung, ca. 3 St. – Mittelbronzezeit. – Willvonseder 1937, 133, 332, Taf. 41/8-9; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 93; Einzelheiten bei Gruber 1999, 59, 93, Taf. 5/2; 7/5.
4.	**Großhöflein,** *Bez. Eisenstadt-Umgebung, Burgenland.* – Fundstelle 33, Grab, 1 St. verschollen. – Mittelbronzezeit, B1 (?). – Willvonseder 1937, 133, 333; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 94.
	***Hallstatt**, *vgl. unten Nr. 11.*
5.	***Kronsdorf**-*Schifferegg, Bez. Linz-Land.* – Grab, Fragmente von ca. 2-3 St. – ca. BzC. – Willvonseder 1937, 353 = Heiderbauer Gr. 4; Gruber 1999, 112-113, Nr. 3-8, Taf. 11/6-10 = Grabhügel 10, „kein geschlossener Fund". – Die Inv.-Nr. und der Aufbewahrungsort sind bei Willvonseder und Gruber dieselben.
6.	***Linz**-*„St. Peter"*. – Körpergrab 464, Fingerring Variante 1 c nach Kilian-Dirlmeier. – Frühbronzezeit. – Adler 1965, 60, 61, Abb. 4a.
7.	***Maiersch**, *Bez. Horn.* – Skelettgrab 1, 5 St. – „jüngere mitteldonauländische Hügelgrabkultur (=Stufe Maisbirbaum/Zohor/Kronstorf)". – Berg 1960, 23, Nr. 2-6; 24, Abb. 1/2; 45; Říhovský 1972, 10, Nr. 1; Müller-Karpe 1980, 830, Nr. 526 a.
8.	**Maiersdorf**, *Wiener Neustadt, Niederösterreich.* – Grab- oder Depotfund, 2 St. – BzB. – Willvonseder 1937, 132, Nr. 3; 362-366, Taf. 48/6-7; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 95. – Bei v. Sacken 1865, 12, Abb. 7 wird als Stollhof-Hohe Wand, Wiener Neustadt veröffentlicht.
	Pernegg, vgl. unten, *Nr. 12.*
9.	**Pitten**, *Bez. Neunkirchen, Niederösterreich.* – Aus mehreren Gräbern stammen zahlreiche Exemplare. – Mittelbronzezeit. – Willvonseder 1937, 133, 382, Taf. 29/2; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 96. – Für die monographische Edierung der Funde, vgl. Hampl, Kerchler, Benkovsky-Pivovarova 1982 und Benkovsky-Pivovarova 1985.
10.	**Winklarn** *Bez. Amstetten, Niederösterreich.* – Grab 12, 2 St. – Mittelbronzezeit. – Willvonseder 1937, 423-424, Taf. 38/3; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 97.
11.	***Hallstatt** – Nekropole, 1 St. – HaC-D. – Kromer 1959, Taf. 74/3, Grab 458. – Nicht kartiert.
12.	****Pernegg**, *Bez. Horn, Niederösterreich.* – Depotfund, 3 St. mit konusförmigen Spiralenden. – Mittelbronzezeit. – Guštin, Steffan 2022, 6 Abb. (nicht nummeriert); 17 Abb. 34-36; 33; 39. Nicht kartiert.
	Polen (PL)
	Grodzisko Dolne, *vgl. unten Nr. 11.*
1.	**Kościan**, *pow. Kościan.* – Gr. 769, 5 St. – Vorlausitzer Kultur/Mittlere Bronzezeit. – Gedl 1975, 112, Nr. 201, Taf. 13/14; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 137.
2.	***Kunowo**, *pow. Gostyń.* – Grabfund, 1 St. – Vorlausitzer-Kultur/Mittlere Bronzezeit. –Gedl 1975, 114, Nr. 221, Taf. 12/16; Müller-Karpe 1980, Taf. 334 E 12.

	Łubna, Kr. Sieradz muß aus der Liste gestrichen werden. Der von Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 138 als *Lubnie* genannte Fundort eines Fingerringes mit Spiralenden findet in der vorliegenden Liste nicht seinen Platz, zumal die Dimensionen des Ringes (Dm 3,8×3,7 cm) eine solche Zuweisung nicht gestatten (s. Jażdżewski 1948, 94 ff., Abb. 13); die anderen zwei Fingerringe (Jażdżewski 1948, Abb. 16-18), die von Kilian-Dirlmeier angegeben wurden, sind keine Fingerringe mit Spiralenden.
3.	***Opatów**, *pow. Klobuck.* – Grabfund, 5 St. – Vorlausitzer-Kultur/Mittlere Bronzezeit. – Gedl 1975, 119-120, Nr. 310, Taf. 41/8-12, mit älterer Literatur.
4.	****Pogroszyn,** *pow. Przysucha.* – Depotfund, 4 St. – Mittelbronzezeit. – Kłosińska 2008, 207 ff., 213, ryc. 6/3-6.
5.	***Poniec**, *pow. Gostyń.* – Grabfund, 2 St. – Vorlausitzer-Kultur/Mittlere Bronzezeit. – Gedl 1975, 122, Nr. 354, Taf. 20/9, mit älterer Literatur; Blajer 1984, 25; Blajer 1999, 192, Nr. 140, 383, tab. 135/3-4, mit weiterer Literatur.
6.	***Przyborowo**, *pow. Gostyń.* – Fund undeutlichen Charakters, 1 St. – Vorlausitzer-Kultur/Mittlere Bronzezeit. – Gedl 1975, 123, Nr. 369, Taf. 1/2, mit älterer Literatur; Blajer 1999, 194, Nr. 145; 384, Taf. 136/2.
7.	**Rzeszów**, *Stadt, Woiwodschaft Podkarpackie.* – Depotfund, 3 St. – BC-D. – Kostrzewski 1962, 5-133, Abb. 82/1; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 139; Blajer 1984, 33, Nr. 87; 38, Taf. 85/4-6; Blajer 1999, 199-200, Nr. 166; 407, tab. 159/4-6.
8.	****Średnia Wieś bei Lesko,** *Woiwodschaft Karpatenvorland.* – Depotfund, ca. 8 St. – HaA1. – Freundliche Mitt. P. Kotowicz und W. Blajer, Veröffentlichung in Vorbereitung.
9.	**Stawiszyce,** *Woiwodschaft Świętokrzyskie.* – Depotfund, 4 St. – Mitte Phase II bis Mitte Phase III. – Dąbrowski, Okuliczowa 1962, 244-245, Taf. 52/3-6; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 140.
10.	****Wierzawice,** *pow. Leżajsk.* – Grab 260, 1 St. – Tarnobrzeg-Gruppe, HaA2. – Ormian, Wrobel 2007, 543-564.
11.	***Grodzisko Dolne**, *pow. Leżajsk.* – Grab, 1 St. fragmentarisch. – Lausitzer-Kultur. – Moskwa 1976, 197, rys. 20 r-s. – Nicht kartiert.
	***Rumänien (RO)**
1.	****Arsura**, *Kr. Vaslui.* – Depotfund, 1 St. – angesammelt über längere Zeit, Deponierung während der HaB-Zeit. – Leahu 1997, 326, 332, 349, Abb. 3/3; monographische Veröffentlichung in Vorbereitung.
2.	***Crişana II,** *ehem. Kreis.* – Depotfund, 1 St. – wohl BD. – Petrescu-Dîmboviţa 1978, 156, Nr. 336, Taf. 272 D 11.
3.	****Dridu**, *Kr. Ialomiţa.* – Depotfund, 6 St. – HaB1. – Enăchiuc 1995, 284-285, Nr. 102-107; Leahu 1997, 332.
4.	***Moldova Veche I**/*Ó Moldova, Kr. Caraş-Severin.* – Depotfund, 1 St. – HaA. – Holste 1951, 10, Taf. 18/49; Petrescu-Dîmboviţa 1978, 122-123, Taf. 121/43; Leahu 1997, 332.
5.	***Sărata-Monteoru,** *Kr. Buzău.* – Gr. 68 der Nekropole Nr. 4, 1 Spiralfingerring am kleinen Finger eines ca. 20-jährigen Mannes (Abb. 5/3). 1 St. – Phase Monteoru Ia. – Nestor et al. 1953, 78 m. Abb. 8; Чередниченко 1977, 8, рис. 3/7; Bârzu 1989, 66, 67, Abb. 16, Gr. 68 (monographische Veröffentlichung); Лысенко 2005, 32. – Die Abbildung von Чередниченко 1977 weicht beträchtlich vom Original ab; bei ihm wird der Fundort als *Monteoru IA* angegeben, der von Лысенко 2005 übernommen wurde.
6.	****Şişeşti,** *Kr. Mehedinţi.* – Depotfund – Boroffka, Neagoe, Neagoe 2023; freundliche Mitt. N. Boroffka.
	Târgu Mureş /Tîrgu Mureş (Hänsel 1968, 217, Liste 110, Nr. 8) soll aus der vorliegenden Fundliste ausgeschlossen werden, weil: 1) die von Hänsel angegebenen Abbildungshinweise mit keinen „Fingerringen mit gegenständigen Spiralenden" verbunden werden können und 2) schon Hampel (1896, Taf. 224) Marosvásárhely mit Fragezeichen versieht, vgl. Horedt 1967, 141, mit älterer Literatur, z. B. Reinecke; die tatsächliche Fundortschaft könnte eventuell Hódmezővásárhely in Ungarn sein.
7.	****Tărtăria,** *Kr. Alba.* – Depotfund I, 1 St. – HaB3-C. – Borş 2019, 158 m. Abb.
	Rußland (RU) (westlich des Urals/Kaspischen Meeres/nördlich des Kaukasus)
1.	**Achkinču-Barsoi,** *Rajon Kurčalojevskij, Tschetschenische Republik* (**Ахкинчу-Барзой,** *Курчалоевский р-н, Чеченская Республика*). – Grab, 1 St. – 10.-8. Jh. v. Chr. – Виноградов, Дударев 1979, 163, рис. 2/2; 164, Grab 1/[4]; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 150**;** Reinhold 2007, Fundliste 535).
	Achmylovo. Im Grab 4 dieser Nekropole kommen zwei silberne (Miniatur?) Exemplare von kleinen Ringen mit Spiralscheibenenden vor (Патрушев, Халиков 1982, 10; табл. 2/3в, г). Weil keine Dimensionen angegeben werden (weder im Text, noch in der Tafel, sollen sie im vorliegenden Rahmen nur *allgemein registriert* werden; s. weitere Exemplare in anderen Gräbern S. 23, Gr. 145, табл. 26/5г; 43-44, Gr. 314, табл. 53/1б, д; 2 Exemplare aus Silber auf табл. 70/1в; табл. 131/2г.

2. ****Algaši**, *Rajon Tsilninsky, Obl. Uljanowsk* (**Алгаши**, *Цильнинский р-н, Ульяновская обл.*). – Grab, insgesamt 3 (?) St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 112, табл. 36; 127, Nr. 4 (Kurgan 1, Grab 3); Nr. 7 (Kurgan 4, Grab 1); Nr. 9 (Kurgan 4, Grab 3)[57]; Бочкарёв 2020, 486-487, Gr. 4/3 = табл. 1, No. 11; Gr. 1/3 = табл. 1, Nr. 12; Gr. 4/1 = таблица 1, Nr. 16. – Manchmal erscheint als Starye Algaši.

3. ***Alleroj,** *Rajon Kurčalojevskij, Tschetschenische Republik* (**Аллерой**, *Курчалоевский р-н, Чеченская Республика*). – Nekropole 1, Grab 30a 1 Ring mit zwei Doppelspiralscheiben. – Nekropole datiert in Koban B-E-Zeit. – Козенкова 1982, 118, Taf. 24/15; Reinhold 2007, 417; 252, Liste 536 (mit älterer Literatur: Виноградов 1972, Abb. 40/22).

4. ****Beregovka**, *Rajon Syčovsk, Obl. Smolensk* (**Береговка**, *Сычёвский р-н, Смоленская обл.*). – Grab/Kurgan 2, 2 St.; Kurgan 5, 3 St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 115, табл. 40, № 4-6.

5. ****Čukrakly**, *Raion Čišminskij, Republik Baškortostan* (**Чукраклы**, *Чишминский р-н, Республика Башкортостан*). – Grab, 3 (?) St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 114, табл. 39, Nr. 11; 115, табл. 40, Nr. 9 = Kurgan 5, Nr. 10 = Kurgan 15; 127, Kurgan 16, Gr. 3.

6. ****Čurakaevo,** *Rajon Aktanyš, Republik Tatarstan* (**Чуракаево**, *Актаныш ский р-н, Республика Татарстан*). – Grab, 1 St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 114, табл. 39; 127, Nr. 3: ограда Б, погреб. 2.

7. ****Dzinaga,** *Rajon Irafskij, Republik Nordossetien-Alanien* (**Дзинага**, *Ирафский р-н, Республика Северная Осетия-Алания*). – Aus zerstörten Gräbern, 1 St. – Koban D-Phase. – Козенкова 1996, 30, Abb. 12/11; Reinhold 2007, 251, Liste 535.

8. ****Etoka,** *Rajon Predgornyj, Stavropol'skij Kraj* (**Этока**, *Предгорный р-н, Ставропольский край*). – Gr. 8, 1 St. – 6.-4. Jh. v. Chr., Spätphase der Koban-Kultur. – Козенкова 1998, 166, табл. 10/18; Козенкова 2013, 46.

9. ****Jukalekulevo**, *Rajon Kiginskij, Republik Baškortostan* (**Юкалекулево**, *Кигинский р-н, Республика Башкортостан*). – Grab, 1 St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 114, табл. 39; 127, Nr. 6; Бочкарёв 2020, 486-487 = таблица 1, No. 17, Grab 1/1. – Manchmal wird die Ortschaft als Yukalikulevo transkribiert.

10. ****Katergino**, *Rajon Kozlovskij, Republik Tschuwaschien* (**Катергино**, *Козловский р-н, Чувашская Республика*). **–** Grab, insgesamt 3 St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 112, табл. 36; 127, Nr. 22: Kurgan 1, Grab 1; Nr. 25 Kurgan 2, Grab. 1; Nr. 29: Kurgan 2, Grab 6).

11. **Koban-Gebiet. –** Aus Kurganen (?), mehrere Stücke. – Grenze zwischen dem 2. und dem 1. Jht. v. Chr. **–** Уварова 1900, табл. 64/9; Morgan 1927, 321-322, Abb. 328; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 153; Reinhold 2007, 251, Liste 535; Козенкова 2013, 45. **–** Nicht kartiert.

12. ****Koren-Benoj,** *Rajon Kurčalojevskij, Tschetschenische Republik* (**Корен-Беной**, *Курчалоевский р-н, Чеченская Республика*). – In den Gräbern von 1887, 1 (?) St. – Spätphase der Koban-Kultur (D/E). – Козенкова 1982, 142, Taf. 24/14; Reinhold 2007, 424; 251, Liste 535.

13. ****Krasnogorskij III,** *Rajon Zvenigovskij, Republik Mari El* (**Красногорский III**, *Звениговский р-н, Республика Марий Эл*). – Kurgan 4, 1 St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 127, Nr. 3.

14. ***Kumbulta**, *Rajon Irafskij*, *Republik Nordossetien-Alanien* (**Кумбулта**, *Ирафский р-н, Республика Северная Осетия-Алания*). – Kleine Ringe, unseres Sondertypes E. – Koban-Kultur. – Уварова 1900, табл. 89/17, 21.

15. **Lugovoj Mogilnik,** *Ortschaft Lugovoe, jetzt Mužiči, Rajon Sunža, Republik Inguschetien* (**Луговой могильник,** *с. Луговое, сейчас Мужичи, Сунженский р-н, Республика Ингушетия*). – Grab, angeblich 6 St. **–** Koban-Kultur, angeblich ältere Stücke in einem späteren Kontext: 7.-4. Jh. Leicht unterschiedliche Datierungen bei Krupnov und Kozenkova. **–** Крупнов 1960, 289, рис. 50/9; Крупнов 1963, 157, рис. 12/8-9; 24/6-8; 33/2; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 151; Козенкова 1982, 128, Taf. 24/14; Reinhold 2007, 426; 252, Liste 535; Козенкова 2013, 46, die meisten mit älterer Literatur.

16. ****Majrtup 2,** *Rajon Kurčalojevskij, Tschetschenische Republik* (**Майртуп 2**, *Курчалоевский р-н, Чеченская Республика*). – Grab, mindestens 1 St. – Phase A-B, Koban-Kultur, 11.-10 Jh. v. Chr. – Vinogradov, Dudarev 2000, 375-377; 376, Abb. 10/10 „Schläfengehänge"; Reinhold 2007, 425 mit älterer Literatur.

17. ***Mozdok,** *Republik Nordossetien-Alanien* (**Моздок,** *Республика Северная Осетия-Алания*). – Grab, 1 St. – Spätphase der Koban-Kultur, 6.-4. Jh. v. Chr./Koban D. – Пиотровский, Иессен 1940, 9-10, Taf. 4/2; Reinhold 2007, 412; 251 Liste 535; Козенкова 2013, 46.

[57] Bei mehreren Hinweisen auf Кузьмина 1992 sollen auch die Taf. 38 und 40 berücksichtigt werden.

18. **Nesterovskij Mogilnik,** *Rajon Sunža, Republik Inguschetien* (**Нестеровский могильник**, *Сунженский р-н, Республика Ингушетия*). – Grab, angeblich 1 St. – Spätphase der Koban-Kultur, 6.-4. Jh. v. Chr. (D-E), nach Krupnov angeblich ältere Stücke in einem späteren Kontext: 7.-4. Jh. Leicht unterschiedliche Datierungen bei Krupnov und Kozenkova. – Крупнов 1960, 285, рис. 48/26; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 152; Reinhold 2007, 426; 251, Liste 535; Козенкова 2013, 46.

19. ****Novogroznenskij,** *Rajon Gudermes, Tschetschenische Republik* (**Новогрозненский**, *Гудермесский р-н, Чеченская Республика*). – *Aus zerstörten Gräbern, angeblich mehrere Stücke. – Spätphase der Koban-Kultur, D-E. – Reinhold 2007, 252, Fundliste 535; Reinhold 2007, 427-428, 252, Fundliste 536, mit älterer Literatur: Виноградов 1979.*

20. ****Pepkino,** *Rajon Gornomarijskij, Republik Mari El* (**Пепкино**, *Горномарийский р-н, Республика Марий Эл*). – Grab, 1 St. – Abaševo-Kultur, 2140–1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 112, табл. 36; 127, Nr. 30: Kurgan 1, Grab 1.

21. ***Psedach,** *Rajon Malgobek*, *Republik Inguschetien* (**Пседах**, Малгобекский р-н, *Республика Ингушетия*). – Aus mehreren Gräbern, mehrere Stücke. – Koban-Kultur, Phase B-E. – Reinhold 2007, 434; 252, Liste 535; Козенкова 2013, 46, beide mit älterer Literatur.

22. ****Seržen' Jurt,** *Rajon Šali, Tschetschenische Republik* (**Сержень-Юрт,** *Шалинский р-н, Чеченская Республика*). – Mehrere Stücke aus dem Depotfund, der Siedlung und aus einem Grab. – Datierung unterschiedlich. – Kozenkova 1992, Gr. 53, Taf. 47/16-19; Reinhold 2007, 429-430, 252, Liste 535 mit Abb.; Козенкова 2013, 165/4, рис. 21/4; vgl. auch рис. 19/1 „Schläfenring".

23. ****Tauš-Kasy,** *Rajon Civilskij, Tschuwaschische Republik* (**Таушкасы,** *Цивильский р-н, Чувашская Республика*). – Grab, insgesamt 2 St. – Abaševo-Kultur, 2140–1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 112 табл. 36; 127 Nr. 14: Kurgan 2, Grab 1; Nr. 15: Kurgan 2, Grab 2).

24. ***Urus-Martan** (*Bojsi-Irzo*), *Rajon Urus-Martan, Tschetschenische Republik* (**Урус-Мартан** (*Бойси-Ирзо*), *Урус-Мартановский р-н, Чеченская Республика*). – Grabhügel 1, 4 St. – 6.-4. Jh. v. Chr., Spätphase der Koban-Kultur, E. – Артамонова-Полтавцева 1950, 50-60, рис. 23/4a-g; Kozenkova 1982a, 134, Taf. 24/13, Reinhold 2007, 252, Liste 535; Козенкова 2013, 46 mit älterer Literatur.

25. ****Verchnekisil'skoe**, *Agapovskii rajon, Obl. Tscheljabinsk* (**Верхнекизильское**, *Агаповский р-н, Челябинская обл.*). – Кизильский клад/Depotfund, 1 (?) St. – Abaševo-Kultur. – Кузьмина 1992, 127, Nr. 19; Бочкарёв 2020, 486-487 = таблица 1, Nr. 5).

26. ***Verchnij Koban**, *Rajon Prigorodnyj* (**Верхний Кобан**, *Пригородный р-н, Республика Северная Осетия-Алания*). – Grab, mehrere St. – Koban-Kultur C-D. – Уварова 1900, 9-11; Reinhold 2007, 528.

27. ****Vilovatovo II,** *Rajon Gornomarijskij, Republik Mari El* (**Виловатово II**, *Горномарийский р-н, Республика Марий Эл*). – Grab, insgesamt 4 (?) St. – Abaševo-Kultur, 2140-1740 v. Chr. (Radiokarbondaten). – Кузьмина 1992, 112, табл. 36, Nr. 35, 38; Бочкарёв 2020, 486-487, Gr. 17/3 = табл. 1, Nr. 10, 1 St.; Gr. 11/1 = табл. 1, Nr. 13, 1 St.; Gr. 17/8 = табл. 1, Nr. 14, 1 St.; Gr. 11/6 = табл. 1, Nr. 15, 1 St.

***Rußland** (Westteil Sibiriens, Ural bis Jenissej)

Alakul', *vgl. unten Nr. 41.*

28. ****Čiča I,** *Befestigung, Rajon Zdvinskij,* Obl. Nowosibirsk (**Чича I,** *городище, Здвинский р-н, Новосибирская обл.*). – Siedlung, 1 St. – Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit. – Молодин 1985, 165, рис. 84/2; 166 (Siedlungsgrube der Wohnung Nr. 1); Косарев 1991, 268, рис. 52/12; Молодин 2009.

Chripunovo, *vgl. unten Nr. 38.*

29. ***Ciornoozer'e I,** *Rajon Sargatskij, Obl. Omsk* (**Чёрноозерье I,** *Саргатский р-н, Омская обл.*). – Косарев 1991, 258, рис. 42/15; Генинг, Стефанова 1994, 47, рис. 13/5, mit älterer Literatur: Генинг, Ещенко 1973.

Čistolebjaž'e, *vgl. unten Nr. 39.*

30. ***Elovka I,** *Rajon Kozhevnikovo, Obl. Tomsk* (**Еловка I**, *Кожевниковский р-н, Томская обл.*) – Grab, 1 Ex. – Spätandronovo-Stufe. – Матющенко 1974, 38, рис. 59/8 = Kurgan 14, Gr. 2; Косарев 1981, 155, рис. 59/18; Косарев 1991, 262, рис. 46/13; Матющенко 2001, 48, рис. 10/5).

31. ****Elovka II,** *Rajon Kozhevnikovo, Obl. Tomsk* (**Еловка II**, *Кожевниковский р-н, Томская обл.*). – Gräber, insgesamt 5 St. – Andronovo-Kultur. – Матющенко 2004, Grab 284, 288, 322, 327, рис. 348/4; рис. 352/9; рис. 373/13, 15; рис. 377/2); Умеренкова 2015, 159, рис. 2/2. – Die Anzahl von 8 St. bei Umerenkova bezieht sich auf den ganzen „Komplex Elovka".

	Ermak IV, *vgl. unten Nr. 42.*
32.	****Kulevči VI,** *Rajon Varnenskij, Obl. Tscheljabinsk* (**Кулевчи VI**, *Варненский р-н, Челябинская обл.*) – Grab, insgesamt ca. 7 St.; Kurgan 1, Grube 1, 1 St. (Виноградов, Берсенева, Алаева 2020, 14-17, 21, рис. 1.10/4); Kurgan 4, Grube 1, ca. 5 St. (Виноградов, Берсенева, Алаева 2020, 88-89, 109, рис. 1.112; 112, рис. 1.116/1-4, 8); Kurgan 5, Grube 3, 2 (?) St. (Виноградов, Берсенева, Алаева 2020, 220, рис. 1.248/10, 14 (?). – Allgemeine Datierung des Denkmals 2000-1650 v. Chr., vgl. nuanciertere Datierungen auf S. 244, für Kurgan 5, 1880-1690 v. Chr.
	Rymnikskij *vgl. Sintašta.*
33.	***Pervomajskij Rajon,** *Novosibirsk* (**Первомайский р-н**, *г. Новосибирск*). – Siedlung, 1 St. – Andronovo-Kultur und -Zeit. – Матющенко 1973, 114, рис. 3/3. – Gehört wahrscheinlich dem Typ mit einer einzigen konusförmigen Endspirale.
34.	****Sintašta,** *am linken Ufer des Flusses Sintašta zwischen den Dörfern Rymniskij und Mirnoe, Rajon Bredinsk, Obl. Tscheljabinsk* (**Синташта**, *Брединский р-н, Челябинская обл.*). – Grab, mehrere St. aus mehreren Fundkomplexen. – ca. 2100-1800. – Генинг, Зданович, Генинг 1992, 231, рис. 126/18-20, погр. 39; 274 рис. 153/3, погр. 9; 289 рис. 161/4, погр. 9; 319, 320, рис. 184/2, погр. 7.
35.	****Sopka II/5,** *in der Nähe von Staryj Tartas, Rajon Vengerovskij, Obl. Novosibirsk* (**Сопка II/5**, *вблизи с. Старый Тартас, Венгеровский р-н, Новосибирская обл.*). – Kurgan 31, Nekropole 7, Gr. 337, 1 St. – Samus'-Seimin-Stufe (16.-12. Jh. V. Chr.)/позднекротовские. – Косарев 1991, 252, рис. 36/7; Молодин, Гришин 2019, 76, рис. 111/13 = 118 рис. 172, monographische Veröffentlichung. – Die Spiralen zeigen konische Form.
36.	****Stepnoe VII,** *Rajon Platovskij, Obl. Tscheljabinsk* (**Степное VII**, *Пластовский р-н, Челябинская обл.*). – Grabkomplex 4, Grube 17, 6 St.; Grabkomplex 4, Grube 18, 1 St.; Grabkomplex 7, Grube 78, 3 St. – ca. 2100-1800 v. Chr.; Sintašta/Petrowsk-Alakul'-Kultur. – Куприянова, Зданович 2015, 38, 40, рис. 43/8; 44; 49, рис. 51/4; 131, рис. 135/1.
37.	***Tomsk,** *Obl. Tomsk* (**Томск**). – Grab, 1 St. vielleicht nur eine, konisch gestaltete Endspirale. **–** Комарова 1952, 31, рис. 17/5, мог. 13; Матющенко 1974, 36, рис. 9/4, Gr. 13/3; рис. 67/4-6.
38.	****Chripunovo,** *südlich von Krasnogorskoe, Rajon Isetskij, Obl. Tjumen* (**Хрипуново**, *к югу от Красногорское, Исетский р-н, Тюменская обл.*) – Grab, 1 St. – Frühandronovo/Alakulsk-Kultur. – Матвеев 1998, рис. 54/10; Матющенко 2004, 310; Костомарова, Флек 2007, 43, рис. 3/17-19; 44; 45-53 (metallographische und chemische Analysen). – Nicht kartiert.
39.	****Čistolebjaž'e,** *Rajon Belozerskij, Obl. Kurgan* (**Чистолебяжье**, *Белозерский р-н, Курганская обл.*). – Grab, 1 St. – Frühandronovo-Kultur. – Матвеев 1998, рис. 53/4; Матющенко 2004, 310. – Nicht kartiert.
40.	****Verchnjaja Alabuga,** *Rajon Zverinogolovskij, Obl. Kurgan* (**Верхняя Алабуга,** *Звериноголовский р-н, Курганская обл.*). – Grab, 3 St. – Andronovo-Kultur. – Потемкина 1985, рис. 82/5-7; Матющенко 2004, 310. – Nicht kartiert.
41.	****Alakul',** *am nördlichen Ufer des Sees Alakul', Rajon Ščučansk, Obl. Kurgan* (*на северном берегу оз.* **Алакуль,** *Щучанский р-н, Курганская обл.*). – Grab, ungefähr 8 St. - Alakulsk-Kultur. – Тигеева, Новиков, Шилов 2016, 20, рис. 2/43-50; 23. – Nicht kartiert.
42.	****Ermak IV,** *Rajon Novovaršavka, Obl. Omsk* (**Ермак-IV**, *Нововаршавский р-н Омская обл.*). – Grab, unbekannte Anzahl von St. – Andronovo-Kultur. – Сотникова 1990, 25; Костомарова, Флек 2007, 44. – Nicht kartiert.
	Schweiz (CH)
1.	**Arbon-***„Bleiche".*– Siedlung, 1 St. – Mittelbronzezeit. - Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 91.
2.	**Ascona**. – Grab, 1 St. mit zwei doppelten Endspiralen. – Mittelbronzezeit. – Crivelli 1953, 92, fig. 22/15 g; Osterwalder 1971, fig. 22, tombe 15/g; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 154. – Von Kilian-Dirlmeier 1980 versehentlich in Italien platziert.
3.	**Weiningen-***„Hardwald", Zürich.* **–** Hügel 3, Grab 2, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Osterwalder 1971, 86-87, Taf. 5/4; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 92.
	Serbien (SRB)
1.	***Dobanovci-***„Ciglana", eingemeindet in die Belgrader Gemeinde Surčin.* – Zufallsfund, 2 St. – BzB. – Тодоровић 1971, 70, Nr. 274-275, Taf. 38/1-2.

2. **Karaburma,** *eingemeindet in Belgrad.* – Nekropole: Gr. 116 Nr. 8-9 (1 St.); 265 Nr. 4 (1 St.); Gr. 266 Nr. 4 (1 St.); Gr. 270 Nr. 2 (1 St.); Gr. 284 Nr. 2 (1 St.). – 116, 265, 266, 284 (BB1-2 = I. Phase), 270 (C1-2 = II Phase). – Todorović 1977, 24, Gr. 116/8-9, 28 Abb.; 81-82 Gr. 265/4, 88 Abb.; 82 Gr. 266/4, 89 Abb.; 83 Gr. 270/2, 92 Abb.; 90 Gr. 284/2, 101 Abb.; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 141. – Im von Kilian-Dirlmeier aufgezählten Gr. 101 von Karaburma befindet sich kein Fingerring mit Spiralenden, dafür im Gr. 265 und 284.

3. ****Medoševac,** *Gem. Niš.* – Streufunde vom Areal der Nekropole, 6 St. S. 144; 5 St. in der Photographie fig. 53. – Mittlere Bronzezeit. – Стојић, Јоцић 2006, 144, 265, fig. 53.

4. **Prilep**-*„Popadin Dol", Gem. Prilep, Nordmakedonien.* – Gr. 1, 1 St. – Zweite Hälfte 10. Jh. v. Chr. (auf Grund der Datierung der Fibel, vgl. Vasić 1999, 45, Nr. 276-277; 46). – Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 146 mit älterer Literatur, als Popadin Dol.

5. **Trućevac,** *Gem. Despotovac, Bez. Belica.* – Grabfund oder Hort, 1 St. – Mittlere Bronzezeit. – Garašanin 1954, 11, Taf. 4/6 oben rechts; Hänsel 1968, vielleicht Taf. 13/1; in den Listen 110-111 nicht eingetragen; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 147.

6. ***Velebit,** *Stadt, heute in Kroatien.* – Gräberfeld, 2 St., Streufunde. – Mittelbronzezeit BzB-C. – Foltiny 1968, Taf. IV/4; Armbruster et al. 2019, 179, Taf. 1/4-5.

7. ***Zemun,** *Stadtbezirk von Belgrad.* – Zufallsfund, aus dem Donauufer, 1 St. – Mittlere Bronzezeit, BC. – Тодоровић 1971, 71, Nr. 276, Taf. 37/11.

Slowakei (SK)

Bajč, *vgl. unten Nr. 26.*

1. ***Banka,** *Trnavský kraj.* – Depot, 2 St. – HaA. – Novotná 1970, 88-89, Taf. 49 oben re.

2. **Barca,** *Košice-Nekropole II, Košický kraj.* – Gr. 5/65, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Furmánek 1968, 158-159, 162, Abb. 5/8; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 98.

3. ***Barca,** *Košice-Sektor D 2, Košický kraj.* – Bronzefund, 2 St. – Mittelbronzezeit. – Hájek 1957, 329, Abb. 7; 330, Abb. 8/3, 5; 331, Nr. 9-10; Găvan 2015, 134.

Barcika (Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 99 (versehentlich zu den tschechslowakischen Funden eingetragen), s. Ungarn).

4. **Blažice,** *Košický kraj.* – Depotfund, 8 St. – Späte Hügelgräberzeit. – Medvěcký 1931, 92-93, Abb. 26/1-5, 7-9; Furmánek 1977, 294; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 100 unter dem alten Ortschaftsnamen Bologdu.

Bologdu, s. Blažice

5. ***Chotín**/*Hetény, Nitriansky kraj.* – wahrscheinlich 1-2 St. aus einem Grab. – „älteste Phase der ungarischen Hügelgräberkultur" (Mozsolics 1973). – Willvonseder 1937, 137 (nur Gürtelblech); Mozsolics 1973, 140-141, Nr. 5, 10; Taf. 2/5, 16-17 (mehrheitlich Photographien); Kilian-Dirlmeier 1975, 100-101, Nr. 398, Taf. 61 A 3 (Zeichnung); Müller-Karpe 1980, Taf. 330 H 3 (nach Kilian-Dirlmeier 1975). – Im Vergleich zu Mozsolics 1973, strebt Kilian-Dirlmeier (1975) eine Ergänzung des Fundstückes an, erwähnt jedoch die Tontasse nicht. Kilian-Dirlmeier 1980 ignoriert den Fund vollständig.

6. ***Dol'any** *bei Levoča, Prešovský kraj.* – Fundumstände unbekannt (Depotfund?), 2 St., tordiert, Spirale anscheinend nur an einem Ende. – Frühhallstattzeit. – Hampel 1892, Taf. 160/20-21; Foltiny 1955, 22, Nr. 4, Taf. 5/11, ohne Literatur, als Fingerring; vgl. auch Taf. 4/4; 7/4; 16/2; 64/11.

7. **Dolný Peter**, *Bez. Komárno, vormals Svätý Peter, Bez. Hurbanovo, Nitriansky kraj.* – Gr. 11, 1 St.; Gr. 27, 4 ganze St. u. Fragm.; Gr. 38, 1 St. – Frühhügelgräberzeitlich. – Dušek 1969, 58, 57, Abb. 7/2 [Gr. 11]; 68, 69, Abb. 13/1-10 [Gr. 27]; 72, 73, Abb. 15/3 [Gr. 38]; Furmánek 1980, pl. 38 B 5-8; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 102). – Die aus den Gräbern 14, 15, 19, 38, 50 stammenden Ringe mit Spiralenden (Dm. des Ringes 3,4 bis 4 cm), von Kilian-Dirlmeier als Fingerringe präsentiert, können keine solchen Schmuckgegenstände gewesen sein.

Drevenik, vgl. *Žehra-Dreveník II.*

8. ***Dunajská Lužná**, *časť Nové Košariská, Bratislavský kraj.* – Grab, 5 St. – Hügelgräberzeit. – Pichlerová 1976, 16-17, Abb. 8/1-4 [falsch nummeriert und beschrieben], Skelettgrab D; Godiš, Haruštiak 2020, 143, Abb. 11/12-16.

9. ***Hodejov I,** *Banskobystrický kraj*. – Bronzefund, 8 [„otto anelli digitali a spirali contraposte, (due sono rotte)" Furmánek 2002, 131, Nr. 209a-h)], 9 St. Furmánek 2004, 131, Nr. 209a-h. – Inizio del Bronzo medio. – Ein Vergleich von Furmánek 2004 mit Godiš 2019, 51 Abb. B re. unten ergibt nur unpräzise Ergebnisse. – Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 104 verweist blockweise auf Furmánek 1977, 361, Taf. 21/12 (Hodejov I) und 22/13 (Hodejov II), wobei die Dimensionen der beiden Fundstücke (innen 3,0-3,5 minimaler Dm), bzw. ca. 5,2 cm) eine solche typologische Zuschreibung nicht annehmen lassen. Daher ist der Hinweis von Kilian-Dirlmeier schlicht falsch. Sonst sind keine Fingerringe mit Spiralenden von Hodejov in den Tafeln von Furmánek 1977 abgebildet. Dafür aber erwähnt er im Text ein einziges Mal (Furmánek 1977, 294) Fingerringe mit Spiralenden von Hodejov, zwar ohne Anzahl, Literatur, Textabbildungen oder andere Hinweise. Auf diese letzte Stelle verweist Kilian-Dirlmeier 1980 nicht.

10. ****Jelšovce,** *Nitriansky kraj*. – Gr. 9; Gr. 79; Gr. 279; Gr. II. – Maď arovce-K., klassische Phase: Reinecke BA2 (1700-1500 v. Chr.). – Bátora 2000, Taf. 2/14; 8/41-42; 26/1-2, 7; 55/6-13 Fragmente; 418-419; Mitt. J. Bátora.

11. ****Košické Olšany,** *Košický kraj*. – Depotfund, 2(?) St. – BD-HaA1 (Miroššayová 1998, 127); Bronzo recente (ca. 1350-1000 gemäß der Tabelle bei Furmánek 2002, 25). – Miroššayová 1998, 127, Abb. 8 oben li.; Mitte re. (Photos); Furmánek 2002, 138, Kat.-Nr. 240 a-b (Zeichnungen); 173, Kat.-Nr. 240 (Photos); Furmánek 2004, 138. – Bei Miroššayová 1998, 127 und Furmánek 2002 (Photos und Zeichnungen) weichen die Abbildungen jeweils leicht voneinander ab. Die Möglichkeit, daß 4 Stücke vorhanden sind, ist doch sehr gering.

12. ***Matejovce,** *Košický kraj*. – Depotfund, 1 St. – Mittlere Hügelgräberzeit. – Furmánek 1980, 9, Nr. 54, Taf. 38 C 14 mit Hinweis auf Novotná Musaica 11, 1971, 9ff.

13. ****Moštenica-***Pod Vysokou, Banskobystrický kraj*. – Bronzefund, 2 St. – Uriu-Ópályi-Stufe/BzBD. – Novotná, Kvietok 2015, 232, Taf. II/17, 23.

14. ****Nitrica I,** *Trenčiansky kraj*. – Prunkgrab, Grabdeponierung 8 St. – "Bz C2/D, ca. 1350-1300 v. Chr.". – Ondrkál 2022, 128, Abb. 1 li. unten; 134; 135, Abb. 5 li. unten.

15. ***Nižna,** *Žilinský kraj*. – Depot 1937, ca. 3 St. – HaA. – Novotná 1970, Taf. 17 oben, mit älterer Literatur.

16. ****Nižna Lazy,** *Košický kraj*. – Depotfund, ca. 4 St. – BD-HaA1. – Danielova 2018, 80. Abb. 1/7-10 mit älterer Literatur.

17. ****Nižna Myšl'a** (ungarisch Alsómislye), *Košický kraj*. – Grab, 2 St. aus Gold. – Otomani-Kultur. – Olexa 2003, 62, Tab. XV; 108, Abb. 59, 2 St.

Nová Košariská, vgl. *Dunajská Lužná*.

18. **Ožď any II** *von 1951* (*früher Osgyán*)*, Banskobystrický kraj*. – Depotfund, 1 St. – Späte Hügelgräberzeit, Horizont Ožď any oder Forró, B IVa. – Mozsolics 1973, 166; Furmánek 1977, 294; 363, Taf. 25/3, o. Hinweis, ob I oder II; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 111; Furmánek, Novotná 2006, 21, Nr. 28, Taf. 44/6.

19. **Šafárikovo** (*heute Tornaľa*)*, Banskobystrický kraj*. – Grab, 1 St. – Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 116 mit älterer Literatur.

20. ***Salka I,** *Nitrianský kraj*. – Im Gr. 8, 21, 39, 102, 111 fand man je einen Bronzering mit einer einzigen Endspirale. – Ältere Hügelgräberzeit. – Točik 1964, 4, 6, Taf. 8/16 (Gr. 8/Nr. 13); 8, Taf. 9/16 (Gr. 21/Nr. 6); 11, Taf. 12/3-4 (Gr. 39/Nr. 3); 22, Taf. 21/7 (Gr. 102/Nr. 2) 24, nicht abgebildet, weil zerstört (Gr. 111/Nr. 3).

21. ****Šamorin,** *eingemeindet in Šámot-Hruškový, Trnavský kraj*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Godiš, Haruštiak 2020, 122, Hrob 5/16 (objekt 222, 2 St.), Taf. 3/1, 1a, 3, 4; 122-123, hrob 6/16, Nr. 4, Taf. 4/1=Fingerring mit 2 Spiralen.

Šámot-Hruškový, *vgl. Šamorin*.

22. ***Smolenice** (*Somotor/Szomolány*)*, Trnavský kraj*. – Grab, 4 St. – Hügelgräberzeit. – Hampel 1896, Taf. 242/3-6; Eisner 1933, 67, Abb. 4; Foltiny 1955, 21-22, Taf. 5/2, 9.

23. ***Spišský Štvrtok**, *Košický kraj*. – Depot im Haus, 1 St. – Otomani-Kultur. – Müller-Karpe 1980, 824, Nr. 486, Taf. 294 A 2, mit älterer Literatur [Vladár].

Svätý Peter, vgl. oben *Dolný Peter*.

24. **Švedlár,** *Košický kraj*. – Depotfund, 2 St. – Pilinyi-Kultur. – Furmánek 1977, 294, Taf. 30/7, 11; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 118.

Tornal'a, *vgl. Šafárikovo*.

25. **Žehra-Dreveník II,** *Košický kraj*. – Depotfund, 2(?) St. – Mittlere Hügelgräberzeit (BB2[C1]). – Hänsel 1968, Taf. 55/8-9; Furmánek 1977, 368, Taf. 35/6; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 103.

26. ***Bajč-***Vlkanovó, okr. Komárno, Nitriansky kraj*. – Depotfund (?), 1 St., fragmentiert. – Mittelbronzezeit. – Točik 1964a, 79, Nr. 7 (Objekt IX); 141 Taf. 50/5. – Nicht kartiert.

27. ***Žilina**, *Kreis Žilina*. - Depotfund, 1 St. – HaB 1. – Novotná 1968, 32-34; 35 Abb. 3 unten; Taf. XVI unten. – Nicht kartiert.

***Slowenien**

1. ***Most na Soči/Santa Lucia di Tolmino.** – Grab, 1 St. – Späthallstattzeit. – Teržan, Trampuz 1973, Taf. 11/14). – Nicht kartiert.

Tschechien (CZ)

Bechyně, *vgl. Hemerách u Bechyně.*

1. ****Borotice,** *Kr. Znojmo*. – Hügelgräberfeld d. Věteřov-Kultur, 5 St. – B A2-B1. – Stuchlík 2006, 50, Abb. 41/13; 72, Abb. 61/7-8; 82, Abb. 76/6; 112, 106/1, mit älterer Literatur.

2. **Braník,** *bei Prag XV*. – Grab, 1 St. – Stocký 1928, Taf. 28/2 als Branih; Holste 1953, Taf. 13/12, als Prag-Branik; Beneš 1959, 16, 43, Abb. 17/11, als Praha-Braník; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 101, als Branih.

3. ***Budeč,** *Kr. Kladno*. – Unbekannt, Fragmente von 2 Fingerringen mit Spiralenden. – Hügelgräberzeit. – Beneš 1959, 16, 38.

Bušovice, *vgl. unten Nr. 37.*

4. ***Domažlice,** *Kr. Plzeň*. – Grab, 2 St. – Hügelgräberkultur. – Štrér 1889, Sp. 651-660; 655-656, Abb. 5a-b.

Hájek bei Šťáhlavy, *vgl. Šťáhlavy*.

5. ***Hemerách u Bechyně**, *Kr. Jihočeský*. – Hügelgrab, 1 St. – Hügelgräberkultur. – Pič 1896, Taf. I/9; Pič 1900, Taf. XX/5; XXI/9.

6. **Horni Metelsko,** *Kr. Domažlice*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberkultur. – Stocký 1928, Taf. 24/1; Holste 1953, Taf. 13/7; Čujanová-Jílková 1970, Kat.-Nr. 15, Taf. 80 A 4; Kilian-Dirlmeier 1980, 265, Nr. 105.

7. **Hulín,** *Kr. Kroměříž*. – Depotfund, ca. 28 St. – BC2-BD. – Furmánek 1973, Abb. 27/15; 28/1-25; 29/6, 8-9, 14; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 106; Salaš 2005, 274, Nr. 102-129, Taf. 23/102-104, 107-108; 24/109, 112-119, 121-125.

8. **Jenišovice,** *Kr. Melnik*. – Depotfund, 6 St. – HaB1. – Pič 1897, 693ff., Taf. 82/9; Schránil 1928, 166, Taf. 30/45 (als Jenšovice); Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 107; Kytlicová 2007, 267-268, Nr. 68, Taf. 101/25-30.

9. ***Kbel**, *Kr. Plzeň*. – Hügel 4, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Pič 1900, Sp. 31 Fßn. 42, Taf. 4/16; Čujanová-Jílková 1970, Kat.-Nr. 26, Taf. 17/A, 6.

10. ***Lipany bei Prag**. – Grab, 1 ganzer und 7 Fragmente von Fingerringen mit „Rosetten". – Hügelgräberzeit. – Beneš 1959, 16, 40.

11. ***Lotouš,** *Kr. Slany*. – Unbekannt, Fragmente von Fingerringen mit „Rosetten". – Hügelgräberzeit. – Beneš 1959, 16, 41.

12. ***Malovice**, *Kr. Tachov*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Čujanová-Jílková 1970, 48-49, Kat.-Nr. 42, Taf. 61 B 8.

13. ***Mankovice,** *Kr. Nový Jičín*. – Bronzefund, 1 St. – Horizont Mankovice = HaA1. – Salaš 2005/I, 354, Nr. 45/3, mit älterer Literatur; Salaš 2005/II, Taf. 196/3.

14. **Meclov**, *Kr. Domažlice*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Čujanová-Jílková 1970, 49-52, Taf. 14 E 16; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 108.

15. ***Měrovice nad Hanou,** *Kr. Přerov*. – Gr., mindestens 2 St. – Jungbronzezeit, Stufe BD. – Spurný 1961, 473-477; Ríhovský 1979, 101, Nr. 544; Parma, Stuchlík 2017, 217, Nr. 6; 218, Abb. 8/3; 227.

Metelsko (Stocký 1928, pl. 24/1)*, vgl. Horni Metelsko*.

16. **Milínov,** *Kr. Plzeň-jih*. – Grab, 3 St. – Hügelgräberzeit. – Čujanová-Jílková 1970, 52, Taf. 54 A 9-11; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 109.

17. **Milovice,** *Kr. Breclav*. – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Furmánek 1973, 72, Nr. 73, Taf. 37/7; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 110.

18. ***Mostcovice bei Plumlov**, *Kr. Prostějov*. – Grab, 1 St. – BD. – Schránil 1928, Taf. 28/16, 32; Kytlicová, Vokolek, Bouzek 1964, 159 m. Abb. 3/IIa/34.

	Nová Hospoda, *vgl. Plzeň.*
19.	***Nova Hut',** *Gem. Dýšina, Kr. Plzeň.* – Hügel 8, 2 St. – Hügelgräberzeit – Čujanová-Jílková 1970, Kat.-Nr. 50, Taf. 28/12, 16.
	Ober-Medelzen, **Bischofteinitz,** *vgl. Horni Metelsko.*
20.	***Pardubice**. – Grab, 1 St. – BD. – Kytlicová, Vokolek, Bouzek 1964, 159 m. Abb. 3/IIa/34, mit älterer Literatur.
21.	****Paseky 2,** *Kr. Písek.* – Bronzefund, 1 St. – BD-HaA1. – Chvojka, Jiráň, Metlička 2017, 118, 120, Nr. 20, Taf. 125/14.
22.	***Plav** (*früher auch Plavo oder Plava*) *bei České Budějovice, Kr. Jihočeský.* – Grab? (mohyly), 1 St. – Hügelgräberzeit. – Pič 1900, Taf. XVIII/6-7.
23.	**Plzeň-Nová Hospoda,** *Kr. Plzeň.* – Mohila 46, 2 St. – Hügelgräberzeit. – Jílkova 1958, 320, 322, 321, Abb. 6/12, 14; 323, Abb. 8/6-7; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 112.
24.	**Podivice**, *Kr. Vyškov.* – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Furmánek 1973, 80, 79, Abb. 39/16; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 113.
25.	**Podivín**, *Kr. Břeclav.* – Streufunde, 2 St. – Hügelgräberzeit. – Furmánek 1973, 80; 78, Abb. 39/15, 17; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 114.
	Prag/Praha-Braník, *s. Braník.*
26.	***Rajhradic-Stráně nad Habřinou,** *Kr. Brno-venkov.* – Variante mit schmalem Mittelspiralrohr. – Parma, Stuchlík 2017, 222, Abb. 12A, mit älterer Literatur: Nekvasil 1954.
27.	**Řepeč,** *Kr. Jihočeský.* – Grab, 7 St. – Hügelgräberzeit. – Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 115, mit älterer Literatur.
28.	***Sedlec**, *Gem. Starý Plzenec, Kr. Plzeň.* – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Čujanová-Jílková 1970, Kat.-Nr. 66, Taf. 60/ A 8.
29.	***Slaný**-*„Fabrik Breitfeld", Kr. Středočeský.* – Depotfund, 6 St. – Hügelgräberzeit. – Beneš 1959, 16, 44, 68, Abb. 8/6, abgebildet 5 St.
30.	***Slatinice**, *Kr. Olomouc.* – Grab, 1 St. (?) – wahrscheinlich Mittelbronzezeit. – Gottwald 1931, 71, Abb. 72/2. – Es handelt sich um einen beschädigten, auseinandergezogenen Fingerring, wobei auch die jetzigen Dimensionen (3,0×1,8 cm) eine Zuweisung als Armring nicht gestatten.
31.	**Šťáhlavy**-*„Wald Hájek", Kr. Plzeň-jih.* – Hügel 1, 2 St.; Hügel 14, 1 St.; Hügel 20, 1 St.; Hügel 30, 6+1 St. – Hügelgräberzeit. – Čujanová-Jílková 1970, 91-95, Kat.-Nr. 77, Taf. 106/B1-2 (Hügel 1); Taf. 108/A 6 (Hügel 20); Taf. 111/B 7 (Hügel 14); Taf. 112/A 5-10; Taf. 114 A 11 (Hügel 30); Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 117 mit unvollständigen Zitaten.
32.	**Tučapy** *Kr. Kroměříž.* – Depotfund, 8 St. – Hügelgräberzeit. – Furmánek 1973, 86-88; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 119.
33.	**Týn nad Vltavou,** *Kr. Jihočeský.* – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Pič 1900, Sp. 159, Taf. XIV/15; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 120.
34.	****Velim,** *Kr. Kolín.* – Hort VII, 1 St. – BC2-BD. – Hrala 2000, 235 (Beschreibung als „Spiral. frag. of a larger obiect..."), 234, fig. VII 11/69; 253 (nur ganz allgemeine Erwähnung).
35.	**Vrhaveč,** *Kr. Plzeň.* – Gr., 7 St. – Mittelbronzezeit. – Čujanová-Jílková 1970, 107, Taf. 100/13-19; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 121.
36.	**Všekary**-*Wald „Hustá Leč", Kr. Plzeň-jih.* – Grab, 10 Fingerringe. – Hügelgräberzeit. – Schránil 1928, 121, Abb. 12/9-18; 125; Čujanová-Jílková 1970, 113, Nr. 94, Taf. 43/20-21; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 122.
37.	***Bušovice,** *Bez. Rokycany, Kr. Plzeň.* – Eher Grab, wahrscheinlich 3 St.: „Ferner gehören zu dem Fund Bruchstücke von Fingerringen mit Spiralscheiben (Abb. 4/2)" (Böhm 1936, 13). – Milavče-Knovízer Kulturkreis, Stufe Lažany (Bz D). – Böhm 1936, 13; 12, Abb. 4/2; Kytlicova 2007, 255, Nr. 8, Taf. 18/3-10 (Datierung; die Fundstücke sind nur als Spiralscheiben betrachtet), beide mit weiterer Literatur. – Nicht kartiert.
	***Ukraine (UA)**
1.	***Čechi,** *jetzt Lugovoe/Lugove, Rajon Zoločiv, Obl. Lwiw* (**Чехи**, *Луговое/Лугове, Золочівський р-н, Львівська обл.*) – Grab, 2 St. – Vysocka-Kultur. – Sulimirski 1931, 190, Taf. 25/38; Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/7; Лысенко 2021, 244, 360; 517, рис. 127/16 mit weiteren Erklärungen und Literatur.

2. ***Chaščevoe,** *Rajon Novomoskovsk*, *Obl. Dnipropetrovsk* (**Хащевое**/*Хащеве, Новомосковський р-н, Дніпропетровська обл.*). – Kurgan 5, Grab 14, 1 St. – Frühe Srubnaja-Kultur. – Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/3; 32, рис. 8/12; Лысенко 2021, 303, 341, рис. 127/6, mit älterer Literatur: Ковалёва, Волкобой 1978, 43, рис. 90; Ковалёва и др. 1979, 11.

3. ****Čujunča,** *jetzt Urožajnoe/ Urožajne, Rajon Simferopol, Autonome Republik Krim* (**Чуюнча**, *Урожайное/ Урожайне, Сімферопольський р-н, Автономна Республіка Крим*). – Kurgangruppe, 2 St. – Belozerka-Kultur. – Лысенко 2021, 315, 341, 517, рис. 127/9-10, mit älterer Literatur: Колотухин 1996, рис. 12/18, 19.

Gradižsk (*Градижск*) ist bei Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/6 offensichtlich eine fehlerhafte Eintragung, zumal bei Лысенко 2021, passim nur von Nadeln die Rede ist.

4. ****Hordeevka**, *Rajon Hajssyn, Obl. Winnyzja* (**Гордеевка**/*Гордіївка, Гайсинський р-н, Вінницька обл.*). – Grab, mindestens 5 St. – BD-HaA1. – Berezanskaja, Kločko 1998, Taf. 17/3, 6, wahrsch. auch 4-5 [Kurgan 9, Bronze 4 Windungen]; Taf. 37/8 [Kurgan 21, Gold, 4 Windungen]; Taf. 57/2 [Kurgan 31, Gold, 7 Windungen]; Sonderform Taf. 23/2, Kurgan 14 Gold; Taf. 28/4, Kurgan 16 Gold; Taf. 42/2 Kurgan 24, Gold; Лысенко 2005, 31, рис. 7/8; Козенкова 2013, 165; Лысенко 2021, 185-199, 341, 517, рис. 127/12-15, mit älterer Literatur.

5. ***Komarov**, *Rajon Halytsch, Obl. Iwano-Frankiwsk* (**Комаров**/*Комарів, Галицький р-н, Івано-Франківська обл.*). – Kurgan 8, 4 St. – Mittelbronzezeit. – Sulimirski 1931; Sulimirski 1939, 25-33; Sulimirski 1968, 108, fig. 26/5-6; Müller-Karpe 1980, Taf. 541 D 4 als Stanislav (o. Lit.); Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/1; 32, рис. 8/1-4; Лысенко 2021, 228-229, 341, 517, рис. 127/1-4.

6. ***Lugansk**/*vormals Woroschilowgrad „Strikwarenfabrik"* (**Луганск**/*Луганськ /бывший Ворошиловград «Трикотажная фабрика»*). – Kurgan 1, Grab 12. – Srubnaja-Kultura. – Лысенко 2021, 243, 372-373, рис. 127/7, mit weiterer Literatur: Чередниченко и др. 1971, 31, табл. 15; Чередниченко 1977, 4 рис. 1/8; Чередниченко 1986, 65; Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/4; 32, рис. 8/11.

Lugovoe, *vgl. Čechi.*

7. ***Nižnie Vorota** (*Alsóvereke*), *Rajon Mukatschewo, Obl. Transkarpatien* **(Нижние Ворота**/*Нижні Ворота, Мукачівський р-н, Закарпатська обл.*). – Depotfund II, 1 Stück. – Lazy I (HaA1). – Eisner 1933, 125-126: „a též prsten s dvoí růžicí uprostřed dva kráte svinutý"; Bernjakovič 1960, 358, Nr. 57 („Es enthielt: ... einen Fingerring aus doppelt gedrehtem Draht mit zwei Spiralscheiben an den Enden"); Kobal' 2000, 90, Nr. 96.

8. ***Novopodkrjaž**, *Rajon Zaritschany, Obl. Dnipropetrovsk* (**Новоподкряж**/ *Новопідкряж, Царичанський р-н, Дніпропетровська обл.*). – Kurgangruppe III, Kurgan 1, Grab 7, 1 St. – 17.-15. Jh. v. Chr. – Ковалёва, Волкобой 1978, 32, табл. I/2; Цимиданов 2004, рис. 32/9; Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/2; 32, рис. 8/13; Лысенко 2021, 265-266, 341, рис. 127/5.

9. ****Pokrovka,** *Rajon Amwrossijiwka, Obl. Donezk* (**Покровка**, *Амвросіївський р-н, Донецька обл.*). – Grab, 1 St. – Srubnaja- oder Abaševo-Kultur (?). – Лысенко 2021, 280-281, 341, рис. 127/8 mit älterer Literatur: Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/5; 32, рис. 8/14. – Hinweise leicht unterschiedlich: Kurgan 3, Grab 9: Лысенко 2021, 280-281, 341, рис. 127/8 oder Grab 10: Лысенко 2005, 32 рис. 8/14.

10. ***Ukraine,** *wahrscheinlich Zentral- oder Westukraine.* – Fundort und Fundumstände unbekannt, 1 St. mit zwei doppelten Spiralscheiben. – „vorskythische Zeit". – Тереножкин 1961, 170-171, рис. 112/2; Лысенко 2005, 32, рис. 8/6 („Среднее Поднепровье"); Полтавец 2013, 210, рис. 9/6. – Nicht kartiert.

11. ****Verchnjaja Chortitsa,** *eingemeindet in Zaporožie* (**Верхняя Хортица**/*Верхня Хортиця,* м. Запоріжжя). – Grab, 2 St. – Noua-Sabatinovka, 15.-13. Jh. – Лысенко 2021, 170, 341, рис. 127/17-18, mit älterer Literatur.

12. ****Vosroždenie-2,** *Rajon Bachmut, Obl. Donezk* (**Возрождение-2**/*Відродження, Бахмутський р-н, Донецька обл.*). – Kurgan 2, Grab 5, Skelett 1. – Srubnaja-Kultur. – Лысенко 2005, 31, карта рис. 7/9; Лысенко 2021, 171-172, 341, рис. 127/11, mit älterer Literatur.

Woroschilowgrad, *vgl. Lugansk.*

Ungarn (H)

1. **Abaújszántó**, *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Grab, 1 St. – Piliny-Kultur. – Kemenczei 1964, Taf. 5/16; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 123.

2. **Barcika**/*Kazincbarcika, Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 2 St. – SpätHGZ/FrühUFZ. – Kemenczei 1965, 108, 114, Taf. 17/10, 13, mit älterer Literatur; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 99 versehentlich unter den Funden aus der Tschechoslowakei eingetragen.

3.	****Battonya**-*„Vadaszán-tanya“, Kom. Békés.* – Grab 1, 2 St. – Hügelgräberzeit. – Kállay 1983, 45, 47, 46, Abb. 5/11, evtl. 13.
4.	***Bodrogkeresztúr,** *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Einzelfunde aus Urnengräbern. – Barca-Gruppe der Pilinyer Kultur. – Kemenczei 1964, 31-32, Taf. I-II; Kemenczei 1984, 21, 110, 245, Taf. 35/19.
5.	**Borsodgeszt***, Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 1 St. – Piliny-Kultur. – Kemenczei 1965, 153, Taf. 9/5; Kilian-Dirlmeier 1980, 226, Nr. 124; Kemenczei 1984, 115, Nr. 8; 255, Taf. 45/5.
	Budapest-Rákospalota, *vgl. Rákospalota.*
6.	****Budapest**-*Békásmegyer.* – Brandschüttungsgrab, 1 St. – Ha A2/B1. – Kalicz-Schreiber 2010, 159, 467, Taf. 118/14.
7.	****Celldömölk***, Kom. Vas.* – ehem. Sammlung Lázár, mindestens 4 St. – HaB. – Freundliche Mitt. G. Ilon.
8.	**Csabrendek***, Kom. Veszprém.* – Urnengrab, 2 St. – BD. – Dorner 1884, 228, 229, Abb. B/5-6; Darnay 1900, 96; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 125.
9.	****Csólyospálos**-*Felsőpáloson, Kom. Bács-Kiskun.* – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Kustár, Wicker 1998, 67, Taf. V/12; Kustár, Wicker 2002, 174, Nr. 2c., Taf. V/13.
10.	**Deszk A***, Kom. Csongrád-Csánád.* – Gr. 24, 1 St. – Spätphase der Mureş-Kultur. – Foltiny 1941, 60 ff. m. Abb. 6/2; Hänsel 1968, 217, Liste 110, Nr. 4; Taf. 12/7; Bóna 1975, Taf. 91/13; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 126.
11.	**Detek***,* **Kom.** *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Gräberfeld, Gr. 6, 4 St. – Barca-Gruppe der Pilinyer Kultur. – Kemenczei 1968, 167, 170, Abb. 6/3-6; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 127.
	Dolyán, vormals Kom. Nográd oder Szepes, vgl. *Dol'any, Slowakei.*
12.	**Felsődobzsa***, Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 2 St. (Mozsolics), 7 St. (Kemenczei). – Horizont Forró. – Hampel 1886, Taf. 49/1; Mozsolics 1973, 135, Nr. 27, Taf. 47/34-35; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 128; Kemenczei 1984, Taf. 46/7-12, 18, als Spiralscheibenanhänger.
	****Jászdozsa,** *vgl. unten Nr. 38.*
13.	**Hajdúbagos***, Kom. Hajdú-Bihar.* – Grab 10, 1 St. – Hügelgräberkultur. – Kovács 1970, 27 ff., Abb. 3/6; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 129.
14.	**Hódmezővásárhely***, Kom. Csongrád-Csanád.* – Streufunde, 1 St. fragmentarisch. – ungefähr Hügelgräberzeit. – Banner 1944-1945, 39, Taf. 12/25; Kilian-Dirlmeier 1980, 266, Nr. 130.
	Kazincbarcika*, vgl. Barcika.*
15.	***Kengyel-Tenyősziget,** *jetzt Teil von Szolnok, Kom. Jász-Nagykun-Szolnok.* – Grab, 1 St. – Hügelgräberzeit. – Sőregi 1939, 27-28 m. Abb. 13/1.
16.	***Kiskundorozsma**-*Öreghegy, eingemeindet in Szeged.* – Grab, meist Fragmente, eines davon jedoch mit charakteristischer anfänglicher Biegung. – Hügelgräberkultur. – Foltiny 1957, 55, Taf. 9/3-6; 9-10; Taf. 11/8.
17.	***Kisterenye,** *Kom. Nógrád.* – Depotfund(?), 1 St. – Mittelbronzezeit. – Kubinyi 1861, 98 m. Taf. 18/118; Hänsel 1968, 217, Liste 111, Nr. 1.
	Kurityán, *vgl. unten Nr. 35.*
18.	***Lengyeltóti III***, Kom. Somogy.* – Bronzefund, 1 St. – HaA. – Török 1940; Mozsolics 1985, 143, Taf. 108/4.
	Mád, *vgl. unten Nr. 36.*
19.	****Mezőcsát,** *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Grab 4, 1 St.; Gr. 15, 1 St.; 26, 1 St.; 33, 1 St. in der „Füllerde der Raubgrube“. – R Br. C1 = MD III spät. – Hänsel, Kalicz 1986, 12-13, Taf. 1/4/b; 18, Taf. 5/15/d; 22-23, Taf. 5/26/f; 23-24, Taf. 6/33/h.
	Mezőnyárád, *vgl. unten Nr. 37.*
20.	***Nagybátony,** *Kom. Nógrád.* – Grab 759, 1 St. – Piliny-Kultur. – Kemenczei 1984, 105, 216, Taf. 6/24 mit älterer Literatur.
21.	****Nyíregyháza**-*Oros „Úr Csere”, Kom. Szabolcs-Szatmár-Bereg.* – Siedlungsfunde, 2 St. – Hajdúbagos-Cehăluţ-Gruppe, BzC-D. – Bejinariu 2010, 53, Cx 123 = Taf. 17/1; Cx 200 = Taf. 23/11.
22.	****Pécs,** *Kom. Baranya.* – Goldfund, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Hänsel, Weihermann 2000, 14, no. 21, fig. 8/1.

23. **Piliny**-*Borsos, Kom. Nógrád.* – Grab, 1 St. – Zagyvapálfalva-Gruppe der Pilinyer Kultur. – Kemenczei 1967; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 131.

24. ****Pilismarót**-*Malompatak-Őrtorony, Kom. Komárom-Esztergom.* – Streufund, 1 St. – BB2-BD. – Tarbay 2022, 221 (4.21/4); 303, Taf. 45/7. – Die leichte Deformierung erschwert nicht die typologische Zuschreibung.

25. **Rákospalota** (*jetzt vereint m. Budapest*). – Depotfund, 1 St. – Mozsolics IIIb/Koszider-Horizont. – Hampel 1886, Taf. 87/13; Mozsolics 1967, 81, 157, 265, Taf. 59/8; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 132.

26. ***Rozsály,** *Kom. Szabolcs-Szatmár.* – Depotfund mit Gold- u. Bronzegegenständen, 2 St. eines Sondertyps. – Horizont Ópályi, B IV b. – Mozsolics 1973, 70, 204-205, 342, Taf. 90/1-2 „Goldschmuckstücke" (mit älterer Literatur); Козенкова 2013, 165, рис. 19/6 „Schläfenringe").

27. ****Süköd**-*„Árpás-dűlő", Kom. Bács-Kiskun.* – Grab, 9 St. – Hügelgräberkultur, BzB2; Radiokarbondaten: 1540-1430 (Cu: 95,4%) v. Chr. – Pásztor, Pap, Andrási 2022, 87 m. Abb. 2; 90, Abb. 5/3-11. – Vier an der linken Hand; 5 an der rechten.

28. **Szeged**-*Alsótanya, Kom. Csongrád-Csanád.* – Foltiny 1957, 34, 55, Taf. 2/10 (Tongefäß); 9/7-8, 12; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 133.

29. **Tápé** (*eingemeindet in Szeged*), *Kom. Csongrád-Csanád.* – Trogmayer 1975, Gr. 73 (Taf. 7/73,2>3-windig); 123, 129; Gr. 136 (Taf. 12/136,2); Gr. 137 (Taf. 12/137,2); 252 >>95; Gr. 423, Taf. 37/4 (Frauengrab) HGZ; Gr. 518; Kilian-Dirlmeier 1980, Nr. 134; Leahu 1997, 332.

30. **Tiszafüred**-*Majoroshalom, Kom. Jász-Nagykun-Szolnok.* – Gräberfeld: Gr. 101, 102, 143, 160, 183, 190, 207, 208, 218, 220, 253, 256, 258, 260. 323, 351, 356, 358 (Kovács 1975, 16, Taf. 9/101/2; 10/102/15; 12/143/8; 23, Taf. 15/160/10-14; 25, Taf. 18/183/2-3; Taf. 19/3; 26, Taf. 20/207/6-7; Taf. 20/208/4; 27 (4 St.), 27, Taf. 21/218/5; 29, Taf. 23/253/4, wahrscheinlich auch 3; 24/256/10; Taf. 24/258/12-13; Taf. 25/260/4; 34, Taf. 30/323/2-3; 37, Taf. 32/351/4; 38, Taf. 26/356/3; Taf. 26/358/3. Stücke (die Anzahl der Stücke entsprechen den Tafelhinweisen: 1+1+1+5+2+1+2+1+4+1+2+2+1+2+1+2+1+1+1 = insgesamt ca. 32 St. – Hügelgräberzeit. – Kovács 1975; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 135. – Auszuschließen ist das Exemplar aus dem Gr. 220, das von Kovács als Armring betrachtet ist.

31. ***Tiszapalkonya**-*Erőmű, Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Grab 8, 2 Stücke aus Gold, nur mit einer Spiralscheibe. – Mittelbronzezeit. – Kovács 1979, 60, 65, Abb. 5/2-3; 68.

32. ***Ungarn 1**. – Unbekannt, 1 St. aus „Erz" im Mus. Zürich. – Mittlere Bronzezeit. – Lindenschmit Sohn 1889, Taf. 39/18.

33. ****Üröm,** *Kom. Pest.* – Grab, 3 St. – Hügelgräberkultur. – Holport 1980, 58, 62, 68, Abb. 5/6-8.

34. **Zagyvapálfalva** (*eingemeindet in Salgótarján*), *Kom. Nógrád.* – Grab-/Streufunde, mehrere Stücke. – Zagyvapálfalva-Gruppe der Pilinyer Kultur. – Hillebrand 1929, 36, Abb. 17 unten Mitte; 37, Abb. 18 unten re.; Kemenczei 1967, Taf. 23/3; Kilian-Dirlmeier 1980, 267, Nr. 136.

35. ****Kurityán**, *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 1 St. – 2. Phase der Pilinyer Kultur, BD, IVb nach Mozsolics. – Hellebrandt 1996, 184, Nr. 24, 187, 191, Abb. 3/4. – Nicht kartiert.

36. ****Mád**-*„Pádihegy", Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 9 St. – 2. Phase der Pilinyer Kultur. – Hellebrandt 1980, 80, Taf. I/1-4; Taf. II/1, 4; Taf. III/10. – Nicht kartiert.

37. ****Mezőnyárád**, *Kom. Borsod-Abaúj-Zemplén.* – Depotfund, 3 St. – HaA. – Hellebrandt 2000, 215, Abb. 9/2a, c-d; 219. – Nicht kartiert.

38. ****Jászdozsa-***Kápolnahalom, Kom. Jász-Nagykun-Szolnok.* – Depotfund, 1 St. – Mittelbronzezeit. – Csányi, Stanczik, Tárnoki 2000, 154, Nr. 46; 156, Abb. 5/8; Găvan 2015, 134-135, Taf. 19/5. – Nicht kartiert.

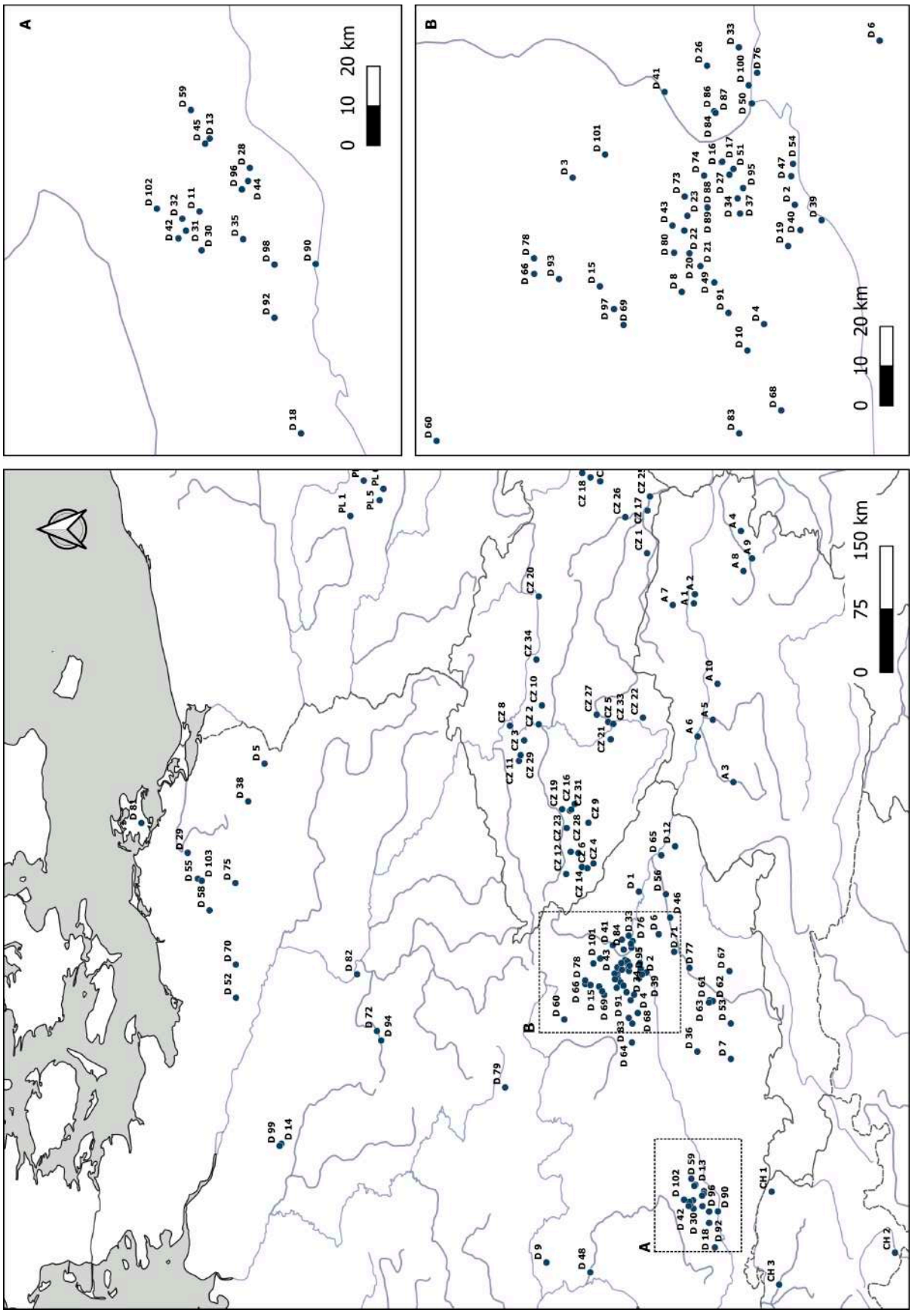
****Usbekistan (UZB)**

1. ****Afrasiab** (*heute Samarkand*). – Frauengrab, 1 St. - Andronovo-Zeit. –vgl. Teufer 2015, 209-210 Abb. 103/6 mit älterer Literatur (Аванесова 2001).

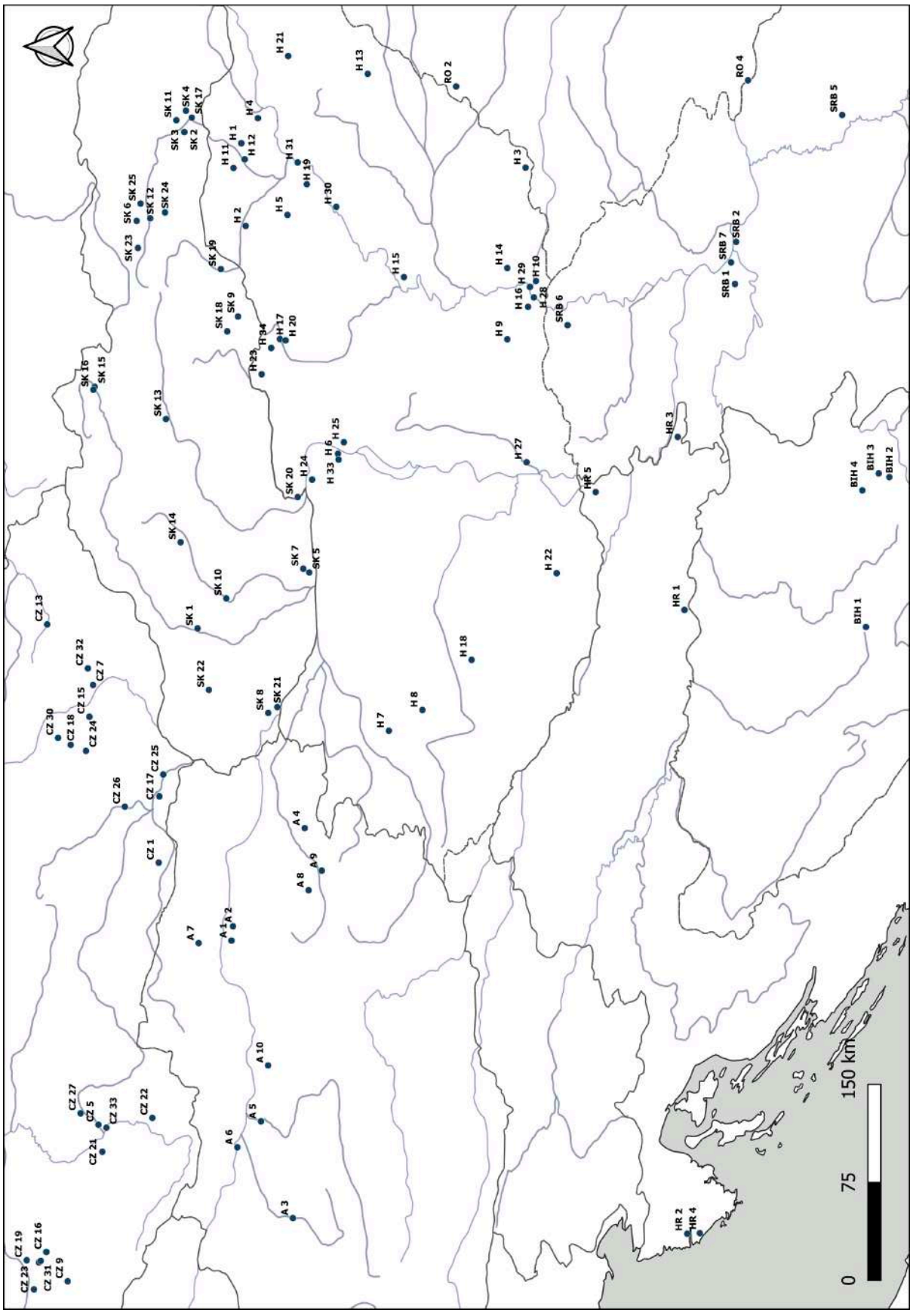
***Fundortlose kleine Ringe mit Spiralscheibenenden**

1. ***Ohne Fundort.** – Unbekannt, 1 St. mit drei Windungen. – Unsicher, wahrscheinlich Späthügelgräberzeit bis HaA. – (Catalogue 1891, 23 Nr. 192; Soroceanu 2011, 69, Nr. 192; Taf. XVIII li. unten). – Urteilt man nach dem Ansammelnareal der Egger-Sammlung, stammt der Fingerring möglicherweise eher aus einem Raum, der Österreich und das damalige Ungarn umfaßt (vgl. die vollständige Ortschaftsliste bei Soroceanu 2011, 74-77).

2. ***Ohne Fundort.** – Unbekannt, 1 St. . wahrscheinlich HaA. – Tarbay 2014, 194 fig. 14/1 Mitte. – Nicht kartiert.

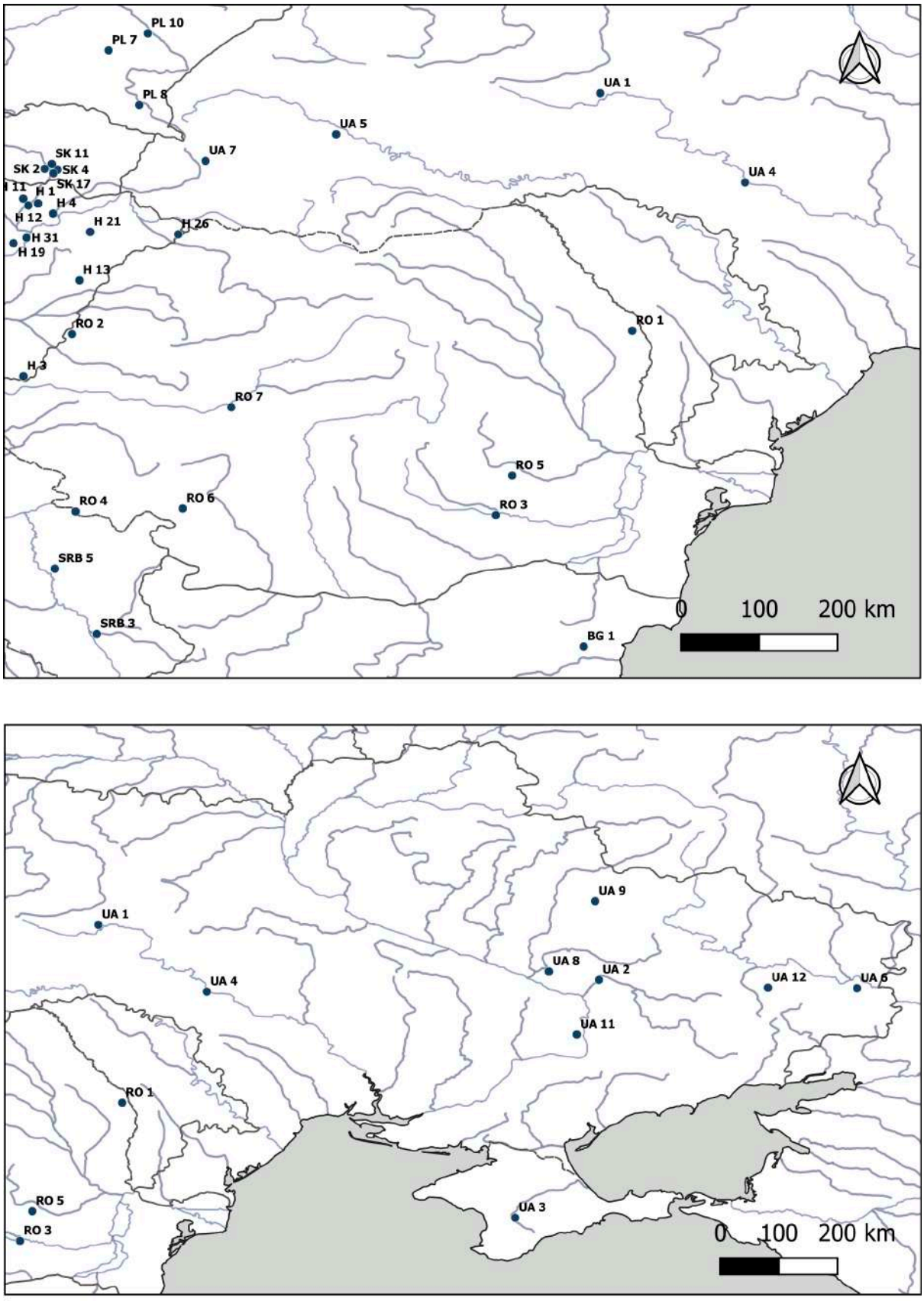


Ausschnitt 1: vorwiegend Deutschland, Österreich (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).

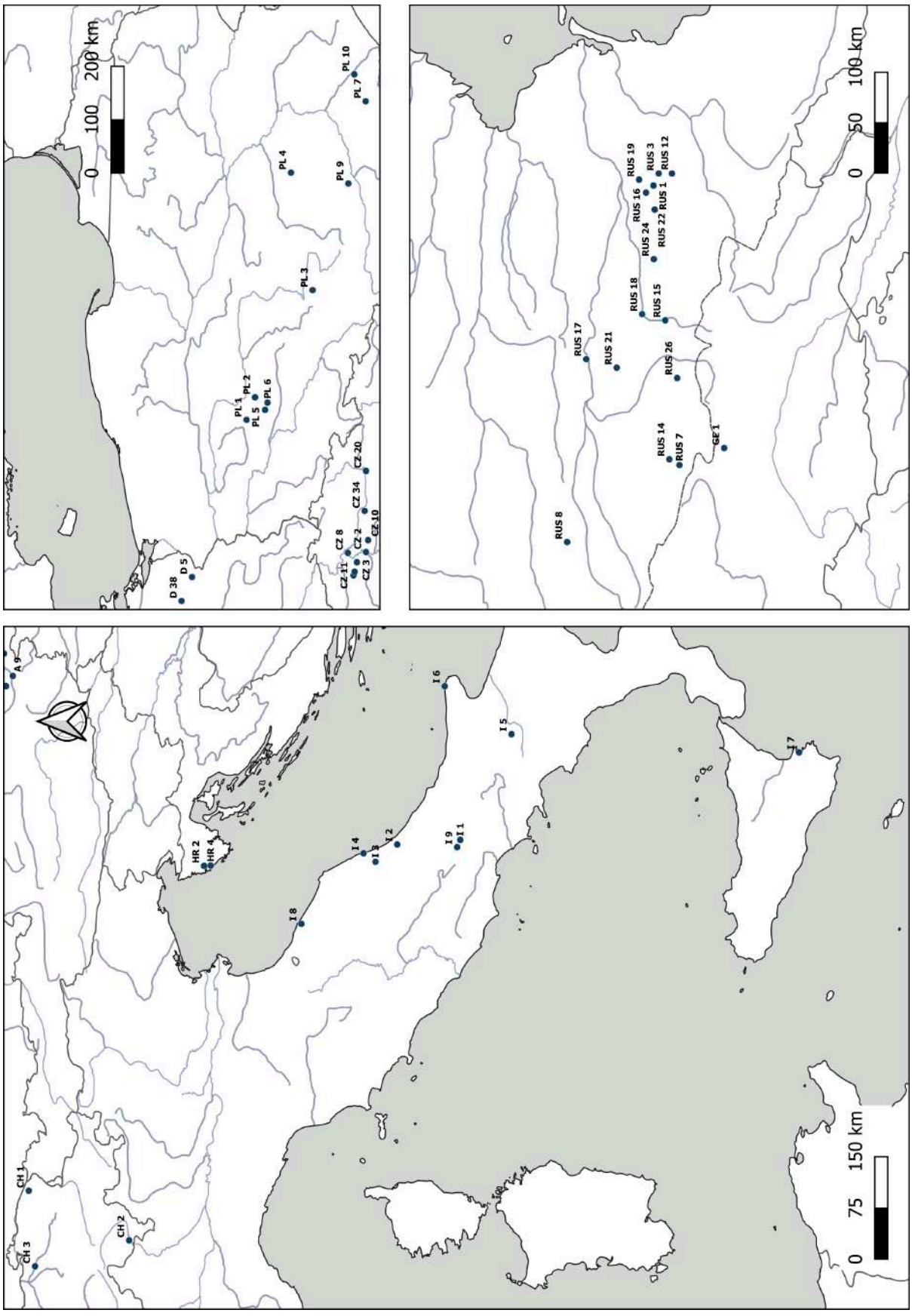


Ausschnitt II: vorwiegend Österreich, Tschechei, Slowakei, Ungarn (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).

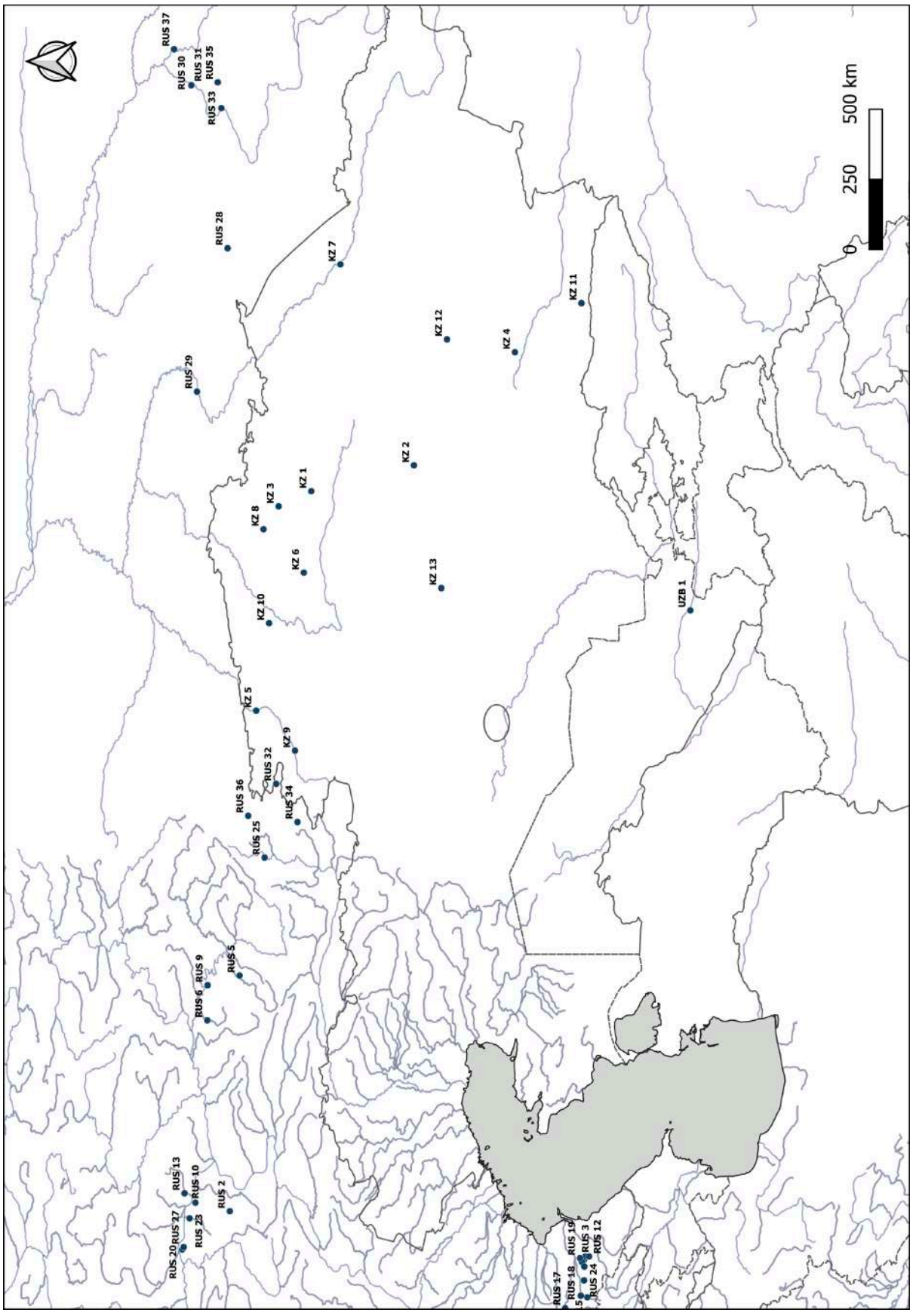
Ausschnitt III: vorwiegend Griechenland (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).



Ausschnitt IV: vorwiegend Rumänien und Ukraine (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).



Ausschnitt V: vorwiegend Italien, Schweiz, Polen und Rußland (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).



Ausschnitt VI: vorwiegend Rußland und Kasachstan (Kartenquelle: www.naturalearthdata.com).

Literatur

Adler 1965: H. Adler, Das urgeschichtliche Gräberfeld Linz-St. Peter (Linz 1965).

Armbruster 2000: B. Armbruster, Goldschmiedekunst und Bronzetechnik. Studien zum Metallhandwerk der Atlantischen Bronzezeit auf der Iberischen Halbinsel. Monographies instrumentum 15 (Montagnac 2000).

Armbruster et al. 2019: B. Armbruster, A. Jockenhövel, A. Kapuran, R. Ramadanski, The moulds from Velebit and European Bronze Age metal anvils. Starinar 69, 2019, 139-182.

Bader 1983: T. Bader, Die Fibeln in Rumänien. Prähistorische Bronzefunde XIV/6 (München 1983).

Banner 1944: J. Banner, Bronzleletek Hódmezővásárhely határában – Trouvailles de l'âge du bronze des environs de Hódmezővásárhely. Archaeologiai Értesitő Series III/5-6, 1944-1945, 29-42.

Bátora 2000: J. Bátora, Das Gräberfeld von Jelšovce/Slowakei. Ein Beitrag zur Frühbronzezeit im nordwestlichen Karpatenbecken. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 16/Teil 1-2 (Berlin 2000).

Behrens 1916: G. Behrens, Bronzezeit Süddeutschlands. Veröffentlichungen des Röm.-Germ. Central-Museums, Kataloge des Römisch- Germanischen Central-Museums no. 6 (Mainz 1916).

Bejinariu 2010: I. Bejinariu, Metal objects. In: L. Marta, D.V. Sana, I. Bejinariu, L. Nagy Marta, E. Berendi, The Late Bronze Age Settlement of Nyíregyháza-Oros „Úr Csere" (Satu Mare 2010) 47-53.

Benac, Čović 1956/1957: A. Benac, B. Čović, Glasinac. 1. Bronzezeit; 2. Hallstattzeit (Sarajevo 1956-1957).

Beneš 1959: A. Beneš, K problémům mohylové doby bronzové ve Středních Čechách. Sborník Národního Musea v Praze. Řada A – Historie 13, 1959, 1-98.

Benkovsky-Pivovarová 1985: Z. Benkovsky-Pivovarová, Das Bronzeinventar des mittelbronzezeitlichen Gräberfeldes von Pitten, Niederösterreich. In: F. Hampl, H. Kerchler, Z. Benkovsky-Pivovarová, Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Pitten in Niederösterreich: Ergebnisse der Ausgrabungen des Niederösterreichischen Landesmuseums in den Jahren 1967 bis 1973. 2,1. Auswertung (Wien 1985), 23-126.

Benkovsky-Pivovarová, Chropovský 2015: Z. Benkovsky-Pivovarová, B. Chropovský, Grabfunde der frühen und der beginnenden mittleren Bronzezeit in der Westslowakei. 1-2 (Nitra 2015).

Berezanskaja, Kločko 1998: S.S. Berezanskaja, V.I. Kločko, Das Gräberfeld von Hordeevka. Archäologie in Eurasien 5 (Rahden/Westf. 1998).

Berg 1960: F. Berg, Mittelbronzezeitliche Grabfunde aus Maiersch und Theras, N. Ö. Archaeologia Austriaca 27, 1960, 31-51.

Bernjaković 1960: K. Bernjaković, Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpatoukraine USSR). Slovenská Archeológia 8/2, 1960, 325-392.

Bertemes 1989: F. Bertemes, Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Gemeinlebarn. Kulturhistorische und paläometallurgische Studien. Text und Katalog. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 45 (Bonn 1989).

Birkner 1932: F. Birkner, Bronzezeitliche Gräber bei Aying B. A. München. Bayerische Vorgeschichtsblätter 10, 1931-1932, 74-82.

Blajer 1984: W. Blajer, Die Arm- und Beinbergen in Polen. Prähistorische Bronzefunde X/2 (München 1984).

Blajer 1999: W. Blajer, Skarby ze starszej i środkowej epoki brązu na ziemiach Polskich. Polska Akademia Nauk – Prace Komisij Archeologicznej Band 30 (Kraków 1999).

Blischke 1997: J. Blischke, Fingerringschmuck auf dem bronzezeitlichen Gräberfeld von Tápé in Ungarn. In: (Hrsg. C. Becker, M.-L. Dunkelmann, C. Metzner-Nebelsick, H. Peter-Röcher, M. Röder, B. Teržan), Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel. Internationale Archäologie, Studia honoraria 1 (Rahden/Westf. 1997), 325-334.

Blischke 2002: J. Blischke, Gräberfelder als Spiegel der historischen Entwicklung während der mittleren Bronzezeit im mittleren Donaugebiet. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 80 (Bonn 2002).

Bohm 1935: W. Bohm, Die ältere Bronzezeit in der Mark Brandenburg. Vorgeschichtliche Forschungen 9 (Berlin/Leipzig 1935).

Böhm 1936: J. Böhm, Spätbronzezeitliche Scheibenkopfnadeln aus Böhmen. Germania 20, 1936, 9-18.

Bóna 1975: I. Bóna, Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Archaeologia Hungarica 49 (Budapest 1975).

Boroffka, Neagoe, Neagoe 2023: N. Boroffka, M. Neagoe, O. Neagoe, Şişeşti. A new Late Bronze Age hoard with bronze and gold objects. Preliminary remarks on gold spirals from double wire with looped ends. In: Der Goldschatz von Ebreichsdorf. Prähistorische Goldfunde des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr. in Europa. Tagung 18.–20. August 2023 (Wien 2023).

Borş 2019: C. Borş, Consideraţii generale despre situl hallstattian Tărtăria –Podul Tărtăriei est şi depozitele de obiecte din bronz şi fier. In: C. Borş, R. Rădvan, Meşteşug şi prestigiu: depozitele hallstattiene de obiecte din bronz şi fier de la Tărtăria. Documentarea unei colecţii (I) (Brăila 2019).

Brizio 1895: E. Brizio, La necropoli di Novilara. Monumenti Antichi 5, 1895, Sp. 85-438 mit Taf. V-XIV.

Brizio 1902: E. Brizio, Atri. Notizie degli scavi 1902/5, 237ff.

Cărăbişi 2022: V.-Şt. Cărăbişi, 3. Podoabe, b. Brăţări şi inele de bronz. In: (Eds. V. Opriş, D. Pîrvulescu, R. Băjenaru) Artefacte preistorice din colecţia Severeanu (Târgovişte 2022).

Catalogue 1891: Catalogue of the Important Collection of Bronze Arms and Implements, and Ornaments in Gold, Silber and Bronze formed by the late Dr. S. Egger, of Vienna (London 1891). Mit einem Vorwort von Francis von Pulszky.

Chvojka, Jiráň, Metlička 2017: O. Chvojka, L. Jiráň, M. Metlička a kolektiv, Nové české depoty doby bronzové. Hromadné nálezy kovových předmětů učiněné do roku 2013. 1-2 (České Budějovice-Praha-Plzeň 2017).

Crivelli 1953: A. Crivelli, La necropoli di Ascona. Sibrium 1, 1953/54, 49-65.

Csányi, Stanczik, Tárnoki 2000: M. Csányi, I. Stanczik, J. Tárnoki, Der bronzezeitliche Schatzfund von Jászdozsa-Kápolnahalom. Acta Archaeologica Hungarica 51, 1999-2000, 149-167.

Čujanová-Jílková 1970: E. Čujanová-Jílková, Mittelbronzezeitliche Hügelgräberfelder in Westböhmen (Praha 1970).

Dąbrowski, Okuliczowa 1962: J. Dąbrowski, Ł. Okuliczowa, Skarb brąnzowy ze Stawiszyc, pow. Pińczów. Wiadomości Archaeologiczne 28, 1962, 243-250.

Dall'Osso 1915: I. Dall'Osso, Guida illustrata del Museo Nazionale di Ancona con estesi ragguagli sugli scavi dell'ultimo decennio, preceduta da uno studio sintetico sull'origine dei Piceni (Ancona 1915).

Damyanov 2003: D. Damyanov, Das Weltbild der Thraker. Thrakische Hügelgrab-Nekropole bei Ljubtscha, westliche Rhodopen. In: In honorem annorum LXX Alexandri Fol, Thracia 15 (Serdicae 2003), 581-594.

Danielova 2018: B. Danielová: Hradisko Zobor. Northern elements in the Lusatian culture in Slovakia on the example of bronze artefacts from Orava. Acta Archaeologica Carpathica LIII, 2018, 77-96.

De Carolis et al. 1977: E. de Carolis, J. de Grassi, V. D'Ercole, E. Gubitari, M. Manniello, M. Pennacchioni, S. Piccarozzi, F. Savi, I materiali della collezione Allevi raccolti nel Museo Civico di Offida (Offida 1977).

Della Casa 1996: Ph. Della Casa, Velika Gruda. Die bronzezeitliche Nekropole Velika Gruda (Opšt. Kotor, Montenegro). Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Bd. 33 (Bonn 1996).

D'Ercole, Benelli 2004: V. D'Ercole, E. Benelli, Documenti dell'Abruzzo antico. La Necropoli di Fossa. Vol. II. I Corredi Orientalizzanti e Arcaici (Pescara 2004).

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Prähistorische Bronzefunde XX/9 (Stuttgart 2002).

Dorner 1884: K. Dorner, Csab-Rendeki ásatás. Archaeologiai Értesitő 4, 1884, 227-232.

Dumitrescu 1929: Vl. Dumitrescu, L'età del ferro nel Piceno fino all'invasione die Galli-Senoni (Bucarest 1929).

Dumler, Wirth 2001: M. Dumler, S. Wirth, Gräber und Siedlungen aus vier Jahrtausenden – Neue Ausgrabungen am Unteren Talweg in Haunstetten. Das Archäologische Jahr in Bayern 2001, 47-50.

Dušek 1969: M. Dušek, Bronzezeitliche Gräberfelder in der Südwestslowakei. Archaeologia slovaca, Catalogi 4 (Bratislava 1969).

Eisner 1933: J. Eisner, Slovensko v pravěku (Bratislava 1933).

Enăchiuc 1995: V. Enăchiuc, Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomiţa. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 279-310.

Feustel 1958: R. Feustel, Bronzezeitliche Hügelgräberkultur im Gebiet von Schwarza (Südthüringen) (Weimar 1958).

Foltiny 1941: I. Foltiny, Frühkupferzeitliches und bronzezeitliches Gräberfeld in Deszk. Folia Archaeologica 3-4, 1941, 69-98.

Foltiny 1955: St. Foltiny, Zur Chronologie der Bronzezeit des Karpatenbeckens. Antiquitas Reihe 2/1 (Bonn 1955).

Foltiny 1957: I. Foltiny, A Halomsíros és Lausizi kultúra nyomai Szeged környékén. Régészeti Füzetek 4. Magyar Nemzeti Múzeum - Történeti Múzeum (Budapest 1957).

Foltiny 1968: S. Foltiny, Zur Frage der mitteldonauländischen Hügelgräberkultur in Nordostjugoslawien. Musaica 19 (8), 1968, 3-16 + Taf. I-XIII.

Frauentrachten 2013: Frauentrachten der Andronovo-Kultur. In: (Hrsg. T. Stöllner, Z. Samašev) Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens, Bd. I (Bochum 2013), 339-341.

Furmánek 1968: V. Furmánek, Nové nálezy piliňských žárových hrobů v Barci u Košic. Archeologické Rozhledy 20, 1968, 157-163.

Furmánek 1973: V. Furmánek, Bronzova industrie středodunajské mohylové kultury na Moravě. Slovenská Archeológia 21, 1973, 25-145.

Furmánek 1977: V. Furmánek, Die Pilinyer Kultur. Slovenská Archeológia 25, 1977, 251-370.

Furmánek 1980: V. Furmánek, Die Anhänger in der Slowakei. Prähistorische Bronzefunde XI/3 (München 1980).

Furmánek 2004: V. Furmánek, Zlatý vek v Karpatoch. Keramika a kov doby bronzovej na Slovensku (2300-800 pred n. l.) (Nitra 2004).

Furmánek, Kruta 2002: V. Furmánek, V. Kruta, L´età d´oro dei Carpazi. Ceramiche e metalli dell´età del Bronzo dellà Slovacchia 2300-800 a.C. (Fiorano Modenese 2002).

Gabrielli 1896: G. Gabrielli, Il palazzo comunale di Ascoli-Piceno e le sue raccolte. 3a edizione (Ascoli-Piceno 1896).

Garašanin 1954: D. Garašanin, Katalog der vorgeschichtlichen Metalle (Beograd 1954).

Găvan 2015: A. Găvan, Metall and metallworking in the Bronze Age tell settlements from the Carpathian Basin (Cluj-Napoca 2015).

Gavranović 2011: M. Gavranović, Die Spätbronze- und Früheisenzeit in Bosnien. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 195 (Bonn 2011).

Gedl 1975: M. Gedl, Kultura Predłużycka (Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1975).

Gergova 1987: D. Gergova, Früh- und ältereisenzeitliche Fibeln in Bulgarien. Prähistorische Bronzefunde XIV/7 (München 1987).

Godiš 2019: J. Godiš, Ženský kroj v kosziderskom období ako fenomén stredného Podunajska. In: Studia Historica Nitriensia 2019/ročník 23/Supplementum - Sedem kruhov Jozefa Bujnu (Nitra 2019), 49-70.

Godiš, Haruštiak 2020: J. Godiš, J. Haruštiak, Pohrebisko mohylovej kultúry v Šamoríne, časti Šámot - Burial Ground of Tumulus culture in Šamorín-Šámot. Zborník Slovenského Národného Múzea. Annales Musei Nationalis Slovaci CXIV. Archeológia 30, 2020, 119-166.

Gottwald 1931: A. Gottwald, Můj archeologický výzkum (Prostějov 1931).

Grigoriev 2019: S. Grigoriev, Central European Impulses in Eastern Europe in the Early Second Millenium BC. Slovenská Archeológia 67/2, 2019, 225-240.

Gruber 1999: H.K. Gruber, Die mittelbronzezeitlichen Grabfunde aus Linz und Oberösterreich. Linzer archäologische Forschungen Bd. 28 (Linz 1999).

Guštin, Steffan 2022: M. Guštin, A. Steffan, Ausgewählte Hortfunde der Bronzezeit aus dem mittleren Murtal. Veröffentlichungen des Burgmuseums Archeo Norico Deutschlandsberg Band 3 (Deutschlandsberg 2022).

Gutekunst, Kuhnle 2021: A. Gutekunst, G. Kuhnle, Norddeutscher Bronzezeit-Ritus im Südwesten. Archäologie in Deutschland 3, 2021, 50.

Hájek 1957: L. Hájek, Hliněné lidské plastiky z doby bronzové v Barci u Košic. Slovenská archaeológia 5/2, 1957, 323-338.

Hampel 1886-1892-1896: J. Hampel, A bronzkor emlékei Magyarhonban I-III (Budapest 1886-1892-1896).

Hampl, Kerchler, Benkovsky-Pivovarová 1982: F. Hampl, H. Kerchler, Z. Benkovsky-Pivovarová, Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Pitten in Niederösterreich: Ergebnisse der Ausgrabungen des Niederösterreichischen Landesmuseums in den Jahren 1967 bis 1973, Bd. 1 (Wien 1982).

A. Hänsel 1997: A. Hänsel, Die Funde der Bronzezeit aus Bayern. Museum für Vor- und Frühgeschichte, Bestandskataloge 5 (Berlin 1997).

A. Hänsel 1999: A. Hänsel, Die Sammlung „vaterländischer Alterthümer" des Rittergutsbesitzers Augustin aus Ziegelsdorf bei Burg im Magdeburgischen. Acta Praehistorica et Archaeologica 31, 1999, 124-155.

Hänsel 1968: B. Hänsel, Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. In: Beiträge zur Archäologie des Mittelmeerraumes 7-8 (Bonn 1968).

Hänsel, Kalicz 1986: B. Hänsel, N. Kalicz, Das bronzezeitliche Gräberfeld von Mezőcsát, Kom. Borsod, Nordostungarn. Mit einem Beitrag von Imre Lengyel. BerRGK 67, 1986, 6-88.

Hänsel, Teržan 2020: B. Hänsel, B. Teržan, Metalni predmeti i drugi pojedinačni nalazi od kamena, gline, kosti i veprovog zuba / Metallgegenstände und andere Funde aus Stein, Ton, Knochen und Eberzahn. In: B. Hänsel, K. Mihovilić, B. Teržan, Monkodonja, Istraživanje protourbanog naselja brončanog doba Istre. Knjiga 3: Nalazi od metala, gline, kosti i kamena te ljudskih i životinjskih kostiju / Forschungen zu einer protourbanen Siedlung der Bronzezeit Istriens. Teil 3: Die Funde aus Metall, Ton, Knochen und Stein sowie die menschlichen und tierischen Knochen. Monografije i katalozi 34 / Monographien und Kataloge 34. Arheološki muzej Istre / Archäologisches Museum Istriens (Pula 2020), 147-251.

Hänsel, Weihermann 2000: B. Hänsel, P. Weihermann, Ein neu erworbener Goldhort aus dem Karpatenbecken im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte. Acta Praehistorica et Archaeologica 32, 2000, 7-29.

Hänsel, Mihovilić, Teržan 2015: B. Hänsel, K. Mihovilić, B. Teržan, Monkodonja I Monkodonja. Istraživanje protourbanog naselja brončanog doba - Istre. Knjiga 1. Iskopavanje i nalazi građevina. – Forschungen zu einer protourbanen Siedlung der Bronzezeit Istriens. Teil 1. Die Grabung und der Baubefund (Pula 2015).

Heinrich 2019: A. Heinrich, Die Chronologie der späteren mittleren Bronzezeit im Karpatenraum (Saarbrücken 2019).

Hellebrandt 1980: M. Hellebrandt, A Mád-Pádihegy-i bronzelelet. Herman Ottó Múzeum Évkönyve 19, 1980, 81-86.

Hellebrandt 1996: M. Hellebrandt, Der Bronzefund von Kurityán. In: (Hrsg. T. Kovács) Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und in den benachbarten Regionen. Festschrift für Amália Mozsolics zum 85. Geburtstag (Budapest 1996), 183-205.

Hellebrandt 2000: M. Hellebrandt, Der Bronzefund von Mezőnyárád. Acta Archaeologica Hungarica 51, 1999-2000, 207-234.

Hillebrand 1929: J. Hillebrand, Újabb ásatásaim a zagyvapálfalvai bronzkori urnatemetőben. Über die neueren Ausgrabungen im bronzezeitlichen Urnengräberfeld von Zagyvapálfalva. Archaeologiai Értesitő 43, 1929, 35-40, 323-324.

Hochstetter 1980: A. Hochstetter, Die Hügelgräber-Bronzezeit in Niederbayern: Text Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. Fundinventare und Ausgrabungsbefunde, Band 41 (Kallmünz 1980).

Hollnagel 1958: A. Hollnagel, Die vor- und frühgeschichtlichen Denkmäler und Funde des Kreises Neustrelitz (Schwerin 1958).

Holport 1980: Á.V. Holport, A halomsíros kultúra leletei Ürömön (Die Funde der Hügelgräberkultur von Üröm). Studia Comitatensia 9, 1980, 55-77.

Holste 1938: F. Holste, Hügelgräber von Lochham, BA München. In: (Hrsg. E. Sprockhoff) Marburger Studien. Festschrift Gero Merhart von Bernegg (Darmstadt 1938), 95-104.

Holste 1939: Fr. Holste, Die Bronzezeit im nordmainischen Hessen. Vorgeschichtliche Forschungen Heft 12 (Berlin 1939).

Holste 1951: Fr. Holste, Hortfunde Südosteuropas (Marburg/Lahn 1951).

Holste 1953: F. Holste, Die Bronzezeit in Süd- und Westdeutschland. Handbuch der Urgeschichte Deutschlands I (Berlin 1953).

Horedt 1967: K. Horedt, Problemele ceramicii din perioada Bronzului evoluat din Transilvania. Studii şi Comunicări Sibiu 13, 1967, 137-156.

Hrala 2000: J. Hrala, Metal artefacts and artefacts of other materials. In: J. Hrala, R. Šumberová, M. Vávra, Velim. A Bronze Age fortified site in Bohemia. With contributions by A. F. Harding, M. Dočkalová, M. Roblíčová, M. Gojda, A. Majer (Praha 2000), 219-256.

Hübener 1957: W. Hübener, Frühbronzezeitliche Grabfunde auf dem Lechfeld (Bayerisch Schwaben). Germania 35, 1957, 337-347.

Hundt 1964: H.-J. Hundt, Katalog Straubing II. Die Funde der Hügelgräberbronzezeit und der Urnenfelderzeit. Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte, Heft 19 (Kallmünz/Opf. 1964).

Jílkova 1958: E. Jílkova, Der älteste und jüngste Horizont der westböhmischen Hügelgräberkeramik im Gräberfeld in Pilsen-Nová Hospoda. Památky Archeologické 49, 1958, 312-347.

Junghans, Sangmeister, Schröder 1968: S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder, Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas. Studien zu den Anfängen der Metallurgie II,1-4 (Berlin 1968).

Kalicz-Schreiber 2010: R. Kalicz-Schreiber, Ein Gräberfeld der Spätbronzezeit von Budapest-Békásmegyer (Budapest 2010).

Kállay 1983: Á. Sz. Kállay, A késő bronzkori halomsíros kultúra időszakának leletei Battonya határában. Archaeologiai Értesítő, 1983, 42-60.

Kemenczei 1964: T. Kemenczei, A pilinyi kultúra bárcai csoportja – Die Bárcaer Gruppe der Pilinyer Kultur. A Hermann Ottó Múzeum Évkönve 4 (1964), 7-36.

Kemenczei 1965: T. Kemenczei, Die Chronologie der Hortfund vom Typ Rimaszombat – A rimaszombati típusú raktárleletek időrendi helyzete. A Hermann Ottó Múzeum Évkönve 5 (1965), 105-175.

Kemenczei 1967: T. Kemenczei, Die Zagyvapálfalva-Gruppe der Pilinyer Kultur. Acta Archaeologica Hungarica 19, 1967, 229-305.

Kemenczei 1968: T. Kemenczei, Adatok a Kárpát-medencei halomsíros kultúra vándorlásának kérdéséhez – Beiträge zur Wanderung der Hügelgräberkultur im Karpatenbecken. Archaeologiai Értesitő 95, 1968, 159-187.

Kemenczei 1984: T. Kemenczei, Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Archaeologia Hungarica S. N. 51 (Budapest 1984).

Kersten 1958: K. Kersten, Die Funde der älteren Bronzezeit in Pommern. 7. Beiheft zum Atlas der Urgeschichte (Hamburg 1958).

Kilian 1975: K. Kilian, Trachtzubehör der Eisenzeit zwischen Ägäis und Adria. Praehistorische Zeitschrift 50, 1975, 9-140 mit 102 Taf.

Kilian-Dirlmeier 1975: Kilian-Dirlmeier, Gürtelhaken, Gürtelbleche und Blechgürtel der Bronzezeit in Mitteleuropa. Prähistorische Bronzefunde XII/2 (München 1975).

Kilian-Dirlmeier 1980: I. Kilian-Dirlmeier, Bemerkungenn zu den Fingerringen mit Spiralenden. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz 27, 1980 (1982), 249-269.

Kłosińska 2008: E.M. Kłosińska, Skarb ozdób brązowych ze środkowego okresu epoki brązu z Pogroszyna, pow. przysuski, stan. 1 Pogroszyn, Kr. Przysucha. Archeologia Polski Środkowowschodniej 10, 2008, 207-225.

Kobal' 2000: J. Kobal', Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). Prähistorische Bronzefunde XX/4 (Stuttgart 2000).

Koka 1985: A. Koka, Kultura ilire parahistorike në Shquipëri (Tiranë 1985).

König 2004: P. König, Spätbronzezeitliche Hortfunde aus Bosnien und Herzegowina. Prähistorische Bronzefunde XX/11 (Stuttgart 2004).

Koschik 1981: H. Koschik, Die Bronzezeit im südwestlichen Oberbayern. Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. Reihe A, Band 50 (Kallmünz/Opf. 1981).

Kostrzewski 1962: J. Kostrzewski, Skarby i luźne znaleziska metalowe od eneolitu do wczesnego okresu żelaza z gornego i środkowego dorzecza Wisły i gornego dorzecza Warty. Przegląd Archeologiczny 15, 1962, 5-133.

Kovács 1970: T. Kovács, A hajdúbagosi bronzkori temető (Bronze Age cemetery at Hajdúbagos). Folia Archaeologica 21, 1970, 27-47.

Kovács 1975: T. Kovács, Tumulus culture cemeteries of Tiszafüred. Régészeti Füzetek II, 17 (Budapest 1975).

Kovács 1979: T. Kovács, Középső bronzkori aranyleletek Északkelet-Magyarországról (Mittelbronzezeitliche Goldfunde aus Nordost-Ungarn). Folia Archaeologica 30, 1979, 55-77.

Kozenkova 1992: V.I. Kozenkova, Seržen'-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordkaukasus. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 48 (Mainz am Rhein 1992).

Kraiker, Kübler 1939: W. Kraiker, K. Kübler, Kerameikos. Die Nekropolen des 12. bis. 10. Jahrhunderts. Mit einem Beitrag von Emil Breitinger (Berlin 1939)

Kromer 1959: K. Kromer, Das Gräberfeld von Hallstatt (Firenze 1959).

Kubach 1977: W. Kubach, Die Nadeln in Hessen und Rheinhessen. Prähistorische Bronzefunde XIII/3 (München 1977).

Kubinyi 1861: F. Kubinyi, Magyarországban talált kő- és bronzkori régiségek. Archaeologiai Közlemények 2, 1861, 81-113.

Kustár, Wicker 1998: R. Kustár, E. Wicker, Bronzkori halomsíros temetõ Csólyospálos-Felsõpáloson. Halási Múzeum 2, 1998, 63-86.

Kustár, Wicker 2002: R. Kustár, E. Wicker, Biritualer Gräberfeldteil der Hügelgräberkultur in Csólyospálos (Ungarn). In: Studies of the Ancient World in Honour of M. Novotná, Anodos 2 (Trnava 2002), 169-192.

Kytlicová 2007: O. Kytlicová, Jungbronzezeitliche Hortfunde in Böhmen. Prähistorische Bronzefunde XX/12 (Stuttgart 2007).

Kytlicová, Vokolek, Bouzek 1964: O. Kytlicová, V. Vokolek, J. Bouzek, Zur urnenfelderzeitlichen Chronologie Böhmens – K chronologii mladé doby bronzové v Čechách. Acta Musei Reginahradecensis Series B 7, 1964, 143-180.

Leahu 1997: V. Leahu, Depozitul de obiecte din bronz descoperit la Arsura. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos 15, 1997, 325-352.

Lichter 2013: C. Lichter, Das mittelbronzezeitliche Doppelspiralarmband aus Illingen und seine Beziehungen. Bayerische Vorgeschichtsblätter 78, 2013, 113-158.

Lindenschmit 1864: L. Lindenschmit, Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit I (Mainz 1864).

Lindenschmit, Sohn 1889: L. Lindenschmit, Sohn, Das Römisch-Germanische Central-Museum in bildlichen Darstellungen aus seinen Sammlungen (Mainz 1889).

Lisch 1837: G.C.F. Lisch, Friderico-Francisceum oder Grossherzogliche Alterthümersammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs zu Ludwigslust (Leipzig 1837).

Makarowicz et al. 2016: P. Makarowicz, I. Kochkin, J. Niebieszczański, J. Romaniszyn, M. Cwaliński, R. Staniuk, H. Lepionka, I. Hildebrandt-Radke, H. Panakhyd, Yu. Boltryk, V. Rud, A. Wawrusiewicz, T. Tkachuk, R. Skrzyniecki, C. Bahyrycz, Katalog cmentarzysk kurhanowych kultury komarowskiej w dorzeczu gornego Dniestru (dawne wojewodztwo stanisławowskie) / Каталог курганних могильників комарівської культури в басейні Верхнього Дністра (колишнє Станіславське воєводство). Archaeologia Bimaris, Monografie tom 8 - Монографії том 8 (Poznań 2016).

Maraszek 2012: R. Maraszek, Urnenfelderzeitliche Metalldeponierungen in Mitteldeutschland und ihr kulturelles Umfeld. In: (Hrsg. S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta) Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Mitteleuropa (Berlin 2012), 93-116.

Mareş 2002: I. Mareş, Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României / The metallurgy of cooper in the romanian neo-eneolitic (Suceava 2002).

Mariani 1901: L. Mariani, Aufidena. Ricerche storiche ed archeologiche nel Sannio settentrionale. Monumenti Antichi 10, 1901, 225-638 con Tav. VI-XV.

Mayer 1835: Fr. A. Mayer, Abhandlung über einen im Fürstenthume Eichstädt entdeckten altteutschen Familiengrabhügel (Bamberg 1835).

Medvěcký 1931: M. Medvěcký, Hromadný nález z Bologdu (okr. Košice). Pamatký archaeologické N.S. 1 (37), 1931, 92-93.

Miroššayová 1998: E. Miroššayová, Der Hortfund von Košické Olšany, Slowakei. Archäologie Österreichs 9/10, 1998/1999, 122-129.

Morgan 1927: J. de Morgan, La préhistoire orientale (Paris 1927).

Moskwa 1976: K. Moskwa, Kultura łużycka w południowo-wschodniej Polsce (Rzeszów 1976).

Mozsolics 1967: A. Mozsolics, Bronzefunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Hajdúsámson und Kosziderpadlás. Mit einem Anhang von F. Schubert und E. Schubert (Budapest 1967).

Mozsolics 1973: A. Mozsolics, Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi (Budapest 1973).

Mozsolics 1985: A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely (Budapest 1985).

Müller-Karpe 1980: H. Müller-Karpe, Handbuch der Vorgeschichte. IV. Bronzezeit (München 1980).

Nascimbene 1999: A. Nascimbene, Caverzano di Belluno. Aspetti e problemi die un centro dell'età del ferro nella media vale di Piave. Quaderni della Società per la Preistoria e Protostoria del Friuli-Venezia Giulia 7, 1999.

Nascimbene 2007: A. Nascimbene, Aspetti adriatici e alpini nei corredi tombali del territorio bellunese. In: (Eds. M. Guštin, P. Ettel, M. Buora) Piceni ed Europa. Atti di un convegno (Pirano 2007), 147-156.

Nekvasil 1954: J. Nekvasil, Zachraňovací výzkum v roce 1953 v Rebešovicích. Nález. zpráva 1664/54. Archeologický ústav AV ČR Brno (Brno 1954).

Nestor et al. 1953: I. Nestor, Al. Alexandrescu, E. Petrescu, V. Zirra, Şantierul Sărata-Monteoru. Studii şi Cercetări de Istorie Veche 4/1-2, 1953, 75-87.

Neugebauer 1991: J.-W. Neugebauer, Die Nekropole F von Gemeinlebarn, Niederösterreich. Untersuchungen zu den Bestattungssitten und zum Grabraub in der ausgehenden Frühbronzezeit in Niederösterreich südlich der Donau zwischen Enns und Wienerwald. Unter Mitarbeit mehrerer Autoren (Mainz am Rhein 1991).

Neugebauer, Neugebauer 1997: Chr. Neugebauer, J.-W. Neugebauer, Franzhausen – Das frühbronzezeitliche Gräberfeld I. Teil 1: Materialvorlage, Textteil. Teil 2: Materialvorlage, Tafelteil. Fundbererichte aus Österreich, Materialhefte A 5/ 1+2 (Wien 1997).

Neumann 1957: G. Neumann, Neue Funde der Jungsteinzeit, Bronzezeit und Urnenfelderzeit von den Gleichbergen bei Römhild in Thüringen. Ausgrabungen und Funde 2, H. 3, 1957, 112-116.

Novotná 1968: M. Novotná, Zwei Bronzediademfunde in der Slowakei. Musaica 19 (8), 1968, 29-36 + Taf. XIV-XVI.

Novotná 1970: M. Novotná, Die Bronzehortfunde in der Slowakei. Spätbronzezeit (Bratislava 1970).

Novotná, Kvietok 2015: M. Novotná, M. Kvietok, Nové hromadné nálezy z doby bronzovej z Moštenice - Neue Hortfunde aus der Bronzezeit aus Moštenica. Slovenská archeológia 63/2, 2015, 209-237.

Olexa 2003: L. Olexa, Nižná Myšľa. Osada a pohrebisko z doby bronzovej. Archeologické Pamätníky Slovenska 7 (Košice 2003).

Ondrkál 2022: F. Ondrkál, The Nitrica I: Funeral deposit of proto-Lusatian warrior from Western Slovakia. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 73 (2022) 2, 127-142.

Ormian, Wróbel 2007: K. Ormian, J. Wróbel, Pochówki szkieletowe z cmentarzyska ludności tarnobrzeskiej kultury luzyckiej v Wierzawicach stan. 18, pow. Leżajsk, woj. podkarpackie. In: (Hrsg. J. Chochorowski) Studia nad epoką brązu I wczesną epoką żelaza w Europie. Festschrift Marek Gedl (Kraków 2007), 543-564.

Osterwalder 1971: C. Osterwalder, Die mittlere Bronzezeit im schweizerischen Mittelland und Jura (Basel 1971).

Parma, Stuchlík 2017: D. Parma, S. Stuchlík, Kostrové hroby z doby popelnikových polí na Moravě. Slovenská archeológia 65/2, 2017, 207-236.

Pásztor, Pap, Andrási 2022: E. Pásztor, E. Pap, R.Cs. Andrási, A halomsíros kultúra különleges női sírja Sükösd határában. Archaeologiai Értesítő 147/1, 2022, 85-104.

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens. Prähistorische Bronzefunde XVIII/1 (München 1978).

Pič 1896: J.L. Pič, Mohyly Bechyňské. Památky Archaeologické a Místopisné 17/1, 1896, 1-14 + 2 Taf.

Pič 1897: J.L. Pič, Hromandý nalez bronzů u Jenišovic. Památky Archaeologické 17/8, 1897, 693-702 + Taf. 82/9.

Pič 1900: J.L. Pič, Starožitnosti země České. Čechy předhistorické 1, 2 (Praha 1900).

Pichlerová 1976: M. Pichlerová, Pohrebisko stredodunajskej mohylovej kultúry a iné nálezy z Dunajskej Lužnej, okres Bratislava-vidiek. Zborník Slovenského Národného Múzea 70, História 16, 1976, 5-29.

Piningre, Ganard 2017: J.-F. Piningre, V. Ganard, Le bronze moyen et le début du Bronze final dans le Jura et la plaine de la Saône. In: Th. Lachenal, C. Mordant, Th. Nicolas, C. Véber, Le Bronze moyen et l'origine du Bronze final en Europe occidentale (XVIIe-XIII siècle av. J.-C.) (Strasbourg 2017), 155-192.

Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980: R. Pirling, Die mittlere Bronzezeit auf der Schwäbischen Alb (mittlere und westliche Alb). Katalog von U. Wels-Weyrauch und H. Zürn. Prähistorische Bronzefunde XX/3 (München 1980).

Popp 1821: D. Popp, Abhandlung über einige alte Grabhügel welche bei Amberg (im Regen – Kreise Baierns) entdeckt wurden (Ingolstadt 1821).

Redenbacher 1903: M. Redenbacher, Abhandlung über die Grabhügel am Römerwald. Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns 15, 1903, 65-98.

Reinhold 2007: S. Reinhold, Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 144 (Bonn 2007).

Rellini, Baumgärtel 1934: U. Rellini, E. Baumgärtel, Secondo rapporto preliminare sulle ricerche preistoriche condotte sul promontorio di Gargano. Bullettino di Paletnologia Italiana 54, 1934, 1-59.

Rhode, Rhode 1720: Chr.D. Rhode, A.A. Rhode, Cimbrisch-hollsteinische remarques (Hamburg 1720).

Říhovský 1972: J. Říhovský, Die Messer in Mähren und dem Ostalpengebiet. Prähistorische Bronzefunde VII/1 (München 1972).

Říhovský 1979: J. Říhovský, Die Nadeln in Mähren und im Ostalpengebiet (von der mittleren Bronzezeit bis zur älteren Eisenzeit). Prähistorische Bronzefunde XIII/5 (München 1979).

Ruckdeschel 1978: W. Ruckdeschel, Die frühbronzezeitlichen Gräber Südbayerns. Ein Beitrag zur Kenntnis der Straubinger Kultur. Antiquitas Reihe 2, Band 11 (Bonn 1978).

Rusu 1972: M. Rusu, Metalurgia bronzului din Transilvania la începutul Hallstattului. Ungedruckte Dissertation, Universität "Al. I. Cuza" Iaşi (Iaşi 1972).

v. Sacken 1865: E. v. Sacken, Die Funde an der Langen Wand an der Wiener-Neustadt (Wien 1865).

Salaš 2005: M. Salaš, Bronzové depoty střední až pozdní doby bronzové na Moravě a ve Slezsku (Hügelgräberbronze- und urnenfelderzeitliche Metalldepots in Mähren), I-II. Moravské zemske muzeum (Brno 2005).

Schaeffer 1926: F.-A. Schaeffer, Les tertres funéraires préhistoriques dans la Forêt de Haguenau. I. Les Tumulus de l'Age du Bronze (Haguenau 1926).

Schoknecht 1964: U. Schoknecht, Bronzezeitliche Flachgräber von Gielow, Kr. Malchin. Ausgrabungen und Funde 9, 1964, 188-197.

Schránil 1928: J. Schránil, Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens (Berlin-Leipzig 1928).

Schumacher-Matthäus 1985: G. Schumacher-Matthäus, Studien zu bronzezeitlichen Schmucktrachten im Karpatenbecken. Ein Beitrag zur Deutung der Hortfunde im Karpatenbecken (Mainz am Rhein 1985).

Schumann 1897: H. Schumann, Die Kultur Pommerns in vorgeschichtlicher Zeit (Berlin 1897).

Sőregi 1939: J. Sőregi, Kengyeltenyőszigeti bronzkori urnatemető. Debreceni Déri Múzeumi Évkönyve 36, 1939-1940, 24-30.

Soroceanu 1977: T. Soroceanu, Beiträge zur Bronzezeit am Unterlauf des Mureş. Dacia 21, 1977, 55-79.

Soroceanu 2011: T. Soroceanu, Restitutiones bibliographicae et archaeologicae ad res praehistoricas pertinentes. II. Colecţia dr. Samuel Egger din Viena. Marmatia-Arheologie, 10/1, 2011, 53-108.

Spurný 1961: V. Spurný, Lužický kostrový hrob z Měrovic na Moravě. Archeologické Rozhledy 13, 1961, 473-477.

Stocký 1928: A. Stocký, La Bohême à l'âge du bronze (Praha 1928).

Štrér 1889: B. Štrér, Mohyly Luženické na Domažlicku. Památky Archaeologické a Místopisné dilu XIV, sešit XII, 1889, 651-660.

Stuchlík 2006: S. Stuchlík, Borotice. Mohylové pohřebiště z doby bronzové / Borotice. Ein bronzezeitliches Hügelgräberfeld (Brno: Archeologický ústav AV ČR 2006).

Sulimirski 1931: T. Sulimirski, Kultura wysocka (Kraków 1931).

Sulimirski 1939: T. Sulimirski, Kurgany Komarowskie (Stanislawow 1939).

Sulimirski 1968: T. Sulimirski, Corded ware and globular amphorae north-east of the Carpathians (London 1968).

Swiesznikow 1967: I. K. Swiesznikow, Kultura komarowska. Archeologia Polski 12/1, 1967, 39-107.

Tarbay 2014: J. G. Tarbay, Late Bronze Age depot from the foothills of the Pilis Mountains. Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae Ser. 3. No. 2 (Budapest 2014) 179-298.

Tarbay 2022: G.J. Tarbay, Twin Hoards. Metals and Deposition in the Buda Hills, the Pilis and the Visegrád Mountains during the Late Bronze Age. Archaeologia Hungarica 53 (Budapest 2022).

Tchabashvili 2017: L. Tchabashwili, Die Trialeti-Kultur. Dissertation Mss. (Berlin 2017).

Technik 1965: Technik der Bronzezeit. Bearbeitet von Prof. Dr. Ewald Schuldt, Schwerin (Schwerin/Ludwiglust [1965]). [Buch ohne Seitennummerierung]

Teržan, Trampuž-Orel 1973: B. Teržan, N. Trampuž-Orel, Prispevek h kronologiji svetolucijske skupine. Arheološki vestnik 24, 1973, 416-440.

Teufer 2015: M. Teufer, Spätbronzezeitliche Grabfunde aus Nordbaktrien und benachbarten Regionen. Studien zur Chronologie zwischen Aralsee und benachbarten Regionen. Archäologie in Iran und Turan, Bd. 13 (Berlin 2015).

Točik 1964: A. Točik, Die Gräberfelder der karpatenländischen Hügelgräberkultur. Fontes archaeologici pragenses, vol. 7 (Pragae 1964).

Točik 1964a: A. Točik, Záchranný Záchranný výskum v Bajči - Vlkanove v rokoch 1959-60. Študijné zvesti AÚ SAV 12, 1964, 5-185.

Tocilescu 1880: G. Tocilescu, Dacia înainte de Romani (Bucureşti 1880).

Torbrügge 1959: W. Torbrügge, Die Bronzezeit in der Oberpfalz. Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte 13 (Kallmünz/Opf. 1959).

Török 1940: Gy. Török, A Lengyeltótiban el kerult bronzlelet. Dolgozatok Szeged 16, 1940, 57-65.

Trogmayer 1975: O. Trogmayer, Das bronzezeitliche Gräberfeld bei Tápé. – Anhang: G. Farkas, P. Lipták, Anthropologische Auswertung des bronzezeitlichen Gräberfeldes bei Tápé (Budapest 1975), 229-269.

Truhelka 1893: Ć. Truhelka, Hügelgräber und Ringwälle auf der Hochebene Glasinac. Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina 1, 1893, 61-112.

Vasić 1999: R. Vasić, Die Fibeln im Zentralbalkan (Vojvodina, Serbien, Kosovo und Makedonien). Prähistorische Bronzefunde XIV/12 (Stuttgart 1999).

Vinogradov, Dudarev 2000: V.B. Vinogradov, S.L. Dudarev, Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien. Eurasia Antiqua 6, 2000, 361-403.

Vinski 1958: Z. Vinski, Brončanodobne ostave Lovas i Vukovar / Die bronzezeitlichen Hortfunde von Lovas und Vukovar. Vjesnik Zagreb 3/I, 1958, 1-34.

Vinski-Gasparini 1973: Ks. Vinski-Gasparini, Kultura polja sa žarama u sjevernoj Hrvatskoj (Zadar 1973).

Wels-Weyrauch 1978: U. Wels-Weyrauch, Die Anhänger und Halsringe in Südwestdeutschland und Nordbayern. Prähistorische Bronzefunde XI/1 (München 1978).

Wiegel 1994: B. Wiegel, Trachtkreise im südlichen Hügelgräberbereich. Studien zur Beigabensitte der Mittelbronzezeit unter besonderer Berücksichtigung forschungsgeschichtlicher Aspekte. Internationale Archäologie 5 (Espelkamp 1994. Bd. II 1992 erschienen).

Willvonseder 1937: K. Willvonseder, Die mittlere Bronzezeit in Österreich. In: Bücher zur Ur- und Frühgeschichte 3. Band (Wien/Leipzig 1937).

Zürn, Schiek 1969: H. Zürn, S. Schiek, Die Sammlung Edelmann im Britischen Museum zu London. Urkunden zur Vor- und Frühgeschichte aus Südwürttemberg-Hohenzollern, H. 3 (Stuttgart 1969).

Аванесова 1975: Н.А. Аванесова, Жаман-Узен 2 - атасуский могильник Центрального Казахстана. КСИА 142, 1975.

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) (Ташкент 1991).

Аванесова 2001: Н.А. Аванесова, У истоков урбанистического Афрасиба. История материальной культуры Узбекистана. O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi 32, 2001, 57-68.

Артамонова-Полтавцева 1950: О.А. Артамонова-Полтавцева, Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА 14, 1950, 20-101.

Бочкарев 2020: В.С. Бочкарев, К вопросу относительной хронологии металлопроизводства в позднем бронзовом веке южной половины Восточной Европы (зона степи и лесостепи) / To the question of relative chronology of the Late Bronze Age metalworking in the southern half of East Europe (steppe and forest-steppe zones). In: (Hrsg. M.T. Kašuba, S. Reinhold, Ju.Ju. Piotrovskij) Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.-8. Oktober 2015, Sankt Petersburg) / Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур,

культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). Archäologie in Iran und Turan, Bd. 19 (Berlin 2020), 477-525.

Виноградов, Дударев 1979: В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии. Советская археология 1, 1979, 161-171.

Виноградов, Дударев 2003: В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 1, 2003. 5-61.

Виноградов, Берсенева, Алаева 2020: Н.Б. Виноградов, Н.А. Берсенева, И.П. Алаева, Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в южном Зауралье (Челябинск 2020).

Генинг, Зданович, Генинг 1992: В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг, Синташта. Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей (Челябинск 1992).

Генинг, Стефанова 1994: В.Ф. Генинг, Н.К. Стефанова, Черноозерье I - могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья (Екатеринбург 1994).

Дегтярева 2010: А.Д. Дегтярева, Морфология и технология изготовления украшений синташтинской культуры. Вестник археологии, антропологии и этнографии 1 (12), 2010, 59-70.

Дергачев, Парнов 2022: В. Дергачев, В. Парнов, Кондрицкий клад (Кишинэу-Бутучень 2022).

Евдокимов, Варфоломеев 2002: В.В. Евдокимов, В.В. Варфоломеев, Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана (Караганда 2002).

Евдокимов, Усманова 1990: В.В. Евдокимов, Э.Р. Усманова, Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана). Археология Волго-Уральских степей (Челябинск 1990).

Кабанов, Кожин, Черных 1975: Ю.Ф. Кабанов, П.М. Кожин, Е.Н. Черных, Андроновские находки на реке Алтынсу. Памятники древнейшей истории Евразии (Москва 1975).

Кадырбаев, Курманкулов 1992: М.К. Кадырбаев, М. Курманкулов, Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (Алма-Ата 1992).

Калиева, Колбина, Логвин 2016: С.С. Калиева А.В. Колбина, В.Н. Логвин, Қола дәуірінің қорымы Жангелді 5 / Некрополь эпохи бронзы Джангильды 5 (Костанай 2016).

Карабаспакова 2011: К.М. Карабаспакова, Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы (Алматы 2011).

Ковалёва, Волкобой 1978: И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, Срубные курганные могильники нижнего Приорелья. В: Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) (Днепропетровск 1978), 32-46.

Ковалёва и др. 1979: И.Ф. Ковалёва, З.П. Марина, Н.В. Чернявская, С.В. Никитин, Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое. В: Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1979).

Козенкова 1982: В.И. Козенкова Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ, В2-5 (Москва 1982).

Козенкова 1998: В.И. Козенкова, Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников России, вып. В2-5 (Москва 1998).

Козенкова 2001: В.И. Козенкова, Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ) (Москва 2001).

Козенкова 2013: В.И. Козенкова, Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде) (Москва 2013).

Комарова 1952: М.Н. Комарова, Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии Сибири, том I: Материалы и исследования по археологии СССР, No. 24 (Москва 1952), 7-50.

Комарова 1962: М.Н. Комарова, Относительная хронология памятников андроновской культуры. АСГЭ 5, 1962, 50-75.

Косарев 1981: М.Ф. Косарев, Бронзовый век западной Сибири (Москва 1981).

Косарев 1991: М.Ф. Косарев, Древняя история западной Сибири. Человек и природная среда (Москва 1991).

Костомарова, Флек 2007: Ю.В. Костомарова, Е.В. Флек, Металл хрипуновского могильника. Вестник археологии, антропологии и этнографии 8, 2007, 40-54.

Кривцова-Гракова 1948: О.А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. Труды Государственного Исторического музея, 17 (Москва 1948).

Крупнов 1960: Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).

Крупнов 1963: Е.И. Крупнов (ред.), Древности Чечено-Ингушетии (Москва 1963).

Кузьмина 1992: О.В. Кузьмина, Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Учебное пособие к спецкурсу (Самара 1992).

Кузнецова, Тепловодская 1994: Э.Ф. Кузнецова, Т.М. Тепловодская, Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана (Алматы 1994).

Куприянова, Зданович 2015: Е.В. Куприянова, Д.Г. Зданович, Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII: монография (Челябинск: Энциклопедия 2015).

Логвин 2005: В.Н. Логвин, Могильник Токанай 1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников. В: Западная и Южная Сибирь в древности (Барнаул 2005), 190-194.

Лысенко 2005: С.С. Лысенко, Гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками с территории Украины. В: (ред. А.И. Василенко) Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. Сборник научных статей (Луганск 2005), 25-36.

Лысенко 2021: С.С. Лысенко, Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы (Кишинэу-Киев 2021).

Матвеев 1998: А.В. Матвеев, Первые андроновцы в лесах Зауралья (Новосибирск 1998).

Матющенко 1973: В.И. Матющенко, Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 3. Андроновская культура на Верхней Оби. В: Из истории Сибири, вып. 11 (Томск 1973).

Матющенко 1974: В.И. Матющенко, Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 4. Еловско-ирменская культура. В: Из истории Сибири, вып. 12 (Томск 1974).

Матющенко 2001: В.И. Матющенко, Еловский археологический комплекс. Ч. 1. Еловский I курганный могильник (Омск 2001).

Матющенко 2004: В.И. Матющенко, Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы (Омск 2004).

Матющенко 2006: В.И. Матющенко, Еловский археологический комплекс. Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века (Омск 2006).

Мерц 2010: В.К. Мерц, Могильник Каратерек (No. 705). В: Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область (Алматы 2010).

Молодин 1985: В.И. Молодин, Бараба в эпоху бронзы (Новосибирск 1985).

Молодин 2009: В.И. Молодин, Чича. Городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (Новосибирск 2009).

Молодин, Гришин 2019: В.И. Молодин, А.Е. Гришин, Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур (Новосибирск 2019).

Новгородова 1970: Э.А. Новгородова, Центральная Азия и карасукская проблема (Москва 1970).

Патрушев, Халиков 1982: В.С. Патрушев, А.Х. Халиков, Волжские ананьинцы (Москва 1982).

Пиотровский, Иессен 1940: Б.Б. Пиотровский, А.А. Иессен, Моздокский могильник. В: Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. I (Ленинград 1940).

Полтавец 2013: В. Полтавец, Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья). Revista Arheologică s.n. IX/1, 2013, 198-220.

Потемкина 1985: Т.М. Потемкина, Бронзовый век лесостепного Притоболья (Москва 1985).

Сотникова 1990: С.В. Сотникова, Погребальный обряд андроновского населения по материалам могильника Ермак-IV. В: (ред. В.М. Кулемзина) Обряды народов Западной Сибири (Томск 1990), 17-25.

Стоијћ, Јоцић 2006: М. Стоијћ, М. Јоцић, Ниш. Културна стратиграфија праисторијских локалитета у нишкој регији (Београд, Ниш 2006).

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Техов 1977: Б.В. Техов, Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. (Москва 1977).

Техов 2002: Б.В. Техов, Тайны древних погребений (Владикавказ 2002).

Тигеева, Новиков, Шилов 2016: Е.В. Тигеева, И.К. Новиков, С.Н. Шилов, Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления). Вестник археологии, антропологии и этнографии 4 (35), 2016, 18-32.

Ткачёв 2002: А.А. Ткачёв, Центральный Казахстан в эпоху бронзы (Тюмень 2002).

Ткачёв 2019: А.А. Ткачёв, Могильник эпохи бронзы Майтан (Новосибирск 2019).

Тодоровић 1971: Ј. Тодоровић, Каталог праисторијских металних предмета (Београд 1971).

Уварова 1900: П.С. Уварова, Могильники северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, вып. VIII (Москва 1900).

Умеренкова 2015: О.В. Умеренкова, Съемные украшения эпохи бронзы западной Сибири. Вестник Кемеровского государственного университета 2 (62), т. 6, 2015, 156-166.

Цимиданов 2004: В.В.Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).

Чередниченко 1977: М.М. Чередниченко, Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я. Археологія 22, 1977, 3-21.

Чередниченко 1986: Н.Н. Чередниченко, Срубная культура. В: Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Interconexiuni în Eurasia epocii bronzului şi a fierului. Consideraţii preliminare pe baza unei categorii aparte

Cuvinte-cheie: Eurasia, epoca bronzului şi a fierului, interconexiuni, podoabe de metal, port

Rezumat: În articolul de faţă ne-am propus să abordăm, în mod preliminar, problematica ridicată de o categorie aparte de inele, şi anume de cele de mici dimensiuni, prevăzute la capete cu, cel puţin, câte o spirală în formă de disc. Scopul principal a fost acela de a aborda – pe cât e posibil – toate subiectele legate de cercetarea acestor inele, pentru a obţine o imagine de ansamblu, care să slujească drept punct de plecare pentru o cercetare aprofundată. Interesul tricentenar pentru piesele de port cu spirale discoidale (începând cu Rhode, Rhode 1720) îngreunează şi mai mult sarcina ştiinţifică, nu în ultimul rând, din cauza diversităţii impresionante a numelor date unuia şi aceluiaşi obiect.

Cel dintâi element care se cerea clarificat a fost stabilirea unei definiţii exacte a obiectului cercetării. Principala dificultate a constat în faptul că majoritatea cercetătorilor au luat drept bază pentru tipologie un element de port, considerând purtarea pe deget (Fingerring) ca dătătoare de măsură în materie tipologică. Se poate constata însă că, alături de purtarea frecventă pe deget, există şi alte diverse posibilităţi, cum ar fi inele de păr, de tâmplă, pandantive etc. (fig. 5). În consecinţă, denumirea adoptată de noi a fost următoarea: inel de dimensiuni reduse (aprox. 1-3 cm), prevăzut cu, cel puţin, o spirală în formă de disc.

În tipologia concepută de noi am introdus nu doar numărul de spire şi secţiunea tijei, ci şi numărul de spirale în formă de disc (1-4), forma lor, precum şi exemplarele deosebite tipologic, unele dintre ele cu caracter de unicat. Planşa tipologică a fost gândită în aşa fel, încât să poată oferi o permanentă îmbogăţire cu noi elemente tipologice încă necunoscute.

Cronologia tipului de piesă de care ne ocupăm a trebuit şi ea să fie revizuită, constatându-se o extindere în timp a utilizării lui. În consecinţă, începuturile se plasează deja în perioada timpurie a epocii bronzului şi durează, uneori, până în sec. al IV-lea a. Chr. Principalele faze de evoluţie se pot corela: **1)** cu perioada finală a bronzului timpuriu şi cu epoca mijlocie a bronzului; **2)** cu perioada câmpurilor de urne (BD-HaB) şi **3)** cu Hallstattul mijlociu şi târziu; în unele zone, cum ar fi Nord-Vestul Italiei şi Caucazul de Nord, producerea şi utilizarea piesei putându-se prelungi până în sec. al IV-lea.

Răspândirea inelului cu spirale discoidale se vădeşte a avea şi ea alte dimensiuni decât cele adjudecate până nu demult: existenţa reală a tipului de inel se desfăşoară într-un spaţiu ce depăşeşte cu mult cadrul central-european, cu cele două extinderi spre sud. Harta de răspândire (fig. 6) ne arată indubitabil amploarea şi semnificaţia euro-asiatică a piesei în chestiune: în afara spaţiului „câştigat" dintre Tisa, Caucazul de Nord şi Uralul de Sud, se conturează o extindere limpede în tot Sudul Siberiei occidentale până la Obi, dar şi în Kazahstanul de Nord.

Aceste câteva elemente noi ale cercetării oferă, credem, nu numai o altă perspectivă în interpretarea tipului de piesă ca atare, ci ne obligă şi la aprofundarea cercetării unei posibile koiné euro-asiatice, în ciuda atâtor elemente care o fragmentează.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Plasarea tipologică a inelelor de dimensiuni mici având la capete spirale în formă de disc în cadrul tipologiei generale a pieselor de port, prevăzute cu două spirale şi destinate să cuprindă o parte a corpului: inele de dimensiuni reduse, inele de mărime mijlocie (3-6 cm), brăţări, apărători de braţ sau de picior, spirale de mari dimensiuni de formă tronconică cu câte o spirală în formă de disc la capete, diademe, catarame cu câte două spirale în formă de disc (exemple preluate din Benac, Čović 1956; Furmánek 1973; Карабаспакова 2011; Kilian-Dirlmeier 1975; Kilian-Dirlmeier 1980; Козенкова 2004; Козенкова 2013 ; Лысенко 2021; Mozsolics 1973; Neugebauer 1991; Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

Fig. 2. Piese de podoabă cu spirale în formă de disc, care nu constituie tipurile ilustrate în fig. 1 (exemple preluate după Bader 1983; Benac, Čović 1957; Kovács 1979; Лысенко 2021; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

Fig. 3. Exemple „istorice" de publicaţii vechi: 1 - după Mayer 1835; 2 - după Lisch 1837; 3 - după Popp 1825; 4, 5 - după Schumann 1897; 6 - după Уварова 1900; 7 - fig. şi text, după Rhode, Rhode 1721.

Fig. 4. 1 - Tipologia generală a inelelor de mici dimensiuni, prevăzute la capete cu spirale în formă de disc; 2 - forme aparte, grupate pe categorii. A. cu o singură spirală în formă de disc; B. cu capete în formă de spirală uşor boltită mergând până la forma de con; C. cu două capete duble în formă de spirală discoidală; D. diferite forme speciale; E. inele cu lăţimi diferite ale corpului propriu-zis.

Fig. 5. Diferite moduri de purtare a inelelor de dimensiuni reduse cu capete în formă de spirală discoidală.

Fig. 6. Harta de răspândire a inelelor de mici dimensiuni, prevăzute la capete cu spirale în formă de disc. O privire de ansamblu (sursă hartă: www.naturalearthdata.com).

Fig. 7. Harta parţială de răspândire a inelelor de mici dimensiuni cu capete în formă de spirale discoidale din Italia centrală şi de Nord (după Nascimbene 2007). Numele localităţilor nu au putut fi identificate.

Взаимосвязи в Евразии эпохи бронзы и железа. Предварительные суждения по поводу отдельной категории находок

Ключевые слова: Евразия, эпоха бронзы и железа, взаимосвязи, украшения из металла, костюм.

Резюме: Данная статья посвящена предварительному рассмотрению вопросов, связанных с отдельной категорией колец, маленького размера, со спиралью дисковидной формы по крайней мере на одном из концов. Главная цель нашей работы заключается в как можно более полном охвате всей мнений относительно этих колец для получения комплексного обзора, который мог бы послужить отправной точкой для углубленного исследования. Трехсотлетний интерес к деталям костюма, снабженным дисковидными спиралями (начиная с Rhode, Rhode 1720), еще больше усложняет научную задачу, не в последнюю очередь из-за значительного разнообразия названий, данных одному и тому же предмету.

Первым вопросом, который необходимо было прояснить, было точное определение объекта исследования. Основная трудность заключалась в том, что большинство исследователей взяли за основу типологии предположение, что эти кольца предназначались для ношения на пальце (Fingerring). Однако следует отметить, что существуют и другие варианты их использования, например, как кольца для украшения волос, височные кольца, подвески и т. д. (рис. 5). Поэтому мы остановились на следующем определении: кольцо небольшого размера (около 1-3 см), снабженное по меньшей мере одной спиралью дисковидной формы.

В разработанную нами типологию мы включили не только количество завитков и форму сечения прутка, но и количество дисковидных спиралей (1-4), их форму, а также типологически особые, иногда уникальные экземпляры. Типологическая таблица была составлена таким образом, чтобы ее можно было дополнять новыми элементами, которые еще будут обнаружены.

Необходимо было также пересмотреть хронологию рассматриваемых нами предметов, отметив расширение ее рамок. Ее начало относят уже к раннему бронзовому веку, и продолжается период бытования этих колец иногда до IV века до н.э. Основные фазы развития можно соотнести: **1)** с заключительным периодом ранней бронзы и средней бронзой; **2)** с периодом полей погребальных урн (BD-HaB); **3)** со средним и поздним Гальштатом; в некоторых регионах, таких как Северо-Западная Италия и Северный Кавказ, изготовление и использование этих предметов могло продолжаться до IV века.

Распространение колец с дисковидными спиралями, как оказалось, имеет иные масштабы, чем предполагалось до недавнего времени: оно охватывало пространство, значительно превышающее территорию Центральной Европы с двумя южными ответвлениями. Карта распространения (рис. 6) неоспоримо свидетельствует об евразийских масштабах и значении рассматриваемых предметов: за пределами «завоеванного» ими пространства между Тисой, Северным Кавказом и Южным Уралом четко наблюдается их распространение по всему югу Западной Сибири до Оби, а также в Северном Казахстане.

Новые грани исследования, по нашему мнению, открывают не только иные перспективы в интерпретации типа предмета как такового, но и, несмотря на трудности и различия, побуждают нас к открытию некого евразийского койне.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Типологическая локализация колец небольшого размера с дисковидными спиралями на концах в рамках общей типологии деталей костюма, снабженных двумя спиралями и предназначенных для ношения на теле: кольца малого размера, кольца среднего размера (3-6 см), браслеты, предметы для защиты рук или ног, большие спирали усеченно-конической формы с дисковидными спиралями на концах, диадемы, пряжки с двумя дисковидными спиралями (примеры из Benac, Čović 1956; Furmánek 1973; Карабаспакова 2011; Kilian-Dirlmeier 1975; Kilian-Dirlmeier 1980; Козенкова 2004; Козенкова 2013 ; Лысенко 2021; Mozsolics 1973; Neugebauer 1991; Pirling, Wels-Weyrauch, Zürn 1980; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

Рис. 2. Украшения с дисковидными спиралями, отличные от типов, показанных на рис. 1 (примеры из Bader 1983; Benac, Čović 1957; Kovács 1979; Лысенко 2021; Torbrügge 1959; Уварова 1900).

Рис. 3. «Исторические» примеры старых публикаций: 1 - Mayer 1835; 2 - Lisch 1837; 3 - Popp 1825; 4, 5 - Schumann 1897; 6 - Уварова 1900; 7 - рис. и текст из Rhode, Rhode 1721.

Рис. 4. 1 - Общая типология колец небольшого размера с дисковидными спиралями на концах; 2 - отдельные формы, сгруппированные по категориям. A. с одной дисковидной спиралью; B. с концами в виде слегка выпуклой спирали, принимающей форму конуса; C. с двумя двойными концами в форме дисковидной спирали; D. различные особые формы; E. кольца разной ширины.

Рис. 5. Различные способы ношения колец небольшого размера с дисковидными спиралями на концах.

Рис. 6. Карта распространения колец небольшого размера с дисковидными спиралями на концах. Общий вид (картографический источник: www.naturalearthdata.com).

Рис. 7. Частичная карта распространения колец небольшого размера с дисковидными спиралями на концах в Центральной и Северной Италии (Nascimbene 2007). Названия населенных пунктов установить не удалось.

20.06.2023

Dr. Tudor Soroceanu, Berlin, Deutschland, https://orcid.org/0000-0002-8601-7254,
E-mail: t.a.soroceanu.1944@gmail.com

GEOARCHAEOLOGY OF TWO PALAEOLITHIC SITES FROM ÎNTORSURA BUZĂULUI (COVASNA COUNTY, ROMANIA)

Marian Cosac

Keywords: archaeology, Paleolithic, lithic assemblages, geoarchaeology, geomorphological processes.

1. Geographical framework

The Întorsura Buzăului Depression lies in the mountain area of the Buzău river, surrounded by the Întorsurii Mountains to the north, east and west, and Ciucaş and Siriu Mountains to the south (fig. 1). The depression is horseshoe-shaped, with tentacular configuration, spread over 118 square km, along Buzău and its tributaries Lădăuţi, Barcani, Bărbat, Sărmaşu, and Ciumernic valleys (640-1080 m asl).

The Malu Dinu Buzea Palaeolithic site lies at the eastern limit of the Cremenea village, at the confluence between Buzău and Cremenea (740 m asl). The Costanda Lădăuţi site is located in the surroundings of the Barcani village, to the north-northwest of the Întorsura Buzăului Depression (700-750 m asl) (fig. 1).

2. History of research

The Palaeolithic site Malu Dinu Buzea was discovered and researched by Márton Roska, during the 1924, 1926, and 1928 campaigns (Roska 1930). Later on, in 1956-1957, researches were resumed by C.S. Nicolăescu-Plopşor and his team (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959; Nicolăescu-Plopşor, Pop 1959), and also in 1960-1961, by Al. Păunescu (Păunescu 1966). In 1973, pollen samples were collected by M. Cârciumaru (Cârciumaru, Păunescu 1975) (fig. 2). As European Palaeolithic researches and excavation techniques progressed, the cultural assessments at Malu Dinu Buzea oscillated from „Middle Aurignacian products" (Roska 1930, 96), to early Neolithic/final Middle Aurignacian / Pre-Gravettian Aurignacian (Nicolăescu-Plopşor, Pop 1959, 53), Aurignacian II / Tardenoisian (Păunescu 1966, 319), Aurignacian / Gravettian / Tardenoisian (Păunescu, Cârciumaru 1975, 329), and Aurignacian / Tardenoisian (Păunescu 2001, 359).

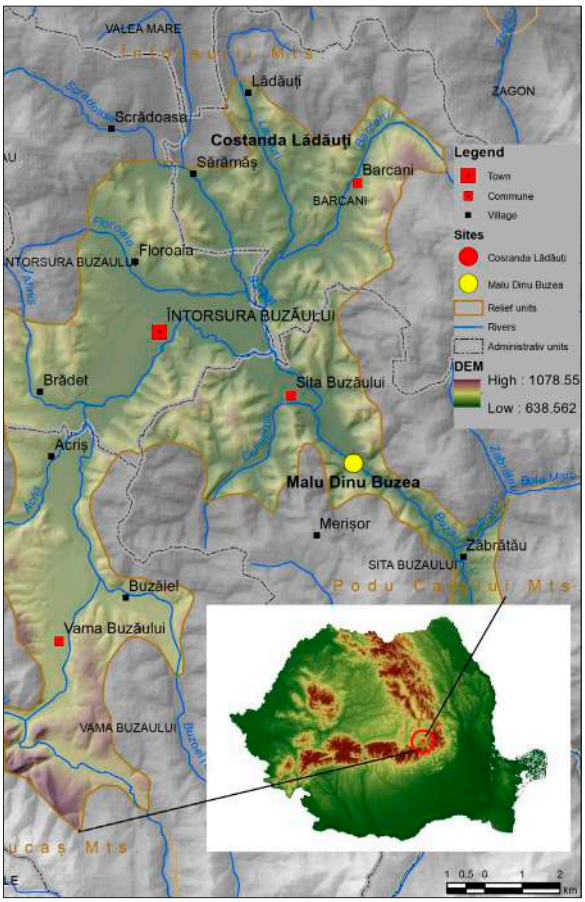


Fig. 1. Location of sites.

Al. Păunescu started the archaeological researches at Costanda Lădăuţi, on Borşoşu Hill in 1960; the results were published in a synthesis (Păunescu 1966), alongside results from other excavated sites. Păunescu stated he excavated 120 square meters, while failing to illustrate the location of the trench/trenches; he only published one stratigraphic profile from "trench 1" (Păunescu 1966, 324-325). The lithic artefacts were thought to be of Tardenoisian tradition. In 1973, an 8 square meters trench was dug, for mineralogy, granulometry and pollen sampling. The results and one picture taken during excavation were published

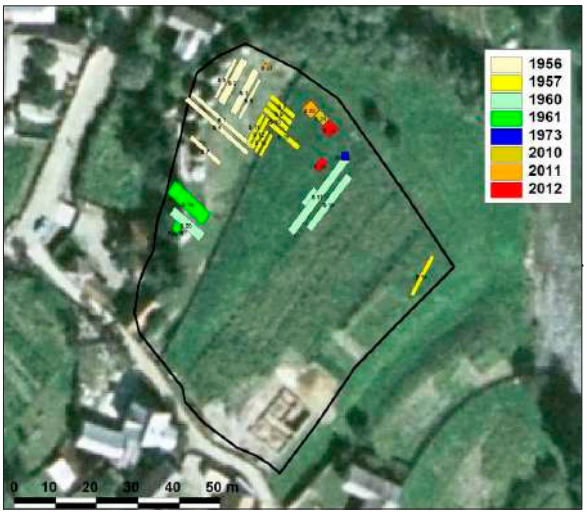


Fig. 2. Location of sections within the Malu Dinu Buzea site.

3. Malu Dinu Buzeaand Costanda – Lădăuţi Palaeolithic sites: the geomorphology

The almost horizontal surface at Malu Dinu Buzea was initially considered part of one of the Buzău river terraces (Roska 1930, 96), and all the subsequent archaeological reports followed the same hypothesis (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959, 18; Nicolăescu-Plopşor, Pop 1959, 51; Cârciumaru, Păunescu 1975, 315-341; Cârciumaru 1980, 174-183), which influenced the interpretation of the archaeological results and the research strategies. There were no explanations for the fact that lithic artefacts were found alongside small rolled pebbles and naturally broken fragments. According to M. Roska (Roska 1930, 96), "Dinu Buzea's garden" was placed on a terrace "5 m above the last terrace of the stream valley"; also, "Middle Aurignacian products appear mixed with a lot of flint fragments".

In 1956, C.S. Nicolăescu-Plopşor and colleagues resumed archaeological researches at Malu Dinu Buzea, on "the terrace between Cremenea stream and Buzău river, on the right of their confluence" (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959, 18). They noticed the lower layer encompassed "dark-yellow, sandy, fine-grained primary silts, intertwined with lenses or even thick layers of gravels, brought by fainter or stronger Cremenea floods and lodged in its dejection cone". Accordingly, the Malu Dinu Buzea site welcomed human activity when "the vegetation covered the dejection cone alluvia" (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959, 19).

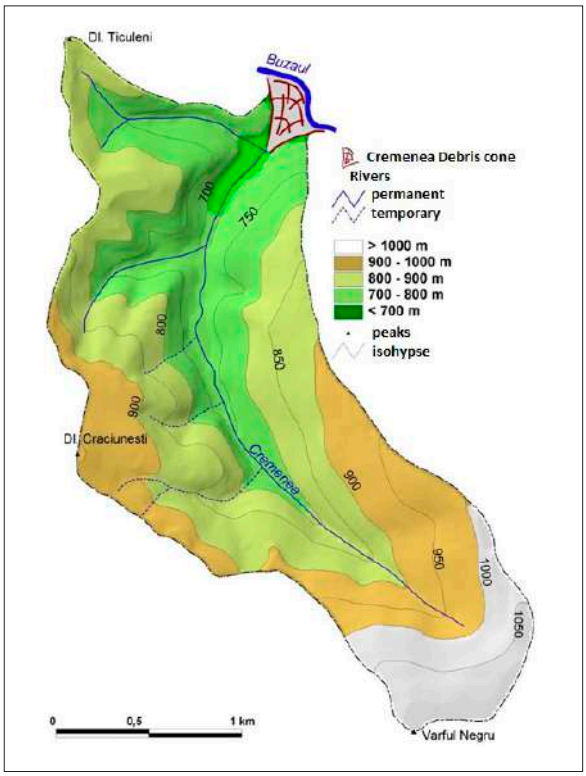


Fig. 3. The general geomorphological map of the Cremenea basin.

Soon after the new archaeological researches from 1960-1961, Al. Păunescu avoided addressing the terrace placement of the site (Păunescu 1966, 319-333), while later on, together with M. Cârciumaru, he stated the site lay "on the Buzău 6 m terrace" (Cârciumaru, Păunescu 1975, 328); the dejection cone alluvia at the base of the profile, identified by C.S. Nicolăescu-Plopşor, was simply designated as archaeologically empty "terrace gravels" (Cârciumaru, Păunescu 1975, 328), although C.S. Nicolăescu-Plopşor mentioned recovering from here "a blade fragment, two flakes and a microlithic core" (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959, 19), supposedly brought by alluvia from the Palaeolithic site excavated by J. Teutsch at the confluence between Cremenea and its tributary Al Rău, close to Malu Dinu Buzea (Nicolăescu-Plopşor et al. 1959, 19).

Thus, the almost horizontal surface at Malu Dinu Buzea was described as a terrace without convincing geomorphological arguments. Even though tempted to accept this hypothesis, C.S. Nicolăescu-Plopşor stated that at least in the lower part, the sedimentary package was formed by dejection cone alluvia, at the confluence between Cremenea

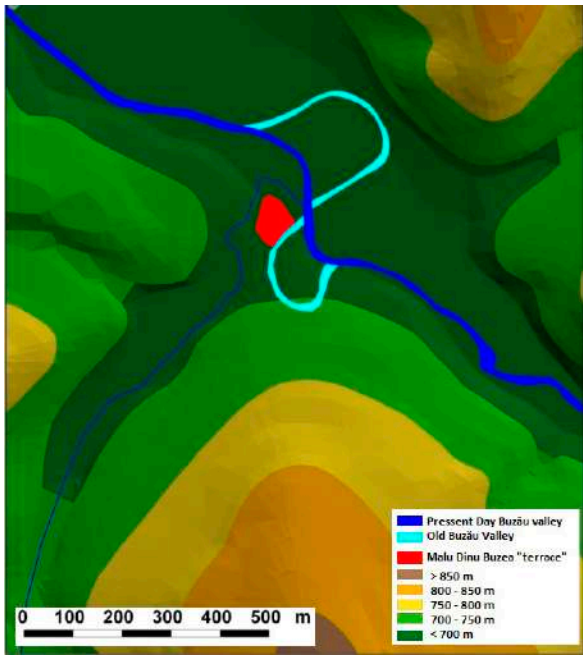

Present Day Buzău valley
Old Buzău Valley
Malu Dinu Buzea "terrace"
> 850 m
800 - 850 m
750 - 800 m
700 - 750 m
< 700 m
0 100 200 300 400 500 m

Fig. 4. The influence of the changes of the Buzau riverbed on the current morphology of the Malu Dinu Buzea site.

Fig. 5. Malu Dinu Buzea: Tilt of sand lenses from the base of section XXII-2011 demonstrates torrential regime of sedimentation.

and Buzău (fig. 3). Later on, still using the expression "the terrace at Malu Dinu Buzea", Păunescu (2001, 359) also described the lower part of the sequence as a "deposit of fine-grained sands, intertwined with lenses and even banks of massive gravels" (fig. 4, 5).

A geomorphological study, largely ignored by archaeologists, stated that "the beginnings of human population of this intermountain depression go back to the prehistory (in Cremenea dejection cone, at Sita Buzăului, Palaeolithic materials from the Young Pleistocene were discovered" (Băcăinţan 1975, 123). The study detailed observations on Buzău's second terrace: "It has well-defined elements and little fragmentation [...] The terrace deposit shows an increased number of large elements, even in the upper part [...] at 1 m in depth, the boulder content is up to 25-35%. The deposit is over 4-5 m thick" (Băcăinţan 1975, 125). At Malu Dinu Buzea, the archaeologists did not mention such a deposit, only a layer of fine-grained sands, with lenses and banks of gravels, brought by Cremenea. The semi horizontal surface is a result of agricultural activities, since the layers show a definite SW-NE inclination, perpendicular on Buzău's thalweg, and with a different thickness of layers from NW to SE. Due to the lack of direct collaboration between archaeologists and geomorphologists, the sedimentary package genesis at Malu Dinu Buzea was erroneously understood, namely the morphological (horizontality) and genetic (former waterside) definition of a terrace, as specified in reference studies (Brânduş et al. 1999, 292; Ielenicz 2004, 128; Velcea, Costea 2006, 229).

The Costanda-Lădăuţi site is located close to Lădăuţi village, in a depression between two heights of Borşoşu Hill (fig. 6), also known as Costanda, at 750 m asl, which is also the limit for the beechwood forests in the area. The site, as the entire Întorsura Buzăului Depression, overlies deposits of the transition from Lower to Upper Cretaceous (108-96 Myr). Geologists include these deposits within the internal flysch (Oncescu 1965, 204), or the Curbicortical Flysch Nappe (Mutihac et al. 2007, 112; Dumitrescu et al. 1970, 25). These are Albian (Vraconian) deposits of schistose flysch sandstone. At the site's area, the base rock is calcite. At regional level, there is a certain uniformity of the geological deposits (according to the 1:200,000 geological map, Covasna section), but locally, the deposits with flint outcrops occur only sporadically, at the Borşoşu Hill.

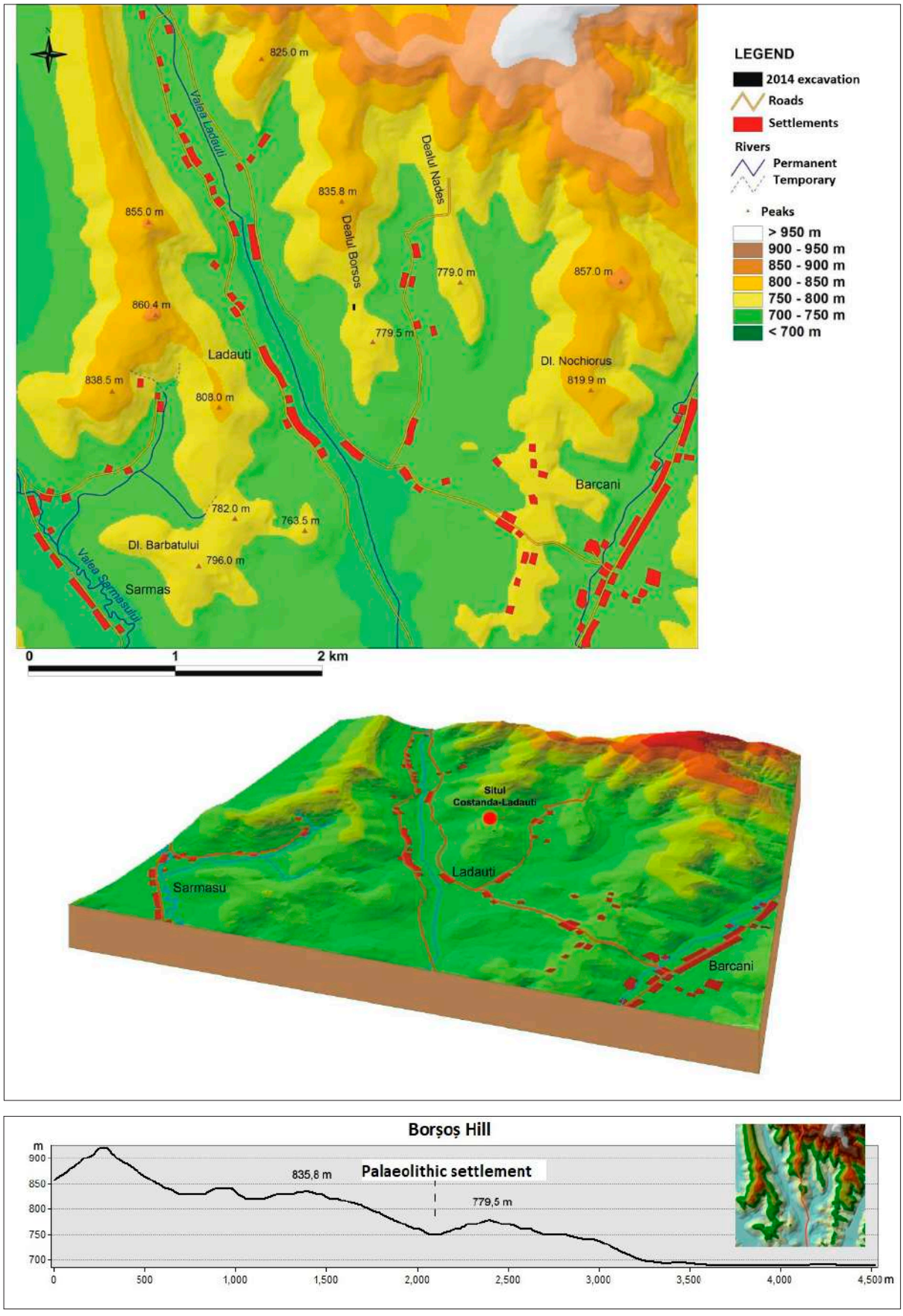


Fig. 6. Location of the Costanda - Lădăuţi archaeological site within Borşoşu Hill.

Fig. 7. Costanda - Lădăuți: Eastern stratigraphic profile of section I-2014.

4. Archaeology

The 2011-2013 archaeological campaigns at Malu Dinu Buzea resulted in recovering 1258 lithic artifacts, without any fauna. The lithic assemblage (Cosac et al. 2015), formed by blocks/pebbles (0.43%), secondary debitage products (flakes, cores, indeterminate fragments, cortical and rejuvenation products – 83.41%), laminar blanks (blades, bladelets – 14.59%) and retouched items (1.55%), together with naturally broken fragments, comes from a 37 square meters surface. While the lithic artifacts are made out of two varieties of local flint, sandstone, flint, quartzite and limestone were identified among the naturally broken fragments. The technological and typological analysis failed in providing arguments for an Aurignacian characterization of the assemblage, and outlined only few isolated traits of a putative Mesolithic presence.

At Costanda-Lădăuți, the excavated surface was of only 2 square meters. Lithic items appear alongside flint broken fragments and blocks, scattered at the surface, as well as through the entire stratigraphical sequence of 45-50 cm (fig. 7), where the lithic artifacts appear somehow clustered in a dark, clayish sandy layer – numerous burnt items, bladelet cores, secondary debitage products, bladelets, a point and a thick endscraper. The large quantity of naturally broken fragments, due to gelifraction, was already noted by Păunescu (2001, 375): "from the entire researched area, 34450 lithic items were collected, out of which 0.12% were typical products", "approximately 80% of the lithic items were fragmented". At this point, there are no solid arguments in favor of a cultural labelling, although a Final Palaeolithic or Mesolithic presence cannot be excluded.

5. Geochronology

Archaeological researches at Malu Dinu Buzea and Costanda-Lădăuți sites were initiated and carried on during a time when the chronological estimations stemmed from technological and typological descriptions of the lithic assemblages recovered; the depth of their stratigraphic position was also considered relevant, as were the pollen analysis, when available, although lacking considerations about the formation of the sedimentary packages involved.

Recent geomorphological data point to certain reworking sedimentary processes at the two mentioned sites (Cosac et al. 2014; Cosac et al. 2015), which can also be supported by an AMS date. The charcoal sample from Costanda-Lădăuți, recovered alongside lithic artifacts and ash and sent to Isotoptech Zrt laboratory (Debrecen, Hungary)[1], offered an age of 2329 ±32 (DeA-7571) (2329-2357 cal BP). The OSL samples collected proved to be not viable.

[1] The author would like to thank dr. M. Anghelinu for his support.

6. Discussion

The most recent synthetic work on the Transylvanian Palaeolithic sites identified two cultural layers at Malu Dinu Buzea, namely an Aurignacian one, in the lower part of the sequence, and a Tardenoisian one, in the upper part (Păunescu 2001, 356-371). Nevertheless, the vertical distribution of the lithic artifacts, as noted during the 2011-2013 campaigns, sketched a more difficult situation, due to the formation processes of the stratigraphical sequence. Naturally broken lithic materials occur in large quantities on the surface and in the middle part of the sequence, while knapped lithic material appears to form clusters at the surface and in the lower part of the sequence, at 90-100 cm from surface. This could indicate either the existence of two disturbed cultural layers, or that of two instances of increased intensity of flood episodes, which affected a single cultural layer, by segregating it into two vertically apart clusters. Given the fact that there were no technological and typological significant differences between the two clusters, the second hypothesis might be correct.

The cultural labelling of the Malu Dinu Buzea is equally problematic. Even if the sequence included more than one cultural layer, defining any of them as Aurignacian seems hardly viable when applying the criteria used in recent research (Anghelinu, Niţă 2014). Also, the criteria used to identify the Tardenoisian (Boroneanţ 2005), namely geometric microliths, circular endscrapers, truncated/backed bladelets and pressure debitage on cylindric cores are barely met, as isolated occurrences, and not as a definitive technological option. The exclusively local raw material, ridden with numerous natural accidents, together with the workshop traits of the site and the few microlithic and backed elements suggest an indefinite, Final Palaeolithic appurtenance. The assemblage integrity, especially the microlithic elements, were affected by geomorphological processes, thus a more accurate cultural labelling would only be speculating.

The same goes for Costanda-Lădăuţi site, where the short stratigraphical sequence was formed by colluvial and accumulation processes, which also involved lithic knapped material of different ages.

Bibliography

Anghelinu, Niţă 2014: M. Anghelinu, L. Niţ, What's in a name: The Aurignacian in Romania. Quaternary International 351, 2014, 172-192.

Băcăinţan 1975: N. Băcăinţan, Terasele din bazinul superior al Buzăului. Studii şi Cercetări de Geologie şi Geografie 22, 1975, 123-127.

Boroneanţ 2005: A. Boroneanţ, The Tardenoisian in Romania – a false problem? Studii de Preistorie 2, 2005, 17-46.

Brânduş et al. 1999: C. Brânduş, A. Gozavu, V. Efros, V. Chiriţă, Dicţionar de termeni fizico-geografici (Iaşi: Editura Fundaţiei Chemarea 1999).

Cârciumaru 1980: M. Cârciumaru, Mediul geografic în pleistocenul superior şi culturile paleolitice din România (Bucureşti: Editura Academiei 1980).

Cârciumaru, Păunescu 1975: M. Cârciumaru, Al. Păunescu, Cronostratigrafia şi paleoclimatul tardenoasianului din depresiunea Întorsura Buzăului. SCIVA 26 (3), 1975, 315-341.

Cosac et al. 2014: M. Cosac, Al. Popa, D.-L. Buzea, A. Chiricescu, G. Murătoreanu, Al. Radu, Prospecţiuni geomagnetice şi cercetări arheologice în situl paleolitic de la Costanda – Lădăuţi, punct „Borşoşu" (com. Barcani, jud. Covasna). In: Arheovest. Interdisciplinaritate în Arheologie, vol. II2 (Szeghet 2014), 513-527.

Cosac et al. 2015: M. Cosac, G. Murătoreanu Al. Radu, L. Niţă, Aşezarea paleolitică de la Malu Dinu Buzea (sat Cremenea, jud. Covasna). O sinteză a campaniilor 2011-2013. Materiale şi Cercetări Arheologice XI, 2015.

Dumitrescu et al. 1970: I. Dumitrescu, M. Săndulescu, T. Bandrabur, Notă explicativă la harta geologică 1:200000, foaia Covasna (Bucureşti: Institutul Geologic 1970).

Ielenicz 2004: M. Ielenicz, Geomorfologie, Editura Universitară (Bucureşti 2004).

Mutihac et al. 2007: V. Mutihac, I.M. Stratulat, R.M. Fechet, Geologia României (Bucureşti: Editura Didactică şi pedagogică 2007).

Nicolăescu-Plopşor, Pop 1959: C.S. Nicolăescu-Plopşor, I. Pop, Cercetările şi săpăturile paleolitice de la Cremenea şi împrejurimi. Materiale şi Cercetări Arheologice VI, 1959, 51-56.

Nicolăescu-Plopşor et al. 1959: C.S. Nicolăescu-Plopşor, Al. Păunescu, A. Paul-Bolomey, I. Pop, N.N. Zaharia, Raport preliminar asupra cercetărilor paleolitice din anul 1956. Materiale şi Cercetări Arheologice V, 1959, 15-44.

Oncescu 1965: N. Oncescu, Geologia României (Bucureşti: Editura Tehnică 1965).

Păunescu 1966: Al. Păunescu, Cercetări paleolitice. SCIV 17 (2), 1966, 319-333.

Păunescu 2001: Al. Păunescu, Paleoliticul şi mezoliticul din spaţiul transilvan (Bucureşti: Editura AGIR 2001).

Roska 1930: M. Roska, Notă preliminară asupra cercetărilor paleolitice făcute în Ardeal în cursul anului 1928. Anuarul Institutului Geologic al României XIV, 1930, 79-97.

Velcea, Costea 2006: V. Velcea, M. Costea, Geomorfologie generală (Sibiu: Editura Universităţii Lucian Blaga 2006).

Geoarheologia a două situri paleolitice din Întorsura Buzăului (județul Covasna, România)

Cuvinte-cheie: arheologie, paleolitic, ansamblu litic, geoarheologie, procese geomorfologice.

Rezumat: Principalele situri paleolitice din România au fost cercetate în secolul XX, în perioada în care accentul era pus pe descrierea caracteristicilor tehno-tipologice ale ansamblurilor litice, în absenţa posibilităţii estimării cronologice a acestora. În fapt, chiar estimarea vârstei pachetelor sedimentare asociate materialului arheologic era efectuată plecând de la cronologia relativă a activităţii umane. Această abordare a avut drept consecinţă o înţelegere eronată a genezei siturilor paleolitice. Studiul de faţă discută două astfel de situaţii: siturile paleolitice de la Malu Dinu Buzea şi Costanda Lădăuţi, din Depresiunea Întorsura Buzăului (judeţul Covasna, estul României).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea siturilor.

Fig. 2. Amplasarea secţiunilor în cadrul sitului Malu Dinu Buzea.

Fig. 3. Harta geomorfologică generală a bazinului Cremenea.

Fig. 4. Influenţa modificărilor albiei Buzăului asupra morfologiei actuale a sitului Malu Dinu Buzea.

Fig. 5. Malu Dinu Buzea: înclinarea lentilelor de nisipuri din baza secţiunii XXII-2011 demonstrează sedimentarea în regim torrential.

Fig. 6. Amplasarea sitului arheologic Costanda - Lădăuţi în cadrul Dealului Borşoşu.

Fig. 7. Costanda - Lădăuţi: profil estic al stratigrafic al secţiunii I-2014.

Геоархеология двух палеолитических памятников в Ынторсура-Бузэулуй (жудец Ковасна, Румыния)

Ключевые слова: археология, палеолит, палеолитический комплекс, геоархеология, геоморфологические процессы.

Резюме: Основные палеолитические памятники Румынии были исследованы в XX веке, в период, когда основное внимание уделялось описанию технико-типологических характеристик палеолитических комплексов при отсутствии возможности их хронологической оценки. Фактически даже оценка возраста осадочных толщ, связанных с археологическим материалом, производилась исходя из относительной хронологии человеческой деятельности. Такой подход привел к ошибочному пониманию генезиса палеолитических памятников. В настоящем исследовании рассматриваются два таких местонахождения – Малу-Дину-Бузя и Костанда-Лэдэуць, расположенные в низине Ынторсура-Бузэулуй (жудец Ковасна на востоке Румынии).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятников.

Рис. 2. Расположение раскопов на памятнике Малу-Дину-Бузя.

Рис. 3. Общая геоморфологическая карта бассейна реки Кременя.

Рис. 4. Влияние изменений русла Бузэу на современную морфологию памятника Малу-Дину-Бузя.

Рис. 5. Малу-Дину-Бузя: наклон песчаных линз в нижней части раскопа XXII-2011 свидетельствует о потоковом режиме осадконакопления.

Рис. 6. Расположение археологического памятника Костанда-Лэдэуць на холме Боршошу.

Рис. 7. Костанда-Лэдэуць: восточный стратиграфический разрез раскопа I-2014.

27.03.2023

Dr. Marian Cosac, Valahia University of Târgovişte, România, https://orcid.org/0000-0003-2753-3715, e-mail: cosac_marian@yahoo.com

TRAPEZES WITH DORSAL FLAT INVASIVE RETOUCHING: THE INDICATOR OF NEOLITHIC NETWORK FORMATION

Valery Manko, Guram Chkhatarashvili

Keywords: migrations, cultural exchange, neolithization, informational continuity, trapezoid with invasive dorsal retouching.

Introduction

The transition to the Neolithic way of life in the territory of Eastern Europe was the result of the spread of innovations that originated in the territory of the Fertile Crescent. One of the ways of spreading innovations was migration. Migrations led to the appearance of new cultures in the Caucasus and in the south of Eastern Europe. Another way of spreading innovations was the creation of networks within which new technologies, types of tools were distributed. This way correlated with the exchange of ideas, with the emergence of a long continuous sequence of communicating collectives. The emergence and development of such sequences can be observed in archaeological material. There are many indicators of the creation of networks. Such indicators can be stone pots, pottery, certain types of soft stone objects, grave goods and many others (Манько 2013a). Most of these indicators refer to the Near and Middle East. The influence of the Near and Middle Eastern networks is demonstrated by materials from the Razdorskaya 2 site (Gorelik, Tsybriy, Tsybriy 2014).

Trapezes with dorsal invasive retouching were one of the indicators of the existence of such an information system. These tools are transverse arrowheads. The rapid spread of trapezes with dorsal invasive retouch in regions of the Near East, Anatolia, the Caucasus and Europe is one of the proofs of the existence of informational continuity between distant regions. This article is connected with an attempt to describe the process of spreading of this form of geometric microliths at the end of 7th - beginning of 6th millennium BC in the Caucasus and South-Eastern Europe.

Methods

The chronology of the process and the typological analysis of the products in the different regions should be considered.

A study of the chronology makes it possible to trace the trapezes with invasive retouching vectors. A map of the main sites with these trapezes has been prepared. A table of the dates associated with the appearance and existence of these trapezes in each region has been drawn up.

A study of the typology of trapezes with invasive retouching revealed five main types (table 1). All these trapezes are made on the medial parts of the blades. The trapezoidal shape of the blanks is associated with the control of the direction of the fracture.

1. Trapezes with flat invasive dorsal retouch and with unretouched sides. The shape of the trapezoid was the result of a controlled break. The flat surfaces of the fracture were used as platforms for pressing retouching. The angle between the platform and the retouched surface is close to 90° (fig. 1/1, 2).

2. Trapezes with flat invasive dorsal retouching and with broken sides. The flat fracture surfaces were used as platforms for pressing retouching. The fracture surfaces were formed because of percussion from the ventral surface of the blade and were crushed in the process of retouching. These trapezoids have segmental cross sections. The angle between the platform and the retouching surface is close to 120° (fig. 1/3-5).

3. Trapezes with flat invasive dorsal retouch and steep retouched sides. The steep retouch covered flat fracture surfaces formed because of percussion from the dorsal surface of the blade. The retouched surfaces were used as platforms for pressure retouching. The angle between the platform and the retouched surface is close to 60° (fig. 1/6-8).

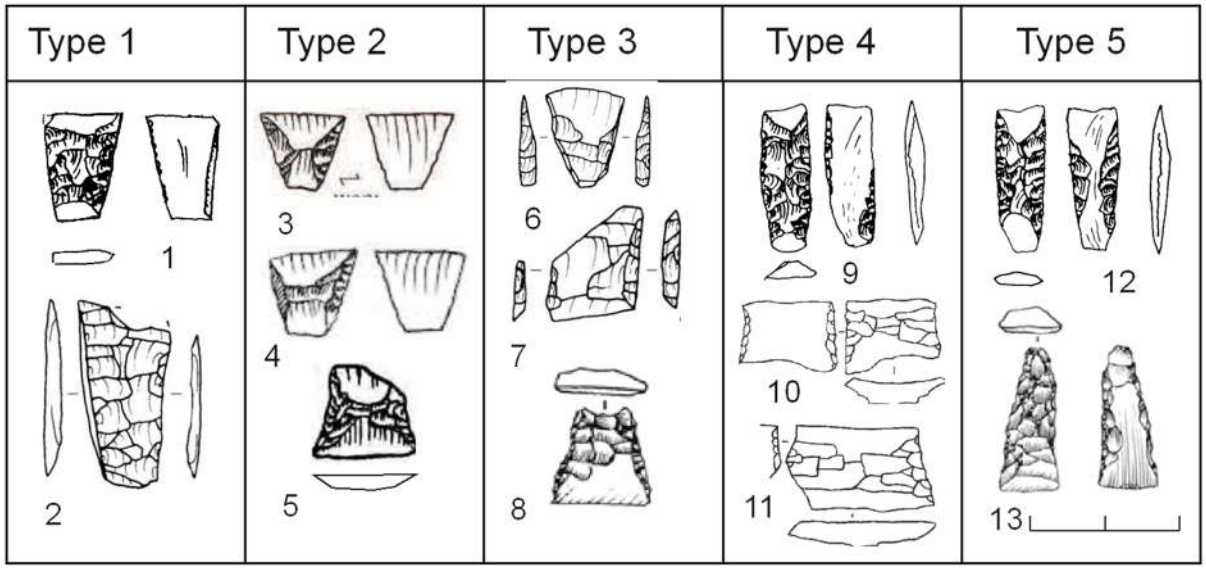


Fig. 1. Typology of trapezes with dorsal invasive retouch. 1, 9, 12 - Sabi Abyad (Copeland 1994, 1996); 2, 6, 7 - Hacı Elamxanlı Tepe (Kadowaki et al. 2016); 3, 4 - Suluin cave (Taskıran et al. 2013; Taskıran et al. 2014); 5 - Girghevo (Сапожников, Сапожникова 2011); 8, 13 - Aknashen (Chabot et al. 2022); 10, 11 - Shan-Koba (Нужний 2007).

4. Trapezes with flat invasive dorsal retouch and with semi-steep retouched sides on ventral surfaces. The shape of the trapezes was the result of a controlled break. The retouched surfaces were used as platforms for pressing retouching. The angle between the platform and the retouched surface is close to 90° (fig. 1/9-11).

5. Trapezes with bifacial flat invasive dorsal and ventral retouching. Retouching platforms shaped as in type 3 (fig. 1/12, 13).

The typology of trapezes with invasive retouch is not limited to these types. Intermediate types are known when different sides of a trapezes are made from a pattern of different types.

The comparison of the typology of trapezes with dorsal invasive retouch allows us to compare such implements in the complexes of different archaeological cultures, to trace the distribution paths of these implements and their relation to the typology of traditional microliths.

Distribution and chronology of trapezes with invasive retouching (Near East, Anatolia, Caucasus, Eastern Europe)

The first appearance of trapezes with invasive retouching was in the Near East in complexes of the PPNA. These trapezes were found in the complex of Netiv Hugdud (Nadel 1997). These tools were called "Netiv Hugdud truncations". The appearance of this type is associated with the Early Holocene (table 2/1-2). But these tools don't have anything in common with trapezoidal tools with invasive retouching of recent times. They were probably modified basal parts of broken El Khiam points. This tool type disappeared at the time of the collapse of the PPNA. The presence of "Netiv Hugdud truncations" in the PPNA complexes is not associated with the appearance of trapezes with invasive retouching in the Pottery Neolithic of the Near East.

The next episode associated with the appearance of invasive retouched trapezes occurred at the end of the 7th millennium BC (table 2/3-5) and is associated with the excavation of the Sabi Abyad settlement in Syria (Copeland, Ackermans 1994; Copeland 1996) (fig. 2/1).

A trapeze associated with type 1 was found in level 8. The age of this tool is not later than 7240±50 BP (uncal) (date of level 7, table 2/3). Level 5 is associated with the discovery of a cache of flint transverse arrowheads, consisting of 56 complete specimens. Most of the tools are associated with type 5, but there are also items of types 1, 4, 5. First type 1 trapezes are present in the level 4 complex.

In general, the Sabi Abyad industry is linked to the local development of the stone industry. The

lower levels contain Byblos points associated with the late PPNB. The occurrence of trapezoidal points correlates with the Ha-Parsa points. The occurrence of trapezes with invasive retouching is associated with the appearance of macroblades, obtained using a lever pressing technique.

Surprisingly, the history of the development of the technology of making trapezoidal arrowheads with invasive retouching in the Near East stops at more than 2,000 years ago. Only in the 5th millennium BC (table 2/6) is the discovery of a cache of flint transverse arrowheads at the site of Kvish Harif in the central Negev highlands (Rosen 1984), where trapezes of type 2 were found. However, these findings are not related to the initial distribution of trapezoids with invasive retouching.

The Suluin cave in Antalya (Taskıran et al. 2016) (fig. 2/2) was the probable center for the spread of innovations in trapeze-making technology. The chronology of this site shows that it is slightly younger than Sabi Abyad (table 2/7-9).

The trapezes of Suluin are not copies of the trapezes of Sabi-Abyad. While in the Sabi-Abyad complex, we observe 4 types of trapezes, in Suluin trapezes of types 2 and 4 predominate (Taskıran et al. 2013; Taskıran et al. 2014). This peculiarity is because the Suluin complex has trapezes without invasive retouching, but with semi-steep retouched sides on the ventral surfaces (Taskıran, Aksu 2009). It is possible that the prototype of such trapezes is the so-called "Upsilon blades" (Manko 2014).

Thus, in the Suluin complex we observe an adaptation of a pre-existing type of trapezes to an innovative type of retouching. Accordingly, in this case we cannot speak about the migration of the carriers of the Sabi-Abyad technology to Antalya. We have here a case of the implementation of a new technology because of cultural contacts with the inventors of the innovation.

The Suluin cave was not the only complex with trapezes with invasive dorsal retouching in Antalya (Yalçınkaya et al. 2007). Trapezes of type 4 were found in the upper layers of Karain cave (fig. 2/2). Interestingly, the innovative trapeze type coexists with the archaic trapeze type with semi-steep retouched sides on the ventral surfaces. Thus, the Karain cave complex repeats the patterns we have identified for the Suluin cave.

The Suluin cave industry did not last long, as the absolute dates show. Nevertheless, the Suluin cave episode is probably linked to the emergence of innovative trapezoidal forms in Southern Eastern Europe and the Southern Caucasus.

At the turn of the VII-VI millennium BC we observe the development of 3 centres of new trapezoidal types. These are the north-western Black Sea area (table 2/10-13), the Crimea (table 2/14-17), the eastern part of the Southern Caucasus (table 2/18-23).

Girghevo is the oldest complex with trapezes with dorsal invasive retouching in the North-Western Black Sea Region (fig. 2/6). Unfortunately, Girzhevo is a multi-layered site, so only the latest date can be considered in the context of such trapezes (table 2/13). All trapezes with invasive retouch are linked with type 2 (Сапожников, Сапожникова 2011, 99).

It is possible that the Girzhevo complex is related to the Tash-Ayir culture complexes in the Crimea. For example, a similar set of geometric microliths is recorded in the complexes of layers 2 and 1 of the Shan-Koba site, there we see 60 type 2 geometric microliths and only 3 type 4 trapezes (Нужний 2007). These complexes have absolute dates close to those of Girghevo. At the same time, we observe another set of trapezes in other complexes of the Tash-Ayir culture (fig. 2/5). For example, trapezes of type 4 predominate in the Balin-Kosh complex. This fact shows that the process of adapting the new technology has been very different in Crimea.

The process of spreading innovation in the South Caucasus was also very complicated. The early appearance of trapezes with invasive retouching is associated with the complexes of the Shomutepe culture (fig. 2/3, 4). The set of trapezes in the complexes of this culture is very varied.

Goytepe complex (table 2/18) contains only type 1 trapezes (Nishiaki 2020). The Hacı Elamxanlı Tepe complex (table 2/19) contains trapezes of types 1 and 3 (Kadowaki et al. 2016). Aratashen (table 2/20) is a unique Shomutepe celture site without geometric microliths (Badalyan et al. 2007). The Aknashen complex (table 2/21) shows an unusual variety of trapezes. Trapezes of types 1, 3, 4, 5 have been found at the site (Chabot et al. 2022). We know about the presence of trapezes in the Masis Bloor complex (table 2/22),

Fig. 2. The map of earliest sites with trapezes with invasive retouching. 1 - Sabi Abyad; 2 - Suluin cave, Karain B cave; 3 - Aknashen; 4 - Hacı Elamxanlı Tepe; 5 - Buran Kaya 4, Shan-Koba, Tash-Ayir, Balin Kosh; 6 - Girghevo.

but unfortunately, we cannot say anything about their typology (Olshansky 2018). Trapezes of type 3 have been found in the Mentesh Tepe complex (table 2/23) (Lyonnet et al. 2016).

Three centres of distribution of invasive retouched trapezes have been described. All of them appeared at the turn of the 7th -6th millennium BC and seem to relate to the further distribution of these geometric microliths. We observe the appearance of such tools in semi-desert, steppe and forest-steppe zones between the Dniester River basin and the northern Caspian Sea area until the middle of the 6th millennium BC. We also document the appearance of such trapezes in the south of the forest zone at the end of the 6th millennium BC.

Thus, we observe a rare phenomenon in which one of the innovations associated with Near Eastern origin spreads over a large area in the south of Eastern Europe and the Southern Caucasus.

Discussion

We will try to interpret observations on the emergence of trapezes with invasive retouching in the south of Eastern Europe and the Southern Caucasus. We will try to find out what historical processes led to the emergence of the first distribution centres of these new types of arrowheads.

We have three possible explanations for the simultaneous appearance of these arrowheads. It could be the result of migrations of large groups of populations, the result of the diffusion of small groups of carriers of the new technology, or the result of normal cultural exchange. Unfortunately, there are several difficulties in sorting out such details. The main difficulty is the lack of clear archaeological criteria for such processes.

Undoubtedly, one indicator of a major migration is the emergence of a similar industry in an area very distant from the starting point of the migration. Is the spread of trapezes with invasive retouching related to migratory processes? There is a high probability that the answer to this question is in the negative.

A comparison of the stone industries of the primary distribution centres of the new trapezoid types shows that there are no similar industries among them.

The Sabi-Abyad complex has its roots in the late PPNB and PPNC industries. A series of tanged points are represented in the complex. Upsilon blades were the blanks for some trapezes with invasive retouch. The beginning of the development of pressing technique with liver we observe in Sabi-Abyad. It is possible that the emergence of this innovation is linked to the cultural influence of the Cayonu Tepesi industry.

The closest complexes with trapezes with invasive retouching (Suluin, Karain) are not related to the PPNB and PPNC industries. Tanged points and

upsilon blades are absent in the complexes. The hand pressing technique dominates in the complexes. The production of blades is associated with conical cores. We see the presence of trapezes and triangles without dorsal invasive retouching, but with ventral semi-stepped retouched sides. These products resemble, but are not, Upsilon blades. The use of invasive retouching is linked to the need to make the microliths described lighter.

Thus, a comparison of the Sabi Abyad complex on the one hand and the Suluin and Karain caves on the other shows that migration is out of the question. Moreover, we see no coincidence in the technology of the blades obtaining or in the typology of the tools. We cannot even speak of the diffusion of small groups, as such a process would not leave any traces. It is obvious that the emergence of these types of geometric microliths is linked to cultural contacts, with communication between the carriers of the two industries. This communication led to the beginning of experiments in the production of trapezes and triangles with ventral semi-stepped retouched sides. A legitimate result was also the replication of the invasive retouching technique. The Suluin and Karain caves were programmed to use the same type of geometric microlites. This led to the relative poverty of the dorsal invasive retouched trapezes typology compared to the Sabi-Abyad complex.

Girghevo is a complex that has nothing common with the Antalya or Sabi Abyad complexes. The hand-pressing technique for blades is dominant in the complex, but the types of cores are not related to the Suluin cave complex. At Girgevo there are two platform monofrontal flat cores. As mentioned above, there is only one type of trapezes with dorsal invasive retouching (type 2). We can explain this typological limitation only in conjunction with the analysis of the Tash-Ayr sites in the Crimea.

We have mentioned the Shan-Koba (layers 2 and 1) and Tash-Ayir I complexes with similar types of trapezes. The difference between these Crimean and Girjevo complexes is the presence in the Crimea of lunates with invasive retouching on the arches. Thus, the typology of some complexes of the Tash-Ayir culture repeats the typology of the Epipalaeolithic Shankobian culture, which existed in the Crimea in the Early Holocene. The differences between the two cultures are gradual, due to the adaptation of new technologies for the production of geometric microliths. Thus, we define the same pattern as in the Suluin cave complex. The diffusion of innovations is associated with the application of a new type of retouching to the traditional forms of geometric microliths. Such picture corresponds, in our opinion, to the pattern of cultural contacts. This conclusion also allows us to assume that the Girjevo complex was also formed as a result of cultural contacts with the Crimean population.

Such observations do not explain the mechanism of the occurrence of trapezes with invasive retouching in the northern Black Sea area. Important for the understanding of this mechanism is the Balin-Kosh complex, associated with the finds of a series of trapezes of type 4. It should be remembered that this type of trapeze was the most common in the Suluin cave complex. We can assume that the appearance of the Balin-Kosh complexes could be related to the spread of a small group of people with origins close to Antalya. The appearance of this group did not lead to the replacement of microlithic technology but gave an impetus to the adaptation of traditional microlithic types to new technologies.

It is possible that a similar pattern can be observed in the South Caucasus. The predominance of trapezes of types 1 and 3 in most complexes of Shomutepe culture contrasts with the presence of types 4 and 5 in the Aknashen complex. We can assume that the Aknashen complex reflects the emergence of a small group of settlers associated with Antalya. The further spread of the invasive retouching technique was associated with the adaptation of traditional microliths to the new technology. Such traditional microliths have been described in the Damjili cave complex (Nishiaki et al. 2019).

Thus, on the border of the 7th and 6th millennium BC, small groups of people connected with Antalya arrived in the territory of Crimea and the South Caucasus. The foreigners were the carriers of the new technology of making geometric microliths. During the assimilation of the foreigners, the main features of the innovative technology were not mechanically assimilated but adapted to the existing system of geometric microlith production. We only trace the influence of the three centers described, excluding the participation of populations from remote regions of the Near and Middle East in the further spread of trapezes with dorsal invasive retouching.

Table 1

Radiocarbon dates (OxCal version is 4.4 and works with IntCal20)

№	BP (uncal)	Lab. №	Material	Site	BC (cal) 95,4% prob.	Culture	References
1.	9780±90	Pta-4557	Charcoal	Netiv Hugdud	9651-8830	PPNA	Bar-Yosef, Gopher 1997
2.	9660±70	Pta-4556	Charcoal	Netiv Hugdud	9265-8816	PPNA	Bar-Yosef, Gopher 1997
3.	7240±50	GrN-24218	Seeds	Sabi Abyad, level 7	6225-6018	Pre-Halaf	Akkermans et al. 2006
4.	7190±60	GrN-28244	Charcoal	Sabi Abyad, level 5	6221-5923	Pre-Halaf	Akkermans et al. 2006
5.	7075±30	GrN-16803	Seeds	Sabi Abyad, level 4	6020-5889	Pre-Halaf	Akkermans et al. 2006
6.	5269±60	Pta-3374	?	Kvish Harif	4311-3968	Chalcolithic	Rosen 1984
7.	6985±35	C2RMF72178	?	Suluin	5980-5757	Suluin	Baysal 2022
8.	7010±35	C2RMF72174	?	Suluin	5985-5798	Suluin	Baysal 2022
9.	7020±40	C2RMF72175	?	Suluin	5991-5794	Suluin	Baysal 2022
10.	7390±100	Ki-11240	Bone	Girghevo	6433-6067	Grebeniki	Манько 2013b
11.	7280±170	Ki-11241	Pottery	Girghevo	6463-5806	Grebeniki	Манько 2013b
12.	7200±220	Ki-11243	Pottery	Girghevo	6466-5666	Grebeniki	Манько 2013b
13.	7050±60	Le-1703	Bone	Girghevo	6058-5786	Grebeniki	Zaitseva et al. 2000
14.	6955±40	SacA 24017	Bone	Buran Kaya IV*	5872-5737	Tash-Ayir	Salavert et al. 2014
15.	6954±46	KIA-9574	Bone	Shan-Koba, Layer 2	5975-5733	Tash-Ayir	Benecke 2006
16.	6944±44	KIA-9575	Bone	Shan-Koba, Layer 1	5971-5730	Tash-Ayir	Benecke 2006
17.	6811±40	KIA-9577	Bone	Shan-Koba, Layer 1	5763-5627	Tash-Ayir	Benecke 2006
18.	6800±30	IAAA-120686	Bone	Göytepe*	5731-5635	Shomutepe	Nishiaki et al. 2015
19.	7080±30	IAAA-120698	Bone	Hacı Elamxanlı Tepe*	6021-5891	Shomutepe	Nishiaki et al. 2015
20.	6913±49	AA-64177	Bone	Aratashen*	5970-5713	Shomutepe	Nishiaki et al. 2015
21.	7035±69	AA-68561	Bone	Aknashen*	6026-5746	Shomutepe	Nishiaki et al. 2015
22.	6995±20	UCIAMS-121529	Bone	Masis Blur*	5979-5801	Shomutepe	Nishiaki et al. 2015
23.	6950±40	SacA30643/Gif12232	Bone	Mentesh Tepe*	5971-5734	Shomutepe	Lyonnet et al. 2016
24.	11620±110	OxA-5164	Bone	Skalisty Grotto, Layer III-2	11806-11308	Taubodrakian	Kovalchuk et al. 2021

* Only earliest dates

Conclusion

The process of the spread of trapezes with dorsal invasive retouching over a large area north of the Black Sea illustrates the mechanism of the spread of innovations associated with the Neolithic way of life. The process described above coincides with the emergence of new Neolithic cultures, certainly associated with early forms of productive economy, in the area from the Dniester to the Volga. The process of diffusion of the above types of trapezys also illustrates the mechanism of diffusion of other innovations. As we have seen, the arrival of small population groups associated with the regions of primary neolithization was sufficient for the further avalanche-like spread of innovations.

As we have seen, the neolithisation process in the South Caucasus and southern Eastern Europe was not associated with large-scale migrations. There was only a diffusion of small population groups. However, this does not mean that migration processes were not important in the process of neolithization. We have shown that the appearance of trapezes with dorsal invasive retouching in the Caucasus and Europe is associated with the Antalya region. This was no coincidence. Migrations of the Antalya population to the Crimea and South Caucasus have been known since the end of the Pleistocene.

The first migration of the population of Antaliya to the territory of the South Caucasus and Crimea took place in Allerød (table 2/24). The carriers of the Karain B culture migrated to Crimea, which led to the emergence of the Shankobian and Taubodrakian cultures (Манько 2013b). The area of the South Caucasus is less studied, but we see the presence of lunates with bipolar retouching on the arches in the material from the Gurianta (Nebieridze 1972) and Paluri (Григолия 1978) sites. Such lunates are associated with the Antalya and Taubodrakian sites.

Thus we see a pattern of communication between distant regions in the Paleolithic. These connections could not have led to the Neolithic, as the migrants were linked to a traditional hunter-gatherer economy. However, the connections between areas established at the end of the Pleistocene continued into the Holocene. The existence of these links led to the spread of Neolithic innovations. The spread of trapezes with invasive dorsal retouching is an indicator of this process.

Acknowledgement

This work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG) [CS-I-23-027].

Bibliography

Badalyan et al. 2007: R. Badalyan, P. Lombard, P. Avetisyan, C. Chataigner, J. Chabot, E. Vila, R. Hovsepyan, G. Willcox, H. Pessin, New data on the late prehistory of the Southern Caucasus. The excavations at Aratashen (Armenia): preliminary report. In: (Ed. B. Lyonnet) Les Cultures du Caucase (Vie-IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient (Paris: CNRS éditions, Editions Recherches sur les Civilisations 2007), 37-61.

Bar-Yosef, Gopher 1997: O. Bar-Yosef, A. Gopher, Discussion. In: (Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher), An Early Neolithic Village in the Jordan Valley. Part I. The Archaeology of Netiv Hagdud, American School of Prehistoric Research Bulletin 43 (Cambridge, MA. 1997), 247-266.

Baysal 2022: E.L. Baysal, Interactions, communication and tradition: The personal ornaments of Suluin cave (Antalya, Turkey) in late Neolithic context. Archaeological Research in Asia 29, 2022, 1-17.

Chabot et al. 2022: J. Chabot, C. Gosselin, P. Eid, B. Varoutsikos, Aknashen lithic tradition in a regional context: blade-making and neolithization of the Southern Caucasus. In: (Eds. R. Badalyan, Ch. Chataigner, A. Harutyunyan) The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004-2015 (Oxford: Archaeopress Archaeology 2022), 132-150.

Copeland, Ackermans 1994: L. Copeland, P.M.M.G. Ackermans, A Cache of 56 Flint Transverse Arrowheads from Tell Sabi Abyad, Balikh Valley, Siria. In: (Eds. A. Gebel, S. Kozlowski) Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent (Berlin: Ex-Oriente 1994), 379-383.

Copeland 1996: L. Copeland, The flint and obsidian industries. Tell Sabi Abyad – The Late Neolithic Settlement, vol. 1, 2. (Leiden/Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Institut 1996), 285-338.

Kadowaki, Guliyev, Nishiaki 2016: S. Kadowaki, F. Guliyev, Y. Nishiaki, Chipped stone technology of the earliest agricultural village in the southern Caucasus: Hacı Elamxanlı Tepe. In: (Eds. O. Kaelin, H.-P. Mathys) Proceedings of the 9th ICAANE, vol. 3 (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag 2016), 709-723.

Kovalchuk et al. 2021: O. Kovalchuk, L. Rekovets, A. Tsvelykh, V. Yanenko, V. Manko, S. Tajkova, Living in a time of change: Late Pleistocene/ Holocene transitional vertebrate fauna of Grot Skeliastyi (Crimea, Ukraine). Historical Biology 33:10, 2021, 2074-2084.

Lyonnet et al. 2016: B. Lyonnet, F. Guliyev, L. Bouquet, G. Bruley-Chabot, A. Samzun, L. Pecqueur, E. Jovenet, E. Baudouin, M. Fontugne, P. Raymond, E. Degorre, L. Astruc, D. Guilbeau, G. Le Dosseur N. Benecke, C. Hamon, M. Poulmarch, A. Courcier, Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri Culture in Azerbaijan. Quaternary International 395, 2016, 170-183.

Nadel 1997: D. Nadel, The chipped stone industry from Netiv Hagdud. In: (Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher) An Early Neolithic Village in the Jordan Valley, Part I: The Archaeology of Netiv Hagdud. American School of Prehistoric Research, Bulletin 44. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology (Cambridge: Harvard University 1997), 71-149.

Nebieridze 1972: L. Nebieridze, The Neolithic of Western Transcaucasia (Tbilisi 1972).

Nishiaki, Guliyev, Kadowaki 2015: Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadowaki, Chronological contexts of the earliest pottery neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan. American Journal of Archaeology 119/3, 2015, 279-294.

Nishaiaki et al. 2019: Y. Nishiaki, A. Zeynalov, M. Mansrov, C. Akashi, S. Arai, K. Shimogama, F. Guliyev, The Mesolithic-Neolithic interface in the southern Caucasus: 2016-2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan. Archaeological Research in Asia 19, 2019, 100-140.

Nishiaki 2020: Y. Nishiaki, Neolithic flaked stone industry of Göytepe. In: (Eds. Y. Nishiaki, F. Guliyev) Göytepe – The Neolithic Excavations in the Middle Kura Valley, Azerbaijan (Oxford: Archaeopress 2020), 169-190.

Olshansky 2018: K. Olshansky, Obsidian Economy in the Armenian Highlands During the Late Neolithic. A View from Masis Blur (Los Angeles: University of California 2018).

Rosen 1984: S. Rosen, Kvish Harif: Preliminary Investigations at a Late Neolithic Site in the Central Negev. Paléorient 10/2, 1984, 111-121.

Salavert et al. 2014: A. Salavert, E. Messager, G. Motuzaite-Matuzeviciute, V. Lebreton, G. Bayle, L. Crépin, S. Puaud, S. Péan, M. Yamada, A. Yanevich, First results of archaeobotanical analysis from Neolithic layers of Buran Kaya IV (Crimea, Ukraine). Environmental Archaeology (January), 2014, 1-9.

Taşkıran, Aksu 2009: H. Taşkıran, S.E. Aksu, Suluin Mağarası 2007 Yılı Kazısı. Kazı Sonuçları Toplantısı 30(2), 2009, 89-100.

Taskiran et al. 2013: H. Taskıran, K. Ozçelik, M.B. Kosem, Y. Aydın, D. Yaman, M. Karakoc, 2012 Yılı Suluin Mağarası Kazısı. Kazı Sonuçları Toplantısı 35(1), 2013, 211-232.

Taskiran et al. 2014: H. Taşkıran, M.B. Kösem, K. Özçelik, Y. Aydın, E. Erbil, 2013 Yılı Suluin Mağarası Kazısı. Kazı Sonuçları Toplantısı 36(1), 2014, 555-572.

Taskiran et al. 2016: H. Taskıran, K. Ozçelik, M.B. Kosem, E. Erbil, Y. Aydın, 2014 Yılı Suluin Magarası kazıları. Kazı Sonuçları Toplantısı 37(1), 2016, 215-234.

Yalçınkaya et al. 2007: I. Yalçınkaya, H. Taşkıran, M. Kartal, K. Özçelik, M.B. Kösem, G. Kartal, 2005 Yılı Karain Mağarası Kazıları, Kazı Sonuçları Toplantısı 28(1), 2007, 539-558.

Zaitseva et al. 2000: G.I. Zaitseva, V.I. Timofeev, N.N. Zagorska, N.N. Kovaliukh, Radiocarbon dates of the Mesolithic sites of Eastern Europe. Radiocarbon and Archaeology I, 2000, 33-52.

Горелик, Цыбрий, Цыбрий 2014: А.Ф. Горелик, А.В. Цыбрий, В.В. Цыбрий, О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья). Stratum plus 2, 2014, 247-282.

Григолия 1978: Г.К. Григолия, Неолит Центральной Колхиды-Палури (Тбилиси 1978) (на груз. яз.).

Манько 2006: В.О. Манько, Неоліт Південно-Східної України (Київ 2006).

Манько 2013а: В.О. Манько, Ідеї Г. Чайлда та їх застосування для вивчення неоліту Східної Європи. Археологія 1, 2013, 16-32.

Манько 2013б: В. О. Манько, Фінальний палеоліт – неоліт Криму (Київ 2013).

Манько 2014: В.О. Манько, Начало распространения технологии изготовления геометрических микролитов с плоской дорсальной ретушью. Самарский научный вестник 3-8, 2014, 36-43.

Нужний 2007: Д.Ю. Нужний, Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці (Київ 2007).

Сапожников, Сапожникова 2011: И.В. Сапожников, Г.В. Сапожникова, Каменный век Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus 1, 2011, 15-149.

Trapeze cu retuşare invazivă dorsală plată – indicator al formării unei reţele neolitice

Cuvinte-cheie: migraţii, schimb cultural, neolitizare, continuitate informaţională, trapez cu retuşuri dorsale invazive.

Rezumat: Autorii examinează istoria apariţiei şi dezvoltării celor mai vechi cinci centre de diseminare a tehnologiei de retuşare invazivă dorsală trapezoidală: Sabi Abyad (Siria), Peştera Suluin (Turcia, Antalya), Girghevo (Ucraina, regiunea de nord-vest a Mării Negre), staţiunile Tah-Ayirian (Ucraina, Crimeea), staţiunile Shomutepe (Georgia,

Armenia, Azerbaidjan, sudul Caucazului). Răspândirea noii tehnologii în regiunea de nord a Mării Negre a fost legată de difuzarea unor grupuri mici ale populaţiei din Antalya. Purtătorii tehnologiei au lăsat o urmă nesemnificativă în dezvoltarea industriilor litice din regiunile îndepărtate. Autohtonii au adaptat noua tehnologie de producere a microliţilor geometrici la tehnologiile pe care le stăpâneau deja. Apariţia unor noi forme de trapeze în regiunea de nord a Mării Negre ilustrează mecanismele de transfer de inovaţie, asociate, în general, modului de viaţă neolitic. Tehnologia de realizare a trapezelor cu retuşuri invazive dorsale s-a răspândit de la Nistru până la Volga pe la mijlocul mileniului VI a. Chr. şi a ajuns în zona forestieră de sud a Europei până la sfârşitul mileniului VI a. Chr. Este posibil ca dispersarea populaţiilor mici în regiunea nordică a Mării Negre să fi fost pregătită prin procese de migraţie care au avut loc încă de la sfârşitul Pleistocenului.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Tipologia trapezelor cu retuş invaziv dorsal. 1, 9, 12 - Sabi Abyad (Copeland 1994, 1996); 2, 6, 7 - Hacı Elamxanlı Tepe (Kadowaki et al. 2016); 3, 4 - Suluin cave (Taskıran et al. 2013; Taskıran et al. 2014); 5 - Girghevo (Сапожников, Сапожникова 2011); 8, 13 - Aknashen (Chabot et al. 2022); 10, 11 - Shan-Koba (Нужний 2007).

Fig. 2. Harta celor mai vechi situri cu trapeze cu retuşuri invazive. 1 - Sabi Abyad; 2 - Suluin cave, Karain B cave; 3 - Aknashen; 4 - Hacı Elamxanlı Tepe; 5 - Buran Kaya 4, Shan-Koba, Tash-Ayir, Balin Kosh; 6 - Girghevo.

Трапеции со струганными спинками: индикатор формирования информационной сети в неолите

Ключевые слова: миграции, культурный обмен, неолитизация, информационная непрерывность, трапеция со струганной спинкой.

Резюме: Авторы рассматривают историю возникновения и развития 5 древнейших центров распространения технологии трапециевидной дорсальной инвазивной ретуши. Такими центрами были Саби Абьяд (Сирия), пещера Сулуин (Турция, Анталия), Гиржево (Украина, северо-западное Причерноморье), ташаирские стоянки (Украина, Крым), стоянки культуры Шомутепе (Грузия, Армения, Азербайджан, южный Кавказ). Распространение новой технологии в Северном Причерноморье было связано с диффузией небольших групп населения Анталии. Носители технологии оставили небольшой след в развитии каменной индустрии в отдаленных регионах. Местные автохтоны адаптировали новую технологию производства геометрических микролитов к уже освоенным ими технологиям. Появление новых форм трапеций в Северном Причерноморье иллюстрирует механизмы передачи инноваций, связанные с неолитическим образом жизни в целом. Технология изготовления трапеций с дорсальной инвазивной ретушью распространилась от Днестра до Волги к середине VI тысячелетия до н.э. и достигла южной лесной зоны Европы к концу VI тысячелетия до н.э. Возможно, что расселение небольших популяций в Северное Причерноморье было подготовлено миграционными процессами, происходившими с конца плейстоцена.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Типология трапеций со струганными спинками: 1, 9, 12 - Саби Абьяд (Copeland, Ackermans 1994; Copeland 1996); 2, 6, 7 - Хаджи Эламханлы Тепе (Kadowaki et al. 2016); 3, 4 - пещера Сулуин (Taskıran et al. 2013; Taskıran et al. 2014); 5 - Гиржево (Сапожников, Сапожникова 2011); 8, 13 - Акнашен (Chabot et al. 2022); 10, 11- Шан-Коба (Нужний 2007).

Рис. 2. Карта древнейших стоянок с трапециями со струганными спинками: 1 - Саби Абьяд; 2 - пещера Сулуин, пещера Караин В; 3 - Акнашен; 4 - Хаджи Эламханлы Тепе; 5 - Буран-Кая 4, Шан-Коба, Таш-Аир, Балин-Кош; 6 - Гиржево.

23.05.2023

Dr. Valery Manko, Department of Archaeology of the Crimea and North-Western Black Sea, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, https://orcid.org/0000-0002-2990-7234, e-mail: valery_manko@yahoo.com

Dr. Guram Chkhatarashvili, Batumi Shota Rustaveli State University, https://orcid.org/0000-0002-0568-9797, e-mail: guramchkhatarashvili@bsu.edu.ge

NOI DATE PRIVIND COMUNITĂȚILE GUMELNIȚENE ÎN MICROZONA RÂULUI IALPUG[1]

Eugen Mistreanu

Cuvinte-cheie: aşezare, eneolitic, ceramică, unelte din piatră, Gumelniţa, Bolgrad-Aldeni.

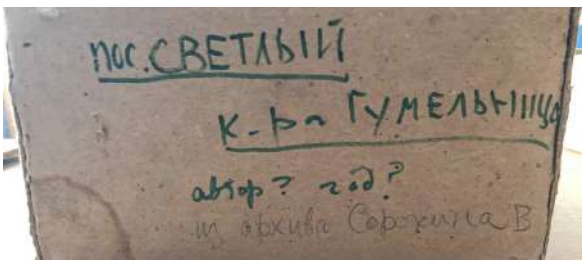
Introducere

Printre preocupările recente ale cercetătorilor sunt investigarea şi valorificarea colecţiilor vechi (fondate în patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei sau care se află stocate în depozitul de arheologie al muzeului). Putem observa o creştere a numărului „cercetărilor arheologice" în fondurile MNIM (Zanoci, Mateevici 2017; Топал 2020; Mistreanu 2022; Sîrbu 2022 ş.a.). Continuăm să ne raliem şi noi acestei tendinţe lăudabile, astfel, în contribuţia noastră prezentăm şi analizăm un set de artefacte arheologice constând din fragmente ceramice şi unelte din piatră, identificate recent în depozitul de arheologie al Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Acestea au marcate pe ele cifrul: *пм. Светлый* (în rusă) / *material de suprafaţă Svetlîi* (traducere), au fost găsite într-o cutie pe care este notată informaţia despre persoana care a adunat / adus artefactele: *р.н Тараклия, пос. СВЕТЛЫЙ, пм. Гумельница, автор Берник Мих.* (în rusă) / *raionul Taraclia, satul Svetlîi, autor Bernic Mih.* (traducere), de asemenea este notat că ele ar rezulta din arhiva lui V. Sorochin (fig. 1/1, 2). Interesant este faptul că în cutie a fost descoperită o hârtie cu un plan desenat schematic, destul de informativ (fig. 1/3, 4), indicând locul de unde ar fi fost colectate piesele arheologice.

Amplasarea

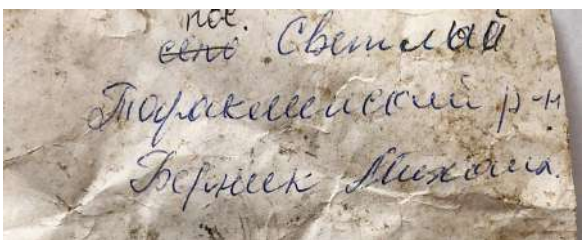
O suprapunere a acestui plan pe harta topografică ne arată că această zonă se află actualmente la 2,0-2,5 km spre vest de marginea de nord-vest a localităţii Svetlîi, UTA Găgăuzia (fig. 2). Zona prezintă interes arheologic, acesta fiind un mic platou, uşor în pantă, amplasat pe malul drept al unui pârâiaş (*Micul Cunduc*), care se scurge

1



2

3

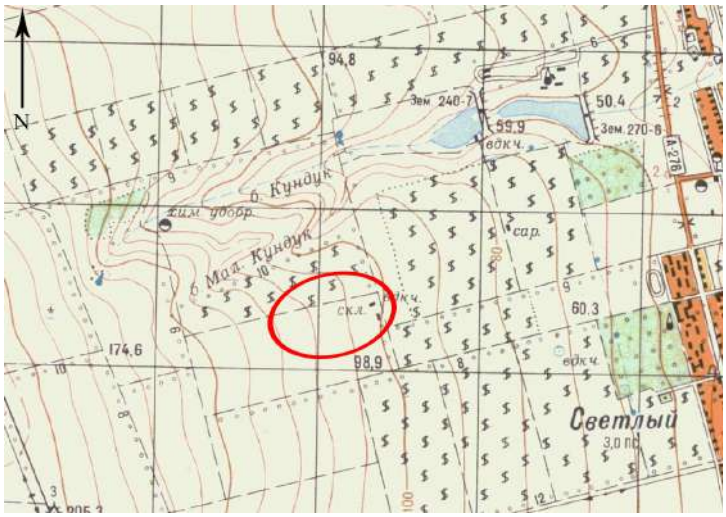


4

Fig. 1. 1,2 - Cutia unde au fost descoperite artefactele; 3, 4 - notiţa cu planul desenat schematic al locului unde a fost descoperit materialul arheologic.

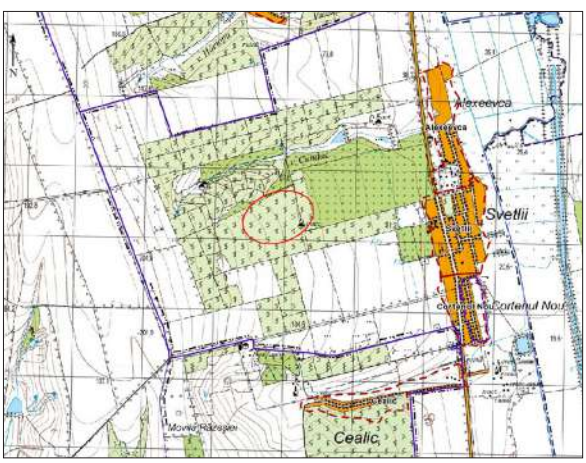
[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

1



2

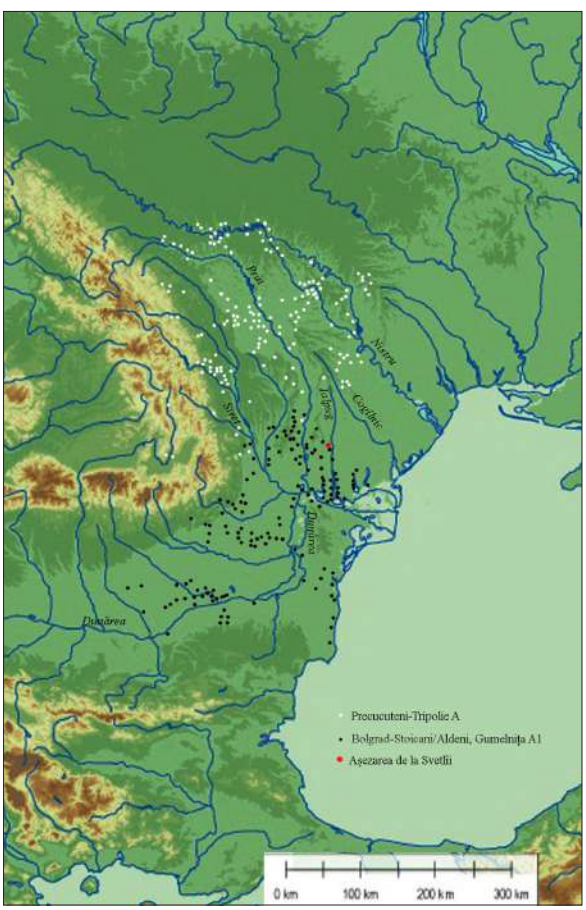
Fig. 2. Zona identificată pe harta topografică 1983, de unde, presupunem, că a fost colectat materialul arheologic.



1

2

3



4

Fig. 3. Zona unde a fost identificat materialul arheologic: 1 - harta topografica 2013; 2 - imagine aeriană (ortofoto 2016, www.geoportal.md); 3 - imagine satelit (Google Earth 2021); 4 - amplasarea noului punct arheologic pe harta de ansamblu a răspândirii aşezărilor Bolgrad-Aldeni / Gumelniţa A1 şi Precucuteni-Tripolie A.

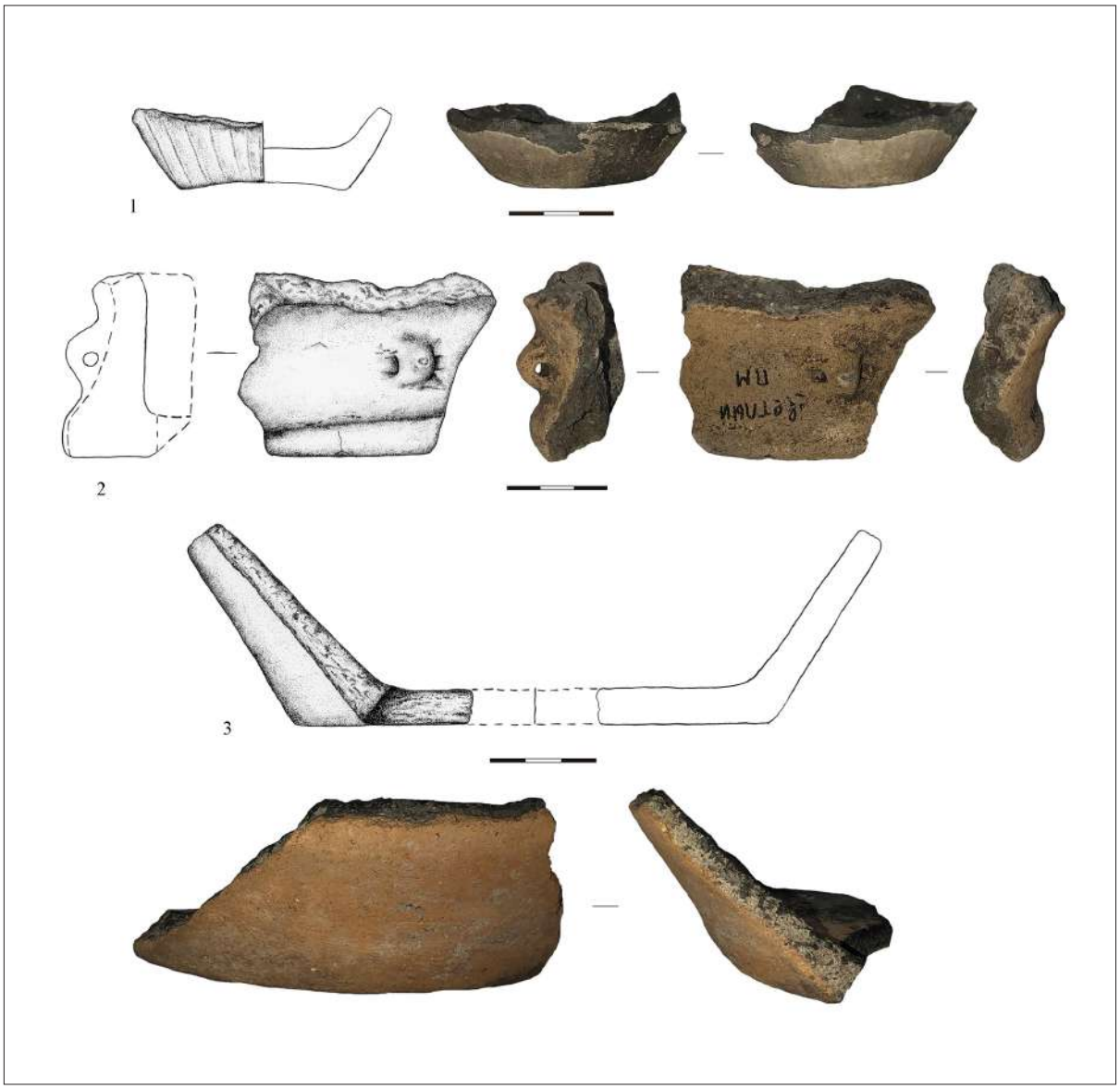


Fig. 4. Svetlîi II, forme ceramice.

spre r. Ialpug, formând o vale numită *Cunduc* (fig. 3/1-3). Punctul nou identificat este amplasat la marginea de nord-est a arealului de răspândire a comunităţilor eneolitice timpurii gumelniţene (fig. 3/4). Materialul arheologic identificat este caracteristic comunităţilor gumelniţene de tip Bolgrad-Aldeni.

Ceramica

Fragmentele şi formele identificate sunt specifice şi caracteristice grupului Bolgrad-Aldeni din zonă (Пассек, Черныш 1965, 10-16; Бейлекчи 1978; Субботин 1983; Манзура, Сорокин 1990, 84-91; Скакун, Стеганцева 1994; Mistreanu 2013). Cioburile provin de la vase din pastă fină, semifină şi grosieră. Recipientele sunt arse atât oxidant, cât şi reducător. Pentru pasta fină şi semifină a fost folosit ca degresant nisipul, iar în cea grosieră se observă şi cioburi pisate/şamotă, chiar şi pietricele, la o analiză vizuală, am putut identifica şi urme care, presupunem, ar fi de pleavă. Palierul cromatic variază atât pe interior cât şi în exterior de la cărămiziu până la cenuşiu închis, chiar negru, fapt ce ţine de tipul de ardere. Gradul de fragmentare a recipientelor ceramice nu ne permite să identificăm multe forme, cu toate acestea, se evidenţiază:

Cupă (fig. 4/1), păstrată sub forma fundului vasului, realizată din pastă de lut bine frământată, în amestec cu cioburi pisate mărunt şi mici bucăţi de calcar. Culoarea este gri-negrie în interior şi

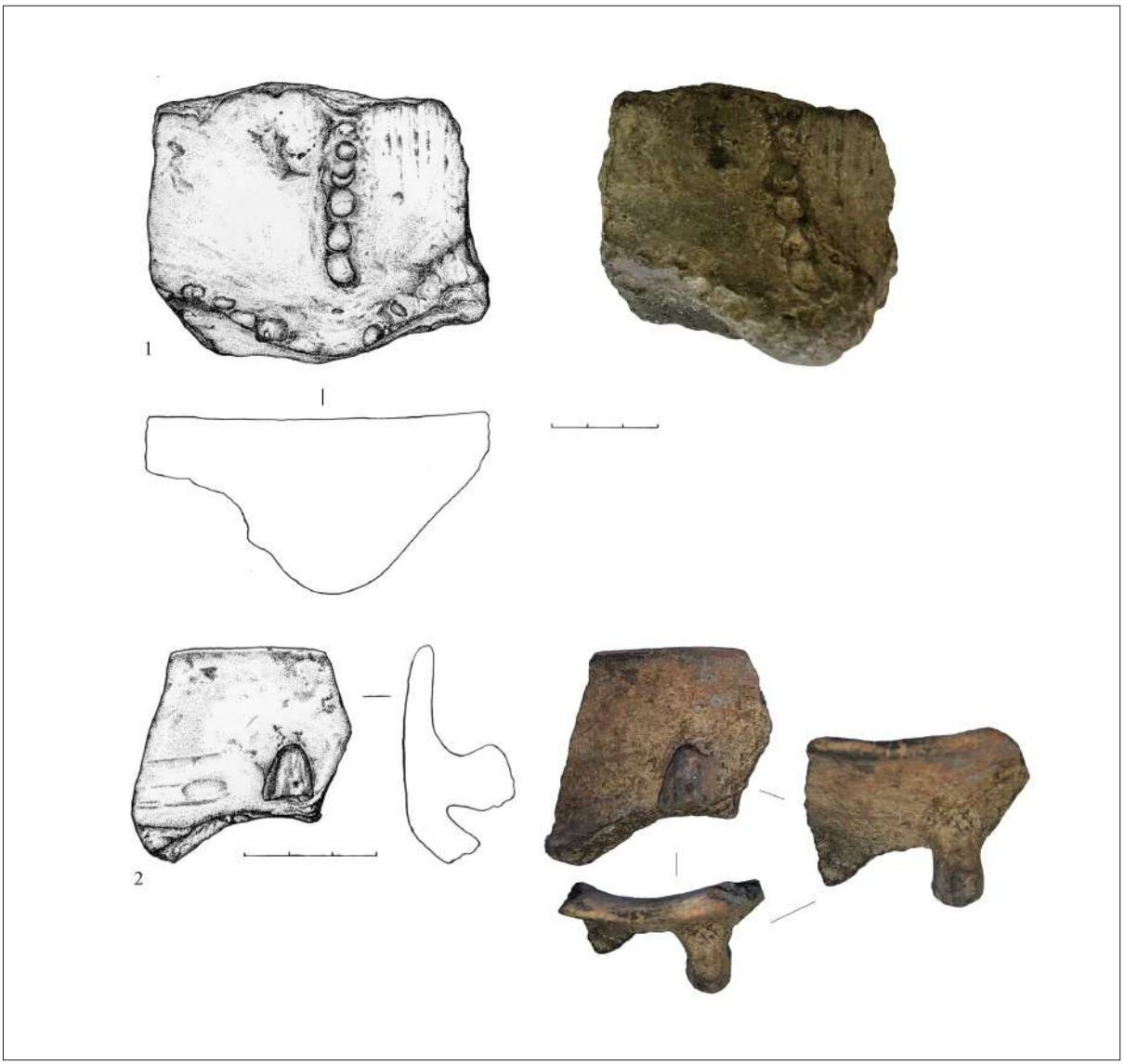


Fig. 5. Svetlîi II, forme ceramice.

ruptură, cenuşie – la suprafaţă. Fundul este concav, pereţii sunt ornamentaţi cu caneluri dispuse vertical – ornament întâlnit des la vasele de acest gen, având exemple la Vulcăneşti II (Бейлекчи 1978, 39, рис. 23/1, 2), Lopăţica (Бейлекчи 1978, 83, рис. 71/2), Dodeşti (Dragomir 1983, 153, fig. 29/4, 5), Novonekrasovka I (Субботин 1983, 73, рис. 36/7).

Oală (fig. 4/2), s-a păstrat un fragment constând dintr-un fund drept, o tortiţă orizontală pe peretele gros, realizat din pastă grosieră, cu amestec de şamotă, neagră în ruptură şi în interior, aspru modelată pe interior, semifină la exterior, de culoare cafenie. Este un fragment de ceramică de bucătărie mai puţin răspândită în mediul gumelniţean.

Oală de tip cazan (fig. 4/3), confecţionată din pastă de lut grosieră, în amestec cu şamotă. Culoarea este neagră în ruptură şi, pe alocuri, în interiorul dat cu un strat subţire de angobă, suprafaţa este lustruită, cărămizie la exterior. Este o oală de bucătărie de formă tronconică, caracteristică ceramicii grosiere de tip Bolgrad-Aldeni din zonă, un exemplu este la Nagornoe II (Субботин 1983, 63, рис. 27/8).

Cazan/vas de provizii (fig. 5/1), s-a păstrat mânerul în formă de apucătoare, peretele gros, masiv! Realizat din pastă grosieră, în compoziţie cu şamotă şi pietricele. Culoarea neagră, suprafaţa interioară bine netezită, la suprafaţa exterioară este depus un strat de barbotină. Marginea mâne-

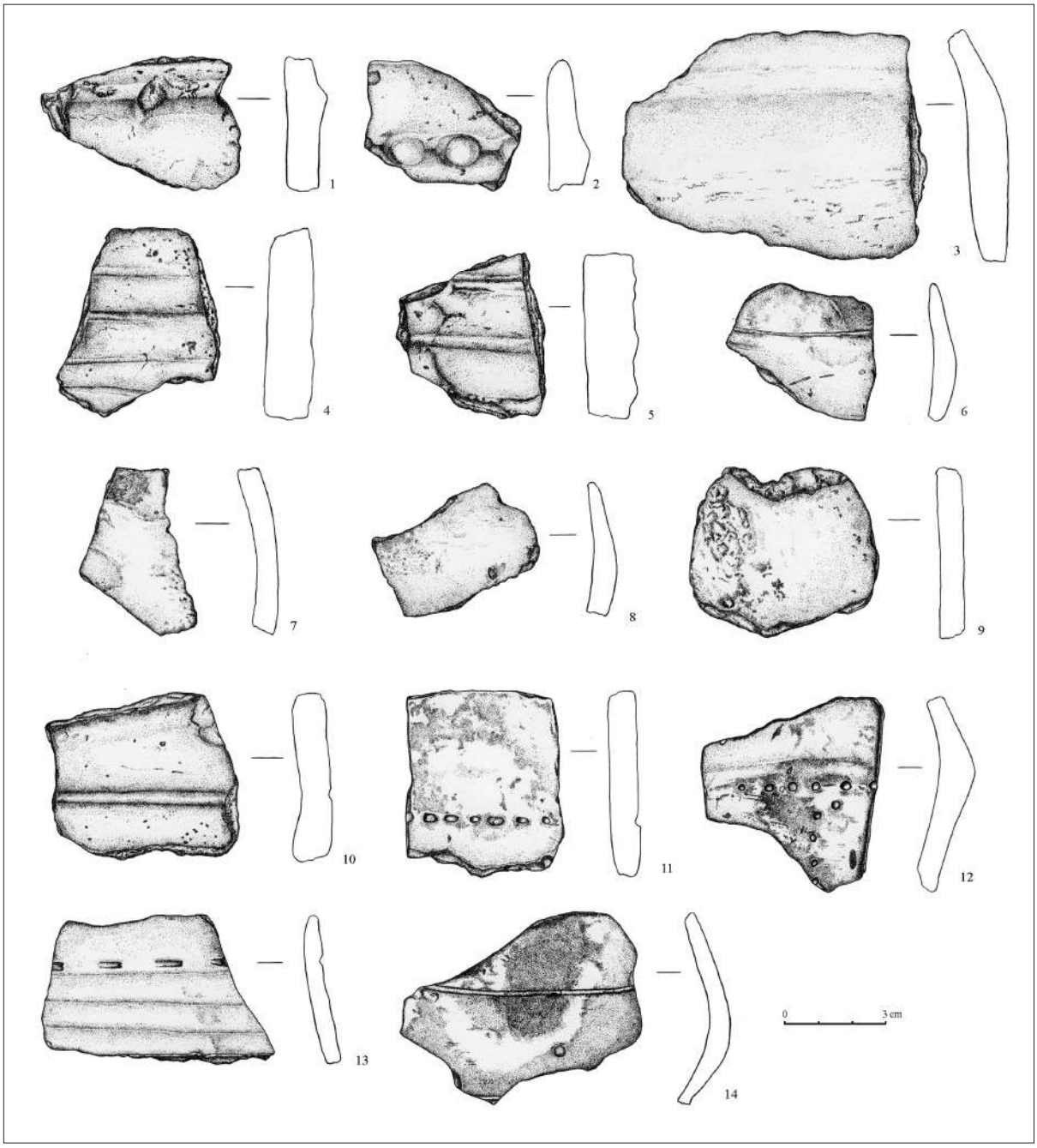


Fig. 6. Svetlîi II, fragmente ceramice, pereţi de vase.

rului e decorată cu un şir de alveole care continuă spre perete, un alt şir de alveole este dispus vertical, pe perete, până pe mâner. Este un fragment care, la fel, este caracteristic pentru gospodăriile gumelniţenilor, făcând parte din categoria ceramicii grosiere, poroase, de uz comun.

Cupă (fig. 5/2), reprezentată de o buză, având pe gât o proeminenţă cu caracteristici zoomorfe servind ca apucătoare, amplasată în partea de jos a gâtului. Realizată din pastă semifină, în amestec cu şamotă, are culoarea neagră în ruptură, ambele suprafeţe sunt cenuşii, cu un strat subţire de angobă.

Ceilalţi pereţi de vase provin de la recipiente din pastă fină şi grosieră, se evidenţiază fragmentele de la vasele de provizii de dimensiuni mari, cu suprafaţa poroasă, cu un strat de barbotină şi decorată cu linii şi brâuri alveolate, dispuse vertical, oblic, dar şi orizontal (fig. 6/1-4). Alte decoruri folosite, în special, pe fragmentele fine şi semifine

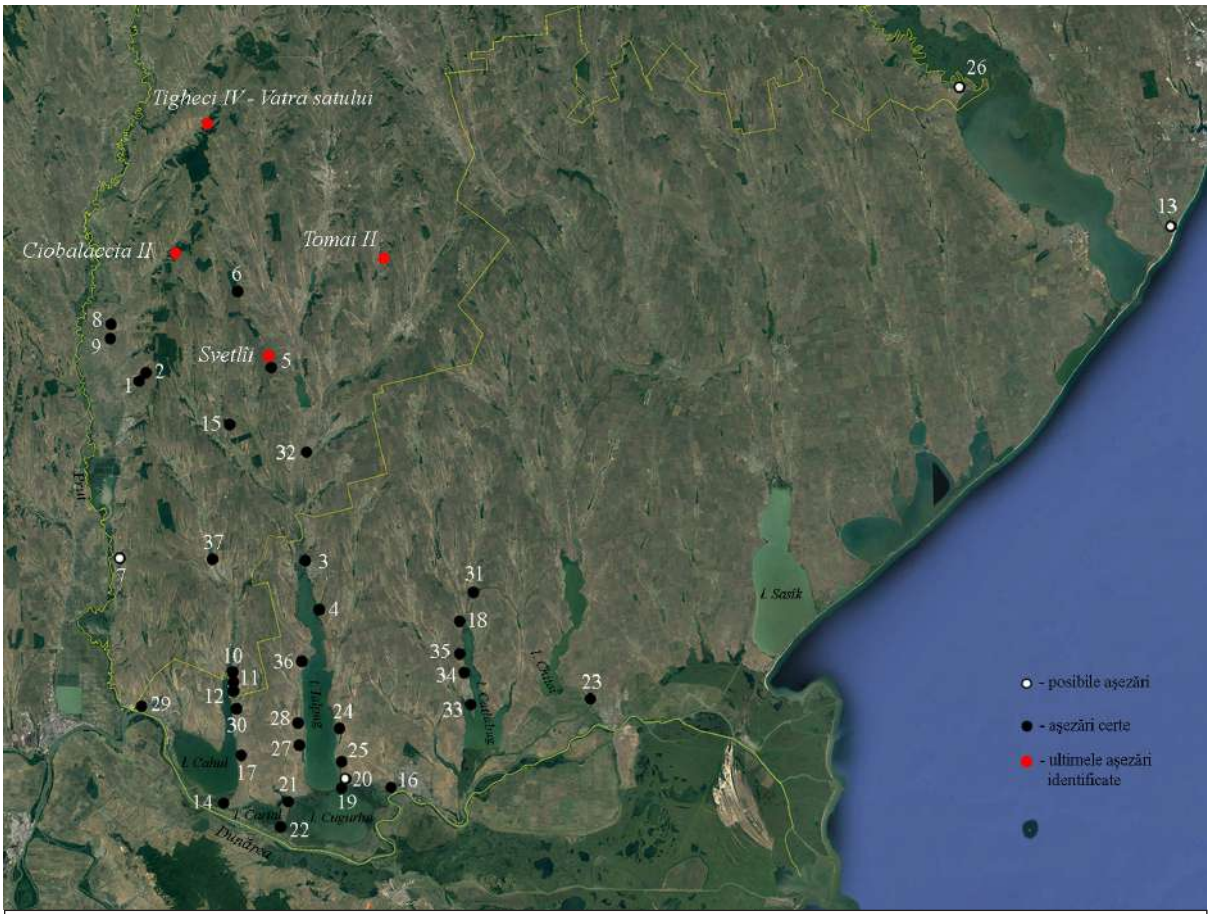
Fig. 7. Svetlîi II, unelte din piatră.

sunt canelura (fig. 6/4, 5, 13), incizia sub formă de linie continuă, dispusă orizontal (fig. 6/6, 14), un fragment de perete are, evident, o linie orizontală excizată (fig. 6/10), împunsăturile de formă triunghiulară, alungite şi circulare, sunt dispuse în linii continui orizontale (fig. 6/ 11-13).

Cum am menţionat mai sus, formele descrise sunt specifice eneoliticului, în general, şi aspectului cultural Bolgrad-Aldeni, în special. Analogii apropiate – atât după categorie, tip, cât şi ornament – se întâlnesc în tot arealul gumelniţean timpuriu (Dragomir 1970; Dragomir 1983, 51-92; Бейлекчи 1978, 95-117; Субботин 1983, 59-89). Analogiile de forme şi decor ale ceramicii sunt un indiciu pentru o datare timpurie a acestei aşezări.

Din categoria **unelte**[2] avem reprezentate:

[2] Se vor utiliza următoarele abrevieri pentru dimensiunile pieselor: Î – înălţime; L – lăţimea; Lmax – lăţimea maxima; Lmin – lăţimea minima; Lbaz – lăţimea bazei; Lt – lăţimea tăişului; Gr – grosimea.



1. Andruşul de Sus I, 2. Andruşul de Sus II, 3. Bolgrad, 4. Bolgrad II, 5. Cealîc, 6. Chioselia Mare I, 7. Colibaş I, 8. Cucoara I, 9. Cucoara II, 10. Etulia II, 11. Etulia V, 12. Etulia VI, 13. Gribivka IV, 14. Kartal (Orlovka I, Orlovka II), 15. Lopăţica I, 16. Matros'ka, 17. Nagirne II, 18. Novokam'janka IV, 19. Nova Nekrasivka I, 20. Nova Nekrasivka II, 21. Novosil's'ke I, 22. Novosil's'ke II, 23. Omarbija, 24. Ozerne, 25. Ozerne II, 26. Palanca, 27. Plavni I, 28. Plavni IV, 29. Reni, 30. Reniiskii II, 31. Suvorove VI, 32. Taraclia I, 33. Utkonosivka, 34. Utkonosivka I, 35. Utkonosivka II, 36. Vladicèn ' VIII, 37. Vulcăneşti II.

Fig. 8. Răspândirea aşezărilor gumelniţene de tip Bolgrad-Aldeni în spaţiul Prut-Nistru (după Mistreanu 2019, 102, fig. 1, cu completări).

Teslă (fig. 7/1), realizată din rocă dură, probabil, gresie, de culoare gălbuie. Forma este trapezoidală în plan, marginile sunt uşor arcuite, o suprafaţă este mai concavă, de pe cealaltă sunt desprinse mai multe aşchii până în zona tăişului. Ceafa este înclinată, cu urme evidente de uzură. Toată suprafaţa este bine şlefuită până la lustru, în special partea activă. Î – 60 mm; L_{baz} – 36 mm; L_t – 50 mm; Gr – 19 mm.

Percutor/frecător (fig. 7/2), fragment, confecţionat din rocă dură de culoare verzuie-cenuşie. Forma este ovală în plan, patrulateră în secţiune, cu marginile rotunjite. Lipseşte ceafa piesei, partea activă are urme intense de uzură în urma şlefuirii, formând câteva faţete. Î – 67 mm; L – 75 mm; Gr – 49 mm.

Percutor (fig. 7/3), fragment, confecţionat din rocă dură, diabaz, de culoare cenuşie-verzuie. Forma este ovală în plan, trapezoidală în secţiune. capătul activ este tocit, cu urme intense de utilizare. Î – 46 mm; L_{max} – 49 mm; L_{min} – 31 mm; Gr – 28/34 mm.

Lamă (fig. 7/4), desprinsă dintr-o unealtă din rocă dură, trecută prin ardere, suprafaţa exterioară este netedă, lustruită. Î – 33 mm; L – 54 mm; Gr – 5-7 mm.

Artefactele din piatră şlefuite prezentate nu sunt o noutate pentru lumea neo-eneolitcă, acestea fiind foarte răspândite atât geografic, cât şi cronologic, materialul litic a continuat mult timp să fie principala materie în confecţionarea uneltelor dure

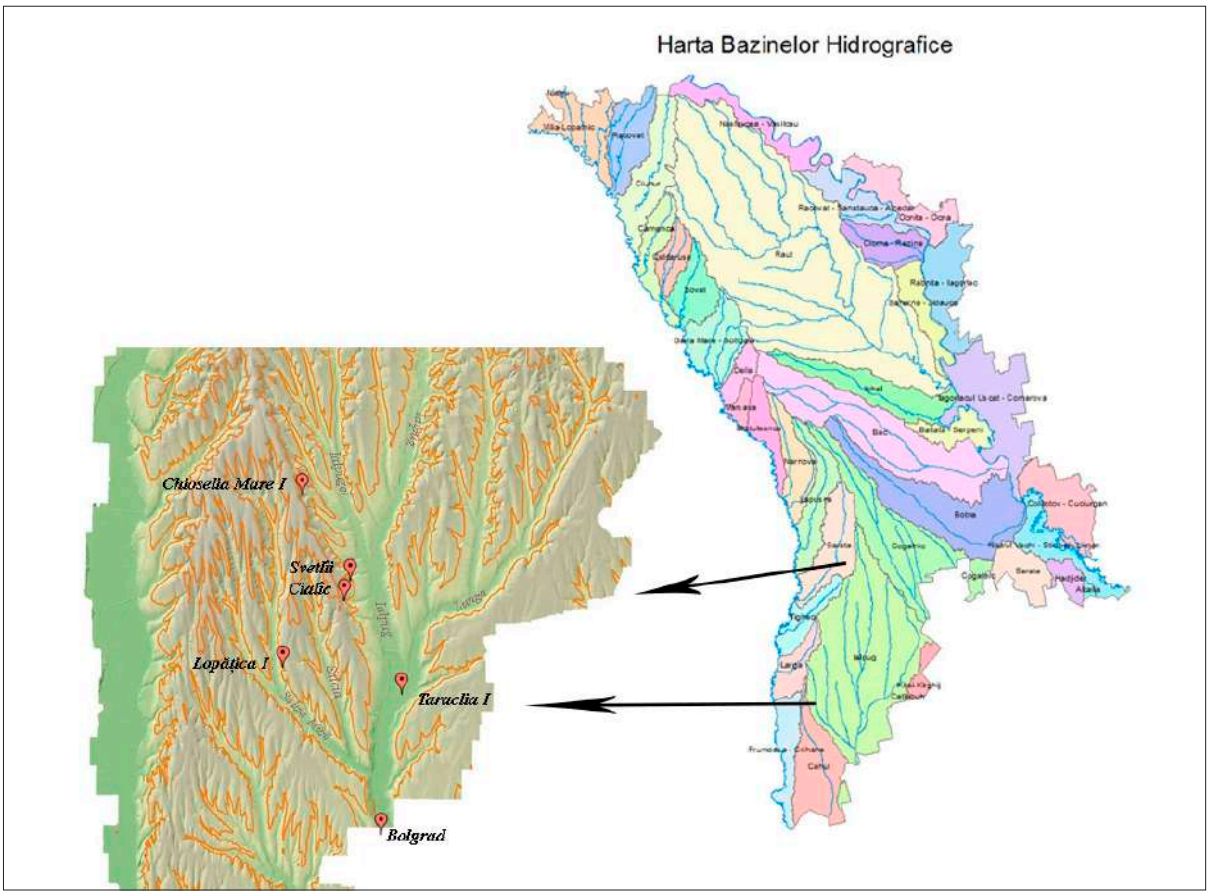


Fig. 9. Răspândirea aşezărilor gumelniţene de tip Bolgrad-Aldeni în bazinul râului Ialpug, observată pe harta relief[3] şi harta bazinelor hidrografice[4].

şlefuite la comunităţile gumelniţene locale, analogiile directe întâlnindu-se în toate aşezările cele mai apropiate (Бейлекчи 1978, 90-93; Субботин 1983, 41-50; Dragomir 1983, 42-47), precum şi în mediile culturale vecine (Marinescu-Bîlcu 1974, 41-42, 45, 48-49; Comşa 1987, 91-92).

Concluzii

Acest set de materiale este foarte valoros, deoarece vine să confirme o ipoteză de lucru despre forţa şi/sau continuitatea locuirii – la mijlocul mil. V a. Chr. – a unor populaţii străine acestor meleaguri. Chiar dacă nu avem o confirmare recentă despre existenţa aşezării, amplasarea ei în această zonă este foarte probabilă, de aceea conchidem că urmele de locuire eneolitică se înmulţesc în microzona de centru a râului Ialpug (Mistreanu 2019), iar acest nou punct arheologic, practic, face joncţiunea între aşezările de la Taraclia I, Cialîc şi Chioselia Mare I (fig. 8). Materialul recuperat, fiind foarte bogat, ne permite să observăm intensitatea locuirii gumelniţene timpurii de-a lungul râului Ialpug (fig. 9). Dinamica descoperirilor în bazinul Ialpugului este în creştere, afirmaţie care, suntem siguri, va fi susţinută pe viitor de alte materiale arheologice eneolitice timpurii, identificate atât în câmp, cât şi în muzeele locale din zonă.

Avem speranţa că informaţia scoasă la lumină va contribui cât mai curând la identificarea urmelor aşezării preistorice în teren[5]. Aşezarea de lângă Svetlîi poate fi denumită Svetlîi II, întrucât, conform Registrului Arheologic Naţional[6], pe moşia localităţii Svetlîi este cunoscută o singură aşezare,

[3] http://www.geoportal.md/ro/default/map#lat=72660.552162&lon=207657.376885&zoom=2&layers=_base5)

[4] http://www.apelemoldovei.gov.md/pageview.php?l=ro&idc=134

[5] Menţionăm că o tentativă de identificare a sitului a avut loc în primăvara anului 2023, în timpul scrierii acestor rânduri, care s-au soldat cu eşec, în primul rând, pentru că în zona pretinsă a fi aşezarea era plantat grâu şi mazăre, care au îngreunat identificarea unor urme arheologice.

[6] http://www.geoportal.md/ro/default/map#lat=98361.276534&lon=212554.522333&zoom=5&layers=319,_base1,_base19 (accesat la 2.03.2023).

Svetlîi I, datată cu epoca romană târzie, sec. II-IV p. Chr. aparţinând culturii Sântana de Mureş-Cerneahov. Această apariţie vine în continuarea altor descoperiri de materiale arheologice şi informaţii despre alte puncte arheologice, identificate în fondurile MNIM (Mistreanu 2021a; Mistreanu 2021b). Amplasarea ei în acest punct susţine, practic, un model de amplasare similar cu aşezările de la Cialîc, Chioselia Mare I, Lopăţica, Cucoara I, Vulcăneşti II pe cursurile unor râuri şi pâraie în imediata apropiere de izvoare, în văile laterale, amplasate pe o înălţime medie, în panta unei văi, ceea ce este caracteristic populaţiilor eneolitice timpurii.

Bibliografie

Comşa 1987: E. Comşa, Neoliticul pe teritoriul României. Consideraţii (Bucureşti 1987).

Dragomir 1970: I.T. Dragomir, Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. Consideraţii asupra ceramicii. Danubius IV, 1970, 25-92.

Dragomir 1983: I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud-estul României. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni (Bucuresti 1983).

Marinescu-Bîlcu 1974: S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (Bucureşti 1974).

Mistreanu 2013: E. Mistreanu, O nouă aşezare a culturii Gumelniţa de la Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 145-156.

Mistreanu 2019: E. Mistreanu, Aşezările culturii Gumelniţa în spaţiul pruto-nistrean (catalog). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 99-120.

Mistreanu 2021a: E. Mistreanu, Un lot ceramic gumelniţean, descoperit în localitatea Ciobalaccia, raionul Cantemir. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 95-104.

Mistreanu 2021b: E. Mistreanu, Între cercetarea istorică de arhivă şi arheologie (despre o posibilă aşezare gumelniţeană la Tomai, UTAG, Republica Moldova). In: (Ed. A. Zanoci) Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală şi Arheologie (4 iunie 2021). Program, rezumatele comunicărilor (Chişinău: CEP USM 2021), 14-15.

Mistreanu 2022: E. Mistreanu, Despre lotul de ,,pâinici" de lut descoperite la Cucoara I (din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei). Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 137-151.

Sîrbu 2022: M. Sîrbu, Completări privind lotul artefactelor din piatră descoperit în incinta primei aşezări de tip Noua, cercetate pe teritoriul Republicii Moldova. Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 153-169.

Zanoci, Mateevici 2017: A. Zanoci, N. Mateevici, Colecţia de ceramică de la Butuceni din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 183-199.

Бейлекчи 1978: В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная: (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).

Манзура, Сорокин 1990: И.В. Манзура В.Я. Сорокин, Гумельницкое поселение у пгт Тараклия. Археологичесие исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 78-93.

Пассек, Черныш 1965: Т.С. Пассек, Е.К Черныш, Открытие культуры Гумельница в СССР. КСИА 100, 1965, 6-18.

Скакун, Стеганцева 1994: Н.Н. Скакун, В.Я. Стеганцева, Энеолитическая керамика поселения Нагорное II (из раскопок 1987 г.). В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.) (Тирасполь 1994), 23.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).

Топал 2020: Д. Топал, Бронзовые котлы скифского периода из коллекции Национального музея истории Молдовы. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 141-161.

New data on Gumelniţa communities in the Yalpug River microzone

Keywords: settlement, Eneolithic, pottery, stone tools, Gumelniţa, Bolgrad-Aldeni.

Abstract: The article is a detailed account of the communication held at the NMHM conference on October 27-28, 2022. It focuses on "archaeological investigations" in the archeology depository of the National Museum of History of Moldova, which continues to surprise us. In our contribution, we present and analyze a wide variety of ceramic fragments: rims, bottoms, walls belonging to the category of fine, semi-fine and rough ceramics with various decorations, as well as four stone tools: 2 axes, 1 adze and a fragment of a polished tool. The revealed archaeological finds are typical for communities of the Gumelniţa culture of the Bolgrad-Aldeni type. The recovered material is very rich, which makes it possible to trace the intensity of the habitation of the early Gumelniţa culture bearers

along the Yalpug River and in its basin. We hope that the discovered information will contribute to the identification of traces of a prehistoric settlement in the course of field research.

List of illustrations:

Fig. 1. 1, 2 - The box in which the artifacts were found; 3, 4 - a note with a schematic plan of the location of the discovery of archaeological material.

Fig. 2. The area indicated on the 1983 topographic map, where, as we assume, the archaeological material was collected.

Fig. 3. Area of discovery of archaeological material: 1 - topographic map 2013; 2 - aerial photograph (orthophoto 2016, www.geoportal.md); 3 - satellite image (Google Earth 2021); 4 - the location of the new archaeological point on the general map of the spread of the settlements Bolgrad-Aldeni / Gumelniţa A1 and Precucuteni-Tripolie A.

Fig. 4. Svetlîi II, ceramic forms.

Fig. 5. Svetlîi II, ceramic forms.

Fig. 6. Svetlîi II, ceramic fragments, walls of vessels.

Fig. 7. Svetlîi II, stone tools.

Fig. 8. The spread of Gumelniţa settlements of the Bolgrad Aldeni type in the Prut-Dniester area (according to Mistreanu 2019, 102, fig. 1), with additions.

Fig. 9. The spread of Gumelniţa settlements of the Bolgrad Aldeni type in the Yalpug River basin, observed on the relief map.

Новые данные о гумельницких сообществах микрозоны реки Ялпуг

Ключевые слова: поселение, энеолит, керамика, каменные орудия, Гумельница, Болград-Алдень.

Резюме: Статья представляет собой подробный отчет о докладе, состоявшемся на конференции НМИМ 27-28 октября 2022 г. Он посвящен «археологическим исследованиям» в археологическом хранилище Национального музея истории Молдовы, которые продолжают нас удивлять. В данной работе мы представляем и анализируем множество самых разнообразных фрагментов керамики: венчики, днища, стенки, относящиеся к категории тонкой, полутонкой и грубой керамики, с разнообразным декором, а также четыре каменных орудия: 2 топора, 1 тесло и фрагмент шлифованного орудия. Выявленные археологические находки характерны для общин культуры Гумельница типа Болград-Алдень. Выявленный материал очень богат, что позволяет проследить интенсивность обитания представителей ранней Гумельницы вдоль реки Ялпуг и в ее бассейне. Мы надеемся, что обнаруженная информация будет способствовать скорейшему выявлению следов доисторического поселения в ходе полевых исследований.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1, 2 - Коробка, в которой были обнаружены артефакты; 3, 4 - записка со схематичным планом места обнаружения археологического материала.

Рис. 2. Район, обозначенный на топографической карте 1983 г., где, как мы предполагаем, был собран археологический материал.

Рис. 3. Район обнаружения археологического материала: 1 - топографическая карта 2013 г.; 2 - аэрофотоснимок (ортофото 2016 г., www.geoportal.md); 3 - космический снимок (Google Earth 2021); 4 - расположение новой археологической точки на общей карте распространения поселений Болград-Алдень/ Гумельница А1 и Прекукутень-Триполье А.

Рис. 4. Светлый II, керамические формы.

Рис. 5. Светлый II, керамические формы.

Рис. 6. Светлый II, фрагменты керамики, стенки сосудов.

Рис. 7. Светлый II, каменные орудия.

Рис. 8. Распространение поселений культуры Гумельница типа Болград-Алдень в Прутско-Днестровском междуречье (по Mistreanu 2019, 102, fig. 1), с дополнениями.

Рис. 9. Распространение поселений культуры Гумельница типа Болград-Алдень в бассейне реки Ялпуг на карте рельефа.

20.06.2023

Eugen Mistreanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2307-2010, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

БУДЖАКСКАЯ КУЛЬТУРА КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Светлана Иванова

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, буджакская культура, хронология, стратиграфия, социальная стратификация.

Постановка проблемы

Внимание многих исследователей бронзового века привлекают вопросы миграции различных групп степного населения на запад, в частности, распространение в западном направлении ямной культуры. Рассматривается ее роль в формировании центральноевропейских культур бронзового века, прежде всего, культуры шнуровой керамики (КШК). Эти темы стали особенно популярны в свете генетических исследований последних лет (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015; Mathieson et al. 2015), возродивших теорию Гордона Чайльда и Марии Гимбутас[1] (Childe 1926; Gimbutas 1956). Роль исходной территории, откуда началось «завоевание Европы», традиционно отведена Волго-Уральскому ареалу, что неудивительно: почти все пробы из захоронений ямной культуры для проведения генетических анализов в рамках данного проекта археологов и генетиков были взяты из этого региона (т.н. «самарские ямники»). Впрочем, теория «ямного нашествия» давно подвергалась сомнению (напр.: Титов 1982), не подтверждается она и сейчас, учитывая отсутствие археологических следов антагонизма между местным и пришлым населением, а главное – отсутствие археологических маркеров «пути из Самары в Европу». Приуральская группа памятников ямной культурно-исторической общности (КИО), несмотря на многолетние исследования, насчитывает всего 162 погребения, происходящие из 152 курганов (Моргунова 2014, 36), что несопоставимо с тысячами захоронений на других территориях. К тому же данные радиоуглеродных исследований указывают на одновременность памятников восточной и западной частей ее ареала (Черных 2004, Frînculeasa 2021, 152). Удревнение ямных памятников Волго-Уральского региона в какой-то степени искусственно, за счет включения в нее репинской культуры, которую некоторые исследователи датировали в достаточно раннем хронологическом диапазоне. Однако новые исследования указывают на существование репинской культуры в интервале XXXIV-XXIX cal. BC (Кузнецов 2013, 13-14). Сумма вероятностей дат, полученных по костям трех лошадей с поселения Репин хутор, указывает на общий наиболее достоверный интервал в пределах 2890-2560 гг. до н.э. (66,3% вероятности) или 3350-2450 гг. до н.э. (95,4%).

Вскоре после выхода программных статей генетиков и археологов, их выводы были проанализированы и вполне обоснованно подвергнуты развернутой критике (Клейн 2017 и др.). Со временем изменялась и уточнялась источниковедческая база генетиков, и сторонники «ямного нашествия» отказались от данной концепции, признав горизонтальное генетическое родство населения, возникшее еще в доямное время. Люди ямной культуры являлись не предками, а родственниками («кузенами») людей КШК (Heyd 2022), взаимоотношения между востоком и западом в энеолите и бронзовом веке носили двусторонний, а не однонаправленный характер (Heyd 2023). Таким образом, противоречия между генетикой и археологией благополучно разрешились, и теория «ямного нашествия на запад» заняла свое место в разделе историографии.

Продвижение степного населения в западном направлении (начавшееся в энеолите) было не завоеванием новых территорий, разруше-

[1] В рамки этой теории вписалась и концепция Н.Я. Мерперта, согласно которой ямная культура зародилась в Волго-Уральском регионе, а затем продвинулась на запад, образовав ямную культурно-историческую область/общность (Мерперт 1974, 134).

нием земледельческих цивилизаций Европы и покорением народов, а торговой колонизацией, с постепенным построением торгово-обменных отношений и сетей, охвативших значительные территории. Результатом этого процесса было не только изменение культурного контекста Балкано-Карпатского ареала, связанного с притоком населения из Причерноморской степи, но и формирование особой буджакской культуры, входящей в состав ямной культурно-исторической общности. Эта культура была «связующим звеном» между ямной КИО и локальным населением Европы, а территория Северо-Западного Причерноморья – своеобразным мостом между Востоком и Западом (Manzura 1993). На мой взгляд, именно Северо-Западное Причерноморье является той территорией, откуда шло продвижение населения из ареала ямной КИО в Юго-Восточную и Центральную Европу, и это подтверждается археологическими данными. «Дунайский путь» давно известен и относительно хорошо изучен (Wlodarczak 2010, и др.). Кроме него, возможны продвижения на запад через Трансильванию, вдоль рек Сомеш и Муреш, и по Днестро-Прутскому направлению на северо-запад (Іванова, Войтович 2021, 58).

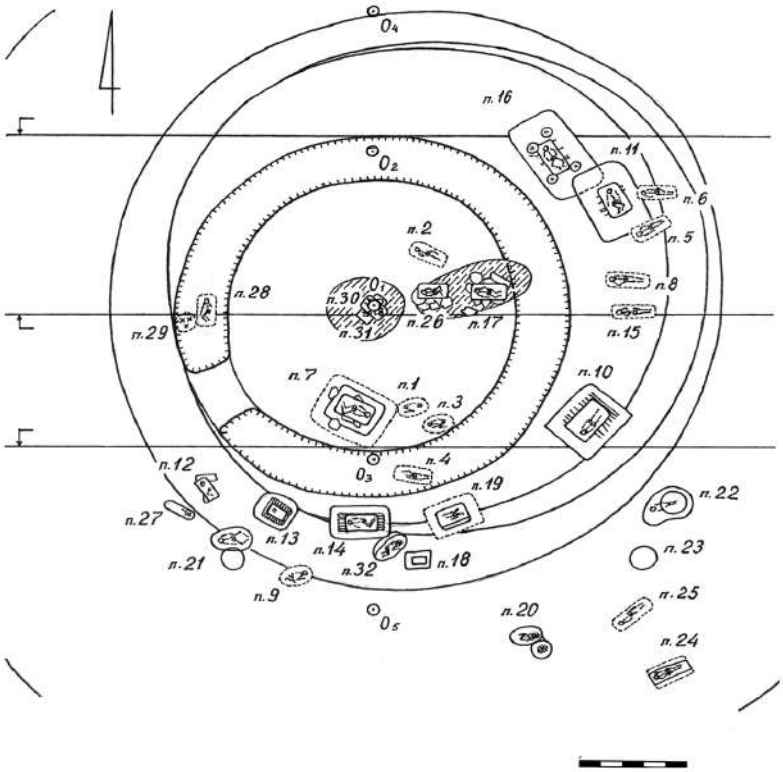
При рассмотрении буджакской культуры возникают вопросы, связанные с её интерпретацией в некоторых исследованиях, на которые я постараюсь ответить в этой работе:

1. Статус буджакской культуры;
2. Хронологический и социальный аспекты, выраженные в погребальном обряде;
3. Критический анализ некоторых постулатов.

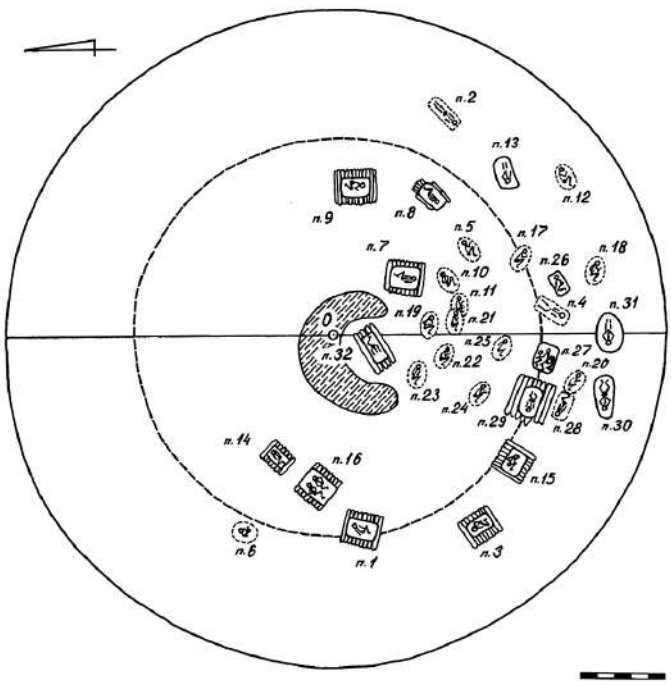
Проблема выделения буджакской культуры

При аналитическом подходе к рассмотрению археологических памятников в качестве основных таксономических единиц обычно применяются термины «археологическая культура» (АК) и культурно-историческая общность (КИО). Культурно-историческую общность определяют как группу родственных культурных групп (чаще всего культурных вариантов, культур), объединенных значительной территорией, родственной материальной культурой, хозяйственным укладом и социальным строем, а также общими путями развития (Формозов 1959). Археологическую культуру чаще всего понимают как общность материальных памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории (Монгайт 1967, 55). Это определение актуально и сегодня, причем не только на постсоветском пространстве. «Археологические культуры возникли из необходимости соединить вместе различные элементы археологической летописи… Определение понятия «культура» является важным шагом в проведении археологических исследований. Любое тщательное изучение конкретной культуры сначала должно определить, что содержит эта культура, какой конкретный временной период, географический регион и группа людей составляют эту культуру» (Roberts, Linden 2011, 3-5).

Николай Мерперт выделил группу подкурганных захоронений Северо-Западного Причерноморья в особый культурный вариант ямной КИО (Мерперт 1974). Позже Лев Клейн отнес их к отдельной культуре, дав ей название «нерушайская» (Клейн 1975); Иван Черняков переименовал ее в «позднеямную буджакскую» (Черняков 1979). Другие исследователи также предлагали свои названия, но термин, введенный И. Черняковым, в его различных проявлениях, оказался наиболее употребительным. Аллюзии названия археологической культуры с конкретной территорией (Буджакская степь), конечно, могут возникнуть, но ни одна археологическая культура не ограничивается территорией своего эпонима: трипольская или усатовская культуры занимают гораздо бо̀льшие территории, чем окрестности сел, где были найдены первые памятники. Соответственно, и буджакская культура занимает всю территорию Северо-Западного Причерноморья (т.е. степную зону между Южным Бугом, Прутом и Дунаем), а не лишь Буджакскую степь. На севере некоторые памятники, связанные с этой культурой, известны уже в другом географическом регионе – Подольской возвышенности. Наиболее ярким из них является погребение с повозкой и серебряными спиральными подвесками у с. Писаревка Винницкой области, а основной массив памятников связан с многолетней работой польско-украинской экспедиции вблизи г. Ямпиль (Kośko, Potupczyk, Razumow 2014).



1



2

Рис. 1. Планиграфия курганов Буджакской культуры: 1 - Новоселица, к. 19; 2 - Оланешты, к. 1 (по: 1 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 2 - Яровой 1990).

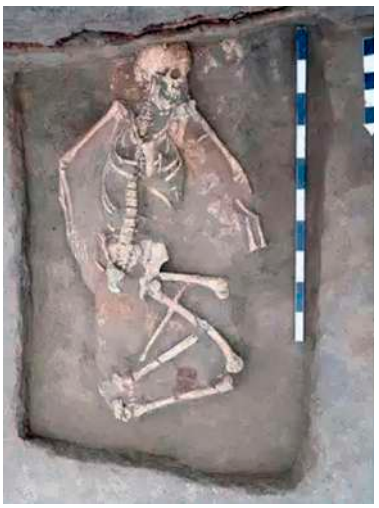
1

2

3

4

5



6

7

8

Рис. 2. Захоронения Буджакской культуры с разными позами погребенных: 1 - Молога 2/14; 2 - Жюржюлешть 9/2; 3 - Картал, раскоп IV, п. 162; 4 - Картал, раскоп VI, п. 532; 5 - Брынзений Ной 1/4; 6 - Чимишлия 6/9; 7 - Молога 2/39; 8 - Крихана Веке 9/6 (по: 1, 7 – Малюкевич, Агульников, Попович 2017; 2 - Ciobanu et al. 2019; 3, 4 - Бруяко, Агульников 2017; 5, 8 - Ciobanu, Agulnicov 2016; 6 - Popovici, Bubulici 2019).

Некоторые археологи не согласны со статусом буджакской культуры в контексте ямной КИО, они определяют ее как «культурный вариант» или «культурная группа» (Яровой 1985; Дергачев 1986; Дергачев 2021; Субботин 2000). Однако Лев Клейн, известный археолог, историк, теоретик археологической науки, всесторонне проанализировал гносеологический аспект понятия «археологическая культура», посвятив этому явлению часть своей монографии (Клейн 1991). И до конца жизни он не изменил своей точки зрения на статус данного социума как отдельной археологической культуры (Клейн 2016 и др.).

Буджакская культура в целом соответствует основным критериям, позволяющим определить ее как археологическую культуру. Территория распространения буджакской культуры – Северо-Западное Причерноморье – является особым регионом с географической точки зрения, а материальная культура характеризуется общими чертами, отличающими ее от иных регионов ямной КИО. Специфика буджакской культуры проявилась уже на этапе ее формирования, что позволяет синхронизировать ее с ямной КИО в целом: 3200/3100-2200/2100 гг. до н.э., а не только с позднеямным периодом (Иванова 2021, 67-68, табл. 2.1; 2.2). Всесторонний анализ ямной керамики показал выраженные отличия в разных регионах, особенно отмечая регион Северо-Западного Причерноморья (Мочалов 2008, 35-36; Мочалов 2009, 80). Таким образом, сомневаться в существовании буджакской культуры нет оснований. Вероятно, именно погребальный обряд объединил разные группы населения с отличиями в керамическом комплексе и отчасти иными компонентами погребального инвентаря.

Краткая характеристика буджакской культуры

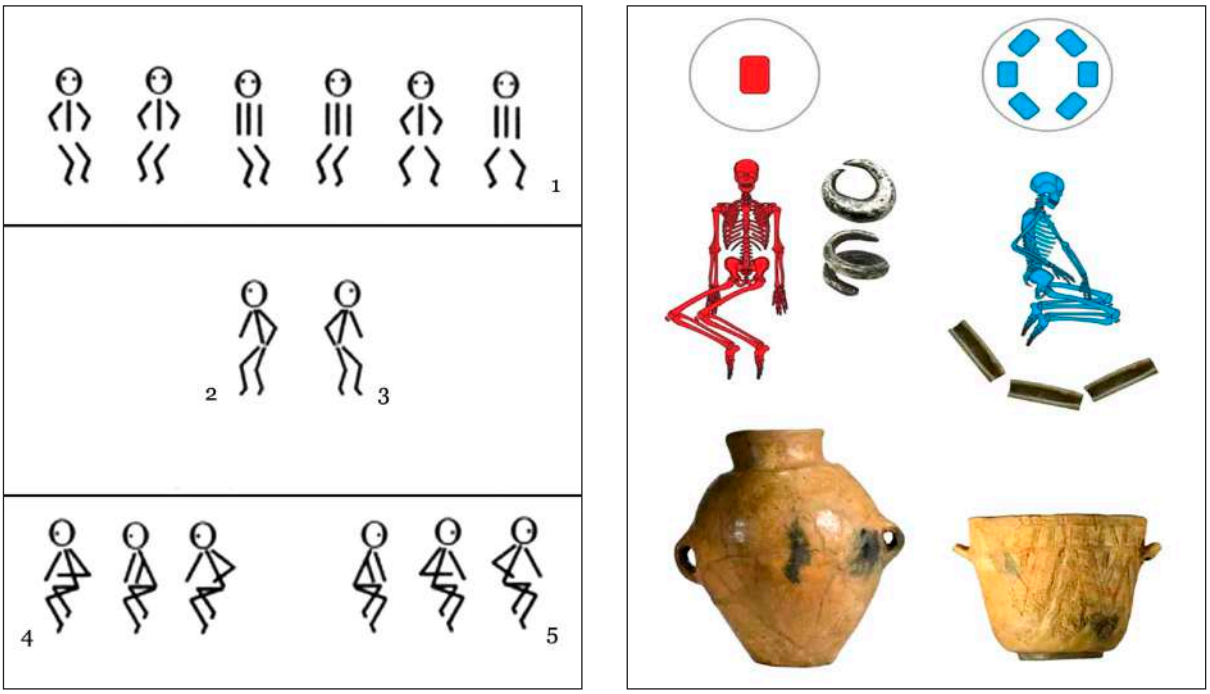
Буджакская культура известна по погребальным памятникам, поселения отсутствуют. Традиционно компоненты погребального обряда объединяют в три основные группы, связанные с многочисленными элементами: сооружение могилы, способ погребения и погребальный инвентарь. Рассмотрим в таком контексте захоронения буджакской культуры; это необходимо для освещения проблематики работы, но многочисленные публикации по данной теме предоставляют возможность не останавливаться на этом аспекте подробно.

Погребальное сооружение: курган и погребальная камера (рис. 1). Курганы часто имеют достаточно сложную стратиграфию: в насыпи, сооруженной над первичным (основным) погребением, в дальнейшем были совершены дополнительные (впускные) захоронения. Курганы больших размеров имеют несколько последующих насыпей или локальных досыпок, связанных с группой захоронений или с одним определенным комплексом. Захоронения в каждом курганном слое, если их достаточно много, располагаются по дугам или окружностям, и это может быть связано с представлениями древних людей о движении небесных тел (Дворянинов, Петренко, Рычков 1981). Среди элементов курганной архитектуры – рвы, кромлехи, крепиды. Погребальные камеры, чаще всего прямоугольные, представлены как простыми грунтовыми могилами, так и с уступами, последние составляют около 30%. Некоторые из могильных ям имеют перекрытие из бревен или каменных плит, иногда в составе каменного перекрытия встречаются антропоморфные стелы. Среди редких элементов погребального ритуала выделяются деревянные повозки или их части.

Способ захоронения: позы погребенного (рис. 2). Расположение умершего в могиле достаточно разнообразно. Одни исследователи, с учетом расположения рук, ног, головы умершего, наклона его тела, выделяют пять вариантов позы погребенного (рис. 3/1), внутри которых прослеживают дробную градацию из 50 подвариантов (Яровой 1985). Другие же рассматривают лишь три варианта (на спине, на правом боку на левом боку), или даже два – скорчено на спине и скорчено и на боку (рис. 3/2) (Дергачев 2021; Topal 2022).

Подход Евгения Ярового наиболее корректно обоснован, исследователь выделяет следующие варианты положения тела в могиле:

1. Скорчено на спине с согнутыми ногами (коленями вверх), руки вытянуты вдоль тела или слегка согнуты, кисти на бедрах, иногда ноги уложены ромбом (57,2%);
2. С наклоном вправо, левая рука согнута в локте, кисть у таза, живота или груди; правая рука вытянута вдоль тела (16,3%);



1 2

Рис. 3. Основные позы погребенных Буджакской культуры: 1 - корректная классификация (Яровой 1985); 2 - некорректная классификация (Topal 2022).

3. С наклоном влево, правая рука расположена у таза (13,1%);
4. На правом боку, с различным положением рук (7,3%);
5. На левом боку, с разным положением рук (6,1%).

Важно отметить, что четыре из этих вариантов объединяются в две группы с симметричными скелетами, образуя «бинарные оппозиции» (варианты 2-4 и 3-5); только первый вариант не имеет симметричного аналога. В буджакской культуре бинарные оппозиции не связаны с гендерными различиями, как это наблюдается в других культурах (например, КШК). В 138 погребениях буджакских мужчин, где определяется поза погребенного, 26 похоронены на правом боку и столько же на левом. В 66 буджакских женских захоронениях в 19 могилах они были похоронены на правом боку и в 18 могилах – на левом. Нет никакой зависимости между размещением погребенных на правом или левом боку и возрастом умерших (Иванова 2001, 214, табл. 7).

Отдельные категории погребального инвентаря (некоторые типы сосудов и других артефактов) более или менее четко коррелируют с определенными позами умерших, что позволило Е. Яровому выделить «ритуальные группы» (Яровой 1985, 95).

Погребальный инвентарь (рис. 4). Керамика (около 500 неповрежденных и восстановленных сосудов) составляет более 40% от общего числа находок, она имеет выраженные отличия от посуды других регионов. Часть сосудов имеет аналогии в керамике культур раннего бронзового века Центральной и Юго-Восточной Европы, на этот аспект обращали внимание многие исследователи. Основными типами сосудов являются горшки, амфоры («овоидные», «шнуровые» «типа КША»), амфоровидные сосуды (амфорки)[2], «буджакские банки», кубки и кубковидные сосуды, чаши, миски, аскосы. Реже встречались круглодонные сосуды, кувшины и некоторые другие типы сосудов.

Остальные категории инвентаря изготовлены из различных материалов и имеют различное назначение: орудия труда, оружие, украшения и т.д.

[2] Амфорами являются и крупные сосуды, и формы небольших размеров, но традиционно в классификациях их разделяют.

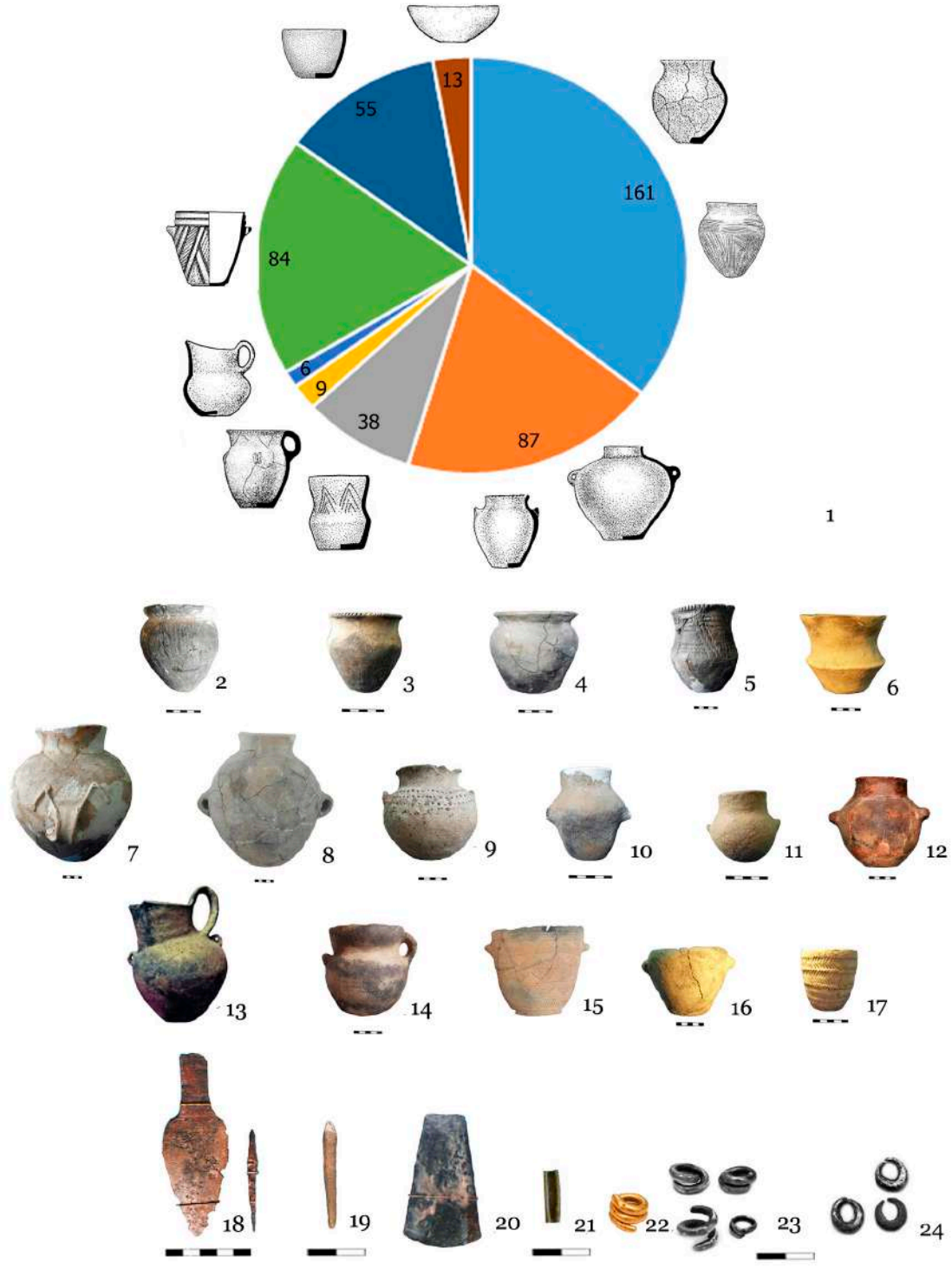


Рис. 4. Керамика и некоторые виды погребального инвентаря Буджакской культуры: 1 - основные типы керамики Буджакской культуры (в количественном соотношении); 2 - Дальник 1/3; 3 - Градешка I, 5/12; 4 - Семенивка 19/5; 5 - Баштанивка 7/12; 6 - Холмське 1/16; 7 - Градешка I, 5/11; 8 - Ефимивка 10/7; 9 - Ефимивка 2/14; 10 - Семенивка 19/5; 11 - Молога 2/3; 12 - Рогожень 1/1, 13 - Матроска, к. 1; 14 - Струмок 1/3; 15 - Семенивка 8/18; 16 - Плавни 15/5; 17 - Новоградковка 2/9; 18 - Фрикацей 4/12 (набор нож и шило); 19 - Катаржино 1/11 (ретушер-отжимник); 20 - Алкалия 35/6 (топор - тесло); 21 - Лиман 3А/30 (трубочка - пронизка); 22 - Тараклия II, 14/3 (золотая спиральная подвеска); 23 - Бадражий Векь 6/7, Жюржюлешть 2/9, Корпач 2/12 (серебряные спиральные подвески); 24 - Корпач 2/12, Рошкань 1 (серебряные подвески, тип Zimnicea) (по: 12 - Agulnicov, Mistreanu, Popovici 2014; 13 - Бруяко, Самойлова 2013; 17 - Balen 2005; 22 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 23, 24 - Никулицэ 2009), остальные фото керамики и артефактов С. Ивановой, фонды ОАМ).

Оружие:
– кремень: топоры, наконечники стрел, наконечники копий;
– камень: боевые топоры, топоры-молоты, булавы, болласы для пращи (?);
– кость: наконечники стрел;
– медь: ножи, кинжалы.

Орудия труда:
– кремень: ножи, резцы, проколки, скребки, серпы, пилки, сверла, долота;
– камень: растиральники, лощила, песты, зернотерки, инструменты для изготовления стрел;
– кость: мотыги, проколки, лощила;
– медь: плоские топоры, иглы, ножи.

Ритуальные артефакты:
– кость: трубки, астрагалы животных, амулеты, флейта из человеческой кости, булавки молоточковидные;
– дерево: расписные гадальные палочки, сосуды (?).
– камень: растиральники для охры, сделанные из половинок топоров.

Украшения:
– золото: спиральные кольца для волос;
– серебро: спиральные кольца для волос, кольца для волос типа Zimnicea, серьги, кольца-перстни, округлые бусины;
– медь/бронза: спиральные кольца для волос, кольца, трубчатые пронизи и обоймы (для браслетов, ожерелий, нашивок на одежду и головные уборы), цельные браслеты, округлые бляшки;
– свинец: кольцо
– кость: бусы;
– зубы животных: ожерелья и браслеты;
– раковины Unio: ожерелья;
– янтарь: бусы.

Среди металлических артефактов в количественном отношении преобладают украшения, но инструменты и оружие имеют намного больший вес металла, использованного при их изготовлении. Некоторые предметы могут быть многофункциональными, являясь оружием и инструментами. Сочетание в погребальном инвентаре украшений из разных металлов в одном погребении редкость. Можно отметить находки медной бляхи (Балабан 13/15) и свинцового кольца (Добро-александровка 1/5) в погребениях с серебряными подвесками. С золотыми спиралями были найдены медная пронизь-бусина (Глубокое 1/7), браслет из бронзовых обоймочек (Глиное, группа «Водовод», 15/7).

Дискуссия

Обрядовые группы и курганная стратиграфия

При рассмотрении основных компонентов и особенностей погребального обряда возникает вопрос: с чем связаны различия в позах погребенных ямной КИО – с изменением ее во времени или с другими факторами?

Действительно ли разное размещение погребений в курганном пространстве определяется исключительно хронологическим аспектом, в рамках раннего и позднего этапов ямной/буджакской культуры? Или оно отражает определенные фазы строительства кургана, которые подчиняются неким правилам, и место в кургане каждого умершего, его поза и инвентарь могут быть связаны с его положением (статусом, рангом) в социуме?

На слабость такого критерия, как поза умершего, при распределении памятников по хронологическим этапам обращал внимание Л. Клейн (1975, 302-303). По мнению Дмитрия Телегина, различное положение скелета следует объяснять исходя не только из хронологических признаков (Телегин 1977). Сергей Дворянинов первым пришел к выводу о том, что в Северо-Западном Причерноморье различие поз умерших в захоронениях буджакской культуры в рамках одного кургана может являться не хронологическим, а социальным фактором (Дворянинов, Дзиговский, Субботин 1985, 168). Другие исследователи позу «скорченное положение на спине» (1я обрядовая группа) считают характерным признаком раннего этапа, а «скорченное на боку» – позднего (Яровой 1985; Дергачев 1986; Николова 1992)[3]. Основным аргументом сторонников соотнесения позы погребенного с хронологическим аспектом является тот факт, что погребения со скорченным на боку положением скелета чаще всего являются впускными.

[3] Хотя эти же исследователи указывают и на наличие переменной стратиграфии в рамках одного кургана (Яровой 1985, 104; Николова, Черных 2012, 164), а также сохранение скорченного на спине положение скелета на «позднеямном» этапе (Яровой 1985, 108).

слои		
	9 11 14	3500-3120 BC
6	—	
5	—	
4	5	
3	8	
2	6	
1	10	

1

слои				
	11	13 (?) 14	28	2400-2130 BC
6	12	10	18 (?)	
5	16		19	2890-2680BC 2770-2510 BC 2880-2660 BC
4		7		2770-2510 BC
3		—		
2	30	17	26	
1		31		

2

слои					
	6	12	18	7 20	
4	42 36 37	27 (?) 50	17 43	4 49	2580-2300 BC 2200-1970 BC 2460-2040 BC
3			38		2890-2630 BC 2860-2500 BC
2			—		
1			19		

3

Рис. 5. Схемы стратиграфии в курганах Буджакской культуры и радиоуглеродная хронология: 1 - Маяки, курган 1; 2 - Новоселиця, курган 19; 3 - Вишневе, курган 17 (позы показаны схематично).

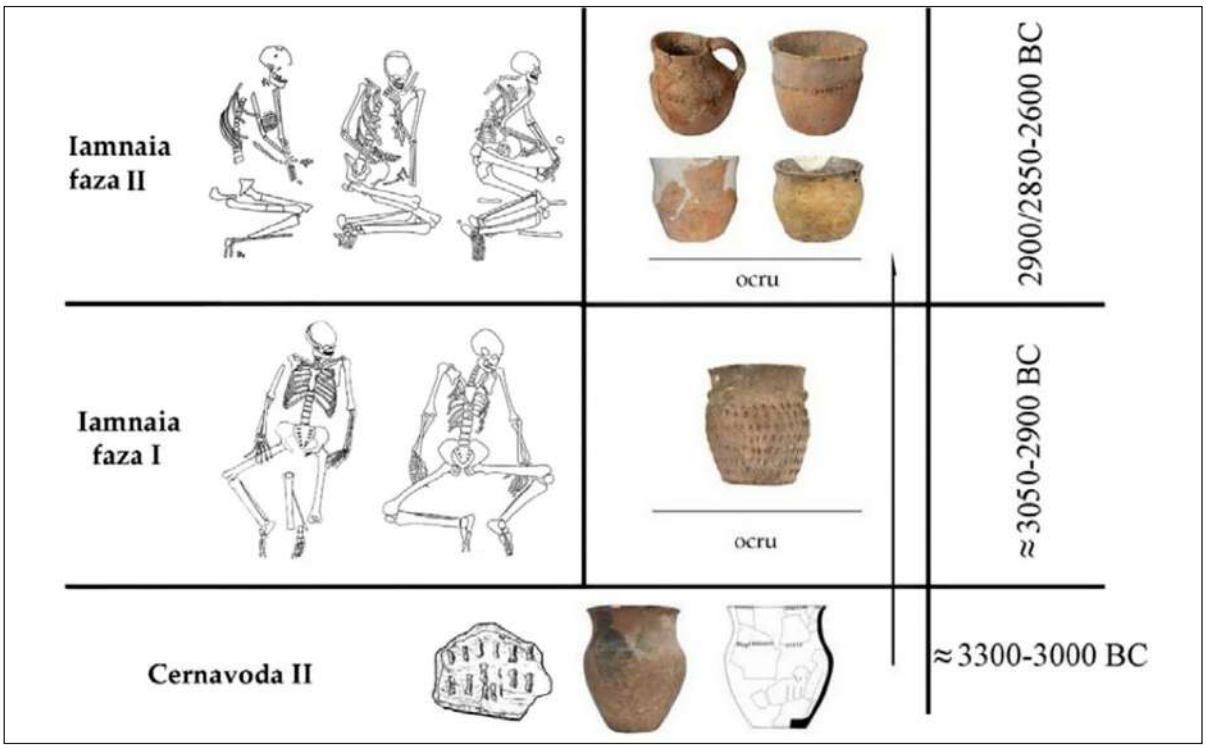


Рис. 6. Позы погребенных в ямной культуре на территории Румынии (по: Frînculeasa 2020).

Подобный подход не смог отразить такой важный аспект как планиграфия (Иванова 2021, 48-52). Нахождение погребений разных обрядовых групп в одном стратиграфическом горизонте кургана фиксировалось в процессе раскопок достаточно часто (напр.: рис. 5). Но авторы хронологических колонок учитывали лишь следование одного типа погребения за другим в контексте разных слоев кургана, игнорируя горизонтальную планиграфию, где погребенные в разных позах «вписаны» в единую дугу или окружность, часто с единым направлением ориентировок. Различные обрядовые группы одного и того же горизонта распределялись ими по разным графам, тем самым разрывая единый стратиграфический слой, что искажало реальную картину создания кургана и реальное соотношение обрядовых групп в хронологическом контексте.

Рассмотрение основных захоронений демонстрирует тот факт, что большинство их соотносится с 1-й обрядовой группой, где умершие скорчены на спине, и объяснение этому, на мой взгляд, лежит в социальной сфере (Иванова 2001, 148). Учет данных планиграфии при рассмотрении стратиграфических слоёв буджакских курганов демонстрирует совсем иную картину, указывая на одновременность различных позиций в рамках одного горизонта (Иванова 2021, 69-71, табл. 2.3). В 95% многослойных курганов имеются горизонты со смешанными обрядовыми традициями, лишь небольшое количество курганов демонстрирует нахождение в одном кургане только скорченных на боку впускных погребений при скорченных на спине основных (обычно в кургане с небольшим количеством погребений в целом).

Относительная одновременность и взаимосвязи всех обрядовых групп в буджакской культуре подтверждаются и другими наблюдениями:

1. Радиоуглеродные даты показывают, что на раннем этапе ямной культуры существуют погребения, в которых умершие лежат на боку (группы 2-5), а на позднем – на спине (группа 1) (Иванова 2021, 67-68, табл. 2.1). В памятниках ямной культуры Румынии скорченное на боку положение погребенного также фиксируется в начале III тыс. ВС (рис. 6).

2. Сочетание разных поз в парных и коллективных захоронениях (напр.: Балабан 3/5, 8/2, Нерушай 9/74, 9/9, Корпач 2/13, Семенивка 2/3, Сэрэтень 1/1, Молога 2/39 и др.).

3. Среди погребений 2-5 групп есть погребения с керамикой раннего этапа, например: Тараклия II, 14/16 с сосудом культуры Коцофень (рис. 7/5-7); Градешка I, 5/8 и Сэрэтень 3/14[4] (рис. 7/1,2) с сосудами типа Чернавода II; Трапивка 6/20[5] (рис. 7/3, 4), с кубком раннего этапа КШК, и др. Эти культуры не могут быть синхронизированы с поздним этапом буджакской/ямной культуры, т.е. со второй половиной III тыс. до н.э. В погребении Пороги 2/6 (5-я обрядовая группа), в Винницкой области, на границе Северо-Западного Причерноморья, была найдена амфора, которая по форме, орнаментации и технологии соответствует формам ранней фазы культуры шнуровой керамики (Harat, Potupczyk, Razumow 2014, 84-86; Wlodarczak 2014, 364). Есть и погребения 1-й обрядовой группы с поздним типом сосуда, например, Баштанивка 7/21 (рис. 7/8, 9).

4. «Буджакские банки», связанные с погребениями, где умерший скорчен на боку (и с наклоном набок), которые некоторые исследователи относят к позднему этапу, имеют прототипы в европейских культурах второй половины IV тыс. ВС (Костолац[6], Орля-Садовец), поэтому можно предположить их раннее появление в буджакской культуре (рис. 7/11, 14-16). Существуют и радиоуглеродные даты погребений с «буджакскими банками», относящиеся к первой половине III тыс. до н.э. (рис. 7/12, 13). Эти факты датируют раннее существование позы «скорчено на боку» и ставят под сомнение отнесение этой группы захоронений исключительно к позднему этапу.

5. Связь скорченных на спине погребений с поздним этапом подтверждается находками керамики, имеющей параллели в катакомбной культуре, которая появилась в Северо-Западном Причерноморье не ранее середины III тыс. ВС (Коваливка II, 4/22, Коваливка, IV 1/11), сохранением этой позы в погребениях буджакско-катакомбного облика (Дубинове 1/11, Тараклия I, 1/18). Небольшая группа захоронений демонстрирует комбинацию черт буджакской и бабинской культур (Брэвичень, курганы 4 и 16), и в них находились скорченные на спине скелеты.

6. Аналогичная ситуация фиксировалась и на других территориях ямной КИО. Так, в курганах близ г. Кропивницкого, погребения 1-й обрядовой группы датируются в диапазоне 26-22 вв. ВС (Bunjatjan, Kaiser, Nikolova 2006; Nikolova, Kaiser 2009). Разные обрядовые группы в одном курганном горизонте или погребении известны в Буго-Ингульском междуречье (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова 1977; Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986, 16-20), в Северном Прикаспии (Шишлина 2007, 67-68), в Южном Приуралье (Кузнецов 2008, 358). Погребальный обряд, характеризующийся положением умерших на правом боку, появился в Приуралье на раннем этапе А (3300-2900 ВС) и просуществовал до времени появления полтавкинской культуры (Моргунова 2014, 77, 191). Для ямно-катакомбных погребений Северо-Западного Прикаспия характерно скорченное на спине положение умершего в катакомбе (Шишлина 2007, 200)[7]. В этом же контексте можно отметить наличие скорченной на спине позы в поздних захоронениях ямной культуры Поднепровья, с керамикой эпишнурового облика (Бунятян 2007, 92-93).

7. Одновременность погребений с разными позами умерших фиксируется и в степном энеолите; на это указывают данные стратиграфии многослойных курганов (рис. 8). Находки украшений в виде медных пронизей-трубочек и обоймочек в буджакской культуре чаще всего встречаются в «поздних» погребениях, где умершие скорчены на боку. Но эти артефакты известны уже в энеолите (Rassamakin 2004), поэтому логичнее предположить их восприятие уже на раннем этапе буджакской культуры, чем предполагать хиатус длительностью в 500 лет. Серебряные височные кольца были известны населению усатовской культуры (Петренко 1997, 31-32), а затем получили широкое распространение именно в буджакской. Восприятие погребальных традиций

[4] Сосуд из погребения Сэрэтень 3/14 особо отмечен в обобщающей статье о культуре Черанвода II (Frînculeasa 2020, 153).

[5] Благодарю за помощь в определении Dr Piotr Włodarczak (Krakow, Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences).

[6] Благодарю Dr Ina Miloglav (University of Zagreb) и Dr Jacqueline Balen (Arhaeological museum in Zagreb) за консультации и помощь в проведении сопоставительного анализа. Культуру Костолац датируют 3300-2700 ВС, слой Kostolac на поселении Vučedol датируется в диапазоне 3100-2880 ВС (Balen 2005).

[7] В абсолютных датах катакомбная культура в Прикаспии датируется в диапазоне 2600-2350 ВС, северокавказская – 2500-2300 ВС (Шишлина 2007, 386, 388).

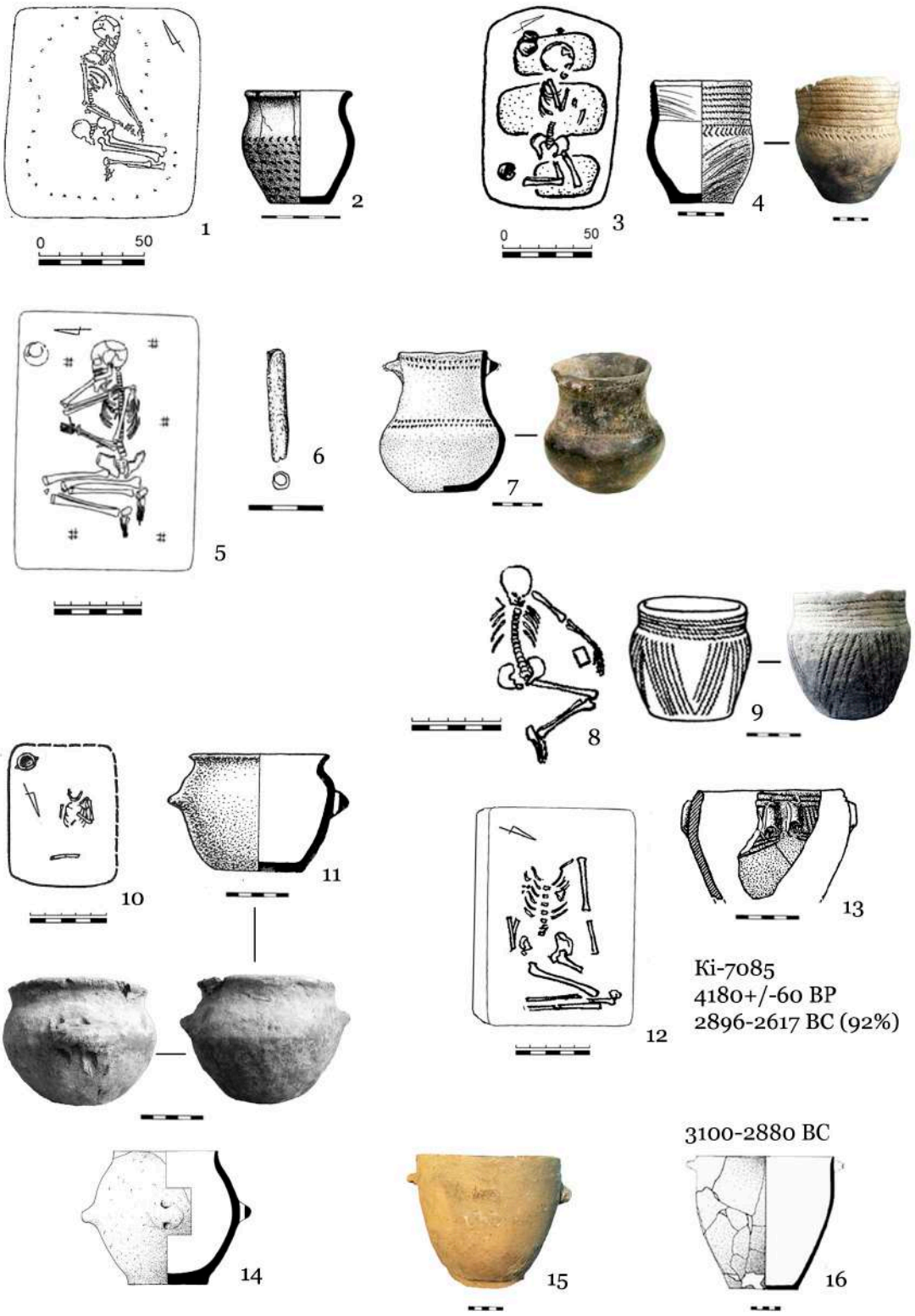


Рис. 7. Керамика как маркер хронологических этапов Буджакской культуры: 1, 2 - Сэрэтень, 3/14; 3, 4 - Трапивка 6/20; 5-7 - Тараклия II, 14/16; 8,9 - Баштанивка 7/21; 10, 11 - Лиман 3А/17; 12, 13 - Новоселиця 19/19; 14 - Сарваш; 15 - Баштанивка 4/25; 16 - Вучедол, слой Костолац, яма 60 (по: 1, 2 - Leviţki, Manzura, Demcenco 1996; 3, 4, 12, 13 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 5-7 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 8, 9 - Шмаглий, Черняков 1970; 10, 11 - Субботин, Тощев 2002; 14 - Balen 2006; 16 - Balen 2005; 11, 15 - фото С. Ивановой, фонды ОАМ).

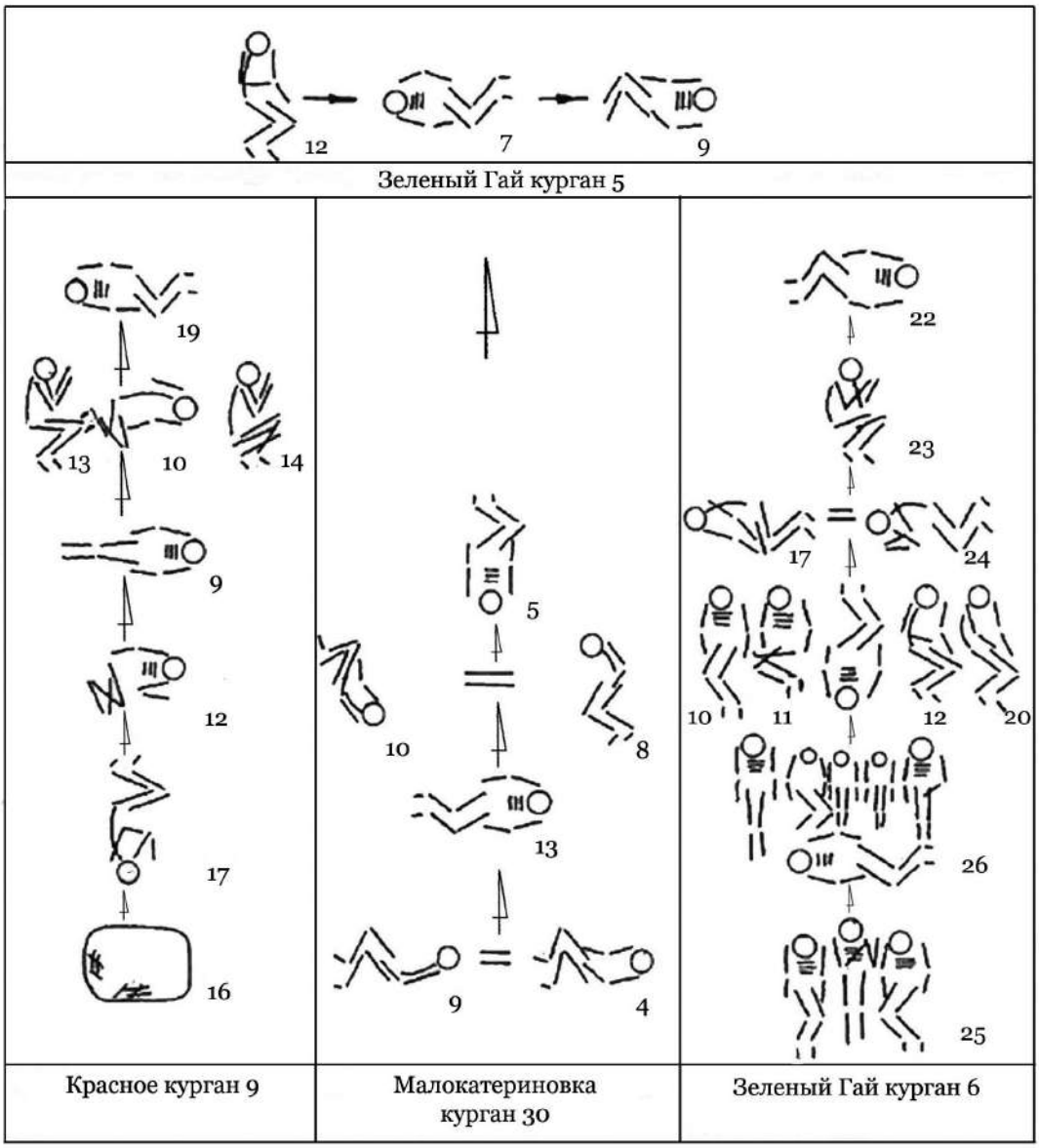


Рис. 8. Позиции погребенных в стратиграфических слоях энеолитических курганов (по: Берестнев 2005).

(различные положения погребенных в одном хронологическом и стратиграфическом горизонте) и артефактов (медные и серебряные украшения) произошло, видимо, на раннем этапе формирования буджакской культуры, поэтому погребальные комплексы с медными украшениями энеолитического облика не могут быть маркерами лишь позднего этапа. Одновременное существование различных ритуальных традиций (а значит, и сосуществование различных обрядовых групп) вполне могло наблюдаться в буджакской культуре, как это уже имело место в эпоху энеолита.

Исследователи отмечают наличие определенных правил формирования подкурганных кладбищ у конкретных социумов на фоне поливариантности обрядовых традиций (Турецкий 1992; Гей 1999). В курганной стратиграфии могли отразиться различные элементы культуры у одной и той же группы населения (Гей 2000, 20-21). С таким положением вполне коррелируют наблюдения Аллы Николовой: в курганах степной зоны Украины с определенными обрядовыми группами увязываются определенные сектора курганов (Николова 1992, 15). По-видимому, столь четкая органи-

зация сакрального пространства возможна лишь при относительной одновременности захоронений различных обрядовых групп. По мнению этнографов, выделение особых мест захоронения для определенных слоев населения традиционно свидетельствует о наличии в обществе социальной дифференциации, а кладбище представляет собой мощное трансформационное поле стратификационной структуры общества (Филиппова 2009, 81). Что касается археологических исследований, то для энеолита и бронзового века предполагается возможность реконструкции социальной стратификации не только на основании анализа устройства могильных сооружений и сопровождающего инвентаря, но и их расположения в курганной насыпи (Берестнев 2005, 97). Планиграфия курганов, к примеру, выступает источником по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья (Очир-Горяева 2018, 58-59).

Социоархеологический контекст

В 1970-х годах в теоретическом направлении археологии произошли изменения, которые иногда называют «революцией в методологии». Формально они были связаны с погребальной археологией, но в действительности в этот период начала формироваться новая отрасль исследований – социоархеология. Ее целью была реконструкция социальной структуры древних обществ по данным погребальных обрядов, что позволило бы извлечь социологическую информацию из закономерностей в обращении с умершими. Лидерами этого направления были Артур Сейкс, Льюис Бинфорд и Джозеф Тейнтер.

В соответствии с процессуальной теорией в 1970-х годах А. Сейкс выдвинул гипотезу о том, что погребальная практика глубоко взаимосвязана с социокультурной системой общества. Социальная структура общества отражается в погребальных обрядах, а особенности погребального ритуала дают важную информацию о социальном статусе, социальной роли и социальной позиции, занимаемой умершим при жизни (Saxe 1970). Л. Бинфорд дополнил гипотезу А. Сейкса своими идеями. По его мнению, показателем положения человека в социальной иерархии является количество усилий (энергетических затрат) на сооружение могилы и проведение погребальных ритуалов. В свою очередь, мы можем определить эти усилия, анализируя различные аспекты погребального ритуала, сложность и размер могилы, богатство погребального инвентаря (Binford 1971, 23). Бинфорд утверждал, что «гетерогенность в погребальных практиках, характерная для одной социокультурной единицы, будет напрямую зависеть от сложности статусной иерархии, а также от общей организации общества в отношении членов сообщества и других форм единения» (Binford 1971, 14-15). Согласно Дж. Тейнтеру, погребальный обряд – это совокупность усилий, прилагаемых другими членами сообщества для строительства могилы и организации похоронных церемоний (Tainter 1975). Вадим Массон пришел к выводу, что традиции ритуалов опосредованы идеологическими представлениями того или иного общества, на которые воздействуют два фактора – этнические особенности и общественные отношения (Массон 1976, 149).

Эти разработки стимулировали появление исследований, связанных с социальными реконструкциями (историография вопроса: Иванова 2001). На мой взгляд, отправной точкой для реконструкций различных социальных структур может стать понятие «инвариантного ядра», которое можно выделить в рамках любого погребального ритуала[8]. Определение отличий от него и выявление их характера может служить источником построения модели социальной структуры на основе данных погребального обряда. О количестве труда, вложенного в сооружение погребального комплекса, можно судить по размерам и сложности могилы и кургана. По результатам сопоставления количества труда, захоронения были разделены по нескольким группам признаков: 1) наличие курганной насыпи (первичный курган или следующие слои); 2) наличие уступа; 3) параметры могильной ямы. Наличие или отсутствие отдельных элементов обряда (таких, как повозка, антропоморфные каменные стелы, кромлех, ров,

[8] Комплексы буджакской культуры были структурированы и проанализированы мною с использованием статистических методов. При определении «среднего погребения» буджакской культуры я использовала методику Владимира Генинга и Виктора Борзунова (1975) для выявления общих и особенных черт погребального ритуала, позволивших охарактеризовать модель «среднего погребения». Отклонения от нее разнообразны и могут быть связаны с различными аспектами, отраженными в погребальном ритуале и погребальном инвентаре.

«дома мертвых» внутри могилы) также может быть важным. Погребальный инвентарь является индикатором социальной роли умершего в обществе, поэтому разнообразие или «богатство» инвентаря необходимо рассматривать как социальный признак.

Погребальный обряд и социальная стратификация. В Северо-Западном Причерноморье известны курганы, состоящие из одной насыпи, и курганы, имеющие сложную стратиграфию, с несколькими последующими насыпями или локальными досыпками (рис. 1). Естественно, эта стратиграфия отражает хронологические этапы построения каждого конкретного кургана. Но можно ли считать, что все основные захоронения и впускные в первую насыпь кургана относятся к раннему этапу буджакской культуры, а впускные в последующие насыпи к позднему? Такой взгляд достаточно распространен. Несомненно, все погребения, которые были сделаны в уже построенном кургане, являются более поздними, чем первичное, основное погребение. В то же время все они могут быть относительно одновременными, а порой составлять единые комплексы с основным погребением. Чаще всего мы не знаем, сколько времени прошло между совершением основного захоронения и следующих за ним впускных, т.е. вне этого контекста остается такой важный элемент, как «шаг стратиграфии».

Исследователи порой фиксируют некоторую общность в обряде (необычная форма ямы[9], применение охры одного цвета, концентрация престижных находок) в разных захоронениях и стратиграфических слоях одного кургана или могильника, что может указывать на их связь с определенной группой людей (возможно, родственной). Обычно такие связи могут сохраняться на протяжении нескольких поколений, но не многих столетий, и объяснения разным позам погребенных в одном кургане следует, вероятно, искать не в сфере хронологии.

С чем может быть связано определение места индивида в курганной насыпи? Каким фактором определяется строительство новых курганов вблизи уже существующего? Безусловно, не нехваткой места для совершения захоронения. Общество всегда имеет выбор – соорудить новый курган, сделать погребение в уже построенном кургане, или совершить грунтовое/плоское погребение рядом с курганом. Эти аспекты связаны с социальной структурой общества, отразившейся в погребальном обряде (Иванова 2000), социальным статусом умершего, а также с символикой самого кургана как сакрального объекта. Под социальным статусом чаще всего понимают соотносительное положение индивида или группы в социальной системе, определяемое их ролью в жизни коллектива. Социальный статус различают предписанный (унаследованный) и достигаемый, что зависит от возможностей индивида достичь его самостоятельно. Рассмотрение погребальных комплексов на фоне этих положений может служить основанием для реконструкции социальной позиции индивидов и общественных групп. Создание кургана, строительство последующих его насыпей отражает количество трудовых затрат, направленных на погребальный обряд конкретного индивида (или определенной группы людей). Соответственно, все эти действия связаны, прежде всего, с его социальным статусом: кому-то по его статусу «положено» строительство кургана или создание новой насыпи над уже имеющимся курганом, другие же погребались в уже существующих курганах без дополнительных трудовых затрат. Существовала и группа лиц, похороненных вне курганов, такие захоронения стали находить в последние десятилетия. С социальным статусом умершего связаны также размеры погребальной камеры, возможно, и ее конструкция (с уступом или без нее), наличие инвентаря и его особенности. Уступ, с одной стороны, является конструктивным элементом впускных захоронений, необходимым для достижения определенного природного слоя под курганом (материковой глины или суглинка), или же определенного погребального горизонта (с соответственными захоронениями), где умершему надлежит быть похороненным. Но, с другой стороны, лишь треть впускных захоронений выполнена с уступами, остальные

[9] Леонид Субботин обратил внимание на тот факт, что в кургане 10 у с. Траповка уступы имели одинаково неправильную форму: один из его углов был вытянут. Автор раскопок объясняет это тем фактом, что курган в ямное время являлся кладбищем какой-то определенной родоплеменной группы (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995, 68).

представляют собой простые грунтовые ямы. Известны и единичные основные погребения с уступами (напр.: Лиман 2/10, Алкалия 25/2). Отметим мнение Ирины Ковалевой, которая рассматривает устройство ям с уступами как социальный признак (Ковалева 1984, 71).

Существенно то, что одни признаки обряда отражают унаследованный, а другие – достигнутый статус погребенного. Рассмотрение уровня трудовых затрат не в совокупности, а по отдельным компонентам (наличие курганной насыпи; наличие уступа; параметры могильной постройки и т.д.) позволяет предположить, что каждый из них связан с разным уровнем социального статуса. Так, показатель основных захоронений в группах мужчин и женщин всех возрастов, а также детей практически совпадает, что указывает на наследование этого признака независимо от пола и возраста погребенного. Напротив, размеры погребального сооружения отражают достигаемый статус. На это указывает тот факт, что детские захоронения обычно характеризуются размерами ниже средних и средних (с переходом части из них ко взрослым параметрам при возрасте погребенного в диапазоне 5-7 лет), тогда как среди взрослого населения определенную долю составляют захоронения, параметры которых превышают среднестатистические стандарты. Само наличие уступа порой связано с возрастом погребенного. Категории инвентаря и особенности в ритуале, фиксируемые одновременно в мужских, женских, детских захоронениях, по-видимому, отражают определенные аспекты наследуемого статуса. Прежде всего, это касается металлических украшений, повозок, антропоморфных стел, каменных ящиков, рвов, окружающих захоронение. С достигаемым статусом связаны оружие, орудия труда. При этом высокий процент захоронений детей и подростков с ритуальным инвентарем может указывать не столько на наследование социального статуса, сколько на особую роль ребенка в сакральной жизни общества (Иванова 2001, 51-52).

Строительство кургана демонстрирует значительные усилия общества на сооружение такого погребального комплекса. Ирина Алексеева, основываясь на строительных нормах Древнего Шумера, произвела расчеты, определив, сколько человеко-дней было потрачено на сооружения нескольких курганов в Северо-Западном Причерноморье. Например, курган 1 возле села Червоный Яр, Килийский район Одесской области, имел высоту 2,8 м, диаметр 19 м, объем земли 264 куб. м., и для его строительства необходима была работа 25 мужчин в течение 4 дней[10]. Его основное погребение было накрыто известняковой плитой весом около 1 тонны; ближайший карьер по добыче камня находится в 5 км от этого кургана, и для перевозки плиты необходима была работа 16 человек в течение 4 дней. Кромлех, который окружал курган, состоял из 34 каменных плит, весом около 500 кг каждая. Для их перевозки была необходима работа 25 мужчин в течение 38 дней (Алексеева 1992, 103-105).

Эти данные указывают на высокий уровень трудовых затрат и, соответственно, на высокий социальный статус тех индивидов, для которых сооружали курганы[11].

Мировоззренческий аспект. С другой стороны, курган – это, прежде всего, сакральный комплекс, связанный с распространением в Европе нового мировоззрения. Курган – символ Мировой Горы; Гора часто воспринимается как образ мира, модель Вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось (axis mundi), соединяющая верхний и нижний миры (Топоров 1980, 311-315). Не каждый член общества достоин кургана/Мировой Горы. Как я уже отметила, в буджакской культуре известны основные погребения, над которыми сооружали курган, впускные погребения в уже построенный курган и пока немногочис-

[10] Вполне возможно, что это лишь сохранившийся к нашему времени диаметр кургана: учитывая его большую высоту и аналогии в регионе, диаметр кургана должен был быть в 2-3 раза больше; в таком случае реальные трудовые затраты были существенно выше.

[11] Сопоставление уровня трудовых затрат с погребениями с инвентарем и особенностями в ритуале показывает следующее. Погребение с «домиками мертвых» характеризуются повышенным уровнем трудовых затрат по всем трем признакам, отражающим количество вложенного в погребение труда. Погребенные с повозками и с комплексом «металлические нож и шило» выделяются повышенной тенденцией по двум признакам (наличие уступа и погребений 3-й размерной группы). Захоронения с серебряными и золотыми украшениями также выделяются по двум признакам (основные погребения и превышение средних размеров). Шесть групп захоронений (с каменными шлифованными топорами, их фрагментами и заготовками, с мотыгами, с подвесками из зубов животных и окруженные рвами) имеют повышенную тенденцию одного из признаков (Иванова 2001, табл. 5, 6).

ленные плоские (грунтовые) погребения разных культур, расположенные вблизи курганов или на некотором расстоянии. Такие погребения известны в буджакской культуре (Бруяко, Агульников 2017, 86), катакомбной и бабинской культуре (Бруяко, Росохацкий 2000, 567); сабатиновской культуре (Іванова, Савельєв 2011, 73). Следовательно, выбор места захоронения и уровень трудовых затрат на его выполнение – это выбор человеческого коллектива, совершающего данное конкретное захоронение. Погребение, в отличие от поселения, представляет собой закрытый комплекс, преднамеренно составленный людьми. Он не содержит случайных элементов и определяется совокупностью различных факторов, среди которых исследователями чаще всего называются социальный, этнический, религиозно-мифологический, мировоззренческий и др.

Обрядовые группы и социальная стратификация. Е. Яровой проанализировал элементы курганного строительства для различных обрядовых групп буджакской культуры, учитывая только те погребения, где позиция умершего фиксируется (Яровой 2000: 145). По его подсчетам, скорчено на спине были похоронены 823 индивида, из них для 190 были построены курганы, а для 112 были построены новые слои кургана. Таким образом, в этой обрядовой группе 36,7% умерших связаны с курганным строительством. Среди правосторонне погребенных (2-я и 4-я обрядовые группы) с курганным строительством связаны 17% погребенных, а с левосторонними (3-я и 5-я обрядовые группы) – только 4%. Напомню, что количество погребений с левосторонним и правосторонним расположением умерших почти совпадает, поэтому отличия в цифрах вполне значимы. Бескурганные погребения пока найдены в небольшом количестве, и в них были умершие 2 и 5 обрядовых групп.

В **1-й обрядовой группе**, таким образом, сконцентрировано больше всего погребений, для которых сооружали курганы, дополнительные насыпи или локальные досыпки. В ней зафиксировано больше, чем в других группах, погребений с размерами, превышающими средние параметры, а также больше могильных ям с уступами, т.е. погребения этой группы выделяются количеством вложенного труда. Среди отличительных черт 1-й обрядовой группы можно назвать также кромлехи, обкладки курганных насыпей.

С нею соотносятся 81,3% погребенных с повозками, 68,1% – с антропоморфными стелами, 82,0% – с «домами мертвых» (ямками на дне погребальной камеры), 46,7% с украшениями из металла[12] (в том числе 58,9% – с серебряными спиралями, 46,1% с медными спиралями), 58,3% – с медным оружием и орудиями труда, в т.ч. половина медных ножей-кинжалов (8 из 15, где восстанавливается поза умершего), большинство шильев/отжимников (6 из 9), один из двух найденных металлических топоров (табл. 1; 2)[13]. В этой обрядовой группе встречаются почти все известные типы посуды буджакской культуры –горшки, амфорки, чаши, миски, «шнуровые» амфоры и пр. (исключение – т.н. «буджакские банки», представленные единичными экземплярами). Большинство кубков и кубковидных сосудов, асков, связано с нею. Для захоронений 1-й группы характерно также сочетание в одном погребении нескольких социально значимых признаков, например, сооружение курганной насыпи, могильных ям крупных размеров, наличие металлических артефактов, редких форм керамики.

Вполне логично предположить, что с этой группой соотносятся захоронения лиц высокого социального положения, отличающиеся престижным инвентарем, особенностями в ритуале. Естественно, что в социумах подобного типа нет каст и жестких ограничений, и мы можем говорить лишь о существовании тенденций в распределении инвентаря и черт ритуала, а не о строгой регламентации. Другие обрядовые группы характеризуются меньшим количеством и разнообразием инвентаря (вынося за скобки керамику)[14]. Найденные в них металлические артефакты не сопоставимы ни по весу, ни по количеству

[12] Полагают, что в социально дифференцированных обществах металл, как правило, находился под контролем знати, которая в значительной степени монополизировала его использование, а металл в погребениях имел скорее символическую, чем экономическую ценность (Шнирельман 1988, 75-76). В основном он функционировал в социально-престижной сфере и был доступен лишь немногим (Авилова 2007, 32-34).

[13] Иванова 2001, 214-219 табл. 7-9.

[14] Все статистические данные распределения различных черт обряда и инвентаря, а также трудовых затрат на совершение погребения собраны в статистические таблицы и проанализированы мною в монографии (Иванова 2001). Выделены характерные черты не только различных обрядовых групп, но и те, которые указывают на поло-возрастную дифференциацию (Иванова 2000).

Таблица 1

Сопоставление артефактов, выявленных в различных обрядовых группах

Артефакты	1 обрядовая группа	2 обрядовая группа		3 обрядовая группа	
		Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
Кремневые орудия	41,3%	32,6%	10,9%	6,5%	8,7%
Каменные орудия	65,8%	17,1%	7,3%	2,5%	7,3%
Костяные орудия	63,6%	–	18,2%	9,1%	9,1%
Орудия из металла	66,7%	–	22,1%	–	11,2%
Оружие из кремня	14,3%	9,5%	23,8%	14,3%	38,1%
Оружие из камня	28,7%	7,1%	42,3%	7,1%	14,2%
Орудия/оружие из металла	58,3%	4,2%	16,7%	8,3%	12,5%
Ножи/кинжалы	53,3%	6,8%	13,3%	13,3%	13,3%
Топоры	50%	–	50%	–	–
Металлические украшения	46,7%	14,3%	23,8%	2,8%	12,4%
Серебряные височные спирали, кольца	74,4%	16,4%	6,9%	2,3%	–
Золотые спирали	50%	–	25%	25%	–
Медные височные спирали	46,1%	15,4%	15,4%	–	23,1%%
Подвески-бусины медные	42,8%	7,2%	28,5%	7,2%	14,3%
Браслеты медные цельные	33,4%	–	33,3%	–	33,3%
Браслеты медные составные	6,9%	20,7%	48,3%	–	24,1%
Кольца-перстни	50%	–	50%	–	–
Ритуальный инвентарь, украшения	71,2%	9,6%	5,8%	3,8%	9,6%

Таблица 2

Сопоставление особенностей в ритуале, выявленных в различных обрядовых группах

Черты ритуала	1 обрядовая группа	2 обрядовая группа		3 обрядовая группа	
		Вправо	Влево	Вправо	Влево
Повозки	81,3%	6,2%	6,2%	6,2%	–
Стелы	68,1%	8,5%	10,6%	4,3%	8,5%
Ящики каменные	–	10%	30%	–	60%
«Дома мертвых»	82%	13%)	5%	–	–
Рвы	85,7%	14,3%	–	–	–

с теми достаточно массивными изделиями, а также большим количеством металлических украшений, которые были найдены в погребениях 1-й группы. В то же время, 1-я обрядовая группа уступает другим группам по количеству керамики. Аналогичная ситуация была зафиксирована и в Приуралье. Нина Моргунова выделяет две обрядовые группы в погребениях ямной культуры региона: 1) скорченные на спине; 2) скорченные на правом боку. Погребения второй группы, которые имеют сложные большие ямы, сопровождались престижным инвентарем, но посуда в них почти отсутствовала (Моргунова 2014, 93). Видимо, в некоторых обрядовых группах буджакской культуры отсутствие престижных артефактов и редких импортных сосудов могло заменяться или дополняться посудой, которая употреблялась в быту[15].

2-я и 4-я обрядовые группы (с правосторонним расположением погребенных) характеризуются меньшими трудовыми затратами на совершение захоронения, меньшим количеством погребений с металлическим инвентарем по сравнению другими

[15] Среди сосудов, происходящих из коллекции Одесского археологического музея, имеется достаточно много экземпляров, покрытых копотью, грубо вылепленных, т.е. являющихся обычными предметами, которые использовались в повседневной жизни для приготовления пищи. Конечно, они несопоставимы с раритетами или ценными артефактами.

группами. Здесь найдены горшки, амфорки, миски, чаши, иногда – кубки и кубковидные сосуды, аск (Дивизия II, 5/7), но отсутствуют «шнуровые» амфоры, а количество «буджакских банок» здесь меньше, чем в группах с бинарным положением умерших. Серебряные височные подвески встречаются в этих группах в 2 раза чаще, чем в группах с левосторонним положением погребенных, хотя и немногочисленны (табл. 1, 2).

3-я и 5-я обрядовые группы (с левосторонним расположением погребенных) уступают другим группам по аспектам, связанным с курганным строительством, но с ними чаще связаны каменные ящики, достаточно трудоемкий элемент погребального обряда. Они выделяются некоторыми особенностями инвентаря, в частности, находками оружия. В них найдены: уникальный кинжал с нервюрой (Казаклия 16/4), 6 из 9 кремневых топоров, 5 из 7 каменных проушных топоров и 1 каменный молот[16]. Металлические украшения в 2 раза чаще встречены в погребениях с левосторонними умершими, нежели с правосторонними. В этой же группе – уникальное захоронение воина с булавой и колчанным набором (Алкалия 33/3). С ними связана большая часть находок «буджакских банок», половина из найденных «шнуровых» амфор, амфоры КША (Ефимовка 2/14; Орхей 1/3; Татарбунары 1/2), встречаются кубки, имеющие аналоги в КШК, уникальная для региона глиняная воронка (Новоградковка 5/3). Медные спирали примерно в равном количестве встречены среди погребенных скорченно на спине и с левосторонним расположением умерших.

В целом в буджакской культуре большинство типов посуды встречается во всех обрядовых группах. Но некоторые имеют ограниченное распространение: «шнуровые амфоры» только при скорченных на спине и левобочных погребенных, а «буджакские банки» – при скорченных на правом и левом боку (или с наклоном вбок), доминируя в левобочных. Лишь в единичных случаях эти сосуды найдены в 1-й обрядовой группе.

[16] А вот половинки каменных топоров (чаще всего использовавшиеся как растиральники для охры) в 10 случаях из 11 найдены в захоронениях 1-й обрядовой группы

Если сравнить погребения с серебряными и медными украшениями в целом, то первые из них характеризуются бо̀льшим уровнем трудовых затрат. С уступами выполнена почти половина погребений (при среднем показателе 33%), причем лишь в трех случаях уступы были средних размеров, в остальных – до 6 м; среди погребений без уступов преобладают также те, что относятся к 3-й размерной группе. Восемь погребений являлись основными, четыре сопровождались досыпками. Три погребения с подвесками из серебра сопровождались рвами (Балабан 13/15, Каушаны 1/10, Нерушай 1/14), одно – кромлехом (Островное 2/6). Отметим их сочетание с повозками, антропоморфными стелами, «домами мертвых». В инвентаре – ножи, шилья, костяные бусы, плитки охры и белой глины, кремневые изделия. Погребения с медными спиралевидными подвесками чаще всего характеризуются средними размерами; другие находки редки: шило (Богатое 2/11), нож (Терновка 224/4). Выделяется лишь захоронение Плавни 25/1 с двумя антропоморфными стелами, подвесками в 4 оборота, браслетом. По-видимому, металл, из которого изготовлены подвески, имел определенное значение: при формальном сходстве спиралевидных подвесок социальная позиция погребенных с медными подвесками была, видимо, несколько ниже, чем погребенных с серебряными подвесками, что нашло отражение в уровне трудовых затрат.

Среди погребений, сопровождающихся составными медными браслетами (из пронизей, обоймочек), два были основными, одно – с досыпкой. Браслеты найдены в погребениях с оружием, ритуальным, производственным инвентарем, инсигниями власти (топор, булава). Преобладают погребения средних размеров, но три погребения с браслетами выполнены в каменных ящиках (Алкалия 33/3, Бараново 1/9, Катаржино 1/11).

С другой стороны, в группе захоронений с медными украшениями сосудами сопровождалось более 1/3, причем в большинстве случаев находки сосудов связываются с захоронениями, где в инвентаре присутствует браслет (62,5%) (Иванова 2001). Вероятно, это сочетание могло маркировать некую социальную группу, однако принцип ее консолидации восстановить невозможно.

Такая ситуация, скорее всего, отражает различные погребальные каноны, но может быть связана и с определенным этническим своеобразием. Мы не знаем символику керамики в погребальной обрядности буджакской культуры, но глиняная бытовая посуда несопоставима с металлическими артефактами, изготовление или импорт которых требует значительно больше усилий и умений. Выводы о «бедности» погребений 1-й обрядовой группы и «богатстве» скорченных на боку погребений (2-5 обрядовые группы) (Дергачев 2021, 112) не соответствуют реальности археологического материала.

Украшения как социальный маркер. Среди украшений буджакской культуры доминируют серебряные и медные спиральные подвески, а также несколько типов украшений, составленных из пронизей-трубочек и плоских обоймочек из меди/бронзы. Судя по расположению в погребении, они входили в состав подвесок, ожерелий, браслетов, а также они могли использоваться как нашивки на одежду и головные уборы, вплетаться в прическу. Золотые спирали редки (4 или 5 случаев, в зависимости от атрибуции комплексов различными исследователями)[17]. В тех случаях, где определен пол погребенного, серебряные спирали почти всегда найдены в погребениях мужчин. Подобная ситуация известна и для памятников ямной культуры Румынии (Preda 2015, 22). В Северо-Западном Причерноморье серебряные спирали найдены также в детских погребениях (пол не определен), но не чаще, чем во взрослых (Иванова 2001, 220-226, табл. 10). Возможно, это погребения мальчиков. Различия в видах украшений в разных обрядовых группах можно сопоставить с данными этнологии: в обществах, где имеется социальная стратификация, в разных социальных слоях существовали отличия в одежде, украшениях, видах оружия и т.п. Отмечается, что ювелирные изделия носят не только для украшения, но и для того, чтобы заявить об ассоциации или идентификации с культурной группой или набором верований (Golani 1988, 269). Одежда или украшения являются типичными визуальными индикаторами социального класса (O'Guinn, Tanner, Maeng 2015, 196).

Таким образом, отличия в украшениях разных обрядовых групп, скорее всего, маркируют их некую самоидентичность, нежели являются хронологическим признаком.

Как уже отмечалось, с каждой из выделяемых на основании позы погребенного обрядовых групп (при этом более существенным является правостороннее или левостороннее расположение скелетов, а не степень наклона) более или менее четко соотносятся некоторые категории погребального инвентаря, особенности ритуала. Одни из них характерны для всех обрядовых групп, преобладая в первой (ритуальный инвентарь, костяные орудия, антропоморфные стелы). Достаточно много общего между погребениями 1-й обрядовой группы и теми, где умерший расположен с наклоном вправо, на правом боку (серебряные подвески, каменные и кремневые орудия, рвы, «дома мертвых»). Есть общие категории инвентаря между левосторонне погребенными и 1-й обрядовой группой (некоторые виды керамики, металлические орудия, кремневые стрелы). Каменные топоры, медные височные пронизи и обоймы, перстни также найдены преимущественно при умерших, расположенных с наклоном влево и скорченно на спине.

Создается впечатление, что бинарные оппозиции в значительной степени связываются между собой посредством 1-й обрядовой группы; в какой-то степени можно говорить о ее консолидирующей роли. При этом, если погребения с левосторонним расположением погребенных имеют некоторые отличительные черты, почти не встреченные в других группах, то о захоронениях с правосторонним расположением такого сказать нельзя: они явно тяготеют к 1-й обрядовой группе.

Торговые элиты в древних обществах. Анализируя эти данные, можно прийти к выводу, что, люди, которым принадлежали погребения 1-й обрядовой группы, находились на вершине социальной иерархии буджакского общества. Не удивительно, что захоронения преимущественно 1-й группы распространены в Балкано-Карпатском ареале: с ними была связана колонизация новых террито-

[17] В погребении Бравичены 4/4 сочетаются черты ямной/буджакской и бабинской культур, поза умершего не восстанавливается.

рий, основанная на построении обменных отношений с местным населением. Из этнографии известны сведения о том, что обмен и торговля в традиционных обществах были прерогативой элиты. Подобные торговые экспедиции состояли из мужчин, обладавших высоким статусом (Шнирельман 1986, 340-345). На балканских материалах исследователи приходят к выводу, что технические инновации и развитие торговли выгодны для элиты и «менеджеров», т.к. это дает им приоритет в возможности обладания престижными артефактами. В III тыс. до н.э. усиление элиты как социальной группы, развитие транспорта привели к усилению торговли, импорту изделий роскоши, которые были найдены в захоронениях и кладах (Primas 2007, 19). В ряде случаев отдельные этнические группы или общины, специализировавшиеся на межплеменном обмене, получали определенные преимущества в социальном развитии, выделялись богатством (Шнирельман 1986, 341-344). Усиливается социальная дифференциация общества, поэтому любые инновации имеют не только технологическое значение, но и социальное (Kassianidou, Knapp 2005, 236). По мнению Кристиана Кристиансена, «во время бронзового века возникает сложная картина распределения культур. В то время как более ранние исследования составили карту таких распределений в попытке охарактеризовать культуры – и иногда преуспели в этом – оставалось большое количество необъяснимых распределений, которые не «вписывались». Применяя теоретические основы социальных институтов и их различные роли в воспроизводстве общества, можно связать эти региональные и межрегиональные распределения в единую историческую структуру взаимодействующих элит, где ритуальные вожди, воины и торговцы играли различные, но взаимодополняющие роли» (Kristiansen 2010).

Торговые элиты известны и в «доямное» время. По мнению Юрия Рассамакина, в энеолите, в «эпоху престижного обмена», огромная территория была охвачена торговой сетью, растянувшейся от Балкан до Волги. Она была связана с обменом кремня и металлов (медь), осуществляемым социальной элитой скелянской культуры (новоданиловской культурной группой) (Телегин 1991; Rassamakin 1994).

Динамика развития буджакской культуры: ранний и поздний этапы

Хронологическое членение памятников буджакской культуры, выделение памятников раннего и позднего этапов имеют определенное значение при реконструкции процессов ее формирования и развития. Важными хронологическими реперами являются импорты и подражания, параллели и общая стилистика в оформлении керамики буджакской культуры – и тех или иных культур Центральной и Юго-Восточной Европы.

Анализ артефактов, имеющих инокультурные параллели, позволяет достоверно соотнести определенные погребения с определенными хронологическими этапами, и такая ситуация выгодно отличает буджакскую культуру от всего ареала ямной КИО. В работе был применен следующий методический подход при выделении раннего и позднего материальных комплексов буджакской культуры. Погребение, в котором присутствует культурный или хронологический маркер (инокультурный / подражательный артефакт или радиоуглеродная дата) может датировать и весь стратиграфический горизонт кургана, если это погребение включено в условно «закрытый комплекс» (т.е. в горизонт, перекрытый единой насыпью, либо в захоронение с несколькими предметами в погребальном инвентаре). В «открытом комплексе» (т.е. завершающем строительный горизонт кургана) ситуация обусловливается данными планиграфии: при наличии определенных правил расположения захоронений (по дуге, окружности) погребение-репер датирует весь комплекс взаимосвязанных погребений, при бессистемном расположении могил в последней насыпи кургана, датировка по импортному артефакту применима лишь к конкретному погребению. Если погребение-репер соотносится с ранним этапом буджакской культуры, то все предшествующие погребения также соотносились с ранним этапом, но для последующих захоронений вопрос оставался открытым. Соответственно, если погребение-репер соотносится с поздним этапом, то к этому этапу относятся все последующие погребения, но открытым остается вопрос о предшествующих захоронениях. Сходным образом интерпретировались и те курганы, в которых реперами выступают конкретные радиоуглеродные даты. Арте-

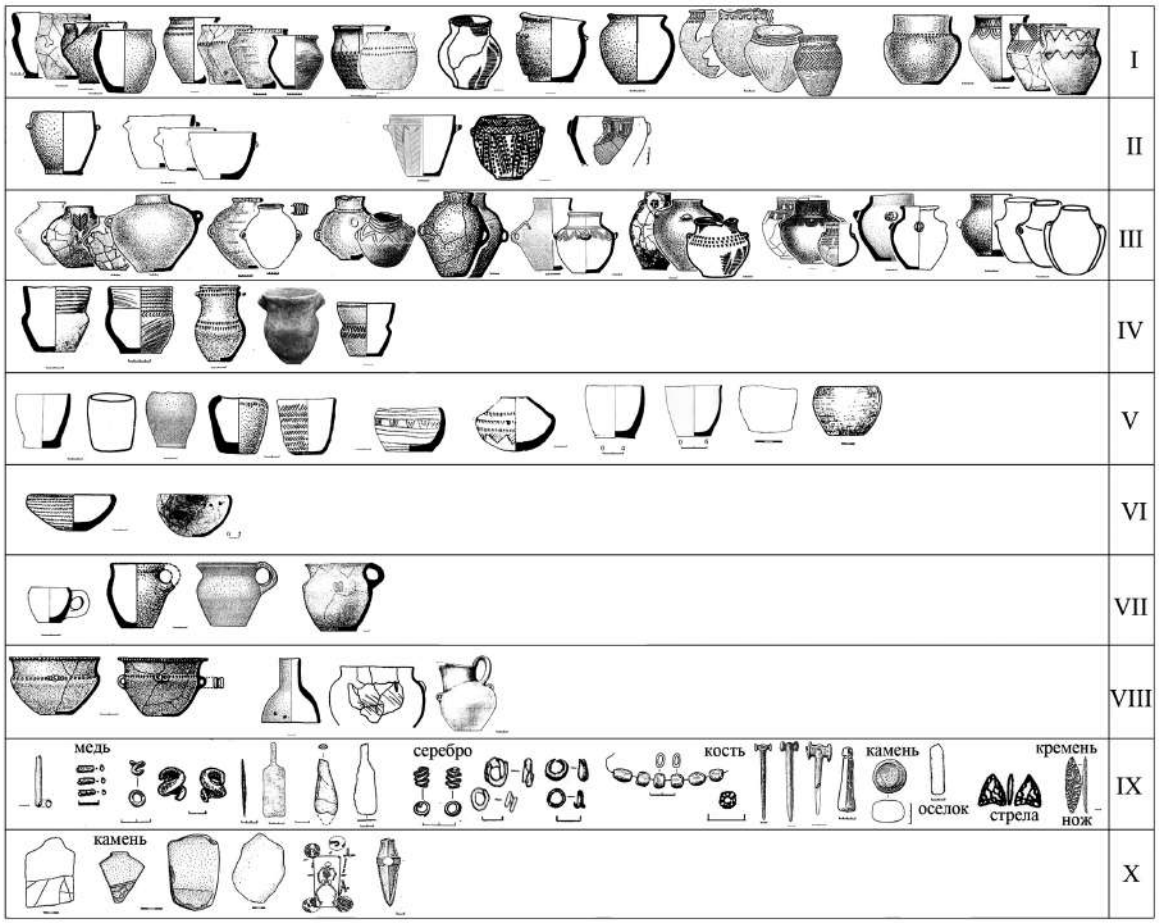


Рис. 9. Основные характеристики раннего этапа Буджакской культуры.

факты из продатированных слоев, в свою очередь, становились новыми реперами для других курганов. Такой комплексный подход, основанный на сочетании стратиграфического, сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов, является, на наш взгляд, наиболее приемлемым. Его применение позволило нам выделить ранние и поздние горизонты различных курганов и определить основные характеристики раннего и позднего этапов буджакской культуры (рис. 9; 10). Для ряда артефактов имеются и более узкие хронологические рамки (рис. 11; 12).

Погребения раннего этапа составили 43,2 %, позднего – 56,8 %.

Материальная культура раннего этапа

Керамика. *Горшки,* среди которых преобладают плоскодонные формы. Они характеризуются отсутствием унификации и достаточным разнообразием, как в форме тулова, степени наклона венчика, так и в орнаментации. Местными формами раннего этапа, вероятно, можно считать те типы, которые составляют устойчивые серии – это неорнаментированные горшки с небольшим слабо отогнутым, реже прямым венчиком, стройным туловом и плечами, расположенными в верхней трети тулова. *Банки и банковидные сосуды* уже на раннем этапе характеризуются разными подтипами (с выделенным поддоном и без него), имеются орнаментированные экземпляры и без орнамента, с ручками-налепами различных конфигураций. Шнуровой орнамент сочетается на некоторых экземплярах с отпечатками полой трубочки, однако такие типы орнаментации, вероятно, следует относить к концу раннего этапа из-за параллелей с катакомбной керамикой Подонья. *Амфоры и амфоровидные сосуды разнообразны по форме и размерам*. С ранним этапом можно связать амфоры со сферическим

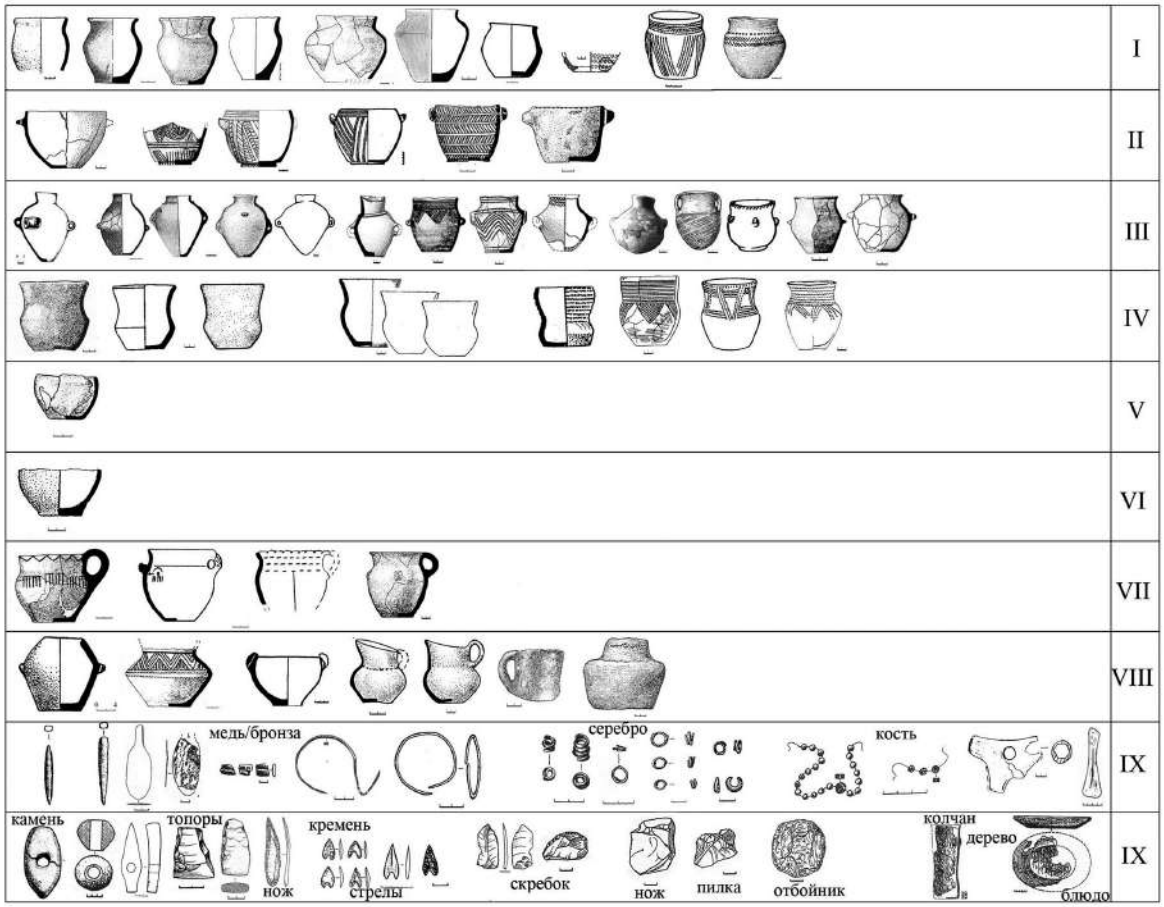


Рис. 10. Основные характеристики позднего этапа Буджакской культуры.

туловом и разной формой венчика, уплощенными ленточными ручками, порой украшенные углубленным или шнуровым орнаментом, налепным валиком по краям ручек и тулову[18]. С этим этапом, по мнению М. Шмит, соотносятся и достаточно разнообразные амфоры из буджакских погребений, имеющие параллели в КША. *Кубки и кубковидные сосуды* немногочисленны, но разнообразны, некоторые орнаментированы. *Чаши и чашевидные сосуды и миски,* с плоским или округлым дном, орнаментированные и без орнамента, распространены в буджакской культуре с раннего ее этапа. Редкие формы керамики немногочисленны (кувшины) или даже единичны.

Среди *других артефактов* раннего этапа выделяются изделия из металлов. Из меди/бронзы изготовлены трубчатые пронизи, спиралевидные подвески, ножи и шилья/отжимники. Ножи известны двух типов – ножи-«бритвы» с параллельными лезвиями и ножи с широким овальным лезвием. К концу раннего этапа (середине III тыс. до н.э.) распространяется новый тип подвесок (Zimnicea), известны сочетания в одном комплексе подвесок двух типов. В группе костяных изделий – лощило, бусины, молоточковидные булавки. Изделия из кремня невыразительны (нож и наконечник стрелы), представлены в основном отщепами. Среди каменных артефактов – шлифованный топор, датирующийся 29 в. до н. э. (Бараново «Солдатская слава», п. 10), растиральник, оселок; известны каменные перекрытия погребальных камер, каменные ящики, кромлехи. С этим же периодом соотносятся повозки, для некоторых из них (Курчи 20/16; Новоселица 19/16) имеются радиоуглеродные даты.

[18] Благодарю за помощь в определении хронологической позиции амфор и кубков раннего и позднего этапов Dr. Piotr Włodarczak (Krakow, Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences).

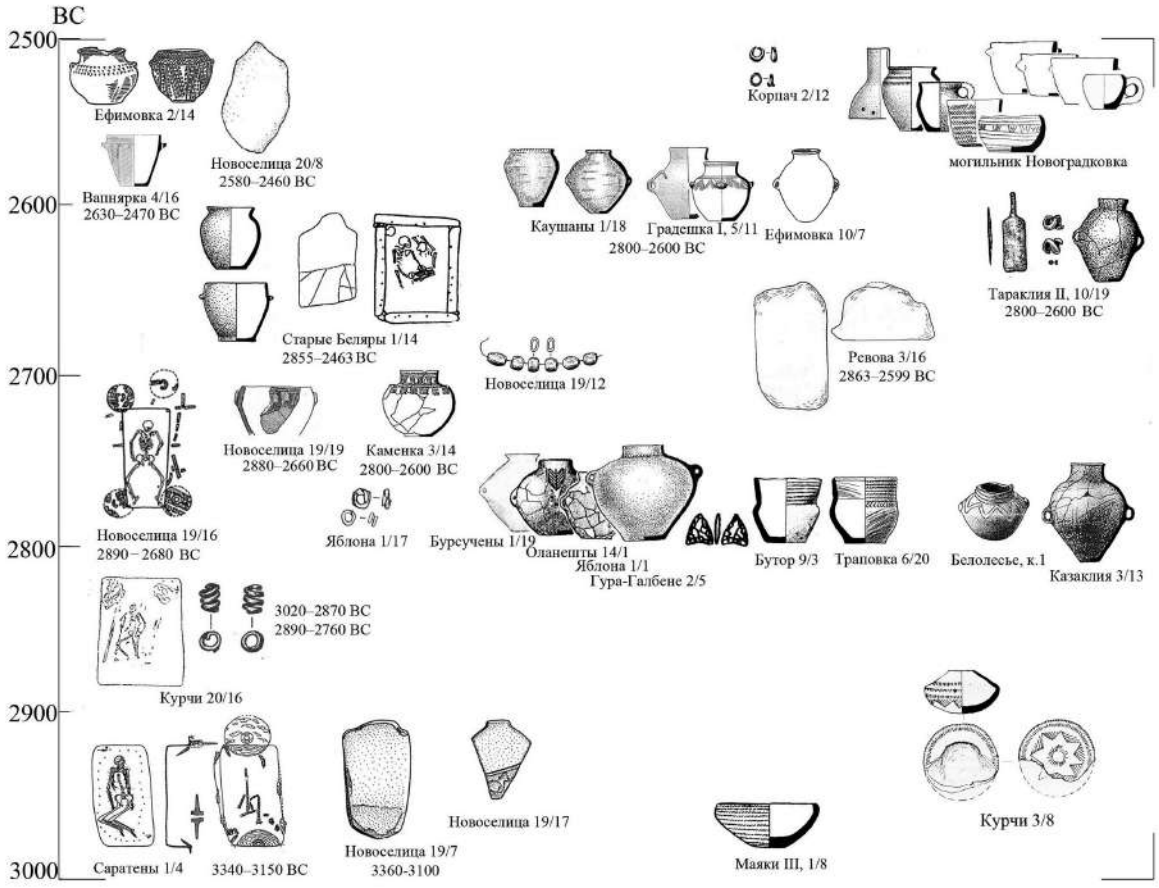


Рис. 11. Хронологическая позиция отдельных артефактов раннего этапа Буджакской культуры (по данным стратиграфии и радиоуглеродного анализа).

Материальная культура позднего этапа

Керамический комплекс на позднем этапе отличен от раннего: несмотря на существование тех же категорий посуды, типы и варианты частично меняются. Разнообразнее становятся орудия труда, оружие, украшения

Горшки и горшковидные сосуды более унифицированы, представлены преимущественно неорнаментированными экземплярами стройных пропорций с высоким, отогнутым наружу венчиком, с максимальным расширением в средней части. Некоторые горшки имеют выделенные плечи, расположенные в верхней части тулова, и яйцевидной формы корпус. Часть горшков имеет приземистые пропорции. *Банки и банковидные сосуды* представлены орнаментированными и неорнаментированными экземплярами, порой, они более приземистые, чем на раннем этапе, но, в целом, имеют сходный облик, выработавшийся ранее.

Амфоры и амфоровидные сосуды. К середине и второй половине III тыс. до н. э. можно отнести экземпляры крупных амфор стройных пропорций, с высоким или коротким венчиком, чаще всего с узким дном (Траповка 1/18, Каменка 6/13, Каменка 3/13, Огородное III, к. 1, Саратены 2/10, Бурсучены 1/14). Последний экземпляр, вероятно, соотносятся с началом второй половины III тыс. до н. э., остальные датируются шире, в диапазоне 2500-2200 BC. Часть амфор имеет рельефный орнамент. Продолжают бытовать различные типы собственно буджакских амфорок (амфоровидных сосудов) – как приземистых, так и стройных пропорций, с разными формами ручек, орнаментированные и без орнамента. *Кубки* достаточно разнообразны и имеют разные размеры, некоторые экземпляры достаточно крупные.

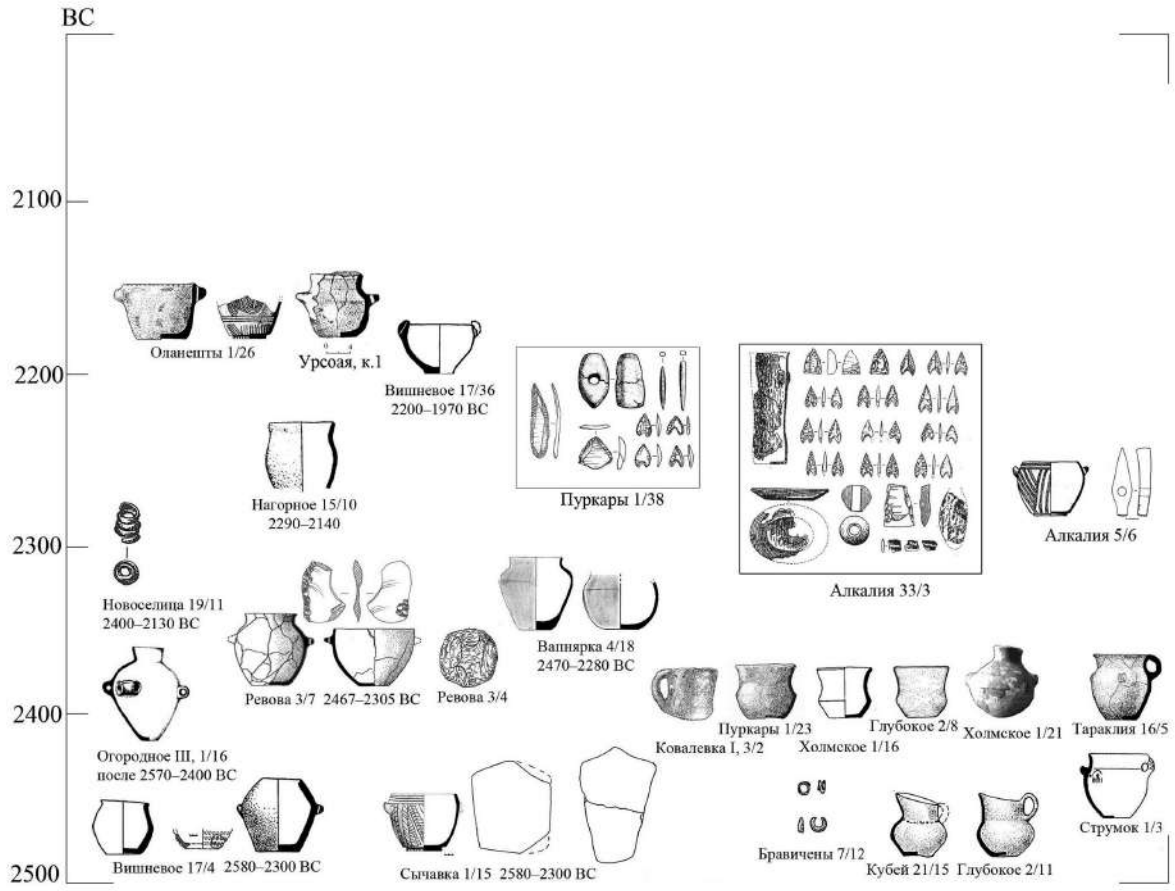


Рис. 12. Хронологическая позиция отдельных артефактов позднего этапа Буджакской культуры (по данным стратиграфии и радиоуглеродного анализа.

Каждый сосуд по-своему уникален, несмотря на общую стилистику. *Чаши и миски* преимущественно плоскодонны, не орнаментированы и не имеют особых отличительных черт, хотя достаточно разнообразны по пропорциям и размерам. *Кувшины* украшены шнуровой и рельефной орнаментацией. Близки стилистически два экземпляра, которые, кроме петлевидной ручки, на противоположной от нее стороне имеют налепы. *Аски* выделяются двух типов: тип Зимнича, с округлым туловом и скошенным горлом, и тип Нова Загора, без выделенного горла, с почти цилиндрическим туловом со скошенным венчиком.

Изделия из металла, кости, камня, кремня более разнообразны, чем на раннем этапе. Среди металлических артефактов – ножи с овальной конфигурацией клинка, известны шилья, цельные браслеты, изготовленные из меди/бронзы. Среди костяных изделий – не только украшения, но и орудия труда. Из камня продолжают изготавливаться топоры, но имеется и новый тип оружия – булава. Намного разнообразнее ассортимент кремневых изделий, по сравнению с ранним этапом. Это и оружие (кремневые топоры и наконечники стрел), орудия труда (скребок, нож, пилка, отбойник), есть изделия из дерева (колчан, блюдо). В погребальном обряде продолжают использоваться стелы. Отсутствуют повозки, как и на других территориях ямной КИО в этот период.

Рассмотрение посуды буджакской культуры позволяет выделить серии, которые являются собственной спецификой керамического комплекса, и те сосуды, что возникли под влиянием инокультурного окружения, происхождение их не связано с местными традициями и традициями ямной КИО в целом. Но в силу того, что инвентарь присутствует не во всех

захоронениях, а стратифицированные курганы достаточно редки, часть захоронений не может быть абсолютно надежно соотнесена с тем или иным этапом. Собственно импортных сосудов в буджакском керамическом комплексе немного. В большинстве своем посуда, стилистически близкая керамике синхронных культур, представляет собой подражание (иногда грубое), тем не менее определение истоков керамических традиций позволило нам привлечь их в качестве хронологических маркеров. Отличия между этапами связаны не только с изменением культурной ситуации в самом Северо-Западном Причерноморье (появление населения катакомбной, а затем и Бабинской культур), но и с изменением культурного окружения вне региона и, соответственно, с изменением характера взаимосвязей. Это отразилось и в керамическом комплексе, и в других артефактах.

На раннем этапе выявляются параллели с культурами Коцофени, Костолац, культурой шаровидных амфор, Чернавода II, Езерово II, Эзеро, КШК. При этом инокультурные формы керамики, маркируя захоронения раннего и позднего этапов, подтверждают существование одних и тех же поз умерших (скорченные на спине, правобочные, левобочные) на всем протяжении существования буджакской культуры – и на раннем, и на позднем этапах. Во второй половине III тыс. до н. э. в культурной ситуации в Северо-Западном Причерноморье происходят определенные изменения. Ослабление или закат соседних культур предыдущего этапа, появление новых или перемещения уже известных – повлияли и на характер контактов и связей буджакских племен, и на облик материальной культуры в целом. В Северо-Западном Причерноморье в этот период по-прежнему доминирует буджакская культура, но, продвинувшись в середине III тыс. ВС с востока, распространяется катакомбное население, сосуществовавшее с буджакским в течение определенного времени. Изменения от раннего к позднему этапу проявляются в двух аспектах – развитие, собственно, буджакских характеристик и восприятие инокультурного влияния. Продолжаются связи с культурами шнуровой керамики, некоторое время – с культурой шаровидных амфор, устанавливаются контакты с культурами Глина III-Шнекенберг, Мако-Косиги-Чака. Культурные трансформации связаны с последней четвертью III тыс. до н. э., когда около 2200 до н. э. (также с востока) приходит новое население, сопоставимое с культурным кругом Бабино. Остатки буджакских и катакомбных племен, по-видимому, были ассимилированы пришельцами.

Буджакская степь как pull factor

Буджакская степь (расположенная между устьями Дуная и Днестра) – самый насыщенный курганами регион Северо-Западного Причерноморья; остальные его части уступают по количеству курганов на 1 кв. км (Topal 2022). Исследователи обращали внимание на концентрацию здесь находок т.н. «буджакских банок» и медных украшений – пронизей (Дергачев 2021, 118, рис. 3; 133, рис. 13). Однако в этом регионе наблюдается концентрация и других типов керамики, например, большинства т.н. «шнуровых» амфор (Iwanowa et al. 2014, 359, рис. 4.3.3:3), кубков, металлических артефактов, оружия, повозок (Иванова 2021, 300-302, рис. 5.9-5.11). Обобщая, можно констатировать, что в Буджакской степи, а точнее – вблизи солеродных лиманов (и вдоль Нижнего Днестра) сосредоточена основная часть погребений с оружием, престижным инвентарем и неординарными чертами обряда, некоторыми типами керамики. На территории Буджака в ряде случаев наблюдается концентрация престижных артефактов и черт обряда и в рамках одного могильника, возможно, указывая на стабильность обитавших здесь определенных групп населения. Имеются находки несколько повозок в одном могильнике, двух повозок в одном кургане (Холмское, к. 2; Тараклия, к. 10). Среди погребений с «домами мертвых» наблюдается расположение в одном могильнике до 12 захоронений (Белолесье). По нескольку экземпляров в могильнике или даже в одном кургане были найдены: серебряные подвески, височные подвески из медных пронизей и обоймочек, медные составные браслеты, бронзовые ножи/кинжалы, медные шилья.

Вероятно, Буджакская степь выделялась не только в географическом, но и в социально-экономическом контексте. Западный ареал Северного Причерноморья является особым регионом, но не только потому, что его считают контактной зоной двух миров, земледельцев Балкан и скотоводов степи, и именно здесь соединялись импульсы из нескольких очагов культурогенеза. Уникальность ему придают

особенности геологического строения – наличие в Буджакской степи лиманов, в которых, в силу климатического фактора, происходит естественный процесс кристаллизации соли. Соленые источники и залежи каменной соли есть во многих регионах Европы, но почти везде их добыча требует проведения специальных работ и технологических знаний – устройство шахт или выпаривание соли на огне (что, в свою очередь, связано с природными ресурсами – наличием топлива). Поэтому, в отличие от многих других районов Европы (за исключением ареала соленых озер и лиманов западного побережья Болгарии), население Северо-Западного Причерноморья находилось в исключительно выгодном положении.

Для естественной садки соли требуется сочетание нескольких факторов – наличие солеродных лиманов, определенная степень солености воды и соответствующая температура воздуха. Этим комплексом природных показателей обладал регион не только в XVIII-XX вв., что подробно описано в исторических источниках. Геологические исследования подтверждают существование лиманов и пересыпей в интересующий нас период, а изучение состава донных отложений свидетельствует о солености лиманных вод, которая была в IV-III тыс. до н.э. выше, нежели в наше время (Коніков 2004, 161-179). Следовательно (учитывая широкую добычу соли в недавнем прошлом), можно с уверенностью говорить о естественной кристаллизации соли в Причерноморских лиманах в позднем энеолите – начале бронзовой эпохи. Сам регион Буджака следует признать уникальным природным объектом, грандиозным районом соледобычи, освоение которого способствовало процессам культурогенеза в различные исторические эпохи.

Интересно сравнить ситуацию в Северо-Западном Причерноморье и в Приуралье. Здесь памятники ямной культуры, насыщенные металлическим инвентарем, расположены не в районе Каргалинских рудников (50-140 км к северо-западу от Оренбурга), чего следовало бы ожидать, учитывая широкое распространение каргалинской меди в ямной среде региона, а на реке Илек, близ Соль-Илецкого соляного купола, в 70 км к югу от Оренбурга (Моргунова, Кравцов 1994). Такая ситуация вполне объяснима: источники меди представляли ценность только для тех, кто обладал определенными знаниями и мастерством, в то время как соль была жизненно необходима и людям, и домашним животным, а легкость ее добычи требовала охраны и «маркировки» своей территории.

Рассматривая инвентарные погребения, которые можно было бы объединять в некие социумы, отмеченные определенным инвентарем и расположенные на довольно ограниченной территории (Буджакская степь), не стоит забывать о том, что бо̀льшая часть буджакских погребений всех обрядовых групп безынвентарна. И они занимают всю территорию Северо-Западного Причерноморья (и крайний юг граничащей с ним Винницкой области), причем отсутствуют какие-либо анклавы, где обитало бы население лишь какой-то одной обрядовой группы, выделяемой на основе позы погребенного. Упоминаемая концентрация в Буджакской степи погребений с «буджакскими банками» и медными пронизями (но и другими категориями инвентаря!) сочетается с безынвентарными погребениями этих же обрядовых групп в других регионах Северо-Западного Причерноморья.

Скорее всего, аттрактором для Буджакского населения были природные объекты, расположенные в Буджакской степи, а возможность пользоваться природными ресурсами позволяла некоторой части населения выделять могилы своих родственников с помощью особенностей погребального обряда и инвентаря. Люди, для которых соль была источником богатства, жили и были захоронены поблизости мест ее добычи.

Критический подход к ошибочным интерпретациям

В последние годы некоторые археологи публикуют и представляют на международных конференциях не вполне верную информацию о буджакской культуре и ее особенностях[19]. Это касается нескольких аспектов.

1. Не всегда корректный подход к выделению определенных групп погребений и характеристик их инвентаря, когда объединяются в единое целое различные погребальные традиции и игнорируются их особенности. В частности, искажается информация о соотнесении определенных категорий инвентаря с обрядовыми

[19] Дергачев 2021; доклады Дениса Топала на конференциях в Loveno di Menaggio, Italy 2022; Niepolomice, Poland, 2022 (Topal 2022; Topal 2022a).

группами, выделенными на основании позы погребенного: погребенных на правом и левом боку априорно объединяют (рис. 3/2). Но при анализе погребальной обрядности нельзя не учитывать мировоззренческий аспект, в частности, роль идеологического фактора в формировании погребального комплекса и его семантику. В погребальном обряде нет ничего случайного, и любая особенность имеет свое значение, пусть не всегда понятное археологам. Поэтому в ряде случаев смешивать бинарные позиции («правые – левые») и бинарные обрядовые традиции в общую группу «скорченные на боку», как это делают некоторые исследователи (Topal 2022), так же недопустимо, как смешать все буквы из нескольких предложений, сформировав некорректный текст, и строить на этом тексте определенные гипотезы. Некоторые категории погребального инвентаря и уровень трудовых затрат, затраченных на сооружение погребения (высокий или низкий), отчасти коррелируют с пятью обрядовыми группами, а расположение умершего на правой или левой стороне имеет определённое значение (Яровой 1985). Фиксация только двух групп нивелирует информацию, которую предоставляют археологические данные. К сожалению, систематизация предметов из погребений в контексте ритуальных групп также искажалась (Topal 2022). Так, отнесение только к 1-й ритуальной группе всех находок больших амфор (так называемых «яйцевидных», «дунайских» или «шнуровых») неверно. По моим подсчетам, из 23 находок таких амфор в Северо-Западном Причерноморье десять амфор относятся к 1-й обрядовой группе, девять амфор – к левостороннее расположенным умершим, а четыре погребения разрушены[20]. Другие археологи (Яровой 1985, 93, рис. 24; Дергачев 2021, 143, рис. 19) также отмечают находки таких амфор в погребениях разных ритуальных групп.

2. Не соответствует действительности отнесение находок спиральных подвесок только к 1-й ритуальной группе (Дергачев 2021, 101; Topal 2022; Topal 2022a). Они были найдены в захоронениях разных ритуальных групп, и металл, из которого они изготовлен, имел значение. Серебряные подвески были найдены в основном в 1-й обрядовой группе, а медные/бронзовые преимущественно в остальных. Более престижные, серебряные изделия, таким образом, сосредоточены в погребениях 1-й обрядовой группы (табл. 1).

3. Не верно положение о том, что «характерны подвески преимущественно для детских захоронений, хотя присутствуют и в мужских, и в женских» (Дергачев 2021, 108). Серебряные височные подвески в Северо-Западном Причерноморье найдены в 6 детских захоронениях, 5 мужских, 1 женском (пол определен под вопросом), остальные погребения относятся ко взрослым без определения пола (Иванова 2001, 238, табл. 22). Медные спирали найдены в 2 погребениях женщин, 3 погребениях детей, в остальных погребениях взрослых пол не определен.

4. Мнение (Дергачев 2021, 110-111; Topal 2022) о том, что браслеты, сделанные из пронизей и обоймочек, являются характерной чертой и основным видом украшений погребений, где умершие скорчены на боку или с наклоном набок (2-5 обрядовые группы), не соответствует археологическим данным. Эти артефакты не всегда являются частью браслетов. Их находили не только в области запястья, но и на груди, на бедре, на голове, под подбородком, т.е. это могли быть бусы, украшения головы, одежды, головных уборов и причесок (Субботин 2003, 156-157). Из 54 найденных на территории Северо-Западного Причерноморья «комплексов с браслетами», выделяемых В. Дергачевым для подтверждения своей идеи (Дергачев 2021, 133-134, рис. 13), 25 оказались не соответствующими заявленным критериям. Это, прежде всего, 7 погребений других культур и эпох (энеолит, средний бронзовый век, усатовская культура, катакомбная культура). Также в 18 случаях медные трубочки-пронизи были найдены на груди, у черепа, у таза, на деревянном блюде, на деревянном перекрытии могильной ямы или в заполнении потревоженного погребения, не являясь браслетами[21]. В некоторых захоронениях они представляют собой бусы, связанные с какими-либо другими украшениями, но не с браслетами (рис. 13)[22]. Для увеличения количества «погребений с

[20] С учетом неопубликованных материалов, любезно предоставленных Сергеем Разумовым.

[21] В этих конкретных случаях на запястьях следы окислов меди также не фиксировались.

[22] В аннотации к рис. 13 (по: Дергачев 2021) *курсивом* отмечены неверные данные (не браслеты), жирным шрифтом отмечены инокультурные погребения.

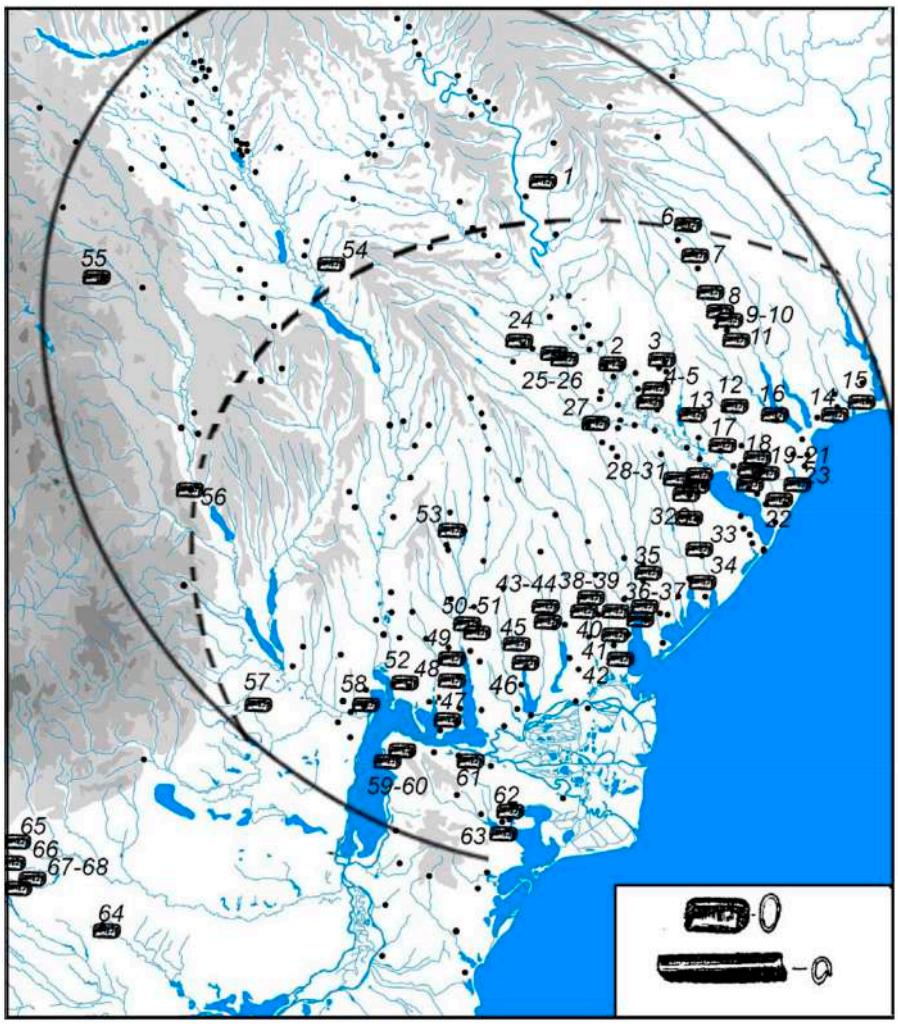


Рис. 13. Местонахождения элементов составных браслетов в виде трубчатых пронизей, свернутых из тонких медных пластин (нумерация местонахождений соответствует числу комплексов): 1 - Мокра 1/6; 2 - Тырнаука II, 2/17; 3 - Никольское 7/7; 4, 5 - *Слобозия 1/21*, 4/4; 6 - Григоривка 1/12; 7 - *Новоград «Любаша» 2/2 (Новогригоривка, курган «Любаша» прим. авт.)*; 8 - **Великозименово 1/3**; 9, 10 - *Катаржино* 1/1, *1/21*; 11 - Баранове 1/9; 12 - *Щербанка 1/7*; 13 - **Лиманське 4/4;** 14 - *Стари Биляры 1/14*; 15 - Вапнярка 4/16; 16 - *Холодна Балка 1/15*; 17 - *Яськи 5/2*; 18 - Петродолинське 1/9; 19-21 - *Ефимивка* 2/23, *6/3, 10/7*; 22 - Новоградивка 1/4; 23 - *Олександривка 1/24 (1/32а? прим. авт.);* 24 - **Мерень 1/3**; 25, 26 - **Рошкань** 1/13, **5/7;** 27 - ***Кэплань 1/9;*** 28-31 - Семенивка 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 - *Подгородное (Пидгорне, курган «Хрестова могила», прим. авт.) 1/19*; 33 - Широке 33/3; 34 - *Дивизия 2, 6/3*; 35 - *Билолисся 4/4;* 36, 37 - *Трапивка 1/11*, *4/7*; 38, 39 - **Баштанивка** 4/25, **7/1**; 40 - Глибоке 1/25; 41 - Борисивка 9/6; 42 - Нерушай 10/13; 43-44 - Холмське 2/8, 2/13; 45 - Новокаменка 1/5; 46 - Каменка 1/8; 47 - *Орловка 1/9*; 48 - Лиман 3А/30; 49 - Влэдичень 9/2 (Владычень, прим. автора); 50-51 - *Кубей 22/18, 23/16*; 52 - Жюржюлешть 3/13; 53 - Тараклия 2, 14/16; 54 - Петрешть 1/3 (по: Дергачев 2021, с уточнениями автора: **жирный шрифт** - инокультурные погребения, *курсив* - трубчатые пронизи не являются частью браслетов).

браслетами», В. Дергачев отнес к браслетам даже бронзовый наконечник стрелы с остатками древка, найденный у позвоночника погребенного в могиле Кэплани 1/9, средний бронзовый век (Дергачев 2021, 133-134, рис. 13; Агульников 1984, 90-97).

5. Погребения катакомбной культуры с ямным (в т.ч. буджакским) инвентарем не служат однозначным аргументом для датировки этих и аналогичных артефактов финалом ямной культуры. Археологи давно отошли от формационного подхода, регламентирующего жест-

кую смену одних культур другими, допуская сосуществование культур, ранее разделенных в рамках разных хронологических этапов (напр.: Щукин 2004). Частичное сосуществование ямной КИО и катакомбной КИО уже в первой половине III тыс. до н.э. рассматривается не только в работах давних сторонников этой гипотезы (Пустовалов 2005), но и в разделе программной коллективной монографии Института археологии НАН Украины, который был написан бывшими непримиримыми противниками такой точки зрения (Отрощенко, Черных, Гершкович 2008, 243-251). Отсутствие переменной стратиграфии ямных и катакомбных погребений объясняется их расположением в разных секторах кургана, а не исключительно хронологическим аспектом. Общим принципом сооружения подавляющего большинства могил катакомбной культуры является их устройство непосредственно в материке, с углублением в него на 1,0-1,5 м и более (Субботин 2000, 366). С одной стороны, в плотной глине сохранялась форма сооружения, а с другой, яркий желтый цвет ее мог иметь определенную символику в погребальной обрядности. Поэтому вполне естественным было расположение катакомбных погребений на краях курганов, где тоньше слой насыпи и для сооружения катакомб требовалось меньше усилий. Выбор места захоронения (расположение катакомбных погребений на периферии курганов) связан, вероятно, с обрядовыми и мировоззренческими традициями общества, его физическим потенциалом, а не с дендрологическими аллюзиями (Дергачев 2021, 106).

6. Вывод о том, что «частичное или полное территориальное совпадение двух изучаемых явлений[23] может означать только одно – эти явления разновременные» (Дергачев 2021, 104), не подкреплен никакими аргументами. Напротив, в некоторых случаях фиксируется их «полное территориальное совпадение» на уровне единого могильного пространства, т.е. нахождение в одной могиле умерших в разных позах. Видимо, точно так же не стоит требовать от традиционного общества в период его существования обязательных – и кардинальных – изменений: считается, что изменения в таких обществах в древности (вплоть до XVIII века) происходили медленно и почти незаметно. Поэтому сентенция об алогичности «представления о монотонности ее[24] почти тысячелетнего развития» (Дергачев 2021, 102), в свою очередь, выглядит алогичной, отражающей личные представления автора об историческом процессе и его динамике.

Таким образом, информация, которую предоставляют научному сообществу в публикациях и на научных конференциях некоторые археологи, как и выводы, которые строятся на основе этой информации, может быть использована в тех или иных работах и исследованиях только после ее критической проверки[25].

Выводы

Северо-Западное Причерноморье (междуречье Южного Буга, Прута и Дуная) является особым географическим ареалом; в раннем бронзовом веке здесь обитало население Буджакской культуры, которая соотносится с ямной культурно-исторической общностью. Выделение отдельной культуры вполне правомерно, исходя из существующих дефиниций этого понятия. Картографирование курганов указывает на их распространение по всему Северо-Западному Причерноморью (и несколько севернее), а не только в Карпато-Приднестровье.

Разные обрядовые группы (выделяемые с учетом позы погребенного и инвентаря), вероятно, представляют разные социальные страты общества буджакской культуры. Концентрация неординарных погребений вблизи соляных лиманов и переправ через Дунай вполне объяснима с точки зрения экономики древних обществ. Население, оставившее захоронения 1-й обрядовой группы (со скорченным на спине обрядом погребения), вероятно, занимало верхние позиции в социальной стратификации общества буджакской культуры. В этих захоронениях найдены престижные артефакты, с ними связаны престижные элементы обрядности, над ними чаще возводились курганные насыпи, и именно оно, в основном, занималось престижным обменом, продвинувшись на территорию Балкано-Карпатского ареала.

[23] Под этими явлениями В. Дергачев понимает обитание на одной территории нескольких групп однокультурного населения с отличными обрядовыми традициями и частично отличающимся инвентарем.

[24] Т.е. буджакской культуры.

[25] Статистическую информацию для проверки можно получить из каталога артефактов буджакской ямной культуры, составленного Леонидом Субботиным (2003), а также из публикаций первоисточников.

Археологический материал не позволяет интерпретировать обрядовые группы исключительно в хронологическом аспекте. Основные захоронения (для первой или последующих насыпей) выделяются уровнем трудовых затрат на погребение и, следовательно, могут быть связаны с социальным статусом умершего. Поза покойника и его ориентировка могут отражать не хронологическую, а социальную или этническую дифференциацию. Различная стратиграфическая позиция погребений в курганах (в том числе и с разными позами умерших), скорее, могла быть связана с социальным, нежели хронологическим аспектом. Этапы строительства курганов, размещение могилы в определенном секторе, а умершего – в определенной позе подчинялись традициям конкретного человеческого коллектива.

Исследователи погребальных практик полагают, что и планиграфия, и последовательность возведения насыпей, их конфигурация и размеры оказываются подчиненными определенным правилам, где хронологический аспект является лишь одним из многих. В погребальном ритуале получила отражение социальная дифференциация социума, оставившего курганы и захоронения, соотносимые с буджакской культурой. Это проявлялось на разных уровнях и в разных структурах: как в существовании определенных категорий населения с разной социальной позицией, так и в иерархии социальных и обрядовых групп. Многие элементы обряда связаны именно с социальной стратификацией общества, а не с хронологическими этапами, существуя в одно и то же время в одном и том же месте. Строительство кургана как сакрального комплекса было связано с определенными правилами и ограничениями, которые влияли на стратиграфию каждого кургана. Объяснение имеющихся отличий исключительно с позиций хронологии является упрощением. Отказ от комплексного рассмотрения различных факторов (социальных, этнических, символических и пр.) в пользу хронологического ведет к недостаточно корректной интерпретации археологического материала и некорректным реконструкциям.

Библиография

Авилова 2007: Л.И. Авилова, Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век): состояние проблемы и перспективы исследований. Вестник Российского фонда фундаментальных исследований 2 (52), 2007, 30-44.

Агульников 1984: С.М. Агульников, Курган эпохи бронзы у с. Капланы. В сб.: (Ред. И.И. Артеменко и др.) Курганы в зонах новостроек Молдавии (Кишинев 1984), 90-97.

Алексеева 1992: И.Л. Алексеева, Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1992).

Берестнев 2005: С.И. Берестнев, К проблеме курганов и курганной стратиграфии. В сб.: Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник (Харьков 2005), 97-115.

Бруяко, Агульников 2017: И. Бруяко, С. Агульников, Погребения эпохи раннего – среднего бронзового века на территории предместья городища Картал. Revista Arheologică s.n. XIII(1-2), 2017, 86-103.

Бруяко, Росохацкий 2000: И.В. Бруяко, А.А. Росохацкий, Погребения эпохи бронзы из позднеантичного могильника Беленькое. Stratum plus 2, 2000, 563-568.

Бруяко, Самойлова 2013: И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова (ред.), Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013).

Бунятян 2007: К.П. Бунятян західні міґранти в Середній Наддніпрянщині близько середини 3 тис. cal BC. Матеріали та дослідження з археології Східної України 7, 2007, 92-94.

Гей 1999: А.Н. Гей, О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России. Российская Археология 1, 1999, 34-50.

Гей 2000: А.Н. Гей, Новотиторовская культура (Москва 2000).

Генинг, Борзунов 1975: В.Ф. Генинг, В.А. Борзунов, Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда. Вопросы археологии Урала 13, 1975, 42-72.

Дворянинов, Петренко, Рычков 1981: С.А. Дворянинов, В.Г. Петренко, Н.А. Рычков, К изучению ориентировки ямных погребений. В сб.: (Ред. В.Н. Станко) Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 22-38.

Дворянинов, Дзиговский, Субботин 1985: С.А. Дворянинов, А.Н. Дзиговский, Л.В. Субботин, Раскопки курганной группы у с. Вишневое. В сб.: (Ред. В.Н. Станко) Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 132-174.

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 1999: В.А. Дергачев, Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. Stratum plus 2, 1999, 169-221.

Дергачев 2021: В.А. Дергачев, Буджакская «культура» сквозь призму картографического метода. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморь, 13, 2021, 99-144.

Иванова 2000: С.В. Иванова, О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus 2, 2000, 388-403.

Иванова 2001: С.В. Иванова, Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2001).

Иванова 2001-2002: С.В. Иванова, Бинарные оппозиции в погребальном обряде ямной культуры. Stratum plus 2, 2001-2002, 308-316.

Иванова 2006: С.В. Иванова, Ямная культурно-историческая общность: радиоуглеродное датирование и проблемы формирования. Российская Археология 2, 2006, 113-121.

Иванова 2015: С.В. Иванова, Протобуджакский горизонт Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus 2, 2015, 275-294.

Иванова 2021: С. Иванова История населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV-III тыс. до н.э. (Житомир 2021).

Иванова, Войтович 2021: С. Иванова, М. Войтович, Міграції чи культурні контакти: щодо теорії «Ямної навали» на терени Центральної Європи. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 25, 2021, 56-105.

Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Иванова, Островерхов, Савельев 2012: СВ. Иванова, А.О. Островерхов, О.К. Савельев, Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья (Киев 2012).

Клейн 1975: Л.С. Клейн, Рец. на: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Материалы по археологии Северного Причерноморья, 6, 1970. Советская археология 1, 1975, 297-304.

Клейн 1991: Л.С. Клейн, Археологическая типология (Ленинград 1991).

Клейн 2016: Л.С. Клейн, Ямная, буджакская и ДНК. В сб.: (Ред. В.А. Алекшин) Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (Санкт-Петербург 2016), 6-13.

Клейн 2017: Л.С. Клейн, Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья). Stratum plus 2, 2017, 361-376.

Ковалева 1984: И.Ф. Ковалева, Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке (Днепропетровск 1984).

Коніков 2004: Є.Г. Коніков, Екзодинамічна модель умов осадконакопичення і формування берегових. систем північно-західної частини Чорного моря протягом останніх 18 000 років. Вісник Одеського Національного Університету. Географічні та геологічні науки 9(4), 2004, 161-179.

Кузнецов 2008: П.Ф. Кузнецов, Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст. В: Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, т 1. (Москва 2008), 358-360.

Кузнецов 2013: П.Ф. Кузнецов, Датировка памятника у Репина Хутора и культурно- родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной. Европы. Российская археология 1, 2013, 13-21.

Малюкевич, Агульников, Попович 2017: А.Е. Малюкевич, С.М. Агульников, С.С. Попович, Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога (Одесса-Кишинев 2017).

Массон 1976: В.М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) (Ленинград 1976).

Мерперт 1974: Н.Я. Мерперт, Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья (Москва 1974).

Монгайт 1967: А.Л. Монгайт, Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). Народы Азии и Африки 1, 1967, 53-65.

Моргунова 2014: Н.Л. Моргунова, Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области (Оренбург 2014).

Моргунова, Кравцов 1994: Н.Л. Моргунова, А.Ю. Кравцов, Памятники древнеямной культуры на Илеке (Екатеринбург 1994).

Мочалов 2008: О.Д. Мочалов, Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья (Самара 2008).

Мочалов 2009: О.Д. Мочалов, Диагностические признаки керамики ямной культурно-исторической области Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы (Оренбург 2009), 78-87.

Николова 1992: А.В. Николова, Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины, автореф. дис. ... к.и.н. (Киев 1992).

Николова, Черных 2012: А.В. Николова, Л.А. Черных, О ножах-«бритвах» ранней бронзы Северного Причерноморья. Stratum plus, 2, 2012, 303-324.

Никулицэ 2009: А. Никулицэ, Ювелирные изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников эпох энеолита и бронзы (по материалам фондов НМ АИМ. Tyragetia s.n. III/1, 2009, 157-168.

Отрощенко, Черных, Гершкович 2008: В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, Л.А. Черних, Доба бронзи на теренах України. В: (Ред. П.П. Толочко) Україна. Хронологія розвитку, т. 1 (Київ 2008), 219-331.

Очир-Горяева 2018: М.А. Очир-Горяева, Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья. Stratum plus 3, 2018, 57-86.

Петренко 1997: В. Г. Петренко, Золото и серебро в энеолите Северо-Западного Причерноморья В: Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы докладов международной конференции (Николаев 1997), 31-32.

Пустовалов 2005: С.Ж. Пустовалов, Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор`я (Київ 2005).

Сава, Агульников, Манзура 2019: Е. Сава, С. Агульников, И. Манзура, Исследования курганов в Буджакской степи (1980-1985 гг.) (Кишинев 2019).

Субботин 2000: Л.В. Субботин, Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. Stratum plus 2, 2000, 350-387.

Субботин 2003: Л.В. Субботин, Орудия труда, оружие и украшения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2003).

Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка и Новоселица (Одесса 1995).

Субботин, Тощев 2002: Л.В. Субботин, Г.Н. Тощев, Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман (Запорожье 2002).

Телегин 1977: Д.Я. Телегин, Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины. Советская археология 2, 1977, 5-19.

Телегин 1991: Д.Я. Телегин, Еще раз о выделении памятников новоданиловского типа эпохи меди. В: (Ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Материалы международной конференции (Киев 1991), 60-61.

Титов 1982: В.С. Титов, К изучению миграций бронзового века. В: (Ред. В.И. Гуляев) Археология Старого и Нового Света (Москва 1982), 89-145.

Топоров 1980: В.Н. Топоров, Гора мировая. В: (Ред. С.А. Токарев) Мифы народов мира, т. 1 (Москва 1980), 311-315.

Турецкий 1992: М.А. Турецкий, Ямная культура Волго-Уральского региона, (проблемы исследования погребального обряда). Автореф. дисс. ... к.и.н. (Москва 1992).

Файферт 2018: А.В. Файферт, Ранний этап ямной культуры эпохи бронзы Нижнего Подонья. Дисс. ... к.и.н. (Воронеж 2018), https://www.dissercat.com/content/rannii-etap-yamnoi-kultury-epokhi-bronzy-nizhnego-podonya/read.

Филиппова 2009: С.В. Филиппова, Кладбище как символическое пространство социальной стратификации. Журнал социологии и социальной антропологии 4, 2009, 80-96.

Формозов 1959: А.А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке (Москва 1959).

Черных, Орловская 2004: Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская, Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. Российская Археология 1, 2004, 84-99.

Черняков 1979: И.Т. Черняков, Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции (Донецк 1979), 8-10.

Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова 1977: О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, И.Н. Шарафутдинова, О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне р. Ингула. В: (Ред. О.Г. Шапошникова) Древности Поингулья (Киев 1977), 7-36.

Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко, Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) (Киев 1986).

Шишлина 2007: Н.И. Шишлина, Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н. э) (Москва 2007).

Шмаглий, Черняков 1970: Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра. Материалы по археологии Северного Причерноморья 6, 1970, 5-90.

Шнирельман 1986: В. А. Шнирельман, Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей. В: (Ред. В.П. Алексеев) История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины (Москва 1986), 236-426.

Шнирельман 1988: В.А. Шнирельман, Производственные предпосылки возникновения первобытного общества. В: (Ред. В.П. Алексеев) История первобытного общества. Эпоха классообразования (Москва 1988), 5-139.

Щукин 2004: М.Б. Щукин, Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчётов эпохи латена и римского времени). В: (Ред. В.Ю. Зуев) Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников (Санкт Петербург 2004), 261-276.

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда) (Кишинев 1985).

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

Яровой 2000: Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Дисс...д.и.н. (Москва 2000), https://www.dissercat.com/content/skotovodcheskoe-naselenie-severo-zapadnogo-prichernomorya-epokhi-rannego-metalla

Agulnicov, Mistreanu, Popovici 2014: S. Agulnicov, E. Mistreanu, S. Popovici, Cercetări de salvare la tumulul de la Rogojeni, r-nul Şoldăneşti. Arheologia Preventivă în Republica Moldova 1-2, 2014, 35-42.

Allentoft et al. 2015: M. E. Allentoft, M. Sikora, K.-G. Sjögren et al., Population genomics of Bronze Age Eurasia. Nature 522, 2015, 167-172. doi:10.1038/nature14507.

Balen 2005: J. Balen, The Kostolac Horizon at Vučedol. Opuscula Archaeologica, 29, 2005, 25-40.

Balen 2006: J. Balen, Sarvaš – Neolithic and Eneolithic settlement (Zagreb 2006).

Binford 1971: L. Binford, Mortuary Practices: their study and potential. In: Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices. Memoirs of the Society for American Archaeology 25, 1971, 6-29.

Bunjatjan, Kaiser, Nikolova 2006: K.P. Bunjatjan, E. Kaiser, A.V. Nikolova, Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums (Langenweisbach 2006).

Childe 1926: G. Childe, The Aryans: A study of Indo-European origins (New York 1926).

Ciobanu, Agulnicov 2016: I. Ciobanu, S. Agulnikov, Investigaţiile arheologice de la Crihana Veche. Rezultatele campaniei 2015. Arheologia Preventivă în Republica Moldova III, 2016, 45-60.

Ciobanu et al. 2019: I. Ciobanu, A. Simalcsik, V. Vornic, S. Agulnicov, Investigaţiile arheologice preventive la tumulul 9-La Mohilă de pe teritoriul localităţii Cîşliţa-Prut (r-nul Cahul). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2018 (Chişinău 2019), 37-39.

Free Map. Старовинні карти України http://freemap.com.ua/karty-ukrainy/karty-trexverstovki-s-privyazkoj-dlya-gps

Escedy 1979: I. Ecsedy, The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary (Budapest 1979).

Frînculeasa 2020: A. Frînculeasa, Cultura Cernavodă II la Dunărea Inferioară. Relevanţa cronologiei şi a înmormântărilor tumulare. Studii de Preistorie 17, 2020, 135-193.

Frînculeasa 2021: A. Frînculeasa, Burial mounds in the Lower Danube region – From the international to the local and the other way round. In: (Eds. V. Heyd, G. Kulcsár, B. Preda-Bălănică) Yamnaya Interactions (Budapest 2021), 173-206.

Gimbutas 1956: M. Gimbutas, The prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, neolithic and copper age cultures in Russia and the Baltic area. American school of prehistoric researches. Harvard University Bulletin 20, 1956.

Golani 1988: A. Golani, Revealed by their Jewelry: Ethnic identity of Israelites during the Iron Age in the Southern Levant. Polish archaeology in the Mediterranean 23/2, 1988, 269-296.

Haak et al. 2015: W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson et al., Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. Nature 522, 2015, 207-211. doi:10.1038/nature14317.

Harat, Potupczyk, Razumow 2014: K. Harat, M. Potupczyk, S. Razumow, Charakterystyka źródeł archeologicznych pozyskanych w latach 1984-1993. Arhaeologia Bimaris 6, 2014, 45-204.

Heyd 2022: V. Heyd, Twisted brothers or messed cousins? On the special relationship between Yamnaya and Corded Wares. Presentation at the conference «Steppe invaders vs local resident (4th-3rd millennia BC)». Niepolomice, Poland, 2-3 December 2022.

Heyd 2023: V. Heyd, West-to-east directed migrations in the third millennium BC and their impact on the archaeological, genetic and linguistic landscape of Eurasia. Presentation at the conference «Scales of Social, Environmental &Cultural Change in Past Societies». Kiel, Germany, 13.-18.03. 2023.

Kassianidou, Knapp 2005: V. Kassianidou, A. Knapp, Archaeometallurgy in the Mediterranian: the Social Context of Mining, Technology and Trade. In: (Eds: E. Blake, A. Bernard Knapp) The archaeology of Mediterranean prehistory (Oxford, 2005), 215–251.

Ivanova 2022: S. Ivanova, A few myths about Budzhak Yamna Culture. Записки історичного факультету Одеського національного Університету імені І.І. Мечникова 33, 2022, https://doi.org/10.18524/2312-6825.2022.33.270450.

Kristiansen 2010: K. Kristiansen, Decentralized Complexity: The Case of Bronze Age Northern Europe. In: (Eds: D. Price, G. Feinman) Pathways to Power. New Perspectives on the Emergence of Social Inequality (New York, London 2010), https://doi: 10.1007/978-1-4419-6300-0_7.

Kośko, Potupczyk, Razumow 2014: A. Kośko, M. Potupczyk, S. Razumow (eds.), Naddniestrzańskie kompleksy cmentarzysk kurhanowych społeczności z III i z pierwszej połowy II tysiąclecia przed Chr. w okolicach Jampola, obwód winnicki. Archaeologia Bimaris, 6, 2014.

Leviţki, Manzura, Demcenco 1996: O. Leviţki, I. Manzura, T. Demcenco, Necropola tumulară de la Sărăteni (Bucureşti 1996).

Manzura 1993: I. Manzura, The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic. Revista Arheologică I, 1993, 23-54.

Mathieson et al. 2015: I. Mathieson, I. Lazaridis, N. Rohland, et al., Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. Nature 528, 2015, 499-503, doi:10.1038/nature16152.

Nikolova, Kaiser 2009: A.V. Nikolova, E. Kaiser, Die absolute Chronologie der Jamnaja-Kultur im nördlichen Schwarzmeergebiet auf der Grundlage erster dendrochronologischer Daten. Eurasia Antiqua 15, 2009, 209-240.

O'Guinn, Tanner, Maeng 2015: T. O'Guinn, R. Tanner, A. Maeng, Turning to Space: Social Density, Social Class, and the Value of Things in Stores. Journal of Consumer Research 42(2), 2015, 196-213, https://doi.org/10.1093/jcr/ucv010.

Popovici, Bubulici 2019: S. Popovici, V. Bubulici, Tumulii 5 şi 6 de la Cimişlia. Cercetări preventive din anul 2019. In: Conferinţa ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (ediţia a 29-a), 17-18 octombrie 2019 (Chişinău 2019), 12-13.

Preda 2015: B. Preda, Considerations regarding barrow burials and metal depositions during the Early Bronze Age in the Carpathian-Danube area. Hiperboreea Journal 2(2), 2015, 5-51, https://doi: 10.1553/archaeologia100s57.

Primas 2007: M. Primas, Innovationstransfer vor 5000 Jahren. Knotenpunkte an Land- und Wasserwegen zwischen Vorderasien und Europa. Eurasia Antiqua 13, 2007, 1-19.

Rassamakin 1994: Y.Y. Rassamakin, The main directions of the development of early pastoral societies of Northern Pontic Zone: 4500-2450 BC (Pre-yamnaya cultures and Yamnaya culture). Baltic–Pontic Studies 2, 1994, 29-70.

Rassamakin 2004: Ju. Ja. Rassamakin, Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. (Mainz 2004).

Roberts, Linden 2011: B.W. Roberts, M. Vander Linden (eds.), Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission (New York, Dordrecht, Heidelberg, London 2011), 1-21, https://doi: 10.1007/978-1-4419-6970-5.

Saxe 1970: A. Saxe, Social Dimensions of Mortuary Practices in a Mesolitic Population fromWadi Halfa. Memoirs of the Society for American Archeology 25, 1970, 39-57.

Tainter 1975: J.A. Tainer, Social Inference and Mortuary Practices: an Experiment of Numeral classification. World Archaelogy, 7, 1975.

Topal 2022: D. Topal, Main characteristics of the Yamnaya barrows in the North-West Pontic area. https://www.academia.edu/78583661

Topal 2022a: D. Topal, Kurganization of the west of Pontic steppe from the down to its heyday. Pre-Yamnaya and Yamnaya time. Presentation at the conference «Steppe invaders vs local resident (4th-3rd millennia BC)». Niepolomice, Poland, 2-3 December 2022.

Wlodarczak 2010: P. Włodarczak, Dunajski szlak kultury grobów jamowycha problem genezy kultury ceramiki sznurowej. In: (Eds. S. Czopek, S. Kadrow) Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata (Rzeszów 2010), 299-325.

Wlodarczak 2014: P. Włodarczak, Sekwencja czynności obrzędowych: problem korespondencji tradycji funeralnych kultury jamowej i kultury ceramiki sznurowej na Wyżynie Podolskiej. Archaeologia Bimaris 6, 2014, 313-340.

Cultura Bugeac ca fenomen arheologic

Cuvinte-cheie: Spaţiul nord-vest pontic, cultura Bugeac, cronologie, stratigrafie, stratificare socială

Rezumat: În prezentul articol sunt puse în discuţie aspecte legate de dezvoltarea istorică a regiunii nord-vest-pontice în perioada timpurie a epocii bronzului. Au fost supuse analizei probleme aparte, ce ţin de cultura arheologică Bugeac şi statutul acesteia. Specificul culturii Bugeac a apărut încă la etapa formării acesteia, ceea ce permite sincronizarea ei cu mediul cultural-istoric Jamnaja în întregime: 3200/3100-2200/2100 a. Chr. şi nu doar cu perioada târzie a culturii Jamnaja. În geneza culturii Bugeac pot fi difenţiate două etape: timpurie şi târzie, având limita în jur de 2600/2500 a. Chr. În ce priveşte diferenţa poziţiei defuncţilor şi unele deosebiri ale inventarului funerar, acestea pot fi puse în legătură cu structura socială a comunităţilor, şi nu cu etapele cronologice. Ierarhia socială a populaţiei culturii Bugeac şi evidenţierea „grupelor ritualice" în cadrul acesteia sunt importante în procesul examinării diferitor aspecte: cronologie, stratigrafie, evoluţie şi contacte culturale.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planigrafia tumulilor culturii Bugeac: 1 - Novoselytsya, tum. 19; 2 - Olăneşti, tum. 1 (după: 1 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 2 - Яровой 1990).

Fig. 2. Morminte ale culturii Bugeac, cu poziţii diferite ale defuncţilor: 1 - Mologa 2/14; 2 - Giurgiuleşti 9/2; 3 - Kartal IV/162; 4 - Kartal VI/532; 5 - Brînzenii Noi 1/4; 6 - Cimişlia 6/9; 7 - Mologa 2/39; 8 - Crihana Veche 9/6 (după: 1, 7 - Малюкевич, Агульников, Попович 2017; 2 - Ciobanu et al. 2019; 3, 4 - Бруяко, Агульников 2017; 5, 8 - Ciobanu, Agulnicov 2016; 6 - Popovici, Bubulici 2019).

Fig. 3. Poziţiile de bază ale defuncţilor culturii Bugeac: 1 - clasificare corectă (Яровой 1985); 2 - clasificare incorectă (Topal 2022).

Fig. 4. Ceramică şi câteva tipuri de inventar funerar al culturii Bugeac: 1 - tipurile de bază ale ceramicii culturii Bugeac (în proporţie cantitativă); 2 - Dalnik 1/3; 3 - Gradeshka I, 5/12; 4 - Semenivka 19/5; 5 - Bashtanivka 7/12; 6 - Holmske 1/16; 7 - Gradeshka I, 5/11; 8 - Efymivka 10/7; 9 - Efymivka 2/14; 10 - Semenivka 19/5; 11 - Mologa 2/3; 12 - Rogojeni 1/1, 13 - Matroska, k. 1; 14 - Strumok 1/3; 15 - Semenivka 8/18; 16 - Plavni 15/5; 17 - Novogradkovka 2/9; 18 - Frickacey 4/12 (cuţit şi împungător); 19 - Katarzhyno 1/11 (piesă pentru retuş); 20 - Alkalja 35/6 (topor-teslă); 21 - Liman 3A/30 (saltalion); 22 - Taraclia II, 14/3 (pandantiv-spirală din aur); 23 - Bădragii Vechi 6/7, Giurgiuleşti 2/9, Corpaci 2/12 (pandantiv-spirală din argint); 24 - Corpaci 2/12, Roşcani 1 (pandantiv din argint, de tip Zimnicea) (după: 12 - Agulnicov, Mistreanu, Popovici 2014; 13 - Бруяко, Самойлова 2013; 17 - Balen 2005; 22 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 23, 24 - Никулицэ 2009), restul fotografiilor cu ceramică şi artefacte sunt efectuate de S. Ivanova, colecţiile Muzeului de Arheologie din Odesa).

Fig. 5. Scheme stratigrafice din tumulii culturii Bugeac şi cronologia radiocarbon: 1 - Mayaki, tum. 1; 2 - Novoselytsya, tum. 19; 3 - Vishneve, tum. 17 (poziţii prezentate schematic).

Fig. 6. Poziţii ale defuncţilor din mormintele culturii Jamnaja de pe teritoriul României (după: Frînculeasa 2020).

Fig. 7. Ceramica – marker cronologic ale etapelor culturii Bugeac: 1, 2 - Sărăteni, 3/14; 3, 4 - Trapivka 6/20; 5-7 - Taraclia 14/16; 8, 9 - Bashtanivka 7/21; 10, 11 - Liman 3A/17; 12, 13 - Novoselytsya 19/19; 14 - Sarvaš; 15 - Bashtanivka 4/25; 16 - orizontul Kostolac de la Vučedol, groapa 60 (după: 1, 2 - Levitki, Manzura, Demcenco 1996; 3, 4, 12, 13 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 5-7 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 8, 9 - Шмаглий, Черняков 1970; 10, 11 - Субботин, Тощев 2002; 14 - Balen 2006; 16 - Balen 2005; 11, 15 - foto de S. Ivanova, colecţiile Muzeului de Arheologie din Odesa).

Fig. 8. Poziţia defuncţilor în nivelele stratigrafice din tumulii din perioada eneolitică (după: Берестнев 2005).

Fig. 9. Caracteristicile de bază ale perioadei timpurii a culturii Bugeac.

Fig. 10. Caracteristicile de bază ale perioadei târzii a culturii Bugeac.

Fig. 11. Poziţia cronologică a artefactelor individuale din etapa timpurie a culturii Bugeac (conform datelor stratigrafice şi analizelor radiocarbon).

Fig. 12. Poziţia cronologică a artefactelor individuale din etapa târzie a culturii Bugeac (conform datelor stratigrafice şi analizelor radiocarbon).

Fig. 13. Localizarea elementelor de brăţări, de forma unor pandantive tubulare, rulate din placă subţire de cupru (numărul localizării corespunde cu numărul complexelor): 1 - Mokra 1/6; 2 - Tîrnauca II, 2/17; 3 - Nicolscoe 7/7; 4, 5 - *Slobozia 1/21*, 4/4; 6 - Grygorivka 1/12; 7 - *Novograd „Lyubasha" 2/2* (*Novogrygorivka, tum. „Lyubasha", nota autorului*); 8 - **Velykozymenovo 1/3**; 9, 10 - *Katarzhyno* 1/1, *1/21*; 11 - Baranove 1/9; 12 - *Shcherbanka 1/7*; 13 - **Lymanske 4/4**; 14 - *Stary Bilyary 1/14*; 15 - Vapnyarka 4/16; 16 - *Kholodna Balka 1/15*; 17 - *Yasski 5/2*; 18 - Petrodolynske 1/9; 19-21 - *Yefymivka* 2/23, *6/3,* 10/7; 22 - Novogradivka 1/4; 23 - *Oleksandrivka 1/24 (1/32a? nota autorului);* 24 - **Mereni 1/3**; 25, 26 - **Roşcani** 1/13, **5/7**; 27 - ***Căplani, 1/9;*** 28-31 - Semenivka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 - *Podgorodnoye 1/19 (Pidhorne, tum. „Khrestova Mogyla", nota autorului)*; 33 - Shiroke 33/3; 34 - Dyviziya 2, 6/3; 35 - *Bilolissya 4/4;* 36, 37 - *Trapivka 1/11, 4/7*; 38, 39 - **Bashtanivka** 4/25, **7/1**; 40 - Glyboke 1/25; 41 - Borysivka 9/6; 42 - Nerushay 10/13; 43, 44 - Kholmske

2/8, 2/13; 45 - Novokamenka 1/5; 46 - Kamenka 1/8; 47 - *Orlovka 1/9*; 48 - Lyman 3A/30; 49 - Vledichen 9/2 (Vladychen, nota autorului); 50, 51 - *Kubey 22/18, 23/16*; 52 - Giurgiuleşti 3/13; 53 - Taraclia 2, 14/16; 54 - Petreşti 1/3) (după: Деркачев 2021, nota autorului: **bold** - tumuli din alte culturi, *cursiv* - pandantive tubulare neatribuite brăţărilor).

Tabel 1. Compararea artefactelor din diferite grupuri ritualice.

Tabel 2. Compararea trăsăturilor de rit din diferite grupuri ritualice.

Budzhak culture as an archaeological phenomenon

Keywords: Northwest Pontic Region, Budzhak culture, chronology, stratigraphy, social stratification.

Abstract: The article deals with the historical development of the Northwest Pontic Region in the Early Bronze Age. It analyzes certain issues related to the Budzhak archaeological culture. The specificity of the Budzhak culture was manifested already at its formation stage, which allows synchronizing it with the Yamnaya cultural-historical region in general: 3200/3100-2200/2100, and not only with the late Yamnaya period. Two stages in the genesis of the Budzhak culture can be identified: the early and the late, with the boundary within the range of 2600/2500 BC. Differences in the positions of the dead and some features of the grave goods may be related to the social structure of community rather than to chronological stages. The social hierarchy of the Budzhak culture people and the identification of "ritual groups" within it are important when considering aspects of the chronology, stratigraphy, evolution and cultural contacts.

List of illustrations:

Fig. 1. Planigraphy of the barrows of Budzhak culture: 1 - Novoselytsya, barrow 19; 2 - Olăneşti, barrow 1 (after: 1 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 2 - Яровой 1990).

Fig. 2. Burials of Budzhak culture with different positions of the buried individuals: 1 - Mologa 2/14; 2 - Giurgiuleşti 9/2; 3 - Kartal IV/162; 4 - Kartal VI/532; 5 - Brînzenii Noi 1/4; 6 - Cimişlia 6/9; 7 - Mologa 2/39; 8 - Crihana Veche 9/6 (after 1, 7 - Малюкевич, Агульников, Попович 2017; 2 - Ciobanu et al. 2019; 3, 4 - Бруяко, Агульников 2017; 5, 8 - Ciobanu, Agulnicov 2016; 6 - Popovici, Bubulici 2019).

Fig. 3. Positions of the buried individuals inside the grave pits of the Budzhak culture: 1 - correct classification (Яровой 1985); 2 - incorrect classification (Topal 2022).

Fig. 4. Pottery and some types of grave goods of Budzhak culture: 1 - the main types of Budzhak culture pottery (in quantitative proportion); 2 - Dalnik 1/3; 3 - Gradeshka I, 5/12; 4 - Semenivka 19/5; 5 - Bashtanivka 7/12; 6 - Holmske 1/16; 7 - Gradeshka I, 5/11; 8 - Efymivka 10/7; 9 - Efymivka 2/14; 10 - Semenivka 19/5; 11 - Mologa 2/3; 12 - Rogojeni 1/1, 13 - Matroska, k. 1; 14 - Strumok 1/3; 15 - Semenivka 8/18; 16 - Plavni 15/5; 17 -Novogradkovka 2/9; 18 - Frickacey 4/12 (knife and awl set); 19 - Katarzhyno 1/11 (retouching tool); 20 - Alkalja 35/6 (copper axe); 21 - Liman 3A/30 (tubular bead); 22 - Taraclia II, 14/3 (gold spiral pendant); 23 - Bădragii Vechi 6/7, Giurgiuleşti 2/9, Corpaci 2/12 (silver spiral pendants); 24 - Corpaci 2/12, Roşcani 1 (silver pendants, type Zimnicea) (from: 12 - Agulnicov, Mistreanu, Popovici 2014; 13 - Бруяко, Самойлова 2013; 17 - Balen 2005; 22 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 23, 24 - Никулицэ 2009), other photos of pottery and artifacts by S. Ivanova, OAM collections).

Fig. 5. Schemes of stratigraphy in the barrows of Budzhak culture and radiocarbon chronology:

1 - Mayaki, barrow 1; 2 - Novoselytsya, barrow 19; 3 - Vishneve, barrow 17 (poses are shown schematically).

Fig. 6. Positions of the buried individuals inside the grave pits of the Yamnaya culture on the territory of Romania (after: Frînculeasa 2020).

Fig. 7. Pottery as a marker of chronological stages of Budzhak culture: 1, 2 - Sărăteni, 3/14; 3, 4 - Trapivka 6/20; 5-7 - Taraclia 14/16; 8, 9 - Bashtanivka 7/21; 10, 11 - Liman 3A/17; 12, 13 - Novoselytsya 19/19; 14 - Sarvaš; 15 - Bashtanivka 4/25; 16 - Kostolac horizon at Vučedol, vessel from pit 60 (after: 1, 2 - Leviţki, Manzura, Demcenco 1996; 3, 4, 12, 13 - Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; 5-7 - Сава, Агульников, Манзура 2019; 8,9 - Шмаглий, Черняков 1970; 10, 11 - Субботин, Тощев 2002; 14 - Balen 2006; 16 - Balen 2005; 11, 15 - photo by S. Ivanova, OAM collections).

Fig. 8. Positions of the buried individuals in the stratigraphic layers of Eneolithic barrows (after: Берестнев 2005).

Fig. 9. Main characteristics of the early stage of Budzhak culture.

Fig. 10. Main characteristics of the late stage of the Budzhak culture.

Fig. 11. Chronological position of some artifacts of the early stage of the Budzhak culture (according to stratigraphy and radiocarbon analysis).

Fig. 12. Chronological position of some artifacts of the late stage of Budzhak culture.

Fig. 13. Locations of elements of composite bracelets in the form of tubular beads rolled from thin copper plates (the numbering of locations corresponds to the number of complexes): 1 - Mokra 1/6; 2 - Tîrnauca II, 2/17; 3 -

Nicolscoe 7/7; 4, 5 - *Slobozia 1/21*, 4/4; 6 - Grygorivka 1/12; 7 - *Novograd "Lyubasha" 2/2* (*Novogrygorivka, barrow "Lyubasha", author's note*); 8 - **Velykozymenovo 1/3**; 9, 10 - *Katarzhyno* 1/1, *1/21*; 11 - Baranove 1/9; 12 - *Shcherbanka 1/7*; 13 - **Lymanske 4/4**; 14 - *Stary Bilyary 1/14*; 15 - Vapnyarka 4/16; 16 - *Kholodna Balka 1/15*; 17 - *Yasski 5/2*; 18 - Petrodolynske 1/9; 19-21 - *Yefymivka* 2/23, *6/3,* 10/7; 22 - Novogradivka 1/4; 23 - *Oleksandrivka 1/24 (1/32a? author's note);* 24 - **Mereni 1/3**; 25, 26 - **Roşcani** 1/13, **5/7**; 27 - ***Căplani, 1/9;*** 28-31 - Semenivka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 - *Podgorodnoye 1/19 (Pidhorne, barrow "Khrestova Mogyla", author's note)*; 33 - Shiroke 33/3; 34 - Dyviziya 2, 6/3; 35 - *Bilolissya 4/4;* 36, 37 - *Trapivka 1/11, 4/7*; 38, 39 - **Bashtanivka** 4/25, **7/1**; 40 - Glyboke 1/25; 41 - Borysivka 9/6; 42 - Nerushay 10/13; 43, 44 - Kholmske 2/8, 2/13; 45 - Novokamenka 1/5; 46 - Kamenka 1/8; 47 - *Orlovka 1/9*; 48 - Lyman 3A/30; 49 - Vledichen 9/2 (Vladychen, author's note); 50, 51 - *Kubey 22/18, 23/16*; 52 - Giurgiuleşti 3/13; 53 - Taraclia 2, 14/16; 54 - Petreşti 1/3) (after: Дергачев 2021, with the author's notes: **bold type** - burials of other cultures, *cursive* - tubular beads are not part of the bracelets).

Table 1. Comparison of artifacts from different ritual groups.

Table 2. Comparison of ritual features in different ritual groups.

1.05.2023

Др. Светлана Иванова, Институт археологии Национальной академии наук Украины, пр. Володимира Ивасюка 12, 04210, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-3318-8244, e-mail: svi1956@gmail.com

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ КУРГАНОВ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. КРАСНАЯ НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ (по результатам исследований 2013-2022 гг.)

Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов, Светлана С. Лысенко, Николай П. Тельнов

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье, эпоха поздней бронзы, курганы, погребения, керамика.

Введение

Начало раскопкам курганных памятников в левобережной части Нижнего Днестра было положено ещё в конце XIX в. И.Я. и Л.С. Стемпковскими, раскопавшими с 1896 по 1911 г. в бывшем Тираспольском уезде Херсонской губернии 412 курганов около сс. Красногорка, Парканы, Терновка, Суклея, Карагаш, Слободзея, Чобручи, Глиное и Коротное (Гошкевич 1903, 118-129; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 7). В 1982 г. у с. Глиное Слободзейского района МССР Слободзейской новостроечной археологической экспедицией АН МССР были исследованы 4 кургана эпохи бронзы; во всех этих курганах были обнаружены погребения разных горизонтов позднего бронзового века (Яровой 1984; Савва 1992, 180; Яровий, Агульніков 1995).

В 1995-2022 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (ДАЭ) у с. Глиное Слободзейского района, в бассейне *р. Красная* (левый приток р. Турунчук – рукав р. Днестр), в десяти курганных группах (Глиное, «Водовод», «Дот», «Клин», «Кременная Балка», «Плавни», «Рыбхоз», «Сад», «Север», «Сухая Балка») было раскопано 183 кургана. Среди них 28 были возведены в позднем энеолите и бронзовом веке (преимущественно – в раннем); 23 кургана содержали погребения различных горизонтов эпохи поздней бронзы (Разумов и др. 2013; Разумов и др. 2019; Разумов и др. 2022; Лысенко, Разумов 2014; 2016; Тельнов и др. 2014; Тєльнов та ін. 2015; Матвиишина и др. 2016; Разумов 2017; Разумов, Лысенко 2020а; Разумов, Лысенко 2020б; Лысенко и др. 2020; Лысенко и др. 2021; Лисенко та ін. 2023; Синика и др. 2021).

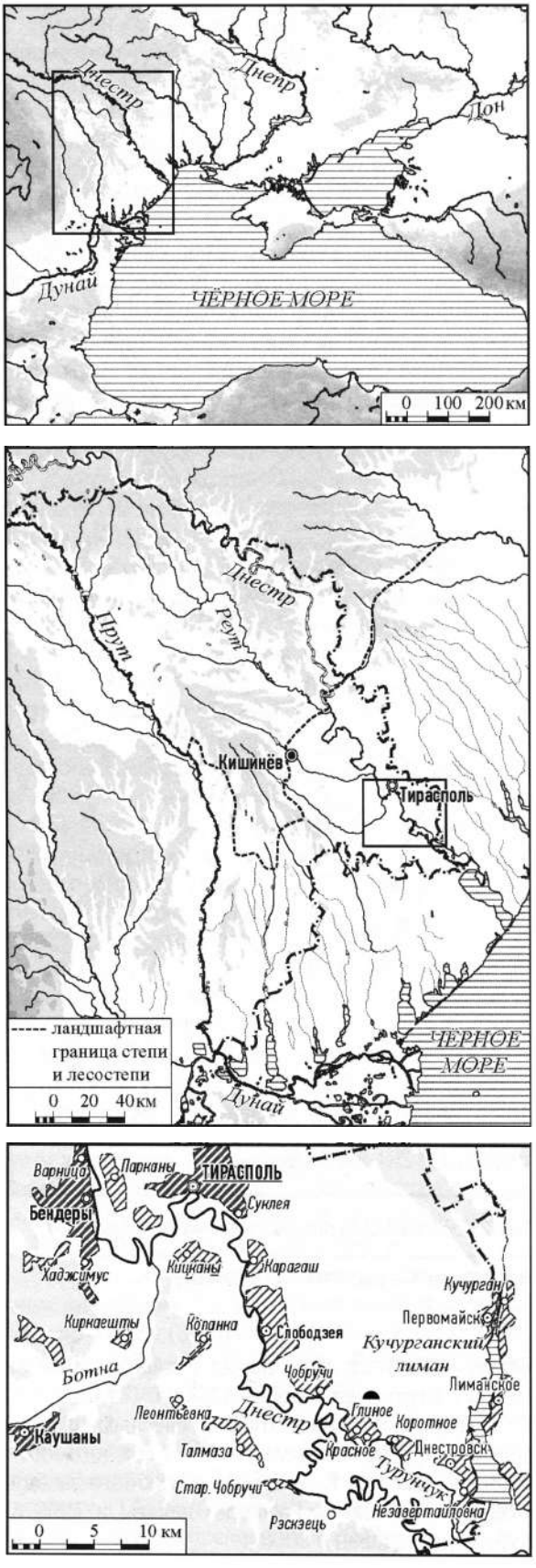
Ландшафты времени возведения курганов эпохи ранней бронзы у с. Глиное могут быть определены как степные, переходные к сухостепным (Матвиишина и др. 2016). Отметим, что на протяжении эпохи средней бронзы суббореальная аридизация неизменно возрастает (Герасименко 1997), и её пик фиксируется в Северном Причерноморье в посткатакомбное время, на рубеже периодов средней и поздней бронзы (Борисов, Мимоход, Дёмкин 2011). Следовательно, можно предполагать, что и в этот период микрорегион окрестностей с. Глиное был представлен степными ландшафтами.

В настоящую публикацию включены материалы позднего бронзового века, обнаруженные в курганах групп «Дот», «Сад» и «Водовод», компактно расположенных в верхнем течении реки Красная, по обоим ее берегам (карта 1); значительная часть материалов впервые вводится в научный оборот. Все курганы копались параллельными траншеями с использованием бульдозера. Почти все погребения датированы методом ^{14}C; в целом получено 35 радиоуглеродных дат, многие из которых публикуются впервые[1].

КУРГАННАЯ ГРУППА «ДОТ»

Группа «Дот» находится в 1,82 км к ССВ от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь–Днестровск в районе коррекционной школы-интерната с. Глиное. Расположена на юго-восточной оконечности

[1] Все даты калиброваны в 2023 г. В.С. Синикой в программе OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al. (2020).



Карта 1. Географическое расположение курганов у с. Глиное (по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

невысокого плато, ограниченного с севера балкой р. Красная, а с юга – акведуком, ведущим от дороги Глиное–Первомайск к землям сельского совета с. Чобручи. В советское время курганы группы «Дот» находились под сливовым садом. В центральной части кургана № 3 был сооружен железобетонный дот Тираспольского укрепрайона (30-е гг. XX в.), взорванный в 1944 г. По состоянию на второе десятилетие XXI в. эта территория была частично раскорчёвана и использовалась как пастбище; в 2021 г. поле было распахано. В 2013-2022 гг. в группе исследовано 10 курганов. Шесть из них (№№ 1, 2, 3, 7, 9, 10) были возведены в раннем бронзовом веке; в трёх курганах (№ 1, 3, 7) были выявлены погребения эпохи поздней бронзы.

Курган 1 (2013 г.). Были разбиты три бровки по линии север–юг; ширина всех бровок по 0,8 м, длина центральной бровки – 44 м, I западной и I восточной бровок – по 40 м. Курган находился на склоне надпойменной террасы, поэтому с южной стороны перепад высот от центра к полам составил около 1,3 м, а с северной стороны – около 0,2-0,3 м. Курган возведён над погребением № 18 ямной КИО. Всего в кургане зафиксировано 19 погребений разных периодов; одно погребение (№ 10) относится к позднебронзовому времени.

Погребение 10 (впускное; сабатиновская культура (?)) (рис. 1/1). Впущено в южную полу второй насыпи кургана (11 м на юг по центральной бровке; 1,5 м на восток), частично попав в заполнение погребения № 2 ямной культурно-исторической общности (КИО). Скелет взрослого (женщина, 25-35 лет[2]) обнаружен в I восточной траншее, на уровне -1,2 м от R_0. Контуры погребального сооружения не прослежены. Погребённый лежал сильно скорченно (степень скорченности I – острые углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями), на левом боку, головой на восток; правая кисть поверх нижней челюсти, левая – перед лицом; пятки у таза. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19800 (кость человека), 2980 ± 70 BP, 1σ 1374-1352, 1301-1110, 1064-1060 cal. BC, 2σ 1404-1013 cal. BC.

[2] Половозрастные определения выполнены доктором биологии (PhD) С. Лукасик (Познань, Польша).

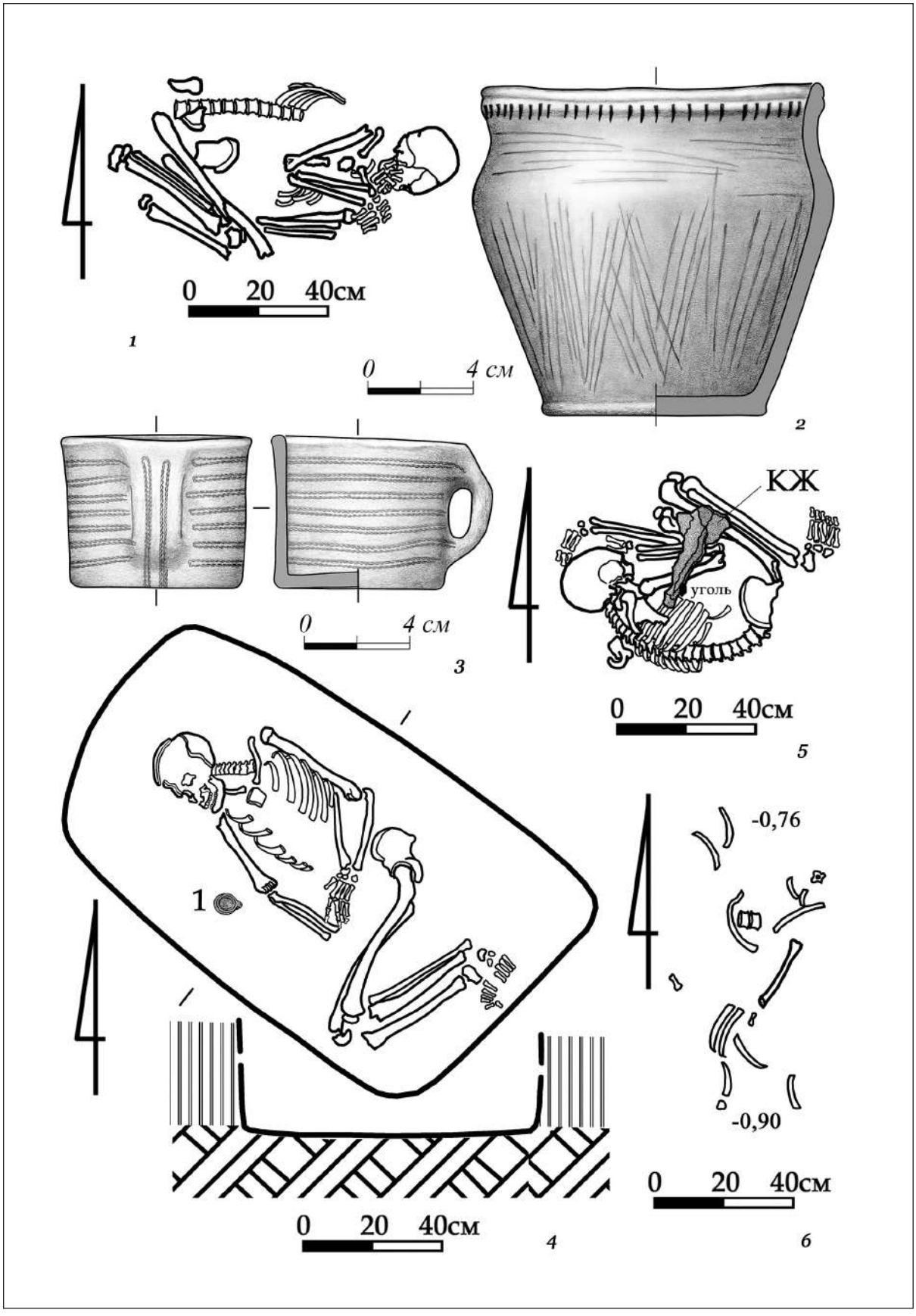


Рис. 1. 1 - Глиное/Дот 1/10; 2 - Глиное/Дот 3/10; 3, 4 - Глиное/Сад 1/2; 5 - Глиное/Сад 1/7; 6 - Глиное/Сад 1/12.

Курган 3 (2019 г.). Были разбиты три бровки по линии север–юг. В связи с тем, что северо-восточнее центра в кургане был сооружён железобетонный дот Тираспольского укрепрайона (давший название всей курганной группе), размерами 7×5 м, ориентированный длинной осью по линии ЮЗ–СВ, центральная бровка имела ширину 6 м и длину 36 м; западная и восточная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 32 м. В качестве R_0 была принята верхняя точка фрагмента перекрытия дота. Высота кургана от современной поверхности составляла 1,95 м (максимальный перепад высот на юге, на естественном склоне). Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 1,45 м от R_0. Полы насыпи были повреждены глубокой распашкой, центральная часть вокруг дота на момент начала исследований была задернована. В XX в. курган был сильно повреждён в результате сооружения дота и ходов сообщения, захоронений лошадей и коров, а также плантажной распашкой. Курган был сооружён над основным погребением № 9 ямной КИО. Всего в кургане зафиксировано 10 погребений разных периодов; два погребения (№ 8 и № 10) относятся к позднебронзовому времени.

Погребение 8 (впускное; культурный круг Бабино (?))[3] (рис. 2/1). Обнаружено в 4 м к северо-западу от R_0 на уровне -1,2 м от R_0. Совершено в яме подпрямоугольной формы; восточная часть ямы разрушена котлованом дота. Размеры ямы около 1,4×0,8 м, глубина 1,22 м от R_0. Яма ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. Скелет взрослого человека лежал средне скорченно (степень скорченности II – приблизительно прямой угол между корпусом и бёдрами, острый угол между бёдрами и голенями), на правом боку, головой на ССВ. Правая рука была вытянута к коленям; левая – согнута в локте под прямым углом, кисть у правого локтя. Череп и стопы были окрашены красной *охрой*. Под костями зафиксирован коричневый органический тлен от *подстилки* размерами 1,3 × 0,65 м. Следов инвентаря не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19935 (кость человека), 3560 ± 50 BP, 1σ 2011-2001, 1973-1876, 1843-1822, 1796-1779 cal. BC, 2σ 2031-1749 cal. BC.

Погребение 10 (впускное; культурный круг Бабино). Впущено в центральную часть насыпи. В придонном заполнении котлована дота были найдены мелкие фрагменты костей взрослого человека и *развал лепного сосуда* (1), представляющие собой остатки захоронения, разрушенного в начале 1930-х гг. при строительстве дота. Погребальное сооружение не прослежено.

1. *Горшок лепной* (рис. 1/2)[4]. Венчик плавно отогнут, с закруглённым краем. Тулово биконическое, с закруглённым ребром и максимальным расширением в верхней половине сосуда. Дно плоское, с выделенной закраиной. Ниже края венчика сосуд орнаментирован оттянутым (?) валиком, округлым в сечении, расчленённым вертикальными подтреугольными насечками. Тесто с примесью шамота, мелкого песка. Цвет чёрный, желтовато-серый; в изломе – чёрный. Поверхности заглаженные, бугристые. На внешней поверхности прослеживаются следы мелких расчёсов, оставленных керамическим шпателем (?): горизонтальные по шейке и плечику, вертикальные и наклонные – в нижней части тулова. Высота сосуда – 125 мм, венчика – 11-13 мм, нижней части – 80 мм. Диаметр венчика – 130 мм, шейки – 123 мм, тулова – 136 мм, дна – 83×84 мм. Толщина венчика – 6-7 мм, по валику – 7-9 мм. Толщина стенок – 5-7 мм, дна – 8,0-8,5 мм.

Курган 7 (2021 г.). Была разбита одна бровка по линии север–юг, которая имела ширину 0,6 м и длину 20 м. Насыпь и погребённый чернозём были полностью уничтожены плантажной распашкой. Диаметр насыпи составлял около 17-18 м. В кургане было обнаружено 13 погребений, два из которых (№2 и №5) по радиоуглеродным датам относятся к эпохе энеолита; одно погребение принадлежит ямной КИО, два – катакомбной КИО, четыре относятся к культурному кругу Бабино (№№ 1, 4, 7, 10), три раннесредневековых, одно неопределённое[5].

[3] Первоначально погребение было отнесено к ямной культурно-исторической общности; культурно-хронологическое определение пересмотрено на основании радиоуглеродной даты.

[4] Сосуд был повреждён при строительстве ДОТа. Реконструирован по сохранившимся фрагментам.

[5] В предварительной публикации погребение №2 было отнесено к позднему бронзовому веку, а погребения №№ 4, 5, 7 и 10 были датированы в широких пределах периодом BrA-HaB (Лысенко и др. 2021).

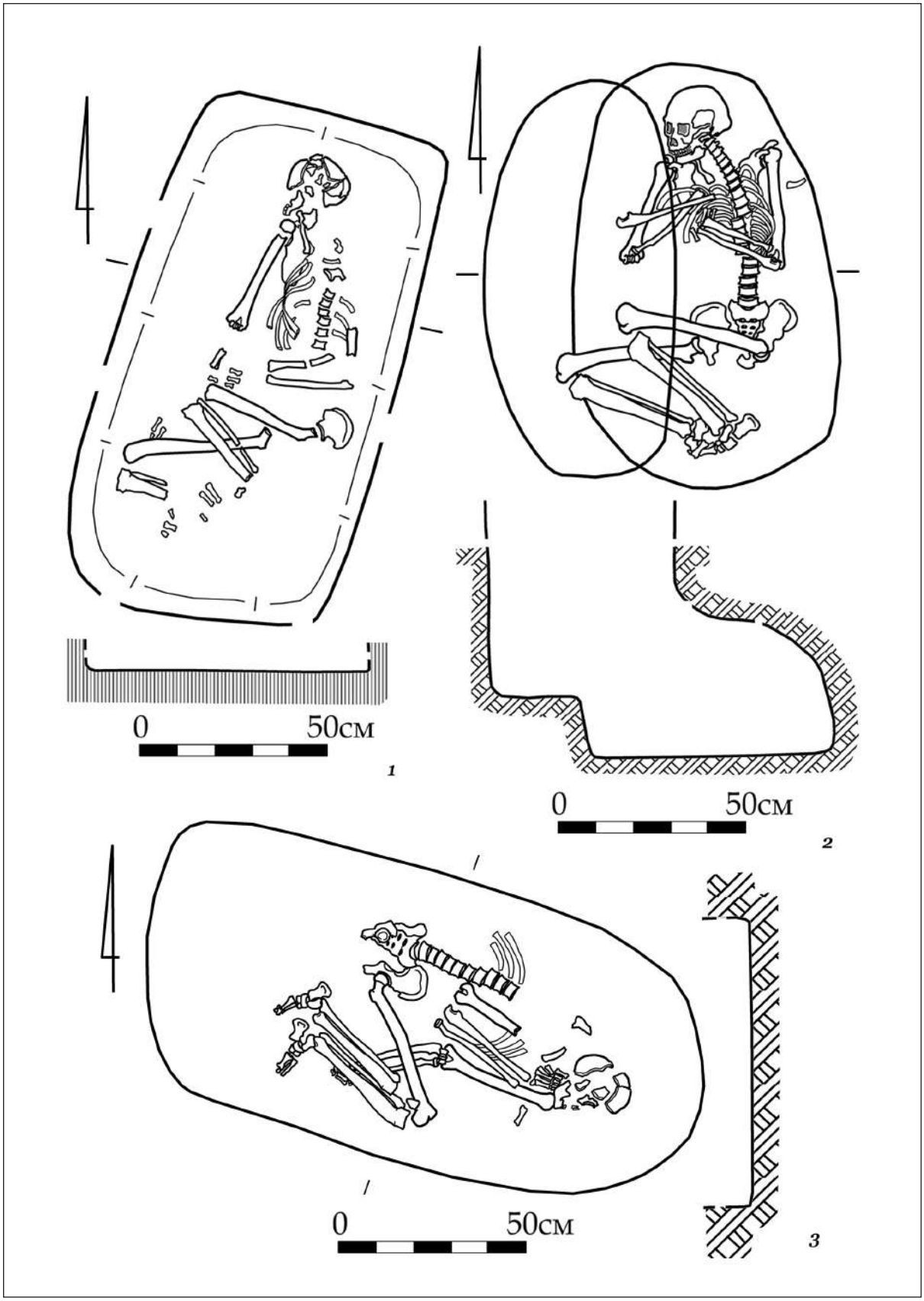


Рис. 2. 1 - Глиное/Дот 3/8; 2 - Глиное/Дот 7/10; 3 - Глиное/Дот 7/1.

Погребение 1 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 2/3). Обнаружено в 5 м на восток от R_0, на уровне -0,63 м от R_0. Погребальное сооружение представляло собой подовальную яму (камеру подбоя (?)), размерами 1,55×0,78 м и глубиной 0,72 м от R_0, ориентированную длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на ВЮВ. Правая рука была согнута в локте под острым углом, кисть у нижней челюсти. Левая рука была согнута в локте под тупым углом, кисть под левой голенью. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20539 (кость человека), 3570 ± 50 BP, 1σ 2018-1997, 1979-1878, 1841-1825, 1791-1783 cal. BC, 2σ 2113-2101, 2036-1751 cal. BC.

Погребение 4 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 3/1). Обнаружено в 6 м к северо-востоку от R_0 на уровне -0,56 м от R_0. Контуры погребального сооружения не прослежены. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локте под острым углом, кисть у нижней челюсти. Левая рука не сохранилась. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20513 (кость человека), 3510 ± 60 BP, 1σ 1920-1910, 1901-1746 cal. BC, 2σ 2021-1995, 1981-1684, 1652-1644 cal. BC.

Погребение 7 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 3/2). Обнаружено в 4 м к ССВ от R_0, на уровне -0,6 м от R_0. Совершено, предположительно, в подбое; входная яма не сохранилась, вероятно, находилась севернее камеры. Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 1,5×0,95 м по дну и глубиной 0,75 м от R_0, была ориентирована длинной осью по линии запад–восток. В придонной части заполнения камеры, над верхней частью скелета, зафиксирована *известняковая плита* размерами до 0,6×0,55×0,12 м. Очевидно, она была использована в закладе вторично и происходит из заклада или перекрытия погребения № 8 (позднекатакомбного / позднебуджакского времени), частично разрушенного погребением № 7.

Скелет взрослого человека лежал слабоскорченно (степень скорченности III – тупой угол между позвоночником и бёдрами, острый угол между бёдрами и голенями), на правом боку, головой на восток. Левая рука была согнута в локте под острым углом, кисть перед нижней челюстью. Правая рука была согнута в локте под тупым углом, кисть не сохранилась. Перед нижней челюстью обнаружено *костяное орудие* (1).

1. *Орудие костяное* – тупик или мялка[6] из нижней челюсти коня[7] (рис. 3/3). Длина орудия – 225 мм, высота по дуге – 67 мм, толщина – до 20 мм. Длина заполированного сработанного участка – до 25 мм, ширина – до 6 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-20528 (кость человека), 3470 ± 50 BP, 1σ 1879-1839, 1826-1740, 1711-1698 cal. BC, 2σ 1920-1909, 1904-1631 cal. BC.

Погребение 10 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 2/2). Обнаружено в 7 м к северо-востоку от R_0. Совершено в яме с подбоем. Входная яма подовальной формы, размерами 1,05×0,5 м и глубиной 1 м от R_0, зафиксирована на уровне -0,6 м от R_0. На восток от входной ямы находилась погребальная камера подовальной формы размерами 1,15×0,7 м по дну и глубиной 1,16 м от R_0, ориентированная по линии север–юг, параллельно входной яме. На дне камеры лежал скелет взрослого человека, среднескорченно (степень скорченности II), на правом боку, головой на север. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти сложены вместе на груди. На правой височной кости отмечено зелёное пятно медного окисла от распавшегося *металлического изделия* (височное кольцо или подвеска?).

Радиоуглеродная дата: Ki-20516 (кость человека), 3480 ± 50 BP, 1σ 1885-1740 cal. BC, 2σ 1935-1670, 1655-1635 cal. BC.

[6] В.Б. Панковский считает, что как минимум часть «тупиков» эпохи бронзы (собственно, «тупых ножей» для мездрения шкур) использовались в качестве мялок (Панковский, Фидельский 2018, 153). Однако до проведения трассологических исследований вопрос использования орудия из Глиное/ДОТ 7/7 остаётся открытым.

[7] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской, 2021 г.

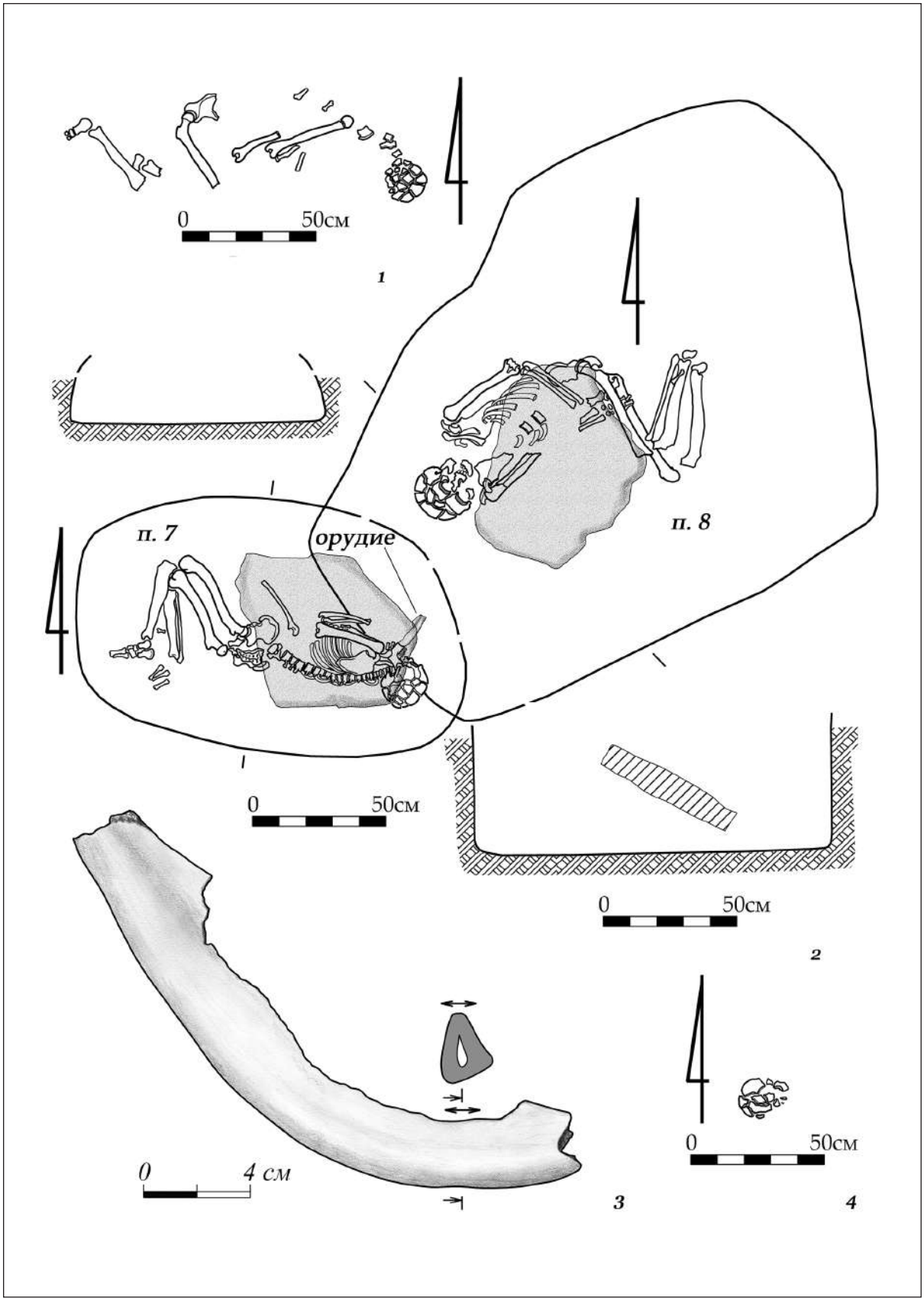


Рис. 3. 1 - Глиное/Дот 7/4; 2 - Глиное/Дот 7/7-8; 3 - Глиное/Дот 7/7; 4 - Глиное/Водовод 16/7.

КУРГАННАЯ ГРУППА «САД»

Группа «Сад» находится в 2,6 км к северо-востоку от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь–Днестровск в районе коррекционной школы-интерната с. Глиное. Группа расположена на вершине юго-западной части обширного плато, примыкающего с севера к руслу р. Красная, к западу от грунтовой дороги, ведущей от территории бывшего полевого стана (в настоящее время фермерское хозяйство М. Пэдуряну) на северной окраине с. Глиное в северо-восточном направлении к акведуку, расположенному между восточной окраиной земель сельского совета с. Чобручи и дорогой Глиное–Первомайск, параллельно последней. В советское время курганы группы «Сад» находились под сливовым садом, который к 2013 г. частично сохранился только на западном склоне плато. В настоящее время эта территории раскорчёвана и используется как пастбище.

В состав курганной группы входило 14 курганов. Два из них (№ 1 и № 4) были сооружены в раннем бронзовом веке; остальные относятся к скифскому времени. Погребения эпохи поздней бронзы обнаружены только в кургане № 1.

Курган 1 (2013 г.). Были разбиты шесть бровок по линии север–юг; ширина всех бровок по 0,6 м. Длина центральной бровки – 44 м, II западной бровки – 36 м, I западной бровки – 40 м, I восточной и II восточной бровок – по 42 м, III восточной бровки – 40 м.

Курган 1 группы «Сад» фактически представлял собой два кургана со слившимися полами. Северо-западный курган (*курган 1А*) был сооружён в два приёма. Вначале над основным погребением № 3 ямной КИО была сооружена первая насыпь диаметром до 19 м, состоявшая из тёмно-серого чернозёма. Вероятно, она была относительно невысокой. На момент раскопок насыпь была сильно распахана, её максимальная высота над древним горизонтом составляла 0,8 м. Позднее юго-восточнее первой насыпи кургана 1А, на расстоянии около 20 м от его центра, над основным погребением № 15 ямной КИО в один приём был сооружён *курган 1Б*, диаметром до 25 м, причём центр насыпи был смещён к северо-западу.

Всего в кургане зафиксировано 27 погребений разных периодов; 10 погребений может быть отнесено к позднему бронзовому веку. Погребения эпохи поздней бронзы впускались в уже расплывшиеся насыпи, которые, видимо, воспринимались как один курган. Между вершинами насыпей ямных курганов, в южной части, были совершены два погребения культурного круга Бабино (№ 14 и № 16). К днепро-прутской бабинской культуре, по нашим представлениям, относятся также погребения №№ 2, 7, 13, 27, впущенные в южную и юго-восточную полы кургана, а также погребения № 21, впущенное в восточную полу кургана 1Б, и № 20, впущенное в северную полу этого же кургана. К позднему бронзовому веку (сабатиновская культура?) также можно отнести разрушенные распашкой погребения № 12 и № 24, впущены в южную полу практически за пределами кургана.

Погребение 2 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 1/4). Обнаружено в 16 м на Ю от I западной бровки. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,45×0,85 м, глубиной 1 м от R_o. Скелет взрослого человека (женщина (?)) лежал среднескорченно (степень скорченности II), на правом боку, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть на правом запястье. Возле правого локтя стоял *лепной кубок* (1). Следов подстилки и перекрытия не зафиксировано.

1. *Кубок лепной*, цилиндрический с петельчатой ручкой (рис. 1/3). Край венчика слегка утолщён наружу, закруглён. Днище слегка вогнутое, изнутри – выпуклое. Ручка петельчатая, ленточная; верхнее основание прикреплено на уровне среза венчика, нижнее – несколько выше днища. Тесто с примесью слюдяного песка. Цвет поверхностей пятнами чёрный, серый. В изломе – чёрный. Поверхность ангобирована (?), подлощена. Диаметр венчика – 75 (по ручке) × 72,5 мм. Диаметр под венчиком (на уровне первой сверху орнаментальной полосы) – 68 мм. Диаметр корпуса (на уровне третьей сверху орнаментальной полосы) – 65 мм. Диаметр днища – 65 мм. Ширина сосуда вместе с ручкой – 83 мм. Высота сосуда – 58-56,5-54,0 мм (у ручки). Высота до первой сверху орнаментальной полосы – 46 мм. Толщина стенок – 4 мм. Толщина венчика – 5-7 мм. Толщина днища – 5 мм у стенок, 5,5 мм в центре. Высота ручки – 47 мм. Ширина ручки – 19 мм. Толщина ручки – 6,5-7,5 мм. Внутренний диаметр петли

ручки – 18×10 мм. Сосуд орнаментирован по всей боковой поверхности семью сдвоенными горизонтальными отпечатками верёвочки. Общая ширина орнаментального фриза 42 мм. Справа от ручки верёвочка изгибается на 180°, образуя петельку. Первый, второй и шестой сверху отпечатки шнура слева заходят на боковую поверхность оснований ручки. Ручка орнаментирована сверху вниз двумя сдвоенными отпечатками верёвочки, каждый из которых образует сверху петельку. Правый отпечаток в нижней части строенный.

Радиоуглеродная дата: Ki-20159 (кость человека), 3780 ± 50 BP, 1σ 2292-2136 cal. BC, 2σ 2434-2426, 2404-2379, 2350-2034 cal. BC.

Погребение 7 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 1/5). Обнаружено в 19,5 м на юг и 2 м на восток от I восточной бровки. Погребение было совершено в насыпи, на уровне -0,76 м от R_0; контуры погребального сооружения проследить не удалось. Скелет взрослого человека (женщина (?)) лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на запад; кисти рук были сложены перед лицом, колени – под грудью, пятки прижаты к тазу. Поверх локтей и коленей уложены *кости животных* (1). Под ними зафиксирован *древесный уголь*. Под скелетом – коричневый тлен от *подстилки*.

1. *Кости животных* – кости черепа, таза и позвонки одной особи КРС (быка домашнего), а также крестец и позвонки одной особи МРС (определение канд. биол. наук Е.Ю. Яниш, 2013 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19820 (кость человека), 3510 ± 60 BP, 1σ 1920-1910, 1901-1746 cal. BC, 2σ 2021-1995, 1981-1684, 1652-1644 cal. BC.

Погребение 12 (впускное; поздний бронзовый век (?)) (рис. 1/6). Обнаружено в I восточной траншее, в 23 м на юг и 2 м на восток от центральной бровки. Разрушено плантажной вспашкой. Контуры погребального сооружения не прослежены. Уровень фиксации остатков скелета -0,75-0,8 м от R_0. Кости руки, позвонки, рёбра, фаланга пальца руки взрослого индивидуума обнаружены в разрозненном состоянии. *In situ* зафиксированы только два поясничных позвонка и несколько фрагментов рёбер. Исходя из их положения, погребённый, вероятно, лежал скорченно на боку. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Погребение 13 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 4/1). Обнаружено во II восточной траншее, в 22 м на юг от II восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На уровне -0,48 от R_0 найден скелет взрослого человека (мужчина(?)), частично разрушенный пахотой. Скелет лежал слабоскорченно (степень скорченности III), на левом боку с разворотом на грудь, головой на ВСВ. Правая рука согнута в локте, кисть перед черепом. Кисть левой руки у правого локтя. У левой лопатки найден мелкий *фрагмент стенки* лепного сосуда (2), возможно, из засыпки ямы. Южнее таза лежал каменный *топор-молот*, повреждённый в древности (1). Под костями прослежены слабые следы коричневого тлена от *подстилки*.

1. *Топор каменный* сверлёный (рис. 4/2). Удлинённо-подовальный в плане. В поперечном сечении – подтрапециевидный. Отверстие просверлено встречно с двух плоскостей, в виде двух усечённых конусов, сходящихся меньшими основаниями; асимметричное. Часть лезвия сколота в древности. Изготовлен из плотного светло-серого сланца. Длина – 98 мм. Ширина – 43 мм. Толщина лезвийной части – до 47 мм. Размеры обушка – 30×28 мм. Ширина лезвия – около 8 мм Диаметр отверстия снизу – 18 мм, сверху – 17,5 мм, изнутри в центре – 17 мм. Диаметр нижней фаски – 21 мм, верхней – до 23 мм.

2. *Фрагмент стенки лепного сосуда*. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности жёлтый, внутренней – тёмно-серый. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Размеры фрагмента – 18,5×13,5 мм. Толщина стенки – 6 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19784 (кость человека), 3570 ± 60 BP, 1σ 2021-1995, 1981-1876, 1843-1822, 1795-1779 cal. BC, 2σ 2130-2090, 2045-1744 cal. BC.

Погребение 14 (впускное; культурный круг Бабино, евпаторийская группа (?))[8] (рис. 9/2). Обнаружено в 2 м на запад и 12 м на юг от II восточной бровки. Контуры ямы (камеры (?))

[8] Ранее погребение было отнесено к ингульской катакомбной культуре (Разумов 2017, рис. 2/6). КХП пересмотрена на основании радиоуглеродной даты.

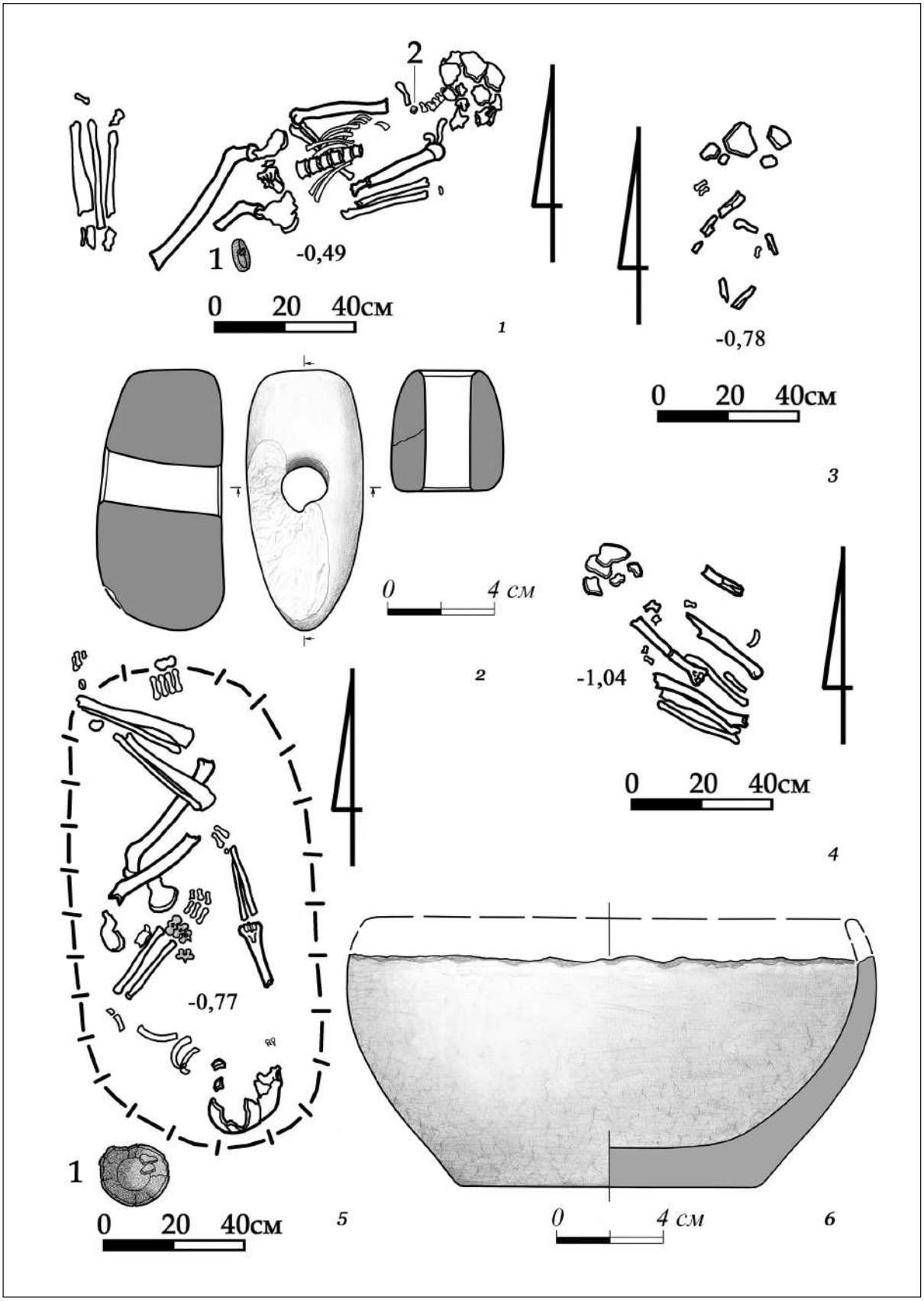


Рис. 4. 1, 2 - Глиное/Сад 1/13; 3 - Глиное/Сад 1/24; 4 - Глиное/Сад 1/20; 5, 6 - Глиное/Сад 1/21.

прослежены частично. Размеры ямы 1,8×0,9 м, глубина 0,5 м от R_0. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая отсутствует. Скелет частично повреждён плантажной вспашкой. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19822 (кость человека), 3480 ± 70 BP, 1σ 1893-1734, 1718-1691 cal. BC, 2σ 2014-2000, 1976-1618 cal. BC.

Погребение 16 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 5). Обнаружено в 5 м на запад и 14 м на юг от II восточной бровки. Погребальное сооружение – яма с подбоем. Входная яма овальная, ориентированная по линии ЮЗ–СВ, размерами 1,6×0,9 м. Глубина 1,3 м от R_0. В заполнении входной ямы прослежены остатки *заслона* в виде фрагментов вертикально стоявших обугленных деревянных плах. Ступенька наклонная, высотой около 0,1 м. Камера овальная, ориентированная параллельно входной яме, размерами 1,4×0,7 м, глубиной 1,46 м от R_0. Скелет взрослого лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку с разворотом на грудь, головой на северо-восток. Правая кисть перед черепом; левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть у коленей. Пятки прижаты к тазу. Возле правого запястья зафиксированы *кости животного* (1) – несколько фрагментов костей быка домашнего; вероятно, остатки напутственной мясной пищи. Под ними – *пятно глины* зеленоватого цвета, диаметром около 0,2 м. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

1. *Кости животного* – позвонки и неопределимые кости одной особи КРС (быка домашнего) (определение канд. биол. наук Е.Ю. Яниш, 2013 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19806 (кость человека), 3840 ± 60 BP, 1σ 2450-2421, 2406-2377, 2351-2203 cal. BC, 2σ 2470-2136 cal. BC[9].

Погребение 20 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 4/4). Обнаружено в 2 м на запад и 4 м на север от III восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На уровне -1,04 м от R_0 зафиксирован скелет взрослого человека, повреждённый плантажной вспашкой. Скелет лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку, головой на северо-запад. Кисти рук перед черепом, колени подтянуты к груди. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19811 (кость человека), 3810 ± 60 BP, 1σ 2397-2386, 2345-2192, 2181-2142 cal. BC, 2σ 2463-2131, 2461-2131, 2088-2047 cal. BC[10].

Погребение 21 (впускное; культурный круг Бабино?) (рис. 4/5). Обнаружено в 8 м на юг от III восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. Скелет, повреждённый плантажной вспашкой, был зафиксирован на уровне -0,77 от R_0. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на правом боку, головой на юг. Правая рука вытянута к коленям; левая согнута в локте, кисть у таза. За затылком стоял *лепной сосуд* (1). Поверх левого запястья лежали *кости животного* (2). Под костями зафиксированы остатки коричневого органического тлена от *подстилки*.

1. *Миска лепная* полусферическая (рис. 4/6). Венчик загнут внутрь (край не сохранился). Корпус округлобокий. Днище плоское, слегка обжато по внешнему контуру. Тесто рыхлое, с примесью шамота. Цвет внешней поверхности бежево-серый; внутренней – чёрный. Внешняя поверхность шероховато-заглаженная, бугристая, со следами мелких расчёсов (пучком травы?); покрыта паутинкой трещин. Внутренняя поверхность заглаженная, подлощенная. Диаметр корпуса – около 198 мм. Диаметр днища – 115 мм. Реконструируемый диаметр венчика – до 185 мм. Сосуд сохранился на высоту до 86 мм; реконструируемая высота сосуда – не менее 100 мм. Толщина стенок – 10 мм; в верхней части – 7-8 мм, у дна – 15-16 мм, в основании венчика – 6-7 мм.

2. *Кости животного* – позвонки МРС (овцы/козы) (определение канд. ист. наук Е.П. Секерской, 2021 г.).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*[11]: 1) Ki-19797 (кость человека), 4030

[9] Дата погребения № 16 представляется несколько заниженной, возможно, вследствие резервуарного эффекта (?).

[10] Дата погребения № 20 представляется несколько заниженной, возможно, вследствие резервуарного эффекта (?).

[11] Ранняя дата погребения № 21, полученная по костям человека, может быть объяснена резервуарным эффектом. Анализ, проведённый по кости животного, исключил резервуарный эффект и дал результаты, сопоставимые с инвентарём и особенностями погребального обряда.

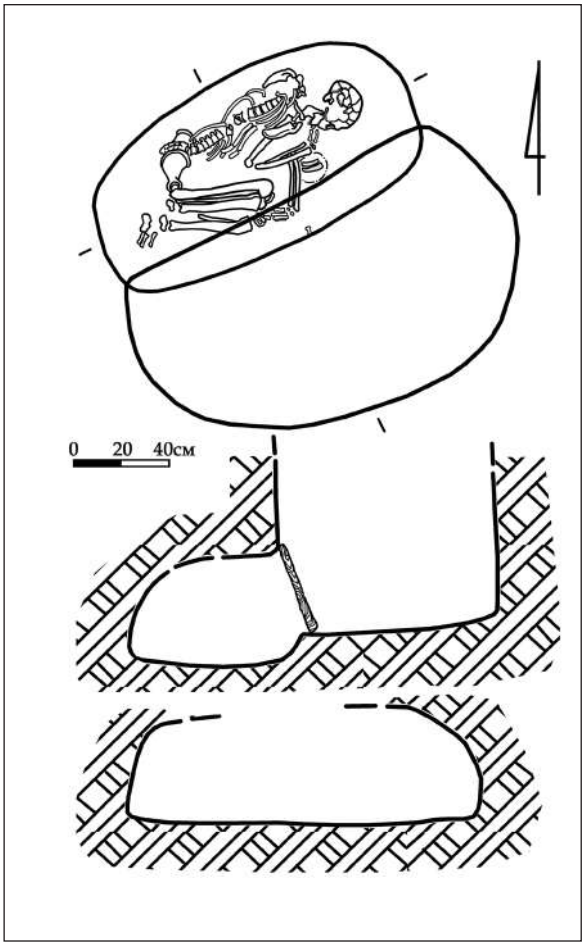


Рис. 5. Глиное/Сад 1/16.

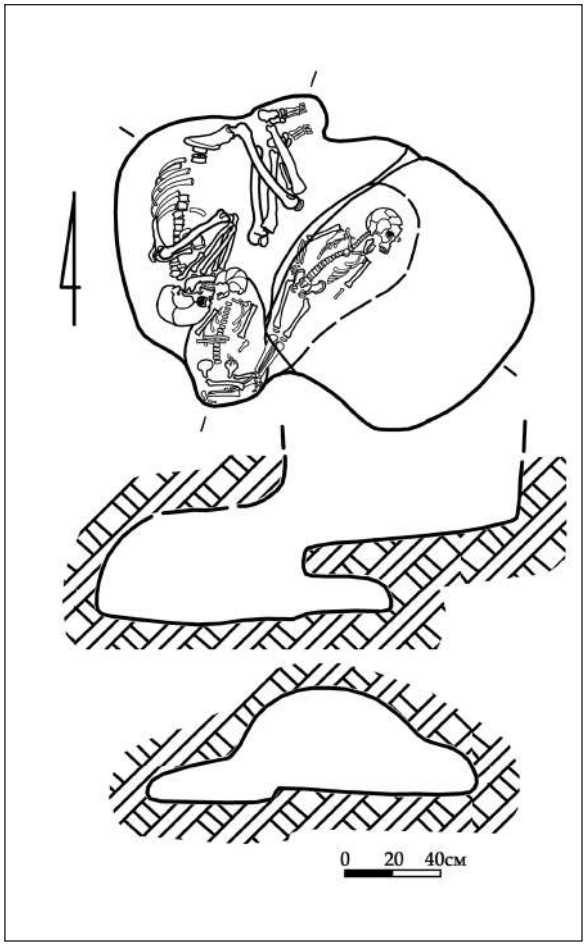


Рис. 6. Глиное/Сад 1/27.

± 60 BP, 1σ 2661-2655, 2631-2467 cal. BC, 2σ 2865-2803, 2766-2717, 2706-2447, 2423-2405, 2378-2350 cal. BC;

2) Ki-20371 (кость МРС), 3340 ± 60 BP, 1σ 1687-1535 cal. BC, 2σ 1866-1852, 1769-1497, 1473-1462 cal. BC.

Погребение 24 (впускное; сабатиновская культура?) (рис. 4/3). Обнаружено в 21 м на юг, 2,5 м на восток от I восточной бровки. Контуры погребального сооружения не прослежены. На уровне -0,7-0,8 м от R_0 зафиксированы остатки скелета взрослого человека, разрушенного плантажной вспашкой. *In situ* найдены фрагменты черепа, костей рук, фаланг пальцев, ключицы. Очевидно, первоначально погребённый был уложен сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку головой на северо-восток. Кисти рук сложены перед черепом. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20447 (кость человека), 2990 ± 30 BP, 1σ 1270-1194, 1175-1160, 1144-1129 cal. BC, 2σ 1376-1351, 1301-1121 cal. BC.

Погребение 27 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 6). Обнаружено в 20 м на юг, 1 м на восток от III восточной бровки. Погребальное сооружение – яма с подбоем. Входная яма прямоугольная с закруглёнными углами, размерами 1,0×0,9 м, глубиной 1,4 м от R_0; вдоль северо-западной стенки – ступенька высотой 0,3 м. Камера сложной неправильной формы, размерами 1,2×0,8 м, глубиной 1,8 от R_0, свод сохранился на высоту до 0,45 м над дном камеры. В погребении обнаружены останки трёх человек. Следов инвентаря и подстилки ни у одного из погребённых не обнаружено.

Скелет 1 – взрослый человек – лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку, головой на юг. Кисти рук уложены под

череп, пятки подтянуты к тазу. Для стоп была вырыта специальная ниша высотой 0,2 м.

Скелет 2 – ребёнок – находился южнее скелета № 1. Лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку с разворотом на спину, головой на север. Череп развёрнут вправо, лицевой частью к черепу скелета № 1. Правая рука согнута в локте, кисть у левого локтя; левая рука вытянута вдоль тела, кисть на левом крыле таза. Для скелета № 2 была вырыта специальная ниша в южной стенке камеры, размерами 0,5×0,35 м; высота свода 0,15-0,2 м, глубина 1,84 от R_0.

Скелет 3 – ребёнок – находился восточнее скелетов № 1 и № 2, в отдельной нише, вырытой под дном входной ямы, размерами 1,0×0,4 м; глубина ниши 1,74 м от R_0, высота свода 0,15–0,2 м. Скелет был уложен вытянуто на спине головой на северо-восток, череп развёрнут влево. Левая рука вытянута вдоль тела; правая слабо согнута в локте, кисть на тазе. Стопы уложены поверх левого колена скелета № 2.

Для погребения получены три *радиоуглеродные даты*[12]: 1) Ki-19780 (скелет 1), 3640 ± 50 BP, 1σ 2128-2091, 2043-1938 cal. BC, 2σ 2192-2181, 2143-1887 cal. BC.

2) Ki-20458 (скелет 2), 3890 ± 40 BP, 1σ 2458-2341, 2318-2307 cal. BC, 2σ 2470-2280, 2252-2209 cal. BC.

3) Ki-20435 (скелет 3), 3850 ± 40 BP, 1σ 2442-2424, 2405-2378, 2350-2278, 2254-2207 cal. BC, 2σ 2461-2201 cal. BC.

КУРГАННАЯ ГРУППА «ВОДОВОД»

Курганная группа «Водовод» находится к северо-востоку от группы «Сад», в 4 км к северо-востоку (31°) от северной оконечности села, к югу и к западу от ирригационного канала, расположенного в центральной части возвышенного плато, ограниченного с юга и востока глубокой балкой р. Красная. Отделена от группы «Сад» грунтовой дорогой, идущей от шоссе Глиное–Первомайск. Фактически группы «Сад» и «Водовод» представляют собой одну курганную группу, которую можно разделить на несколько подгрупп. В состав группы «Водовод» входил 21 курган. Три из них (№№ 2, 15, 21) были возведены в раннем бронзовом веке; один (№ 9) – в начале, а ещё один (№ 16) – в конце эпохи поздней бронзы; остальные относятся к скифскому времени. Погребения эпохи поздней бронзы обнаружены в курганах №№ 2, 9, 15, 16, 21.

Курган 2 (2016 г.). Были разбиты три бровки по линии запад–восток, ширина всех бровок по 0,6 м, длина центральной бровки – 36 м, северной и южной бровок – по 28 м; расстояние между бровками по 6 м. В кургане выявлено 16 объектов: шесть погребений и кольцевой ров ямной КИО; шесть погребений культурного круга Бабино; два скифских захоронения и ров второй половины IV в. до н.э.

В профилях кургана прослежено наличие одной чернозёмной насыпи, сооружённой над основным погребением № 3 ямной КИО. Первоначальные границы первой насыпи определялись внутренним краем кольцевого рва I диаметром 19 м. Очевидно, таким же был первоначальный общий диаметр кургана № 2. В первоначальную насыпь были впущены погребения №№ 4, 6, 7, 9, 13 ямной КИО. Затем в центральную часть кургана (со смещением в южный сектор) были впущены компактной группой погребения культурного круга Бабино № 2, 8, 10, 11, 14, а в самый центр кургана – погребение № 5, которое также может быть отнесено к днепро-прутской бабинской культуре.

Погребение 2 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 7/1). Обнаружено в I северной траншее, в 4,5 м на запад и в 1 м на север от R_0. От погребального сооружения сохранилась яма с закруглёнными углами, возможно, представлявшая собой остатки подбоя. Яма неправильной трапециевидной формы, размерами 1,38×0,55-1,00 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы – 1,01 м от R_0. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку с разворотом на живот, головой на северо-восток. Кисти рук сложены перед лицом. Южнее кистей, вплотную к ним, стоял *лепной сосуд* (1). Под правым локтем, перед грудью, обнаружена *костяная пряжка* (2).

1. *Банка лепная* коническая (рис. 7/3). Край венчика утончён, закруглён. Днище плоское,

[12] Даты, полученные по костям скелетов № 2 и № 3, представляются несколько заниженными, возможно, из-за малого количества коллагена.

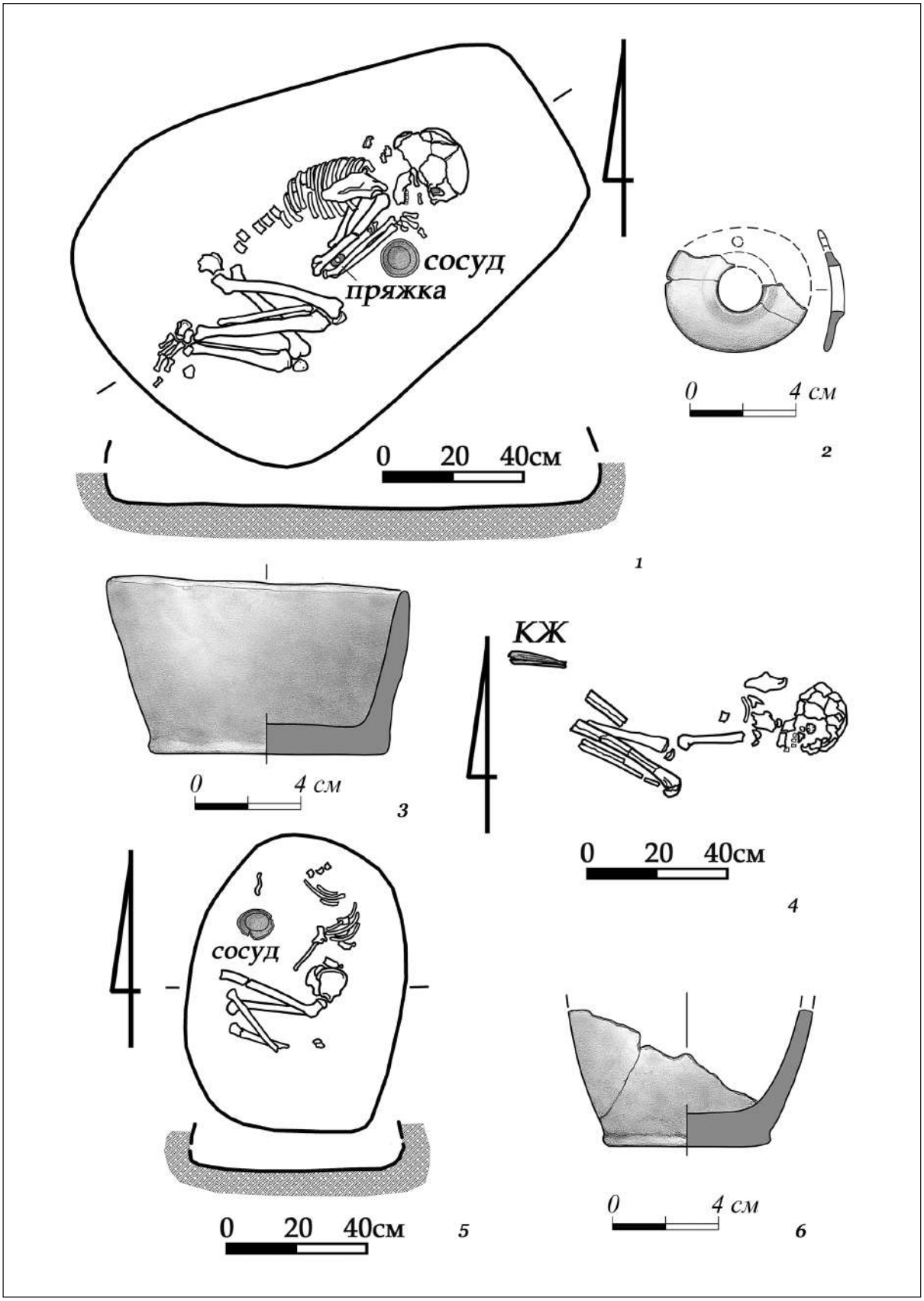


Рис. 7. 1-3 - Глиное/Водовод 2/2; 4 - Глиное/Водовод 2/5; 5, 6 - Глиное/Водовод 2/8.

местами – с закраиной, сформированной защипами. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности чёрный, серый; внутренней – желтоватый с серыми и чёрными пятнами. Поверхности заглаженные, бугристые. Местами сохранился чёрный нагар. Диаметр венчика – 114×116 мм; диаметр днища – 91×94 мм. Высота сосуда – 58-66 мм. Толщина венчика – 4-5 мм, стенок – 6-9 мм, днища – до 12 мм.

2. *Пряжка костяная* овальная, выгнутая, с низким бортиком, предположительно – с двумя отверстиями (рис. 7/2). Механически повреждена при расчистке. Реконструируемые размеры – 55×47 мм; размеры сохранившегося фрагмента – 53×35 мм. Диаметр центрального отверстия – 16 мм. Толщина пластины – 2,5-3,5 мм; толщина с бортиком – до 5 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19809 (кость человека), 3460 ± 60 BP, 1σ 1881-1836, 1831-1732, 1721-1690 cal. BC, 2σ 1935-1618 cal. BC.

Погребение 5 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 7/4). Обнаружено в I северной траншее, в 6 м на запад и в 4,2 м на север от R_0. Контуры погребального сооружения проследить не удалось, поскольку погребение было впущено в заполнение уступа погребения № 6 ямной КИО. Скелет зафиксирован на уровне -1,1 м от R_0. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку, головой на восток. Кисти рук, вероятно, были сложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. К западу от скелета, за ногами, на уровне -1,16 м от R_0 найдены *кости животных* (3), а также мелкий *фрагмент лепной керамики* (1). Справа и слева от черепа обнаружены *два куска обожжённой глины* (2).

1. *Фрагмент стенки лепного сосуда*. Тесто с примесью шамота. Размеры фрагмента – 33×26 мм. Толщина стенки – 5 мм.

2. *Два куска обожжённой глины* неправильной формы размерами 28 × 22 × 14 мм и 25 × 23×12 мм.

3. *Кости животного* – фрагменты лопатки и длинной кости КРС (?). Согласно определению Е.П. Секерской (2021 г.): «2 недиагностичных фрагмента трубчатой кости»; остальные кости к моменту определения, видимо, рассыпались.

Радиоуглеродная дата: Ki-19937 (кость человека), 3530 ± 50 BP, 1σ 1936-1868, 1850-1771 cal. BC, 2σ 2019-1996, 1980-1740, 1711-1698 cal. BC.

Погребение 8 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 7/5). Обнаружено в I северной траншее, в 2 м на запад и в 1,5 м на север от R_0. Совершено, видимо, в подбое, от которого зафиксирована только погребальная камера. Яма неправильной формы размерами 0,84 × 062 м, глубиной -1,27 от R_0, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Скелет ребёнка лежал средне скорченно (степень скорченности II), на правом боку, головой на север. Кости рук не сохранились. Перед животом стоял *лепной сосуд* (1).

1. *Банка лепная* коническая (?) (рис. 7/6). Верхняя часть разрушена бульдозером. Днище плоское, с закраиной. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет внешней поверхности желтоватый, серый; внутренней – чёрный. Поверхности заглажены. Высота сохранившейся части – 52 мм. Диаметр днища – 60×63 мм. Толщина стенок – 7-8 мм, толщина днища – 12,5 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19947 (кость человека), 3340 ± 60 BP, 1σ 1687-1535 cal. BC, 2σ 1866-1852, 1769-1497, 1473-1462 cal. BC.

Погребение 10 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 8/1). Обнаружено в I северной траншее, в 5 м на запад и в 0,5 м на юг от R_0. Совершено в яме с подбоем. Входная яма подовальная (?) в плане, длиной около 1 м, шириной до 0,45 м, глубиной 1,21 м от R_0, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В южной стенке входной ямы была устроена погребальная камера овальной в плане формы размерами 1,8×0,7 м и глубиной 1,5 м от R_0, ориентированная так же, как и входная яма. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на правом боку, головой на восток. Кисти рук уложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19951 (кость человека), 3570 ± 60 BP, 1σ 2021-1995, 1981-1876, 1843-1822, 1795-1779 cal. BC, 2σ 2130-2090, 2045-1744 cal. BC.

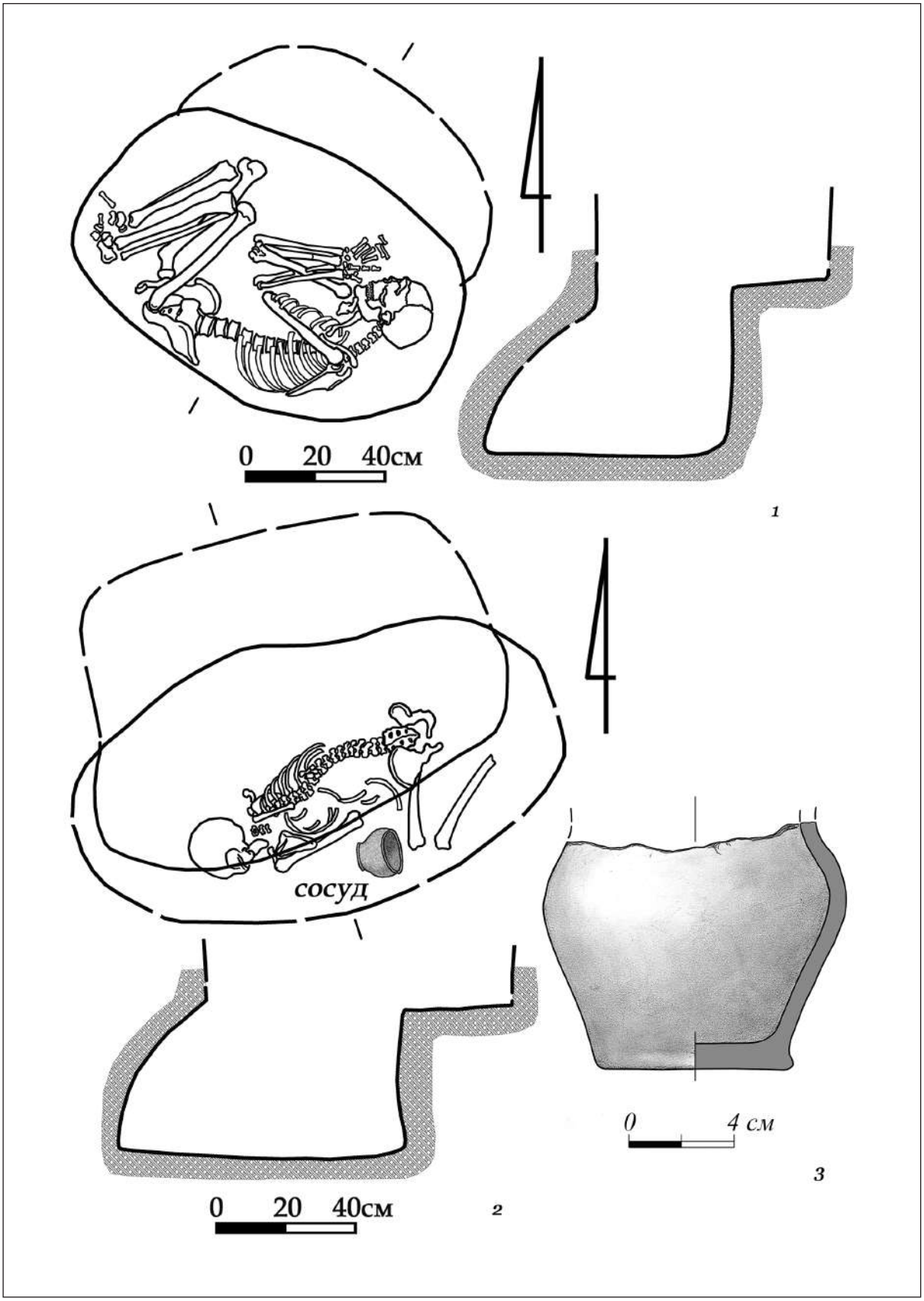


Рис. 8. 1 - Глиное/Водовод 2/10; 2, 3 - Глиное/Водовод 2/11.

Погребение 11 (впускное; культурный круг Бабино) (рис. 8/2). Обнаружено под центральной бровкой, в 3,5 м на запад от R_0. Совершено в яме с подбоем. Входная яма подпрямоугольная (?) в плане, длиной около 1,2 м, шириной до 0,6 м, глубиной 1,2 м от R_0, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. В южной стенке входной ямы была устроена погребальная камера овальной в плане формы, размерами 1,4×0,8 м и глубиной 1,45 м от R_0, ориентированная так же, как входная яма. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на правом боку с разворотом на живот, головой на ЗЮЗ. Кисти рук уложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Перед локтевыми суставами у тыльной стенки камеры лежал *лепной сосуд* (1), венчиком в направлении коленей.

1. *Горшок лепной* округлобокий с выраженным S-образным профилем (рис. 8/3). Венчик отбит в древности. Днище плоское, местами – с выраженной закраиной, сформированной защипами. Тесто с примесью мелкого шамота. Цвет чёрный, серый. Поверхности заглаженные, бугристые. На внешней поверхности местами сохранился чёрный нагар. Диаметр шейки – 90-95 мм, диаметр корпуса – 111-115 мм, диаметр днища – 72-77 мм. Реконструируемая высота сосуда – не менее 100 мм; высота сохранившейся части – 83–93 мм, высота нижней части – 60-70 мм. Толщина стенок – 6-7 мм, толщина днища – 10 мм.

Радиоуглеродная дата: Ki-19948 (кость человека), 3430 ± 60 BP, 1σ 1872-1847, 1813-1806, 1774-1630 cal. BC, 2σ 1892-1605, 1583-1544 cal. BC.

Погребение 14 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 9/3). Обнаружено в центре кургана; разрушено южным углом скифского погребения № 12. Судя по сохранившейся части, погребальное сооружение представляло собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии север–юг. Длина сохранившейся части – 0,7 м, ширина – 0,6 м, глубина – 1,86 м от R_0. На дне ямы найдены фрагменты костей рук взрослого человека. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: DeA-38596 (кость человека), 3568 ± 21 BP, 1σ 1944-1888 cal. BC, 2σ 2016-1998, 1978-1877, 1841-1824, 1791-1782 cal. BC.

Курган 9 (2018 г.). Были разбиты три бровки по линии север–юг, шириной по 0,6 м; длина центральной бровки 24 м, западной и восточной – по 16 м. Насыпь сильно повреждена распашкой. Высота кургана от современной поверхности на момент исследований составляла 0,45 м. В кургане обнаружены кольцевой ров и связанное с ним скифское погребение (№ 2), а также одно погребение культурного круга Бабино (№ 1), принятое первоначально за впускное средневековое захоронение.

Погребение 1 (основное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 9/1). Обнаружено в 7 м на север от центра восточной бровки. Совершено в яме с подбоем (?). Входная яма не прослежена; вероятно, она размещалась на северо-восток от камеры и была перерезана рвом скифского времени.

В заполнении входной ямы (?) на уровне -0,85-0,96 м от R_0 зафиксированы остатки разрушенного *скелета 1* в виде берцовых костей и костей стоп молодого человека. Судя по ним, погребённый лежал на левом боку головой на северо-запад.

Контуры погребальной камеры трапециевидной формы, длиной 1,6 м и шириной 0,8-0,6 м, были зафиксированы на уровне -0,9 м от R_0; яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Дно камеры зафиксировано на уровне -1,25 м от R_0. На дне лежал *скелет 2,* принадлежавший взрослому человеку (мужчине (?)), среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку, головой на юго-восток. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть у лица. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на левом локте. Бедренные и берцовые кости уложены перпендикулярно позвоночнику, пятки у таза. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Для погребения получены три *радиоуглеродные даты*: 1) Ki-20342 (скелет 1), 3310 ± 50 BP, 1σ 1623-1511 cal. BC, 2σ 1738-1715, 1694-1496, 1476-1458 cal. BC[13].

2) Ki-20162 (скелет 2), 3410 ± 50 BP, 1σ 1862-1856, 1766-1759, 1751-1623 cal. BC, 2σ 1879-1839 BC, 1826-1606, 1583-1544 cal. BC.

3) DeA-42886 (скелет 2), 3489 ± 22 BP, 1σ 1879-1863, 1855-1840, 1826-1767 cal. BC, 2σ 1885-1744 cal. BC.

[13] В предварительной публикации даты скелета 1 и скелета 2 оказались перепутаны местами.

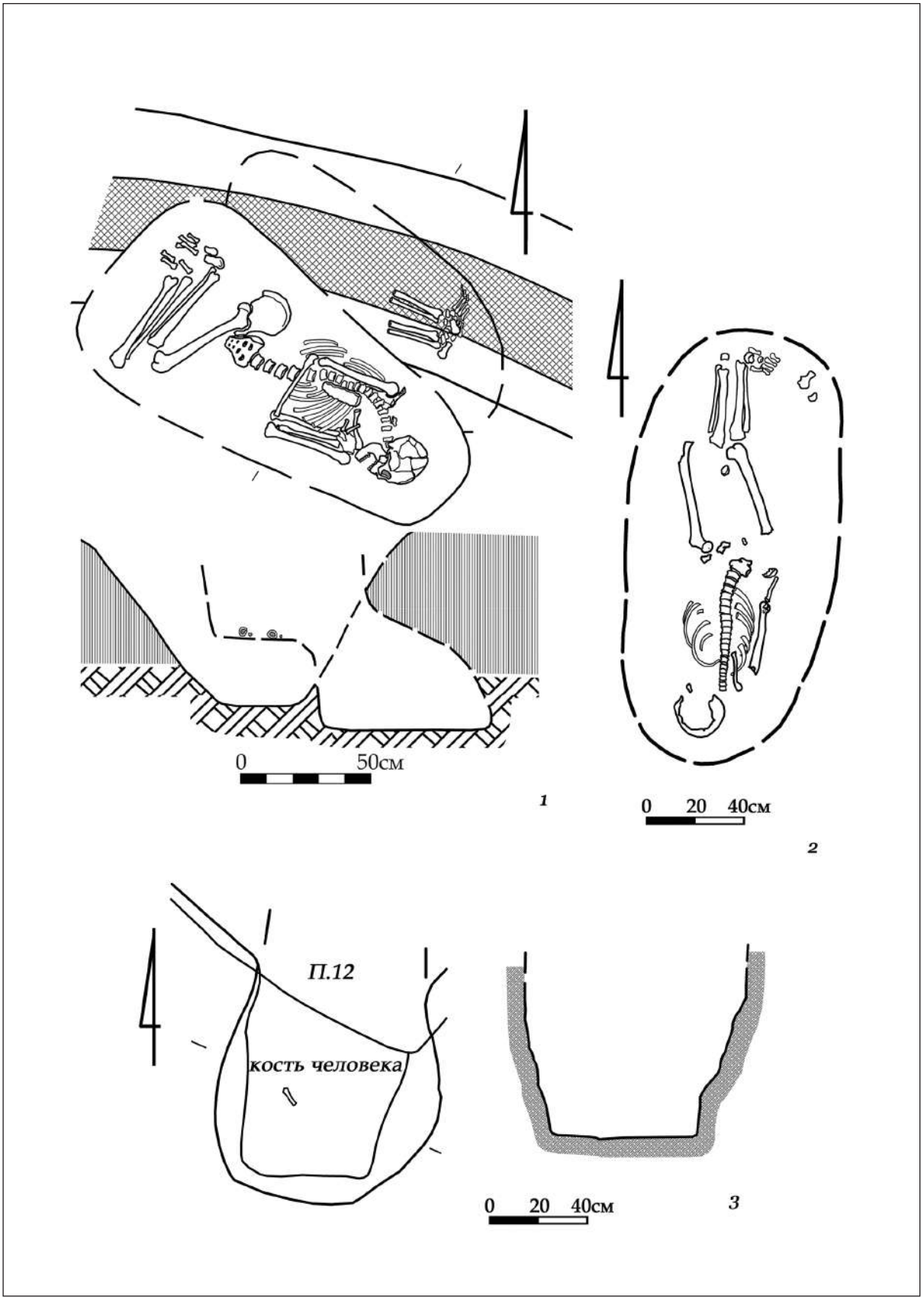


Рис. 9. 1 - Глиное/Водовод 9/1; 2 - Глиное/Сад 1/14; 3 - Глиное/Водовод 2/14.

Курган 15 (2018 г.). Были разбиты шесть бровок по направлению север–юг шириной по 0,6 м. Длина центральной бровки 44 м, I западной и I восточной бровок – по 40 м, II западной и II восточной бровок – по 36 м, длина III восточной бровки 50 м; расстояние между центрами пяти бровок по 5 м, между центрами II и III восточных бровок – 10 м. В кургане обнаружены 22 разновременных захоронения: девять погребений ямной КИО; три погребения катакомбной КИО; два погребения позднего бронзового века – бабинского (№ 1) и сабатиновского (№ 3) горизонтов; одно скифское; семь погребений золотоордынского времени. Также в южной части насыпи зафиксированы многочисленные перекопы периода Великой Отечественной войны.

В профилях кургана прослежено наличие трёх насыпей, возведённых над погребениями ямной КИО: №№ 21 (первая), 15 (вторая), 17 и 20 (третья). Границы третьей насыпи определялись внутренним краем кольцевой околокурганной выемки диаметром около 35 м. В эпоху поздней бронзы в южную часть кургана были впущены погребения № 1 и № 3.

Погребение 1 (впускное; культурный круг Бабино (?)) (рис. 10/1). Обнаружено в 7 м на юг от R_0. От погребального сооружения сохранилась яма с закруглёнными углами, вероятно, представлявшая собой остатки камеры подбоя. Яма неправильной трапециевидной формы размерами 1,35×0,55-0,85 м, ориентирована по линии запад–восток. Глубина ямы 1,54 м от R_0. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на левом боку с разворотом на живот, головой на восток. Кисти рук сложены перед лицом. На дне ямы зафиксирован коричневый органический тлен от *подстилки*. Следов инвентаря не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-19953 (кость человека), 3520 ± 70 BP, 1σ 1937-1748 cal. BC, 2σ 2033-1669, 1656-1635 cal. BC.

Погребение 3 (впускное; сабатиновская культура (?)) (рис. 10/2). Обнаружено в 9 м на юг от R_0. Контуры ямы прослежены частично. Яма прямоугольной формы длиной до 2 м, шириной около 0,7 м. Глубина ямы 1,12 м от R_0. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку, головой на ВЮВ. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая не сохранилась. В 0,45 м к востоку от темени погребённого лежали *кости животного* (2). В 0,25 м к северо-востоку от затылка погребённого обнаружена черепная коробка другого взрослого человека (*череп 2*), лежавшая теменем вниз. Следов подстилки не обнаружено. У западной стенки ямы, вплотную к берцовым костям левой ноги, стояла *деревянная чаша* (1).

1. *Деревянная чаша* с S-образным профилем. Диаметр чаши составлял около 80 мм, высота – около 60 мм. Рассыпалась при попытке извлечения после расчистки.

2. *Кости животного* – кости ноги коня (определение Е. П. Секерской, 2021 г.).

Радиоуглеродная дата: Ki-19946 (кость человека), 3240 ± 60 BP, 1σ 1602-1584, 1544-1436 cal. BC, 2σ 1675-1654, 1640-1398 cal. BC.

Курган 16 (2018 г.). Были разбиты пять бровок по направлению север–юг шириной по 0,6 м. Длина центральной бровки 44 м, I западной и I восточной бровок – по 40 м, II западной и II восточной бровок – по 36 м; расстояние между центрами бровок по 5 м. В кургане обнаружены кольцевой ров эпохи поздней бронзы и 12 разновременных погребений. Два из них (№ 7 и № 12) относятся к позднему бронзовому веку, остальные – скифского времени (Синика и др. 2021)[14].

В профилях кургана прослежено наличие трёх насыпей. Первая была возведена в конце эпохи поздней бронзы из светло-серой слабо гумусированной почвы над погребением № 12. Диаметр этой насыпи определяется по внутреннему краю кольцевого рва вокруг основного погребения; он составлял около 10 м. Изначальная высота насыпи над древним горизонтом была около 0,7-0,8 м. Центральная часть первой насыпи разрушена скифским погребением № 1. Насыпи II и III относятся к скифскому времени. Про значительный промежуток времени между сооружением первой и второй насыпей свидетельствует заметная разница в уровне древнего горизонта – под второй насыпью, за пределами кольцевого рва, он приблизительно на 0,07-0,1 м выше.

[14] В предварительной публикации время сооружения кургана ошибочно было отнесено к периоду энеолита.

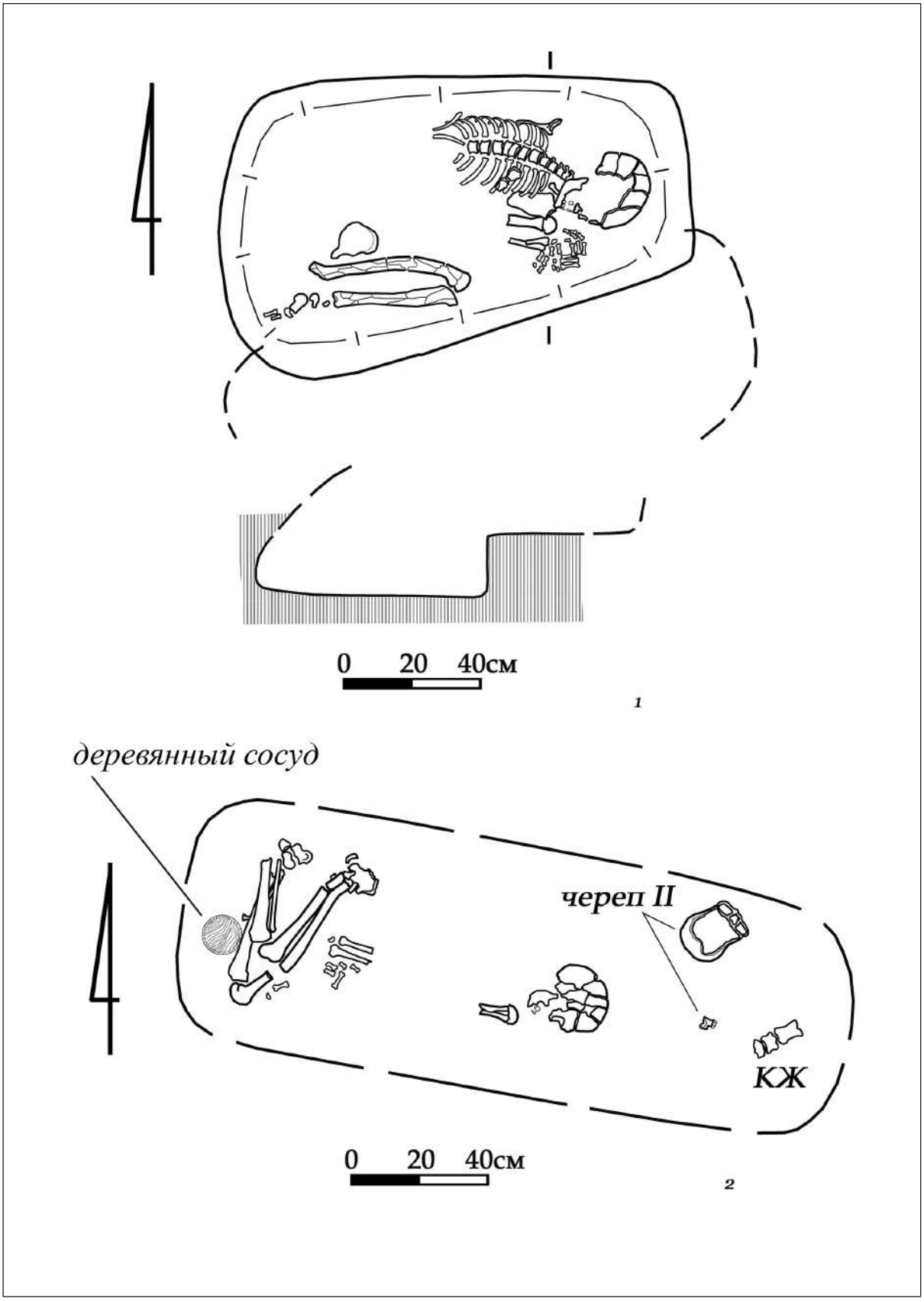


Рис. 10. 1 - Глиное/Водовод 15/1; 2 - Глиное/Водовод 15/3.

Кольцевой ров. Внутренний диаметр рва 10 м; ширина до 2 м на уровне древней поверхности, до 1,4 м – по дну; глубина до 2,56 м от R_0 (около 0,6 м от древней поверхности). Ров был сооружён одновременно с основным для первой насыпи погребением № 12 позднего бронзового века. В поперечном сечении трапециевидный. Заполнение – светло-серый слабо гумусированный грунт. В восточной части рва был оставлен проход шириной до 1,8 м. На дне рва, в его юго-западной части, был найден человеческий череп (*погребение № 7*), также, очевидно, связанный с основным погребением. В этой же части рва в придонном заполнении был найден *кремневый отщеп* (1). Из разных частей рва также происходят разрозненные кости животных (2).

1. *Отщеп кремневый* – фрагмент полупервичного отщепа без следов использования. Кремень светло-серый полупрозрачный. Размеры – 25×14×8 мм (рис. 11/5).

2. *Кости животных* (определение Е.П. Секерской, 2021 г.):

а) северо-восточный сектор – кость коня: *Mandibula, fr. Sen Subadultus*. По этой кости была получена радиоуглеродная дата.

б) юго-восточный сектор – кость коня: *F2* передняя, *Adultus*.

Радиоуглеродная дата: Ki-20437 (челюсть коня), 2860 ± 50 BP, 1σ 1112-977, 952-935 cal. BC, 2σ 1202-1141, 1133-906 cal. BC.

Погребение 7 (сопутствующее основному; белозёрская культура (?)) (рис. 3/4). Обнаружено в 6 м на ЮЮЗ от R_0. В придонном заполнении рва (примерно на 0,05 м выше дна) на уровне -2,39 м от R_0 лежал череп взрослого человека затылком вверх, теменем на запад. Следов инвентаря не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20511 (кость человека), 2800 ± 40 BP, 1σ 1006-906 cal. BC, 2σ 1051-832 cal. BC.

Погребение 12 (основное; белозёрская культура (?)). Обнаружено в 1,5 м на запад от R_0. Совершено в яме, которая была почти полностью уничтожена при сооружении скифского погребения № 1, а также при его ограблениях. Судя по сохранившемуся углу ямы, первоначально она имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Южная стенка ямы сохранилась на длину 1 м, западная – на 0,2 м. Глубина ямы составляла 2,91 м от R_0, или около 1 м от древней поверхности. Следов подстилки не зафиксировано.

В заполнении неоднократно ограбленного скифского погребения № 1 были найдены два *кремневых орудия* (2, 3) и фрагменты *лепного сосуда* (1). Исходя из морфологических и технологических особенностей данных находок, они были отнесены к инвентарю погребения № 12. Другие фрагменты того же сосуда были обнаружены (вместе с мелкими обломками *костей животных*) в северо-восточной поле кургана № 16, в 14,4 м на северо-восток от R_0 в заполнении кольцевой выемки вокруг третьей насыпи, на уровне -1,4-1,67 м от R_0 (рис. 11/1). Очевидно, кости животных и керамика были выкинуты грабителями, при этом на момент ограбления околокурганная выемка была уже наполовину заполнена почвой, которая сползла с третьей насыпи.

1. *Сосуд лепной* – фрагменты верхней и нижней частей узкогорлой корчаги (?) (рис. 11/2)[15]. Венчик усечённо-конический; срез уплощён горизонтально, с закруглёнными краями. Внешняя поверхность горловины волнистая, в виде трёх широких неглубоких горизонтальных каннелюр. Днище вогнутое, с закруглённым краем; изнутри – выпуклое. Тесто с примесью шамота и включениями мелкого песка. Цвет жёлтый, серовато-жёлтый, оранжевый; в изломе – чёрный. Поверхности заглаженные. Высота горловины – до 55 мм. Диаметр венчика – 100 мм. Диаметр основания горловины – 130 мм. Диаметр днища – 105 мм. Толщина венчика – 8 мм. Толщина стенок – 5-8 мм, у днища – до 10 мм. Толщина днища в центре – до 14 мм, у стенок – до 11 мм; центральная часть днища вогнута до 2 мм.

2. *Орудие кремневое* – полупервичный пластинчатый отщеп с ретушью утилизации в качестве режущего орудия. Кремень жёлто-серый полупрозрачный, на спинке остатки окатанной желвачной корки. Размеры 30×14×4 мм (рис. 11/4).

[15] Реконструкция этого сосуда в предварительной публикации (Синика и др. 2021, рис. 21/9), где погребение № 12 было отнесено к периоду энеолита, представляется нам не очень удачной, поэтому в настоящей статье мы приводим только прорисовки сохранившихся венчика и днища.

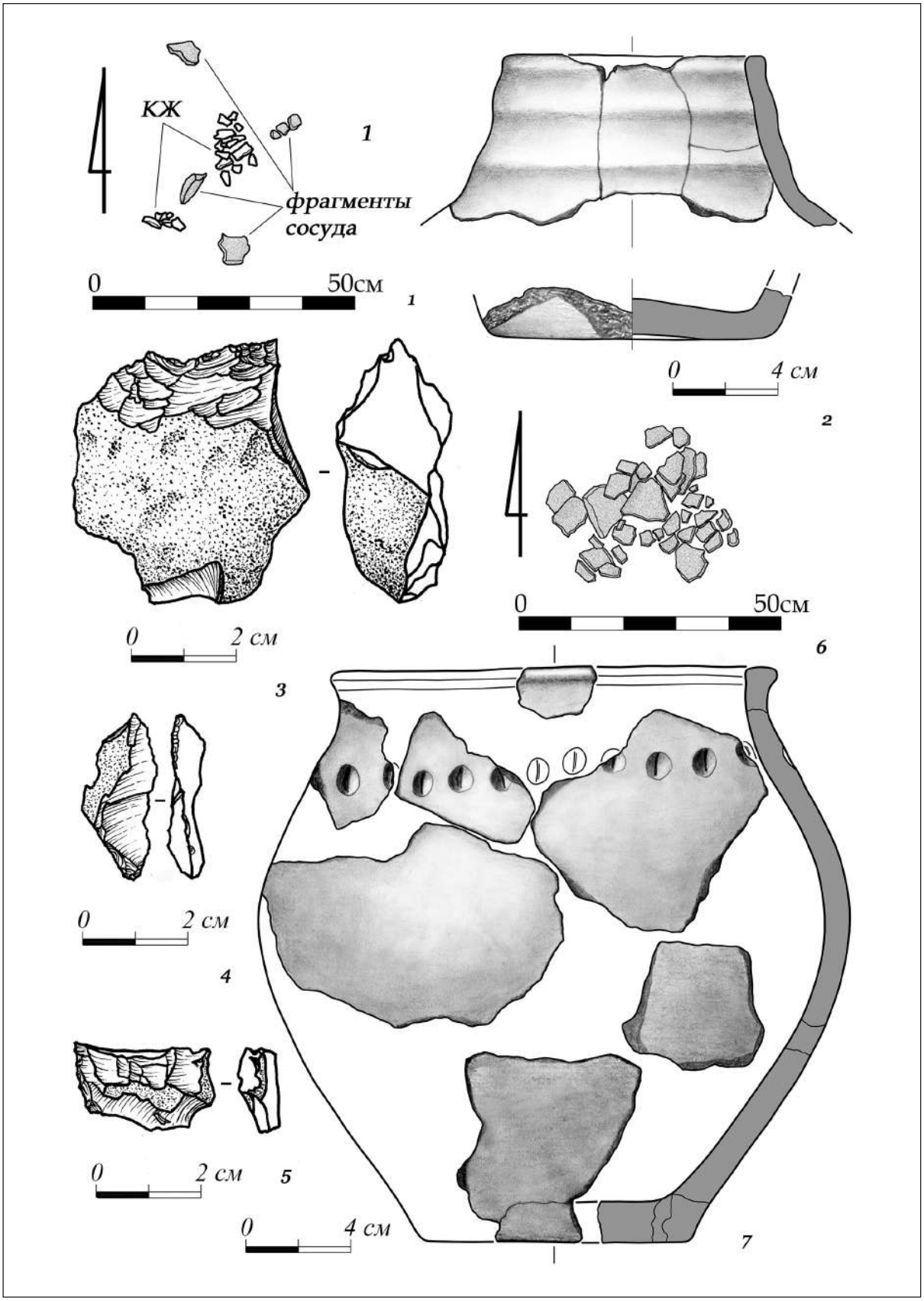


Рис. 11. 1-5 - Глиное/Водовод, курган 16; 6, 7 - Глиное/Водовод, курган 21.

3. *Орудие кремневое* на фрагменте конкреции. Приостряющей ретушью по продольному краю было сформировано лезвие строгального ножа. Кремень жёлто-серый непрозрачный. Размеры – 53×46×16 мм (рис. 11/3).

Курган 21 (2021 г.). Были разбиты три бровки по линии север–юг, шириной по 0,6 м. Центральная бровка имела длину 40 м, западная и восточная – по 36 м. Расстояние между центрами бровок составляло по 6 м. Исследования показали, что здесь первоначально находились две примыкающие друг к другу полами насыпи – *курган А* (северо-западный) и *курган Б* (юго-восточный). Насыпь и погребённый чернозём кургана 21А были почти полностью уничтожены плантажной распашкой, лишь в центральной части на уровне -0,45 м от R_0 сохранился небольшой участок древней поверхности. В *кургане А* было обнаружено шесть округлых ям и 15 погребений: пять ямной КИО, два катакомбной КИО, два позднего бронзового века, одно черногоровской культуры, одно скифское и четыре средневековых. Курган был сооружён в раннем бронзовом веке над ямным погребением № 14. Он был окружён кольцевым рвом, диаметр которого составлял около 18-19 м, глубина – 1,0-1,1 м от R_0. Была зафиксирована также кольцевая выемка диаметром около 21 м и шириной 5-6 м. *Курган Б* был полностью снивелирован распашкой. В нём было обнаружено четыре погребения: одно катакомбной КИО (№ 12Б, основное), два культурного круга Бабино (№ 3 и № 13), одно черногоровской культуры (№ 12А). Диаметр кургана Б мог составлять около 10-11 м. Нумерация погребений общая для обоих курганов.

В восточной поле кургана 21А, в прикурганной выемке, обнаружен развал *лепного сосуда* (1) (рис. 11/6).

1. *Горшок лепной* (сабатиновская культура (?)) (рис. 11/7)[16]. Венчик Г-образный неразвитый; сверху слегка уплощён, углы закруглены; на внутренней поверхности ниже среза – неглубокая горизонтальная ложбинка. Корпус биконический округлобокий. Днище плоское с закруглённым краем; слегка заужено по отношению к корпусу. Верхняя часть плечика украшена поясом пальцево-ногтевых вдавлений, образующих округлые ямки; орнамент расположен на 30-35 мм ниже среза венчика. Реконструируемый диаметр венчика – около 170 мм. Диаметр корпуса – около 225 мм. Реконструируемый диаметр днища – около 100 мм. Реконструируемая высота сосуда – около 217 мм. Высота венчика – до 15 мм. Высота верхней части сосуда – около 90 мм. Толщина венчика – 12 мм. Толщина стенок – 8-13 мм; в придонной части – до 14 мм. Толщина днища – около 16 мм.

Погребение 2 (впускное в курган «А»; сабатиновская культура (?)) (рис. 12/4). Обнаружено в 5 м на юго-восток от R_0, на уровне -0,72 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку, головой на ВСВ. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти у нижней челюсти. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20594 (кость человека), 3330 ± 50 BP, 1σ 1673-1654, 1640-1532 cal. BC, 2σ 1742-1708, 1701-1501 cal. BC.

Погребение 3 (впускное в курган «Б»; культурный круг Бабино (?)) (рис. 12/5). Обнаружено в 22 м на юго-восток от R_0 (в южной поле кургана Б), на уровне -0,94 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет взрослого лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку, головой на восток. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти, вероятно, были у нижней челюсти. Верхняя часть скелета разрушена распашкой. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20578 (кость человека), 3510 ±50 BP, 1σ 1894-1751 cal. BC, 2σ 2010-2002, 1973-1733, 1720-1691 cal. BC.

Погребение 4 (впускное в курган «А»; сабатиновская культура (?)) (рис. 12/6). Обнаружено в 1 м на юго-восток от R_0, на уровне -0,69 м от R_0. Погребальное сооружение представляло собой подовальную яму (камеру подбоя (?)), ориентированную длинной осью по линии запад – восток, глубиной -0,72 м от R_0. Скелет взрослого лежал сильно скорченно (степень скорченности I), на правом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локте под острым углом, кисть у нижней

[16] Сосуд сильно фрагментирован; реконструирован только графически.

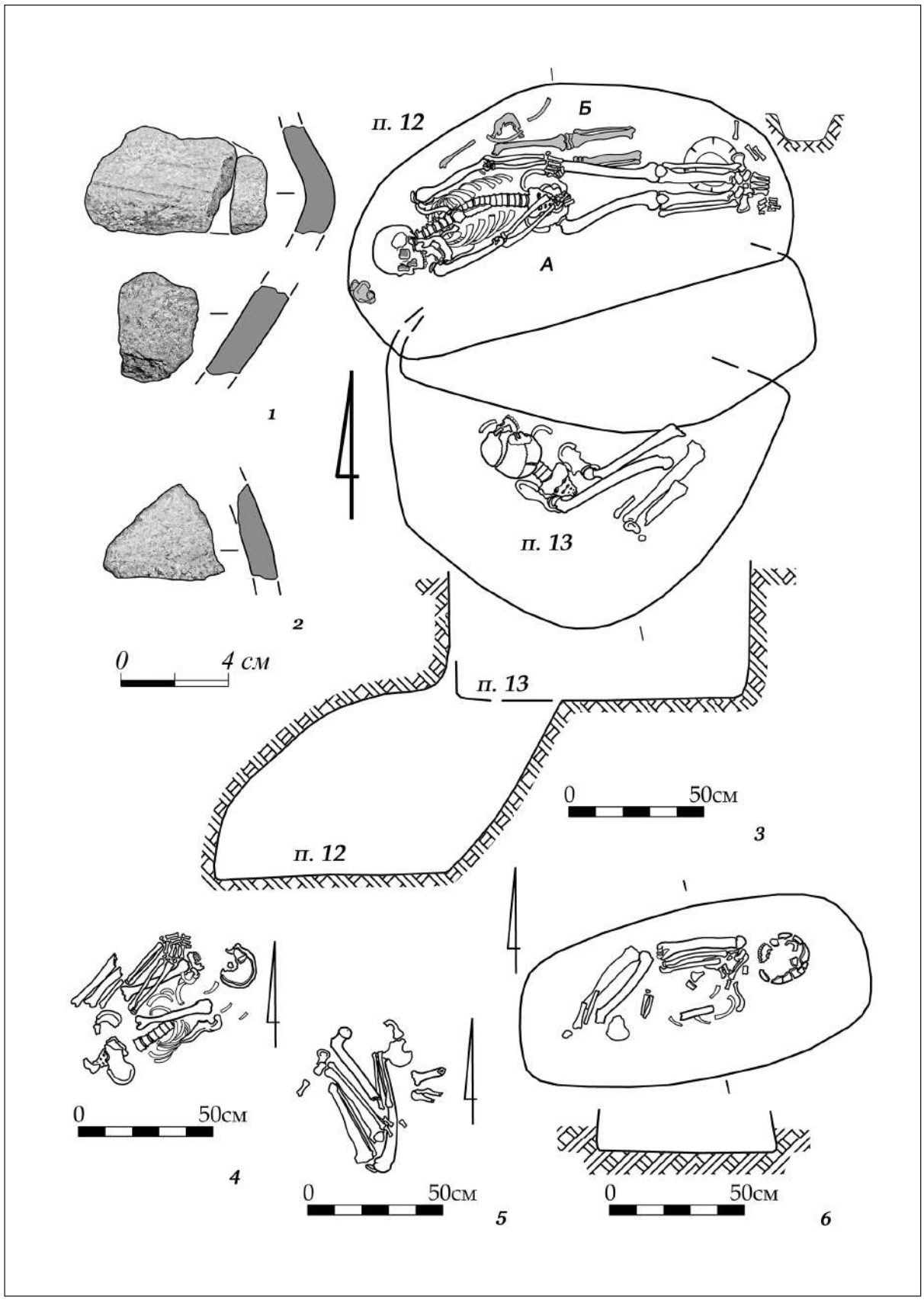


Рис. 12. 1-3 - Глиное/Водовод 21/13; 4 - Глиное/Водовод 21/2; 5 - Глиное/Водовод 21/3; 6 - Глиное/Водовод 21/4.

челюсти. Левая рука была согнута в локте под прямым углом, кисть у коленей. Следов инвентаря и подстилки не обнаружено.

Радиоуглеродная дата: Ki-20582 (кость человека), 3150 ± 60 BP, 1σ 1499-1387, 1339-1318 cal. BC, 2σ 1532-1264 cal. BC.

Погребение 13 (впускное в курган «Б»; культурный круг Бабино (?)) (рис. 12/3). Обнаружено в 21 м к юго-востоку от R_0 (в центре кургана Б), на уровне -0,84 м от R_0. Совершено в яме асимметрично-трапециевидной формы, размерами около 1,4×1,1 м, глубиной 1,23 м от R_0, ориентированной длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Погребение № 13, очевидно, перерезало входную яму погребения № 12Б ингульской катакомбной культуры, полностью уничтожив её. Северная часть ямы уничтожена погребением 12А черногоровской культуры, при совершении которого была повреждена верхняя часть скелета погребения № 13. Скелет взрослого человека лежал среднескорченно (степень скорченности II), на левом боку, головой на северо-запад. *In situ* сохранились только кости ног, таза и нижней части позвоночника. Следов подстилки не обнаружено. Среди костей человека найдены *фрагменты двух лепных сосудов* (1; 2).

1. *Два фрагмента лепного остроребёрного сосуда*. Тесто с примесью шамота, песка. Цвет желтовато-серый, чёрный. Поверхности заглаженные, со следами широких расчёсов. Размеры фрагмента ребра – 67×40 мм, толщина стенок – 8-10 мм. Размер фрагмента нижней части сосуда 40×29 мм, толщина стенки – 13 мм (рис. 12/1).

2. *Фрагмент стенки лепного сосуда*. Тесто с примесью шамота, песка. Цвет жёлтый, серый. Внешняя поверхность храповатая. Размер фрагмента – 36×45 мм. Толщина стенки – до 8,5 мм (рис. 12/2).

Радиоуглеродная дата: Ki-20569 (кость человека), 3520 ± 50 BP, 1σ 1923-1866, 1853-1769 cal. BC, 2σ 2014-1999, 1977-1737, 1715-1695 cal. BC.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ

Таким образом, в девяти курганах групп «Дот», «Сад» и «Водовод» было зафиксировано 32 погребения, которые могут быть отнесены к разным горизонтам позднего бронзового века.

Погребальный обряд. Практически все погребения впускные. Впущены в южный (Глиное/Дот 1/10[17]; Глиное/Сад 1/2, 1/7, 1/12, 1/13, 1/14, 1/16, 1/24; Глиное/Водовод 15/1, 15/3, 21А/2, 21Б/3), восточный (Глиное/Сад 1/21, 1/27) и северный (Глиное/Сад 1/20) сектора насыпей, а также в центральную часть кургана (Глиное/Дот 3/8, 3/10, 7/1, 7/4, 7/7, 7/10, Глиное/Водовод 2/2, 2/5, 2/8, 2/10, 2/11, 21А/4, 21Б/13). Исключение составляют основные погребения бабинского горизонта Глиное/Водовод 9/1 и белозёрского горизонта Глиное/Водовод 16/12, над которыми были возведены небольшие насыпи. Кроме того, погребение Глиное/Водовод 16/7 (кефалотафия) было совершено в кольцевом рве одновременно с основным погребением Глиное/Водовод 16/12.

Погребальные сооружения представлены ямами с подбоем (Глиное/Дот 7/7, 7/10; Глиное/Сад 1/16, 1/27; Глиное/Водовод 2/2, 2/8, 2/10, 2/11, 9/1, 15/1), ямами подпрямоугольной (Глиное/Дот 3/8; Глиное/Сад 1/2; Глиное/Водовод 2/14, 15/3, 16/12), подовальной (Глиное/Дот 7/1; Глиное/Сад 1/14; Глиное/Водовод 21А/4) и трапециевидной (Глиное/Водовод 21Б/13) формы. В остальных случаях конструкция погребального сооружения не зафиксирована. В заполнении входной ямы погребения Глиное/Сад 1/16 прослежены остатки заслона в виде фрагментов вертикально стоявших обугленных деревянных плах. В погребении Глиное/Дот 7/7 над скелетом зафиксирована плита известняка, которую также, вероятно, использовали в качестве заслона.

Большинство погребений одиночные. Исключение составляют тройное захоронение в подбое (взрослый с двумя детьми) (Глиное/Сад 1/27), парное захоронение, в котором один скелет размещался во входной яме (Глиное/Водовод 9/1), и погребение, сопровождавшееся вторым черепом (Глиное/Водовод 15/3).

Поза всех погребённых, за исключением погребения Глиное/Сад 1/14 (вытянуто на спине) и детского скелета № 3 в погребении Глиное/Сад 1/27 (вытянуто на спине со слабым разворотом на левый бок), может быть определена как скорченная на боку, однако степень скорчен-

[17] Здесь и далее по тексту числитель обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения; через дефис указан номер скелета в коллективном захоронении.

ности скелетов разная. *Степень скорченности I* (сильно скорченные: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями < 90°) зафиксирована в 11 погребениях (Глиное/Дот 1/10, 7/1; Глиное/Сад 1/7, 1/16, 1/20, 1/24(?), 1/27-1; Глиное/Водовод 2/5, 15/1-1, 21А/2, 21А/4). *Степень скорченности II* (среднескорченные: угол между корпусом и бёдрами около 90° (~80-100°), бёдрами и голенями < 90°) – в 14 погребениях (Глиное/Дот 3/8, 7/4, 7/10; Глиное/Сад 1/2, 1/21, 1/27-2; Глиное/Водовод 2/2, 2/8, 2/10, 2/11, 9/1-2, 15/3, 21Б/3, 21Б/13). *Степень скорченности III* (слабоскорченные: угол между корпусом и бёдрами > 90°, бёдрами и голенями < 90°) – в двух погребениях (Глиное/Дот 7/7; Глиное/Сад 1/13). Следует отметить, что не обнаружено ни одного погребения со *степенью скорченности IV* (очень слабо скорченные: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями > 90°).

Скелеты лежали как на левом (Глиное/Дот 1/10, 7/1, 7/4; Глиное/Сад 1/7, 1/13, 1/16, 1/27-2; Глиное/Водовод 2/2, 2/5, 9/1-1, 9/1-2, 15/1, 15/3-1, 21Б/3, 21Б/13), так и на правом (Глиное/Дот 3/8, 7/7, 7/10; Глиное/Сад 1/2, 1/20, 1/21, 1/24(?), 1/27-1; Глиное/Водовод 2/8, 2/10, 2/11, 21А/2, 21А/4) боку.

Позиции рук разные. Доминирует «поза адорации» – руки сильно согнуты в локтях, кисти около головы (Глиное/Дот 1/10; Глиное/Сад 1/7, 1/20, 1/24(?), 1/27-1; Глиное/Водовод 2/2, 2/10, 15/1, 21А/2, 21Б/3). Зафиксированы также и иные позиции: одна рука сильно согнута в локте, кисть перед лицом, вторая согнута под углом, близким к 90°, кисть перед «животом» (Глиное/Сад 1/13; Глиное/Водовод 9/1-2, 21А/4); одна рука сильно согнута в локте, кисть перед лицом, вторая вытянута в направлении коленей/бёдер (Глиное/Дот 7/1, 7/7; Глиное/Сад 1/16); одна рука согнута под углом, близким к 90°, кисть перед «животом», вторая вытянута в направлении коленей/бёдер (Глиное/Дот 3/8; Глиное/Сад 1/2, 1/21, 1/27-2; Глиное/Водовод 15/3-1?); руки согнуты в локтях под острым углом, кисти сложены вместе на груди (Глиное/Дот 7/10); руки вытянуты вдоль тела (Глиное/Сад 1/14, 1/27-3; такая позиция отмечается только у вытянутых на спине погребённых). К сожалению, у части погребений кости рук были смещены бульдозером или землекопами и их позиции достоверно не устанавливаются.

Погребённые были ориентированы головами по всем возможным направлениям: на север (Глиное/Дот 3/8. 7/10; Глиное/Сад 1/27-2; Глиное/Водовод 2/8), северо-восток (Глиное/Сад 1/13, 1/16, 1/24, 1/27-3; Глиное/Водовод 2/2, 21А/2), восток (Глиное/Дот 1/10, 7/1, 7/4, 7/7; Глиное/Водовод 2/5, 2/10, 15/1, 21А/4, 21Б/3), юго-восток (Глиное/Водовод 9/1-2, 15/3), юг (Глиное/Сад 1/21), юго-запад (Глиное/Сад 1/27-1; Глиное/Водовод 2/11), запад (Глиное/Сад 1/7), северо-запад (Глиное/Сад 1/2, 1/20, Глиное/Водовод 9/1-1, 21Б/13). Однако, однозначно доминирующей является ориентация в восточном секторе (вместе с отклонениями к северу и югу).

В двух случаях зафиксирован ритуал кефалотафии. Это уже упомянутый череп № 2 в погребении Глиное/Водовод 15/3 и захоронение черепа на дне кольцевого рва (Глиное/Водовод 16/7).

Большинство погребений не содержало никакого инвентаря. В 7 случаях погребённый сопровождался керамической посудой (Глиное/Дот 3/10; Глиное/Сад 1/2, 1/21; Глиное/Водовод 2/2, 2/8, 2/11, 16/12); в одном из них – вместе с костяной пряжкой (Глиное/Водовод 2/2); в одном – вместе с кремневыми орудиями (Глиное/Водовод 16/12). В погребении Глиное/Сад 1/16 под костями животного зафиксировано пятно глины зелёного цвета диаметром около 0,2 м – возможно, это были остатки погребального сосуда из необожжённой глины (?). В восточной поле кургана Глиное/Водовод 21А был найден развал сосуда, который может быть связан с погребениями сабатиновского горизонта № 2 или № 4 (сопутствующий инвентарь или остатки тризны). Кроме того в погребениях обнаружены остатки деревянного сосуда (Глиное/Водовод 15/3-1), каменный сверлёный топор (Глиное/Сад 1/13), тупик/мялка из нижней челюсти коня (Глиное/Дот 7/7). В погребении Глиное/Дот 7/10 на правой височной кости зафиксировано зелёное пятно медного окисла от металлического изделия (височное кольцо или подвеска?).

В ряде погребений Глинянского могильника обнаружены кости животных (Глиное/Сад 1/7, 1/16, 1/21; Глиное/Водовод 2/5, 15/3), куски древесного угля (Глиное/Сад 1/7), куски обожжённой глины (Глиное/Водовод 2/5), мелкие фрагменты лепной керамики, которые,

вероятно, попали в погребения при засыпке (остатки тризны?) (Глиное/Сад 1/13; Глиное/Водовод 2/5, 21Б/13). В пяти случаях зафиксирована подстилка (Глиное/Дот 3/8; Глиное/Сад 1/7, 1/13, 1/21; Глиное/Водовод 15/1); в одном погребении – следи охры на ступнях и черепе (Глиное/Дот 3/8).

Комплекс с вытянутым на спине скелетом Глиное/Сад 1/14 заслуживает отдельного рассмотрения. В предварительной публикации, исходя из позы, ориентации и остатков погребального сооружения (подовальная яма, которая могла быть остатками погребальной камеры подбоя или катакомбы), он был отнесён к ингульской катакомбной культуре (Разумов 2017, 257-264), хоть его глубина была небольшой в сравнении со всеми прочими ингульскими комплексами могильника. Однако радиоуглеродная датировка указывает на посткатакомбное время погребения.

В этой связи необходимо вспомнить так называемую «*евпаторийскую группу*» вытянутых на спине бабинских погребений, которых в степном Крыму, Северном Приазовье и на Нижнем Днепре известно около 30 (Литвиненко 2011, 28-40). К сожалению, даты ^{14}C для этой группы отсутствуют. По данным стратиграфии, они впускались в курганы после погребений ингульской катакомбной культуры и перекрывались срубными. Хоть в этой группе преобладают юго-западное и северо-восточное направления ориентации скелетов, зафиксировано и южное направление (Литвиненко 2011, 31).

Самым западным комплексом этой группы, по Р.А. Литвиненко, является погребение Новокаменка 1/2 Николаевской области, в степном междуречье Ингула и Ингульца (Литвиненко 2011, 30, рис. 1). При этом аналогичные комплексы известны и намного западнее, на Нижнем Дунае. Ф. Буртэнеску выделил серию из трёх погребений (Брэилица, погребение 173; Грэдиштя/Мормынтул Елизей, погребение 16; Матка 53/1) на территории юго-восточной Румынии в качестве группы «Матка–Евпатория–Пологи» или «Матка–Евпатория» (Burtănescu 2002, 157-163). Чертами, сближающими погребения этой группы с евпаторийскими, является курганный обряд, наличие подбоев, вытянутые скелеты с преимущественно западной ориентацией, круглая пряжка с бортиком вокруг центрального отверстия и двумя периферийными отверстиями. Эти комплексы синхронизируются с фазой Монтеору-Ic3. Ф. Буртэнеску связывает их появление на территории Румынии с импульсом со стороны евпаторийской группы Крыма и Нижнего Поднепровья (Burtănescu 2002, 159). При этом и Ф. Буртэнеску, и Р.А. Литвиненко отмечают, что для подтверждения этой гипотезы необходимо найти промежуточные звенья в виде бабинских погребений с вытянутыми на спине скелетами на территории между Нижним Днепром и правобережьем Нижнего Дуная (Литвиненко 2011, 38). Возможно, в качестве одного из таких звеньев можно рассматривать и комплекс Глиное/Сад 1/14, учитывая его радиоуглеродную датировку. По этому поводу необходимо отметить, что и на левобережье Нижнего Дуная также известны как минимум ещё два неопубликованных бабинских комплекса с вытянутыми на спине скелетами с северной ориентацией (Суворово/Кале 1/3, 1/9); в одном из них найден типично бабинский банковидный сосуд (Фокеев и др. 1995, 2–3, рис. 31; 33/2; 36; 38/9). Соответственно, территория этой группы может быть значительно большей, нежели представлялось ранее.

Керамика. Большинство обнаруженных в погребениях сосудов относятся к культурному кругу Бабино. Биконические сосуды из погребений Глиное/Дот 3/10 и Глиное/Водовод 2/11 близки к типу V по Е.Н. Савве (Савва 1992, 34, рис. 8/V). Банки из погребений Глиное/Водовод 2/2 и 2/8 относятся к типу VIII по этой же классификации (Савва 1992, 36, рис. 8/VIII). Отметим, что на Глинянском могильнике все такие сосуды (за исключением сосуда из разрушенного погребения Глиное/Дот 3/10) связаны с захоронениями в подбоях.

Приземистые миски, наподобие сосуда из погребения Глиное/Сад 1/21, выделены Е.Н. Саввой в тип X (Савва 1992, 34, рис. 9/X). Они известны как в погребениях культурного круга Бабино (Савва 1992, 116-118, рис. 49), так и в погребениях сабатиновской культуры (Черняков 1985, рис. 69/16, 70/22). Аналогичная миска происходит и из разрушенного погребения сабатиновской культуры Глиное-Плавни 1/2, исследованного в 2019 г.[18]

[18] Материалы позднего бронзового века из группы Глиное/Плавни в настоящее время готовятся к публикации.

Особый интерес представляет находка в Нижнем Поднестровье цилиндрического кубка с ручкой, украшенного шнуровым орнаментом (Глиное/Сад 1/2). Основной ареал распространения таких кубков связан с подольской группой подкарпатской культуры шнуровой керамики (поздний этап) (Свєшніков 1974, 61-63, рис. 15/4, 15; 16/14; 17/21). Для подольской группы также характерны и цилиндрические кубки с небольшим выступом вместо ручки. Известны цилиндрические кубки с ручкой и в верхнеднестровской группе подкарпатской культуры (Свєшніков 1974, 47), а также на здолбицком этапе городокско-здолбицкой культуры (Свєшніков 1974, 103, рис. 36/1, 2). Несколько таких кубков были обнаружены на Волыни (Самолюк 2010, рис. 3/2; 6/1; 8/1; 9/1; 13/2). Дальнейшее развитие цилиндрические кубки (в некоторых случаях с ручкой-выступом) получают в тшинецком культурном круге (Swiesznikow 1967, tab. I/13, 14; III/9, 12; VII/10; VIII/4; XVI/14-18; Лысенко и др. 2015, рис. 7/1, 2, 4; 17/3).

Сосуд из прикурганной выемки кургана № 21А группы «Водовод» может быть отнесён к сабатиновской культуре и связан с одним из позднебронзовых погребений (21А/2, 21А/4). Определённые аналогии среди керамического комплекса последней находит округло-биконическая форма корпуса сосуда, сочетающаяся с «Г»-образным венчиком и короткой шейкой; известен в сабатиновской культуре и орнамент в виде пояса вдавлений, нанесённых по верхней части плечика (Черняков 1985, рис. 20-33).

Комплекс, с которым связан сосуд из кургана № 16 группы «Водовод», по радиоуглеродным датам может быть отнесён к белозёрскому времени. К сожалению, сосуд сильно фрагментирован, что усложняет реконструкцию его формы. На наш взгляд, это была большая округлобокая корчага с узкой горловиной. Определённые аналогии ей находим в белозёрской культуре (Ванчугов 1990, рис. 19/14, 15; 25/20). Однако горловина в виде усечённого конуса и орнамент в виде горизонтальных каннелюр позволяют проследить определённые влияния культур карпато-дунайского гальштата, в частности культуры Кишинёв–Корлатены (Leviţki 1994, fig. 10/26; 23/4, 5; 30/3; 38/7, 8 и др.) и Гава–Голиграды (Балагури 2001, рис. 97; 98).

Изделия из камня и кремня на могильнике представлены каменным топором (Глиное/Сад 1/13) и невыразительными кремневыми орудиями (Глиное/Водовод 16/12). Каменный сверлёный топор из погребения Глиное/Сад 1/13 может быть связан с кругом культур шнуровой керамики. Подобные топоры не характерны ни для ямной, ни для катакомбных культур восточно-европейской степи (Клочко 2006). Близкие по форме топоры известны в эпишнуровых культурах Восточной Европы, в частности, на позднем этапе подольской группы подкарпатской культуры (Свєшніков 1974, рис. 15/12), который может быть синхронизирован с раннебабинским горизонтом на Нижнем Днестре.

Изделия из кости зафиксированы в двух подбойных погребениях культурного круга Бабино. Они представлены костяной пряжкой (Глиное/Водовод 2/2) и тупиком/мялкой (Глиное/Дот 7/7). Пряжка, хоть и была повреждена при расчистке, но по сочетанию признаков должна была иметь дополнительное боковое отверстие и, соответственно, может быть отнесена к позднему типу О2.Б.В (Лысенко 2011, 127, рис. 2).

Редкостной для культурного круга Бабино является находка в погребении Глиное/Дот 7/7 тупика/мялки, изготовленного из нижней челюсти коня. В целом такие тупики, изготовленные из нижних челюстей крупных копытных, характерны для памятников срубного культурного круга (покровско-мосоловской срубной и первого этапа бережновско-маёвской срубной культур) (Березанская 1990, 49; Пряхин 1996, 112; Усачук 2012, 142-146). Обнаружены они и в ритуально-погребальных комплексах горизонта МП-II Малополовецкого могильника киево-черкасской группы комаровской культуры тшинецкого культурного круга (Лысенко 1998; Панковський 2005; Панковский 2010). На поселении Беспальче–1 в Черкасской области обломки таких тупиков были найдены в контексте ранней керамики малополовецкого типа и керамики бабинского типа (Лысенко и др. 2011). Большинство из известных орудий изготовлены из костей крупного рогатого скота, но зафиксировано и некоторое количество изделий из нижних челюстей коня (Усачук 2012, 142).

Кефалотафия. Отдельно следует остановиться на случаях захоронения черепов без сопровождения прочих костей скелета. Так, в

погребении Глиное/Водовод 15/3 скелет № 1 сопровождался ещё одним человеческим черепом (№ 2) без нижней челюсти, положенным в головах погребённого. Погребальные комплексы, в которых скелет, лежащий в анатомическом или псевдоанатомическом порядке, сопровождался черепом или сводом черепа другого человека, известны в киево-черкасской и волынской группах комаровской культуры тшинецкого культурного круга, синхронных сабатиновской культуре степной зоны Северного Причерноморья (Лысенко 2015, 89, рис. 1/1, 3). Стоит отметить, что радиоуглеродная дата погребения Глиное/Водовод 15/3 (3240 ± 60 BP; 2σ 1660-1408 BC) практически полностью совпадает с датой погребения № 1 Малополовецкого могильника на Киевщине, где также был зафиксирован подобный обряд – 3225+/-45 (2 1606-1406) (Kovalyukh et al. 1998, 135, fig. 4/34). Можем допустить, что отмеченный случай кефалотафии, равно как и упомянутые выше находки артефактов эпишнуровых культур, отражает контакты с населением более северных территорий как на раннем, так и на развитом этапах эпохи поздней бронзы.

Захоронения черепов, подобные погребению 7 на дне кольцевого рва в кургане 16 группы «Водовод», известны на памятниках белозёрской культуры Северо-Западного Причерноморья. Так, три черепа при полном отсутствии других костей скелета были найдены в погребении 1 кургана 45 Кочковатовского могильника (Ванчугов 1990, 52).

Раньше нами уже было высказано предположение, что захоронение отдельных черепов или фрагментов свода черепа можно в определённых случаях рассматривать не как собственно погребение останков умершего, а в качестве своего рода сопровождающего, сопутствующего или сопредельного[19] «инвентаря», задействованного при проведении определённых ритуалов (Лысенко 2015, 93-94).

ВЫВОДЫ

Приведённые в статье материалы расширяют представления о характере погребального обряда и этнокультурных взаимосвязях населения левобережья Нижнего Днестра в позднем бронзовом веке.

Сочетание признаков погребального обряда эпохи поздней бронзы Глинянского могильника – на фоне общей невыразительности всех погребений – крайне разнообразно. За этим разнообразием стоит как минимум два фактора – многовекторность культурных взаимосвязей населения левобережья Нижнего Днестра в эпоху поздней бронзы и принадлежность погребений к разным хронологическим горизонтам.

Большинство приведённых комплексов можно разделить на две большие группы. В первую группу нами включены погребения, которые на основании чётких хроноиндикаторов могут быть отнесены к днепро-прутской бабинской культуре (XX-XVII вв. до н.э.). В неё, безусловно, входят все погребения в подбоях, погребения с характерными сосудами трёхчастного и баночного профиля, а также с костяной пряжкой. В эту же группу можем включить и погребения, содержащие артефакты, связанные с эпишнуровыми культурами Среднего и Верхнего Днестра (Глиное-Сад 1/2, 1/13). В единичных случаях вытянутых на спине трупоположений можноВодовод видеть или пережитки погребальных традиций ингульской катакомбной культуры, или влияния евпаторийской группы памятников.

Во вторую группу входят погребения, не содержащие чётких хроноиндикаторов, которые допустимо датировать лишь в широких пределах – ранним и развитым этапом периода поздней бронзы. Нельзя исключать, что часть из них также относится к культурному кругу Бабино (что подтверждают и радиоуглеродные даты), но часть, скорее всего, занимает более позднюю хронологическую позицию и может быть отнесена к сабатиновской культуре (XVI-XIII вв. до н.э.). По элементам погребального обряда прослеживаются контакты с носителями комаровской культуры лесостепной зоны Северного Причерноморья и срубных культур Днепро-Донского региона.

Особняком стоят разрушенное основное погребение в кургане 16 группы «Водовод» и сопутствующее ему захоронение черепа на дне кольцевидного рва, которые по радиоуглеродным датам следует отнести к белозёрскому времени (XII-X вв. до н.е.). Керамика из кургана 16 отражает влияния культур карпато-дунайского гальштата.

[19] Типология погребального инвентаря в зависимости от степени связи с погребальным сооружением и/или останками погребённого приводится по Ю.А. Смирнову (Смирнов 1997, 32, 73).

Библиография

Балагури 2001: Э.А. Балагури, Население Верхнего Потисья в эпоху поздней бронзы (Ужгород 2001).

Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).

Борисов, Мимоход, Дёмкин 2011: А.В. Борисов, Р.А. Мимоход, В.А. Дёмкин, Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время. КСИА 225, 2011, 144-154.

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозёрские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозёрской культуры (Киев 1990).

Герасименко 1997: Н.П. Герасименко, Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников). Археологический альманах 6, 1997, 3-64.

Гошкевич 1903: В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии. Книга 1 (Херсон 1903).

Клочко 2006: В.І. Клочко, Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х) (Київ 2006).

Литвиненко 2011: Р.О. Литвиненко, Інгульська посткатакомбна спадщина Криму і Нижньої Наддніпрянщини. Археологический альманах 25, 2011, 28-45.

Лысенко 1998: С.Д. Лысенко, Результаты исследования могильника Малополовецкое–3 на Киевщине в 1993-1997 годах. В сб.: (Red. A. Kośko, J. Czebreszuk) “Trzciniec” – system kulturowy czy interkulturowy proces (Poznań 1998), 95-117.

Лысенко 2011: С.Д. Лысенко, К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье. КСИА 225, 2011, 123-143.

Лысенко 2015: С.Д. Лысенко, Демембрация в погребальном обряде комаровской культуры. В сб.: (Глав. ред. Е.П. Токарева) Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики (Зимовники 2015), 74-100.

Лысенко, Разумов 2014: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине 2 тыс. до н.э. Русин 2 (36), 2014, 8-28.

Лысенко и др. 2011: С.Д. Лысенко, В.Б. Панковский, Д.П. Куштан, В.Ф. Федько, Памятники рубежа средней–поздней бронзы у с. Беспальче на Супое. Донецький археологічний збірник 15, 2011, 133-147.

Лысенко и др. 2015: С.Д. Лысенко, Е.И. Шкляревский, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, Курганный могильник комаровской культуры у с. Буковна (результаты исследований 2010-2013 гг.). Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 7, 2015, 11-49.

Лысенко и др. 2020: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребение тщинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2020, 155-174.

Лысенко и др. 2021: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп “Дот”, “Сад”, “Водовод” у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 13, 2021, 164-201.

Матвиишина и др. 2016: Ж.Н. Матвиишина, А.Г. Пархоменко, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 8, 2016, 11-45.

Панковський 2005: В.Б. Панковський, До проблеми кістяної індустрії тшинецького культурного кола (Малополовецьке–3). В сб.: (Відп. ред. С.Д. Лисенко) Проблеми археології Середнього Подніпров’я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею (Київ, Фастів 2005), 120-142.

Панковский 2010: В.Б. Панковский, Новые данные о костяной индустрии тшинецкого культурного круга. В сб.: (Відп. ред. С.Д. Лисенко) Археологічні пам’ятки Фастівщини. Матеріали та дослідження: До 75-річчя Н.М. Кравченко. Прес-музей 26-27 (Фастів 2010), 42-50.

Панковский, Фидельский 2018: В.Б. Панковский, С.А. Фидельский, Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи). В сб.: (Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович) Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова (Кишинёв, Тирасполь 2018), 147-163.

Пряхин 1996: А.Д. Пряхин, Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая (Воронеж 1996).

Разумов 2017: С.Н. Разумов, Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре: мемориальный сб. науч. работ

в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук, Владимира Никифоровича Станко. Выпуск 3 (Одесса 2017), 257-265.

Разумов, Лысенко 2020а: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Древнейшее курганное золото Нижнего Поднестровья как индикатор межкультурных связей. Русин 59, 2020, 21-35.

Разумов, Лысенко 2020б: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Уникальный колчанный набор раннего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Ред. С.В. Д'ячков) Проблеми історії та археології України: Тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції, присвяченої 125-річчю Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна (Харків, листопад 2020) (Харків 2020), 15-16.

Разумов и др. 2013: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2013, 297-340.

Разумов и др. 2019: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган бронзового века №2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобереье Нижнего Днестра. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare 1, 2019, 123-148.

Разумов и др. 2022: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Глав. ред. А. Онгар) Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11-14 октября 2022 г.), в 5-ти т., том 1 (Алматы, Туркестан 2022), 237-245.

Савва 1992: Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья (Кишинев 1992).

Самолюк 2010: В.О. Самолюк, Нові поховальні пам'ятки доби середньої бронзи на Волині. Археологія і давня історія України 2, 2010, 96-106.

Свєшніков 1974: І.К. Свєшніков, Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери (Київ 1974).

Синика и др. 2021: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 239-296.

Смирнов 1997: Ю.А. Смирнов, Морфология преднамеренного погребения (Москва 1997).

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).

Тельнов и др. 2014: Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Работы совместной приднестровско-украинской экспедиции. В сб.: (Гол. ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2013 (Київ 2014), 329-330.

Тєльнов та ін. 2015: М.П. Тєльнов, С.М. Разумов, С.Д. Лисенко, В.С. Сініка, Роботи придністровсько-української археологічної експедиції (попередні результати досліджень 2012-2013 рр.). В сб.: (Гол. ред. Ю.В. Болтрик) Археологічні дослідження в Україні 2014 (Київ 2015), 307-311.

Усачук 2012: А.Н. Усачук, Коллекция костяных изделий Степановского поселения. В: Ю.М. Бровендер, Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже (Алчевск 2012), 140-156.

Фокеев и др. 1995: М.М. Фокеев, М.Б. Щукин, Н.Д. Руссев, Отчет о раскопках в Измаильском районе Одесской области (поселение Суворово IX; Троянов Вал; курган в ур. Кале) (Киев 1995). Научный архив ИА НАНУ, № 1995/56.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. (Киев 1995).

Яровой 1984: Е.В. Яровой, Работы Слободзейской экспедиции. В сб.: (Отв. ред. Б.А. Рыбаков) Археологические открытия 1982 года (Москва 1984), 417-418.

Яровий, Агульніков 1995: Є.В. Яровий, С.М. Агульніков, Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. Древности Северного Причерноморья и Крыма V, 181-184.

Burtănescu 2002: F. Burtănescu, About a group of "outstretched" burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. В сб.: (Отв. ред Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Матер. междунар. археол. конф. (Тирасполь 2002), 157-163.

Kovalyukh et al. 1998: N. Kovalyukh, V. Skripkin, V. Klochko, S. Lysenko, Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern trzciniec culture in the Dnieper bazin (the Malopolovetske burial site). Baltic-pontic studies 6, 1998, 130-140.

Leviţki 1994: O. Leviţki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi (Bucureşti 1994).

Swiesznikow 1967: I.K. Swiesznikow, Kultura komarowska. Archeologia Polski XII/1, 1967, 39-107.

Morminte din epoca bronzului târziu, descoperite în tumulii din cursul superior al râului Krasnaya în regiunea Nistrului Inferior (conform rezultatelor cercetărilor din 2013-2022)

Cuvinte-cheie: Nord-Vestul Mării Negre, regiunea Nistrului, epoca bronzului târziu, tumuli, morminte, ceramică.

Rezumat: În articol sunt analizate materialele din epoca bronzului târziu, descoperite în tumulii grupurilor „Dot", „Sad" şi „Vodovod" din apropierea satului Glinoe, raionul Slobozia, situat în bazinul râului Krasnaya, pe malul stâng al Nistrului Inferior. Cele 32 de morminte din epoca bronzului târziu au fost atestate în nouă movile din aceste grupuri. Materialele prezentate în articol extind înţelegerea naturii ritualului funerar şi al relaţiilor culturale ale populaţiei de pe malul stâng al Nistrului de Jos în epoca bronzului târziu. Aproape toate înmormântările au fost datate folosind metoda radiocarbonului, fiind obţinute, în total, 34 de date radiocarbon, dintre care multe sunt publicate pentru prima dată.

Combinaţia de trăsături ale ritului funerar din epoca bronzului târziu din cimitirul Glinoe este extrem de diversă. În spatele acestei diversităţi se află, cel puţin, doi factori – relaţiile culturale multivectoriale ale populaţiei de pe malul stâng al Nistrului Inferior în epoca bronzului târziu şi apartenenţa înmormântărilor la orizonturi cronologice diferite.

Majoritatea acestor morminte pot fi împărţite în două grupuri mari. În primul grup au fost incluse înmormântări care, pe baza unor indicatori cronologici clari, pot fi atribuite culturii Babino din spaţiul Nipru – Prut (secolele XX-XVII a. Chr.). Aici sunt încorporate, de asemenea, toate mormintele în nişe, înmormântările cu vase cu profil tripartit şi în formă de borcan, precum şi cu catarame din os. Pot fi incluse în acelaşi grup şi înmormântările care conţin artefacte asociate cu culturile din regiunea Nistrului Mijlociu şi Superior (Glinoe/Sad 1/2, 1/13).

Al doilea grup cuprinde înmormântările care nu conţin indicatori cronologici precişi, ele fiind datate într-un interval larg – stadiul timpuriu şi dezvoltat al epocii bronzului târziu. Nu se poate exclude ca unele dintre ele să aparţină şi cercului cultural de tip Babino (ceea ce este confirmat şi de datele radiocarbon), dar unele, cel mai probabil, ocupă o poziţie cronologică ulterioară şi pot fi atribuite orizontului Sabatinovka (sec. XVI-XIII a. Chr.).

Un caz aparte reprezintă mormântul principal, distrus, din tumulul nr. 16 al grupului „Vodovod" şi depunerea de craniu la fundul şanţului, ce înconjura tumulul, care, conform datelor radiocarbon, ar trebui atribuite perioadei Belozerka (secolele XII-X a. Chr.).

Lista illustraţiilor:

Harta 1. Localizarea geografică a tumulilor din preajma satului Glinoe (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Fig. 1. 1 - Glinoe/Dot 1/10; 2 - Glinoe/Dot 3/10; 3, 4 - Glinoe/Sad 1/2; 5 - Glinoe/Sad 1/7; 6 - Glinoe/Sad 1/12.

Fig. 2. 1 - Glinoe/Dot 3/8; 2 - Glinoe/Dot 7/10; 3 - Glinoe/Dot 7/1.

Fig. 3. 1 - Glinoe/Dot 7/4; 2 - Glinoe/Dot 7/7-8; 3 - Glinoe/Dot 7/7; 4 - Glinoe/Vodovod 16/7.

Fig. 4. 1, 2 - Glinoe/Sad 1/13; 3 - Glinoe/Sad 1/24; 4 - Glinoe/Sad 1/20; 5, 6 - Glinoe/Sad 1/21.

Fig. 5. Glinoe/Sad 1/16.

Fig. 6. Glinoe/Sad 1/27.

Fig. 7. 1-3 - Glinoe/Vodovod 2/2; 4 - Glinoe/Vodovod 2/5; 5, 6 - Glinoe/Vodovod 2/8.

Fig. 8. 1 - Glinoe/Vodovod 2/10; 2, 3 - Glinoe/Vodovod 2/11.

Fig. 9. 1 - Glinoe/Vodovod 9/1; 2 - Glinoe/Sad 1/14; 3 - Glinoe/Vodovod 2/14.

Fig. 10. 1 - Glinoe/Vodovod 15/1; 2 - Glinoe/Vodovod 15/3.

Fig. 11. 1-5 - Glinoe/Vodovod, tumulul 16; 6, 7 - Glinoe/Vodovod, tumulul 21.

Fig. 12. 1-3 - Glinoe/Vodovod 21/13; 4 - Glinoe/Vodovod 21/2; 5 - Glinoe/Vodovod 21/3; 6 - Glinoe/Vodovod 21/4.

Graves of the Late Bronze Age from barrows in the upper course of the Krasnaya River in the Lower Dniester Region (according to the results of research in 2013-2022)

Keywords: North-West Black Sea region, Dniester Region, Late Bronze Age, barrows, graves, pottery.

Abstract: The paper deals with the materials of the Late Bronze Age, found in the barrows of the "Dot", "Sad" and "Vodovod" groups near the Glinoe village, Slobodzeya district, located in the basin of the Krasnaya River on the left bank of the Lower Dniester. 32 graves of the Late Bronze Age were recorded in 9 mounds of these groups. The materials presented in the article expand the understanding of the nature of the funeral rite and the cultural relationships of the population of the left bank of the Lower Dniester in the Late Bronze Age. Almost all burials were dated using the radiocarbon method; a total of 34 radiocarbon dates have been obtained, many of which are published for the first time.

The combination of features of the funerary rite of the Late Bronze Age of the Glinoe cemetery is extremely diverse. There are at least two factors behind this diversity – the multi-vector cultural interrelations of the population on the left bank of the Lower Dniester in the Late Bronze Age and the belonging of the burials to different chronological horizons.

Most of these graves can be divided into two large groups. In the first group we included burials that, on the basis of clear chronological indicators, can be attributed to the Dnieper-Prut Babino culture (20th-17th centuries BC). Of course, it includes all graves in undercuts, burials with characteristic vessels of a tripartite and jar profile, as well as with a bone buckle. We can also include in the same group burials containing artifacts associated with the Epi-Corded Ware cultures of the Middle and Upper Dniester (Glinoe/Sad 1/2, 1/13).

The second group includes burials that do not contain precise chronological indicators, which can be dated only within a wide range – the early and developed stage of the Late Bronze Age. It cannot be ruled out that some of them also belong to the cultural circle of Babino (which is also confirmed by radiocarbon dates), but some, most likely, occupy a later chronological position and can be attributed to the Sabatinovka horizon (16th-13th centuries BC).

The ruined main burial in barrow 16 of the "Vodovod" group and the accompanying skull burial at the bottom of the ring ditch stand apart and, according to radiocarbon dates, should be attributed to the Belozerka time (12th-10th centuries BC).

List of illustrations:

Map 1. The geographical location of the barrows near the village of Glinoe (after Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Fig. 1. 1 - Glinoe/Dot 1/10; 2 - Glinoe/Dot 3/10; 3, 4 - Glinoe/Sad 1/2; 5 - Glinoe/Sad 1/7; 6 - Glinoe/Sad 1/12.

Fig. 2. 1 - Glinoe/Dot 3/8; 2 - Glinoe/Dot 7/10; 3 - Glinoe/Dot 7/1.

Fig. 3. 1 - Glinoe/Dot 7/4; 2 - Glinoe/Dot 7/7-8; 3 - Glinoe/Dot 7/7; 4 - Glinoe/Vodovod 16/7.

Fig. 4. 1, 2 - Glinoe/Sad 1/13; 3 - Glinoe/Sad 1/24; 4 - Glinoe/Sad 1/20; 5, 6 - Glinoe/Sad 1/21.

Fig. 5. Glinoe/Sad 1/16.

Fig. 6. Glinoe/Sad 1/27.

Fig. 7. 1-3 - Glinoe/Vodovod 2/2; 4 - Glinoe/Vodovod 2/5; 5, 6 - Glinoe/Vodovod 2/8.

Fig. 8. 1 - Glinoe/Vodovod 2/10; 2, 3 - Glinoe/Vodovod 2/11.

Fig. 9. 1 - Glinoe/Vodovod 9/1; 2 - Glinoe/Sad 1/14; 3 - Glinoe/Vodovod 2/14.

Fig. 10. 1 - Glinoe/Vodovod 15/1; 2 - Glinoe/Vodovod 15/3.

Fig. 11. 1-5 - Glinoe/Vodovod, barrow 16; 6, 7 - Glinoe/Vodovod, barrow 21.

Fig. 12. 1-3 - Glinoe/Vodovod 21/13; 4 - Glinoe/Vodovod 21/2; 5 - Glinoe/Vodovod 21/3; 6 - Glinoe/Vodovod 21/4.

04.06.2023

Др. Сергей Д. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, https://orcid.org/0000-0001-9624-0364, e-mail: suraganga1@gmail.com

Др. Сергей Н. Разумов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0001-6030-9390, e-mail: razum_22@rambler.ru

Др. Светлана С. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, https://orcid.org/0000-0001-6713-6074, e-mail: sspssl@gmail.com

Др. Николай П. Тельнов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/ 0000-0001-6878-0216, e-mail: telnov_nikolai@mail.ru

TIMPURILE SE SCHIMBĂ. NOI DATE DESPRE SITUL EPOCII FIERULUI DE LA HORODIŞTE DIN BAZINUL NISTRULUI DE MIJLOC

Aurel Zanoci, Daniel Scherf, Mihail Băţ

Cuvinte-cheie: epoca fierului, bazinul Nistrului de Mijloc, cultura Saharna, cultura getică, fortificaţie, aşezare.

1. Cadru natural şi amplasare

Situl arheologic din epoca fierului se află la marginea de nord-est a localităţii Horodişte din raionul Rezina (fig. 1, 2) şi face parte din aşa-numita microzonă Horodişte-Ţipova. Din punct de vedere geografic, ea este situată în extremitatea central-estică a Podişului Nistrului, pe malul drept al fluviului, ocupând o suprafaţă de circa 6 km². Altitudinea absolută a reliefului variază de la 26 m în albia Nistrului până la 234,5 m pe dealul de la marginea Pădurii Ţipova. Fundamentul teritoriului este constituit din zăcăminte de calcar din subetapa sarmatică mijlocie (basarabeană), care au aflorat în valea fluviului Nistru şi a afluenţilor lui. Spre periferia vestică a microregiunii, fundaţia este formată din depozite argilo-nisipoase din aceeaşi perioadă (Boboc et al. 2007, 47-48). Teritoriul este segmentat de o reţea de chei adânci, cu pante abrupte (până la 100-150 m), formate din afluenţii de dreapta ai Nistrului. Afluentul principal este Jidauca (numit Ţipova în unele izvoare), în care curg din dreapta micile râuri Valea Satului (Horodiştei) şi Blănăriţa. În cursul lor inferior, aceste râuri au văi înguste, practic, lipsite de câmpii inundabile, formând o serie de cascade. În interfluviile Valea Satului (Horodiştei), Jidauca şi Blănăriţa s-a format un platou cu pante foarte abrupte, care continuă cu două promontorii, în extremităţile nordică[2] şi sud-estică. Protejată

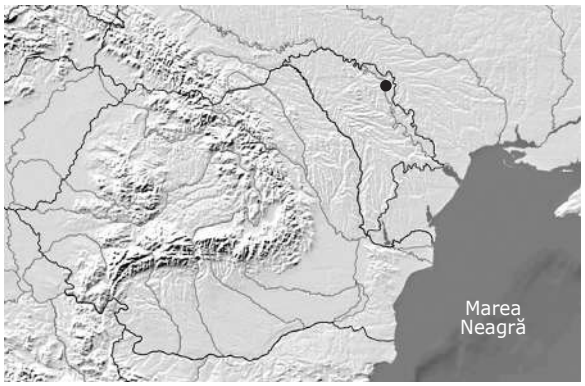


Fig. 1. Localizarea sitului Horodişte în spaţiul carpato-dunărean.

pe trei laturi de versanţii abrupţi, locaţia sitului a oferit posibilităţi naturale de apărare pentru comunităţile preistorice, care, în epoca fierului, le-au fortificat cu amenajări defensive artificiale.

Microregiunea Horodişte-Ţipova are un amplasament favorabil locuirii umane: apă potabilă (din râuri, izvoare şi surse subterane), vegetaţie (păduri, pajişti) şi resurse animale sălbatice (inclusiv specii de vânătoare şi pescuit), soluri fertile (predominant cernoziom) şi materiale de construcţie din abundenţă (calcar, argile, nisipuri).

2. Istoricul cercetării

Primele cercetări arheologice în preajma satului Horodişte au fost întreprinse în a doua jumătate a anilor ’40 ai sec. XX de către G.D. Smirnov (1946) şi T.S. Passek (1947). Ca urmare a acestor recunoaşteri de teren, au fost identificate două fortificaţii. Cea descoperită şi descrisă de către G.D. Smirnov, cunoscută în prezent ca Horodişte „La Şanţ”, a fost atribuită sciţilor (Смирнов 1949, 196). În ceea ce priveşte situl menţionat de T.S. Passek (în prezent, situl Horodişte II, fig. 34/A), s-a considerat, plecând de la materialele recuperate de la suprafaţa solului, că zona a

[1] Acest articol a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu şi bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară şi valorificare ştiinţifică”.

[2] Potrivit localnicilor, promontoriul de la extremitatea nordică poartă denumirea „La Şanţ”, iar platoul – „La Cot”. Denumirea „La Şanţ” provine de la vestigiile unei linii defensive (şanţ şi val), bine vizibile până în prezent, care separa promontoriul de platou. Toponimul „La Cot” se datorează, probabil, „cotului” format între râurile Jidauca şi Blănăriţa (fig. 2).

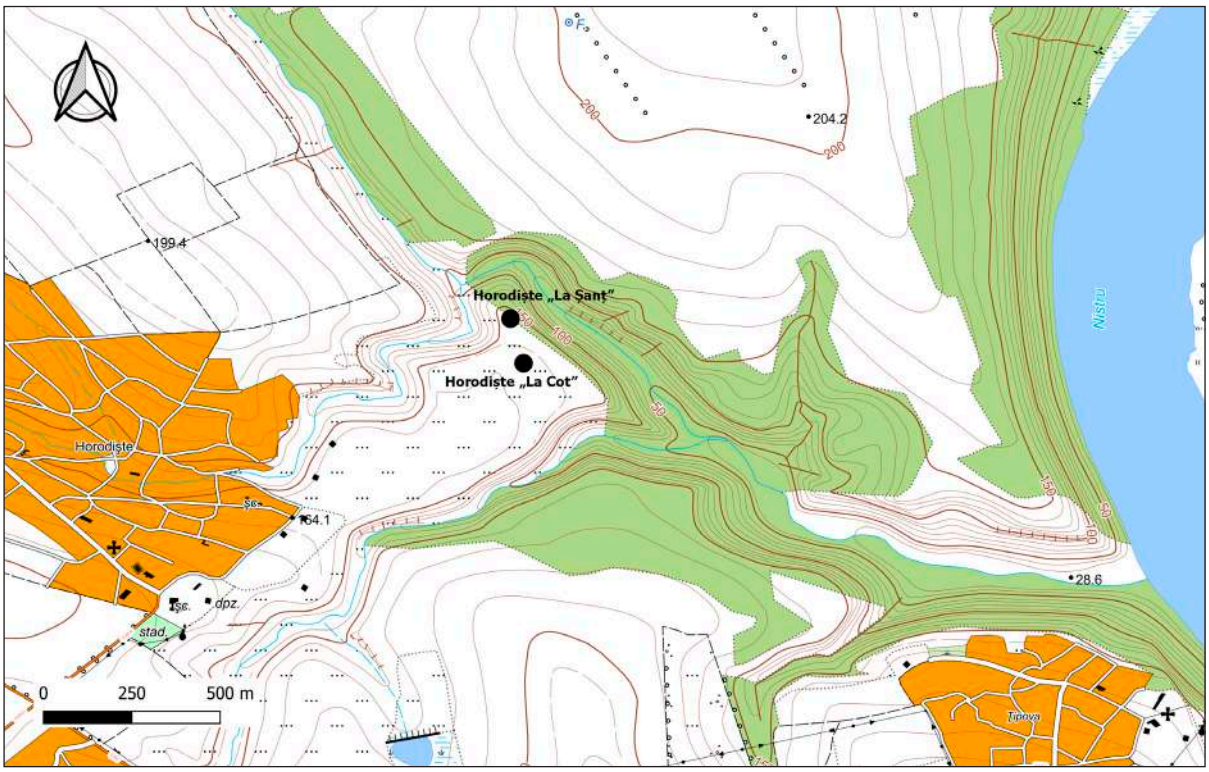


Fig. 2. Harta topografică a microzonei Horodişte-Ţipova cu localizarea sitului Horodişte, punctele „La Şanţ” şi „La Cot” .

fost locuită iniţial de populaţiile culturii Tripolie, iar mai târziu – de către sciţi (Пассек 1949, 64)[3]. În anul 1967, cu ocazia unor cercetări geografice, V. Verina (Верина 1980, 109-111) semnalează prezenţa unui sit din prima epocă a fierului (cultura Saharna), în locul numit „Groapa Turcului” (cf. Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 18). Noi cercetări de suprafaţă la Horodişte au fost realizate de către I. Hîncu în anul 1980. După cum reiese din publicaţiile ulterioare (Хынку 1987, 45-46; Hîncu 1993, 96-97), investigaţiile s-au limitat doar la situl descoperit de G. Smirnov[4]. În 1992, O. Levitki realizează cercetări de suprafaţă la aşezarea Ţipova II, pe care o încadrează în prima epocă a fierului (cultura Saharna) (Levitki 1993, 10).

În anul 1995, în urma periegezelor întreprinse de S. Matveev şi C. Cirimpei, au fost scoase în evidenţă urmele unor amenajări defensive (şanţuri, turnuri/bastioane) şi în spaţiul din imediata apropiere a fortificaţiei Horodişte „La Şanţ” (Arnăut 2003, 225), desemnat în prezent cu toponimul „La Cot”.

În anul 2013, cu scopul de a verifica informaţiile cunoscute, precum şi de a identifica noi situri arheologice din epoca fierului, colectivul Laboratorului Ştiinţific „Tracologie” de la Universitatea de Stat din Moldova a întreprins cercetări de suprafaţă în microzona Horodişte-Ţipova. Ca urmare, în afară de cele două fortificaţii descoperite anterior, au mai fost atestate încă cinci cetăţi şi patru aşezări deschise (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015). Printre ele, după poziţia strategică şi gradul de conservare, se evidenţiau fortificaţiile din preajma localităţii Horodişte, punctele „La Şanţ” şi „La Cot”, unde, în vara anului 2013, au fost realizate câte un sondaj arheologic. La Horodişte „La Şanţ”, investigaţiile au fost efectuate pe o suprafaţă de 20 m², fiind concentrate în partea centrală a fortificaţiei. Drept urmare, au fost descoperite

[3] În majoritatea repertoriilor privind fortificaţiile din epoca fierului s-a regăsit doar cetatea descoperită de G. Smirnov (Златковская, Полевой 1969, 47; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 45; Хынку 1987, 45-46; Hîncu 1993, 96-97; Zanoci 1998, 136; Haheu 2008, 72; ş.a.). În repertoriul din 1987 (Свод 1987, 534) este menţionată doar cea semnalată de T. Passek, sub denumirea de Horodişte II. În cele din urmă, în repertoriul din 1993 apar ambele cetăţi (Levitki 1993, 8; informaţie preluată ulterior şi în Kašuba, Haheu, Levitki 2000, 127).

[4] În acest context, I. Hîncu utilizează pentru prima dată toponimul „La Şanţ” (Хынку 1987, 45; Hîncu 1993, 96).

Fig. 3. Vedere de ansamblu a cercetărilor magnetometrice din microzona Horodişte-Ţipova (după Zanoci et al. 2020, fig. 1).

artefacte, care au permis identificarea pe acest sit a două niveluri de locuire: sec. X-IX a. Chr. (cultura Saharna) şi sec. IV-III a. Chr. (cultura getică) (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 241-243, fig. 7-12; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015, 89-91, fig. 9-10). La Horodişte „La Cot”, secţiunea cu o suprafaţă de 12 m² a fost trasată la marginea de sud-est a platoului, unde erau vizibile urmele unei construcţii defensive. În urma investigaţiilor, s-a stabilit că pe această latură a fost edificat un „zid” din lemn, pământ şi piatră cu grosimea de cca 1,0-1,2 m. Materialul arheologic recuperat a permis datarea construcţiei în sec. IV-III a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 236-237, fig. 3; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015, 86-87, fig. 6).

În luna octombrie 2019, echipa de cercetare a LCŞ „Tracologie”, în colaborare cu Universitatea Friedrich Schiller Jena şi Römisch-Germanische Kommission (Germania), au realizat prospecţiuni magnetometrice în punctele „La Şanţ” şi „La Cot” (fig. 3), rezultatele preliminare fiind publicate sumar (Zanoci et al. 2020b; Scherf, Mewes 2021), iar cele finale – într-un studiu interdisciplinar (Scherf et al. 2023). Măsurătorile geofizice au scos în evidenţă mai multe anomalii, care au fost interpretate (fig. 4) drept vestigii ale unor şanţuri, locuinţe, gropi etc.

În anii 2021-2022, cercetările au continuat, având drept scop verificarea unor anomalii de pe harta magnetometrică din punctul „La Cot”, precum şi investigarea liniei defensive de pe latura de sud a fortificaţiei „La Şanţ”. Cercetările de teren au fost suplimentate de prospecţiuni aeriene, în urma cărora au fost achiziţionate imagini oblice asupra sitului (fig. 5), fiind, totodată, realizat şi modelul digital al terenului (fig. 6).

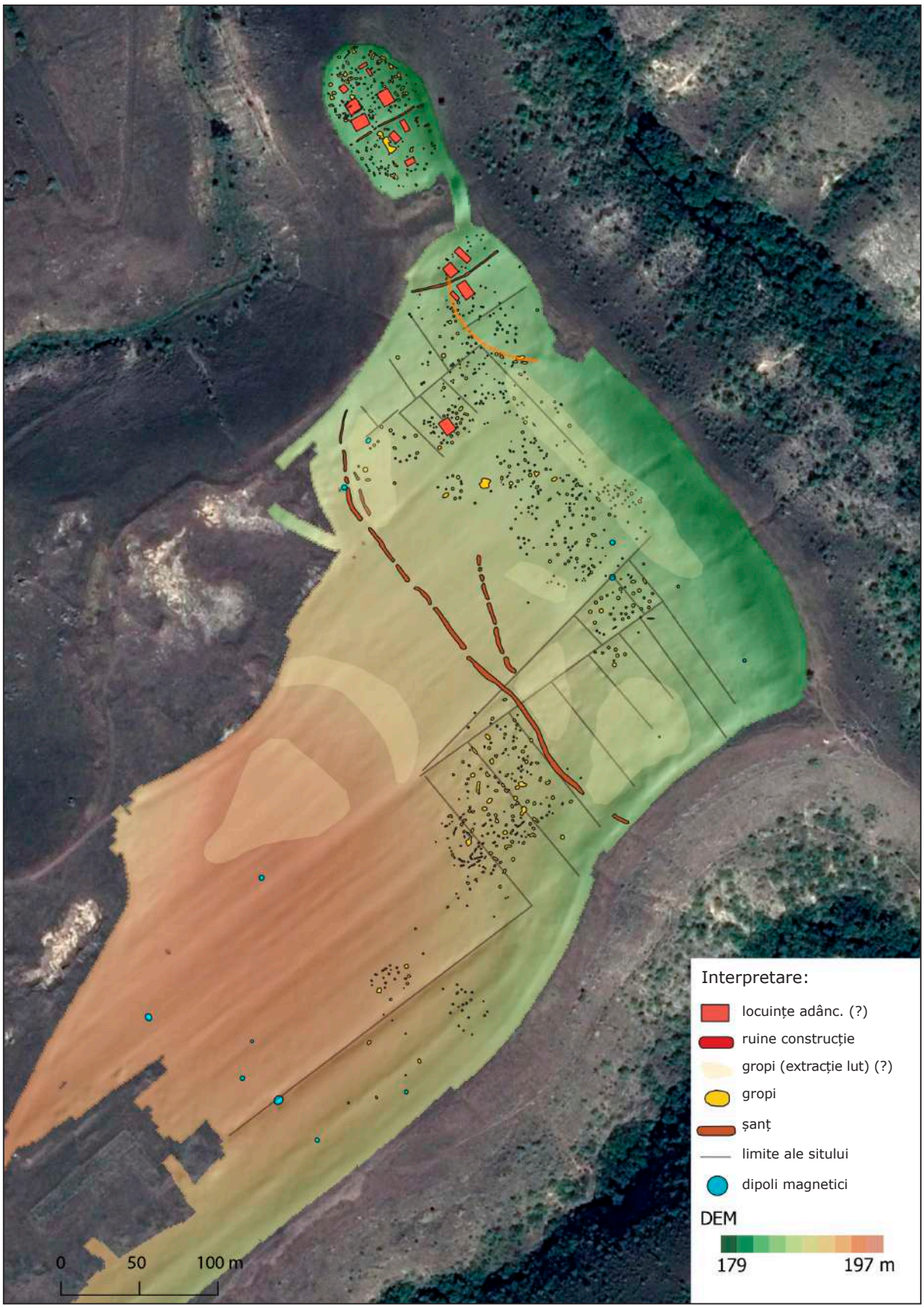


Fig. 4. Horodişte „La Şanţ” şi „La Cot”. Interpretarea datelor magnetometrice din anul 2019 (după Zanoci et al. 2020, fig. 2).

1

2

Fig. 5. Imagini aeriene oblice: 1 - vedere dinspre nord-est a promontoriului „La Şanţ”;
2 - vedere dinspre sud-est a platoului „La Cot”.

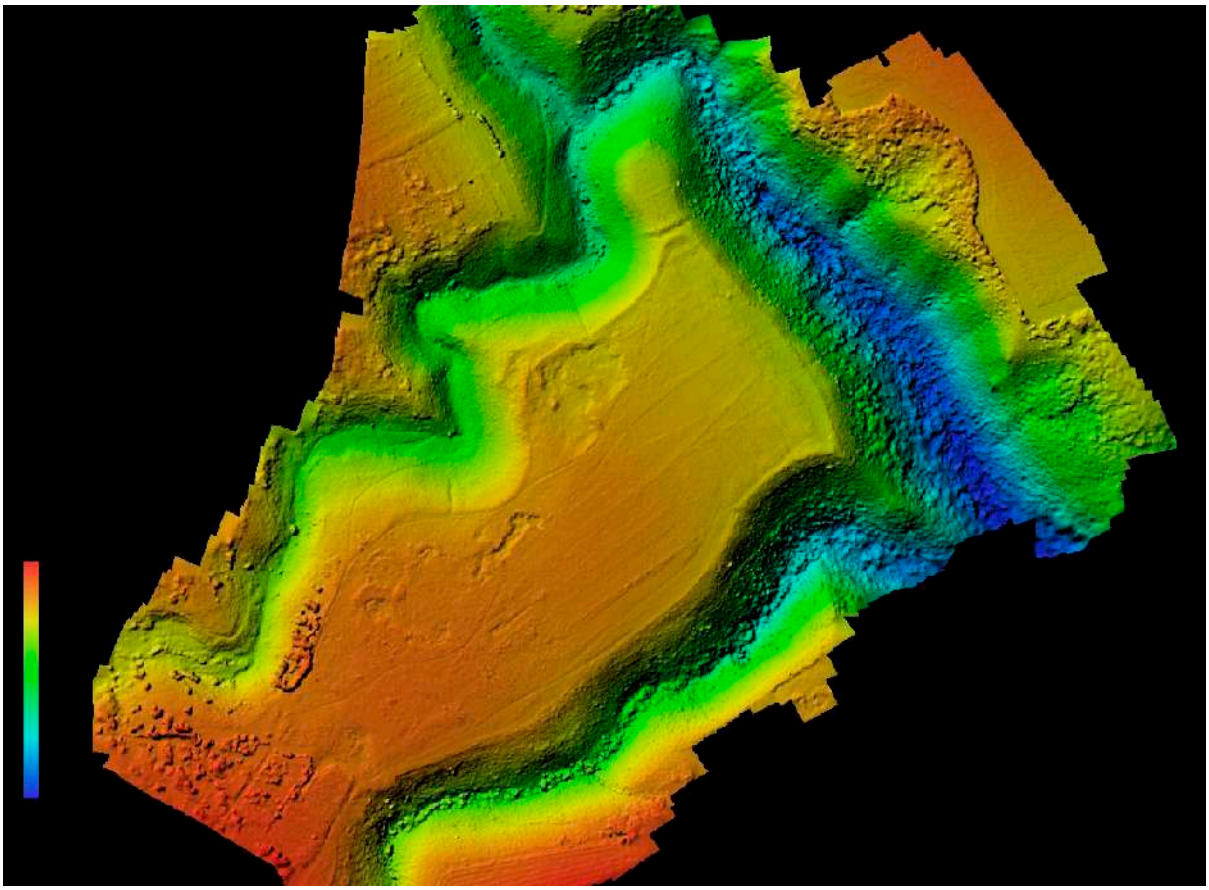


Fig. 6. Horodişte, model digital al terenului, realizat în baza imaginilor aeriene (fotogrametrie – V. Sprincean, M. Băţ).

3. Cercetările arheologice din anul 2021

În vara anului 2021, investigaţiile au fost concentrate în punctul „La Cot" şi au avut drept scop cercetarea unei anomalii liniare (Scherf et al. 2023, 19, fig. 10/1), considerată a fi vestigiile unui şanţ de apărare, care întretăia platoul de la nord-vest spre sud-est[5], precum şi a unei anomalii pozitive, amplasate la nord de presupusul şanţ, interpretată drept urmele unei structuri arheologice (fig. 8; 9).

Pentru cercetarea anomaliei liniare, perpendicular acesteia, a fost trasată Secţiunea nr. 2[6], cu dimensiunile de 14×2 m (fig. 10; 11). Ca urmare, în perimetrul secţiunii au fost descoperite vestigiile unei construcţii defensive şi ale unui şanţ de apărare.

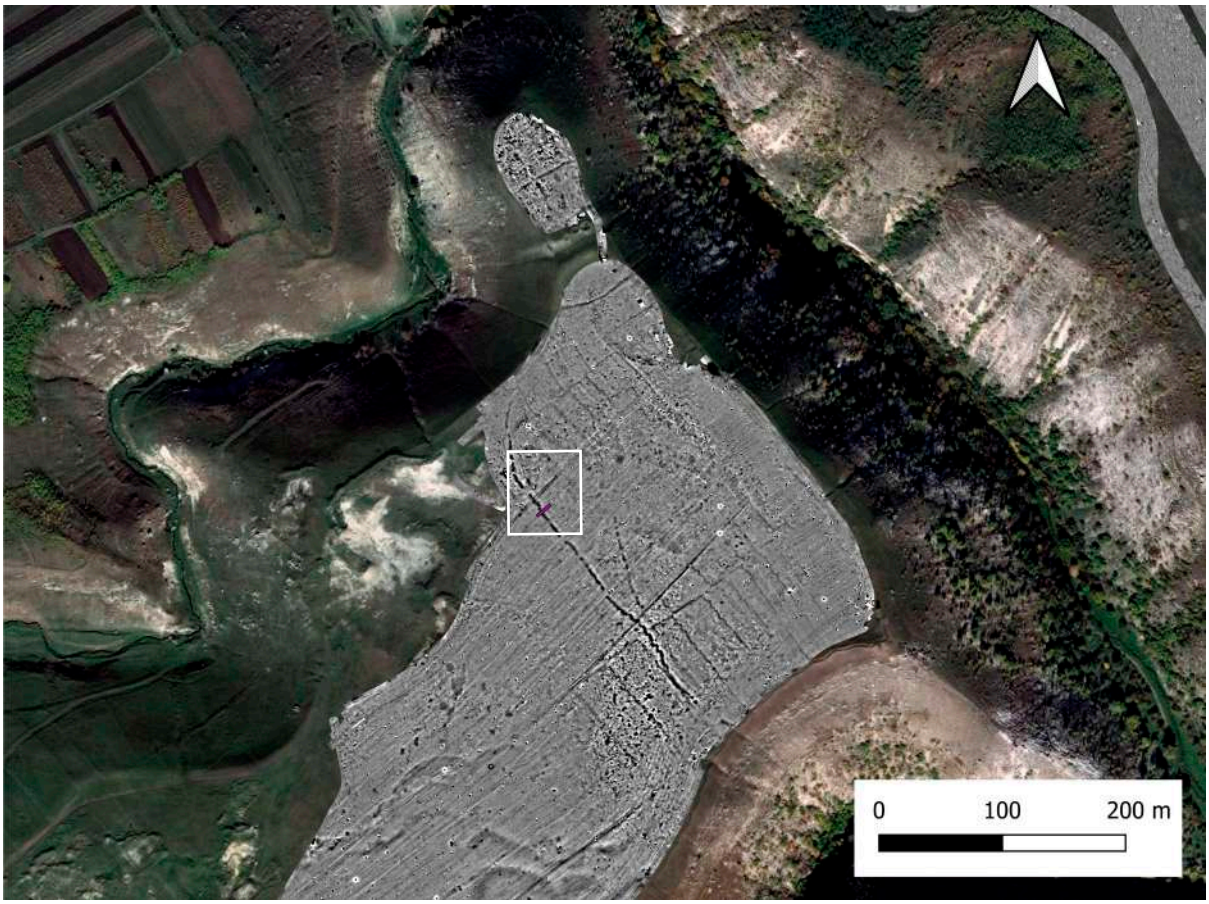
Ruinele construcţiei defensive au fost atestate la adâncimea de 0,20-0,30 m de la nivelul actual de călcare şi se prezentau sub forma unei lentile, compuse din sol argilos în amestec cu cenuşă, fragmente de lemn carbonizat şi pietre (fig. 10-13). Dărâmătura se întindea pe o lăţime de cca 4,00 m, având grosimea maximă de cca 0,60 m. Din ea au fost recuperate un fragment de lamă din silex (fig. 16/2) şi 14 fragmente de ceramică modelată cu mâna din pastă de lut în amestec cu şamotă pisată. Arderea recipientelor este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu la negru. Printre piesele descoperite se evidenţiază: un fragment de oală, decorată cu incizii orizontale (fig. 16/6), un fragment de la gâtul unui vas, ornamentat cu linii orizontale, aplicate prin ştanţare (fig. 16/7), un fragment de buză de strachină (fig. 16/4) şi un fragment de toartă de ceaşcă (fig. 16/5). Astfel de ceramică se întâlneşte frecvent în siturile din prima epocă a fierului din regiunea Nistrului de Mijloc, fiind caracteristică pentru cultura Saharna (Niculiţă,

[5] Această anomalie, marcată prin diferenţa de vegetaţie, a putut fi observată şi pe fotografiile oblice realizate cu drona DJI Phantom IV Pro (fig. 7).

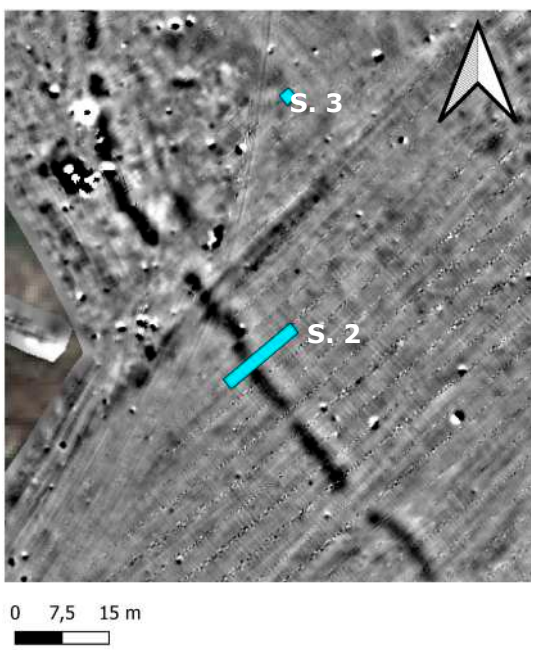
[6] Numerotarea secţiunilor a fost făcută în continuarea celei săpate în anul 2013.

Fig. 7. Horodişte „La Cot”. Imagine aeriană a platoului cu marcarea traseului liniei defensive cercetate în 2021.

Fig. 8. Vedere aeriană a sitului Horodişte cu marcarea suprafeţelor cercetate în 2021.



1



2

Fig. 9. Horodişte „La Cot”.
Harta magnetometrică a sitului cu localizarea unităţilor de cercetare din anul 2021.

Zanoci, Arnăut 2008, fig. 74/8, 20, fig. 81/20; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a, fig. 55/10, fig. 56/4).

Sub stratul de dărâmătură, la adâncimea de cca 0,70 m de la nivelul actual de călcare, au fost descoperite patru gropi de par, aranjate în două şiruri, la o depărtare de cca 0,80-1,20 m unul faţă de altul. Gropile, de formă quasirotundă în plan, cu diametrul de 0,17-0,35 m, au fost săpate în stâncă până la adâncimea de 0,15 m[7]. Pe marginea a trei dintre ele au fost descoperite bucăţi de pietre de calcar cu dimensiunile medii de 0,20×0,15×0,10 m, care au servit, probabil, pentru fixarea parilor (fig. 13). Căptuşirea gropilor de

[7] Din umplutura unei gropi (Groapa nr. II) a fost prelevată o probă de sol pentru analize pedologice. Interpretarea probei a relevat faptul că solul din groapa de par reprezintă cernoziom carbonatic şi conţine 1,81% de carbon organic şi 3,11% de humus. Valorile obţinute, raportate la standardele aprobate pentru acest tip de sol, la adâncimea de cca 0,7-0,8 m, reflectă un conţinut sporit de materie organică, întrucât valoarea standard nu depăşeşte 1% de humus. Prin urmare, se poate afirma că solul prezintă urme de intervenţie antropică, rezultate, probabil, de la descompunerea bârnei de lemn. Proba de sol a fost analizată de către dr. T. Nagacevschi şi dr. V. Sochircă (Laboratorul Departamentului „Geoştiinţe şi Silvicultură”, Universitatea de Stat din Moldova), cărora le aducem sincere mulţumiri şi pe această cale.

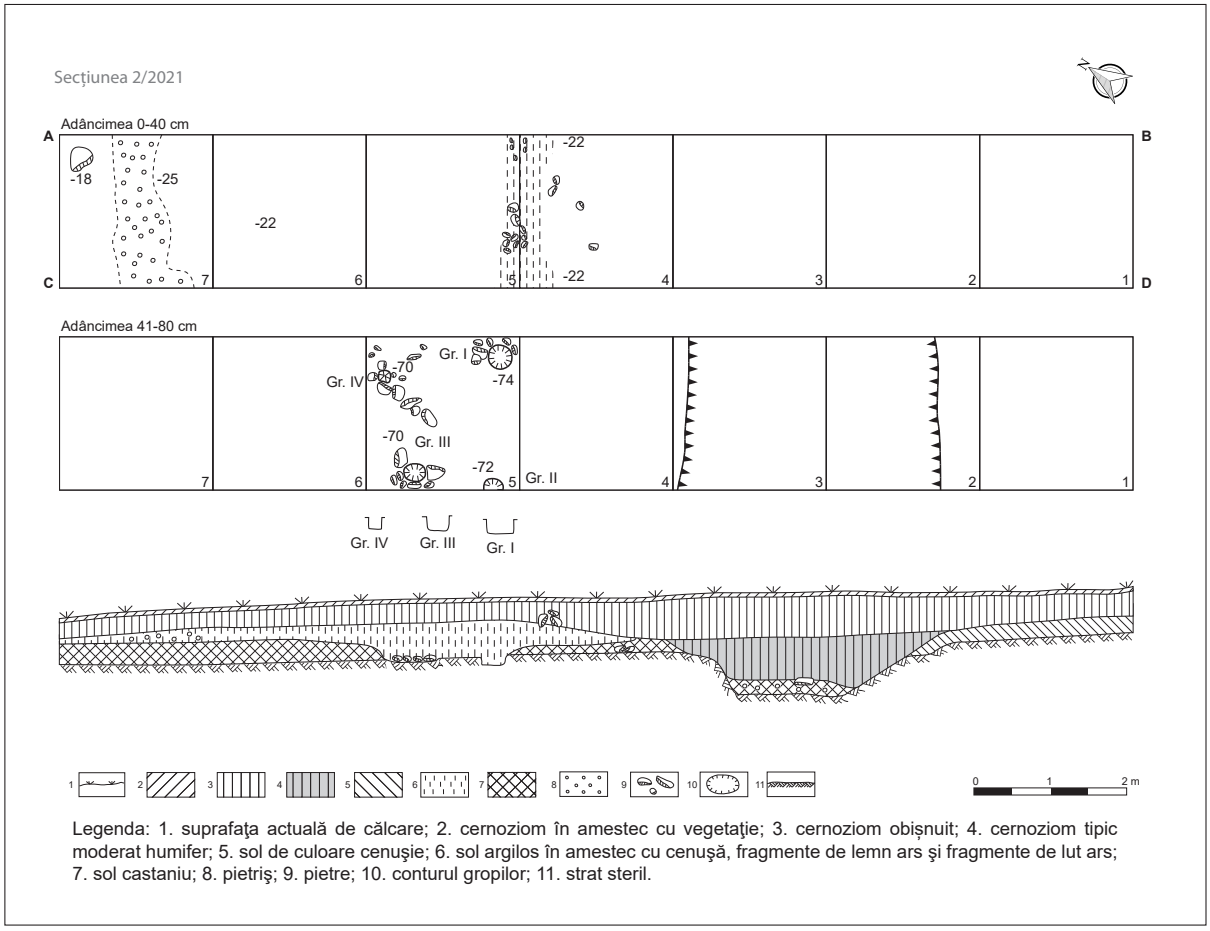


Fig. 10. Horodişte „La Cot”. Planul şi profilul secţiunii 2/2021.

pari cu lespezi de piatră este practicată frecvent în procesul de edificare a construcţiilor defensive din prima epocă a fierului din regiunea Nistrului de Mijloc, această tehnică fiind atestată la Saharna „Ţiglău” – *Cetăţuie* (Zanoci et al. 2022a, 15, fig. 81), Saharna „Rude” (Zanoci et al. 2022b, 194, fig. 10, 14) etc.

Astfel, plecând de la prezenţa lentilei de sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat, precum şi a gropilor de pari, se poate presupune că aici a fost amenajat un „zid” cu lăţimea de cca 1,20-1,50 m, edificat din două paramente din bârne de lemn, între care a fost tasat pământ şi piatră (fig. 15).

În faţa „zidului”, la o distanţă de cca 2,2 m, la adâncimea de cca 0,6 m de la nivelul actual de călcare, s-a conturat gura unui şanţ de apărare, marcată de o pată de sol de culoare închisă (fig. 11/1, 2). În urma cercetărilor arheologice, s-a stabilit că şanţul (fig. 10; 14) a avut formă trapezoidală în secţiune, cu deschiderea la gură de cca 3,50 m, lăţimea în partea inferioară fiind de 1,40 m. El a fost săpat în stânca calcaroasă a platoului, având adâncimea de 0,90 m (calculată de la nivelul antic de călcare). În umplutura şanţului au fost sesizate două straturi de sol: cel superior, cu grosimea de cca 0,65 m, era compus din cernoziom tipic moderat humifer, iar cel inferior, cu grosimea de cca 0,25 m, – din sol de culoare castanie, în amestec cu pietriş şi pietre. În stratul de la fundul şanţului au fost descoperite două fragmente de ceramică (pereţi neornamentaţi) de la un vas modelat cu mâna, din pastă de lut cu degresanţi de şamotă. Acestea aveau culoare neagră şi suprafaţa lustruită, fiind specifice pentru recipientele din prima epocă a fierului.

După curăţarea şanţului s-a observat că piatra de calcar (sterilul arheologic) de la fundul lui are o culoare roşie (fig. 14), iar în porii stratului de calcar au fost atestate fragmente mărunte de lemn carbonizat. Acest fapt ne conduce spre ideea că fundul şanţului a fost afectat de foc, probabil, ca urmare a căderii bârnelor arzând, provenite din „zidul” adiacent.

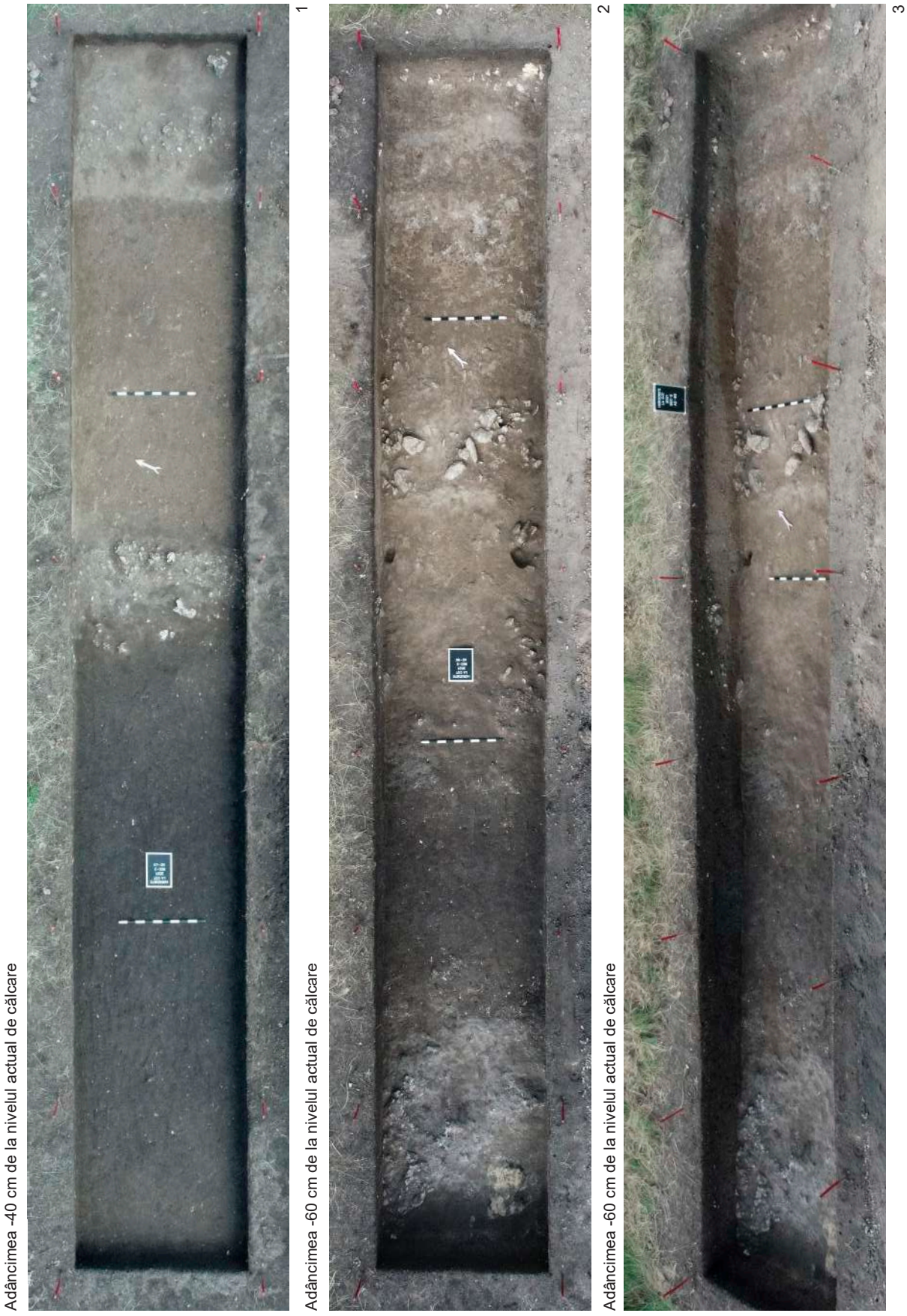

1
Adâncimea -40 cm de la nivelul actual de călcare
2
Adâncimea -60 cm de la nivelul actual de călcare
3
Adâncimea -60 cm de la nivelul actual de călcare

Fig. 11. Horodişte „La Cot”, secţiunea 2/2021. Vederi aeriene de ansamblu asupra suprafeţei de cercetare.

Fig. 12. Horodişte „La Cot”, secţiunea 2/2021. Vedere aeriană de ansamblu a vestigiilor sistemului defensiv.

1

2

3

Fig. 13. Horodişte „La Cot”, secţiunea 2/2021. 1 - Detaliu din zona vestigiilor „zidului”;
2, 3 - gropi de la parii din structura „zidului”.

Fig. 14. Horodişte „La Cot”, secţiunea 2/2021. Vestigiile şanţului de apărare (vedere dinspre sud-est).

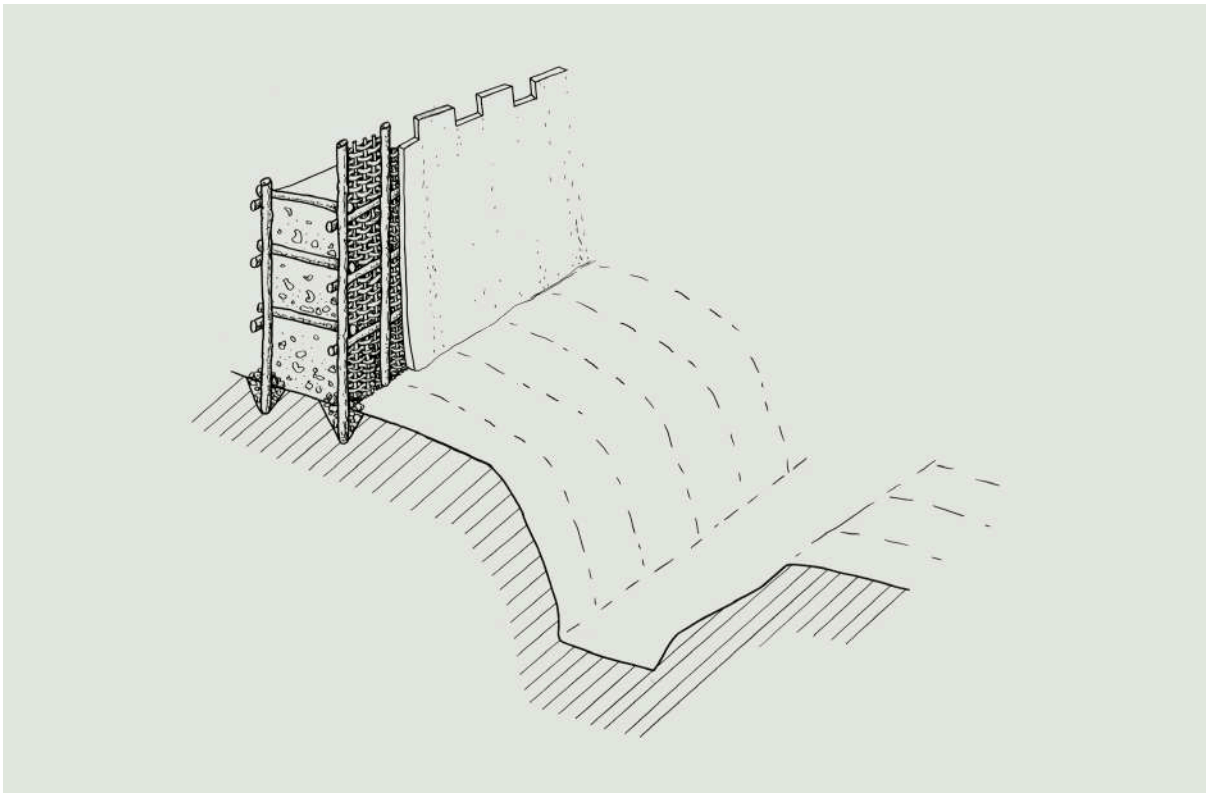


Fig. 15. Horodişte „La Cot”. Variantă de reconstituire a liniei defensive din prima epocă a fierului (desen S. Burciu).

Ceramica descoperită printre ruinele „zidului” (fig. 16/4-7), la fundul şanţului de apărare, precum şi în spaţiul lor adiacent (fig. 16/3), plasează această linie defensivă în prima epocă a fierului.

O astfel de datare este argumentată şi prin analogiile cunoscute în regiunea Nistrului Mijlociu, la fortificaţiile din prima epocă a fierului de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a, 45-56, fig. 27-34), Saharna „Rude” (Zanoci et al. 2022), Saharna „Ţiglău” – *Cetăţuie* (Zanoci 2021a) etc.

Totodată, cu scopul de a verifica caracterul unei anomalii pozitive (Scherf et al. 2023, 19-20, fig. 11), în incinta „La Cot” a fost realizat un sondaj (Secţiunea 3/2021) cu dimensiunile 2×2 m, amplasat la o depărtare de cca 40 m nord de linia defensivă (fig. 9; 17).

În timpul cercetărilor arheologice, sub stratul de cernoziom, la adâncimea de cca 0,3 m, a fost atestat un strat cultural cu grosimea de cca 0,5 m, în care au fost descoperite: un vârf din silex (fig. 19/4), o placă din os (probabil, semifabricat pentru plăsea) (fig. 19/3), o fusaiolă din lut (fig. 19/2), un fragment de la o unealtă din lut pentru decorarea ceramicii (fig. 19/1), precum şi peste 100 de fragmente de ceramică.

Printre piesele recuperate se remarcă ştanţa (fig. 18/1; 19/1), confecţionată din pastă de lut cu degresanţi de şamotă măruntă. Arderea ei este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu la negru. Piesa are formă de semilună, cu partea concavă îngroşată, iar cea convexă – subţiată, pe ea prin incizii fiind redate linii oblice. Unul din capete este modelat în formă de tub, celălalt fiind rupt. Ştanţa s-a păstrat pe o lungime de 6,5 cm, având lăţimea maximă de 2,5 cm şi grosimea de 1,0 cm. Astfel de piese sunt frecvent întâlnite în siturile culturii Saharna din regiunea Nistrului de Mijloc, cum ar fi: Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, Saharna „Ţiglău”, Alcedar III, Ţahnăuţi, Mateuţi „La Başne” etc. (Кашуба 2000, 317, рис. XXVI; Băţ, Zanoci 2021, 18-21, fig. 8).

Ceramica atestată în stratul cultural a fost modelată cu mâna din pastă de lut în amestec cu cioburi pisate. Arderea este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu la negru. Printre piesele recuperate se disting fragmente de: străchini (fig. 19/5-7), cupe/ceşti (fig. 19/8-17) şi oale (fig. 20).

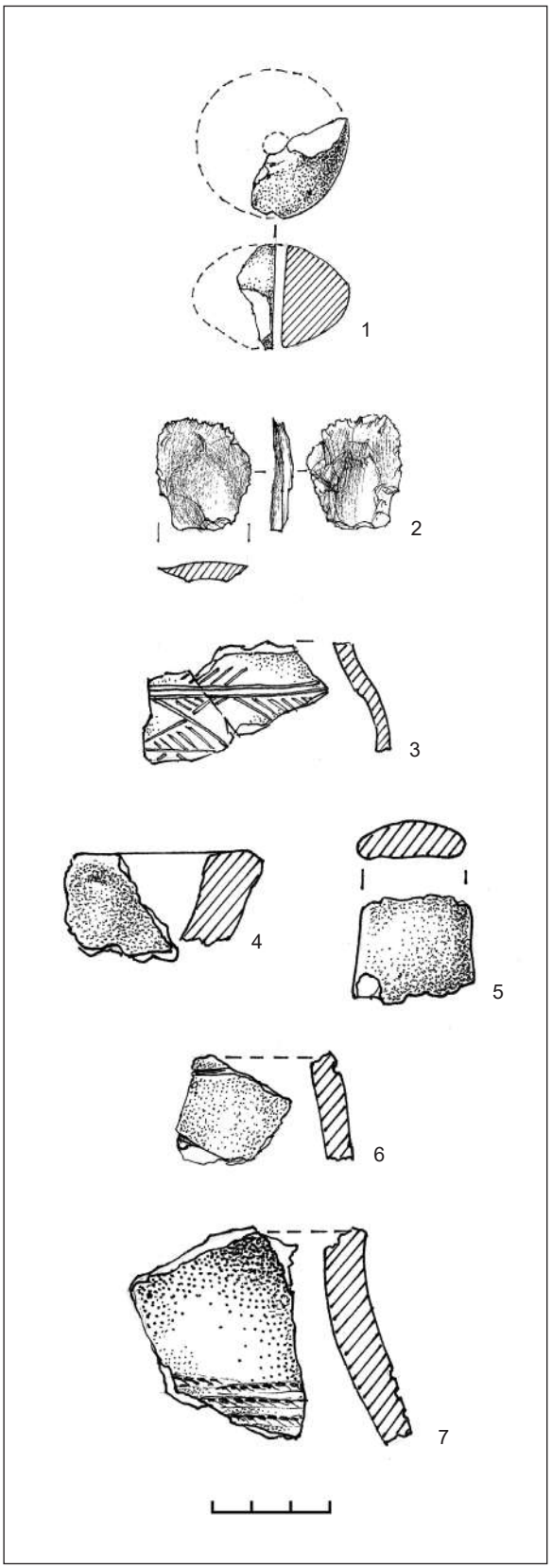
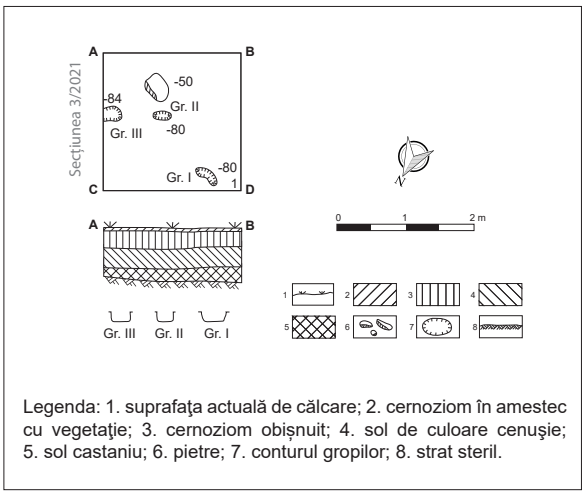


Fig. 16. Horodişte „La Cot”, secţiunea 2/2021. Piese de inventar şi fragmente ceramice descoperite în stratul cultural şi în ruinele „zidului”.



Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom obișnuit; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol castaniu; 6. pietre; 7. conturul gropilor; 8. strat steril.

1

2

3

4

Fig. 17. Horodişte „La Cot”, secţiunea 3/2021: 1 - planul şi profilul unităţii de cercetate; 2-4 - secvenţe din timpul săpăturilor.

1

2

Fig. 18. Horodişte „La Cot”, secţiunea 3/2021. Descoperiri arheologice deosebite.

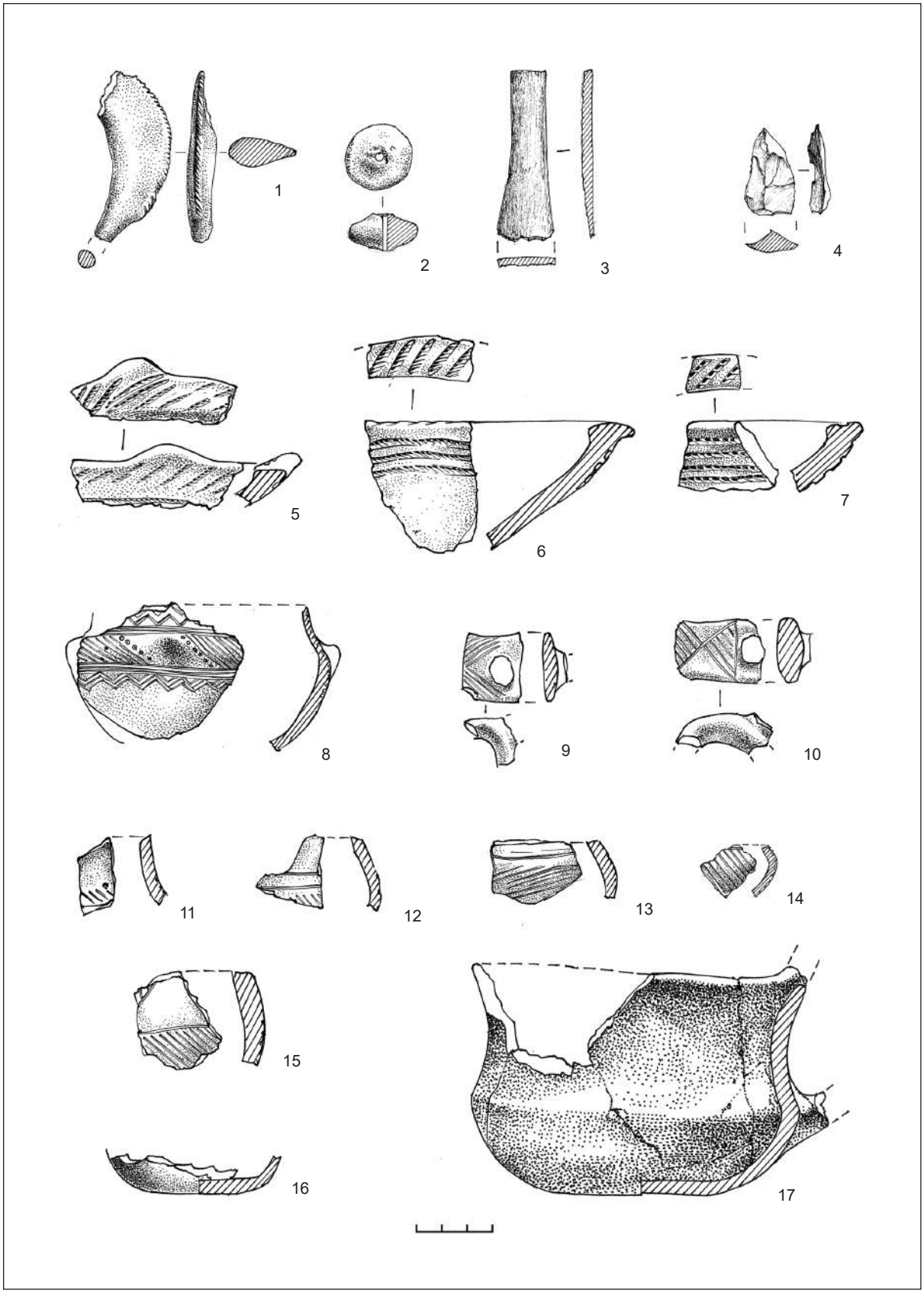


Fig. 19. Horodişte „La Cot”, secţiunea 3/2021. Descoperiri arheologice.

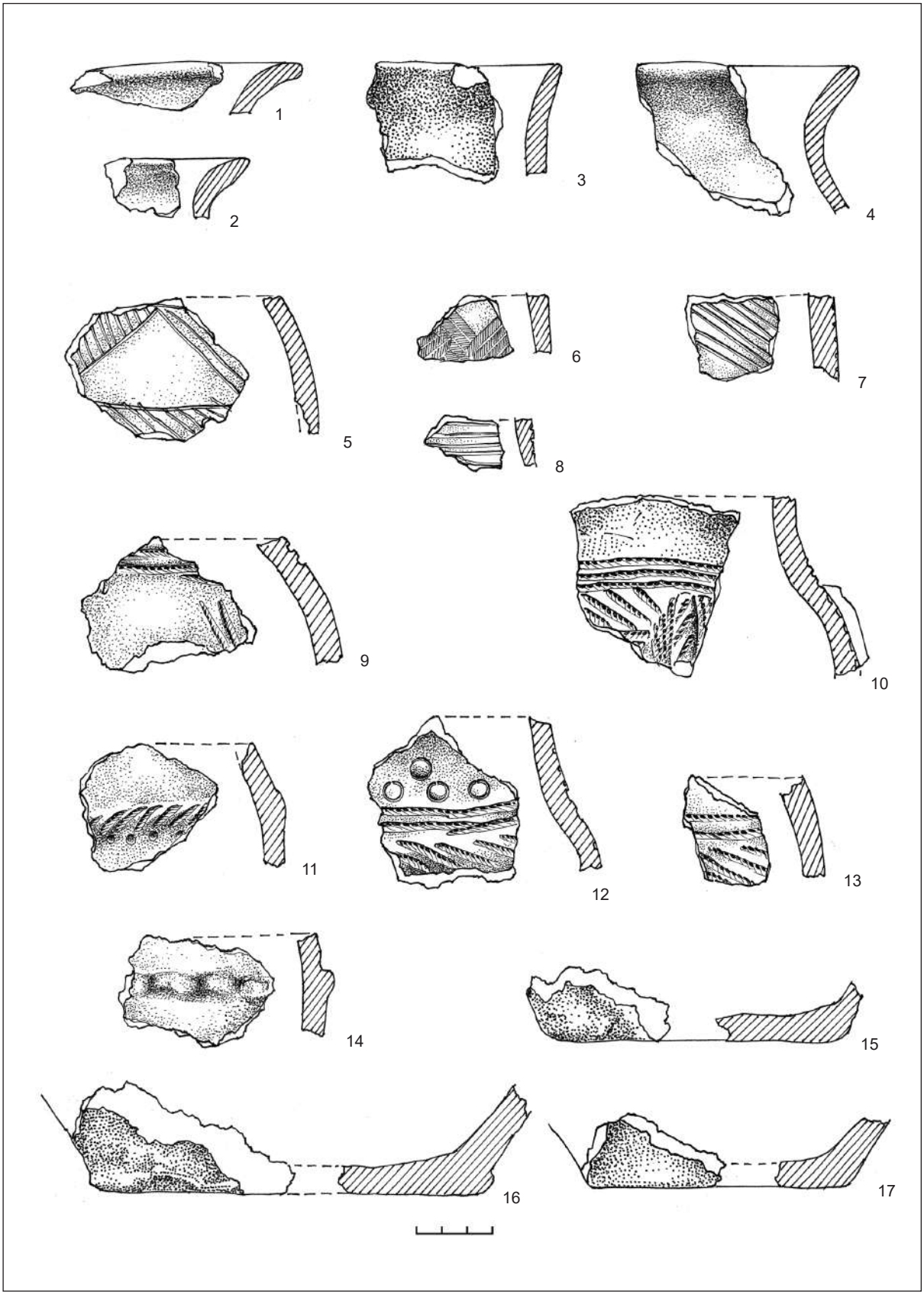


Fig. 20. Horodișteă „La Cot”, secțiunea 3/2021. Descoperiri arheologice.

Străchinile sunt reprezentate de fragmente de buze, decorate atât pe margine, cât şi la exterior cu linii imprimate (fig. 19/5-7). Exemplare similare sunt cunoscute în majoritatea siturilor culturii Saharna din regiunea Nistrului de Mijloc (Кашуба 2000, 304-305, рис. XX; Niculiţă, Nicic 2014, 77-79, fig. 56-66; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a, 104-108, fig. 67-70; Băţ 2017, fig. 13-14), precum şi în alte teritorii populate de aceste comunităţi (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 29-30, fig. 76).

Ceştile/cupele sunt prezente prin fragmente de pereţi cu decor incizat (fig. 19/11-15), toarte (fig. 19/9, 10) şi un fragment de fund (fig. 19/16). Din această categorie se evidenţiază un recipient, aproape întreg (ulterior restaurat), descoperit *in situ*, la adâncimea de 0,5 m (fig. 17/3; 18/2; 19/17). Acesta avea profilul în formă de „S", cu înălţimea de 8,7 cm, diametrul gurii – de 12,5 cm, al gâtului – de 11,7 cm, al trunchiului – de 12,5 cm, iar al fundului – de 6,7 cm. Ceaşca a fost înzestrată cu o toartă, probabil, supraînălţată, care însă nu s-a păstrat. Cești asemănătoare au fost descoperite în necropola Alcedar (Кашуба 2000, рис. LXVI/7) şi în aşezările Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 11/10), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 60/1, 2, 4, fig. 79/1), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 69/2) etc., toate fiind încadrate în cultura Saharna.

Interes prezintă şi un fragment de ceaşcă, în baza căruia a fost reconstituit grafic recipientul (fig. 19/8). Diametrul gâtului acesteia a fost de cca 8,3 cm, iar al trunchiului – de cca 9,7 cm. Vasul a fost decorat printr-o combinaţie de linii orizontale, oblice şi în zigzag, aplicate prin incizii, asociate cu puncte imprimate şi proeminenţe. Asemenea cești sunt destul de frecvente în aşezările din prima epocă a fierului Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 78/5), Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 11/1), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a, fig. 74/15) etc.

Din categoria oalelor se remarcă fragmente de buze (fig. 20/1-4), pereţi cu decor incizat (fig. 20/5-8), imprimat (fig. 20/9-13) sau în relief (fig. 20/14), precum şi fragmente de funduri (fig. 20/15-17). Aceste recipiente, de asemenea, se încadrează în sortimentul caracteristic culturii Saharna, având numeroase analogii în aşezările din această perioadă (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 71-75; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 63-67; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 24/2-7, fig. 47-55; Niculiţă et al. 2019, fig. 7/17-25; etc.).

După excavarea stratului cultural, la adâncimea de cca 0,8 m de la nivelul actual de călcare, în stânca nativă au fost descoperite trei gropi de pari (fig. 17/1, 4), aranjate la o distanţă de 0,5-0,8 m una faţă de alta. Acestea aveau formă ovală în plan, cu dimensiunile de cca 0,30-0,35×0,15-0,25 m şi adâncimea de cca 0,15 m. Probabil, gropile au servit drept loc de fixare a parilor unei construcţii de suprafaţă, în sondaj fiind surprins doar colţul ei. În sprijinul existenţei unei structuri arheologice vine şi abundenţa materialului arheologic, în doar 4 m^2 fiind descoperite patru piese de inventar şi peste 100 de fragmente ceramice.

Astfel, cercetările realizate în anul 2021 în partea de nord-vest a platoului „La Cot" au scos în evidenţă prezenţa unui singur nivel de locuire, din prima epocă a fierului, care, conform artefactelor recuperate, poate fi atribuit comunităţilor culturii Saharna.

4. Cercetările arheologice din anul 2022

În anul 2022 cercetările au fost concentrate în punctul „La Şanţ", unde este cunoscută o fortificaţie din epoca fierului. Ea ocupă un promontoriu de formă quasipoligonală, format la extremitatea de nord-vest a defileului Horodişte-Ţipova (fig. 21/1). Pe latura de sud-est, în locul joncţiunii cu platoul „La Cot", promontoriul a fost barat prin intermediul unui „val" şi al unui şanţ cu lungimea de cca 48 m. În prezent, „valul" are lăţimea la bază de cca 12 m şi înălţimea maximă de cca 2,0 m. Şanţul are o deschidere de cca 6,0 m şi adâncimea de 1,2 m. Pe celelalte laturi ale promontoriului, mărginite de versanţii abrupţi ai canionului, se mai păstrează elevaţia unui „val" cu lăţimea de cca 3,0 m şi înălţimea de 0,3 m, care închidea zona incintei. Cu scopul de a elucida structura şi cronologia liniei defensive de pe latura de sud-est, a fost trasată o secţiune (2/2022)[8] cu dimensiunile de 20×2 m. Suprafaţa de cercetare a fost amplasată la capătul de vest al liniei defensive, la o distanţă de 5,0 m de la marginea promontoriului, dispusă perpendicular pe „valul" şi şanţul de apărare (fig. 21).

„Valul"

Dărâmătura valului (fig. 22; 23) a fost descoperită la adâncimea de 0,2 m de la nivelul actual de călcare. Ea avea forma unei lentile de formă semiconvexă, răspândită în cadrul secţiunii pe o lungime

[8] Numerotarea secţiunilor a fost făcută în continuarea celei săpate în anul 2013.

1

2

Fig. 21. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022: 1 - vedere dinspre sud-vest a promontoriului şi locul amplasării unităţii de cercetare; 2 - vedere de ansamblu a suprafeţei trasate.

de cca 11 m. În partea de sus a „valului”, dărâmătura avea grosimea de cca 0,4 m, subţiindu-se la poale până la cca 0,10-0,15 m. Aceasta era compusă din sol de culoare cenuşie în amestec cu cenuşă şi pietre, ale căror dimensiuni variau de la 0,05×0,10×0,15 m la 0,15×0,20×0,30 m. În stratul de dărâmătură au fost descoperite 23 de fragmente de la vase modelate cu mâna. Acestea au fost lucrate din pastă de lut cu degresanţi de şamotă. Arderea este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cenuşiu la cărămiziu. Printre fragmentele recuperate se evidenţiază fragmente de străchini (fig. 25/5, 6) şi oale (fig. 25/1-4, 7), care au numeroase similitudini în siturile getice din sec. IV-III a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 120-122, fig. 135; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a, fig. 227; ş.a.).

După excavarea stratului de dărâmătură, la adâncimea de 0,6-0,7 m de la coama „valului”, a fost descoperit nucleul construcţiei defensive (fig. 23; 24/1), care avea o structură ce consta din două paramente şi un emplecton, tasat între ele.

Paramentul exterior a fost ridicat din piatră de calcar neprelucrată, ale căror dimensiuni variau de la 0,20×0,15×0,10 m la 0,80×0,40×0,20 m, fără utilizarea mortarului. El se prezintă sub forma unui zid cu lăţimea de cca 1,2 m, care s-a păstrat pe o înălţime de cca 1,0 m (fig. 22; 24/1-3). Dinspre exterior, acest parament a fost susţinut, probabil, de un şir de bârne verticale, una dintre ele fiind sesizată în profilul secţiunii (fig. 22).

Paramentul interior se afla la o distanţă de cca 2,5 m de la marginea interioară a zidului din piatră şi a fost amenajat, probabil, din bârne de lemn. De la el s-au păstrat cinci gropi de par, aranjate într-un şir, la o distanţă de cca 0,20-0,35 m una faţă de alta. Urmele unei gropi cu diametrul de

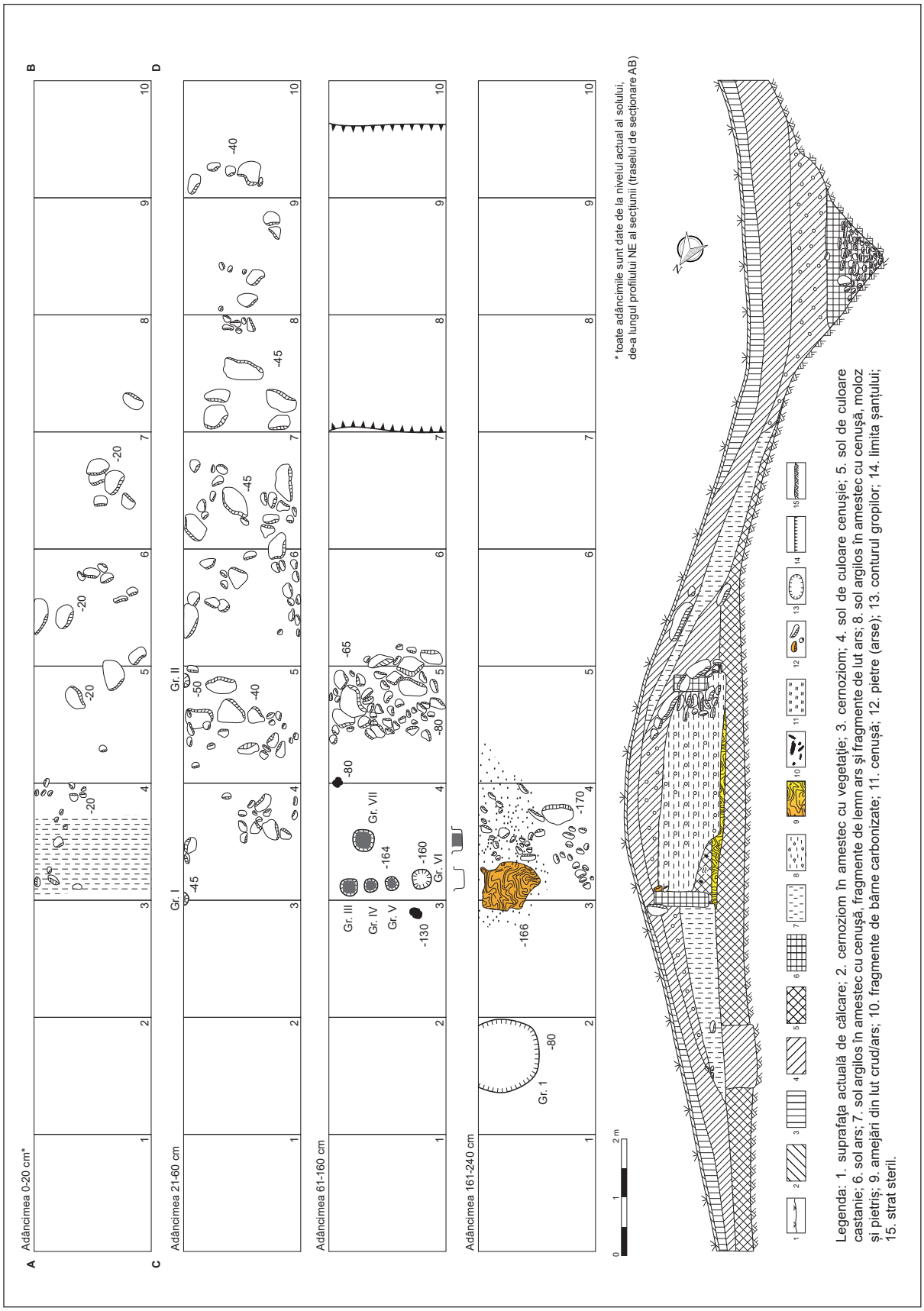

A
B
C
D
Adâncimea 0-20 cm*
Adâncimea 21-60 cm
Adâncimea 61-160 cm
Adâncimea 161-240 cm
Gr. I
Gr. II
Gr. III
Gr. IV
Gr. V
Gr. VI
Gr. VII
Gr. 1
* toate adâncimile sunt date de la nivelul actual al solului, de-a lungul profilului NE al secţiunii (traseul de secţionare AB)
Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol de culoare castanie; 6. sol ars; 7. sol argilos în amestec cu cenuşă, fragmente de lemn ars şi fragmente de lut ars; 8. sol argilos în amestec cu cenuşă, moloz şi pietriş; 9. amejări din lut crud/ars; 10. fragmente de bârne carbonizate; 11. cenuşă; 12. pietre (arse); 13. conturul gropilor; 14. limita şanţului; 15. strat steril.

Fig. 22. Horodişte „La Şanţ”. Planul şi profilul secţiunii 2/2022.

1

2

Fig. 23. Horodişte „La Şanţ”. Secţiunea 2/2022 (vedere dinspre vest):
1 - adâncimea 0,6-1,0 m; 2 - adâncimea 1,2-1,6 m.

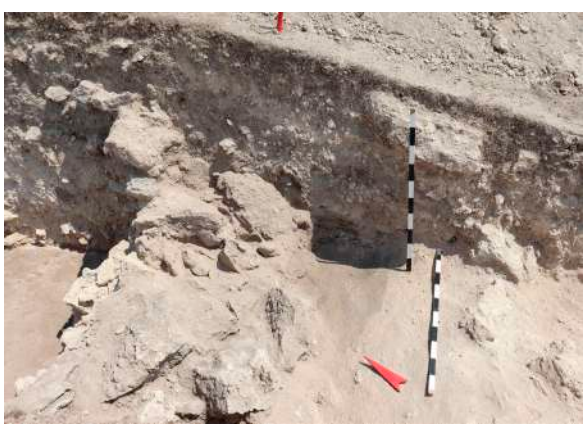
cca 0,3 m, a fost sesizată chiar de la partea superioară a nucleului, fiind urmărită pe o adâncime de cca 0,9 m (fig. 22), până la penetrarea în nivelul antic de călcare. Restul gropilor au fost atestate la adâncimea de cca 1,6 m de la coama valului şi aveau diametrul de cca 0,25-0,35 m şi adâncimea de cca 0,2 m. Umplutura lor consta din sol ars, iar în trei dintre ele au fost descoperite *in situ* rămăşiţele bârnelor arse (fig. 24/4). Umplutura din spaţiul cuprins între paramente avea o lăţime de cca 2,5 m şi grosimea de cca 1,1 m şi consta dintr-un amestec de sol argilos cu moloz şi pietriş.

În asemenea mod a fost construit un veritabil zid, a cărui grosime atingea cca 4,0 m, dintre care: cca 1,2 m – lăţimea paramentului din piatră, cca 2,5 m – umplutura, cca 0,3 m – diametrul bârnelor/paramentul interior (fig. 22; 29).

Din emplectonul „zidului” au fost recuperate 35 de fragmente de ceramică. Dintre acestea, 19 provin de la recipiente, ale căror culoare variază de la cărămiziu la negru, unele cu decor incizat (fig. 26/1-3) sau imprimat (fig. 26/4), toate având numeroase analogii în siturile culturii Saharna (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 63-65; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 45-53). Trebuie să menţionăm faptul că aceste fragmente se concentrează, mai ales, în partea interioară a emplectonului, în apropierea paramentului din bârne. Din situaţia prezentată, se pare că ele provin din nivelul de locuire anterior edificării valului, fiind antrenate în procesul de săpare al gropilor, destinate fixării bârnelor din lemn ale paramentului interior.

1

2



3

4

Fig. 24. Horodişte „La Şanţ", secţiunea 2/2022. 1 - Profilul „zidului" de apărare (vedere dinspre nord-vest); 2 - dărâmătura structurii din piatră a paramentului exterior; 3 - paramentul (exterior) din piatră; 4 - gropi de la bârnele din structura paramentului interior.

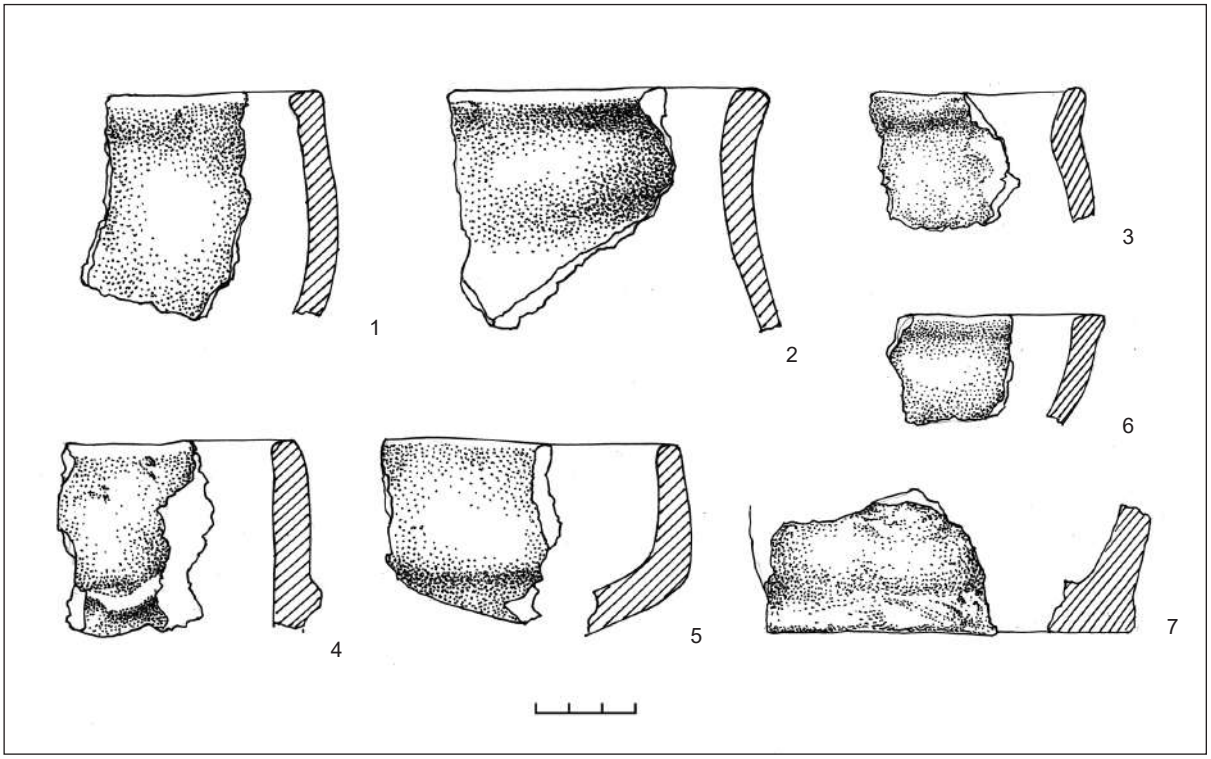


Fig. 25. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022.
Ceramică descoperită în stratul de dărâmătură a „zidului”.

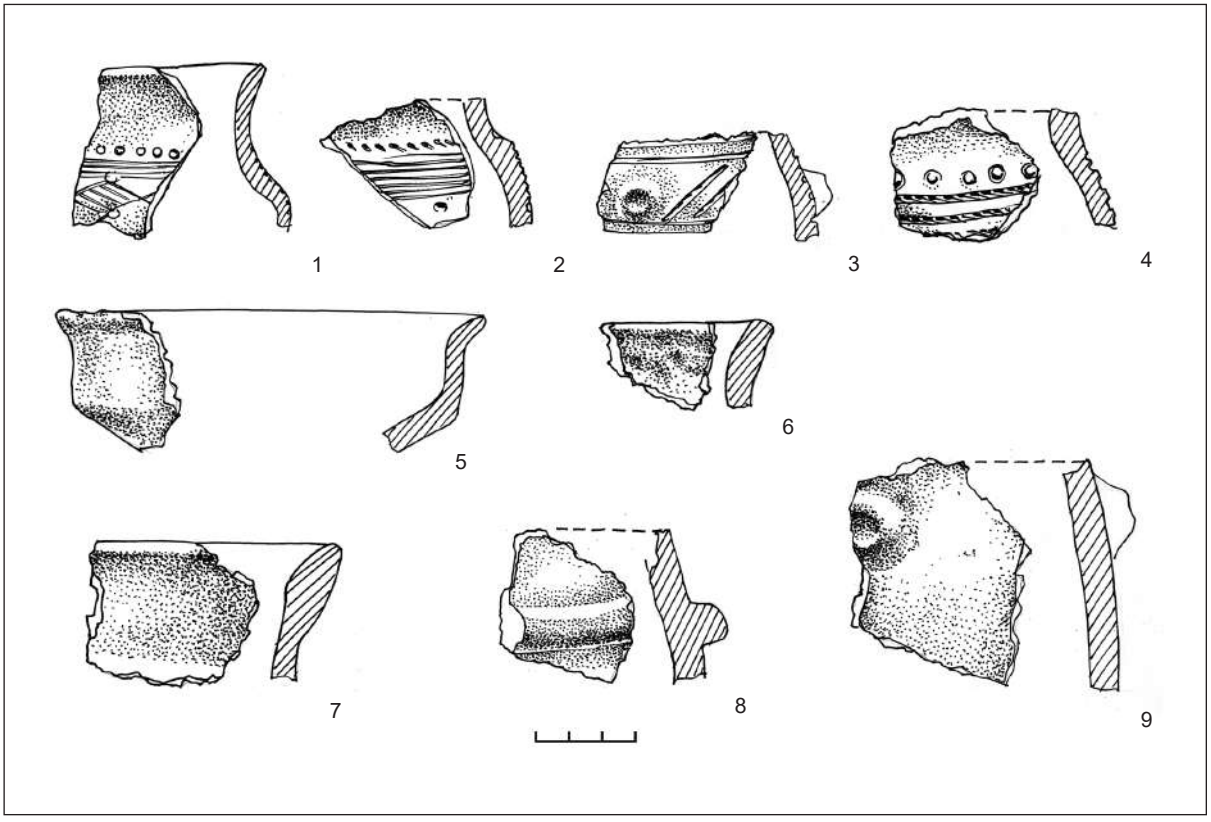


Fig. 26. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022.
Ceramică din emplectonul „zidului”.

Fig. 27. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022. Şanţul de apărare:
1 - vedere dinspre sud-vest; 2 - vedere dinspre vest.

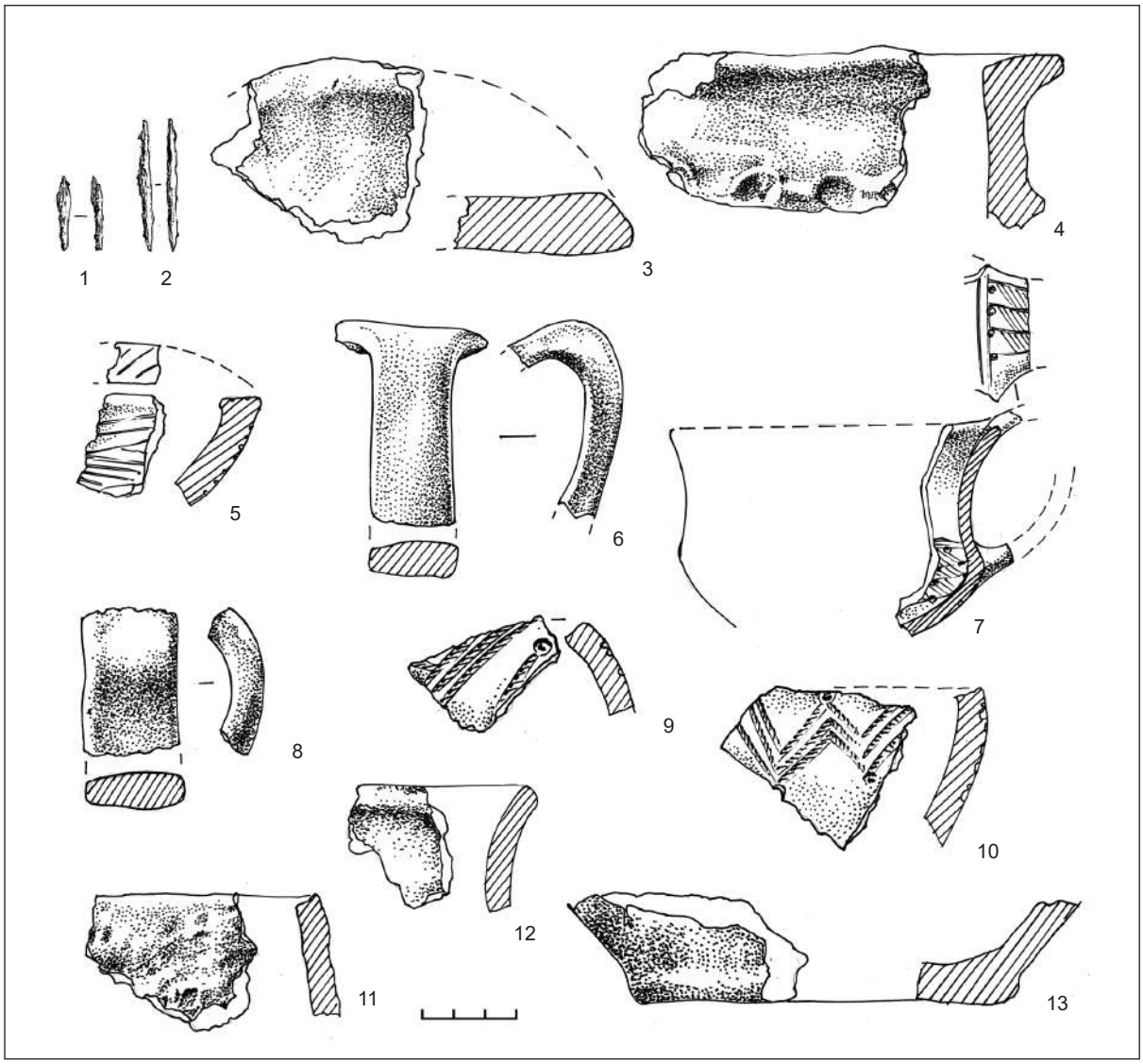


Fig. 28. Horodişte „La Şanţ”. Secţiunea 2/2022, şanţul de apărare.
Piese de inventar şi fragmente ceramice descoperite în umplutura şanţului.

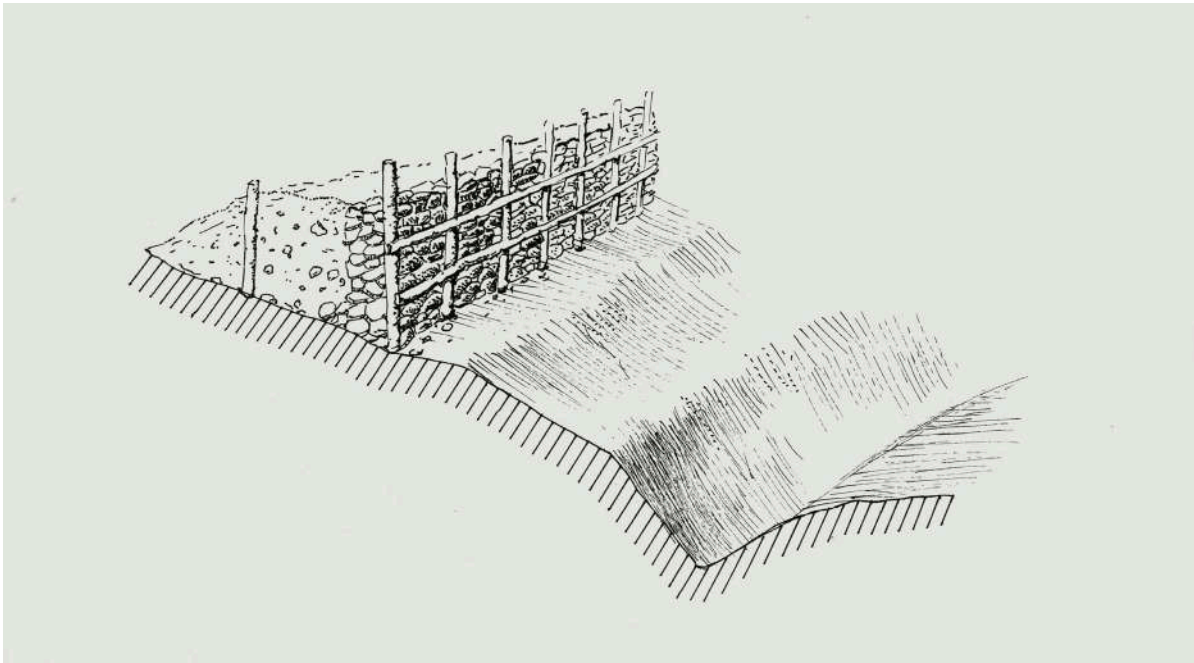


Fig. 29. Horodişte „La Şanţ". Variantă de reconstituire a liniei defensive din a doua epocă a fierului (desen S. Burciu).

Alte 16 fragmente au fost descoperite în partea superioară a emplectonului şi proveneau de la recipiente modelate din pastă de lut cu degresanţi de cioburi pisate. Arderea lor este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cenuşiu la cărămiziu-închis. Printre acestea se remarcă cele de la strachini (fig. 26/5) şi oale (fig. 26/6-9), unele cu decor în relief (fig. 26/8, 9). Conform particularităţilor descrise mai sus, aceste vase sunt caracteristice culturii getice din a doua epocă a fierului,

Şanţul

Conturul şanţului a fost evidenţiat la adâncimea de 0,2 m de la nivelul actual de călcare, la o distanţă de cca 4,0 m de la paramentul exterior al zidului (fig. 22). În urma excavării umpluturii şanţului, s-a stabilit că el avea forma literei V, cu deschiderea la gură de cca 5,3 m, spre fund îngustându-se până la 0,3 m, adâncimea lui de la nivelul antic de călcare fiind de cca 2,4 m (fig. 27).

În umplutura şanţului au fost sesizate trei straturi. Stratul inferior, cu grosimea de cca 1,0 m, era compus din pietre de calcar, cu dimensiunile cuprinse între 0,05×0,10×0,15 m şi 0,15×0,20×0,30 m, în amestec cu sol ars. Din acest strat au fost recuperate opt fragmente de ceramică, unele cu urme de ardere secundară. Dintre acestea şapte erau de la vase modelate cu mâna, caracteristice culturii getice (fig. 28/3, 4, 6), iar unul – de la o amforă grecească. Probabil, stratul inferior reprezintă prima etapă de umplere a şanţului, cauzată de distrugerea „zidului".

Urmează apoi un strat cu grosimea de cca 0,7 m, compus din sol cenuşiu în amestec cu pietre mărunte şi moloz. De aici au fost recuperate un fragment de împungător confecţionat din fier (fig. 28/1) şi opt fragmente de ceramică modelată cu mâna, dintre care patru sunt caracteristice pentru cultura Saharna (fig. 28/5, 7, 9, 10), iar patru fragmente sunt specifice culturii getice (fig. 28/12, 13). Plecând de la situaţia stratigrafică şi de la materialul recuperat din stratul doi al umpluturii şanţului, se poate presupune că acesta s-a format prin scurgeri din aşezare, în perioada imediat următoare abandonării fortificaţiei.

Cel de-al treilea strat, superior, cu grosimea de cca 0,7 m, era compus din cernoziom în amestec cu pietre mărunte şi rădăcini de vegetaţie. În el au fost descoperite un împungător din fier (fig. 28/2) şi cinci fragmente de ceramică (fig. 28/8, 11), caracteristice celei de-a doua epoci a fierului. Acest strat, probabil, reprezintă nivelul de colmatare a şanţului, începând cu primele secole ale erei noastre.

Nivelul de locuire din prima epocă a fierului

În partea de nord a secţiunii nr. 2/2022, mai precis, în spaţiul neafectat de şanţul de apărare, sub ruinele „zidului" şi în imediata lui apropiere a fost atestat un nivel de locuire anterior amenajărilor defensive (fig. 22). Acesta reprezintă un strat cu grosimea de cca 0,3-0,5 m, compus din sol de culoare castanie. În partea superioară a acestui strat au fost surprinse urmele unei construcţii de suprafaţă (fig. 30/1), precum şi conturul unei gropi (fig. 22).

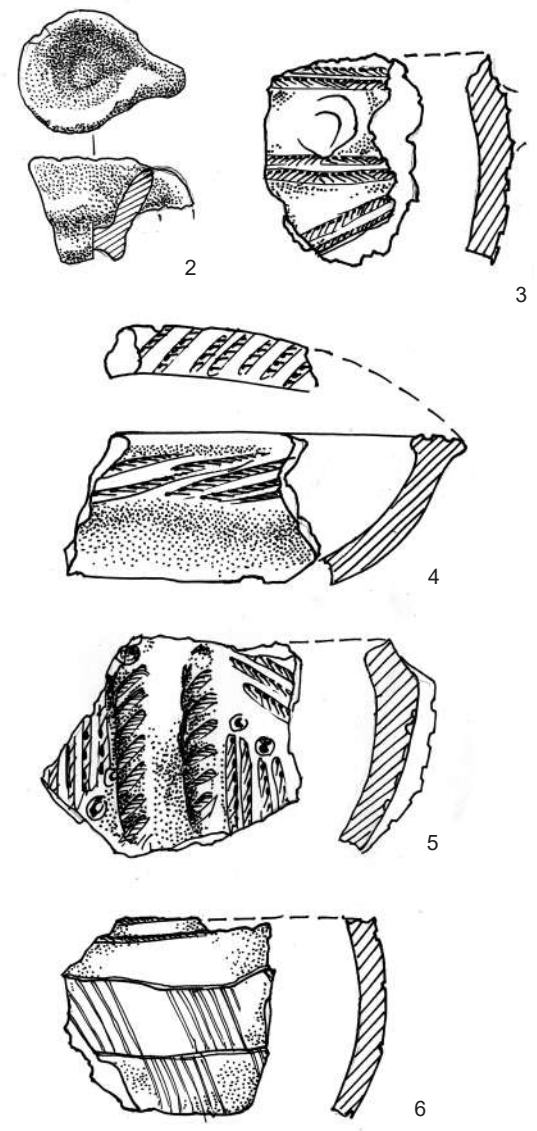
Construcţia nr. 1 a fost cercetată pe o porţiune de cca 3,5×1,0 m, rămăşiţele ei continuând spre est, în afara limitelor secţiunii. Urmele construcţiei au fost suprapuse integral de „zidul" de apărare, fiind afectate în partea de nord de gropile de par pentru fixarea bârnelor paramentului interior al zidului. Vestigiile ei reprezintă un strat de lut cu urme de arsură, în amestec cu fragmente de lemn carbonizat şi pietre de diferite dimensiuni (de la 0,05×0,10×0,15 m până la 0,10×0,15×0,20 m). În partea de nord-vest a construcţiei a fost descoperită o platformă din lut ars de formă poligonală, cu dimensiunile de cca 1,0×0,8 m şi grosimea de cca 0,1 m (fig. 30/1). Aceasta poate fi interpretată drept o vatră sau o porţiune din podeaua edificiului, afectată de un incendiu.

Din spaţiul construcţiei au fost recuperate un vas miniatural şi 12 fragmente de ceramică. Vasul (fig. 30/2) a fost modelat cu mâna din pastă de lut în amestec cu şamotă. Arderea lui este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu la negru. Văsciorul avea forma tronconică, cu înălţimea de 2,7 cm, diametrul gurii – de 3,5 cm şi al fundului – de 2,1 cm. Piesa a fost înzestrată cu o toartă având diametrul de 1,0 cm, păstrată parţial.

Printre fragmentele ceramice descoperite în construcţie se evidenţiază fragmente de ceşti, străchini şi oale, decorate cu motive incizate (fig. 30/6) sau imprimate (fig. 30/3-5). Astfel de ceramică este larg răspândită în siturile din arealul culturii Saharna (Кашуба 2000, рис. XLVII/8, 10; Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 76/1, 4; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 52; Băţ 2017, fig. 14-17).

Groapa nr. 1 (fig. 22) a fost descoperită la cca 1,75 m nord de construcţie. Ea a fost săpată de la nivelul antic de călcare şi a avut formă cilindrică cu diametrul de cca 1,2 m şi adâncimea de

1



2 3 4 5 6

Fig. 30. Horodişte „La Şanţ", secţiunea 2/2022. Construcţia nr. 1: 1 - vedere dinspre sud-vest; 2-6 - inventarul construcţiei

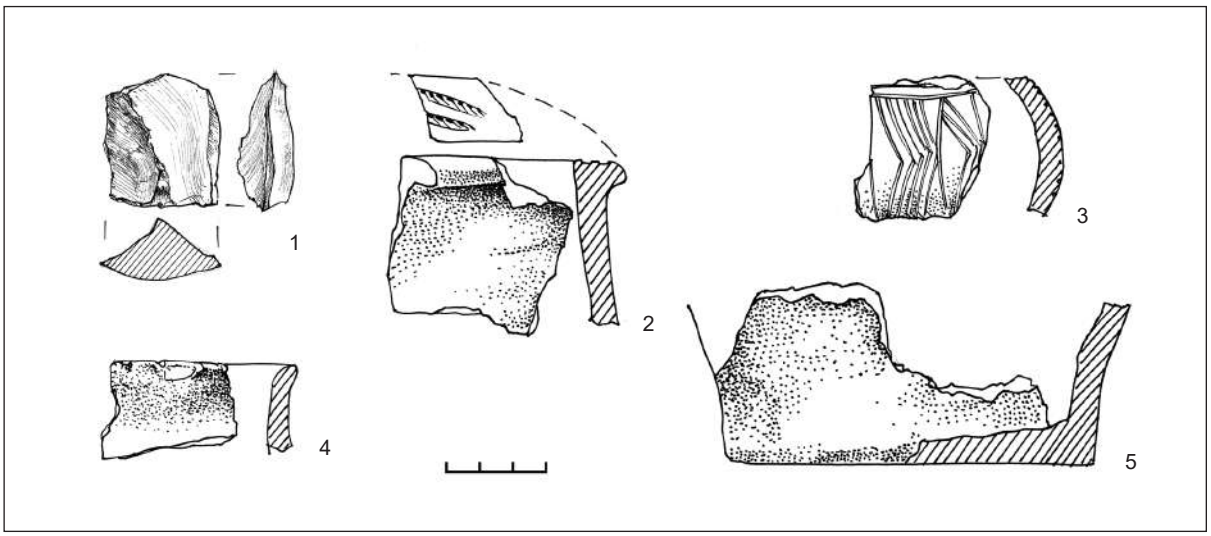


Fig. 31. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022. Inventarul gropii 1/2022.

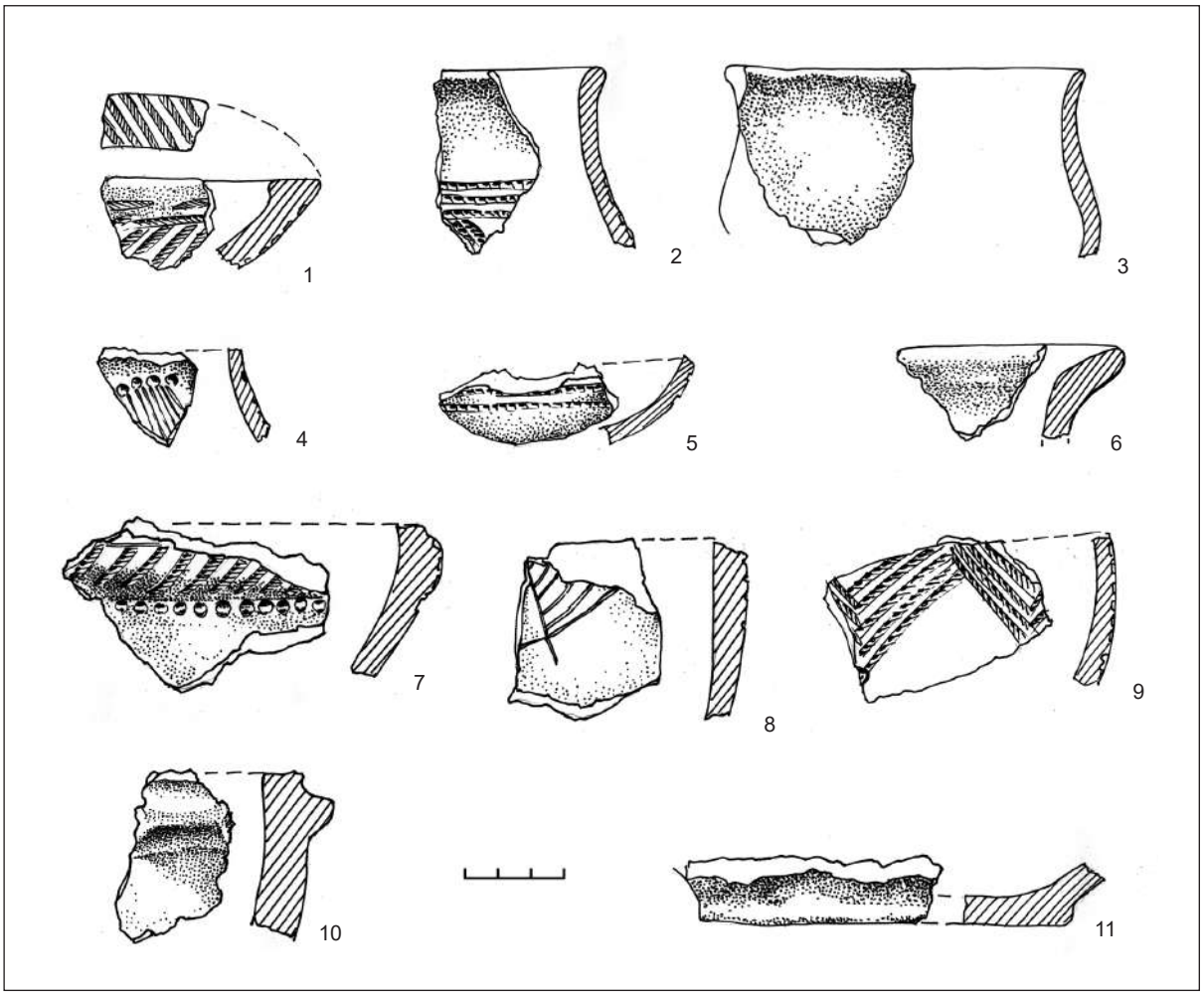


Fig. 32. Horodişte „La Şanţ”, secţiunea 2/2022. Ceramică descoperită în stratul cultural.

cca 0,6 m, având ca umplutură sol de culoare cenuşie în amestec cu fragmente mărunte de lemn carbonizat şi lut ars. În groapă au fost descoperite o aşchie de silex (fig. 31/1) şi şapte fragmente de ceramică (fig. 31/2-5), similare celor din construcţie.

Fragmente de ceramică cu decor incizat (fig. 32/8) sau imprimat (fig. 32/1, 2, 5, 7 9), caracteristice culturii Saharna, au fost identificate şi în stratul de cultură aferent construcţiei şi gropii.

Astfel, prezenţa în construcţie, în groapă şi în stratul cultural, doar a vestigiilor de tip Saharna permite să încadrăm nivelul de locuire anterior edificării „zidului" defensiv în prima epocă a fierului.

5. Concluzii

Ca urmare a cercetărilor arheologice din anii 2013 şi 2021-2022, precum şi a celor interdisciplinare, constatăm că la nord-est de localitatea Horodişte (în zona interfluviilor Valea Satului/ Horodiştei, Jidauca şi Blănăriţa) există un singur sit arheologic cu niveluri de locuire din epoca fierului, care ocupă atât promontoriul „La Şanţ", cât şi platoul „La Cot". Astfel, în procesul de evoluţie a acestui sit pot fi distinse două faze principale: prima epocă a fierului (cultura Saharna, sec. X-IX a. Chr.) şi a doua epocă a fierului (cultura getică, sec. IV-III a. Chr.).

Prima epocă a fierului

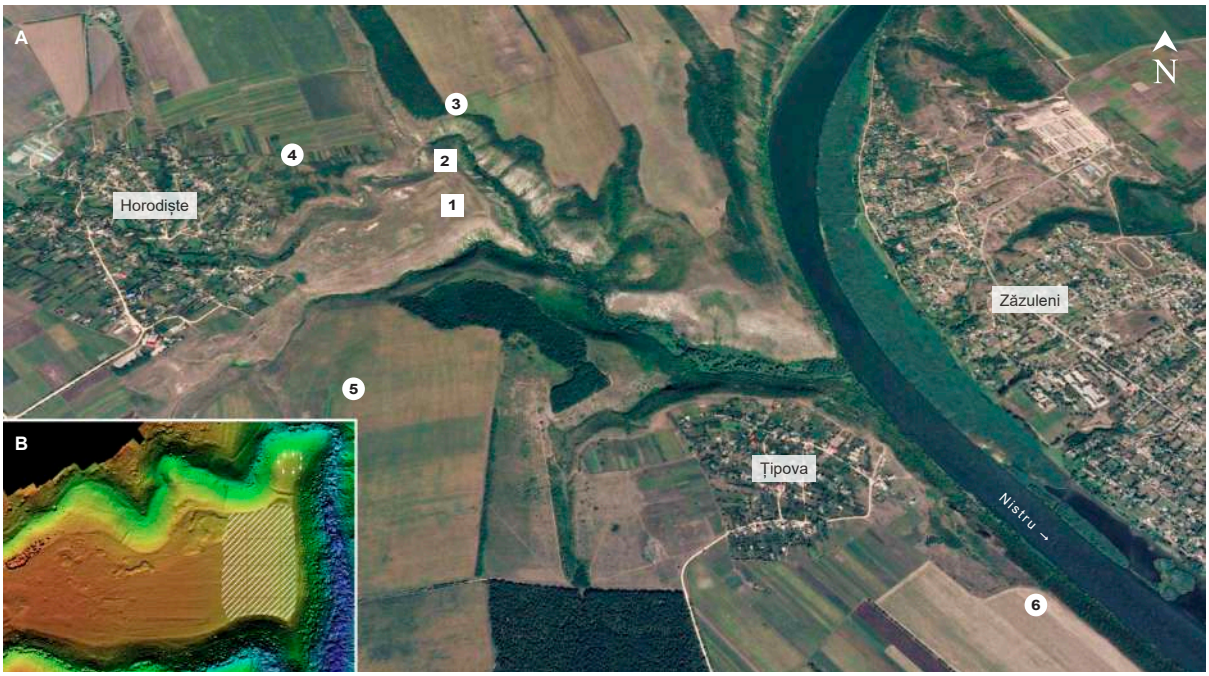
În această perioadă, după cum certifică cercetările din anul 2013 (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 240-246, fig. 5-9; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015, 88-91, fig. 7-9), la capătul de nord al promontoriului „La Şanţ" (fig. 33/B) a fost edificată o „citadelă" de formă quasipoligonală, cu dimensiunile de 60×57 m (S=0,34 ha), fortificată de jur-împrejur cu un sistem defensiv artificial. La sud-est de „citadelă", pe promontoriu, precum şi în estul platoului „La Cot", conform investigaţiilor geofizice (fig. 4) (Scherf et al. 2023, 16-24, fig. 14-15) şi celor arheologice din 2021-2022, a existat o aşezare din aceeaşi perioadă, a cărei suprafaţă este estimată la cca 6 ha. Aceasta, la o dată încă neprecizată, a fost fortificată la marginea de vest cu un „zid" cu şanţ adiacent în faţă, care întretăia platoul de la nord-vest spre sud-est, pe o lungime totală de cca 330 m. Situaţii similare, când aşezările sunt flancate de „citadele", sunt cunoscute destul de frecvent în arealul culturii Saharna (Zanoci 2021b), însă este pentru prima dată când se atestă fortificarea aşezării propriu-zise.

În prima epocă a fierului se încadrează şi aşezările (fig. 33/A): Buciuşca IV (Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015, 96), Horodişte IV, Horodişte „Groapa Turcului" (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 18; Кашуба 2000, 367, рис. XLVI/15, 16), Ţipova II (Leviţki 1993, 10), amplasate în apropiere. Astfel, se poate presupune că, în această perioadă, în microzona Horodişte-Ţipova a existat o „aglomerare" de aşezări caracteristice culturii Saharna, în care rolul de centru (*Zentralort* – germ., *Central place* – eng.) l-a avut situl de la Horodişte („La Şanţ" şi „La Cot"). Organizarea aşezărilor în asemenea „cuiburi" reprezintă o situaţie obişnuită pentru prima epocă a fierului din regiune. Cel mai apropiat ansamblu de situri de acest fel a fost intens cercetat în ultimii ani în microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b; Zanoci et al. 2022b).

A doua epocă a fierului

În sec. IV-III a. Chr., în punctul „La Şanţ" (fig. 34/B) a fost edificată o altă fortificaţie, care ocupa, de această dată, întreaga suprafaţă a promontoriului (cca 0,6 ha). Pe latura de sud-est, promontoriul a fost barat prin intermediul „zidului" şi al şanţului, structuri cercetate în campania anului 2022. Restul laturilor au fost, probabil, apărate cu construcţii defensive mai puţin voluminoase. Plecând de la rezultatele cercetărilor geofizice (fig. 4) (Scherf et al. 2023, 16-17), care ilustrează prezenţa mai multor anomalii pozitive, precum şi de la complexitatea sistemului defensiv, se poate presupune că fortificaţia din punctul „La Şanţ" a jucat un rol central pentru comunităţile de aici, servind, probabil, drept „acropolă". În imediata ei apropiere, la sud-vest, pe platoul „La Cot" a existat, posibil, o fortificaţie de refugiu cu suprafaţa de cca 28 ha. La rândul său, locul de refugiu a fost fortificat de jur-împrejur cu un „val" având lungimea totală de cca 2,5 km, dublat pe latura de vest de un şanţ de apărare. Pe laturile de est şi de sud, linia defensivă este ondulată, formând un fel de „bastioane" (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, fig. 4/1-5; Zanoci, Băţ 2017, 25-27, fig. 20).

În această perioadă, „acropola" de pe promontoriul „La Şanţ" şi „refugiul" din punctul „La Cot" au fost flancate, probabil, de încă cinci fortificaţii

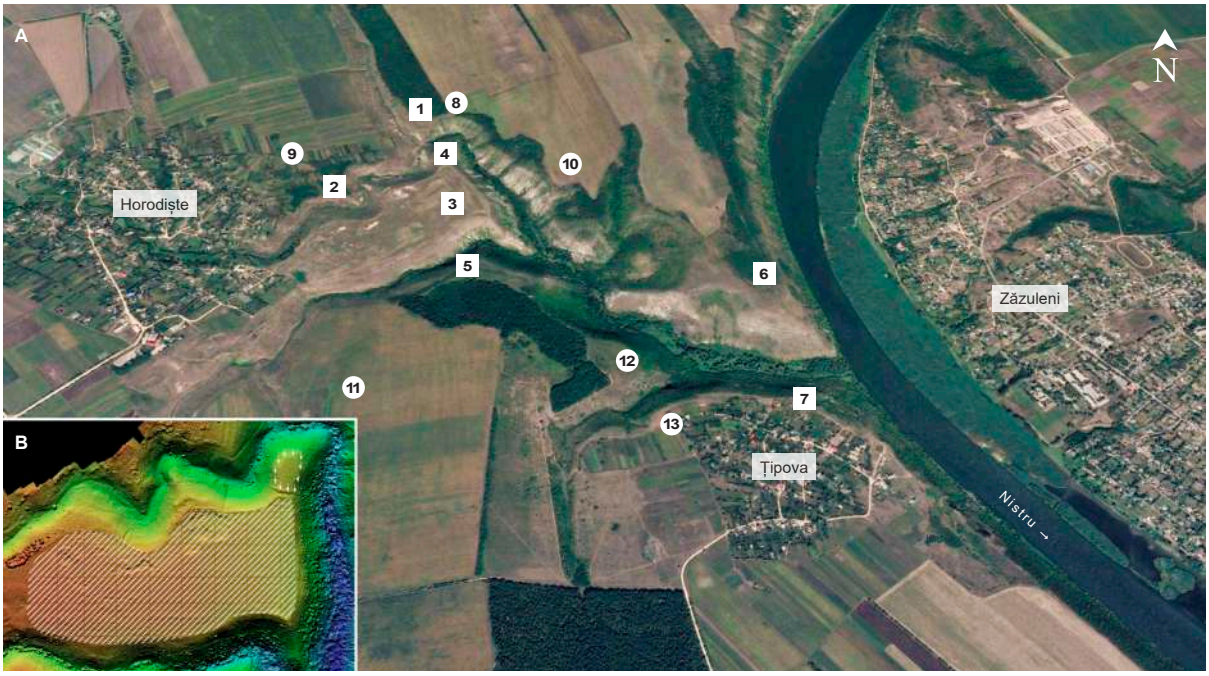


Legendă
Horodişte localitate „citadelă” aşezare fortificată
0 100 500 m

☐ **Fortificaţii**
1. Horodişte „La Cot”
2. Horodişte „La Şanţ”

○ **Aşezări deschise**
3. Buciuşca IV
4. Horodişte IV
5. Horodişte „Groapa Turcului”
6. Ţipova II

Fig. 33. A - Situri arheologice din microzona Horodişte-Ţipova în sec. X-IX a. Chr. (imagine Google Earth); B - situl Horodişte, detaliu.



Legendă
Horodişte localitate „acropolă” fortificaţie de refugiu
0 100 500 m

☐ **Fortificaţii**
1. Buciuşca III
2. Horodişte II
3. Horodişte „La Cot”
4. Horodişte „La Şanţ”
5. Ţipova III
6. Buciuşca II
7. Ţipova IV

○ **Aşezări deschise**
8. Buciuşca IV
9. Horodişte IV
10. Buciuşca V
11. Horodişte „Groapa Turcului”
12. Ţipova VI
13. Ţipova „Jidavca”

Fig. 34. A - Situri arheologice din microzona Horodişte-Ţipova în sec. IV-III a. Chr. (imagine Google Earth); B - situl Horodişte, detaliu.

(fig. 34/A), amplasate la est, la intrarea în canion dinspre Nistru (Buciușca II, Țipova IV), la vest (Horodişte II), la nord (Buciușca III) și la sud (Țipova III). În spatele fortificaţiilor se aflau în siguranţă cele șase așezări ale comunităţilor, care au populat microzona Horodişte-Ţipova în sec. IV-III a. Chr.

O astfel de organizare a teritoriului și a apărării „centrelor rezidenţiale" este atestată în această perioadă și în alte regiuni din spaţiul pruto-nistrean, cum ar fi siturile din microzonele Saharna, Rudi-Tătăruca Nouă-Arionești (Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019) și regiunea Răutului Inferior (Zanoci 2004, 45, fig. 1).

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chișinău 2003).

Băţ 2017: M. Băţ, Aşezarea din prima epocă a fierului de la Ţahnăuţi, raionul Rezina. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 137-163.

Băţ, Zanoci 2021: M. Băţ, A. Zanoci, Despre olăritul culturii Cozia-Saharna (în baza descoperirilor din bazinul Nistrului Mijlociu) / About the pottery making in the Cozia-Saharna culture (on the basis of discoveries from the Middle Dniester region). In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ), Economie și mediu în spaţiul tiso-nistrean în epoca fierului. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (29 iulie - 1 august 2021) / Economy and Environment in the Iron Age in the Tisza-Dniester region. Proceedings of the Saharna Summer Colloquium (Juli 29th - August 1th 2021) (Chișinău: Bons Offices 2021), 7-30.

Boboc et al. 2007: N. Boboc, T. Castraveţ, V. Cozma, V. Muntean, A. Tănase, E. Tofan, Rezervaţia peisagistică Ţâpova. Mediul ambiant 6 (36), 2007, 47-48.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi (Chișinău 2008).

Hîncu 1993: I. Hîncu, Cetăţi antice și medievale timpurii din Republica Moldova (Chișinău: Universitas 1993).

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).

Leviţki 1993: O. Leviţki, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Rezina (Chișinău 1993). Archiva MNIM, inv. nr. 33.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).

Niculiţă, Nicic 2014: I. Niculiţă, A. Nicic, Aşezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Ţiglău (Chișinău 2014).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Cercetări geospaţiale și arheologice în microzona Horodişte-Ţipova. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 235-252.

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău 2016).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Locuirea hallstattiană timpurie (Cozia-Saharna) în microzona Saharna, Republica Moldova. In: (Eds. L. Sîrbu, N. Telnov, L. Ciobanu, Gh. Sîrbu, M. Kaşuba), Culturi, procese și contexte în arheologie. Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani (Chișinău 2016), 203-215.

Niculiţă et al. 2019: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstririi", raionul Rezina (2017–2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.

Scherf, Mewes 2021: D. Scherf, M. Mewes, O abordare a efortului necesar pentru edificarea construcţiilor defensive preistorice (pe baza exemplului de la Horodişte, raionul Rezina, Republica Moldova) / Eine Annäherung an den Aufwand zur Errichtung prähistorischer Wallanlagen (anhand eines Beispiels aus Horodişte, Distr. Rezina, Republik Moldau). In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ), Economie și mediu în spaţiul tiso-nistrean în epoca fierului. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (29 iulie - 1 august 2021) / Economy and Environment in the Iron Age in the Tisza-Dniester region. Proceedings of the Saharna Summer Colloquium (Juli 29th - August 1th 2021) (Chișinău: Bons Offices 2021), 31-54.

Scherf et al. 2023: D. Scherf, A. Zanoci, M. Kohle, M. Băţ, M. Mewes, T. Nagacevschi, V. Sochircă, I. Hohle, M. Podgorelec, K. Rassmann, K.P. Hofmann, P. Ettel, The Iron Age Settlements in the Micro-Region of Horodişte-Ţipova, Distr. Rezina, Republic of Moldova. Magnetic Prospection, UAV Images and Drillings. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 101/102 (2020/2021), 2023, 5-48. https://doi.org/10.11588/berrgk.2020.1.101261.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2021a: A. Zanoci, O nouă fortificaţie din prima epocă a fierului, descoperită la Saharna „Ţiglău", raionul Rezina. In: Conferinţa ştiinţifică internaţională „Istorie. Arheologie. Muzeologie" a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (28-29 octombrie 2021, Chişinău). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2021), 51-52.

Zanoci 2021b: A. Zanoci, The fortified settlements of the Cozia-Saharna culture: new discoveries and considerations. In: (Ed. V. Diaconu), Fortifications and defensive systems east from the Carpathians. Strategies and social energies from prehistory to the middle ages (Piatra-Neamţ 2021), 93-122.

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măşcăuţi „Dealul cel Mare". In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ), Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II. (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci, Băţ 2017: A. Zanoci, M. Băţ, The specific features of the Getic fortifications in the Middle Dniester region (the Saharna and Horodişte-Ţipova micro-regions). Plural 5/2, 2017, 6-31.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, Fortifications and open settlements of the 1st millennium BC in the micro-region of Horodişte-Ţipova. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 81-100.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, On the Guard of the Eastern Border of the Getic World: Fortified Sites in the Middle Dniester Basin. In: (Eds. V. Sîrbu, C. Schuster, D. Hortopan), Border Guards of the Passes, from the Fortresses and the Graves – The Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 17th International Colloquium of Funerary Archaeology, Târgu Jiu, Gorj County (Romania), 4th-7th October 2018 (Brăila 2019), 313-340.

Zanoci et al. 2020: A. Zanoci, K. Rassmann, D. Scherf, M. Kohle, I. Hohle, M. Mewes, M. Băţ, Prospecţiuni magnetometrice, imagini aeriene (UAV) şi foraje la siturile din epoca fierului în microzona Horodişte-Ţipova, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2019. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 18 aprilie 2020. Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2020), 56-59.

Zanoci et al. 2022a: A. Zanoci, M. Băţ, A. Simalcsik, V. Dulgher, S. Serbinov, V. Chitic, D. Cuculescu, Raport despre rezultatele investigaţiilor arheologice şi antropologice din anul 2021 la situl Saharna „Ţiglău" (Chişinău 2022). Arhiva Centrului de Arheologie „Ion Niculiţă".

Zanoci et al. 2022b: A. Zanoci, A. Asăndulesei, M. Băţ, V. Sochircă, T. Nagacevschi, A.-F. Tencariu, V. Dulgher, Pas cu pas. Cercetări interdisciplinare la situl de epoca fierului de la Saharna „Rude" din bazinul Nistrului de Mijloc. Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 179-208.

Верина 1980: В. Верина, Памятники природы Молдавии (Кишинев: Картя Молдовеняскэ 1980).

Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: (Отв. ред. Т. Златковская, А. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР, № 150 (Москва 1969), 35-60.

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев 1974).

Пассек 1949: Т.С. Пассек, Археологические разведки в Молдавии. Краткие сообщения Института истории материальной культуры 26, 1949, 57-68.

Свод 1987: Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР (Северная зона). Макет (Кишинев 1987).

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб.: Ученые записки Института истории, языка и литературы 2 (Кишинев 1949), 189-202.

Хынку 1987: И.Г. Хынку, Древнейшие памятники родного края (городища северной Молдавии) (Кишинев 1987).

Times are changed. New data on the Iron Age site from Horodişte, Middle Dniester Basin

Keywords: Iron Age, Middle Dniester Basin, Saharna culture, Getae culture, hillfort, settlement.

Abstract: Located on the northeastern outskirts of the village of Horodişte (Rezina district), an archaeological site with the same name was discovered in the second half of the 1940s and attributed to the hillforts of the late Iron Age. Surveys carried out in 2013 provided the first information on the chronology of this site, revealing two Iron Age cultural layers: the Saharna culture and the Getae culture. In 2019, the surface of the site was investigated us-

ing geophysical methods, which made it possible to identify numerous anomalies associated with human activity and the presence of underground archaeological structures. One of the anomalies on the *La Cot* plateau, believed to be the remains of a ditch, was intrusively explored in 2021. Excavations confirmed the presence of a ditch, trapezoidal in section, with a mouth width of about 3.50 m, a width at the bottom of 1.40 m and a depth of 0.90 m. Behind it, the remains of a "wall" 1.20-1.50 m wide were found, consisting of two wooden frames, between which a filling of earth and stone was compacted. The fragments of pottery recovered from the ditch and from the filling of the "wall" are characteristic of the Saharna culture, dating back to the Early Iron Age.

During archaeological excavations in 2022, a "rampart" and a defensive ditch on the south-eastern side of the *La Şanţ* promontory were explored. As a result of the work, it was established that the "rampart" was the remains of a wall about 4 m wide, the outer frame of which was stone and the inner frame was wooden, the space between them was filled with clay soil, gravel and crushed stone. At a distance of about 4.0 m from the wall, a V-shaped ditch was explored, with a mouth width of about 5.30 m and a depth of about 2.40 m. Artifacts discovered during excavations of the "rampart" and ditch allow us to date this defensive line to the 4^{th}-3^{rd} centuries BC.

Thus, archaeological investigations in 2021-2022 confirmed the presence of two phases of habitation at the Horodişte site: the Early Iron Age – the Saharna culture, and the Late Iron Age – the Getic culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Horodişte site in the Carpathian-Danube area.

Fig. 2. Topographic map of the Horodişte-Ţipova microzone with the location of the Horodişte site, the "La Şant" and "La Cot" points.

Fig. 3. Overview of the magnetometer survey in the Horodişte-Ţipova microzone (after Zanoci et al. 2020, fig. 1).

Fig. 4. Horodişte "La Şanţ" and "La Cot". Interpretation of 2019 magnetometric data (after Zanoci et al. 2020, fig. 2).

Fig. 5. Oblique aerial photography: 1 - view of the La Şant promontory from the northeast; 2 - view of the La Cot plateau from the southeast.

Fig. 6. Horodişte, digital terrain model, based on aerial images (photogrammetry by V. Sprincean, M. Băţ).

Fig. 7. Horodişte "La Cot". Aerial photography of the plateau showing the route of the defensive line surveyed in 2021.

Fig. 8. Aerial photography of the Horodişte site showing areas researched in 2021.

Fig. 9. Horodişte "La Cot". Magnetometric map of the site with the location of the 2021 trenchs.

Fig. 10. Horodişte "La Cot". Plan and profile of trench 2/2021.

Fig. 11. Horodişte "La Cot", trench 2/2021. Aerial photographs of the research area.

Fig. 12. Horodişte "La Cot", trench 2/2021. Aerial photography of the remains of the defensive system.

Fig. 13. Horodişte "La Cot", trench 2/2021. 1 - Detail from the area of the remains of the "wall"; 2, 3 - holes of poles in the "wall" structure.

Fig. 14. Horodişte "La Cot", trench 2/2021. Remains of a defensive ditch (view from the southeast).

Fig. 15. Horodişte "La Cot". Variant of reconstruction of the Early Iron Age defensive structure (drawing by S. Burciu).

Fig. 16. Horodişte "La Cot", trench 2/2021. Finds and pottery sherds from the cultural layer and from the ruins of the "wall".

Fig. 17. Horodişte "La Cot", trench 3/2021: 1 - plan and profile of the research object; 2-4 - footage taken during excavations.

Fig. 18. Horodişte "La Cot", trench 3/2021. Special archaeological finds.

Fig. 19. Horodişte "La Cot", trench 3/2021. Archaeological finds.

Fig. 20. Horodişte "La Cot", trench 3/2021. Archaeological finds.

Fig. 21. Horodişte "La Şanţ", trench 2/2022: 1 - view of the promontory from the southwest and location of the research site; 2 - general view of the area under study.

Fig. 22. Horodişte "La Şanţ". Plan and profile of trench 2/2022.

Fig. 23. Horodişte "La Şanţ". Trench 2/2022 (view from the west): 1 - depth 0.6-1.0 m; 2 - depth 1.2-1.6 m.

Fig. 24. Horodişte "La Şanţ", trench 2/2022. 1 - Profile of the defensive "wall" (view from the northwest); 2 - ruins of the stone structure of the external revetment; 3 - stone revetment (external); 4 – postholes of the internal revetment.

Fig. 25. Horodişte "La Şanţ", trench 2/2022. Pottery from the layer of the "wall" ruins.

Fig. 26. Horodişte "La Şanţ", trench 2/2022. Pottery from the filling of the "wall".

Fig. 27. Horodişte "La Şanţ", trench 2/2022. Defensive ditch: 1 - view from southwest; 2 - view from the west.

Fig. 28. Horodişte "La Şanţ". Trench 2/2022, defensive ditch. Finds and pottery sherds found in the ditch.

Fig. 29. Horodişte “La Şanţ”. Variant of reconstruction of the Late Iron Age defensive structure (drawing by S. Burciu).

Fig. 30. Horodişte “La Şanţ”, trench 2/2022. Structure no. 1: 1 - view from southwest; 2-6 - finds in the structure.

Fig. 31. Horodişte “La Şanţ”, trench 2/2022. Finds in pit 1/2022.

Fig. 32. Horodişte “La Şanţ”, trench 2/2022. Pottery sherds from the cultural layer.

Fig. 33. A - Archaeological sites of the 10th-9th centuries BC in the Horodişte-Ţipova microzone (Google Earth image); B - Horodişte site, detail.

Fig. 34. A - Archaeological sites of the 4th-3rd centuries BC in the Horodişte-Ţipova microzone (Google Earth image); B - Horodişte site, detail.

Времена меняются. Новые данные о памятнике железного века Хородиште в бассейне Среднего Днестра

Ключевые слова: железный век, бассейн Среднего Днестра, культура Сахарна, гетская культура, городище, поселение.

Резюме: Расположенный на северо-восточной окраине села Хородиште (Резинский район) археологический памятник с тем же названием был обнаружен во второй половине 40-х годов XX века и отнесен к городищам позднего железного века. Разведочные раскопки, проведенные в 2013 году, предоставили первую информацию о хронологии этого памятника, обнаружив два культурных слоя железного века: культуры Сахарна и гетской культуры. В 2019 году поверхность памятника была исследована с помощью геофизических методов, что позволило выявить многочисленные аномалии, связанные с человеческой деятельностью и наличием под землей археологических сооружений. Одна из аномалий на плато «Ла Кот», предположительно являвшаяся остатками рва, была интрузивно исследована в 2021 году. Раскопки подтвердили наличие рва трапециевидной в разрезе формы, с шириной устья около 3,50 м, шириной в нижней части 1,40 м и глубиной 0,90 м. За ним были обнаружены остатки «стены» шириной 1,20-1,50 м, состоявшей из деревянного каркаса, в котором была утрамбована засыпка из земли и камня. Фрагменты керамики, извлеченные из рва и из засыпки «стены», характерны для культуры Сахарна, относящейся к раннему железному веку.

В ходе археологических раскопок в 2022 году был исследован «вал» и оборонительный ров на юго-восточной стороне мыса «Ла Шанц». В результате работ было установлено, что «вал» представляет собой остатки стены шириной около 4 м, наружная сторона которой был каменным, а внутренняя – деревянным, пространство между ними было засыпано глинистым грунтом, гравием и щебнем. На расстоянии около 4,0 м от стены был исследован ров V-образной формы, с шириной устья около 5,30 м и глубиной около 2,40 м. Артефакты, обнаруженные при раскопках «вала» и рва, позволяют датировать эту оборонительную линию IV-III веками до н.э.

Таким образом, археологические исследования 2021-2022 годов подтвердили наличие на памятнике Хородиште двух фаз поселений: раннего железного века – культуры Сахарна, и позднего железного века – гетской культуры.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника Хородиште в Карпато-Дунайском регионе.

Рис. 2. Топографическая карта микрозоны Хородиште-Ципова с указанием расположения памятника Хородиште, точки «Ла Шанц» и «Ла Кот».

Рис. 3. Обзор магнитометрических исследований в микрозоне Хородиште-Ципова (Zanoci et al. 2020, fig. 1).

Рис. 4. Хородиште «Ла Шанц» и «Ла Кот». Интерпретация магнитометрических данных 2019 г. (Zanoci et al. 2020, fig. 2).

Рис. 5. Аэрофотоснимки: 1 - вид с северо-востока на мыс «Ла Шанц»; 2 - вид с юго-востока на плато «Ла Кот».

Рис. 6. Хородиште, цифровая модель местности, созданная на основе аэрофотоснимков (фотограмметрия: В. Спринчан, М. Бэц).

Рис. 7. Хородиште «Ла Кот». Аэрофотоснимок плато с обозначением маршрута оборонительной линии, исследованной в 2021 г.

Рис. 8. Аэрофотоснимок памятника Хородиште с обозначением участков, исследованных в 2021 г.

Рис. 9. Хородиште «Ла Кот». Магнитометрическая карта памятника с расположением объектов исследований 2021 г.

Рис. 10. Хородиште «Ла Кот». План и профиль раскопа 2/2021.

Рис. 11. Хородиште «Ла Кот», раскоп 2/2021. Аэрофотоснимки района исследований.

Рис. 12. Хородиште «Ла Кот», раскоп 2/2021. Аэрофотоснимок остатков оборонительной системы.

Рис. 13. Хородиште «Ла Кот», раскоп 2/2021. 1 - Деталь из зоны остатков «стены»; 2, 3 - ямы от столбов в конструкции «стены».

Рис. 14. Хородиште «Ла Кот», раскоп 2/2021. Остатки оборонительного рва (вид с юго-востока).

Рис. 15. Хородиште «Ла Кот». Вариант реконструкции оборонительной линии раннего железного века (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 16. Хородиште «Ла Кот», раскоп 2/2021. Предметы инвентаря и фрагменты керамики, обнаруженные в культурном слое и в руинах «стены».

Рис. 17. Хородиште «Ла Кот», раскоп 3/2021: 1 - план и профиль объекта исследований; 2-4 - кадры, снятые во время раскопок.

Рис. 18. Хородиште «Ла Кот», раскоп 3/2021. Особые археологические находки.

Рис. 19. Хородиште «Ла Кот», раскоп 3/2021. Археологические находки.

Рис. 20. Хородиште «Ла Кот», раскоп 3/2021. Археологические находки.

Рис. 21. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022: 1 - вид с юго-запада на мыс и расположение объекта исследований; 2 - общий вид исследуемой поверхности.

Рис. 22. Хородиште «Ла Шанц». План и профиль раскопа 2/2022.

Рис. 23. Хородиште «Ла Шанц». Раскоп 2/2022 (вид с запада): 1 - глубина 0,6-1,0 м; 2 - глубина 1,2-1,6 м.

Рис. 24. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. 1 - Профиль оборонительной «стены» (вид с северо-запада); 2 - развал каменной конструкции внешнего каркаса; 3 - каменный каркас (внешний); 4 - ямы от бревен внутреннего каркаса.

Рис. 25. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Керамика, обнаруженная в слое развала «стены».

Рис. 26. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Керамика из заполнения «стены».

Рис. 27. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Оборонительный ров: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с запада.

Рис. 28. Хородиште «Ла Шанц». Раскоп 2/2022, оборонительный ров. Предметы инвентаря и фрагменты керамики, обнаруженные в засыпке рва.

Рис. 29. Хородиште «Ла Шанц». Вариант реконструкции оборонительной линии позднего железного века (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 30. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Строение № 1: 1 - вид с юго-запада; 2-6 - инвентарь строения.

Рис. 31. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Инвентарь ямы 1/2022.

Рис. 32. Хородиште «Ла Шанц», раскоп 2/2022. Керамика из культурного слоя.

Рис. 33. А - Археологические памятники X-IX вв. до н.э. в микрозоне Хородиште-Ципова (изображение Google Earth); В - памятник Хородиште, деталь.

Рис. 34. А - Археологические памятники IV-III вв. до н.э. в микрозоне Хородиште-Ципова (изображение Google Earth); В - памятник Хородиште, деталь.

19.09.2023

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

Dr. Daniel Scherf, Thüringisches Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie, Humboldtstr. 11, DE-99423 Weimar, Germania, https://orcid.org/0000-0001-8521-9762, e-mail: Daniel.Scherf@tlda.thueringen.de

Dr. Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6642-2888, e-mail: mb_usm@yahoo.com

UN NOU TIP DE AMFORĂ HERACLEOTĂ: TIP *HLINAIA*?[1]

Natalia Mateevici

Cuvinte-cheie: amforă heracleotă, tip Hlinaia, picior cu talpă convexă, ştampilă englifică.

În 1996, în vol. 3 al Anuarului Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei din Chişinău, autorul a publicat un articol, în care erau prezentate câteva piese, rămase şi păstrate la MNIM din renumitul muzeu al Pontului scitic din Chişinău, fondat de arheologul basarabean Ioan Suruceanu (Mateevici 1996, 123-126). Printre cele două amfore şi câteva ştampile amforice greceşti mi-a trezit interesul, dar şi nedumerirea, o amforă, pe care nu puteam, iniţial, s-o atribui vreunui centru producător grecesc. Pasta era asemănătoare celei de Heracleea Pontică, de nuanţe gălbui-roşiatice, cu mult nisip măşcat, cu multiple incluziuni roşiatice şi maronii, adică toate componentele, la prima vedere, ale unei paste a renumitului centru sud-pontic (fig. 1). Dar niciuna din trăsăturile caracteristice amforelor de Heracleea – nici forma buzei, nici forma piciorului (cu atât mai mult), în afară, poate, doar de forma ovoidală a corpului asemănătoare unor amfore de tipul 1-4, datate în primul sfert al sec. IV a. Chr. – nu amintea de vasele heracleote. Cel mai dubios element al acestui vas a fost piciorul „umplut", de formă convexă la talpă, amintind vag de picioarele amforelor sinopeene din a doua jumătate a sec. IV – mijlocul sec. III a. Chr. Dimensiunile vasului sunt: H – 656 mm, Dmax. – 240 mm, Dbuzei – 85 mm, capacitatea – 9,5 litri. Vasul mai conţinea şi o ştampilă englifică având un nume prescurtat ATE sau AΓE, dispusă pe gâtul lui. Chiar în acel articol menţionam nesiguranţa atribuirii acestui recipient producţiei heracleote, dar, la moment, alte indicii – pentru o altă variantă – nu erau (Mateevici 1996, 125).

În 2016, în Republica Moldova apare o nouă publicaţie de amploare despre cercetările efectuate de către colectivul de arheologi de la Tiraspol la necropola de la Hlinaia (Glinoe), de pe malul stâng al Nistrului (Тельнов, Четвериков, Синика 2016). Studiind publicaţia, am observat cu uimire câteva exemplare de amfore asemănătoare, prin mai multe aspecte, amforei de la MNIM, ca, mai târziu, în 2019, în Catalogul *Colecţia de amfore antice din sec. VI-II a. Chr. din Ermitaj* (Монахов и др. 2019), să descopăr câteva amfore similare exemplarului de la Chişinău şi celor de la Hlinaia, sub denumirea de amfore ale Heracleei Pontice, ***de tip Glinoe*** (sic!), a căror datare se încadrează, conform grupului de autori ai acestei publicaţii din Rusia, între sferturile doi şi trei ale sec. III a. Chr.

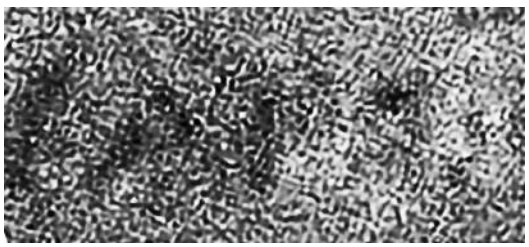


Fig. 1. Amforă din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (FB-9229).

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

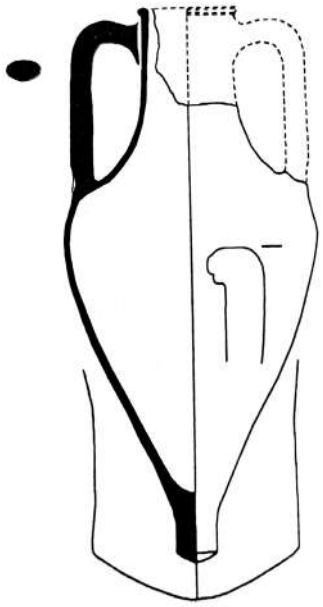


Fig. 2. Amforă descoperită la Chersones (după Монахов и др. 2019).

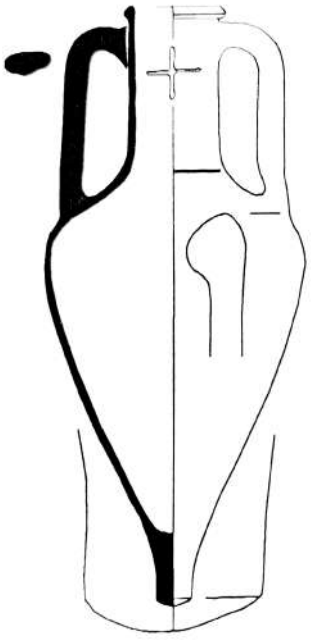


Fig. 3. Amforă descoperită la Pantipkapeion (după Монахов и др. 2019).

Prima menţionare despre un nou tip de amforă elenistică revine anului 1953, în timpul cercetării casei nr. 1 din cartierul XIX al Chersonesului (Белов 1962, 143, рис. 1/2). În această publicaţie se menţionează descoperirea unui număr impresionant de ceramică grecească, pe care autorul o datează în limite cronologice foarte largi – de la sfârşitul sec. IV până la sfârşitul sec II a. Chr. Printre ele este prezentată doar o singură amforă întreagă, pe care autorul o atribuie unei producţii chersonesiene, dar care, în realitate, nu prezintă o pastă chersonesiană, ci, mai degrabă, una asemănătoare pastei heracleote. Vasul a fost găsit în colţul casei respective, împreună cu un unguentariu din ceramică cenuşie, cu mărgele şi cu o monedă chersonesiană de sec. II a. Chr. (sic!) etc. În acelaşi complex au fost sesizate şi fragmente de amfore de Chersones, Rhodos, Cos, a căror datare largă se încadrează între mijlocul sec. III - prima jumătate a sec. II a. Chr. Una din caracteristicile morfologice ale recipientului descoperit la Chersones este buza în forma unui valţ mic, gâtul cilindric, corpul ovoidal şi un picioruş cu talpa convexă (fig. 2). Parametrii principali ai acestei amfore sunt: H – 513 mm, Dmax. – 230 mm, Dbuzei – 72 mm. În publicaţia colecţiilor din Ermitaj, vasul dat este atribuit producţiei heracleote, ca un nou *tip Hlinaia* (Монахов и др. 2019, 218, НР.86).

Un alt vas, de aceeaşi provenienţă necunoscută, având, în linii generale, aceleaşi caracteristici, în special, pasta „heracleotă" şi piciorul la talpă convex (Монахов и др. 2019, 219, НР.85), provine din săpăturile de la Pantipkapeion (fig. 3), având înălţimea de 620 mm, Dmax. – 268 mm, Dbuzei – 79 mm. În publicaţia de mai sus nu este prezentată informaţia privind capacitata ambelor vase, dar, reieşind din parametrii indicaţi, ea nu ar trebui sa fie mai mică decât minimum 9 litri.

În necropola amintită mai sus, de la Hlinaia, amfore cu astfel de particularităţi au fost descoperite în patru complexe funerare: în mormântul 3 (principal) al tumulului 6, în mormântul 2 (auxiliar) al tumulului 33, în mormântul 1 (principal) al tumulului 71 şi în mormântul 1 (principal) al tumulului 97.

Amfora (fig. 4) descoperită în tumulul 6, în mormântul 3 (principal), prezintă următoarele dimensiuni: H – 645 mm, Dmax. – 236 mm, Dbuzei – 72 mm şi capacitatea vasului de 8,2 l (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 96, рис. 35/1). Vasul are o formă ovoidală a trunchiului, cu gâtul cilindric, buza mică evazată, picioruşul înalt, cu talpa „umplută", dreaptă, asemănătoare celor ale vaselor de Sinope sau Rhodos.

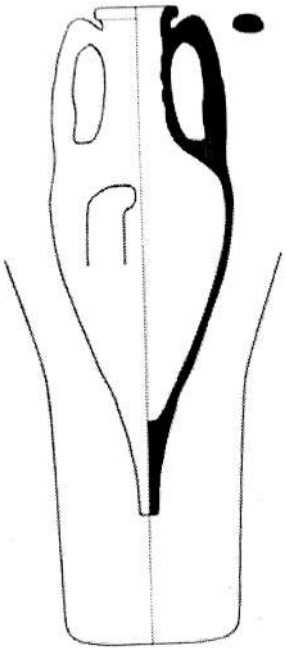


Fig. 4. Amforă descoperită la Hlinaia, mormântul 3, tumulul 6 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

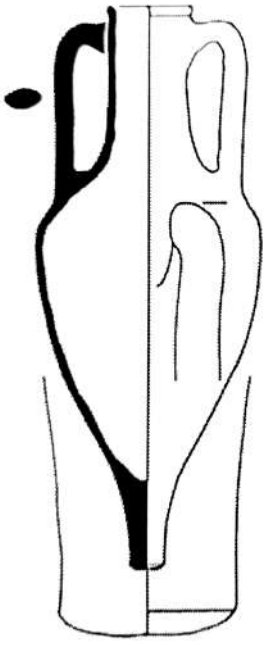


Fig. 5. Amforă descoperită la Hlinaia, mormântul 2, tumulul 33 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Cea de-a doua amforă (fig. 5) de la Hlinaia a fost identificată în mormântul secundar al tumulului 33 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 231, рис. 117/1) şi are corpul tronconic-oviodal, cu gâtul cilindric, buza mica evazată, în formă de valţ mic. Picioruşul are formă uşor convexă. Amfora prezintă următoarele dimensiuni: H – 595 mm, Dmax. – 295 mm, Dbuzei – 68 mm. Capacitatea acestui recipient este de 7,4 l. Autorii publicaţiei de la Hlinaia au datat acest exemplar cu cel de-al doilea şi al treilea sfert al sec. III a. Chr., având ca repere de datare o fibulă, cu toate că în mormântul cu pricina mai este, printre alte obiecte de ofrandă, şi o brăţară de bronz, spirală, cu capetele în formă de cap de şarpe, pe care autorii, pe baza unor multiple analogii, o datează cu sfârşitul sec. IV – începutul sec. III a. Chr. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 865). Printre piesele de inventar funerar din acest mormânt amintim şi un opaiţ antic, modelat la roată, atribuit tipului 36 B (Howland 1958, 117-120, cat. 490, pl. 44), a cărui datare se încadrează între ultimul sfert al sec. IV – sec. III a. Chr. (Rotroff 1997, 504).

O altă amforă de la Hlinaia provine din tumulul 71 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 434, рис. 244/6). Vasul (fig. 6) are o formă tronconică-ovoidală, cu gâtul cilindric, cu buza mică, puţin îngroşată, iar piciorul are, la fel, talpa plină, convexă, puţin ascuţită. Vasul are următorii parametri: H – 618 mm, Dmax – 257 mm, D.buzei – 73 mm. Vasul are capacitatea de 10,5 l, iar pe gât are urmele unei ştampile englifice, cu nume prescurtat Ηρα, care ar putea fi varianta prescurtată a trei nume de producători („heracleoţi"), ce se întâlnesc în ultima grupă de ştampilare heracleotă (grupa producătorilor târzii), datată cu sfârşitul sec. IV – prima treime a sec. III a. Chr.: Ἡρακλέδας, Ἡρακλέων, Ἡράκλειτος (Кац 2017, 430). E o ştampilă foarte răspândită în ştampilarea heracleotă, şi nu numai. Cel puţin, cunoscutul cercetător-amforolog S.I. Monachov consideră că ştampile cu numele producătorului Ηρα ar putea fi datate cu primele decenii ale sec. III a. Chr. La fel, Monachov opinează că, în afară de fragmente de gâturi cu ştampila HPA, în regiunea N-V pontică este descoperită, în 1973, la Novorosijsk, doar o singură amforă întreagă, tipic heracleotă, purtând pe gât această ştampilă. Sunt cunoscute şi câteva amfore cărora le lipseşte piciorul sau partea inferioară a trunchiului, pe al căror gât, la fel, sunt imprimate astfel de ştampile – la Niconium şi Satu Nou II/Novoselskoe II –, dar care nu sunt o producţie heracleotă şi ar putea indica, mai degrabă, producţia unui centru sud-pontic încă necunoscut (Монахов 1999, 458-459). O

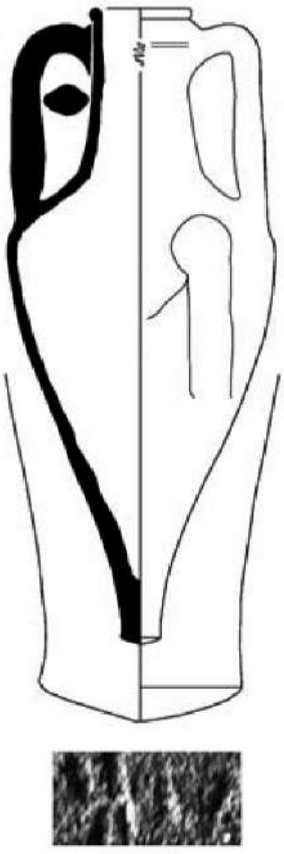


Fig. 6. Amforă descoperită la Hlinaia, mormântul 1, tumulul 71 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

ştampilă asemănătoare este întâlnită la Satu Nou, „Valea lui Voicu" (Conovici, Irimia 1991, 142, nr. 27, 28, fig. 1/28), în formă retrogradă, la Callatis (Gramatopol, Poenartu-Bordea 1969, 239, nr. 826), în aşezarea Kopulovskoe (Фатеев 2009, 287-288, приложение 1/7.1), tumulul Ţigancea, şi în aşezarea Satu Nou II/Novoselskoe II (Matevici 2007, 154, nr. 178, 179) etc.

Amfora întreagă, descoperită în tumulul 97, mormântul principal, are următoarele dimensiuni: H – 613 mm, Dmax. – 230 mm, Dbuzei – 73 mm şi capacitatea de 8,7 l (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 581, рис. 328/2). Amfora (fig. 7) are corpul tronconic-ovoidal, cu buza mică în valţ. Picioruşul finalizează într-o talpă convexă, puţin ascuţită. Vasul are pe gât o ştampilă englifică, cu numele propriu Πασιάδα (Πασιάδας la nominatviv), care ar putea fi numele unui producător. O ştampilă a acestui producător, în formă retrogradă, este întâlnită la Albeşti (Rădulescu, Bărbulescu, Buzoianu 1986, 40, 53, pl. II, cat. 52). Numele acestui producător este menţionat în lista producătorilor heracleoţi, care au activat în două perioade cronologice: primul Πασιάδας – în grupa II (anii '80-'70 ai sec. IV a. Chr.), celălalt Πασιάδας – în perioada finală de ştampilare la Heracleea, adică în ultimul sfert al sec. IV – prima treime a sec. III a. Chr. (Кац 2017, 430). Considerăm că datarea mai exactă a activităţii acestui producător ar putea fi, totuşi, la începutul sec. III a. Chr. Este puţin probabil ca numele să aparţină unui singur producător. Nu este exclus că ultima variantă, în care ştampila conţine doar numele producătorului într-un singur rând, a fost citită doar pe fragmentele de gâturi de amfore, care ar fi putut duce în eroare cercetătorii (bazându-se doar pe asemănarea pastei) în ceea ce priveşte atribuirea acestei ştampile renumitului centru sud-pontic.

Autorii materialului de la Hlinaia, pe baza altor piese databile din mormintele cu acest tip amforic – fibulă de bronz, opaiţ, brăţară de bronz din mormântul 2 al tumulului 33 sau vas-afumătoare din mormântul 3 al tumulului 6 – atribuie, din punct de vedere cronologic, această amforă sferturilor 2-3 ale sec. III a. Chr., dar nu le atribuie tipului Hlinaia.

Amforele din mormintele 1 ale tumulului 71 şi cele din mormântul 1 al tumulului 97 sunt datate de autorii de la Tiraspol cu ultimul sfert al sec. IV – sec. III a. Chr. Totuşi considerăm că toate cele patru amfore din tumulii 6, 33, 71 şi 97 de la Hlinaia trebuie să fie atribuite *tipului Hlinaia* şi ar urma să fie datate cu sferturile 2 şi 3 ale sec. III a. Chr., chiar dacă în publicaţia autorilor de la Tiraspol exemplarele din tumulii 6 şi 33 sunt prezentate drept ambalaj amforic heracleot (menţionându-se, totodată, că vase heracleote de această formă, momentan, nu sunt cunoscute).

Se cunoaşte că importul amforelor heracleote în regiunea nord-vest-pontică, de altfel, ca şi marcarea lor cu ştampile de producători, durează până în prima treime a sec. III a. Chr. În această perioadă, putem urmări nu numai schimbarea morfologiei vaselor, dintre care cele mai multe, spre perioada finala de pătrundere a ambalajului amforic heracleot, aparţin tipului II-A, cu gâtul cilindric, corpul tronconic, cu umerii ascuţiţi, cu înălţimea medie de 600 de mm şi diametrul maxim de 200 mm., dar toate aceste vase, ca şi majoritatea covârşitoare a amforelor de Heracleea, au talpa piciorului *concavă,* adâncită, une-

ori, la 15-17 mm. Capacitatea vaselor heracleote din prima treime a sec. III a. Chr. nu depăşeşte 6 litri.

Cele mai mari – din punct de vedere al capacităţii – dintre vasele heracleote sunt exemplarele din perioada iniţială de pătrundere a vinului heracleot în nord şi nord-vestul pontic, care se încadrează între 17 şi 6 litri (cele fracţionare), majoritatea fiind datate cu începutul – primul sfert al sec. IV a. Chr. Începând cu al doilea sfert al sec. IV, se observă o vădită descreştere a capacităţii amforelor heracleote, cele mai voluminoase fiind de 8-10 litri, de tipul I-A, iar Monahov consideră că această schimbare a formei vaselor şi a capacităţii lor nu este doar o modificare a tipului I, ci şi o afirmare oficială a unui nou tip standard în producţia amforelor, care suferă şi el modificări pe parcursul unei jumătăţi de veac, chiar dacă nu atât de radicale (Монахов 2003, 142). Si totuşi, pe tot parcursul existenţei diverselor tipuri de amfore heracleote, rămâne neschimbată adâncitura în talpa piciorului şi micşorarea capacităţii vaselor standard, acestea ajungând chiar şi la 4 litri.

Reieşind din cele expuse mai sus, putem presupune că vasele aşa-numitului tip Hlinaia, în opinia noastră, sunt, indiscutabil, o producţie pontică. E posibil că unii meşteri olari ai Heracleei şi-ar fi adus contribuţia la modelarea lor (după ce se termină exportul vinului heracleot în Pont, care, conform datelor contemporane, revine în comerţul nord şi nord-vest pontic de abia în sec. I a. Chr.), a aşa-numitelor amfore bicilindrice, cunoscute altădată ca pseudoCos. Prezenţa ştampilelor englifice pe gâturile câtorva vase menţionate mai sus, la fel, îşi poate găsi o explicaţie, întrucât majoritatea lor sunt cunoscute pe fragmente de pereţi sau pe vase parţial întregi, dar influenţa heracleotă în aplicarea acestui tip de ştampilă este vădită. Vorbind de structura pastei, putem menţiona că există o asemănare relativă între pasta amforelor de Heracleea Pontică si a celor de Sinope, iar forma convexă a picioarelor vaselor în discuţie, mai degrabă, ne-ar conduce spre acest oraş sud-pontic, care ar fi putut influenţa apariţia unor elemente pseudo-sinopeene în morfologia acestui tip amforic (Монахов 1999, 550).

Am menţionat mai sus opinia lui Monachov referitoare la ştampilele HPA, credem că această explicaţie poate fi plauzibilă şi privitor la ştampila lui Πασιάδας (II), ale cărui ştampile au fost sesi-

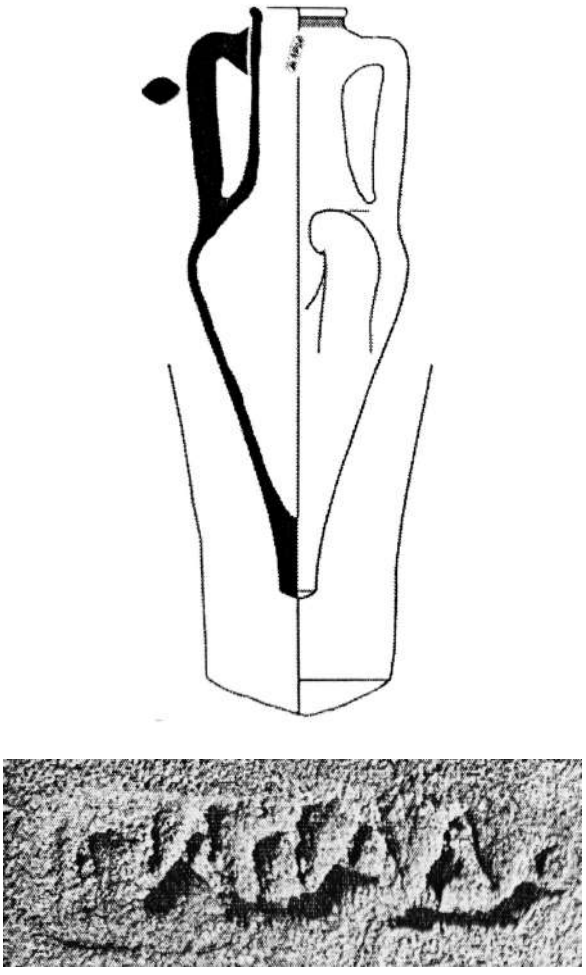


Fig. 7. Amforă descoperită la Hlinaia, mormântul 1, tumulul 97 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

zate doar pe fragmente de amfore, nu si pe amfore întregi, iar asemănarea pastei cu cea heracleotă putea duce în eroare pe cercetătorii amforologi, atribuind aceste ştampile unui producător heracleot. Şi dacă, să admitem, numele celor doi producători menţionaţi mai sus – Ηρα şi Πασιάδας – sunt întâlnite în perioada finală a ştampilării la Heracleea Pontică, numele de producător cu scrierea prescurtată Ατε sau Αγε..., dispus pe amfora din colecţia lui I. Suruceanu (MNIM), nu este cunoscut (sic!).

Analiza acestui mic lot de amfore ne permite să facem unele generalizări: vasele sunt confecţionate dintr-o pastă gălbuie-cărămizie, cu vizibile incluziuni de particule negrii si roşiatice, de nisip măşcat. Corpul este ovoidal, gâtul cilindric, buza scurtă în valţ, evazată şi forma umplută a piciorului, cu talpa convexă, uneori ascuţită sau mai plată.

Înălţimea acestui tip amforic variază de la 513 la 656 mm, diametrul maxim fiind cuprins între 230 şi 295 mm.

Chiar dacă Serghei Monachov, în lucrarea colectivă privind colecţiile amforice de la Ermitaj, menţionată mai sus (Монахов и др. 2019, 219), a atribuit aceste amfore unui nou tip de amforă heracleotă – „tip Hlinaia" –, într-o scrisoare recentă, primită de către autor, el menţionează că totuşi nu are certitudinea că doar pasta asemănătoare celei heracleote ar putea fi un indiciu sigur pentru atribuirea acestui tip de recipiente amforice renumitului centru sud-pontic. Creşterea bruscă a capacităţii vaselor aşa-numitului tip Hlinaia (dacă admitem, totuşi, o producţie heracleotă), din moment ce ambalajul amforic tipic heracleot are capacitatea medie, la începutul sec. III a. Chr., de 4-5 litri, este inexplicabilă. Nu-şi are o explicaţie plauzibilă nici apariţia unor caracteristici morfologice absolut diferite la vasele de tip Hlinaia, nespecifice tipurilor amforice heracleote de la începutul sec. III a. Chr.

Într-un fel sau altul, nu avem nicio îndoială că vasele prezentate mai sus constituie un nou tip amforic de producţie pontică, a cărui datare s-ar putea încadra între primele decenii ale sec. III şi cel de-al treilea sfert al aceluiaşi secol, dar avem mari rezerve în privinţa faptului că ar fi vorba de o producţie heracleotă.

Bibliografie

Conovici, Irimia 1991: N. Conovici, M. Irimia, Timbres amphoriques et autres inscriptions ceramiques découvertes à Satu Nou (com. d'Oltina), dèp. Constantza. Dacia N.S. 35, 1991, 139-175.

Gramatopol, Poenartu-Bordea 1969: M. Gramatopol, Gh. Poenaru-Bordea, Amphora stamps from Callatis and South Dobrudja. Dacia N.S. 13, 1969, 127-282.

Howland 1958: R.H. Howland, Greek lamps and they survuvals. In: The Athenian Agora, IV (Princeton NJ: American School of Classicalstudies at Athens 1958).

Mateevici 1996: N. Mateevici, Piese arheologice provenite din colecţia lui Ion Surucean. In: Tytagetia, vol. III (Chişinău 1996), 123-126.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Rădulescu, Bărbulescu, Buzoianu 1986: A. Rădulecu, M. Bărbulescu, L. Buzoianu, Importuri amforice la Albeşti (jud. Constanţa). Heracleea Pontică. Pontica XIX, 1986, 33-60.

Rotroff 1997: S. Rotroff, Hellenistic potery: Athenian and imported whee-madee table ware and related material. In: Athenian Agora, XXIX (Princeton NJ: Princeton Academic Press.

Белов 1962: Г.Д. Белов, Эллинистический дом в Херсонесе. В: (ред. К.С. Горбунова) Культура и искусство античного мира. Труды Государственного Эрмитажа (Ленинград 1962), 143-182.

Кац 2017: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2017).

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Северном Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).

Монахов и др. 2019: С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Д.Е. Чистов, Н.Б. Чурекова, Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI-II вв. до н.э. Каталог (Саратов: Амирит 2019).

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь: Stratum plus 2016).

Фатеев 2009: О.В. Фатеев, Амфорные клейма Гераклеи Понтийской из Капуловки. В сб.: Старожитності степового Причорномор'я і Криму, XII (Запоріжжя 2009), 284-303.

Is the *Hlinaia amphora type* a new type of Heraclean ware?

Keywords: Heraclean amphora, Hlinaia type, convex foot, englyphic stamp.

Abstract: The article raises the question of whether a new amphora type found in some regions of the Northern and North-Western Black Sea region, the so-called *Hlinaia* type, belongs to Heraclea Pontica. Although in some recent publications that mention amphorae of this type, they are attributed to Heraclean production (most of them were found in the Hlinaia necropolis, on the left bank of the Dniester), we have the right to doubt such an interpretation. Neither in morphology nor in capacity do these vessels correspond to the general trend in the development of

Heraclean amphorae of the early 3rd century BC, although, undoubtedly, this type is a new type of Hellenistic Black Sea amphorae, possibly made in some still unknown Black Sea center.

List of illustrations:

Fig. 1. Amphora from the collection of the National Museum of History of Moldova (Accession no. FB-9229).
Fig. 2. Amphora found in Chersonese (by Монахов и др. 2019).
Fig. 3. Amphora found in Pantikapaion (by Монахов и др. 2019).
Fig. 4. Amphora found in Hlinaia, burial 3, barrow 6 (by Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Fig. 5. Amphora found in Hlinaia, burial 2, barrow 33 (by Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Fig. 6. Amphora found in Hlinaia, burial 1, barrow 71 (by Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Fig. 7. Amphora found in Hlinaia, burial 3, barrow 97 (by Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Новый тип гераклейской амфоры – *тип Глиное?*

Ключевые слова: гераклейская амфора, тип Глиное, ножка выпуклой формы, энглифическое клеймо.

Резюме: Статья поднимает вопрос о принадлежности нового амфорного типа, обнаруженного в некоторых регионах Северного и Северо-Западного Причерноморья, – так называемого «типа Глиное» – Гераклее Понтийской. И хотя в некоторых последних публикациях, в которых упоминаются амфоры этого типа, их относят к гераклейскому производству (большая часть из них была обнаружена в некрополе Глиное, на левобережье Днестра), мы имеем право сомневаться в такой трактовке. Ни по морфологии, ни по вместимости эти сосуды не соответствуют общей тенденции развития гераклейской амфорной тары начала III в до Р.Х., хотя, бесспорно, этот тип является новым типом причерноморских амфор эллинистического времени, изготовленных, возможно, в каком-нибудь до сих пор неизвестном причерноморском центре.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Амфора из фондов Национального музея истории Молдовы (инв. № FB-9229).
Рис. 2. Амфора, обнаруженная в Херсонесе (Монахов и др. 2019).
Рис. 3. Амфора, обнаруженная в Пантикапее (Монахов и др. 2019).
Рис. 4. Амфора, обнаруженная в Глиное, погребение 3, курган 6 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Рис. 5. Амфора, обнаруженная в Глиное, погребение 2, курган 33 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Рис. 6. Амфора, обнаруженная в Глиное, погребение 1, курган 71 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016).
Рис. 7. Амфора, обнаруженная в Глиное, погребение 1, курган 97 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

29.03.2023

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-4660-9781, e-mail: amforaelada@yahoo.com

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЗНАТНОГО ВОИНА ИЗ СКИФСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ С ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Александр Варзарь, Александр Постолаки, Ольга Белик

Ключевые слова: скифы, погребение, остеометрия, краниометрия, одонтология, маркеры стресса, палеопатология.

Введение

Статья посвящена результатам антропологического исследования человеческих останков (скелета) из скифского погребения (№ 3), обнаруженного около села Пуркарь, в юго-восточной части Республики Молдова. Данное погребение, как и два других (скифское и средневековое) в том же кургане (№ 7), раскапывалось в 2011 году сотрудниками Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова под руководством С.М. Агульникова в ходе охранных раскопок в зоне закладки нового виноградника. Судя по обилию воинского инвентаря, погребенный принадлежал к сословию воинской знати (Агульников и др. 2013). Действительно, в области его грудной клетки находилось скопление фрагментов железных пластин и детали застежек, вероятно, от воинского панциря на кожаной основе, а также втоки и втулки от дротиков. Отдельно, у северо-западной стенки погребальной ямы располагались фрагменты другого подобного панциря. На лобной кости черепа лежали бронзовые пряжка округлой формы и три выпуклых с петелькой внутри бляшки. Бронзовые поножи-кнемиды покрывали кости голени, оставив на них зеленый пигмент. Слева на уровне таза, ближе к бедру, находился фрагментированный железный меч-акинак с навершием в зверином стиле, а также железный нож с костяной рукоятью. В юго-западной части погребальной ямы находилась гераклейская амфора с клеймом Эвридама раннефабрикантской группы (конец V - 90-е гг. IV вв. до н. э.), а рядом с ней – наконечники двух копий и двух дротиков. К керамическому инвентарю также принадлежит аттическая, покрытая чёрным лаком, солонка, стоявшая выше правого плеча погребенного. В юго-восточном и северо-западном углах погребения находились скопления костей животных – ритуальные остатки погребальной пищи. В одном из таких скоплений был обнаружен железный нож с костяной рукоятью и горбатой спинкой. Кроме перечисленного, набор вооружения включал более сотни бронзовых наконечников стрел, сконцентрированных в различных местах погребальной ямы. По мнению археологов, данный погребальный комплекс датируется концом V в. до н.э. (Агульников и др. 2013).

Следует отметить, что настоящее сообщение является первым антропологическим исследованием скифских погребений на территории Республики Молдова, выполненным по столь обширной антропологической программе, включающей, кроме стандартных остеометрических и краниометрических замеров большого числа параметров, фиксацию маркеров стресса и патологических аномалий, оценку физической активности и одонтологическое описание.

Материал и методы

В целом, сохранность черепа удовлетворительная. Из отсутствующих элементов следует назвать правую скуловую дугу, пирамиды височных костей, базилярную и латеральную части затылочной кости, а также большую часть клиновидной кости. Из зубов на верхней челюсти отсутствуют правые центральный и латеральный резцы. На нижней челюсти – полный комплект зубов. Из костей посткраниального скелета лучше всего сохранились кости свободных верхних конечностей: обе плечевые и кости левого предплечья – локтевая и лучевая. На обеих бедренных костях разрушены проксимальные участки выше малого вертела. Тем не менее нам удалось прикре-

пить головку правой бедренной кости к шейке и произвести замеры ее длины. Большеберцовые кости представлены дистальными фрагментами – правая в лучшей степени (с заходом на средний отдел диафиза), чем левая. Отсутствует головка левой малоберцовой кости и верхняя половина правой малоберцовой кости. В наличии имеются отдельные позвонки (неполный набор), тело и рукоятка грудины, мелкие фрагменты ребер и костей таза. Фрагменты обеих лопаток представлены суставным углом, акромиальным и клювовидным отростками. Ключицы отсутствуют.

Половозрастные определения производились в соответствии с общепринятыми судебно-медицинскими и палеоантропологическими методическими руководствами (Алексеев, Дебец 1964; Лебединская 1998; Пашкова 1963; Добряк 1960). Измерение черепов и костей посткраниального скелета проводилось по стандартной методике (Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966). При описании черепа применялась шкала категорий размеров (градаций), разработанная Г.Ф. Дебецом (Алексеев, Дебец 1964). Для иллюстрации направленности отличий краниологических признаков строился координатный график уклонений Моллисона (Дебец 1948), на котором средние арифметические для краниологических серий и соответствующие им значения исследуемого черепа сравнивались в масштабе единиц суммированного стандартного отклонения (σ). Оценка абсолютных значений остеометрических признаков в общемировом и североевразийском масштабах проводилась с опорой на шкалы градаций А.Г. Тихонова (Медникова 1998a). Для реконструкции длины тела использовалась формула Троттера–Глейзера и информация о наибольшей длине бедренной кости и костей верхней конечности (Алексеев 1966). Дополнительно производились фиксация индикаторов физической активности и регистрация патологических состояний скелета (Медникова 1998b; Бужилова 1998). Одонтологическое исследование проводилось по стандартной программе баллового учета признаков: лопатообразность I1, редукция гипоконуса M2, бугорок Карабелли на M1, 6- и 4-бугорковые M1, 4-бугорковые M2, дистальный гребень тригонида M1, коленчатая складка метаконида M1 и ряд дополнительных признаков (Зубов 2006).

Результаты и обсуждение

Пол и возраст

Принадлежность скелета мужчине не вызывает сомнений. Стертость жевательной поверхности верхних зубов затронула дентин, что соответствует 30-35 годам, по классификации М.М. Герасимова (Алексеев, Дебец 1964; Лебединская 1998). Облитерация черепных швов соотносится с 35-45 годами. По критериям посткраниального скелета возраст тоже определяется 35-45 годами. Относительно молодой зубной возраст, по-видимому, является следствием употребления мягкой пищи животного происхождения, что, впрочем, хорошо согласуется с кочевым хозяйственно-культурным типом скифов.

Описание черепа

Мезокранная черепная коробка характеризуется большими абсолютными размерами продольного и поперечного диаметров и средним высотным (от порионов) диаметром (рис. 1; таблица 1). Затылок очень широкий со среднеразвитым рельефом, в латеральной норме округлый. Сосцевидные отростки крупных размеров. Лоб по величине наименьшей ширины широкий, по лобно-широтному указателю – среднеширокий. Надглазничный рельеф развит значительно. Лицо имеет среднюю высоту и ширину, по указателю мезенное с очень сильной горизонтальной профилировкой, особенно в нижней части. Орбиты очень низкие и широкие, хаменконхные по указателю и прямоугольные по форме. Нос средневысокий и среднеширокий. Носовые кости сильно профилированы и образуют резко выступающую спинку носа. Нижний край грушевидного отверстия формирует предносовой желоб (*sulcus praenasalis*). Альвеолярная дуга с заметным прогнатизмом. Нижняя челюсть средних и больших размеров, но с очень малой бигониальной шириной. Ветвь низкая, широкая, сильнонаклонная. Подбородок слабо выступающий. В целом череп имеет ясно выраженный европеоидный облик и по сумме признаков является мезоморфным. При сопоставлении данного черепа с черепами из раннескифских погребений Северного Причерноморья обнаруживаем сходство (отклонение от средних не превышает одной сигмы, σ) по большинству признаков (рис. 2).

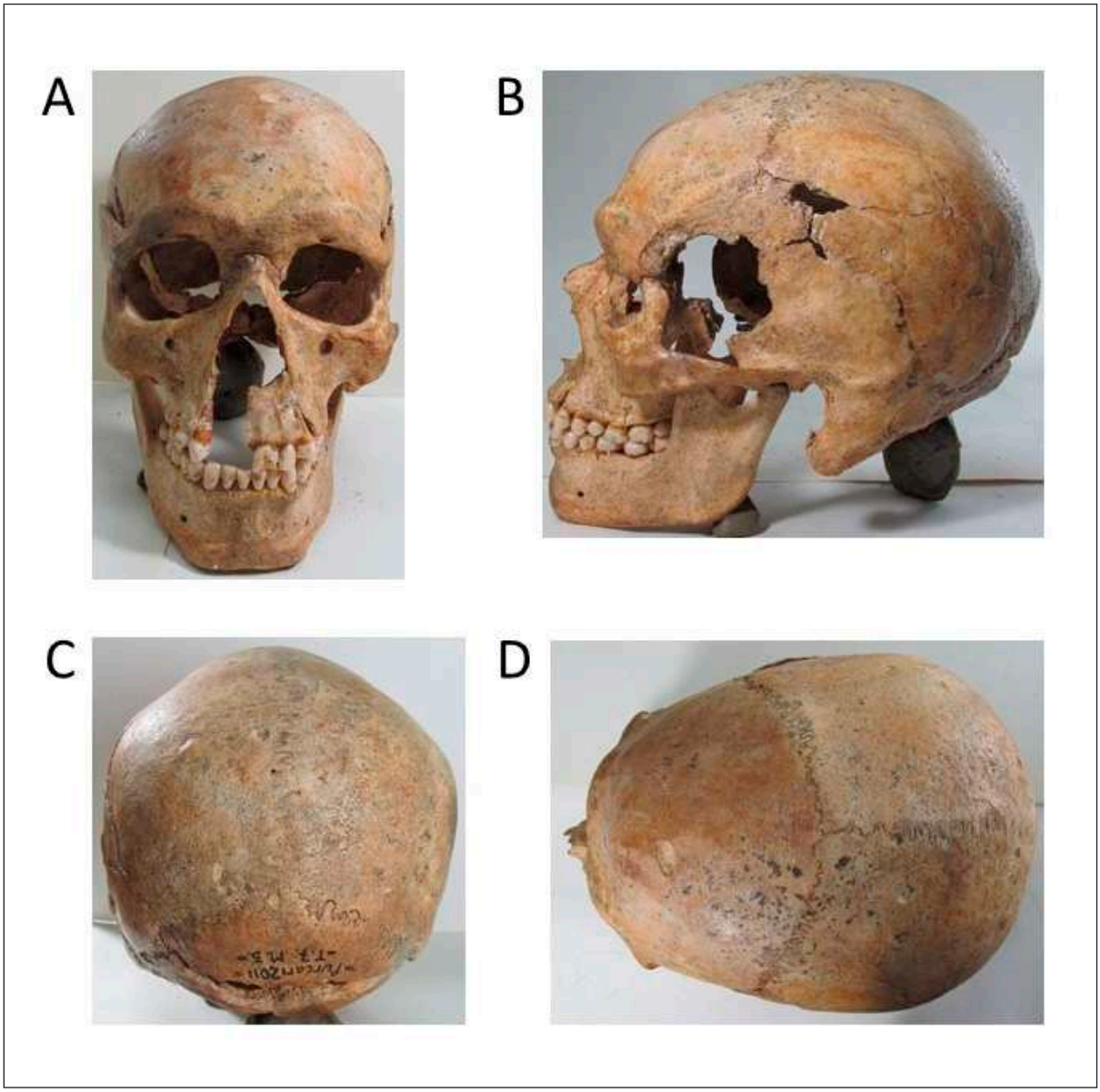


Рис. 1. Череп из исследуемого скифского погребения около с. Пуркарь: A - фациальная норма; B - боковая норма; C - затылочная норма; D - вертикальная норма.

Наблюдаемые отличия (свыше одной сигмы, σ) касаются поперечного диаметра (широкий череп), горизонтальной профилировки лица (резкая профилированность на нижнем и среднем уровнях) и высоты орбит (низкие орбиты). По-видимому, здесь мы имеем дело с индивидуальными особенностями строения конкретного черепа. Стоит отметить, что подобные проявления этих же признаков изредка встречаются на черепах из скифских погребений (Круц 2017), что, впрочем, подтверждает наше предположение об их индивидуальном характере.

Одонтологическое описание

Комбинация одонтологических признаков характеризуется выраженным западным (европеоидным) фенообликом и демонстрирует отсутствие или значительную сглаженность восточных (монголоидных) фенов (таблица 2) (Зубова, Халдеева 1989). В целом форма и размеры зубов соответствуют среднестатистическим размерам современного человека (европеоида). Наблюдаемые отличия касаются формы коронок боковых зубов – они более округлые (грацильные), чем у современных лиц мужского пола, проживающих

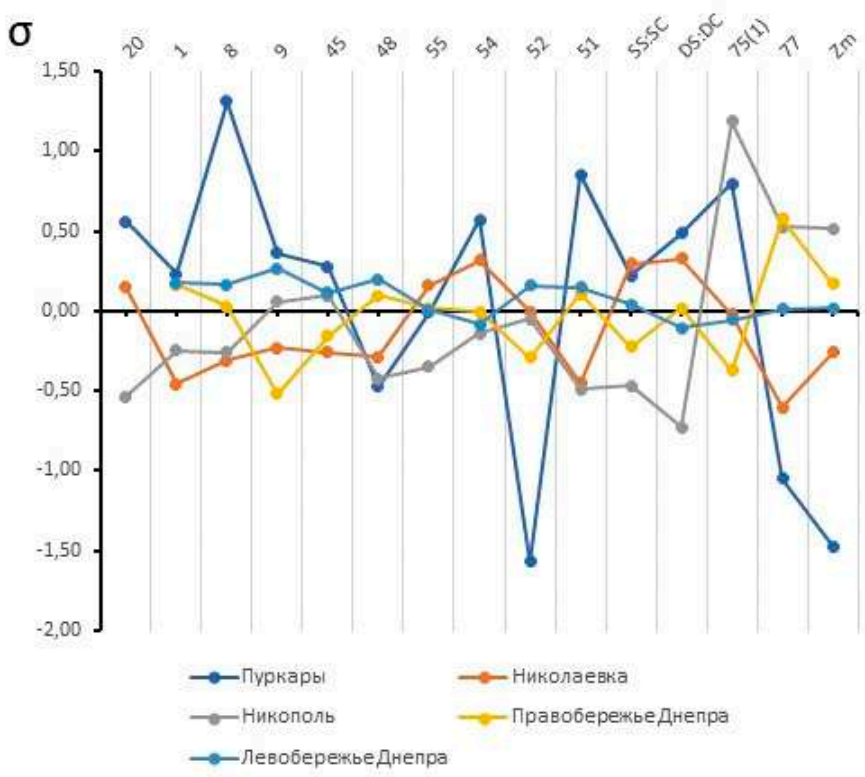


Рис. 2. Сопоставление черепа из Пуркарь со скифскими краниологическими сериями из Николаевки (Великанова 1975), Никополя (Зиневич 1967), лево- и правобережья нижнего Днепра (Круц 2017) по пятнадцати краниологическим признакам. На вертикальной оси отложены значения стандартных отклонений в суммарной серии (σ). Нулевое значение вертикальной оси соответствует взвешенной средней арифметической признаков для суммарной серии. Признаки нанесены на горизонтальную ось; кодировка по Мартину, как в Таблице 1.

на территории Республики Молдова (наши наблюдения). Сопоставление с имеющимися одонтологическими признаками по скифам с территории Северо-Западного Причерноморья показало, что все одонтологические признаки на исследуемом черепе присутствуют также в опубликованных скифских сериях, то есть каких-либо уникальных «нескифских» признаков обнаружено не было (таблица 2) (Сегеда 2001).

Центральный верхний резец. Коронка зуба достаточно широкая, по шкале А.А. Зубова больше соответствует 1 степени развития (Зубов 2006). Лингвальная поверхность с мезиальной и дистальной сторон ограничена невысокими и краевыми гребнями в виде «бортиков», тянущимися от основания коронки до углов режущего края (лопатообразность). Лингвальная поверхность равномерно стерта в пределах эмали.

Латеральный верхний резец. Коронка зуба более узкая, приближается по форме к долотообразной, с округлыми краями. Между левым центральным и боковым резцами, а также между боковым резцом и клыком имеются пространства (1,0-1,5 мм) – диастемы и тремы.

Нижний боковой резец имеет довольно высокую и широкую коронку, напоминает по форме верхний резец, но со специфически стертым режущим краем, в виде углубления в центральной части, что говорит о том, что данный участок испытывал постоянное длительное давление от твердых предметов или пищи.

Клыки. У клыков обеих челюстей отмечается незначительная стираемость верхушки вестибулярного бугорка до дентина, за исключением правого верхнего клыка, у которого стираемость более выражена в верхней трети

лингвальной поверхности. Дополнительные мезиальные и дистальные гребни отсутствуют. Лингвальные бугорки резцов и клыков развиты слабо.

Резцы нижней челюсти. Повышенная стираемость эмали в области режущих краев, с образованием узкой полоски открытого дентина. Не было отмечено ни одного архаичного признака.

Премоляры верхней челюсти. Зубы с небольшой двубугорковой коронкой, имеющей вытянутую эллиптическую форму. На первых премолярах верхней челюсти, в отличие от вторых, вестибулярные и язычные бугорки стерты до дентина.

Премоляры нижней челюсти. Зубные коронки приближаются к округлой форме, несущие по два бугорка. На первом премоляре бугорки соединены непрерывным эмалевым валиком, а на втором разделены короткой бороздой. На первом и втором премолярах справа вестибулярные бугорки стерты до дентина. Дополнительные бугорки премоляров в серии отсутствуют. Наличие тремы, около 1 мм, между правым клыком и первым премоляром.

Верхние моляры. Из морфологических особенностей боковых зубов обращает на себя внимание тот факт, что верхние первые и вторые моляры 4-х-бугорковые, а третий – 3-х бугорковый. Размеры моляров по вестибулолингвальному размеру последовательно убывают в ряду по формуле M1>M2>M3.

Гипоконус вторых моляров редуцирован умеренно (степень развития 4-) и третьих – резкая редукция (3-х бугорковый тип). Имеется межкорневой затек эмали на втором моляре слева (степень развития 4). Бугорок Карабелли на первых молярах слабо выражен (степень развития 2), в виде слабого вздутия эмали и едва различимой фиссуры над ним. Метаконус на первых и вторых молярах умеренно редуцирован и полностью отсутствует у третьего моляра. Топография мезиальной и дистальной борозд соответствует косому расположению буквы «Н». Эмалевый валик «косой гребешок» хорошо определяется. Присутствуют признаки повышенной стираемости (островки дентина) в области мезиального небного бугорка первых моляров.

Первый нижний моляр. Коронка первого моляра нижней челюсти по форме близка к трапециевидной, с преобладанием мезиально-дистального размера над высотой коронки. Отчетливо определяются вестибулярные бугорки с островками дентина на вершинах. Окклюзионный рельеф в центральной части коронки полностью стерт, в пределах эмали, из-за повышенной функциональной нагрузки. Исходя из 5-бугорковой формы коронковой части и слабо различимых фиссур, окклюзионный узор соответствовал «Y» типу. Не отмечается наличие на первых молярах протостилида и ямок на вестибулярной поверхности. Определяется межкорневой затек эмали (степень развития 4).

Второй нижний моляр. Зуб 4-бугорковый и уступает по величине первому. Коронка имеет форму, приближенную к кубовидной, с «4+» узором справа и «Х» узором слева. Определяется межкорневой затек эмали (степень развития 4).

Третий нижний моляр. Зуб 4-бугорковый и не уступает по величине второму. Коронка имеет форму, приближенную к округлой. Жевательная поверхность представлена справа по «Y» типу, а слева «Х» узором.

Описание посткраниального скелета

Длины бедренной и плечевых костей находятся в диапазоне малых величин, в то время как длины лучевой и локтевой костей – в диапазоне средних и больших величин соответственно (таблица 3). Рассчитанная по формулам Троттера и Глезера длина тела с использованием бедренной кости ниже средней (166,7 см), а по данным костей верхних конечностей находится на верхней границе средних значений (170,3-171,8 см; таблица 3). Вычисленные значения хорошо согласуются с результатами измерений костей скифов из Николаевского могильника, демонстрирующих в целом небольшую длину тела у нижнеднестровских скифов; однако они значительно ниже, чем соответствующие значения у знатных скифов из более восточных областей Северного Причерноморья (таблица 3).

Плечевая кость в нашем случае очень массивная, с выраженным рельефом крепления мышц (таблица 4), особенно дельтовидной бугристости, протяженностью в 6 см и высотой до 1,3 см.

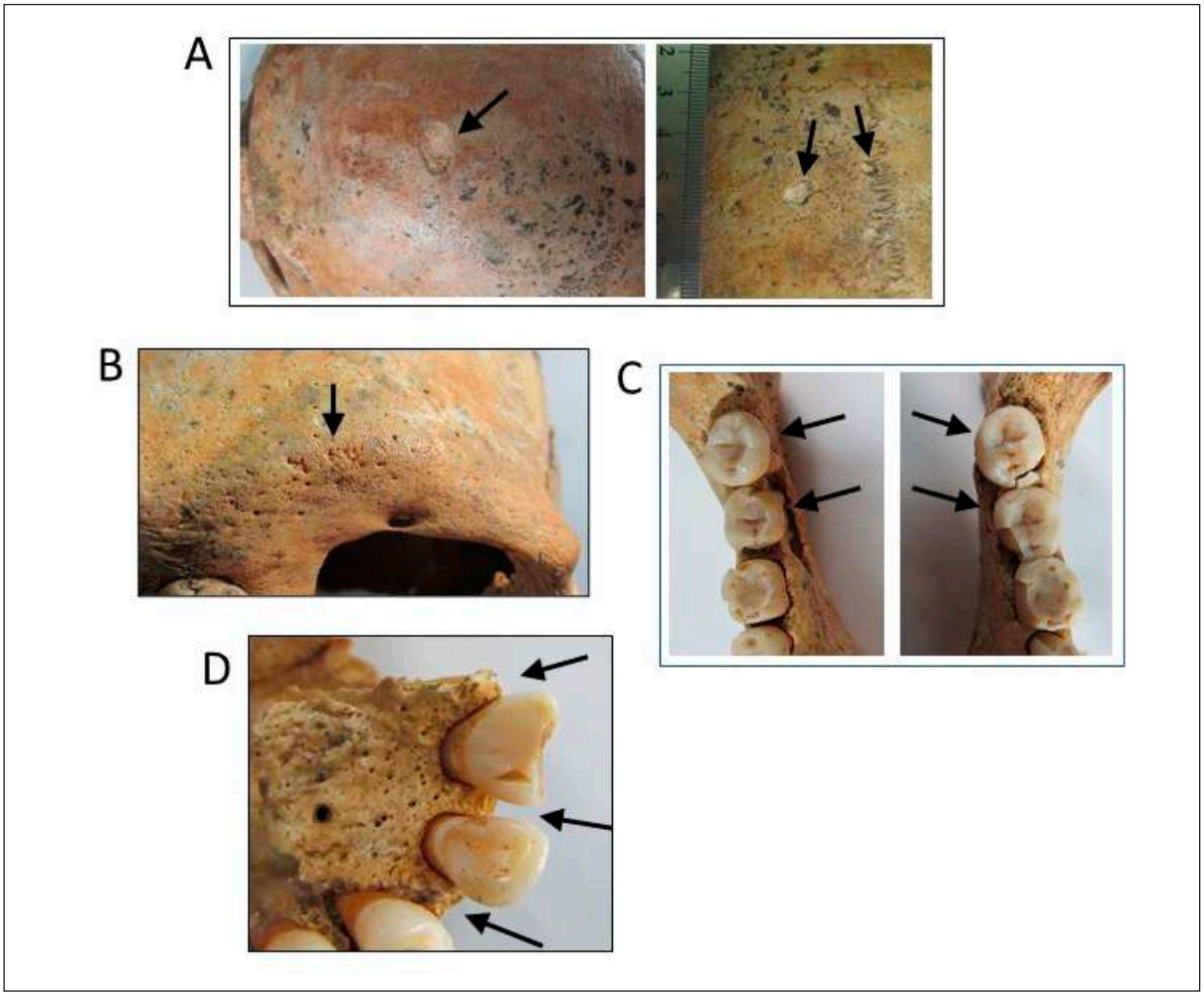


Рис. 3. Патология и маркеры стресса: A - травматические сколы наружной надкостницы черепа; B - васкулярная реакция надкостницы лобной кости; C - асимметрия в узоре жевательной поверхности вторых и третьих моляров нижней челюсти; D - диастема и тремы на верхней челюсти.

Эта особенность, наряду с выразительной шероховатостью акромиального и клювовидных отростков лопаток, а также хорошим развитием суставных бугорков лопаток, свидетельствует о значительном развитии плечевого пояса, в том числе мышц, вовлеченных в использование метательного оружия – трехглавой мышцы плеча, дельтовидной и трапециевидной мышц, а также широчайшей мышцы спины. Кости предплечья средне массивные с умеренно развитыми межкостными краями. Шероховатости локтевого отростка указывают на тренированность и постоянную работу трехглавой мышцы плеча, которая к нему прикрепляется. К числу особенностей бедренных костей относятся их значительная массивность, а также выраженные пилястрия и мышечный рельеф (таблица 4). Особенно хорошо развиты шероховатая линия бедра и малый вертел бедренной кости. Степень развития указанных структур свидетельствует о нагрузке на прикрепляющиеся к ним мышцы, задействованные, например, в верховой езде (двуглавая мышца бедра, гребенчатая мышца, длинная приводящая мышца, короткая приводящая мышца, большая приводящая мышца и подвздошно-поясничная мышца). Уплощённость с боков (платикнемия) также заметна на большеберцовой кости. Обращают на себя внимание очень выразительные (острые) края малоберцовых костей.

Палеопатология и маркеры стресса

На лобной и теменной костях имеются сколы наружной надкостницы округлых форм, диаметром 12×8 и 7×7 мм соответственно (рис. 3A). Сколы, по-видимому, образовались в резуль-

тате прижизненной колото-резаной раны, так как наблюдаются признаки образования костной мозоли, которые появляются не ранее 14-го дня после травмы. Надкостница лобной кости в области надбровных дуг имеет пористую структуру типа «апельсиновая корка» – признак васкуляризации костной ткани (рис. 3B). Васкулярная реакция надкостницы является последствием холодового стресса, вызванного длительным воздействием низких температур на открытые участки тела (лица) и организм в целом. Эти наблюдения подкрепляются особенностью одонтоглифики, которая демонстрирует асимметрию в узорах нижнечелюстных вторых и третьих моляров (рис. 3C). Наблюдаются различия между правым и левым вторым моляром по форме узора (с правой стороны «+», с левой «X»): на третьих молярах узор справа типа «Y», а с левой – «X». Исследования продемонстрировали, что такая асимметрия может быть вызвана неблагоприятным воздействием окружающей среды (холод, высокая температура и др.) в период формирования постоянных зубов (Scott, Turner 1997). Из других аномалий зубов обращают на себя внимание диастема и тремы – свободные в 1-1.5 мм пространства между зубами на верхней челюсти – левыми центральным и боковым резцами, левыми боковым резцом и клыком, а также правым клыком и первым премоляром (рис. 3D).

Заключение

В целом анализ антропологического материала свидетельствует о хорошем физическом развитии исследуемого индивида и подтверждает его профессиональный/социальный статус воина-всадника. Комбинация краниологических и одонтологических признаков отчетливо определяет его антропологическое положение среди представителей западной (европеоидной) расы. Стрессовые события в жизни погребенного нашли отражение в некоторых морфологических отклонениях (аномалиях) черепа и зубов.

Благодарности

Авторы благодарят Национальный музей истории Молдовы в лице директора Евгения Саввы за возможность проведения настоящего исследования, а также сотрудника музея Дениса Топала за ценные консультации в процессе написания манускрипта.

Библиография

Агульников и др. 2013: С.М. Агульников, С.С. Попович, С.В. Церна, Д.А. Топал, Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. Stratum plus 3, 2013, 257-284.

Алексеев 1964: В.П. Алексеев, Остеометрия. Методика антропологических исследований (Москва 1966).

Алексеев, Дебец 1964: В.П. Алексеев, Г.Ф Дебец, Краниометрия. Методика антропологических исследований (Москва 1964).

Бужилова 1998: А.П. Бужилова, Палеопатология в биоархеологических реконструкциях. В сб.: (Отв. ред. Е.З. Година) Историческая экология человека (Москва 1998), 87-147.

Великанова 1975: М.С. Великанова, Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья (Москва 1975).

Дебец 1948: Г.Ф. Дебец, Палеоантропология СССР. Труды института этнографии АН СССР, т. IV (Москва 1948).

Добряк 1960: В.И. Добряк, Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа (Киев 1960).

Зиневич 1967: Г.П. Зиневич, Очерки палеоантропологии Украины (Киев 1967).

Зубов 2006: А.А. Зубов, Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов (Москва 2006).

Зубов, Халдеева 1989: А.А. Зубов, Н.И. Халдеева, Одонтология в современной антропологии (Москва 1989).

Круц 2017: С.И. Круц, Скифы степей Украины по антропологическим данным (Киев 2017).

Лебединская 1998: Г.В. Лебединская, Реконструкция лица по черепу (методическое руководство) (Москва 1998).

Медникова 1998a: М.Б. Медникова, Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях. В сб.: (Отв. ред. Е.З. Година) Историческая экология человека (Москва 1998), 33-86.

Медникова 1998b: М.Б. Медникова, Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей. В сб.: (Отв. ред. Е.З. Година) Историческая экология человека (Москва 1998), 151-165.

Пашкова 1963: В.И. Пашкова, Очерки судебно-медицинской остеологии (Москва 1963).

Сегеда 2001: С.П. Сегеда, Антропологічний склад українського народу: етногенетичний аспект (Киев 2001).

Scott, Turner II 1997: G.R. Scott, C.G Turner II, The anthropology of modern human teeth (Cambridge 1997).

Таблица 1

Индивидуальные замеры и индексы скифского черепа из Пуркарь и их сопоставление с замерами черепов (средние значения и вариации) из погребений скифской знати (Бабина Могила, Владимировка, Гайманова Могила, Бердянский курган, Архангельская слобода) с территории Северного Причерноморья (Круц 2017).

Наименование признака по системе Мартина	Пуркары к. 7 п. 3	Скифская знать (Круц 2017)			
		n		σ	min-max
1. Продольный диаметр	192	6	195,8	5,0	191-205
1b. Продольный диаметр от офриона	188	-	-	-	-
8. Поперечный диаметр	149	6	143,3	5,5	137-153
8:1. Черепной указатель	77,6	6	73,2	2,7	70,7-77,7
20. Ушная высота	118	4	117,8	5,8	110-124
23. Горизонтальная окружность	544	-	-	-	-
9. Наименьшая ширина лба	100	7	98,3	3,4	93-102
10. Наибольшая ширина лба	119	6	120,7	6,3	110-128
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,1	6	69,2	1,9	66,4-71,5
9:10. Лобный указатель	84,7	6	81,6	3,2	77,5-86,4
11. Ширина основания черепа	127	6	122,8	7,5	113-132
12. Ширина затылка	118	3	115,0	5,3	111-121
Наклон лба	Слабо убегающий	-	-	-	-
Надпереносье (1-6 по Мартину)	5	6	4,2	1,3	2-6
Надбровные дуги (1-3)	2	6	2,2	0,4	2-3
Наружный затылочный бугор (0-5 по Брока)	3	5	4,0	1,4	2-5
Сосцевидный отросток (1-3)	3	6	2,7	0,5	2-3
45. Скуловой диаметр	136-?	7	133,7	5,6	126-141
43. Верхняя ширина лица	109	7	109,9	3,8	105-116
46. Средняя ширина лица	96	7	96,1	3,5	91-100
48. Верхняя высота лица	71	7	72,0	5,0	65-81
47. Полная высота лица	117	3	114,7	2,9	113-118
48:45. Верхнелицевой указатель	52,2-?	7	54,0	5,0	49,6-64,3
47:45. Лицевой указатель	86-?	3	84,4	2,2	81,9-86,3
63. Ширина неба	43	6	39,3	2,8	36-43
55. Высота носа	51	7	50,0	2,4	46-53
54. Ширина носа	25,7	7	25,7	2,2	22,3-28
54:55. Носовой указатель	50,4	7	51,5	4,7	42,9-57,1
52. Высота орбиты	29/29	7	33,6	2,2	30,5-36,5
51. Ширина орбиты (от mf) (правый/левый)	44,6/44,8	6	45,4	3,0	41,5-48,5
51a. Ширина орбиты (от d) (правый/левый)	42,3/42,5	6	42,8	2,3	40-45,5
52:51. Орбитный указатель (от mf) (правый/левый)	65/64,7	6	74,9	3,7	70,1-80,7
52:51a. Орбитный указатель (от d) (правый/левый)	68,6/68,2	6	79,5	3,7	74,7-83,8
SC. Симотическая ширина	9,1	6	9,3	1,9	7,5-11,7
SS. Симотическая высота	5,1	6	5,2	1,0	3,6-6,5
SS:SC. Симотический указатель	55,5	6	57,1	11,0	45,5-76
DC. Дакриальная ширина	19,5	6	21,5	0,9	20,6-22,5
DS. Дакриальная высота	13,09	6	12,8	1,7	10,2-15
DS:DC. Дакриальный указатель	67,1	6	59,7	8,2	46,4-67
75(1). Угол выступания носа	36	4	30,8	2,5	28-34
77. Назомалярный угол	133,3	6	137,7	5,6	132-148,5
Zm. Зиго-максилярный угол	118,4	6	126,5	6,0	116-132
Нижний край грушевидного отверстия	*S. pr.*	-	-	-	-
Предносовая ость (1-5 по Брока)	3-4	5	3,4	1,1	2-5,0
65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	116	1	124,0	-	-
66. Угловая ширина	86	1	103,0	-	-
67. Передняя ширина нижней челюсти	45	2	46,5	2,1	45-48
68. Длина нижней челюсти от углов	85	-	-	-	-

Наименование признака по системе Мартина	Пуркары к. 7 п. 3	Скифская знать (Круц 2017)			
		n		σ	min-max
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	110	-	-	-	-
69. Высота симфиза	35	2	34,0	2,8	32-36
69(1). Высота тела	34	2	32,0	4,2	29-35
69(3). Толщина тела	13	2	13,0	1,4	12-14
71a. Наименьшая ширина ветви (правый/левый)	36/37	1	37,0	-	-
79. Угол ветви нижней челюсти	127	-	-	-	-
Выступание подбородка (0-4 по Брока)	1-2	-	-	-	-
Угол выступания носа, углы горизонтальной профилировки и параметры высоты переносья (SS и DS) вычислялись тригонометрически.					

Таблица 2

Встречаемость одонтологических признаков у исследуемого индивида и их распространение (%) у скифов (Сегеда 2001) и в современных группах Украинцев, Молдаван и Монголов (Зубов, Халдеева 1989)

Признак	Ключевой зуб	Наличие «+»/ Отсутствие «-» признака Пуркары к.7 п.3	Скифы, С.-З. Причерноморье % (n)	Скифы, Нижнее Поднепровье % (n)	Украинцы % (n)	Молдаване % (n)	Монголы % (n)
Лопатообразность (shov, 0+1)	I^1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Лопатообразность (shov, 2+3)	I^1	-	20,0 (1)	21,2 (52)	2,0 (1589)	4,5 (224)	85,0 (286)
Лингвальная пов-ть (0+1)	I^1–I^2	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Редукция (0+1)	red I^2	+	n.a.	n.a.	n.a.	4,3 (114)	0,4 (281)
Тремы, диастемы	I^2–I^1/ I^2–C	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Бугорок Карабелли (cara)	M^1	+	58,2 (43)	38,3 (81)	40,1 (1395)	49,2 (145)	25,3 (241)
Межбугорковый эмалевый гребень	P_1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Межбугорковый эмалевый гребень	P_2	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Редукция гипоконуса (по А. Дальбергу)	M^2	+	n.a.	n.a.	42,9 (1037)	59,2 (149)	65,5 (127)
Дистальный маргинальный бугорок	M^1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Дистальный маргинальный бугорок	M^2	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Косой эмалевый гребень	M^1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Четырехбугорковые моляры	M_1	-	9,1 (55)	4,0 (75)	10,5 (1456)	7 (193)	0 (226)
Пятибугорковые моляры	M_1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Шестибугорковые моляры	M_1	-	5,5 (55)	0,8 (122)	1,8 (1456)	3,6 (193)	35,2 (226)
Четырехбугорковые моляры	M_2	+	87,5 (56)	92,8 (69)	85,5 (1264)	73,3 (121)	15,9 (123)
Дистальный. гребень тригонида (dtc)	M_2	-	3,8 (52)	3,3 (61)	2,2 (1494)	6,7 (145)	28,6 (217)
Коленчатая складка метаконида (dw)	M_1	-	7,7 (26)	17,2 (30)	4,8 (1245)	6,1 (192)	42,4 (211)
Внутр. ср. допол. бугорок (tami)	M_1	-	n.a.	n.a.	3,6 (1353)	3,0 (197)	4,3 (235)
Передняя ямка	M^1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Передняя ямка	M_1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Задняя ямка	M^1	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Задняя ямка	M_1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Цингулюм	M^1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Цингулюм	M_1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Средний гребень тригонида	M_1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Межкорневой затек эмали (баллы 4-6)	M^2	+	57,2 (49)	41,1 (73)	n.a.	n.a.	n.a.
Межкорневой затек эмали	M_{1-2}	+	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.
Наклон бугорков к центру коронки	M_1	-	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.	n.a.

n.a. – данные недоступны.

Таблица 3

Измерительные параметры длинных костей и реконструкция длины тела костных останков из Пуркарь (к. 7 п. 3) в сравнении с остеологическими сериями с территории северного Причерноморья.

Наименование признака по Мартину	Пуркары к. 7 п. 3		Николаевка (Великанова 1975)*				Скифская знать (Круц 2017)*			
	Пр.	Лев.	n	$\bar{X}$	σ	min-max	n	$\bar{X}$	σ	min-max
Плечевая кость (мм)										
1. Наибольшая длина	317	317	10	316,7	15,0	284-333	11	336,5	13,8	324-363
2. Вся длина	312	312	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	332,4	13,8	320-356
3. Верхняя эпифизарная ширина	49,2	47,1	n.a	n.a	n.a	n.a.	10	52,7	3,1	48-58
5. Наибольший диаметр середины диафиза	25,8	23,9	10	22,6	2,1	20-26	12	24,6	2,0	20,5-27
6. Наименьший диаметр середины диафиза	21,8	20,4	10	17,1	1,9	14-20	12	20,5	1,9	18-24
7. Наименьшая окружность диафиза	75	70	10	62,1	5,4	54-70	12	70,6	5,9	60-80
7a. Окружность середины диафиза	80	74	n.a	n.a	n.a	n.a.	11	73,6	7,1	64-85
6:5. Указатель сечения	84,5	85,4	10	75,7	5,5	66,7-82,6	12	83,4	6,7	70,4 - 96
7:1. Указатель массивности	23,7	22,1	10	19,6	1,5	17,6-22,7	11	21,0	1,7	18,2-24,0
Лучевая кость (мм)										
1. Наибольшая длина	-	245-?	10	242,7	12,7	218-263	12	258,3	14,0	227-274
2. Физиологическая длина	-	231	n.a	n.a	n.a	n.a.	11	240,7	11,6	220-254
4. Поперечный диаметр диафиза	-	18,3	10	16,0	0,9	15-17	12	17,5	2,6	12-22
5. Сагиттальный диаметр диафиза	-	13,6	10	11,7	1,1	10-13	12	13,0	1,5	11-15,5
3. Наиментьшая окружность диафиза	-	45	n.a	n.a	n.a	n.a.	12	43,5	4,6	33-51
5:4. Указатель сечения	-	74,3	10	73,0	3,4	66,7-76,5	12	75,7	14,6	60,0-116,7
3:2. Указатель массивности	-	18,4	n.a	n.a	n.a	n.a.	11	18,1	1,7	15,0-21,1
Локтевая кость (мм)										
1. Наибольшая длина	-	272	7	265,0	9,3	249-277	9	278,4	14,7	251-298
2. Физиологическая длина	-	232	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	244,2	16,4	216-270
11. Передне-задний диаметр	-	15,8	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	14,9	1,4	12-17
12. Поперечный диаметр	-	20,3	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	19,7	2,3	16,5-23
13. Верхний поперечный диаметр	-	21,8	7	21,3	3,5	18-25	9	24,1	3,4	19-28
14. Верхний дорзо-волярный диаметр	-	28,3	7	24,0	1,6	22-26	9	25,7	3,1	20-30
3. Наименьшая окружность	-	40	n.a	n.a	n.a	n.a.	10	40,5	4,8	30-46
3:2. Указатель массивности		17,2	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	16,5	1,6	13,9-19,2
11:12. Указаталь сечения		77,8	n.a	n.a	n.a	n.a.	9	76,4	9,8	65,9-93,9
13:14. Указатель платолении		77	7	88,3	9,1	78,3-100	9	94,8	17,4	71,7-135,0

Наименование признака по Мартину	Пуркары к. 7 п. 3		Николаевка (Великанова 1975)*				Скифская знать (Круц 2017)*			
	Пр.	Лев.	n	$\bar{X}$	σ	min-max	n	$\bar{X}$	σ	min-max
Бедренная кость (мм)										
1. Наибольшая длина	436	-	15	440,9	17,5	405-465	9	463,4	24,3	428-504
2. Длина в естественном положении	435	-	14	437,7	18,1	402-461	7	462,4	27,5	428-502
21. Мыщелковая ширина	78-?	78	12	80,0	4,6	73-88	9	82,7	4,0	77-90
6. Сагитальный диаметр середины диафиза	29	29,9	15	29,2	3,4	23-36	11	31,5	3,2	28-39
7. Поперечный диаметр середины диафиза	25,3	26,6	15	27,7	2,6	22-32	11	27,8	1,6	25-31
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	31,2	30,2	15	32,5	2,8	27-36	11	31,5	2,5	28-37
10. Верхний сагитальный диаметр диафиза	25,2	26,2	15	25,7	2,7	21-30	11	28,9	2,9	26,5-36
8. Окружность середины диафиза	88	90	15	87,5	8,2	72-103	11	93,4	7,9	80-110
8:2. Указатель массивности	20,2	-	14	19,9	1,5	17,6-22,7	7	20,1	1,6	16,7-21,9
6:7. Указатель пилястрии	115	112	15	105,5	6,1	92,9-113,8	11	113,3	10,0	100,0-134,5
10:9. Указатель платимерии	80,8	86,8	15	79,0	4,7	71,0-86,7	11	92,3	11,7	73,0-112,5
Большеберцовая кость (мм)										
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	54,2	54,2	n.a	n.a	n.a	n.a.	11	54,4	1,7	53-58
8. Сагитальный диаметр на уровне середины диафиза	29,6-?**	-	n.a	n.a	n.a	n.a.	12	31,1	1,4	29-33
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	20,8-?**	-	n.a	n.a	n.a	n.a.	12	23,8	2,5	19-28
10. Окружность на уровне середины диафиза	81-?**	-	n.a	n.a	n.a	n.a.	12	87,2	4,4	80-97
10б. Наименьшая окружность диафиза	75	75	11	73,5	4,3	68-81	12	79,3	4,5	75-90
9:8. Указатель сечения	70,3-?**	-	n.a	n.a	n.a	n.a.	12	76,6	8,8	57,6-89,7
Длина тела (см)										
По данным дины бедренной кости	166,7	-	15	167,8	4,1	159.5-173.4	9	173,0	5,6	164.8-182.5
По данным длин плечевой и лучевой костей	-	170,3	8	169,3	5,2	159.3-176.4	9	177,2	4,2	172.6-183.9
По данным длин плечевой и локтевой костей	-	171,8	5	169,9	3,2	166.1-174.8	7	177,6	4,9	172.9-184.1

n.a. – данные недоступны.
* Использовались значения преимущественно по правой стороне, а в случае их отсутствия восполнялись таковыми по левой без поправок.
** Исходя из длины большеберцовой кости в 355 мм, которая соответствует длине бедренной кости в 436 мм (Медникова 1998а).

Таблица 4

Балловая оценка (1 - 3) развития рельефа длинных костей

Признак	Пр.	Лев.
Плечевая кость		
Малый бугорок (*tuberculum minus*)	2-3	2-3
Межбугорковая борозда (*sulcus intertubercularis*)	2	2
Дельтовидная бугристость (*tuberositas deltoidea*)	3	3
Латеральный край (*margo lateralis supracondylaris*)	2-3	2
Лучевая кость		
Бугристость лучевой кости (*tuberositas radii*)	-	2
Межкостный край (*margo interossea*)	-	2
Бороздки и бугорки дистальной части задней поверхности (*crista et tuberculi distalis*)	-	2
Локтевая кость		
Задний край (*margo posterior olecrani*)	-	2
Межкостный край (*margo interossea*)	-	2-3
Бугристость локтевой кости (*tuberositas ulnae*)	-	2
Гребень супинатора (*crista m-li supinatoris*)	-	2
Дистальный латеральный гребень (*crista distalis lateralis*)	-	3
Бедренная кость		
Малый вертел (*trochanter minor*)	3	-
Ягодичная бугристость (*tuberositas glutea*)	2	2
Шероховатая линия бедра (*linea aspera*)	3	3
Большеберцовая кость		
Передний край (*margo anterior*)	-	2-?
Межкостный край (*margo interossea*)	-	2-?
Бороздки и бугорки дистальной части задней поверхности (*crista et tuberculi distalis*)	1-2	1-2

Descrierea morfologică a resturilor osoase ale unui războinic nobil dintr-o înmormântare scită de pe malul drept al Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: cultura scitică, îngropare, osteometrie, craniometrie, odontologie, marcheri de stres, paleopatologie.

Rezumat: Sunt prezentate rezultatele unui studiu morfologic complex (craniologic, odontologic, osteologic şi paleopatologic) al resturilor osoase umane dintr-o înmormântare militară scită în apropierea satului Purcari, pe malul drept al Nistrului Inferior. Scheletul aparţinea unui bărbat bine dezvoltat fizic, de 35-45 de ani, de statură joasă, judecând după particularităţile dezvoltării reliefului muscular, un războinic activ şi călăreţ. Craniul are caracteristici occidentale (europene) clar pronunţate şi majoritatea semnelor se încadrează în seria craniologică scitică de pe teritoriul regiunii nordice a Mării Negre. Caracteristicile craniului includ un diametru transversal mare, orbite scăzute şi o profilare orizontală pronunţată a feţei. Fenotipul şi dimensiunea dinţilor corespund, de asemenea, complexului odontologic occidental (european). Din anomalii patologice şi marcheri de stres se înregistrează ciobirea traumatică a periostului oaselor craniului cerebral, reacţia vasculară a periostului osului frontal, asimetria desenului ocluzal al molarilor inferiori, diastema la maxilarul superior şi treme la ambele maxilare.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Craniul din înmormântarea scitică de lângă satul Purcari: A - normă facială; B - normă laterală; C – normă occipitală; D - normă verticală.

Fig. 2. Compararea craniului de la Purcari cu serii craniologice scitice de la Nikolaevka (Великанова 1975), Nikopol (Зиневич 1967), de pe malurile stâng şi drept ale Niprului inferior (Круц 2017), în funcţie de cincisprezece caracteristici craniologice. Valorile abaterilor standarde din seria totală (σ) sunt marcate pe axa verticală. Valoarea zero a axei verticale corespunde mediei aritmetice ponderate a caracteristicilor pentru seria totală. Semnele sunt reprezentate grafic pe axa orizontală; codarea după Martin, ca în tabelul 1.

Fig. 3. Patologia şi marcherii de stres: A - leziuni traumatice ale periostului craniului; B - reacţia vasculară a periostului osului frontal; C - asimetrie în desenul ocluzal al doilea şi al treilea molar la mandibulă; D - diastema şi treme la maxilă.

Morphological characterization of the human skeletal remains from a noble Scythian burial on the right bank of the Lower Dniester

Keywords: Scythians, burial, osteometry, craniometry, odontology, stress markers, paleopathology.

Abstract: The results of a comprehensive morphological (craniological, odontological, osteological and paleopathological) analysis of human skeletal remains from a military Scythian burial near the village of Purkari, on the right bank of the Lower Dniester, are presented. The skeleton belonged to a 35-45 y.o. strong-built man of short stature, who, based on the character of the bone surface roughness, was an active horseback-riding warrior. The skull has clearly pronounced western (Caucasoid) traits, most of which are in good statistical agreement with the craniological traits observed in Scythians from the North Pontic region. Among its characteristics are a large transverse diameter of the skull, low orbits and an expressed horizontal profiling of the face. The teeth size and morphology also fit to the western (Caucasoid) odontological complex. Morphological abnormalities have been recorded and include traumatic lesions on the outer surface of the cranium, "orange peel" appearance (vascular responses) on the superciliary arches, asymmetry in the enamel surface morphology of mandibular molars, interdental spaces in the anterior area of the maxilla and the mandible.

List of illustrations:

Fig. 1. The skull (A - norma frontalis; B - norma lateralis; C - norma occipitalis; D - norma verticalis).

Fig. 2. Comparison of the skull from the Purkari burial with the Scythian craniological collections from Nikolaevka (Великанова 1975), Nikopol (Зиневич 1967), the left and the right banks of the Lower Dnieper (Круц 2017) for fifteen craniological parameters. The vertical axis illustrates standard deviations (σ) in the whole collection. The zero value on the vertical axis corresponds to the weighted arithmetic mean of the parameters. The parameters are along the horizontal axis; the coding is according to Martin, as in Table 1.

Fig. 3. Pathology and stress markers: A - traumatic lesions on the outer surface of the cranium; B – "orange peel" appearance (vascular responses) on the superciliary arches; C - the asymmetry observed in dental crown of the mandibular second and third molars; D - interdental spaces in the anterior area of the maxilla.

04.07.2023

Др. Александр Варзарь, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989 г., 121-а, Кишинэу, Республика Молдова; Институт фтизиопульмонологии им. Кирилла Драганюка, ул. Константин Вырнав, 13, Кишинэу, Республика Молдова, https://orcid.org/0000-0003-1855-3095, e-mail: alexander.varzari@mail.ru

Др. Александр Постолаки, Государственный университет медицины и фармакологии им. Николае Тестемицану, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт, 165, Кишинэу, Республика Молдова, https://orcid.org/0000-0002-3527-623X, e-mail: alexandru.postolachi@usmf.md

Др. хаб. Ольга Белик, Государственный университет медицины и фармакологии им. Николае Тестемицану, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт, 165, Кишинэу, Республика Молдова, https://orcid.org/0000-0002-4898-549X, e-mail: olga.belic@usmf.md

POSIBILE INTERFERENȚE CELTO-DACICE ÎN DEPRESIUNEA ȘIMLEULUI. O BUTEROLĂ DE LA TEACA UNEI SPADE CELTICE, DESCOPERITĂ LA ȘIMLEUL SILVANIEI-*OBSERVATOR*

Horea Pop, Cătălin Borangic

Cuvinte-cheie: spadă celtică, buterolă, Șimleul Silvaniei-Observator, celți, daci.

Descoperirea unei piese de certă factură celtică în proximitatea sitului arheologic de la Șimleul Silvaniei, punctul *Observator*, ne permite o scurtă trecere în revistă a situației arheologice din acest perimetru și contextualizarea artefactului în raport cu situația de ansamblu.

Prin orașul Șimleul Silvaniei, antichitățile Sălajului au ajuns să fie cunoscute în literatura istorică de specialitate, mai ales în urma descoperirii, în două etape (1797 și 1889), a tezaurului de piese din aur aparținând epocii migrațiilor (secolul V p. Chr.), piese ajunse la muzee din Viena și Budapesta (Florescu, Miclea 1979, Kiss, Bernhard-Walcher 1999). Atât aceste descoperiri, cât și altele aparținând altor perioade istorice, au alimentat imaginația căutătorilor de comori la acea vreme.

Zona *Măgurii Șimleului* a fost marcată, în ultima sută de ani, de descoperirea a nu mai puțin de opt-nouă tezaure de monede și podoabe dacice din argint (Harsányi 1908; Szekely 1951; Winkler 1981-1982, 93; Chirilă, Matei 1986; Pop, Găzdac 1999), cărora li se adaugă un număr de piese izolate. Această evidență situează Șimleul pe primul loc în țară în ceea ce privește densitatea de tezaure dacice[1], după Sarmizegetusa, capitala Regatului dac (Pop 2008, 26-29).

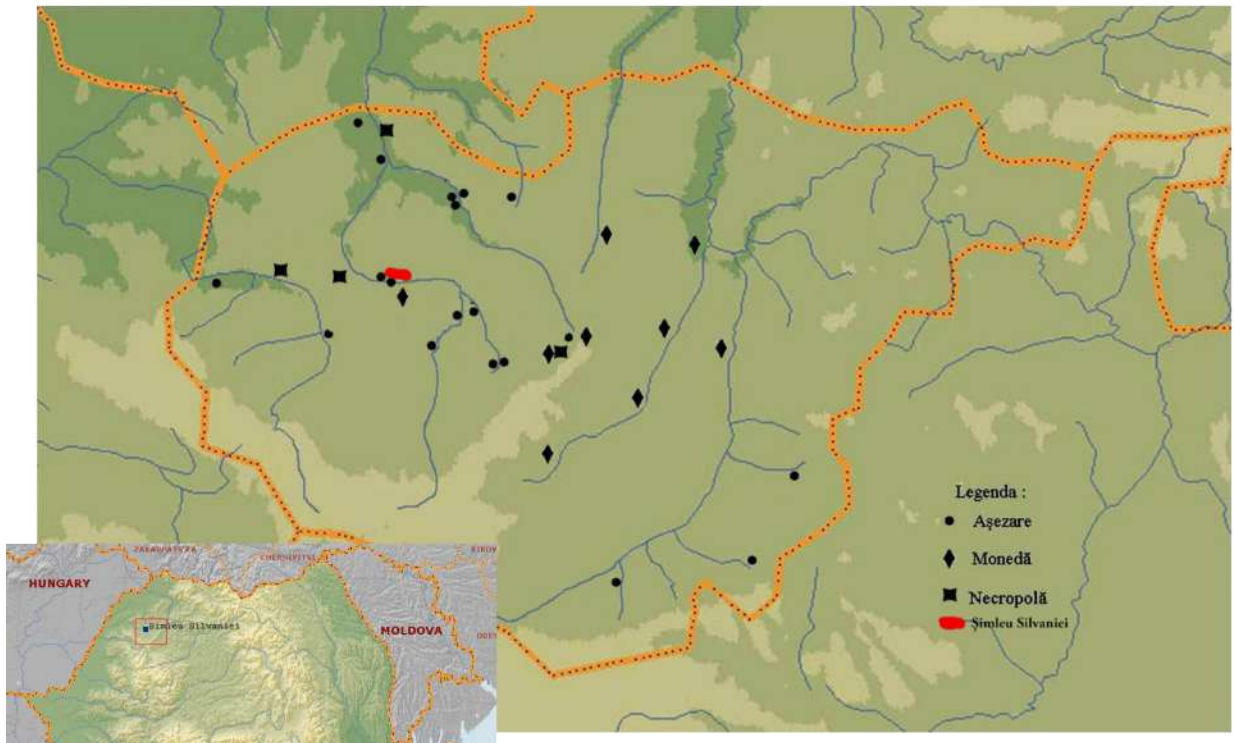
Ultimul secol a constituit pentru zona Sălajului o perioadă de intense acumulări cantitative în ceea ce privește tezaurele dacice de monede (fig. 1/1) și, implicit, menționarea arealului în literatura istorică de specialitate. Fortificațiile preistorice, dacice și medievale, cunoscute sau nu în literatura de specialitate, au fost cercetate – mai mult sau mai puțin științific – de numeroși căutători de comori sau de arheologii maghiari ai începutului de secol XX (Fetzer 1896, 61-65; Fetzer 1899, 260-264; Fetzer 1910, 69-71).

Perioada interbelică nu a adus prea multe pentru spațiul propus spre investigare, atenția cercetătorilor îndreptându-se, mai ales, asupra complexului roman spectaculos de la *Porolissum*-Moigrad.

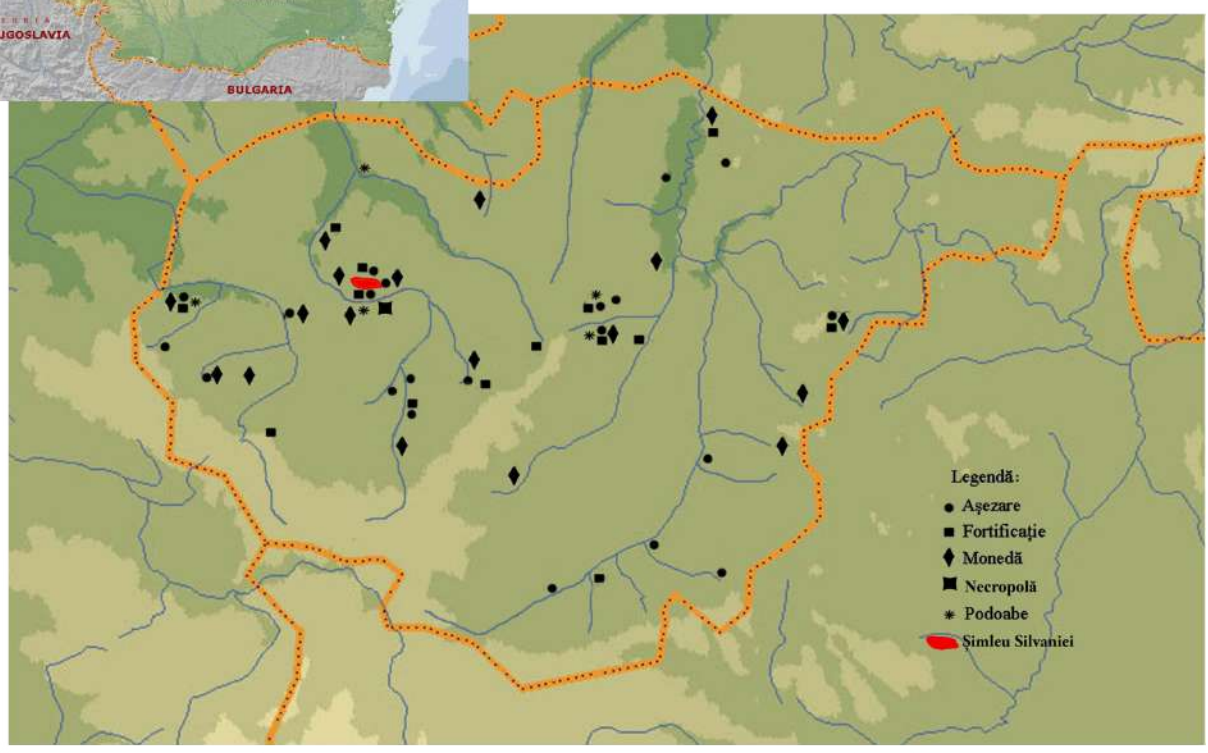
Primele materiale arheologice dacice din zona Șimleului au fost publicate de către „pionierul" Martin Roska (Roska 1942, 71). Pentru zona Șimleului abia sfârșitul celui de-al Doilea Război Mondial declanșează interesul științific asupra regiunii, în urma provocării create de descoperirea fortuită (1945-1947) a unor presupuse morminte dacice (cu inventar ceramic, piese de echipament și vestimentație, unelte, ustensile, arme, podoabe și monede din argint, aflate acum în colecțiile Muzeului Național Secuiesc din Sfântu Gheorghe) pe pantele unui deal din componența *Măgurii Șimleului* (Szekely 1951).

Descoperirea ulterioară, în anul 1964, a două tezaure dacice de drahme de Dyrrhachium-Apollonia la Șimleul Silvaniei, din care unul chiar în punctul *Observator* (Winkler 1981-1982; Sășianu 1980, 167), a sporit interesul specialiștilor pentru zona mai puțin cercetată până în acel moment (Dumitrașcu, Căbuz 1971). Drept urmare, în punctele *Uliul cel Mic* și *Observator*, Muzeul Județean de Istorie și Artă din Zalău a executat, prin Al. V. Matei, în anul 1978, câteva sondaje, insuficient valorificate (Matei 1979, 17-20).

[1] Exceptând zona Bazinului Crișului Alb, respectiv a depresiunii Zărandului, în 1980, regretatul Al. Sășianu repertoria nu mai puțin de 22 de tezaure din argint dacice, acestora li se adaugau un număr de 24 de descoperiri întâmplătoare. Ultimii ani au dus la îmbogățirea repertoriului descoperirilor cu noi tezaure, făcute atât cu ajutorul detectoarelor de metale, cât și provenind din cercetări arheologice. Alte peste 25 de tezaure au fost descoperite pe raza județului Sălaj, parte prin cercetări arheologice, parte – descoperiri fortuite (Pop 2008, *passim*), la care se adaugă 4-5 tezaure descoperite cu ajutorul detectoarelor de metal. Însumată, cantitatea de argint dacic descoperit pe raza celor două județe se situează, teoretic, undeva în jurul valorii de 20% din cantitatea de argint descoperită în Dacia Preromană (Borangic, Ghemiș, Lipot 2022, 46).



1



2

Fig. 1. Distribuţia descoperirilor arheologice atribuite dacilor din judeţul Sălaj:
1 - mijlocul sec. IV - sec. III a. Chr.; 2 - mijlocul sec. II a. Chr. - sec. I p. Chr.

Alte descoperiri de altă factură – aşezări, fortificaţii, piese izolate – în zona *Măgurii Şimleului* (fig. 1/2) ne-au permis şi încurajat iniţierea unui vast proiect de cercetare a locuirii preistorice, dacice şi medievale din acest spaţiu (Pop et al. 2006).

Astfel, începând cu anul 1992, au fost investigate sistematic punctele *Cetate* (aproape integral) (Pop, Marchiş, Ardeleanu 2009; Pop, Csók 2014; Pop, Csók 2015) şi *Observator* de la Şimleul Silvaniei[2], pe teritoriul oraşului fiind semnalate şi verificate numeroase alte puncte aparţinând aşezărilor civile sau zonelor presupuse rituale (Pop 1990, 182-183; Pop 1992, 129-138; Pop 1993, 91-105; Pop 1995, 88-89; Pop, Bejinariu 1997b, 61; Bejinariu, Pop 1997, 10-11; Pop 1999, 117; Pop 1999a, 117; Pop 2003a, 129-130). Această iniţiativă, având ca obiectiv cercetarea locuirii preistorice, antice şi medievale din arealul *Măgurii Şimleului*, a constituit o mai veche dorinţă a colectivului de arheologi ai muzeului sălăjean, alimentată de descoperirile arheologice concrete, amintite mai înainte (Pop et al. 2006).

Cel mai important punct cu descoperiri dacice de la Şimleu ne apare şi datorită amplasării sale pe platourile cele mai înalte ale *Măgurii Şimleului*, punctul *Observator*, care ni se conturează tot mai mult ca o aşezare fortificată, sediu al aristocraţiei laice şi religioase ale unei uniuni tribale, care gravita în jurul *Măgurii* amintite, în intervalul cuprins între sfârşitul secolului II a. Chr. şi începutul secolului I p. Chr.

În urma recentelor investigaţii arheologice (1994-2015, cu întreruperi)[3], s-a constatat că în epoca dacică clasică partea cea mai înaltă a fortificaţiilor mai vechi hallstattiene a fost refolosită de către daci prin săparea a trei şanţuri dublate cu palisadă în spate (Rustoiu et al. 2002, 91-148; Pop 2006, 39-43, 51-52, pl. 19-23; Pop 2009, 31-33, 98-99, pl. 17-19).

Acestea închid o suprafaţă de cca 4-5 ha din sectorul cel mai înalt al mai vechii aşezări fortificate hallstattiene (Nemeth, Rustoiu, Pop 2005, 25-60). Şanţurile şi palisadele dacice din punctul *Observator* sunt dispuse la distanţe variabile între ele, în funcţie, probabil, de extinderea suprafeţei fortificate (Pop 2006, 39-43; Pop 2009, 31-33). Cele 14 campanii arheologice desfăşurate au urmărit clarificarea cronologiei elementelor defensive şi a habitatului uman protejat de acestea (Pop et al. 2007; Pop et al. 2009; Pop, Bejinariu, Culic 2009; Pop 2011; Pop 2012, Pop et al. 2016).

Materialele arheologice (Matei et al. 2006, 6-7 (ceşti opaiţ); Pop 2008a, 127-139 (fibule); Pop 2016, 26-28, 35-43; Băcueţ et al. 2018, 78-79) şi complexele arheologice de aici sunt impresionante şi provin din epoci multiple, fapt sesizat şi de primii cercetători ai sitului de la Şimleul Silvaniei-*Observator* (Moga 1950; Matei 1979), dar al căror efort nu a fost încă valorificat suficient.

Pe lângă materialele arheologice, provenite din periegeze şi cercetări arheologice sistematice, în colecţiile Muzeului Judeţean de Istorie şi Artă din Zalău au intrat şi artefacte găsite întâmplător de localnici de-a lungul timpului. Ultimele piese descoperite astfel (fig. 2), în anul 2018, sunt o verigă cu noduri din bronz (Pop 2018) şi o buterolă de spadă din fier (nr. Inv. C.C. 690/2019), care constituie pretextul articolului de faţă. Piesele au fost depistate în eroziunea taluzului unui drum de exploatare, adâncit în timp. Drumul taie, la propriu, extremitatea nordică a fortificaţiei dacice din punctul *Observator*, adâncindu-se maximum 3m faţă de platoul interior din incintă.

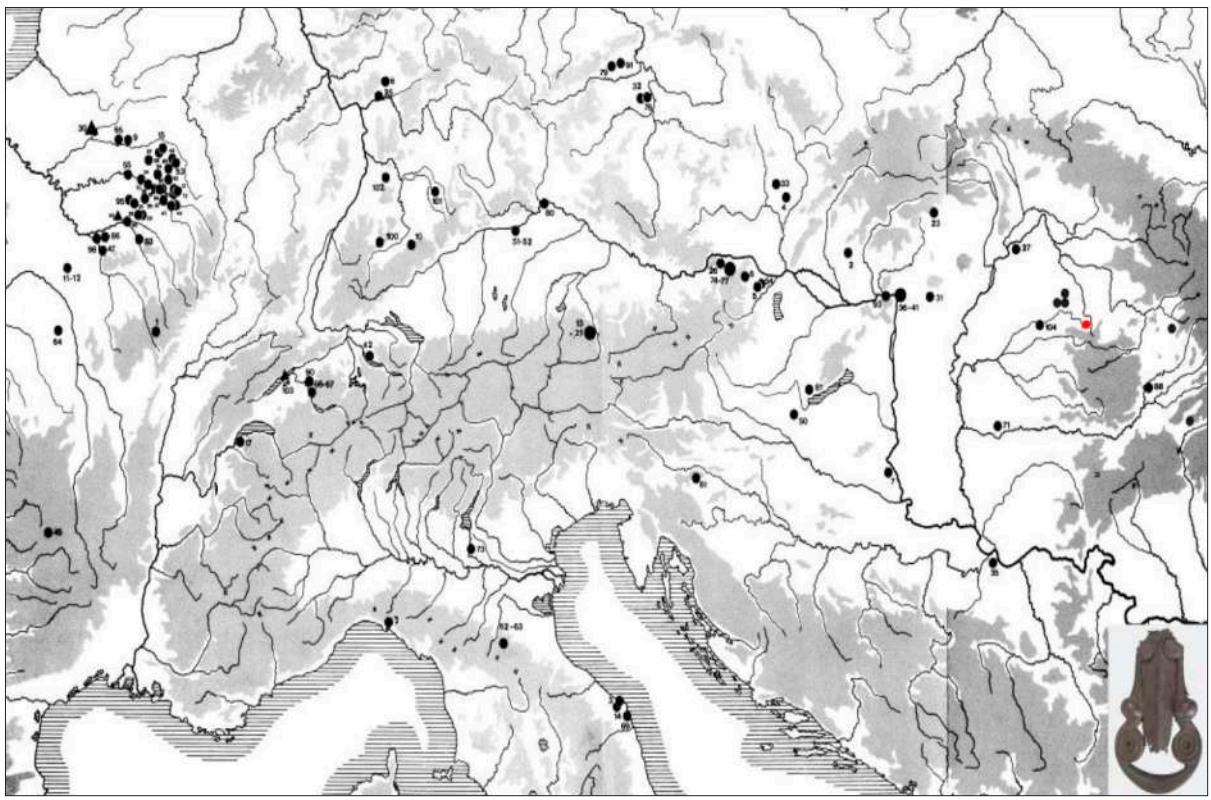
Buterola descoperită este desprinsă din teaca pe care o închidea. Forma piesei este cordiformă, cu aspect de ogivă uşor evazată, decorată cu doi butoni proeminenţi şi alţi patru mai mici, destinaţi fixării întregii garnituri pe tabla tecii (fig. 3).

Morfologia păstrată permite identificarea tipologică a armei căreia i-a aparţinut. Este vorba despre o spadă celtică de tip Hatvan-Boldog (Kosd), buterola fiind o variantă a acestui tip de decor (Petres, Szabó 1986, 272). Aceste spade au avut o arie de răspândire largă, putând fi urmărite pe tot orizontul de migraţie al triburilor celtice, din Franţa de astăzi până în Transilvania (fig. 2/2).

[2] Rezultatele cercetărilor au fost prezentate în mai multe publicaţii: Pop 1990, 182-183; Pop 1992, 129-138; Rusu, Pop, Bejinariu 1994, 64; Rusu, Pop, Bejinariu 1995, 87-88; Bejinariu, Pop 1995, 89-90; Pop, Bejinariu 1995; Pop, Bejinariu 1996, 323-325; Pop, Bejinariu 1996a, 110-111; Rusu, Pop, Bejinariu 1996, 39-40; Pop, Bejinariu 1996b, 40; Pop, Bejinariu 1997, 60-61; Pop, Bejinariu 1997a, 61; Pop, Bejinariu 1998, 623-627; Pop, Bejinariu 1999, 115-116; Pop, Bejinariu 1999a, 117-118; Pop 1998, 76; Pop et al. 2000, 102-103; Pop, Bejinariu 2000; Pop et al. 2001, 243-245; Pop 2001, 14-18; Pop et al. 2002, 304-306; Pop 2002, 103-106; Pop 2002a, 122-123; Pop 2002b, 16-17; Pop 2003, 130-135; Pop et al. 2004, 335-336; Pop, Bejinariu, Pupeză 2004, 332-335.

[3] Colectiv M. Rusu, H. Pop, I. Bejinariu, D. Sana, S. şi D. Băcueţ-Crişan.

1



2

Fig. 2. 1 - Localizarea descoperirii; 2 - dispersia spadelor celtice de tip Hatvan-Boldog (după Rustoiu 2013) şi integrarea descoperirii de la Şimleu-*Observator*.

La modul general, aceste spade sunt datate între ultima parte a secolului IV a. Chr. şi primele decenii ale secolului III a. Chr., interval în care, din perspectiva producerii artefactului, se încadrează şi buterola aflată accidental la Şimleu.

Deşi aproape fiecare buterolă descoperită are uşoare particularităţi, date în principal de caracterul artizanal al producţiei şi de evoluţia spadelor, forma buterolei de la Şimleu îşi găseşte analogii în Transilvania, cea mai apropiată morfologic fiind piesa descoperită la „Silivaş" (fig. 4/1) (Rustoiu 2013, 213). Acestui inventar, atribuit unui războinic celt înmormântat la „Silivaş", i-ar fi aparţinut şi o lamă de spadă păstrată fragmentar împreună cu buterola tecii, precum şi un coif celtic din fier, două vârfuri de lance, o fibulă, un cuţit (*Hiebmesser*), o broşă şi un pumnal curb. Piesele în discuţie provin din fosta colecţie arheologică a contelui Teleki Domokos. Asupra conexiunii inventarului din presupusul mormânt planează o serie de incertitudini cu privire la localitatea din care provine (Silivaş, sat în jud. Alba, sau Silivaş, jud Cluj – azi înglobat în oraşul Gherla, ori chiar posibilitatea ca piesele să fi fost descoperite în alte locuri) şi a conexiunii istorice dintre artefacte[4]. Deşi piesele pot sugera o legătură traco-celtică (asocierea unui pumnal de tip *sica* la acest inventar), singura certitudine rămâne, deocamdată, apartenenţa la spaţiul transilvan a artefactelor.

Alte analogii învecinate, sau mai degrabă variante, provin din siturile celtice de la Gava (Szabó, Petres 1992, 87), Pecica (fig. 4/2) (Dörner 1972, 151; Szabó, Petres 1992, 107, pl. 95), Gâmbaş (fig. 4/3) (Bălan et al. 2015, 143; Anghel 2016, 310-311) sau Pişcolt (fig. 4/4) (Németi 1988, 97). Buterola de la Şimleu face o uşoară notă discordantă cu analogiile identificate, care au toate partea inferioară rotunjită. Artefactul de la Şimleu are această parte frântă într-un unghi uşor arcuit (fig. 3).

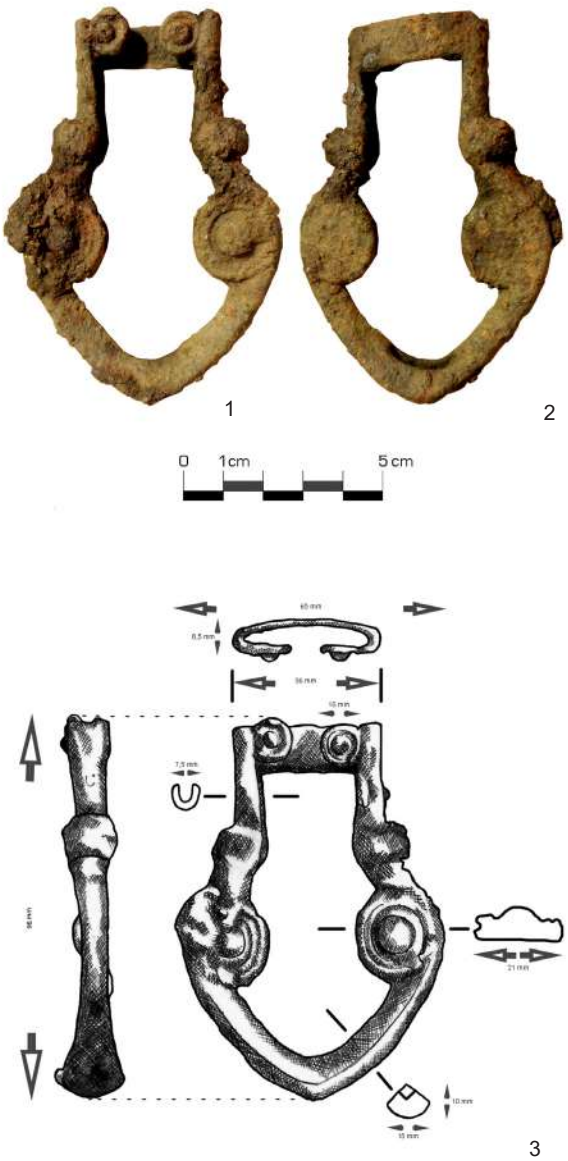


Fig. 3. Buterola tecii de spadă de la Şimleu-*Observator*.

Despre prezenţa acestei buterole celtice în proximitatea fortificaţiei dacice din punctul *Observator*, o zonă cu o prezenţă celtică destul de sporadică, nu putem propune foarte multe scenarii istorice. Contextul fiind unul deranjat artificial şi ulterior stabilizat natural, nu ne rămân decât puţine ipoteze de lucru.

Prima ar fi că buterola a fost efectiv pierdută de către proprietarul armei. Desigur, poziţia secundară în care a fost descoperită nu oferă niciun indiciu clar cu privire la apartenenţa etnoculturală, singura constantă fiind faptul că artefactul a fost un produs al metalurgiei celtice. Zona Şimleului a fost presupusă anterior că n-ar fi fost afectată de comunităţile celtice, mai interesate de zonele de şes decât de cele deluroase (Ferencz, Pop 2017, 180), dar descoperirea unor morminte în apropiere, la Zalău (Ferencz, Pop 2017, 179-

[4] Întreaga evoluţie a autenticităţii, a informaţiilor şi a interpretărilor diverse asupra acestui lot de piese atribuit unitar unui „mormânt celtic" la Rustoiu 2013, 221-216.

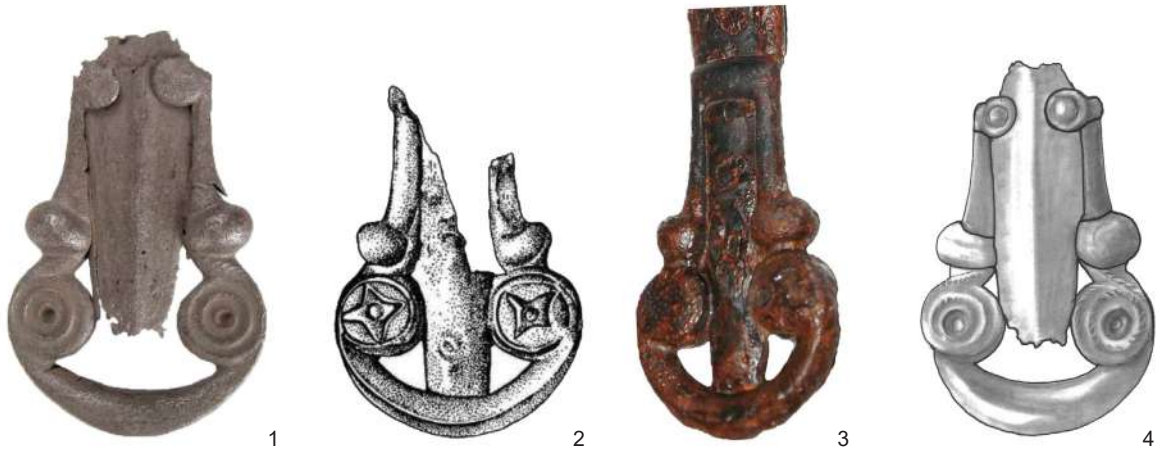


Fig. 4. Analogii: 1 - „Silivaş" (după Rustoiu 2013); 2 - Pecica (după Szabo, Petres 1992); 3 - Gâmbaş (după Anghel 2016); 4 - Pişcolt (redesenare F. Mărcuţi după Németi 1988). Scări diferite.

181), modifică modul în care trebuie să privim mobilitatea elementelor celtice în regiune şi în epocă.

Această nouă perspectivă ne oferă o a doua posibilă explicaţie cu privire la prezenţa armei în acest punct. Astfel, este posibil că spada, cu teaca ei cu tot, a ajuns, într-un fel sau altul, în posesia dacilor şi a fost păstrată o vreme în cadrul comunităţii.

Situl dacic de la Şimleul Silvaniei-*Observator* nu poate fi datat mai timpuriu de a doua jumătate a sec. II a. Chr., dar nici mai târziu de domnia lui Augustus (Pop 2016a). Fibulele descoperite în cercetarea arheologică nu pot data situl decât în intervalul cronologic precizat (Pop 2007; Pop 2008a).

Fără a putea conecta buterola celtică amintită de fortificarea şi locuirea dacică a înălţimii Şimleul Silvaniei-*Observator*, păstrăm totuşi ideea unei posibile interferenţe între cele două populaţii – interferenţe la care putem adăuga şi două probabile vârfuri de spadă, descoperite în acest sit şi aflate acum în proces de restaurare, conservare şi publicare.

Este un motiv în plus să ne punem întrebări cu privire la intensitatea relaţiilor dintre daci şi celţi în depresiunea Şimleului.

Ca de obicei, sperăm ca viitoare cercetări extinse să aducă lămuriri asupra acestui hiat greu de explicat între cele două civilizaţii.

Bibliografie

Anghel 2016: D. Anghel, Tehnici de restaurare a unor spade celtice descoperite la Gâmbaş. Apulum LIII, 2016, 309-340.

Băcueţ et al. 2018: D. Băcueţ-Crişan, S. Băcueţ-Crişan, I. Bejinariu, H. Pop, H. Cociş, D. Deac, 100 de ani de cercetări arheologice în Sălaj (1918-2018) (Cluj-Napoca: Editura Mega-Editura Porolissum 2018).

Bălan et al. 2015: L. Bălan, R. Burlacu-Timofte, R. Ota, T. Muntea, M. Râza, O. Oargă, D. Anghel, Raport preliminar cu privire la săpăturile arheologice întreprinse la Gâmbaş-Sit 2. Apulum LII, 2015, 133-179.

Bejinariu, Pop 1995: I. Bejinariu, H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 89-90.

Bejinariu, Pop 1997: I. Bejinariu, H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei, Cehei-Mesig. In: CCA, Campania 1996 (Bucureşti 1997), 10-11.

Borangic, Ghemiş, Lipot 2022: C. Borangic, C. Ghemiş, Şt. Lipot, Veriga lipsă. Descoperiri Padea-Panagjurski Kolonii din nord-vestul României. Pumnalul de tip sica de la Sighiştel, Bihor. Istros XXVIII, 2022, 35-80.

Chirilă, Matei 1986: E. Chirilă, Al.V. Matei, Tezaurul dacic de la Cehei. ActaMP X, 1986, 95-117.

Dörner 1972: E. Dörner, Urme celtice pe teritoriul arădean. Revista Muzeelor 2 (9), 1972, 149-154.

Dumitraşcu, Căbuz 1971: S. Dumitraşcu, I. Căbuz, Descoperiri arheologice la Şimleul Silvaniei. In: Lucrări Ştiinţifice (Oradea 1971), 25-30.

Ferencz, Pop 2017: I.V. Ferencz, H. Pop, La Tène Mobility in the Şimleu Depression. About a Celtic Grave Found in Zalău. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age Connectivity in the Carpathian Basin (Cluj-Napoca 2018), 175-184.

Fetzer 1886: J.F. Fetzer, A szilágy vármegyei leletekről. Archaeológiai Értesítő XVI, 1896, 61-65.

Fetzer 1899: J.F. Fetzer, Szilágysági leletekről. Archaeológiai Értesítő XIX, 1899, 260-264.

Fetzer 1910: J.F. Fetzer, Szilágysági leletekről. Archaeológiai Értesítő XXX, 1910, 69-71.

Florescu, Miclea 1979: R. Florescu, I. Miclea, Tezaure transilvane la Kunsthistorisches Muzeum din Viena (Bucureşti 1979).

Hársanyi 1908: P. Hársanyi, A szilágysomlyói görög éremlelet. Numizmatikai Közlöny VII, 1908, 113-115.

Kiss, Bernhard-Walcher 1999: A. Kiss, A. Bernhard-Walcher, Szilágysomlyó. A gepida királyok arany kincsei (Budapest 1999).

Matei 1979: Al.V. Matei, Repertoriul de aşezări şi descoperiri dacice pe teritoriul judeţului Sălaj. ActaMP III, 1979, 11-40.

Matei et al. 2006: Al.V. Matei, H. Pop, E. Musca, E. Pripon, I. Bejinariu, Instrumente de iluminat din nord-vestul României. Lighting tools from North-West of Romania. Catalog de expoziţie. Exhibition catalogue (Zalău: Editura Porolissum 2006).

Moga 1950: M. Moga, Traiul populaţiei daco-romane şi barbare la graniţa de vest a Daciei. SCIV 1, 1950, 131-135.

Nemeth, Rustoiu, Pop 2005: E. Nemeth, A. Rustoiu, H. Pop, Limes Dacicus Occidentalis. Die Befestigungenim Westen Dakiens vor und nach der römischen Eroberung (eds. N. Gudea, C. Cosma, A. Rustoiu) (Cluj-Napoca: Editura Mega 2005).

Németi 1988: I. Németi, Necropola Laténe de la Pişcolt, jud. Satu Mare. I. Thraco-Dacica 9, 1988, 75-114.

Petres, Szabo 1986: É.F. Petres, M. Szabo, Notes on the so-called Hatvan-Boldog type scabbards. Revue Aquitania, Supll. 1, 1986, 257-272.

Pop 1990: H. Pop, Observaţii de topografie arheologică la Şimleul Silvaniei. Symposia Thracologica, 8 (Satu Mare - Carei 1990), 182-183.

Pop 1992: H. Pop, Observaţii de topografie arheologică la Şimleul Silvaniei. Aşezarea civilă dacică. ActaMP XVI, 1992, 129-138.

Pop 1993: H. Pop, Contribuţii metodologice privind cercetarea spiritualităţii dacice reflectate în descoperirile arheologice. ActaMP 17, 1993, 91-105.

Pop 1995: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Castel Bathory. In: CCA, Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 88-89.

Pop 1998: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 1997 (Călăraşi 1998), 76.

Pop 1999: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei, str. M. Eminescu 12. In: CCA, Campania 1998 (Vaslui 1999), 116.

Pop 1999a: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei, str. A. Mureşanu 32. In: CCA, Campania 1998 (Vaslui 1999), 117.

Pop 2001: H. Pop, Depresiunea Şimleului în antichitatea dacică. Alma Mater Porolissensis II, 5, 2001, 14-18.

Pop 2002: H. Pop, Cercetări arheologice la Şimleul Silvaniei. Silvania I, 3, 2002, 103-106.

Pop 2002a: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. Campania 2002. Silvania I, 4, 2002, 122-123.

Pop 2002b: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. Campania 2002. In: Şantiere arheologice ale anilor 2001-2002 (pliant de expoziţie) (Zalău 2002), 16-17.

Pop 2003: H. Pop, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. Campania 2002. Silvania II, 3-4, 2003, 130-135.

Pop 2003a: H. Pop, Şantierul de cercetare arheologică preventivă Şimleul Silvaniei - strada George Barițiu nr. 8. Campania 2002. Silvania II, 3-4, 2003, 129-130.

Pop 2006: H. Pop, Fortificaţiile dacice din vestul şi nord-vestul României (Cluj-Napoca: Editura Mega 2006).

Pop 2007: H. Pop, Fibule romane în mediul dacic din Depresiunea Şimleului. In: Studia in honorem Florea Costea (Braşov: Editura C2 Design 2007), 198-207.

Pop 2008: H. Pop, Argintul dacic sălăjean (Cluj-Napoca: Editura Mega 2008).

Pop 2008a: H. Pop, Roman Fibulae in the Dacian Environment from the Depression of Şimleu, în Dacian Studies. Contributions for La Tène Period Researches. In: (Ed. H. Pop) In memoriam Dr. Mircea Rusu (Cluj-Napoca: Editura Mega 2008), 127-139.

Pop 2009: H. Pop, Aşezări dacice din vestul şi nord-vestul României (sec. II î.Chr.-I d.Chr.) - cu specială privire la Depresiunea Şimleului (Cluj-Napoca: Editura Mega 2009).

Pop 2011: H. Pop, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA, Campania 2010 (Sibiu 2011), 134-136.

Pop 2012: H. Pop, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA, Campania 2011 (Bucureşti: Institutul Naţional al Patrimoniului 2012), 136-138.

Pop 2016: H. Pop, Istoria de sub pământ - patrimoniul arheologic. Comorile dacilor din sec. II î. Chr. - I d. Chr. In: Noi despre noi. Elemente reprezentative ale patrimoniului cultural sălăjean (Cluj-Napoca : Editura Mega 2016).

Pop 2016a: H. Pop, Fortificaţii dacice din nord-vestul României-Şimleul Silvaniei-Observator. In: Conferinţă „Fortificaţiile din epoca fierului în spaţiul tiso-nistrean", 14-16 iulie, 2016, Saharna.

Pop 2018: H. Pop, Verigi dacice cu noduri, descoperite în Depresiunea Şimleului, jud. Sălaj. In: (Ed. S. Forţiu) Arheovest VI/1. Interdisciplinaritate în arheologie. In Memoriam Marian Gumă (1951-1998), vol. I (Szeged: JATEPressKiadó 2018), 323-332.

Pop, Bejinariu 1995: H. Pop, I. Bejinariu, Traci şi daci la Şimleul Silvaniei (pliant de expoziţie) (Zalău 1995).

Pop, Bejinariu 1996: H. Pop, I. Bejinariu, The Dacian and Preistoric Fortresses and Dwellings from the Knoll of Şimleu, (Simleu Silvaniei, Sălaj County). In: The Thracian World at the Crossroads of Civilisations (Bucureşti 1996), 323-325.

Pop, Bejinariu 1996a: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: Situri arheologice cercetate în perioada 1983-1992 (Brăila 1996), 110-111.

Pop, Bejinariu 1996b: H. Pop, I. Bejinariu, Şimleul Silvaniei - dep. de Salaj, lieu-dit Observator (1994). In: Bulletin de Thracologie, III (Mangalia 1996), 40.

Pop, Bejinariu 1997: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 1996 (Bucureşti 1997), 60-61.

Pop, Bejinariu 1997a: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 1996 (Bucureşti 1997), 61.

Pop, Bejinariu 1997b: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Centru. In: CCA, Campania 1996 (Bucureşti 1997), 61.

Pop, Bejinariu 1998: H. Pop, I. Bejinariu, The Dacian and Preistoric Fortresses and Dwellings Măgura Şimleului (Şimleu Silvaniei, Sălaj District). In: The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Proceedings of 7th International Congress of Thracology (Bucureşti 1998), 623-627.

Pop, Bejinariu 1999: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 1998 (Vaslui 1999), 115-116.

Pop, Bejinariu 1999a: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 1998 (Vaslui 1999), 117-118.

Pop, Bejinariu 2000: H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. Fortificaţiile şi aşezările preistorice şi dacice (pliant promoţional) (Zalău 2000).

Pop, Bejinariu, Culic 2010: H. Pop, I. Bejinariu, D. Culic, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA. Campania 2009 (Bucureşti 2010), 178-180.

Pop, Bejinariu, Pupeză 2004: H. Pop, I. Bejinariu, P. Pupeză, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 2003 (Cluj-Napoca 2004), 332-335.

Pop et al. 2000: H. Pop, I. Bejinariu, D. Băcueţ-Crişan, S. Băcueţ-Crişan, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 1999 (Deva 2000), 102-103.

Pop et al. 2001: H. Pop, I. Bejinariu, D. Băcueţ-Crişan, S. Băcueţ-Crişan, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 2000 (Suceava 2001), 243-245.

Pop et al. 2002: H. Pop, I. Bejinariu, D. Băcueţ-Crişan, S. Băcueţ-Crişan, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Observator. In: CCA, Campania 2001 (Buziaş 2002), 304-306.

Pop et al. 2004: H. Pop, Zs. Csok, D. Culic, M. Ardelean, R. Bârjac, E. Morar, Z. Szabo, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 2003 (Cluj-Napoca 2004), 335-336.

Pop et al. 2006: H. Pop, I. Bejinariu, S. Băcueţ-Crişan, D. Băcueţ-Crişan, D. Sana, Zs. Csok, Şimleul Silvaniei. Monografie arheologică. Istoricul cercetărilor (Cluj-Napoca 2006).

Pop et al. 2007: H. Pop, I. Bejinariu, S. Băcueţ-Crişan, E. Pripon, D. Sana, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA, Campania 2006 (Tulcea 2007), 358-361, 508-511.

Pop et al. 2009: H. Pop, D. Sana, I. Marchiş, D. Culic, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA, Campania 2008 (Târgovişte 2009), 210-211.

Pop et al. 2016: H. Pop, I. Bejinariu, Dan-Avram Băcueţ-Crişan, D. Deac, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Observator. In: CCA, Campania 2015 (Bucureşti: Institutul Naţional al Patrimoniului 2016), 184-185.

Pop, Csók 2014: H. Pop, Zs. Csók, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Cetate. In: CCA, Campania 2013 (Bucureşti: Institutul Naţional al Patrimoniului 2014), 128-129, 425-426.

Pop, Csók 2015: H. Pop, Zs. Csók, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Cetate. In: CCA, Campania 2014 (Bucureşti: Institutul Naţional al Patrimoniului 2015), 127-130, 247, 430.

Pop, Găzdac 1999: H. Pop, C. Găzdac, The Roman Hoard from Şimleu Silvaniei. ActaMN 36/I, 1999, 169-187.

Pop, Marchiş, Ardeleanu 2009: H. Pop, I. Marchiş, M. Ardeleanu, Şimleul Silvaniei, jud. Sălaj. Punct Cetate. In: CCA, Campania 2008 (Târgovişte 2009), 212.

Roska 1942: M. Roska, Erdély Régészeti Repertóriuma. Őskor (Kolozsvár 1942).

Rustoiu 2013: A. Rustoiu, Wandering Warriors. The Celtic Grave from "Silivaş" (Transylvania) and its History. Terra Sebus 5, 2013, 211-226.

Rustoiu et al. 2002: A. Rustoiu, H. Pop, A. Ursuţiu, F. Gogâltan, A. Gudea, Habitat und Gesellschaft in Westen und Nordwesten Rumaniens von Ende des 2. Jahrtausends v. Chr. zum anfang des 1. Jahrtausends n. Chr. (11. Jh. v. Chr - 2. Jh. n. Chr.) (Cluj-Napoca: Editura Napoca Star 2002).

Rusu, Pop, Bejinariu 1994: M. Rusu, H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 1993 (Satu Mare 1994), 64.

Rusu, Pop, Bejinariu 1995: M. Rusu, H. Pop, I. Bejinariu, Şantierul arheologic Şimleul Silvaniei-Cetate. In: CCA, Campania 1994 (Cluj Napoca 1995), 87-88.

Rusu, Pop, Bejinariu 1996: M. Rusu, H. Pop, I. Bejinariu, Şimleul Silvaniei-dep. de Salaj, lieu-dit Cetate (1993-1994). Bulletin de Thracologie, III (Mangalia 1996), 39-40.

Săşianu 1980: A. Săşianu, Moneda antică în vestul şi nord-vestul României / Ancient coinage in western and north-western Romania (Oradea 1980).

Szabo, Petres 1992: M. Szabo, É.F. Petres, Decorated Weapons of the La Tène Iron Age in the Carpathian Basin (Budapest 1992).

Szekely 1951: Z. Szekely, Materiale din campania de săpături arheologice din 1949 (Bucureşti 1951).

Winkler 1981-1982: I. Winkler, Consideraţii asupra pătrunderii emisiunilor illyriene în nord-vestul Daciei. Studii şi Comunicări Satu Mare 5-6, 1981-1982, 93-118.

Possible interrelations between Celts and Dacians in the Şimleu Depression. A chape of the scabbard of a Celtic sword, found in Şimleu Silvaniei-*Observator*, Sălaj County

Keywords: Celtic sword, chape, Şimleu Silvaniei-*Observator*, Celts, Dacians.

Abstract: This article is about a chape of the scabbard of a Celtic type sword, accidentally found at the Observator site in Şimleu Silvaniei. This object complements other Celtic artifacts found in the region that may indicate Celtic-Dacian connections. The mentioned archaeological site is known for the abundance of materials characteristic of the Dacian era, and the chape of clearly Celtic nature is a discordant note. The artefact was part of a sword scabbard, which enclosed its end. It is a variant of the decoration belonging to the Hatvan-Boldog (Kosd) type. Based on analogies, the find can be dated to the last half of the 4th century BC and the first decades of the 3rd century BC. Without being able to connect the Celtic chape discovered here with the Dacian fortifications, we still believe that the relationships between the Celts and the Dacians were possible.

List of illustrations:

Fig. 1. The distribution of the archaeological finds attributed to the Dacians in the Sălaj County: 1 - mid-4th century BC to the 3rd century BC; 2 - mid-2nd century BC to the 1st century AD.

Fig. 2. 1 - Location of the find; 2 - distribution of Celtic swords of the Hatvan-Boldog type (after Rustoiu 2013) indicating the Şimleu-*Observator* find.

Fig. 3. The scabbard chape from Şimleu-*Observator*.

Fig. 4. Analogies: 1 - "Silivaş" (after Rustoiu 2013); 2 - Pecica (after Szabó, Petres 1992); 3 - Gâmbaş (after Anghel 2016); 4 - Pişcolt (redrawn by F. Mărcuţi after Németi 1988).

Возможные взаимосвязи кельтов и даков в низине Шимлеу. Бутероль от ножен кельтского меча, обнаруженная в Шимлеу-Силванией «Обсерватор», жудец Сэлаж

Ключевые слова: кельтский меч, бутероль, Шимлеу-Силванией «Обсерватор», кельты, даки.

Резюме: Статья посвящена бутероли от ножен меча кельтского типа, случайно обнаруженной в Шимлеу-Силванией на памятнике «Обсерватор». Этот предмет дополняет обнаруженные в этом регионе другие кельтские артефакты, которые могут указывать на кельто-дакийские связи. Упомянутый археологический памятник известен богатством материалов, характерных для эпохи даков, и бутероль явно кельтского происхождения вносит здесь некоторый диссонанс. Предмет был частью ножен меча – их наконечником. Он

является вариантом декора, относящегося к типу Хатван-Больдог (Косд). На основании аналогий находку можно отнести к периоду последней половины IV в. и первых десятилетий III в. до н.э.

Мы не можем связать обнаруженную здесь кельтскую бутероль с дакийскими укреплениями, но все же полагаем возможными взаимосвязи между кельтами и даками.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Дакийские археологические находки в жудеце Сэлаж: 1 - середина 4 в. до н.э. - 3 в. до н.э.; 2 - середина 2 в до н.э. - 1 в. н. э.

Рис. 2. 1 - Место находки; 2 - распространение кельтских мечей типа Хатван-Больдог (по Rustoiu 2013) с указанием находки в Шимлеу «Обсерватор».

Рис. 3. Бутероль из Шимлеу «Обсерватор».

Рис. 4. Аналогии: 1 - «Силиваш» (по Rustoiu 2013); 2 - Печка (по Szabó, Petres 1992); 3 - Гымбаш (по Anghel 2016); 4 - Пишколт (рисунок Ф. Мэркуць по Németi 1988).

03.05.2023

Dr. Horea Pop, Muzeul Judeţean de Istorie şi Artă, Zalău, România, e-mail: horeapopd@yahoo.com

Dr. Cătălin Borangic, Asociaţia Culturală Enciclopedia Dacica, Alba Iulia, România, https://orcid.org/0000-0001-9716-4199, e-mail: borangic@enciclopedia-dacica.ro

OBSERVAȚII CU PRIVIRE LA „COSTUMUL” COMUNITĂȚILOR DIN SILVOSTEPA EST-CARPATICĂ ÎN EPOCA PREROMANĂ RECENTĂ A FIERULUI (în baza studiului necropolei de la Boroseşti)[1]

Vasile Iarmulschi

In memoriam Prof. M. Babeş
(13.12.1941-26.04.2023)

Cuvinte-cheie: silvostepa carpato-nistreană, epoca preromană recentă a fierului, necropola de la Boroseşti, mormânt, „costum”.

Este cunoscut faptul că la sfârşitul sec. III a. Chr., ca urmare a unor transformări de ordin economic, politic şi, foarte probabil, etnic, în silvostepa carpato-nistreană s-a constituit un fenomen nou, cunoscut în literatura de specialitate drept cultura Poieneşti-Lucaşeuca (fig. 1) (Babeş 1993; Babeş, Iarmulschi 2020; Iarmulschi 2020).

Cu toate că respectivul fenomen cultural este cunoscut mai bine de şapte decenii, principalele probleme ale acestei culturi, cum ar fi cronologia şi periodizarea ei, originea descoperirilor, structura socială a acestor comunităţi umane, „relaţiile” cu alte entităţi culturale, încă se discută intens în literatura de specialitate (Babeş 1993; Munteanu 2004; Iarmulschi 2016; Meyer et al. 2018; Munteanu, Iarmulschi 2017; Babeş, Iarmulschi 2020; Iarmulschi 2020).

În rândurile ce urmează dorim să discutăm un subiect care, din păcate, a beneficiat, până la moment, de puţină atenţie din partea cercetătorilor. Avem în vedere aici problema „costumului”[1] acestor comunităţi umane. Punctul de pornire al discuţiei noastre îl vor reprezenta descoperirile din necropola de la Boroseşti (Babeş 1993, 184-192; Babeş, Iarmulschi 2020, 25-65). Înainte de a analiza aceste aspecte, considerăm necesar însă să punctăm câteva linii generale cu privire la „costum”.

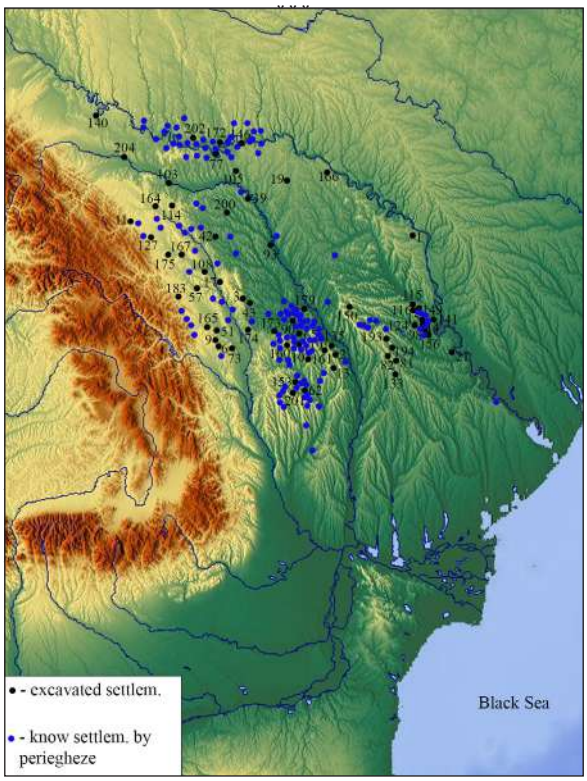


Fig. 1. Răspândirea aşezărilor de tip Poieneşti-Lucaşeuca (după Iarmulschi 2020).

Aşa cum s-a menţionat (Cociş 2004, 7; Eger 2012, 15), obiectele ce constituie „costumul” au fost supuse unei varietăţi de schimbări de modă de-a lungul timpului, afectând atât forma, cât şi decorul. Pe de o parte, acest lucru trebuie luat în considerare în cadrul întrebărilor cronologice; pe de altă parte, informaţiile privind distribuţia şi cantitatea permit, de asemenea, indicaţii privind reţelele supraregionale sau chiar evoluţiile

[1] În acest articol, pentru a răspunde unei cerinţe a cercetării contemporane în domeniul vestimentaţiei, accesoriile vestimentare şi piesele de podoabă urmează a fi înlocuite cu termenul de „costum/îmbrăcăminte”. Cu privire la această problemă, a se vedea: Heynowski 1992; Quast 2005; Brather 2007; Brather 2008; von Rummel 2007; Eger 2012.

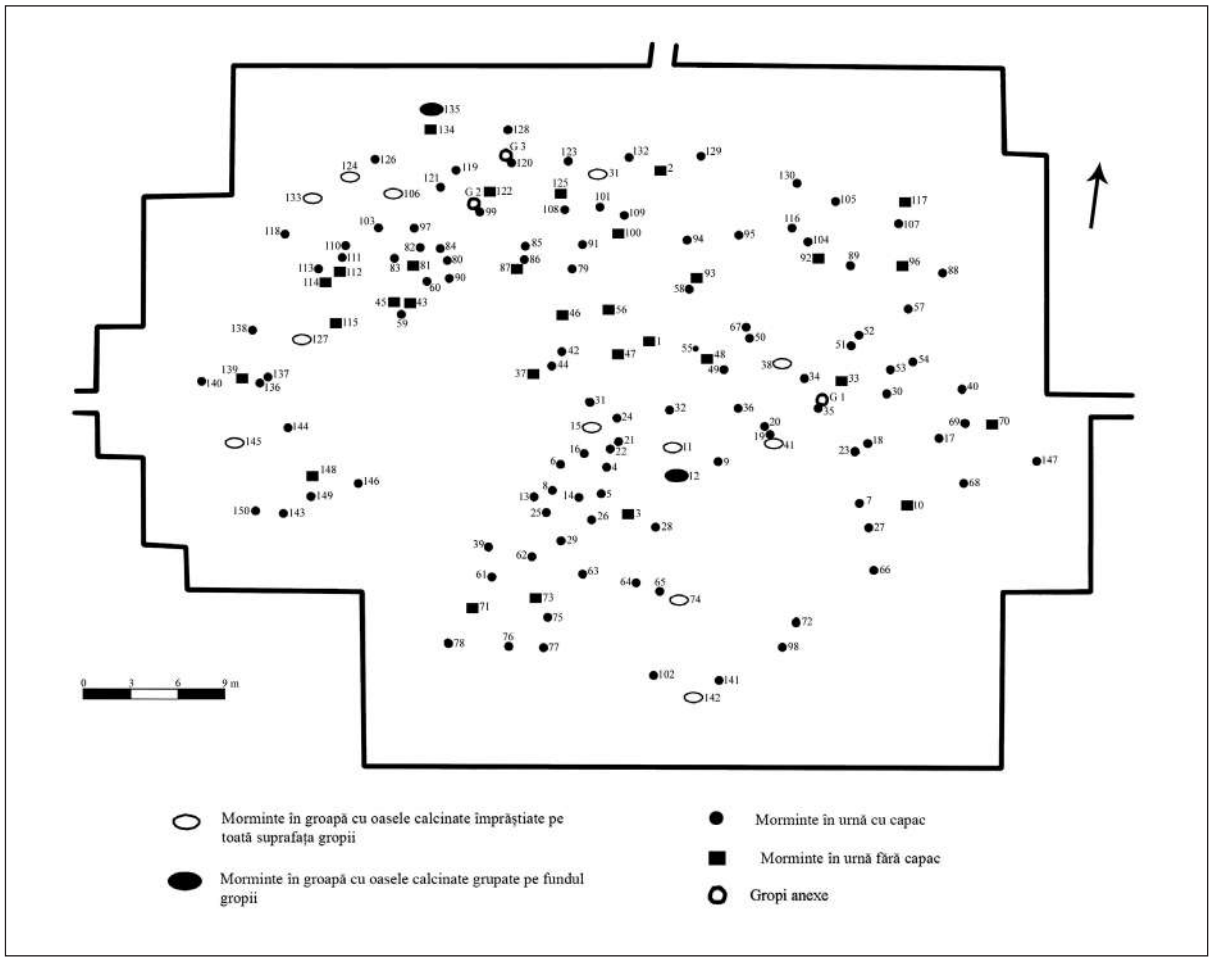

Morminte în groapă cu oasele calcinate împrăştiate pe toată suprafaţa gropii
Morminte în groapă cu oasele calcinate grupate pe fundul gropii
Morminte în urnă cu capac
Morminte în urnă fără capac
Gropi anexe
0 3 6 9 m

Fig. 2. Planul general al necropolei de la Boroseşti (după Babeş, Iarmulschi 2020).

regionale. Cu alte cuvinte, pe baza evaluării „costumului", fenomene precum regionalizarea meşteşugurilor, mobilitatea şi conectivitatea devin mai clare.

***

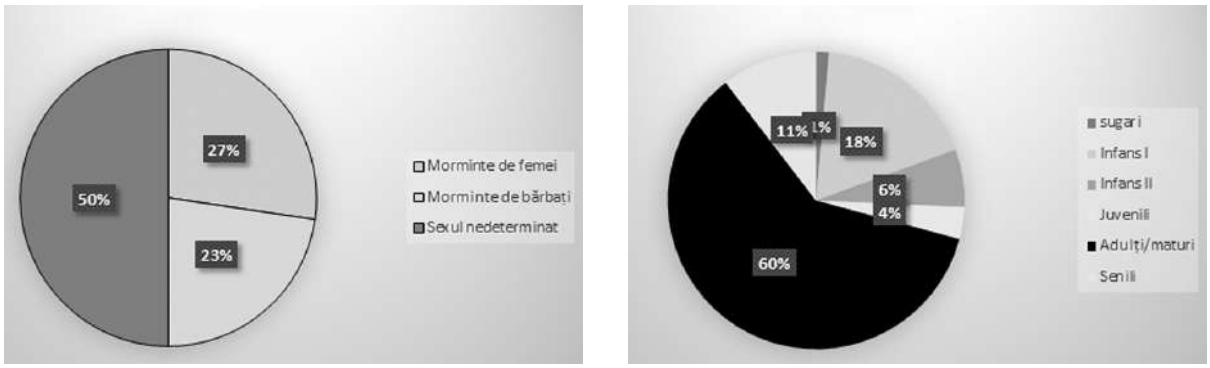
Necropola de la Boroseşti a fost cercetată pe parcursul a şase campanii arheologice de către regretatul profesor M. Babeş (1972-1974, 1976-1978). În urma acestor investigaţii, a fost dezvelită o suprafaţă de 2550 m.p., care a permis identificarea a 150 de morminte de incineraţie (Babeş 1993, 32; Babeş, Iarmulschi 2020, 14) (fig. 2). În perioada anilor 1974, 1976-1978, la cercetările date a participat şi N. Miriţoiu, care este autorul expertizei antropologice[2] (Babeş 1993, 38; Babeş, Iarmulschi 2020, 14).

În urma analizei antropologice, s-a stabilit că din cele 150 de morminte descoperite, 41 au aparţinut unor decedaţi de gen feminin, 34 – unor bărbaţi, iar în 75 de cazuri nu s-a putut stabili sexul defunctului (fig. 3/1) (Babeş, Iarmulschi 2020, 80). Cât priveşte distribuirea pe vârste, trebuie să menţionăm că ele se repartizează astfel: 2 sugari (0-1 an); 26 infans I (1-5 ani); 9 infans II (6-12 ani); 5 juvenili (13-19 ani); 93 adulţi/maturi (20-60 ani); 15 senili (> 60 ani) (fig. 3/2).

De menţionat că în 64 de structuri funerare – ceea ce reprezintă 42,67% din numărul total de morminte – nu a fost descoperit inventar funerar[3]

[2] Precizăm că analiza antropologică realizată de N. Miriţoiu a fost efectuată încă în anii '80 ai secolului trecut. Având în vedere că ştiinţa a evoluat mult în ultimele patru decenii, considerăm că se impune o nouă cercetare antropologică a oaselor calcinate, descoperite în situl dat.

[3] Inventarul funerar, după cum s-a mai precizat în literatura de specialitate (Schultze 1992, 207), reprezintă suma totală a tuturor obiectelor găsite sau documentate într-un mormânt. Acestea pot include atât obiecte personale, cât şi bunuri funerare ce au fost adăugate în mormânt ca dar sau sacrificiu funerar. Precizăm că în tabel nu au fost introduse mormintele ce conţineau drept inventar funerar doar vase sau fragmente ceramice. Această categorie a inventarului, din punctul nostru de vedere, nu ajută cu nimic la identificarea identităţilor, ca să nu mai amintim de „costum".



1 2

Fig. 3. Distribuţia procentuală a mormintelor. 1 - Distribuţia procentuală a mormintelor de femei, de bărbaţi şi ale celor nedeterminate antropologic; 2 - distribuţia procentuală a mormintelor în funcţie de vârsta defunctului.

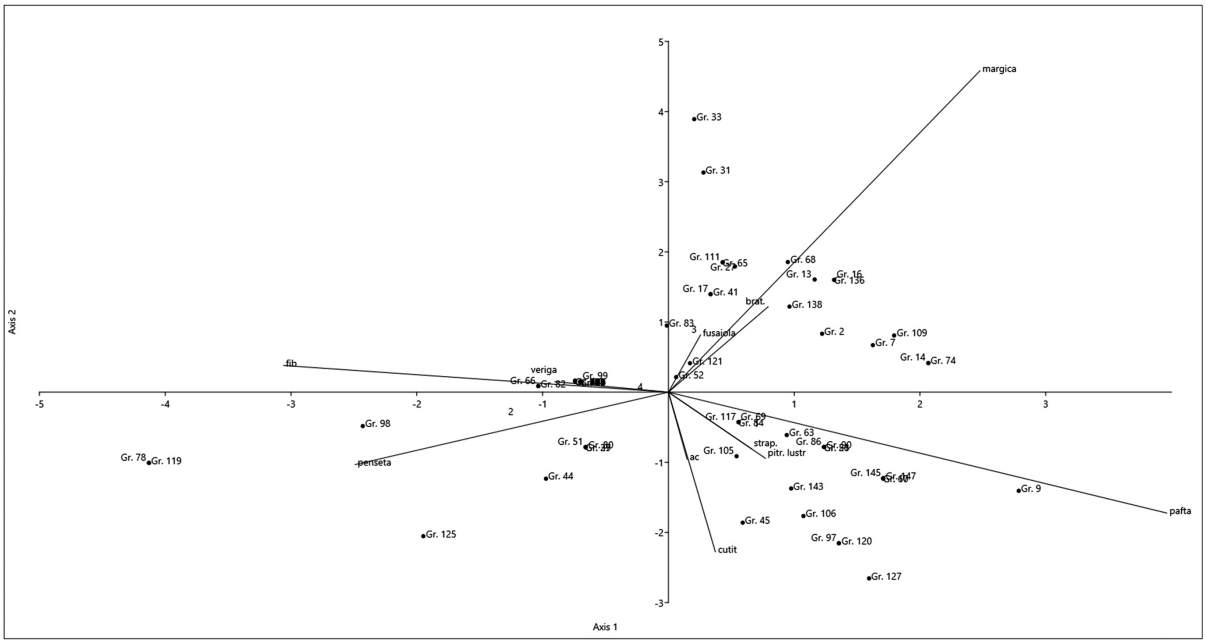


Fig. 4. Analiza liniară discriminantă.

(Babeş, Iarmulschi 2020, 131). În continuare, utilizând posibilităţile metodelor statistico-matematice, vom încerca să aducem câteva precizări referitoare la „costumul" şi identităţile comunităţii umane de la Borosești.

Ţinem să precizăm că, în vederea analizei şi identificării acestora, am utilizat programul Past-Paleonthological Statistics[4]. În acest sens, în program au fost introduse următoarele date: sexul/genderul defunctului (în cazul în care acesta nu a putut fi stabilit antropologic, am delimitat 2 grupe: maturi/senili şi copii) şi inventarul funerar. De notat că în analiza statistică au fost utilizate doar mormintele ce conţineau inventar funerar. Aşadar, în program au putut fi introduse 83 de structuri funerare.

O primă întrebare la care am căutat să răspundem ţine de identificarea caracteristicilor mormintelor de femei (grup 1), ale mormintelor de bărbaţi (grup 2), ale mormintelor de copii (grup 3) precum şi atribuirea pe sex/gender a structurilor funerare al căror sex nu a putut fi stabilit în urma analizei antropologice (grup 4).

Modul în care grupurile cunoscute *a priori* diferă într-o varietate de caracteristici, poate fi investigat

[4] https://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm

			Chi squared
Rows, columns:	2, 2	**Degrees freedom:**	1
Chi2:	13,14	***p* (no assoc.):**	0,00028899
Monte Carlo *p*:	0,0004		
			Fisher´s exact
***p* (no assoc.):**	0,00014712		

Fig. 5. Analiza *Chi quadrat* şi testul exact după Fischer.

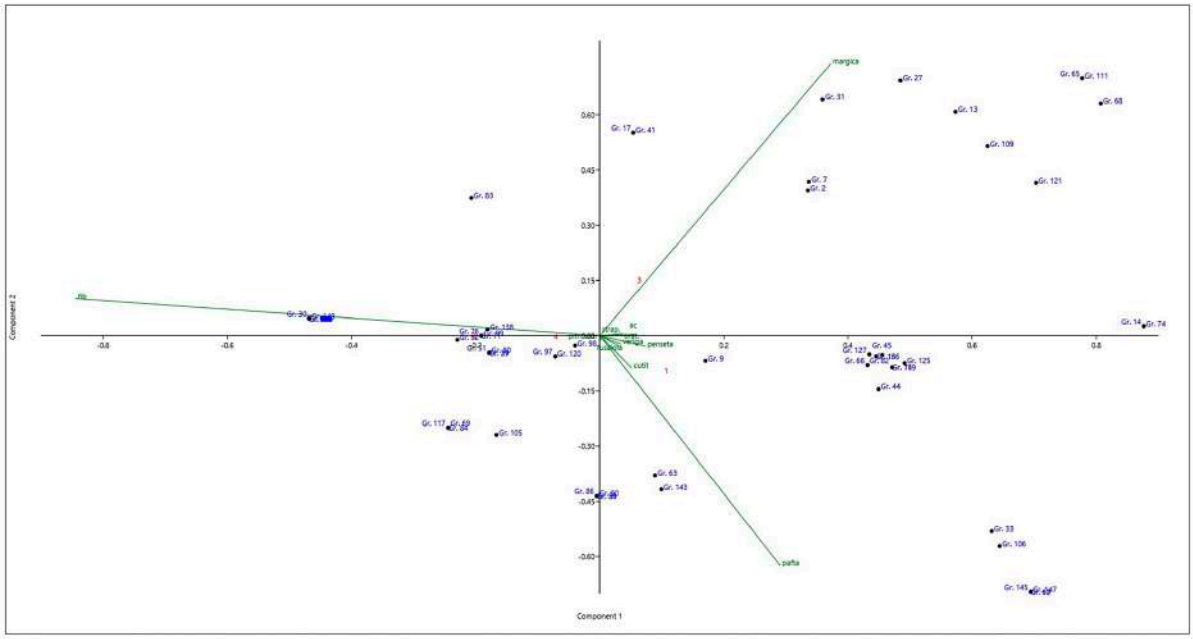


Fig. 6. Analiza componentelor principale.

cu ajutorul aşa-numitei analize liniare discriminante (în engleză *Liniar Discriminant Analysis*) (Baxter 1994, 85; Carlson 2017, 249-250). Ca urmare, efectele diferenţelor de grup asupra unei varietăţi de caracteristici, cum ar fi „costumul/ îmbrăcămintea", pot fi identificate în mod clar.

Astfel, după cum se observă din figura 4, grupul 1, respectiv mormintele ce aparţin unor decedaţi de gen feminin, include structurile funerare în care s-au găsit ace, străpungătoare, pietre pentru lustruirea ceramicii. Totodată, mormintele în care s-au descoperit două sau trei fibule, precum şi paftale, cel mai probabil, de asemenea, sunt morminte de femei. Că structurile funerare în care s-au identificat paftale trebuie atribuite aproape exclusiv unor decedaţi de gen feminin a fost probat şi prin *Chi test quadrat* şi testul exact după Fischer[5] (fig. 5).

Grupului 2, respectiv mormintelor ce aparţin unor decedaţi de sex masculin, trebuie atribuite structurile funerare în care s-au descoperit pensete (fig. 4).

Mormintele de copii (grupul 3) reprezintă structurile funerare în care s-au descoperit cele mai multe mărgele, precum şi brăţări. Menţionăm că asemenea piese s-au identificat – ce-i drept, mai rar – şi în morminte de femei. La fel, precizăm că din cele trei structuri funerare în care s-au găsit fusaiole,

[5] Despre aceste metode vezi: Carlson 2017; Siegmund 2020.

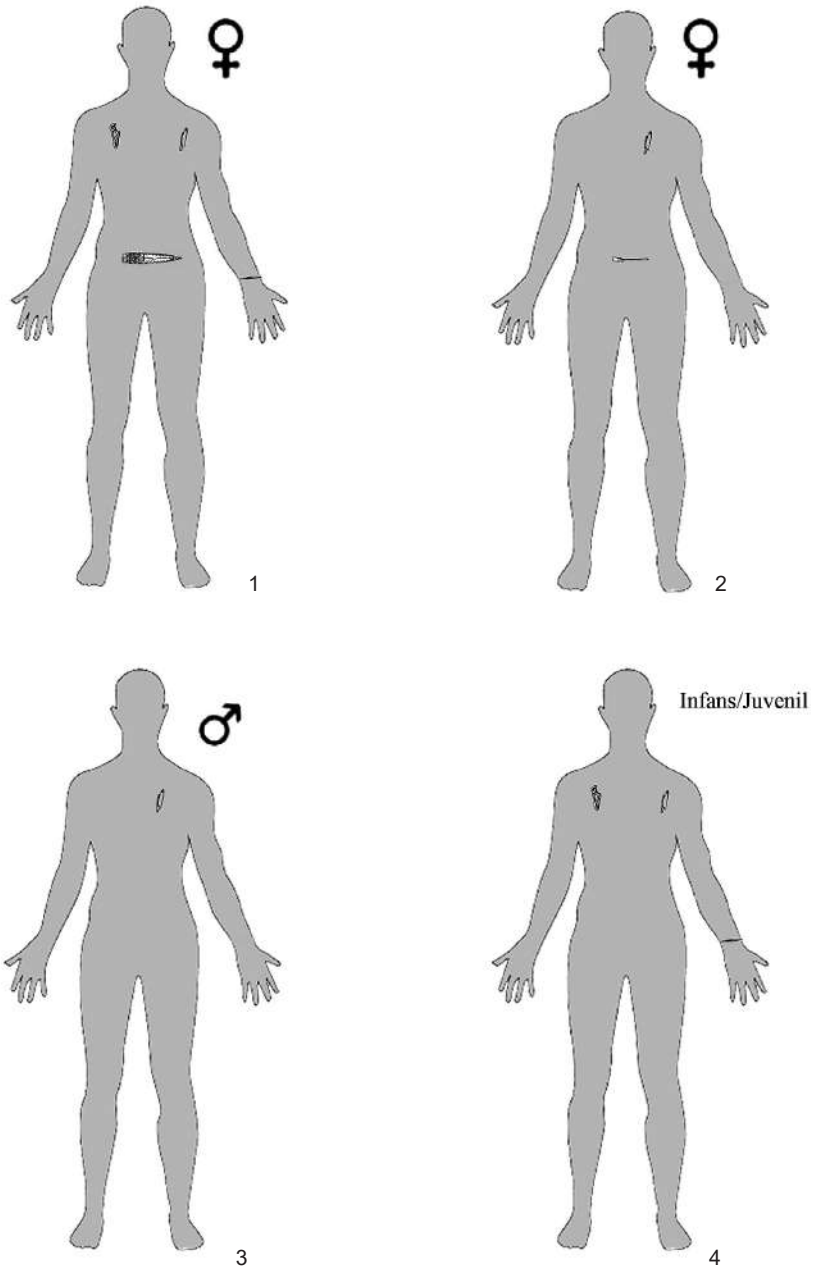


Fig. 7. Reprezentarea schematică a „costumului". 1, 2 - Reprezentarea schematică a „costumului" feminin; 3 - reprezentarea schematică a „costumului" bărbătesc; 4 - reprezentarea schematică a „costumului" copilului.

2 sunt morminte de copii (M. 31 şi 33), iar o structură funerară (M. 9) este una de femeie (fig. 4).

Grupul 4 include mormintele a căror atribuire nu a putut fi stabilită antropologic şi cărora le sunt caracteristice, în primul rând, verigile. De asemenea, în unele din aceste structuri funerare s-au găsit câte o fibulă şi/sau cuţit.

O altă metodă, care, de asemenea, poate ajuta la diferenţierea pe sex/gender şi vârstă a mormintelor o constituie analiza componentelor principale (în engleză *Principal Components Analysis*). După cum s-a precizat în literatură (Carlson 2017, 265), metoda respectivă caută o modalitate de simplificare a datelor dimensionale.

La figura 6 se observă că rezultatele acestei analize sunt foarte asemănătoare celor obţinute în urma analizei liniare discriminante. Astfel, cea mai mare diferenţiere pe sex/gender şi vârstă a defuncţilor se observă în baza următoarelor piese de inventar – paftale, pensete, străpungătoare, mărgele şi fusaiole. Un rol mai mic în această identificare îl joacă fibulele şi brăţările.

Judecând după cele menţionate, credem că „costumul" feminin era constituit dintr-o fibulă sau mai multe (maximum 3), o pafta şi, eventual, o brăţară şi câteva mărgele (fig. 7/1, 2). Pentru că în aceste morminte, mărgelele apar într-un număr destul de restrâns, presupunem că ele, mai curând, sunt cusute pe haina femeii, decât făceau parte dintr-un colier.

Referitor la „costumul" bărbătesc, acesta era format, de cele mai multe ori, dintr-o fibulă (fig. 7/3). Uneori, probabil, era purtată o pensetă, un cuţit şi o verigă. Nu excludem că unele verigi descoperite în morminte de bărbaţi au servit drept inele de buclă.

Cu privire la „costumul" copiilor, menţionăm că acesta, foarte probabil, era format dintr-o singură sau două fibule, o brăţară şi mărgele (fig. 7/4). De cele mai multe ori însă, mărgelele erau cusute de haină. Doar copilul (M. 13 – Infans II), probabil, a purtat o brăţară confecţionată dintr-un şir din 11 mărgele (Babeş, Iarmulschi 2020, 28-29, pl. 11).

În concluzie, dorim să subliniem că studiul cu privire la „costumul" comunităţilor menţionate poate aduce noi informaţii interesante cu privire la regionalizarea meşteşugurilor, mobilitatea şi conectivitatea în epoca preromană recentă a fierului în Europa de Sud-Est. Acest subiect urmează să fie extins şi discutat într-un alt demers.

Bibliografie

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş, Iarmulschi 2020: M. Babeş, V. Iarmulschi, Aşezarea şi necropola de tip Poienești-Lucaşeuca de la Boroseşti (Chişinău 2020).

Baxter 1994: M.J. Baxter, Explotary Multivariate Analysis in Archaeology (Edinburgh 1994).

Brather 2004: S. Brather, Kleidung und Identitäten im Grab. Gruppierungen innerhalb der Bevölkerung Pleidelsheims zur Merowingerzeit. Zeitschr. Arch. Mittelalter 32, 2004, 1-58.

Brather 2007: S. Brather, Von der „Tracht" zur „Kleidung". Neue Fragestellungen und Konzepte in der Archäologie des Mittelalters. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 35, 2007, 185-206.

Brather 2008: S. Brather, Kleidung, Bestattung, Identität. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter. In: (Hrsg. S. Brather), Zwischen Spätantike und Frühmittelalter, RGA 57 (Berlin, New York 2008), 237-273.

Carlson 2017: D.-L. Carlson, Quantitative Methods in Archeology using R (Cambrige 2017).

Cociş 2004: S. Cociş, Fibule din Dacia romană (Cluj-Napoca 2004).

Eger 2012: Chr. Eger, Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrika. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit (Wiesbaden 2012).

Heynowski 1992: R. Heynowski, Eisenzeitlicher Trachtschmuck der Mittelgebirgzone zwischen Rhein und Thüringer Becken (Mainz 1992).

Iarmulschi 2016: V. Iarmulschi, A few consideration regarding the chronology of the Poienești-Lucaşeuca culture. Prähistorische Zeitschrift 91, 2016, 471-494.

Iarmulschi 2020: V. Iarmulschi, The Settlements of the Poienești-Lucaşeuca Culture. Archaeological study of settlements in the Carpathian-Dniester region from the end of the 3rd to the 1st century BC (Rahden/Westf. 2020).

Meyer et al. 2018: M. Meyer, O. Munteanu, V. Iarmulschi, T. Schatte, Prospecţiuni geomagnetice şi sondaje arheologice în aşezarea de tip Poienești-Lucaşeuca de la Ivancea-Sub Pădure. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ, S.-A. Ailinicăi, A. Ţârlea), Cercetări interdisciplinare în siturile de epoca fierului din spaţiul tiso-nistrean (Tulcea-Chişinău 2018), 147-179.

Munteanu 2004: O. Munteanu, Lanţul slăbiciunilor sau unde au dispărut geţii. In: (Eds. T. Arnăutu, O. Munteanu, S. Musteaţă), Studia in honorem Gh. Postică (Chişinău 2004), 141-152.

Munteanu, Iarmulschi 2017: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Pottery from the Poieneşti–Lucaşeuca culture settlement of Orheiul Vechi, Republic of Moldova. In: (Hrsg. A. Michałowski, M. Teska, P. Niedzielski, M. Żółkiewski), Settlements Pottery of the Pre-Roman Iron Age in Central European Barbaricum – new research perspectives (Poznań 2017), 67-93.

Quast 2005: D. Quast, Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. Jahrb. RGZM 52, 2005, 237-315.

Schultze 1992: Zu den Grab- und Bestattungssitten in Mitteleuropa während der ersten Jahrhunderte n. Chr. Prähistorische Zeitschrift 67, 1992, 201-219.

Siegmund 2020: F. Siegmund, Statistik in der Archäologie: eine anwendungsorientierte Einführung auf Basis freier Software (Freiburg 2020).

von Rummel 2007: Ph. Von Rummel, Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert (Berlin-New York 2007).

Bemerkungen zur „Kleidung" Gemeinschaften in der ostkarpatischen Waldsteppe in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit (auf der Grundlage der Untersuchung der Nekropole von Boroseşti)

Schlussworte: ostkarpatischen Waldsteppe, jüngere vorrömische Eisenzeit, Nekropole von Boroseşti, Grab, „Kleidung".

Zusammenfassung: „Kleidung" und Grabfunde – d. h. Kleidungszubehör, Schmuck und andere Gegenstände, die zum Grabinventar gehören – sind die wichtigsten Quellen für das Verständnis von Identitäten in der prähistorischen Archäologie. Aus heutiger Sicht ist Identität ein dynamisches Konstrukt, das durch eine Vielzahl kultureller, wirtschaftlicher, sozio-politischer, demographischer und umweltbedingter Interaktionen ständig geformt wird. In diesem Aufsatz wird es versucht, die „Kleidung" der menschlichen Gemeinschaft zu rekonstruieren, die in der späteisenzeitlichen Nekropole von Borosesti bestattet wurde.

Abbildungsliste:

Abb. 1. Verbreitung der Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur (nach Iarmulschi 2020).

Abb. 2. Plan der Nekropole von Boroseşti (nach Babes, Iarmulschi 2020).

Abb. 3. Prozentuale Verteilung der Gräber. 1 - Prozentuale Verteilung der weiblichen, männlichen und anthropologisch unbestimmten Gräber; 2 - prozentuale Verteilung der Gräber nach dem Alter der Verstorbenen.

Abb. 4. Lineare diskriminante Analyse.

Abb. 5. Chi-Quadrat-Analyse und exakter Fischer-Test.

Abb. 6. Hauptkomponentenanalyse.

Abb. 7. Schematische Darstellung der „Kleidung". 1, 2 - Schematische Darstellung der weiblichen „Kleidung"; 3 - schematische Darstellung der männlichen „Kleidung"; 4 - Schematische Darstellung der „Kleidung" des Kindes.

Замечания об «одежде» население восточно-карпатской лесостепи в позднем Латѐне (на основе изучения некрополя Боросешть)

Ключевые слова: восточно-карпатская лесостепи, поздний предримский железный век, некрополь Боросешть, погребение, «костюм».

«Костюм» и погребальные находки – т.е. аксессуары одежды, украшения и другие предметы, составляющие погребальный инвентарь, являются наиболее важными источниками для понимания идентичности в доисторической археологии. С точки зрения сегодняшнего дня, идентичность – это динамичный конструкт, который постоянно формируется под влиянием разнообразных культурных, экономических, социально-политических, демографических и экологических взаимодействий. В данной статье мы попытаемся реконструировать «костюм» населения погребенного в позднелатѐнском некрополе Боросешть.

Список рисунков:

Рис. 1. Распределение поселений культуры Поенешть-Лукашеука (по Iarmulschi 2020).

Рис. 2. План некрополя Боросешть (по Babes, Iarmulschi 2020).

Рис. 3. Процентное распределение захоронений. 1 - Процентное распределение женских, мужских и антропологически неопределенных захоронений; 2 - процентное распределение могил по возрасту умершего.

Рис. 4. Линейный дискриминантный анализ.

Рис. 5. Хи-квадрат анализ и точный тест Фишера.

Рис. 6. Анализ основных компонентов.

Рис. 7. Схематическое изображение «одежды». 1, 2 - Схематическое изображение женской «одежды»; 3 - схематическое изображение мужской «одежды»; 4 - схематическое изображение детской «одежды».

15.07.2023

Dr. Vasile Iarmulschi, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova / Universitatea Liberă din Berlin, Fabeckstr., 23-25, 14195 Berlin, Germania, https://orcid.org/0000-0002-9013-1973, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

STAMPED INSCRIPTIONS RECENTLY DISCOVERED AT APULUM, ROMAN DACIA

Radu Ota, Cristian Titus Florescu, Gabriel Tiberiu Rustoiu

Keywords: Apulum, stamped bricks and tiles, 13th Gemina legion.

The archaeological context

The subject of this article is the analysis of Roman tile material (CBM – tiles and bricks) from a rescue archaeological research carried out in 2022 in Alba Iulia, Nazareth Illit Street (fig. 1), approximately 1300 m northwest of the *castrum* of the 13th Gemina legion, outside the perimeter of the second Roman city from Apulum, *municipium Septimium Apulense* (Ota 2012) (fig. 2). This research was carried out as a result of an extensive project to develop modern facility platforms for the storage of household waste from Alba Iulia (Romania).

In a NW-SE oriented 5.50×2.40 m section marked S155.1/99 (fig. 5), traces of Roman habitation belonging to a *villa suburbana* near the second Roman city of Apulum, *municipium Septimium Apulense,* were identified: the base of the foundation of a wall Z1 (fig. 4), made of river stone, sand and mortar fragments. It emerged near the western profile of the section, being revealed on 2.20×0.40 m and NW-SE oriented. Above it, the layer of demolition from the Roman era, in which the tegular materials analyzed here were discovered, was at a depth of -1.76-1.90 m compared to the ground level of the current street. A floor made of mortar was also identified. The cultural layer corresponds to the Roman habitation in this area, where at least one *villa suburbana* existed.

The stratigraphy on the eastern profile (fig. 3) is as follows: 1. 0-0.06 m contemporary pavement level; 1b. -0.06-0.12 m sand with gravel; 1 c. -0.12-0.36 m gravel; 2. -0.36-0.82 m reddish-brown layer with loamy, alluvial appearance; 3. -0.82-1.02 m black-brown layer with lime and limestone pigments and ceramic pigments; 4. -1.02-1.42 m exploitation layer of Roman building material, dated to the modern era, containing Roman rubble (tile material, limestone fragments, river stone and mortar); 5. -1.42-1.72 m reddish-brown alluvial layer, with a sandy appearance; 5a. -1.72-1.76 m reddish-brown sand lens; 6. -1.70-1.76 m gravel lens belonging to layer 5; 7. -1.76-2.14 m demolition layer containing Roman rubble (tile material, limestone fragments, river stone and mortar); 7a. -2.14-2.22 m mortar floor and crushed limestone fragments; 8. -2.14-2.36 m black layer with brown shades, sterile from an archaeological point of view.

Better said, nearby, just 100 m north, two decades ago, a small part of a stone building that was most likely part of a *villa suburbana* was investigated (Drîmbărean, Rustoiu 2003). It is known that *villae suburbanae* were built in the immediate vicinity of the Roman cities which belonged to the administrative and political elite of these settlements and had a largely agricultural character (Gudea 2008, 37, fig. 52/1-2). The authors of the research mentioned above identified tegular materials with a stamp bearing the name of the 13th Gemina legion alongside the anthroponym Aurelius Eudoxus (Drîmbărean, Rustoiu 2003, 241, pl. III/1-1a, 2-2a), and the building was dated starting with the reign of Marcus Aurelius (161-180 p. Chr.) due to the presence of the *nomen* Aurelius on the numerous bricks and tiles with this anthroponym discovered in the area. This *villa suburbana* on Millenium Street belonged to a former soldier of the legion, as evidenced by the discovered parts of military equipment (bronze belt applique with *pelta*-shaped decoration, iron spearhead) (Drîmbărean, Rustoiu 2003, 242, pl. IV/1, 3).

At this moment we question ourselves whether the discoveries in this area, on Nazareth Illit and Millenium streets, can be linked to one of the constructions that C.L. Băluță also mentioned in his 1999 published work, a Roman building located in the northern part of the Roman Plateau, where tegular materials with the stamp of

Fig. 1. Area plan of the researched point. The location of the discovery on the satellite map of the city of Alba Iulia with the marking of the Roman fort (C) (processing after Google Earth, last accessed 24.03.2023).

the 13th Gemina legion were recovered alongside the anthroponyms Antonius Maternus, Flavius Martinus, Iulius Iulianus, Lucretius Aquila and Ulpius Fronto (IDR III/6, nos. 134, 186-188, 207, 225, 245). The author did not provide details on the point of discovery or the stratigraphy.

We believe that theese are observations made during the construction works of the late 70s and early 80s of the 20th century (Ota 2012, 83). The last three mentioned anthroponyms also appear in our research on Nazareth Illit Street. R. Kurzmann states that it cannot be specified definetly whether the name on the stamps that appear next to the one of the legion would denote a simple soldier (*miles*), a workshop supervisor (*officina*) or even an officer who had the role of supervising the work of the workshops of a legion (Kurzmann 2005, 407).

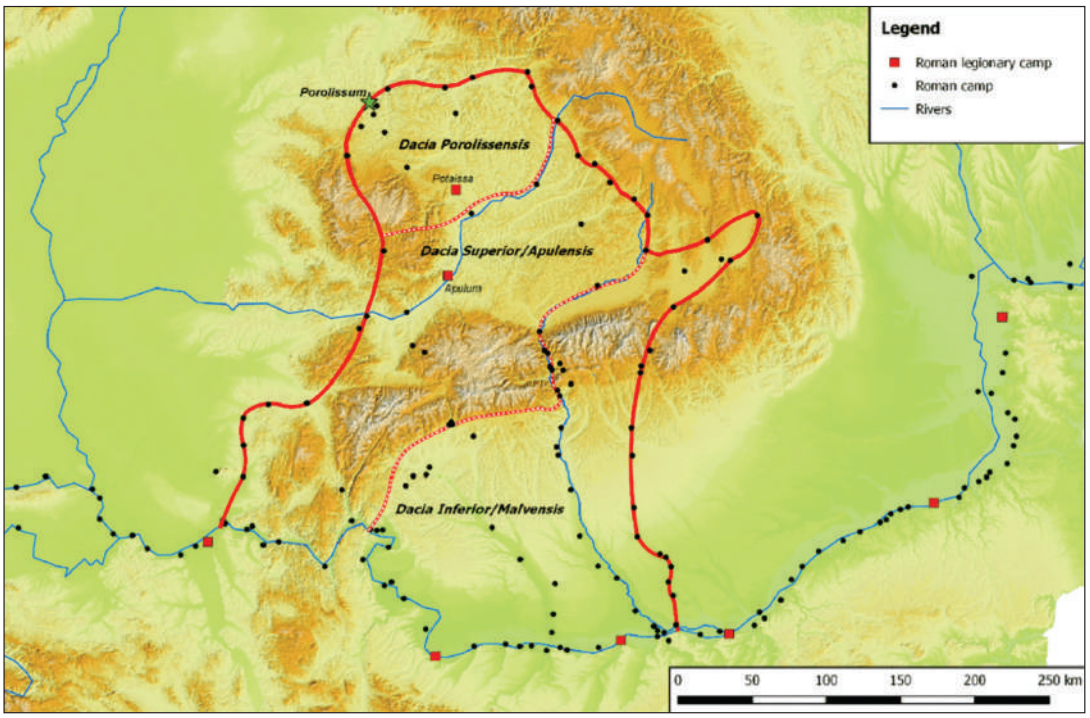


Fig. 2. Map of Roman Dacia (made by V.-A. Lăzărescu; see Opreanu, Lăzărescu 2020, fig. 1).

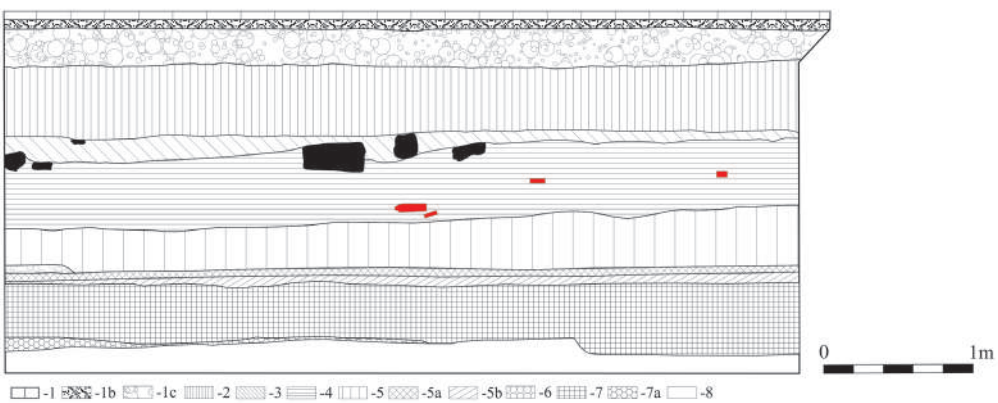


Fig. 3. Section S155.1/991. Eastern Profile.

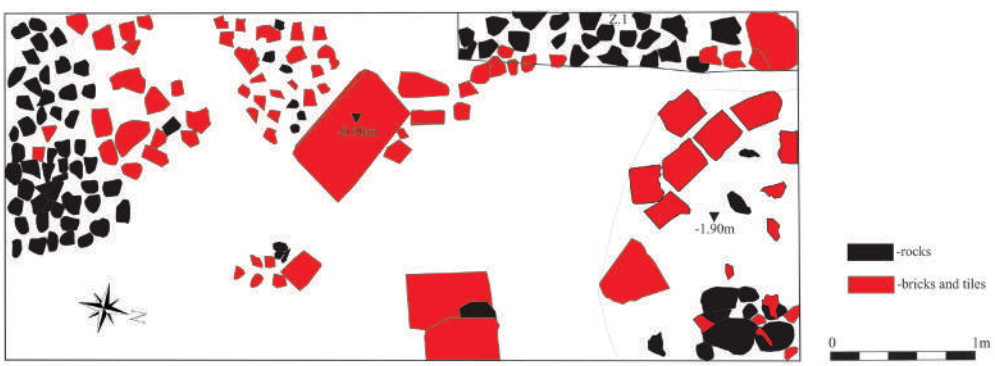


Fig. 4. Section S155.1/991. Plan.

Catalogue

Stamps with the name of the 13th Gemina Legion, without anthroponym

1. Brick (fig. 6/1-3, preserved dimensions: 32×15×6 cm) with the stamp in rectangular cartouche, with dimensions: 10.0×2.5 cm.
Leg(io) XIII Gem(ina)

Stamps with the name of the 13th Gemina Legion, with anthroponym

Aurelius Callistratus
The *cognomen* is Greek.
1. Brick (fig. 7/1-3, preserved dimensions: 42.5×15.0×5.0 cm; 2 fragments) with the stamp in rectangular cartouche, complete, with dimensions: 11.0×3.3 cm; Callistratus is a Greek *cognomen*; ligature between T+R; *interpunctio* between Leg(io) and XIII, and between *nomen* and *cognomen*; in the first row, the M from Gem(ina) is smaller; the R from Callistratus aswell;
[Leg(io) XIII] Gem(ina)
Aur(elius, -elii) Cal[lis]tr(atus, -ati)

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.
Analogies: Apulum – *colonia Aurelia Apulensis*, *municipium Septimium Apulense*, northern *necropolis* at the Staţia de salvare – (Ambulance Station) (in secondary position) (IDR III/6, no. 145).

Aurelius Enthimus
The *cognomen* is Greek.
1. *Tegula* (fig. 8/1-3, preserved dimensions: 55.0×32.5×3.0 cm) fragmentary with the stamp in simple cartridge, partially preserved, with dimensions: 11.0×3.5 cm; *palma* after *nomen*.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Aur(elius, -elii) ⸸ Enthim(us, -i)

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.

2 *Tegula* (fig. 9/1-3, preserved dimensions: 42.5×15.0×5.0 cm; 5 fragments) fragmentary with the stamp in simple cartridge, with dimensions: 11.2×3.4 cm; *palma* after *nomen*.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Aur(elius, -elii) ⸸ Enthim(us, -i)

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.
Analogies: Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; *canabae/municipium Septimium Apulense*; *colonia Aurelia Apulensis* (IDR III/6, no. 151; Ota, Lascu 2011, 212, no. 5, fig. VII/4); Cenad (?) (IDR Appendix III, LIII/1, LIII/2, LIII/3).

Aurelius Eudoxus
The *cognomen* is Greek.
1. *Tegula* (fig. 10/1-3, preserved dimensions: 34.5×25.5×3.0 cm) fragmentary with the stamp in simple cartridge, partially preserved, with dimensions: 8.5×3.5 cm; *interpunctio* between Leg(io) and XIII, and between *nomen* and *cognomen*.
Leg(io) XIII G[em(ina)]
Aur(elius) Eud[oxus]

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.

2. *Tegula* (fig. 11/1-3, preserved dimensions: 15.3×11.8×2.5 cm) fragmentary with the stamp in simple cartridge, partially preserved, with dimensions: 9.5×3.5 cm; *interpunctio* between *nomen* and *cognomen*, and between Legio and XIII.
[L]eg(io) XIII Gem(ina)
[A]ur(elius) Eudoxus

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.

3. Brick (fig. 12/1-3, preserved dimensions: 29×15×6 cm) with the stamp in simple cartridge, with dimensions: 11.0×3.5 cm; *interpunctio* between *nomen* and *cognomen*.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Aur(elius) Eudoxus

Dating: beginning with the reign of Marcus Aurelius due to the Aurelius *nomen*.
Analogies for the three stamps: Ampoiţa (IDR III/4, no. 47, 3); Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; *canabae/municipium Septimium Apulense* (IDR III/6, no. 152); *villa suburbana* north of the *municipium Septimium Apulense* (Drîmbărean, Rustoiu 2003, 241, no. 1-2, pl. III/1-1a, 2-2a).

Iulius Iulianus
The *cognomen* is Latin.
1. Brick (fig. 13/1-3, preserved dimensions: 34.0×16.6×6.0 cm) with the stamp in simple cartridge, with dimensions: 10.8×3.5 cm; *interpunctio* between Leg(io) and XIII; *palma* after *nomen*; the XIII is overlined.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Iuli(us) ⸸ Iulianus

Analogies: Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; the eastern and western sectors of the *canabae/municipium Septimium Apulense* (IDR III/6, no. 207; Ota, Lascu 2011, 212, no. 6, fig. VII/3).

Lucretius Aquila

The *cognomen* is Latin.

1. Brick (fig. 14/1-3, preserved dimensions: 22.0×15.5×5.5 cm) with the stamp in simple cartridge, partially preserved, with dimensions: 3.5×3.3 cm.
[Leg(io) XIII G]em(ina)
[Lucretius Aqu]ila

2. Brick (fig. 15/1-3, preserved dimensions: 28×15×6 cm) with the stamp in simple cartridge, partially preserved, with dimensions: 11.4×3.2 cm; *interpunctio* between *nomen* and *cognomen*.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Lucret(ius) Aquila

Analogies: almost identical stamps discovered in Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; the eastern and western sectors of the *canabae/municipium Septimium Apulense*; *colonia Aurelia Apulensis* the *castrum* of the 13th Gemina legion (IDR III/6, no. 225; Ota, Lascu 2011, 212, no. 9, fig. VII/6).

Ulpius Fronto

The *cognomen* is Latin.

1. *Tegula* (fig. 16/1-3, preserved dimensions: 40×38×3 cm) with the stamp in rectangular cartridge, complete, with dimensions: 11.1×3.5 cm; ligature between N+T.
Leg(io) XIII Gem(ina)
Ulpius Front(o)

Analogies: Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; the western sector of the *canabae/municipium Septimium Apulense*, *colonia Aurelia Apulensis* (IDR III/6, no. 249); Ampoiţa (Alba county) (IDR III/4, no. 47); *villa suburbana* from the north of the Roman Plateau (north of the *municipium Septimium Apulense*) (Băluţă 1995, 225-226, no. 1-6).

2. *Tegula* (fig. 17/1-3, preserved dimensions: 16.4×15.0×2.5 cm) with the stamp in a *tabula ansata* type of cartouche, fragmentarily preserved, almost completely degraded, with the dimensions: 4.4×3.0 cm.
[Leg(io) XIII Gem(ina)]
[Ulpius Fr]ont(o)

Analogies: Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; the western sector of the *canabae/municipium Septimium Apulense*, *colonia Aurelia Apulensis* (IDR III/6, no. 251).

3. Brick (fig. 18/1-3, preserved dimensions: 23×15×6 cm) with the stamp in a rectangular cartouche, fragmentarily preserved, almost illegible, with dimensions: 6.5×3.0 cm.
Leg(io) XIII [Gem(ina)]
Ulp(ius) Fr[ont(o)]

4. Brick (fig. 19/1-3, preserved dimensions: 40×21×5 cm) with the stamp in a *tabula ansata* type of cartouche, fragmentarily preserved, with the dimensions: 13×5 cm.
Leg(io) XIII Ge(mina)
Ulp(ius) Fron[t](o)

Analogies: Apulum – seat of the governors of Roman Dacia; the western sector of the *canabae/municipium Septimium Apulense*, *colonia Aurelia Apulensis* (IDR III/6, no. 251).

Stamps with the legion's name and anthroponym illegible or indecipherable.

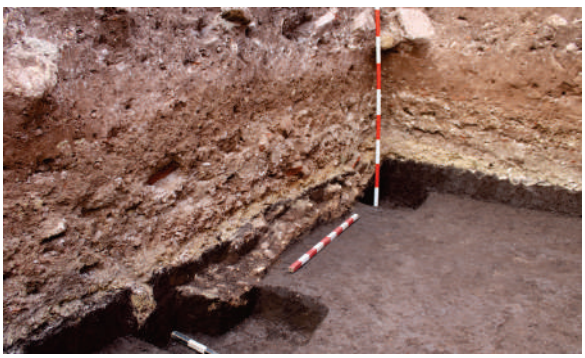
1. Brick (fig. 20/1-3, preserved dimensions: 41.0×22.5×6 cm) with the stamp in a *tabula ansata* type of cartouche, fragmentarily preserved, with the dimensions: 10.0×4.5 cm.
Leg(io) XII[I Gem(ina)]
[----------]

2. *Tegula* (fig. 21/1-3, preserved dimensions: 17.5×17.5×3.0 cm) fragmentary with the stamp in simple cartouche, partially preserved, almost illegible, with the dimensions: 5.5×3.5 cm; XIII is overlined; *interpunctio* between XIII and Gem(ina); The *nomen* is missing, being erased, and the *cognomen* could not be fully reconstructed – possible a Greek cognomen Demetrius.
[Leg(io) X]III Gem(ina)
[----------]u(?)dem(etrius)(?)
This anthroponym has no analogies in Apulum or in Roman Dacia, being attested for the first time on the tegular epigraphic material of the 13th Gemina legion.

Finger written *Tegula* (*tegula digito scripta*)

1. *Tegula* (fig. 22/1-3, preserved dimensions: 48.5×24.5×3.0 cm; 3 fragments) fragmentary, with *graffiti*; the letter N is preserved, incised in the soft paste, before burning; h_{letter} – 5 cm; It is a semi-cursive writing, done with the finger (*digito scripta*).

1



2

3

Fig. 5. Section S155.1/991. General images.

Conclusions

Bricks and tiles stamped in simple (rectangular border) and in *tabula ansata* cartouche with the anthroponyms of the supervisors of the workshops of the 13th Gemina legion were recovered. Six could be identified, and one could not be read completely due to its fragmentary state and the lack of analogies, an aspect that prompts us to believe that we are dealing with an anthroponym not attested until now on the stamps of the 13th Gemina legion. Is a tile with the name of the legion next to an anthroponym whose *nomen* is missing, and only three clear letters DIM or DEM(etrius) are preserved from the *cognomen* (in transcription [----------][---]u(?)dim or u(?)dem(etrius)). We also assume the existence of the letter *u*, before DIM or DEM(etrius)[1]. The other anthroponyms are well known in the inscriptions on the tegular material of the 13th Gemina legion: Aurelius Callistratus, Aurelius Enthimus, Aurelius Eudoxus, Iulius Iulianus, Lucretius Aquila and Ulpius Fronto. Last but not least, a *graffiti tegula* was also found, from which the inscription with the letter N is preserved. Analogies have been offered for stamps preserved in an at least satisfactory way.

The discovery is so much important because we are dealing with seven anthroponyms that appear alongside the name of the 13th Gemina legion, on construction materials belonging to the same building, an aspect never seen before in Dacia[2].

Researching the habitable areas in the immediate vicinity of Roman cities is desirable for the future because we can learn important economic information and data. These *villae suburbanae* fulfilled both the role of residence and relaxation for rich families, and also the production of agricultural and handicraft goods. For now, we have too little data on such properties, and their research is at an early stage.

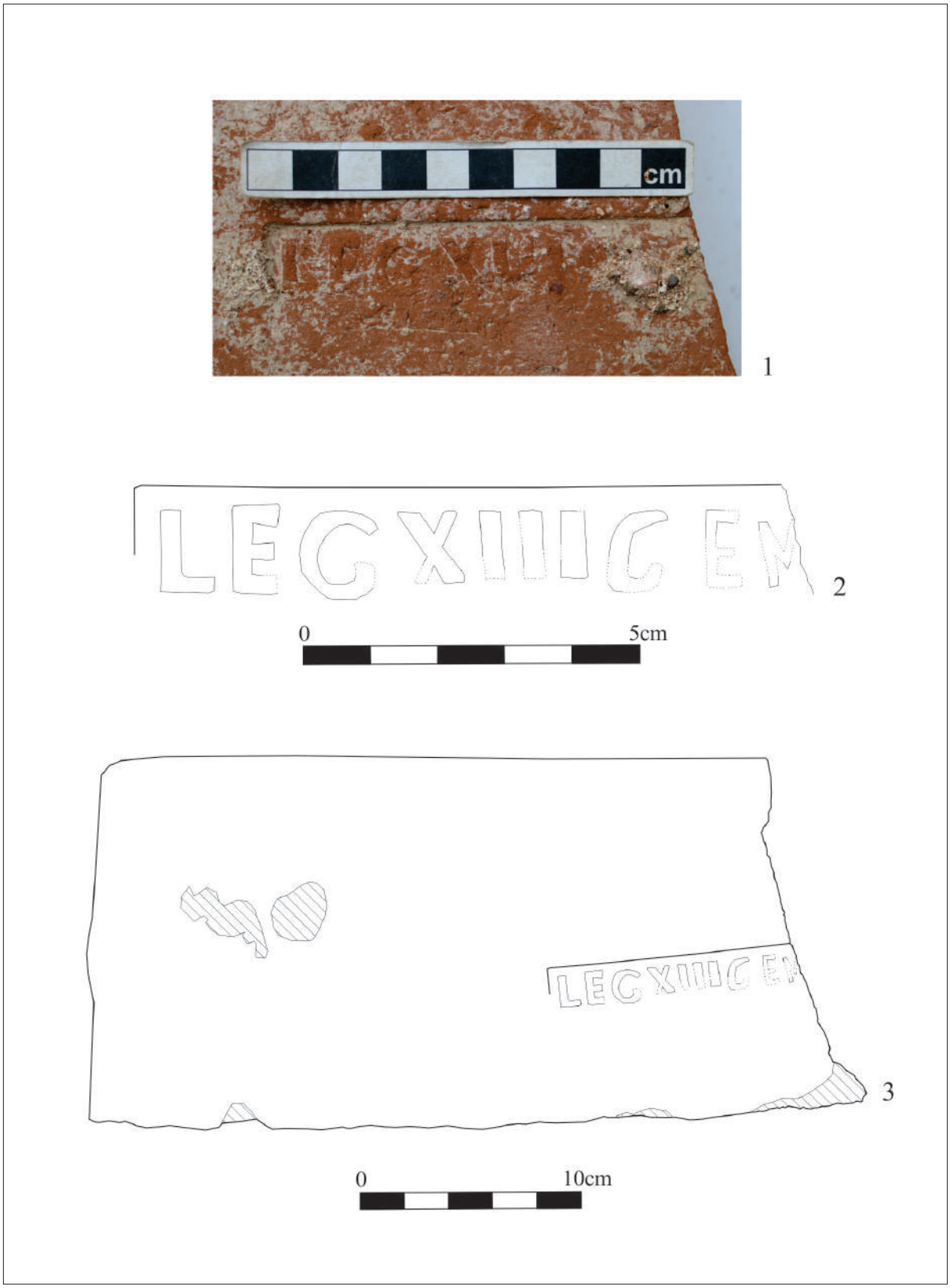


Fig. 6. Brick stamped with the name of the 13th Gemina legion, without anthroponym.

Fig. 7. Brick stamped with the anthroponym **Aurelius Callistratus**.

Fig. 8. *Tegula* stamped with the anthroponym **Aurelius Enthimus**.

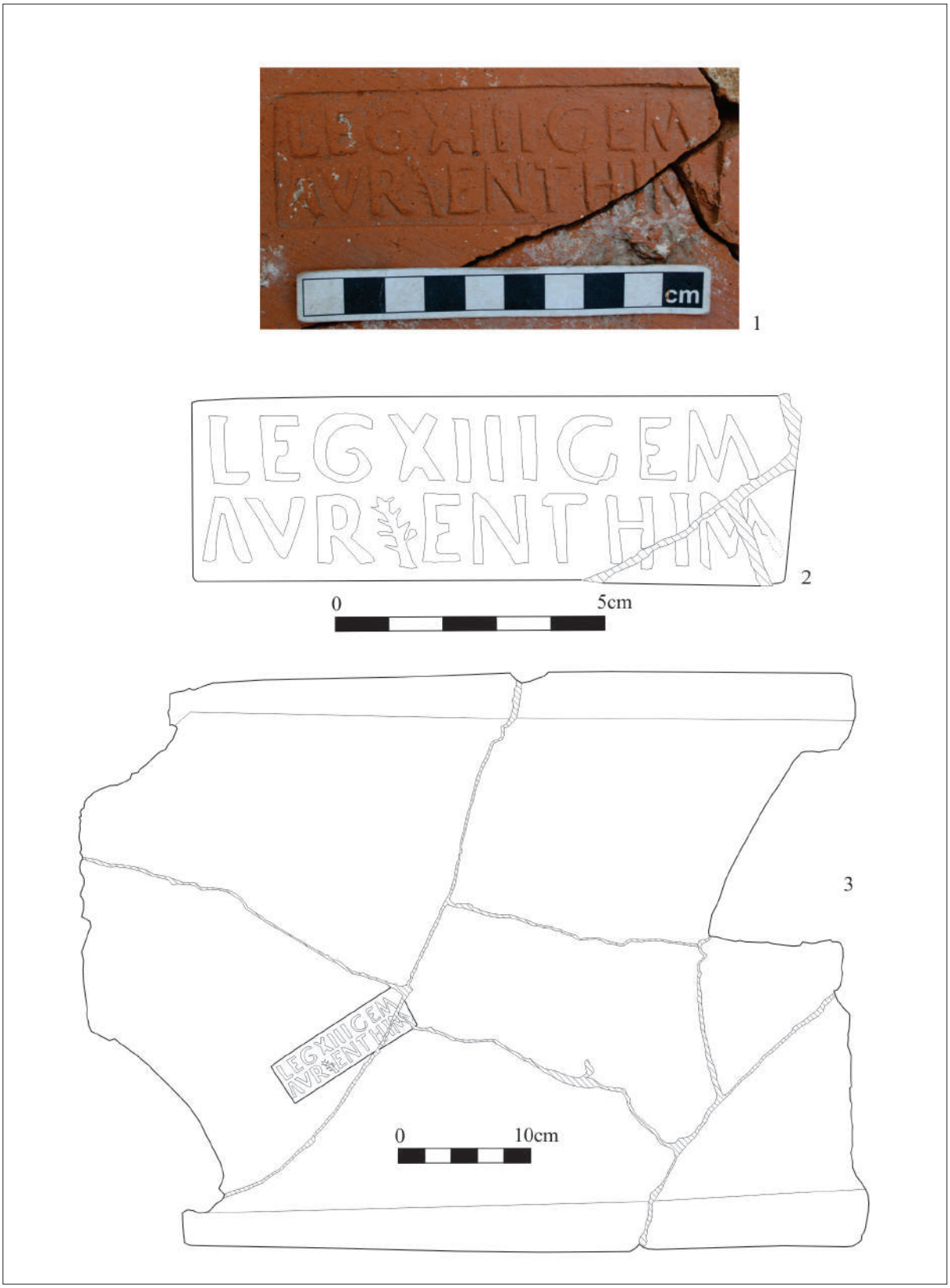


Fig. 9. *Tegula* stamped with the anthroponym **Aurelius Enthimus**.

Fig. 10. *Tegula* stamped with the anthroponym **Aurelius Eudoxus**.

Fig. 11. *Tegula* stamped with the anthroponym **Aurelius Eudoxus**.

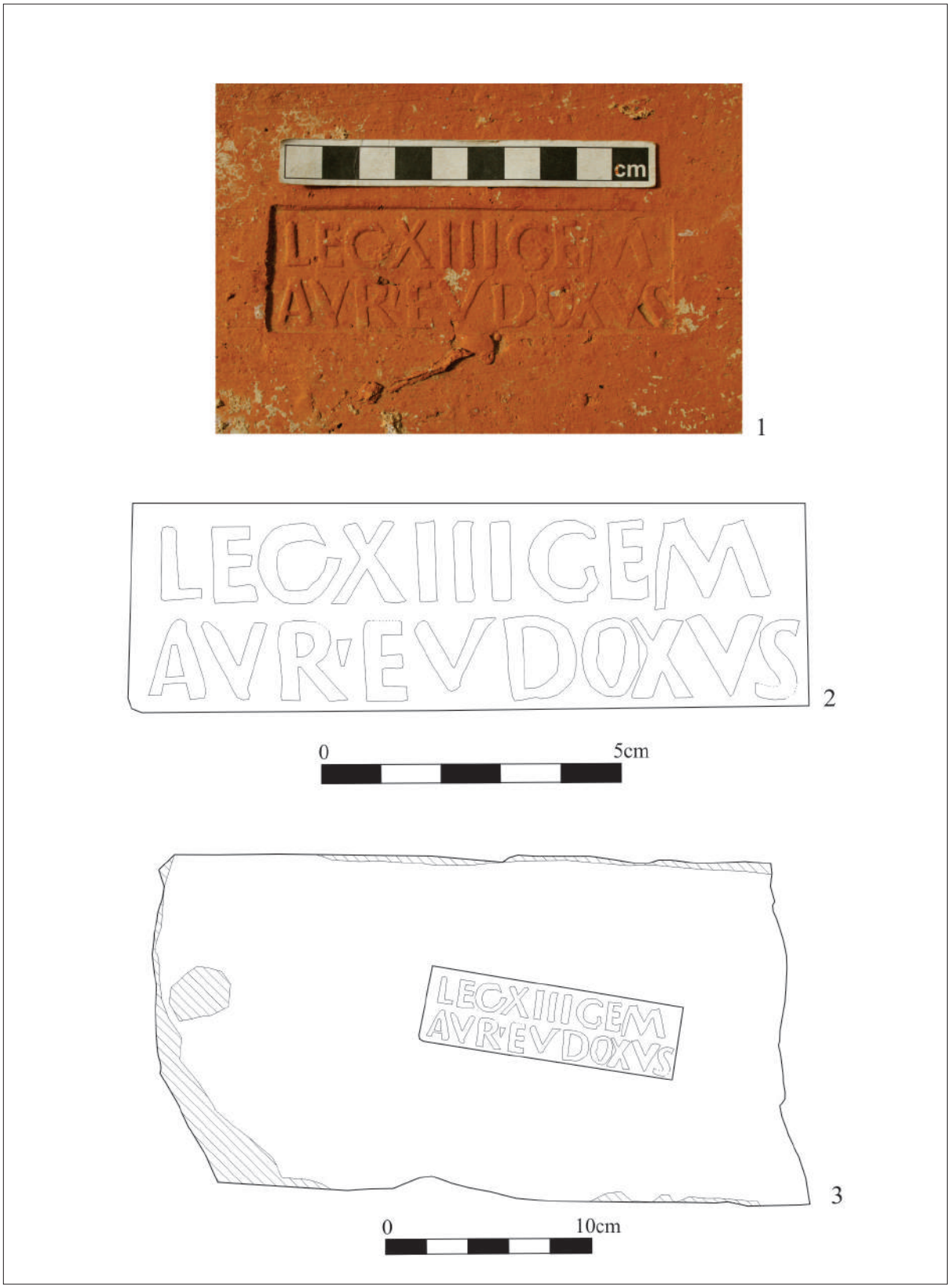


Fig. 12. Brick stamped with the anthroponym **Aurelius Eudoxus**.

Fig. 13. Brick stamped with the anthroponym **Iulius Iulianus**.

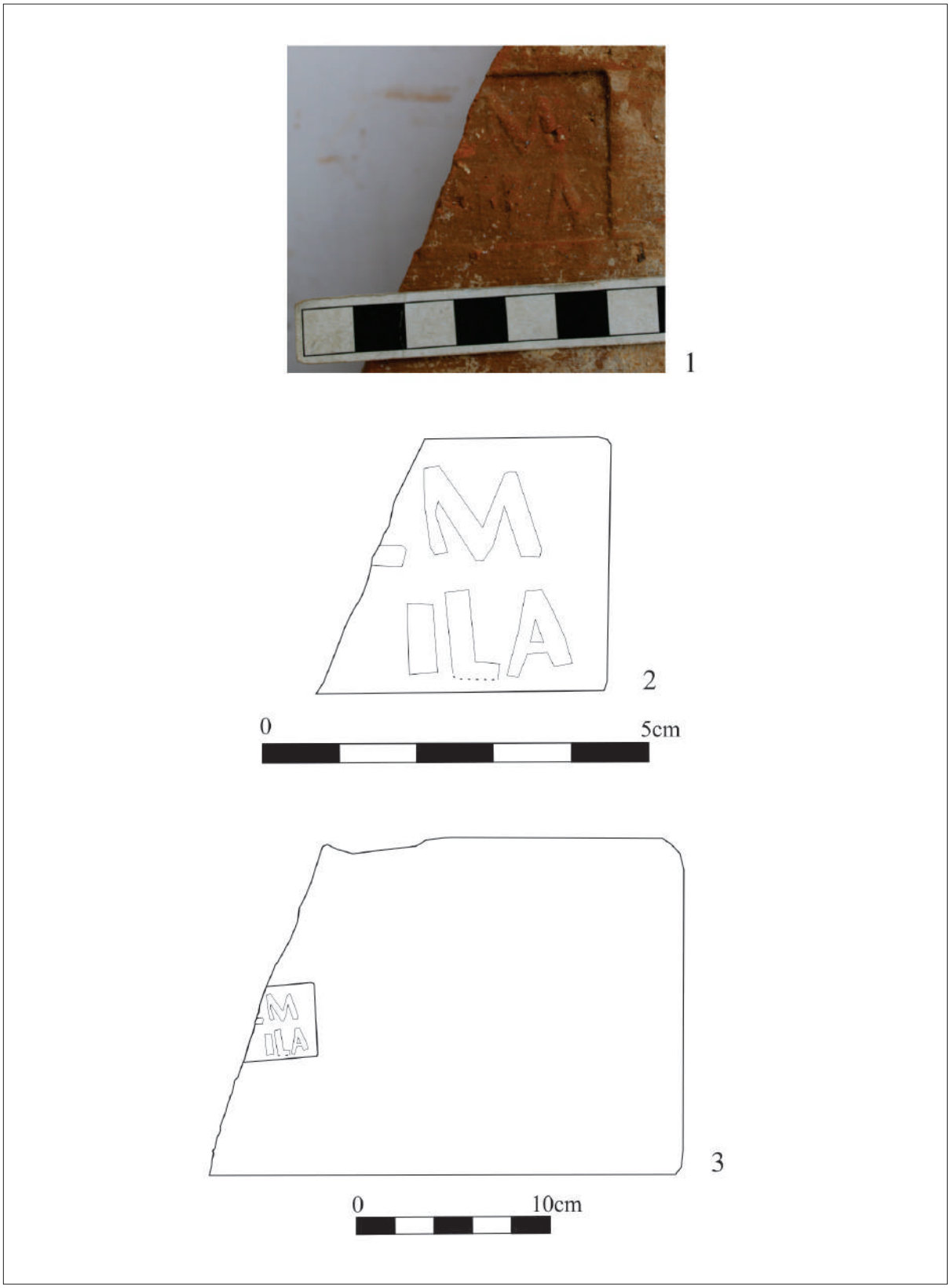


Fig. 14. Brick stamped with the anthroponym **Lucretius Aquila.**

Fig. 15. Brick stamped with the anthroponym **Lucretius Aquila.**

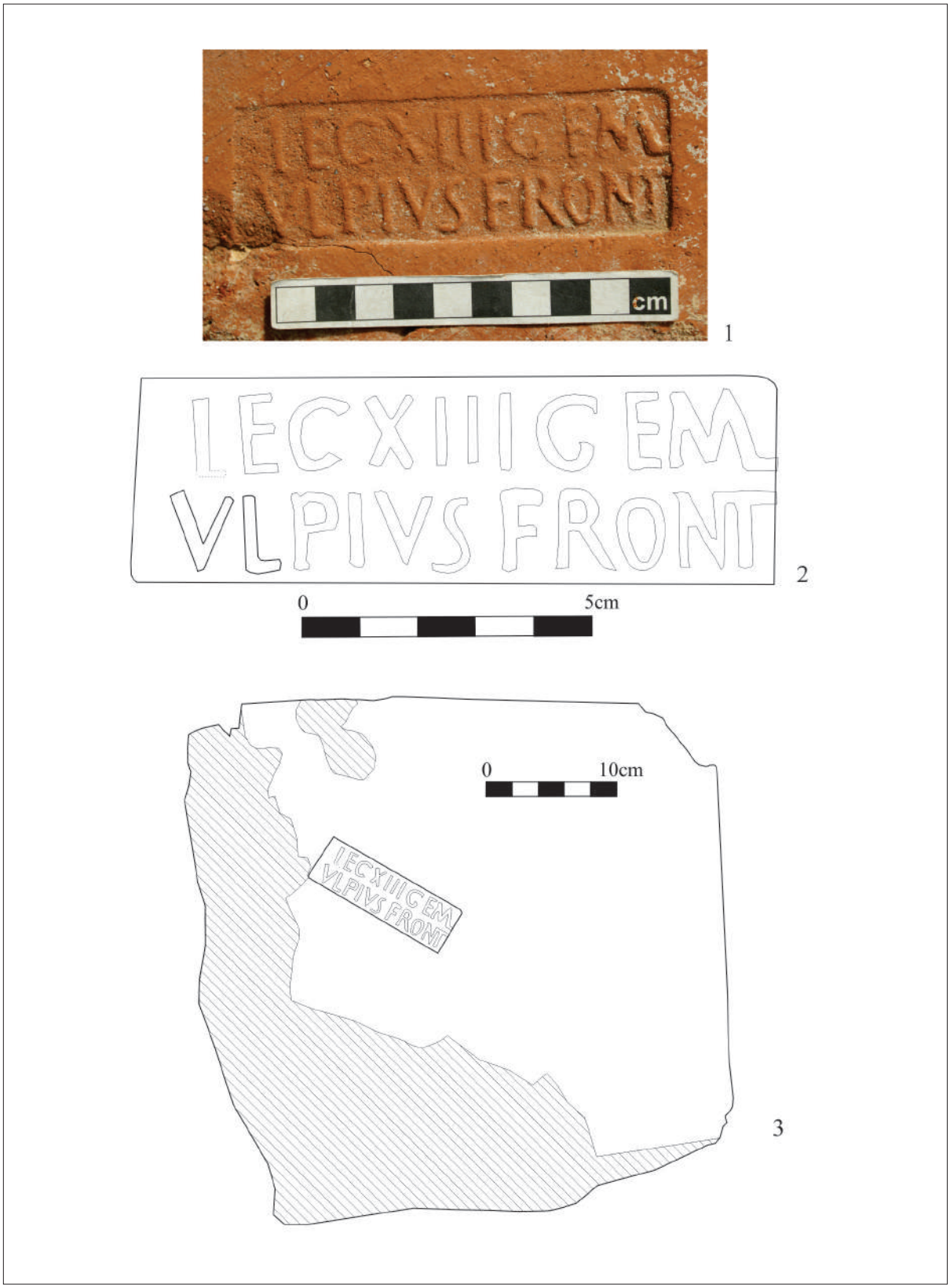


Fig. 16. *Tegula* stamped with the anthroponym **Ulpius Fronto.**

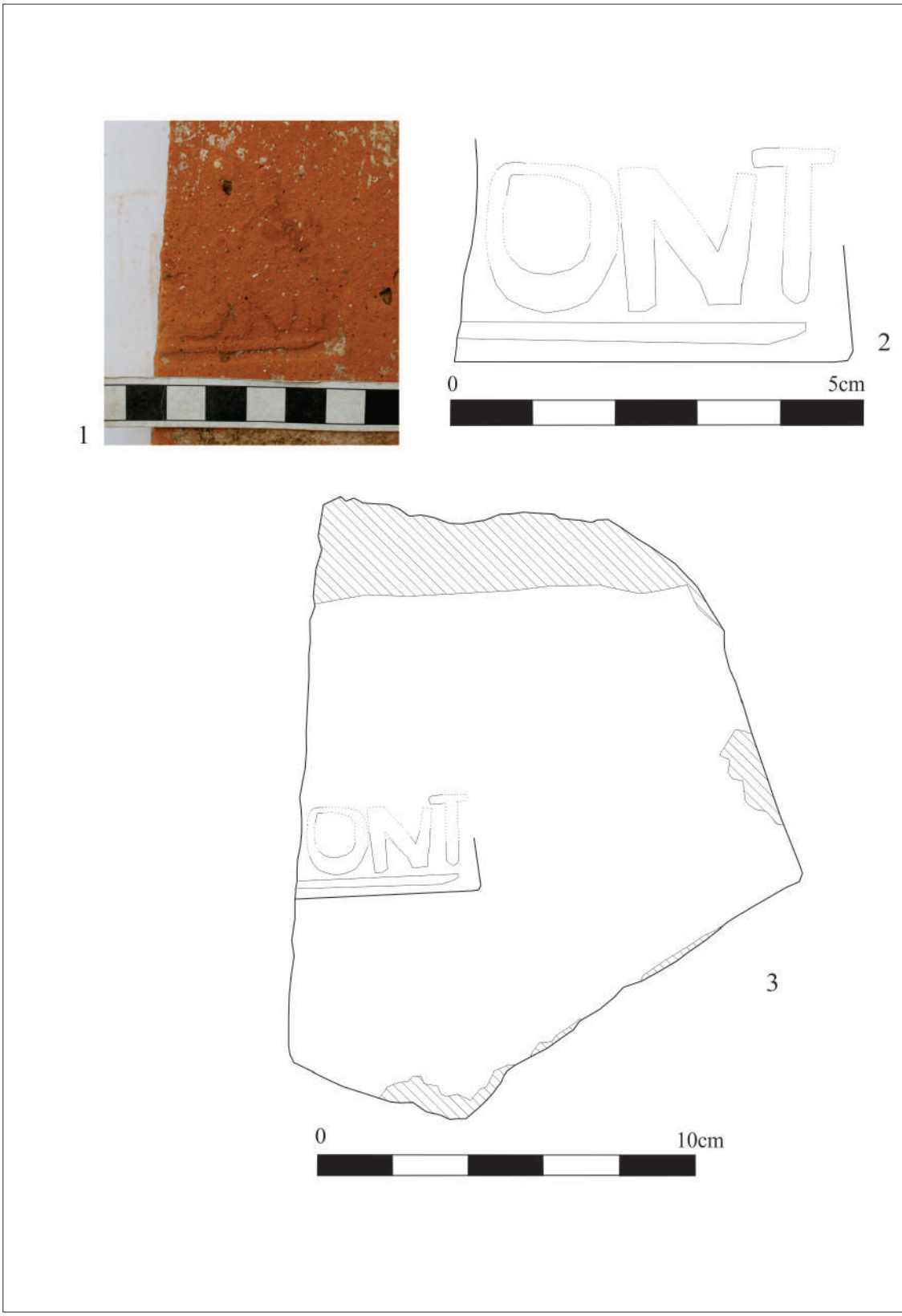


Fig. 17. *Tegula* stamped with the anthroponym **Ulpius Fronto.**

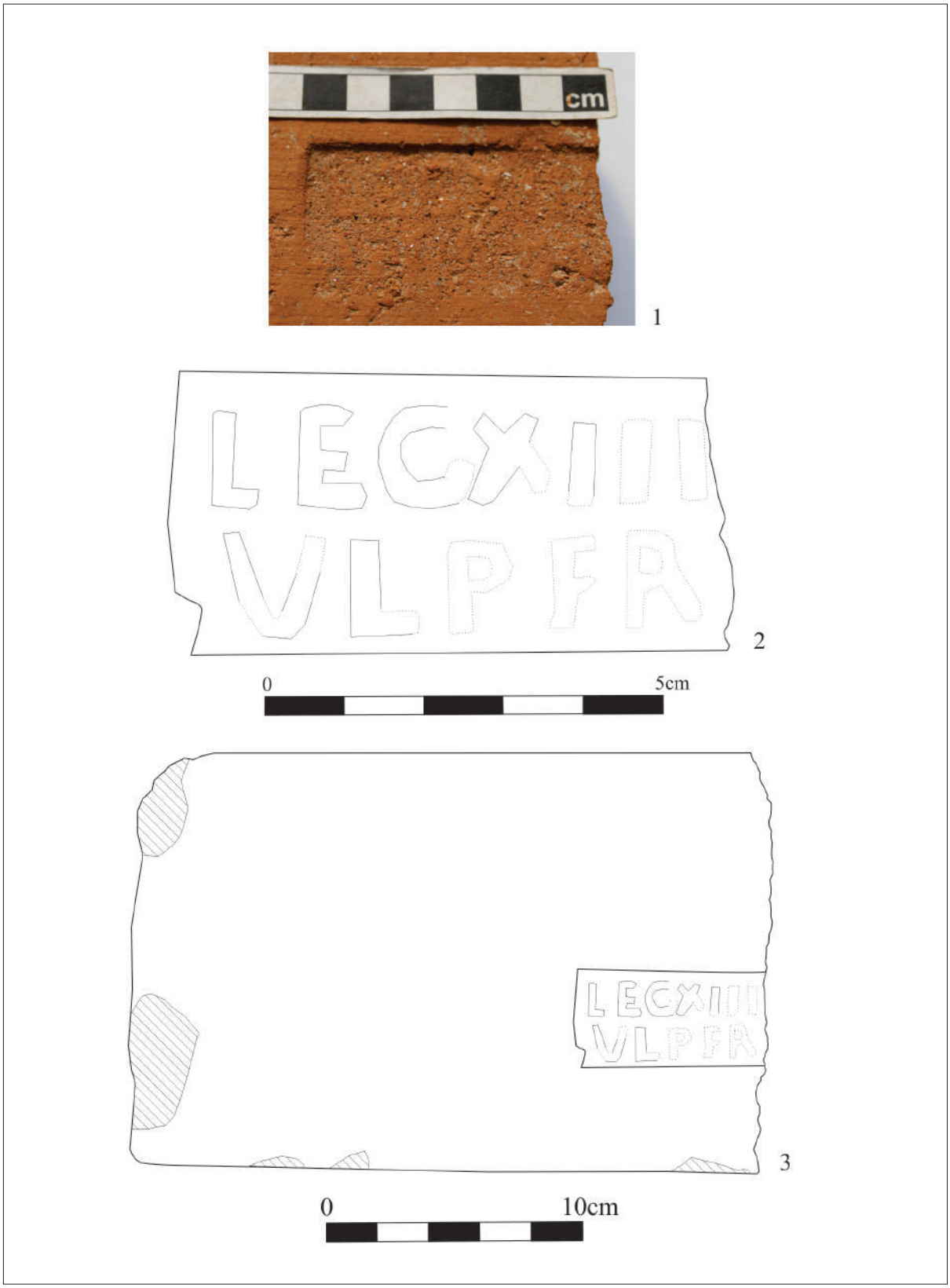


Fig. 18. Brick stamped with the anthroponym **Ulpius Fronto.**

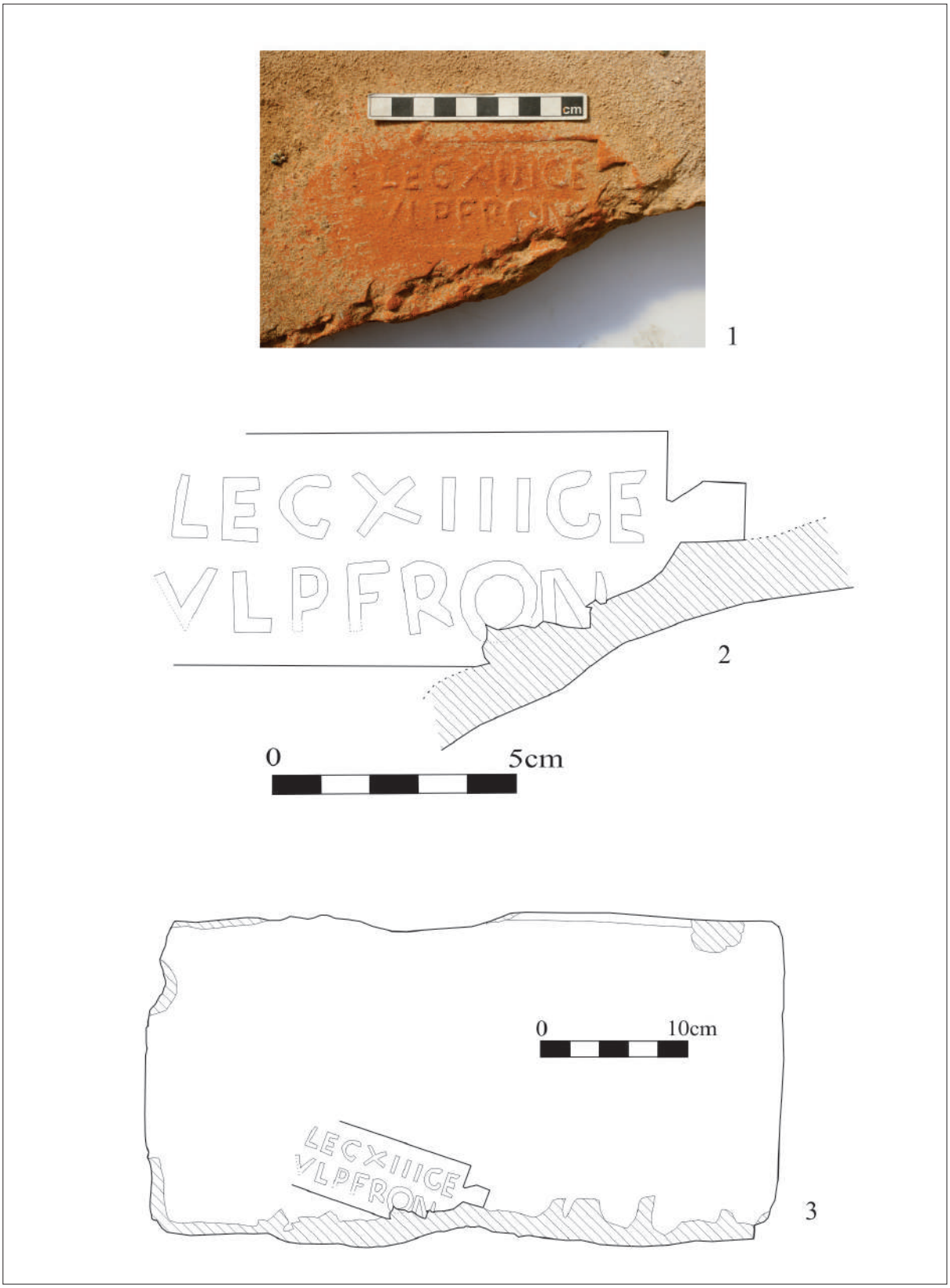


Fig. 19. Brick stamped with the anthroponym **Ulpius Fronto.**

Fig. 20. Brick stamped with the legion's name and illegible or indecipherable anthroponym.

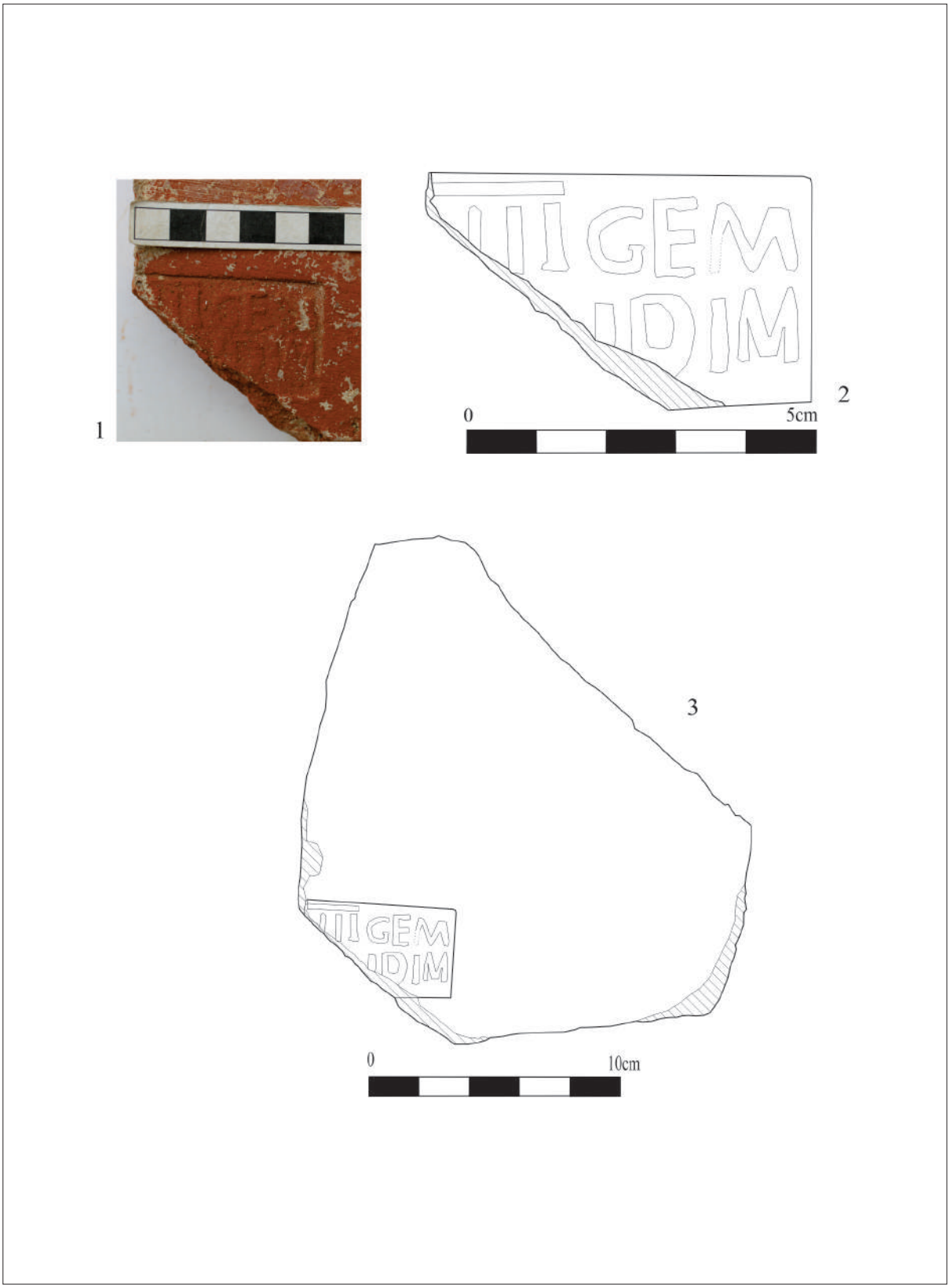


Fig. 21. *Tegula* stamped with the legion's name and illegible or indecipherable anthroponym.

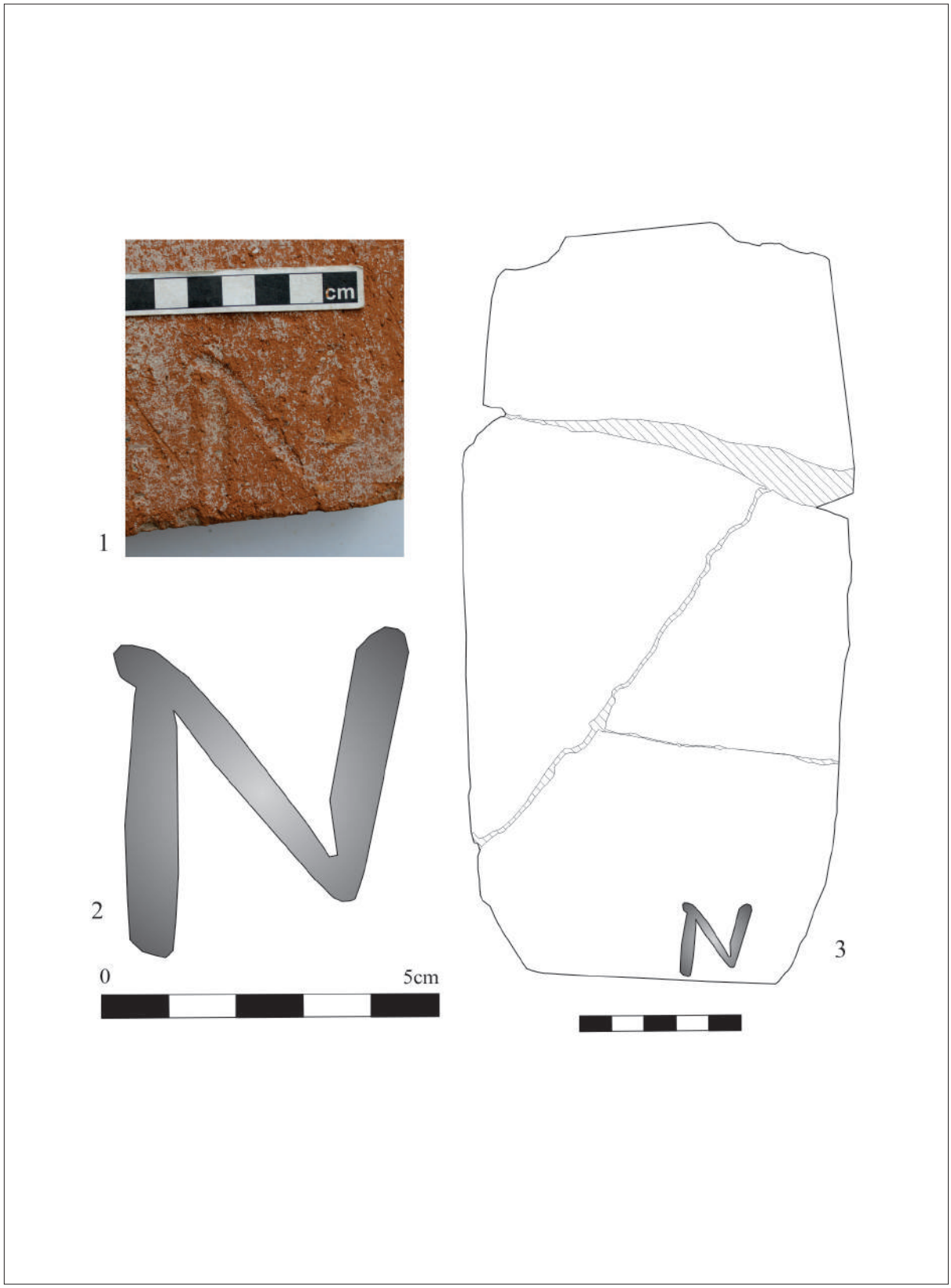


Fig. 22. Finger written *Tegula* (*tegula digito scripta*).

Bibliography

Băluţă 1995: C.L. Băluţă, Ştampile tegulare militare inedite descoperite la Apulum, I. Ştampile cu antroponim. Apulum XXXII, 1995, 205-229.

Drîmbărean, Rustoiu 2003: M. Drîmbărean, G.T. Rustoiu, O villa suburbana de la Apulum. Sargetia XXXI, 2003, 241-251.

Gudea 2008: N. Gudea, Aşezări rurale în Daci romană (106-275 p. Chr.). Schiţă pentru o istorie a agriculturii şi satului daco-roman (Oradea: ed. Primus 2008).

IDR Appendix III: I. Piso, A. Ardeţ, C. Timoc, Inscriptiones Daciae Romanae (IDR). Appendix III. Inscriptiones laterum museorum Banatus Temesiensis (Cluj-Napoca: ed. Mega 2019).

IDR III/4: I.I. Russu, Inscripţiile Daciei romane (IDR), III/4, Dacia Superior, zona răsăriteană (Bucureşti: ed. Academiei RSR 1988).

IDR III/6: C.L. Băluţă, Inscripţiile Daciei romane (IDR), III/6, Apulum – instrumentum domesticum (Bucureşti: ed. Academiei Române 1999).

Kurzmann 2005: R. Kurzmann, Soldier, civilian and military brick production. Oxford Journal of Archaeology 24 (4), 2005, 405-414.

Opreanu, Lăzărescu 2020: C.H. Opreanu, V.-A. Lăzărescu, The Roman headquarters in the northern limes of Dacia: Porolissum (jud. Sălaj/RO) in the light of recent research. Archäologisches Korrespondenblatt 50, 2, 2020, 225-240.

Ota 2012: R. Ota, De la canabele legiunii a XIII-a Gemina la Municipium Septimium Apulense (Alba Iulia: ed. Altip 2012).

Ota, Lascu 2011: R. Ota, I. Lascu, Cercetări arheologice în canabae legionis XIII Geminae/Municipium Septimium Apulense – sectorul estic. Acta Musei Porolissensis XXXIII, 2011, 205-224.

Inscripţii ştampilate descoperite recent la Apulum, Dacia romană

Cvinte-cheie: Apulum, cărămizi şi ţigle ştampilate, legiunea a XIII-a Gemina.

Rezumat: În acest articol autorii analizează un lot de cărămizi şi ţigle ştampilate de epocă romană, descoperite recent în arealul centrului urban Apulum din Dacia romană. Este vorba despre un punct aflat la nord-vest de cel de-al doilea oraş roman de la Apulum, municipium Septimium Apulense, în zona extramurană, pe str. Nazareth Illit, aproape de intersecţia cu str. Detunata din municipiul modern Alba Iulia (România). În urmă cu două decenii a fost cercetată la 100 m înspre nord de acest punct o parte dintr-o clădire romană din sec. III p.Chr., care a aparţinut unei vile suburbane (*villa suburbana*). Credem că aceste materiale tegulare prevăzute cu ştampilă au aparţinut construcţiilor care făceau parte din această vilă. Aceste proprietăţi aparţineau în bună măsură familiilor înstărite care deţineau funcţii publice în conducerea administrativă a celor două oraşe romane de la Apulum. Ceea ce este interesant este faptul că sunt ştampile care atestă şapte antroponime alături de numele legiunii a XIII-a Gemina: Aurelius Callistratus, Aurelius Enthimus, Aurelius Eudoxus, Iulius Iulianus, Lucretius Aquila, Ulpius Fronto şi un anume [-----][---]u(?)dim sau [-----][---]u(?)Dem(etrius) (pe care nu am reuşit să-l descifrăm în totalitate). Ultimul antroponim avea un *nomen* care nu s-a mai păstrat şi un *cognomen* din care s-au păstrat în mod sigur literele DIM sau DEM(etrius). De asemenea a fost recuperată o *tegula* cu inscripţie realizată cu degetul în pastă crudă (*graffiti*), înainte de ardere. Antroponimele aparţin supraveghetorilor care conduceau activitatea de producţie din cadrul atelierelor (*figlinae*) de cărămidari ale legiunii a XIII-a Gemina. Complexul de clădiri aparţinând acestei vile suburbane aflate în afara celui de-al doilea oraş roman de la Apulum, datează începând cu domnia lui Marcus Aurelius datorită prezenţei numeroşilor *Aurelii* pe ştampile. Evident că locuirea a continuat şi pe parcursul sec. III p.Chr. Descoperirea este cu atât mai importantă, deoarece sunt atestate şapte antroponime alături de numele legiunii, care apar pe materialul de construcţie al unei singure clădiri, ceea ce constituie un fapt nemaiîntâlnit în provincia Dacia.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Plan de încadrare în zonă a punctului cercetat. Localizarea descoperirii pe harta satelitară a oraşului Alba Iulia cu marcarea castrului roman (C) (processing after Google Earth, last accessed 24.03.2023).

Fig. 2. Harta Daciei romane (concepută de V.-A. Lăzărescu; a se vedea Opreanu, Lăzărescu 2020, fig. 1).

Fig. 3. Secţiunea S155.1/991. Profil estic.

[1] A suggestion from my colleague Phd F. Matei-Popescu senior researcher at the Institute of Archaeology "Vasile Pârvan" Bucharest.

[2] The record from 2007 was broken, when six anthroponyms alongside the name of the 13th Gemina legion were identified in a public building of the *Severian municipium*, located east of the *castrum*, on 18 Decebal Street. See Ota, Lascu 2011.

Fig. 4. Secţiunea S155.1/991. Plan.
Fig. 5. Secţiunea S155.1/991. Imagini generale.
Fig. 6. Cărămidă cu ştampilă cu numele legiunii a XIII-a Gemina, fără antroponim.
Fig. 7. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Callistratus.**
Fig. 8. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Enthimus.**
Fig. 9. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Enthimus.**
Fig. 10. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Eudoxus.**
Fig. 11. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Eudoxus.**
Fig. 12. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Aurelius Eudoxus.**
Fig. 13. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Iulius Iulianus.**
Fig. 14. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Lucretius Aquila.**
Fig. 15. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Lucretius Aquila.**
Fig. 16. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Ulpius Fronto.**
Fig. 17. *Tegula* cu ştampilă cu antroponimul **Ulpius Fronto.**
Fig. 18. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Ulpius Fronto.**
Fig. 19. Cărămidă cu ştampilă cu antroponimul **Ulpius Fronto.**
Fig. 20. Cărămidă cu ştampilă cu numele legiunii şi antroponim ilizibil sau indescifrabil.
Fig. 21. *Tegula* cu ştampilă cu numele legiunii şi antroponim ilizibil sau indescifrabil.
Fig. 22. *Tegula* scrisă cu degetul (*tegula digito scripta*).

Надписи на клеймах, недавно обнаруженные в Апулуме, Римская Дакия

Ключевые слова: Апулум, кирпичи и черепица с клеймами, XIII Парный легион.

Резюме: Статья посвящена исследованию кирпичей и черепицы римского периода, недавно обнаруженных в районе городского центра Римской Дакии Апулума. Речь идет о месте, расположенном к северо-западу от второго римского города в Апулуме – муниципия Септимиум Апуленсе, в зоне extra muros, на улице Назарет Иллит, недалеко от пересечения с улицей Детуната современного города Алба-Юлия (Румыния). Два десятилетия назад в 100 м к северу от этого места была исследована часть римской постройки III века н.э., принадлежащей загородной вилле (*villa suburbana*). Мы полагаем, что данный строительный материал с клеймами остался от строений, относящихся к этой вилле. Здесь были владения состоятельных семейств, занимавших государственные должности в административном управлении двух римских городов Апулума. Интересно, что вместе с названием XIII Парного легиона на клеймах запечатлены семь антропонимов: Аврелий Каллистрат, Аврелий Энфим, Аврелий Евдокс, Юлий Юлиан, Лукреций Аквила, Ульпий Фронто и некий [-----] [---]у(?)дим или [-----][---]у(?)Дем(етриус) (не удалось расшифровать полностью). Последний антропоним состоит из несохранившегося *номена* и *когномена*, от которого точно сохранились буквы ДИМ или ДЕМ(етриус). Также была обнаружена *тегула* с надписью, начертанной пальцем по сырой глине (*граффити*), до обжига. Антропонимы принадлежат лицам, надзиравшим над производством в мастерских кирпичников (*figlinae*) XIII Парного легиона. Комплекс зданий этой виллы за пределами второго римского города Апулума относится к временам правления Марка Аврелия, судя по наличию многочисленных клейм с именем «Аврелий». По-видимому, это место использовалось для проживания на протяжении III века н.э. Находка представляет тем большую важность, что здесь на строительном материале одного здания наряду с названием легиона присутствуют семь антропонимов, чего раньше не встречалось на территории провинции Дакия.

Список иллюстраций:
Рис. 1. План зоны с указанием расположения исследуемого участка. Локализация находки на спутниковой карте города Алба-Юлия с обозначением римского каструма (C) (по данным Google Earth, последний доступ 24.03.2023).
Рис. 2. Карта Римской Дакии (автор В.-А. Лазэреску; см. Опряну, Лазэреску 2020, рис. 1).
Рис. 3. Раскоп S155.1/991. Восточный разрез.
Рис. 4. Раскоп S155.1/991. План.
Рис. 5. Раскоп S155.1/991. Общие снимки.
Рис. 6. Кирпич с клеймом XIII Парного легиона, без антропонима.
Рис. 7. Кирпич с антропонимом **«Аврелий Каллистрат».**
Рис. 8. *Тегула* с антропонимом **«Аврелий Энфим».**
Рис. 9. *Тегула* с антропонимом **«Аврелий Энфим».**

Рис. 10. *Тегула* с антропонимом **«Аврелий Евдокс».**
Рис. 11. *Тегула* с антропонимом **«Аврелий Евдокс».**
Рис. 12. Кирпич с антропонимом **«Аврелий Евдокс».**
Рис. 13. Кирпич с антропонимом **«Юлий Юлиан».**
Рис. 14. Кирпич с антропонимом **«Лукреций Аквила».**
Рис. 15. Кирпич с антропонимом **«Лукреций Аквила».**
Рис. 16. *Тегула* с антропонимом **«Ульпий Фронто».**
Рис. 17. *Тегула* с антропонимом **«Ульпий Фронто».**
Рис. 18. Кирпич с антропонимом **«Ульпий Фронто».**
Рис. 19. Кирпич с антропонимом **«Ульпий Фронто».**
Рис. 20. Кирпич с названием легиона и неразборчивым антропонимом.
Рис. 21. *Тегула* с названием легиона и неразборчивым антропонимом.
Рис. 22. *Тегула* с надписью, сделанной пальцем (*tegula digito scripta*).

13.04.2023

Dr. Radu Ota, National Museum of Unification Alba Iulia, Romania, 12-14 Mihai Viteazul str., Alba Iulia, Romania, https://orcid.org/0000-0002-6644-4486, e-mail: raduota2@gmail.com

Cristian Titus Florescu, National Museum of Unification Alba Iulia, Romania, 12-14 Mihai Viteazul str., Alba Iulia, Romania, https://orcid.org/0000-0002-3576-6036, e-mail: tituscristi52@gmail.com

Dr. Gabriel Tiberiu Rustoiu, National Museum of Unification Alba Iulia, Romania, 12-14 Mihai Viteazul str., Alba Iulia, Romania, https://orcid.org/0009-0004-8104-5557, e-mail: gabarei@yahoo.com

CONSIDERAȚII PRIVIND COMPONENTELE APĂRĂRII LIMES-ULUI DUNĂRII DE JOS LA SFÂRȘITUL SECOLULUI AL IV-LEA ȘI LA ÎNCEPUTUL SECOLULUI AL V-LEA. FORȚELE TERESTRE ÎNREGISTRATE DE *NOTITIA DIGNITATUM*

Vasile Mărculeț

Cuvinte-cheie: forțe terestre, Notitia Dignitatum, Dacia Ripensis, Moesia Secunda, Scythia Minor, Dunărea de Jos.

Însemnătatea geopolitică și militaro-strategică a stăpânirilor romano-bizantine de pe malul drept al Dunării de Jos, organizate în provinciile Dacia Ripensis, Moesia Secunda și Scythia Minor, precum și a capetelor de pod de pe malul stâng al fluviului, rezidă în atenția acordată apărării lor de autoritățile imperiale de la Constantinopol. Din punct de vedere militar, rolul determinant în cadrul sistemului militar destinat realizării acestui scop a revenit forțelor terestre.

Forțele terestre de pe *limes*-ul Dunării de Jos: categorii de arme, tipuri de unități, efective

Informații referitoare la forțele terestre romano-bizantine dislocate pe limes-ul Dunării de Jos se regăsesc într-un registru militar, *Notitia Dignitatum*, a cărui finalizare a fost datată de specialiștii care s-au ocupat de studierea lui la sfârșitul secolului al IV-lea sau la începutul secolului următor (Böcking 1834, 121; Bury 1920, 153-154; Jones 1964, 683; Zahariade 1988, 19; Brennan 1996, 165, 168; Kulikowski 2000, 360-362; Faleiro 1998, 14 și n. 23). Ele privesc tipurile de arme, numele unităților militare și a garnizoanelor în care au fost dispuse acestea în cadrul provinciilor dunărene sau nivelul de comandă.

Forțele terestre destinate apărării limes-ului Dunării de Jos au fost constituite din unități militare aparținând celor două armate de bază, specifice epocii – pedestrimea și cavaleria. Din punctul de vedere al unor istorici, atât militarii din trupele de pedestrași, cât și cei din trupele de cavalerie făceau parte din categoria soldaților *limitanei*, denumiți și *milites riparienses* (Maier 2013, 1-13; Schultheis 2019, 142-145, 150; cf. Tudor 1974, 76). Informațiile transmise de *Notitia Dignitatum* evidențiază, fără dubii, locul preponderent deținut de pedestrime, atât ca număr de unități, cât și, implicit, ca efective ale militarilor (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.12-35, XL.11-36, XLII.13-43; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.12-35, XL.11-36, XLII.13-43).

Sub aspectul tipurilor de unități militare, conform *Notitia Dignitatum*, trupele de cavalerie erau constituite, fără excepție, din formațiuni din categoria *cuneus* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.12-18, XL.11-17, XLII.13-21; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.12-18, XL.11-17, XLII.13-21). În ceea ce privește trupele de pedestrași, izvorul amintit înregistrează o organizare mai complexă a acestora. După *Notitia Dignitatum,* trupele de pedestrași erau organizate în *legiones riparienses*, *auxilia*, *milites* și *cohortes* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.20-35, XL.19-36, XLII.23-43; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.20-35, XL.19-36, XLII.23-43).

Stabilirea efectivelor diferitor tipuri de unități militare din cele două categorii de arme a condus la numeroase discuții în rândul specialiștilor. Spre exemplu, Robert Grosse considera efectivul unui cuneus de cavalerie la 1.000 de oameni (Grosse 1920, 51-53). Alți istorici s-au pronunțat pentru un efectiv de 500 de militari (Fairley 1899, 8; Mommsen 1889, 256; Mommsen 1910, 262; Jones 1964, 680-682; Tradgold 1995, 46; Breeze, Dobson 2000, 195, 197).

Recent, abordând problema efectivelor trupelor de cavalerie înregistrate de *Notitia Dignitatum*, istoricul Evan Michael Schultheis include unitățile acestei armate de la Dunărea de Jos în categoria de tipul cuneus mic. În consecință, el atribuie fiecărui cuneus, cu excepția celor din

Dacia Ripensis, pe care nu le evaluează, un efectiv fix de 256 de militari (Schultheis 2019, 143, 145). Potrivit opiniei acestui istoric, numărul militarilor dintr-un cuneus era egal cu cel al călăreţilor dintr-o *cohors milliaria equitata*, după cum fusese stabilit de David J. Breeze şi Brian Dobson (Breeze, Dobson 2000, 196-197).

Aceeaşi atenţie a fost acordată stabilirii efectivelor diferitor tipuri de unităţi din trupele de pedestrime. În general, istoricii admit că o legiune din epoca romană târzie avea 1.000 de oameni (Fairley 1899, 8; Mommsen 1889, 254; Mommsen 1910, 260; Grosse 1920, 34; Bury 1923, 35; Jones 1964, 680-682; Treadgold 1995, 49-49).

Spre deosebire de aceste opinii, Evan Michael Schultheis atribuie fiecărei *pedatura* din legiunile de la Dunărea de Jos un efectiv de 960 de militari (Schultheis 2019, 142, 144, 150). Prin aplicarea acestei cifre numărului de *pedaturae* aparţinând fiecărei legiuni, conform divizării acestora prezentate de *Notitia Dignitautm,* reiese că mărimea efectivelor totale ale militarilor din legiunile dunărene a fost diferită în cele trei provincii de la Dunărea de Jos. Deducem de aici că fiecare legiune din Moesia Secunda şi Scythia Minor ar fi avut efectivul de 2.880 de soldaţi, iar cele din Dacia Ripensis – câte 4.320 de soldaţi (Schultheis 2019, 142, 144, 150). Nu am inclus în aceste estimări unităţile aparţinătoare flotei care funcţiona pe lângă legiunile provinciilor dunărene.

Efectivele soldaţilor din *auxilia* au fost estimate la 500 de oameni, excepţie făcând *auxilium militarensium* de 1.000 de oameni (Fairley 1899, 8; Grosse 1920, 38-42; Jones 1964, 682; Treadgold 1995, 49; Breeze-Dobson, 2000, 195). La acelaşi număr de luptători au fost considerate şi efectivele cohortelor (Fairley 1899, 8; Grosse 1920, 42-45; Jones 1964, 682; Treadgold 1995, 49; Breeze-Dobson, 2000, 195). Efectivele unităţilor de *milites* au fost estimate la 300 de soldaţi de Robert Grosse (Grosse 1920, 54), la 500 de oameni – de unii istorici (Jones 1964, 682; Treadgold 1995, 46), respectiv la 640 de militari – de către Evan Michael Schulteis, care le include între *numeri* (Schultheis 2019, 118-174).

Forţele terestre ale Daciei Ripensis

Forţele militare terestre, dislocate pe teritoriul Daciei Ripensis, erau formate din unităţi de cavalerie (cuneus) şi de pedestrime, sau infanterie (legiones riparienses, cohortes, auxilia şi milites) (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.13-43; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.13-43). Toate aceste unităţi militare erau puse *„sub dispositione uiri spectabilis ducis Daciae Ripensis”* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.12; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.12). Militarii din compunerea lor făceau parte din categoria limitaneilor. Din informaţiile transmise de *Notitia Dignitatum* se desprinde constatarea că trupele de pedestrime erau dominante – atât în ceea ce priveşte numărul de unităţi militare, cât şi ca efective ale militarilor. Istoricul Warren Treadgold a calculat că ponderea cavaleriştilor era 39,1%, iar cea a pedestraşilor – de 60.9% din totalul efectivelor de militari dislocaţi pe teritoriul provinciei (Treadgold 1995, 52).

Cavaleria era reprezentată de nouă cunei, a căror dispunere în garnizoanele de pe teritoriul Daciei Ripensis este înregistrată de *Notitia Dignitatum*. Conform consemnării din acest izvor, cele nouă cunei de cavalerie erau: *Cuneus equitum Dalmatorum Fortensium*, la Bononia, *Cuneus equitum Dalmatorum Diuitensium*, la Dorticum, *Cuneus equitum scutariorum*, la Cebrum, *Cuneus equitum Dalmatorum Diuitensium*, la Drobeta, *Cuneus equitum Dalmatorum*, la Vari[a]na, *Cuneus equitum stablesianorum*, la Almus, *Cuneus equitum scutariorum*, la Aegeta, şi *Cuneus equitum Constantinianorum*, la Utum (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.13-21; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.13-21).

Istoricul Warren Treadgold a calculat că efectivele unităţilor de cavalerie din Dacia Ripensis se ridicau la 4.500 de militari, adică câte 500 de soldaţi în fiecare cuneus (Treadgold 1995, 52). Indirect, o altă opinie pare a avea Evan Michael Schultheis, care, fără a aborda direct problema cavaleriei din Dacia Ripensis, atribuie fiecărui cuneus din provinciile învecinate – Moesia Prima, Moesia Secunda şi Scythia Minor – un număr de 256 de militari (Schultheis 2019, 143, 145, 149). Prin atribuirea aceluiaşi număr de militari şi fiecărui cuneus din Dacia Ripensis, ar reieşi că, potrivit acestui cercetător, efectivul total al luptătorilor din unităţile de cavalerie se ridica la 2.304 oameni.

Trupele de pedestraşi sau infanterie, staţionate pe teritoriul Daciei Ripensis, erau reprezentate de unităţile de auxiliares şi legiones riparienses. *Notitia Dignitatum* înregistrează şapte unităţi de auxiliares, care staţionau pe teritoriul Daciei

Ripensis. Conform aceleiași surse, mai erau dislocate următoarele: *Auxilium Miliarensium*, la Transalba, *Auxilium primorum Daciscorum*, la Drobeta, *Auxilium Crispitiense*, la Crispitia, *Auxilium Mariensium*, la Oescus, *Auxilium Claustinorum*, la Translucus, și *Auxilium secundorum Daciscorum*, la Burgus Zonus (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.23-28; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.23-28). Alături de acestea, registrul militar mai arată sub comanda ducelui provinciei și un *Praefectus militum exploratorum*, la Transdiernia (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.29; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.29).

Potrivit calculelor efectuate de Warren Treadgold, efectivele acestor trupe auxiliare se ridicau la 4.000 de oameni (Treadgold 1995, 52). La rândul lui, Evan Michael Schultheis calculează efectivul acestor unități la 3.520 de militari. Conform opiniei acestui istoric, fiecare numerus avea un efectiv de 480 de oameni, iar *Milites exploratores* – 640 de oameni (Schultheis 2019, 150).

Alături de unitățile militare prezentate, *Notitia Dignitatum* mai înregistrează sub comanda ducelui o serie de comandamente ale unităților din cele două legiones riparienses, dislocate în provincie, *Legio V Macedonica* și *Legio XIII Gemina*. Respectivele comandamente, menționate de isvorul amintit, erau: *Praefectus legionis quintae Macedonicae*, la Variniana (Variana?, Valeriana?), *Praefectus legionis quintae Macedonicae*, la Cebrum, *Praefectus legionis quintae Macedonicae*, la Oescus, *Praefectus legionis triaedecimae Geminae*, la Aegeta, *Praefectus legionis triaedecimae Geminae*, la Transdrobeta, *Praefectus legionis triaedecimae Geminae*, la Burgus Novus, *Praefectus legionis triaedecimae Geminae*, la Zernis (Dierna), *Praefectus legionis triaedecimae Geminae*, la Ratiaria, *Praefectus legionis quintae Macedonicae*, la Sucidava, *Tribunus cohortis secundorum reducum*, la Siosta, *Tribunus cohortis nouae*, la Sosticae, *Praefectus classis Histricae*, la Aegeta și un *Praefectus classis Ratianensis* sau *Ratiarensis* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.31-43; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.31-43).

Efectivele trupelor din legiones riparienses și din cele două cohortes se ridicau, potrivit lui Warren Treadgold, la 3.000 de luptători (2.000 de militari în cele două legiuni și 1.000 în cele două cohorte) (Treadgold 1995, 52). Conform calculelor realizate de Evan Michael Schultheis, aceste unități însumau un număr de 10.560 de militari, adică câte 960 de oameni în fiecare corp de legiune și câte 480 de oameni pentru fiecare din cele două cohorte (Schultheis 2019, 150).

Referitor la efectivele totale ale forțelor care staționau în Dacia Ripensis, istoricii care au studiat acest aspect au formulat răspunsuri diferite. Spre exemplu, Warren Treadgold consideră că efectivele lor totale se ridicau la 11.500 de luptători, din care 4.500 de cavaleriști și 7.000 de pedestrași (Treadgold 1995, 52). În ceea ce-l privește pe Evan Michael Schultheis, acesta consideră că numai trupele de pedestrași se ridicau la un efectiv de 14.080 de luptători (Schultheis 2019, 150). Prin adăugarea celor, probabil, 2.304 luptători din trupele de cavalerie, efectivele totale ale militarilor staționați în Dacia Ripensis s-ar ridica la 16.384 de oameni. Nicolae Gudea și Mihail Zahariade admit, cu rezerve, un număr de 17.400 de oameni pentru efectivele totale de militari dispuși în garnizoanele din Dacia Ripensis (Gudea, Zahariade 2016, 49).

În ceea ce ne privește, nu aderăm la aceste rezultate, deoarece toți acești istorici au inclus în calculele lor și unitățile destinate să opereze în compunerea celor două unități ale flotei provinciei. Din punctul nostru de vedere, forțele terestre dislocate pe teritoriul Daciei Ripensis erau formate din nouă cunei de cavalerie, șase auxilia, un milites, nouă corpuri ale celor două legiones riparienses și două cohortes. Numărul total al acestora se ridica, astfel, la 27 de unități militare.

Nu am inclus în calculele noastre cele două unități de classes, respectiv *classis Histricae* și *classis Ratianenses*, dislocate pe limes-ul provinciei. Considerăm, asemenea altor istorici, că, deși erau formate din militari pedeștri, cele două unități operau în cadrul flotei (Zahariade 2014-2015, 142). Soldații din compunerea lor erau, în opinia noastră, luptători care operau în timp de război sau a unor misiuni specifice, îmbarcați pe vase.

Pentru stabilirea efectivelor totale, am luat ca bază de calcul numărul de militari atribuit de specialiștii în domeniu diferitor tipuri și categorii de unități militare din compunerea forțelor terestre. Rezultatul la care am ajuns a fost 11.500 de militari, din care 4.500 de cavaleriști și 7.000 de pedestrași. După cum se poate constata, cifrele sunt identice cu cele calculate de Warren Treadgold.

În acest punct al demersului nostru, considerăm că efectivele calculate – atât de ceilalţi istorici, cât şi de noi – rămân doar teoretice, *„pe hârtie”*. Nu credem că, în realitate, efectivul fiecărei unităţi militare a atins cifra maximă. În consecinţă, concluzionăm că numărul propriu-zis al trupelor terestre, care staţionau pe teritoriul provinciei Dacia Ripensis, trebuie să fi fost mai redus.

Forţele terestre ale Moesiei Secunda

Informaţii similare ne oferă *Notitia Dignitatum* şi despre forţele militare terestre,,dislocate în Moesia Secunda. Şi în această provincie, *„sub dispositione uiri spectabilis ducis Moesiae Secundae”*, sunt înregistrate atât trupe de cavalerie, cât şi trupe de pedestraşi (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL10-35; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.10-35). De asemenea, sub comanda ducelui provinciei Moesia Secunda mai erau puse, potrivit aceluiaşi izvor, alte trei unităţi militare, dislocate în două provincii vecine, una – în provincia Rhodope şi două – în provincia Thracia (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.46, 48-49; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.46, 48-49).

Conform consemnărilor din tratatul militar, unităţile de cavalerie cu garnizoane în Moesia Secunda erau în număr de şapte: *Cuneus equitum scutariorum*, la Securisca, *Cuneus equitum Solensium*, la Dimum, *Cuneus equitum scutariorum*, la Latius (probabil Iatrus), *Cuneus equitum armigerorum*, la Sexagintaprista, *Cuneus equitum secundorum armigerorum*, la Tegra, *Cuneus equitum scutariorum*, la Appiaria, şi *Cuneus equitum stablesianorum*, la Sucidava (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL11-17; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.11-17).

Efectivele trupelor de cavalerie din Moesia Secunda au fost calculate de Warren Treadgold la 3.500 de luptători, adică 500 de militari de fiecare cuneus (Treadgold 1995, 52). În opoziţie cu această părere, Evan Michael Schultheis consideră că numărul de luptători din fiecare cuneus era de 256 de oameni, totalul efectivului trupelor de cavalerie din provincie ridicându-se la 1.792 de militari (Schultheis 2019, 145).

Trupele de pedestraşi staţionate în provincia Moesia Secunda erau formate din opt unităţi de auxiliares şi din şase corpuri în care erau divizate legiones riparienses. Cele opt unităţi de auxiliares, dislocate în provincia dunăreană şi înregistrate de *Notitia Dignitatum,* erau următoarele: *Milites praeuentores*, la Ansamum, *Milites Constantini*, la Trimammium, *Milites Dacisci*, la Mediolana, *Milites Nouenses*, la Transmarisca, *Milites primi Moesiaci*, la Candidiana, *Milites Moesiaci*, la Tegulicium, *Milites quarti Constantiani*, la Durostorum, şi *Milites Cimbriani*, la Cimbriana (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.19-21, 23-27; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.19-21, 23-27).

Aşa cum am arătat deja, conform *Notitia Dignitatum*, sub comanda ducelui Moesiei Secunda se mai aflau încă trei cohorte de limitanei, dispuse în două provincii vecine. Aceste unităţi militare erau: *Cohors quarta Gallorum*, dislocată la Ulucitra, în Rhodope, *Cohors prima Aureliana*, staţionată la Radice-Viamata, şi *Cohors tertia Valeria Bacarum*, la Drasdea, ambele în provincia Thracia (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.46, 48-49; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.46, 48-49).

În ceea ce ne priveşte, susţinem că în cadrul trupelor de pedestraşi nu pot fi incluse două unităţi de auxiliares, anume: *Milites tertii nauclarii*, de la Appiaria, şi *Milites nauclarii Altinenses*, de la Altinum (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.22; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.22). Considerăm aceste unităţi militare ca făcând parte din cadrul flotei dunărene dislocate în provincie. Soldaţii din compunerea lor participau la operaţiunile militare îmbarcaţi pe vase.

Efectivele trupelor de auxiliares, cu garnizoane în Moesia Secunda, au fost calculate de Warren Treadgold prin includerea în cadrul lor şi a celor două *milites nauclarii*. Numărul de soldaţi calculat de el se ridică la 5.000 de oameni, respectiv câte 500 de militari pentru fiecare milites (Treadgold 1995, 52). În acelaşi fel procedează şi Evan Michael Schultheis, care consideră că cele 10 milites numărau, fiecare, câte 640 de soldaţi. În consecinţă, el calculează efectivele trupelor de auxiliares la 6.400 de oameni (Schultheis 2019, 144).

În ceea ce ne priveşte, admitem şi noi că un milites numără 500 de soldaţi. În consecinţă, considerăm că efectivele celor opt milites se ridicau la 4.000 de oameni.

O altă categorie a trupelor terestre era reprezentată de corpurile în care erau divizate cele două legiones riparienses dislocate în provincie, *Legio I Italica* şi *Legio XI Claudia*. *Notitia Dignitatum* înregistrează sub legiones riparienses şapte

comandamente: *Praefectus legionis primae Italicae*, la Novas (Novae), *Praefectus ripae legionis primae Italicae cohortis quintae pedaturae superioris*, la Novas, *Praefectus ripae legionis primae Italicae cohortis quintae pedaturae inferioris*, la Sexagintaprista, *Praefectus legionis undecimae Claudiae*, la Durostorum, *Praefectus ripae legionis undecimae Claudiae cohortis quintae pedaturae superioris*, la Transmarisca şi *Praefectus ripae legionis undecimae Claudiae cohortis quintae pedaturae inferioris*, la Transmarisca (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.30-35; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.30-35). Alături de acestea, *Notitia Dignitatum* mai menţionează un *Praefectus nauium amicarum et militum ibidem deputatorum* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XL.36; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XL.36)

Referitor la efectivele lor, Warren Treadgold admite că efectivele tuturor corpurilor din compunrea celor două legiuni erau de 2.000 de militari (Treadgold 1995, 52). La rezultate complet diferite ajunge Evan Michael Schultheis, care estimează că şase unităţi din legiuni numărau câte 960 de militari fiecare, iar *naves amnicari et milites*, care era un numerus, avea 640 de soldaţi. În total, respectivele unităţi ar fi dispus de un efectiv de 6.400 de militari (Schultheis 2019, 144).

Din punctul nostru de vedere, acel *naves amnicari et milites* era, de asemenea, o unitate militară care aparţinea flotei. În consecinţă, includerea ei în cadrul forţelor terestre nu se justifică. Militarii din compunerea acesteia operau îmbarcaţi pe navele de luptă fluviale. *Praefectus nauium amicarum et militum ibidem deputatorum* era, în opinia noastră, comandantul flotei provinciei. El dispunea de un comandament independent, nesubordonat niciunei din cele două legiuni.

Nici includerea celor trei cohortes, dispuse în provinciile Rhodope şi Thracia, în rândul trupelor terestre din Moesia Secunda nu poate fi admisă. Chiar dacă se aflau sub comanda directă a ducelui Moesiei Secunda, unităţile militare respective erau destinate apărării celor două provincii în care îşi aveau garnizoanele. Efectivele totale ale militarilor din compunerea corpurilor celor două legiuni, staţionate pe teritoriul provinciei, erau de 2.000 de oameni.

În temeiul concluziilor la care am ajuns, conchidem că în provincia Moesia Secunda au fost dislocate un număr de 21 de unităţi militare terestre. Dintre acestea, şapte erau cunei de cavalerie, şi 14 – de pedestrime, din care opt milites de auxiliares şi şase corpuri de legiones riparienses.

Efectivele acestora se ridicau, conform calculelor realizate de Warren Treadgold, la 10.500 de militari, din care 3.500 de cavalerişti şi 7.000 de pedestraşi (Treadgold 1995, 52). Efectivele calculate de Warren Treadgold nu le includ şi pe cele ale trupelor dislocate în Rhodope şi Thracia, dar le includ pe cele ale unităţilor din cadrul flotei. Potrivit lui Evan Michael Schultheis, sub comanda ducelui provinciei Moesia Secunda se aflau 16.032 de militari, din care 14.240 de pedestraşi şi 1.792 de cavalerişti (Schultheis 2019, 144-145). Cifrele includ atât efectivele unităţilor militare din Rhodope şi Thracia, cât şi pe cele din cadrul flotei.

În ceea ce ne priveşte, conchidem că efectivele totale ale forţelor terestre staţionate în Moesia Secunda se ridicau la circa 9.500 de militari. Dintre aceştia, 3.500 erau cavalerişti, iar 6.000 erau pedestraşi. Şi în acest caz, precizăm faptul că aceste efective sunt pur teoretice. Este aproape imposibil de admis că, fără nicio excepţie, toate unităţile militare au avut efectivele complete estimate.

Forţele terestre ale Scythiei Minor

O serie de informaţii cuprinse în *Notitia Dignitatum* au în vedere forţele terestre dislocate în Scythia Minor. Tratatul militar înregistrează, *„sub dispositione uiri spectabilis ducis Scythiae”*, şapte cunei de cavalerie, opt auxilia şi şase unităţi din legiones riparienses (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.11-35; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.11-35).

Conform consemnărilor din *Notitia Dignitatum*, cele şapte cunei de cavalerie şi dispunerea lor au fost următoarele: *Cuneus equitum scutariorum*, la Sucidava, *Cuneus equitum Solensium*, la Capidava, *Cuneus equitum stablesianorum*, la Cius, *Cuneus equitum stablesianorum*, la Beroe, *Cuneus equitum catafractariorum*, la Arubium, *Cuneus equitum armigerorum*, la Aegissus şi *Cuneus equium Arcadum*, la Talamonium (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.12-18; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.12-18).

Efectivele unităţilor de cavalerie dislocate în garnizoanele din Scytrhia Minor au fost calculate de Warren Treadgold la 3.500 de luptători, respectiv câte 500 de militari în fiecare cuneus (Treadgold 1995, 52). În ceea ce îl priveşte pe Evan Michael

Schultheis, acesta conchide că totalul militarilor din trupele de cavalerie s-a ridicat la 1.792 de oameni, adică câte 256 de soldaţi în fiecare cuneus (Schultheis 2019, 143).

Notitia Dignitatum înregistrează, de asemenea, un număr de opt unităţi formate din auxiliares, dispuse în garnizoanele din Scythia Minor. Acestea erau: *Milites nauclarii*, la Flaviana, *Milites superuentores*, la Axiopolis, *Milites Scythici*, la Carsium, *Milites secundi Constantini*, la Troesmis, *Milites Scythici*, la Dirigothia (Dinogetia), *Milites primi Constantiani*, la Noviodunum, *Milites quinti Constantinani*, la Salsovia, şi *Milites primi Gratianenses*, la Gratiana (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.21-27; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.21-27).

Efectivele militarilor din cele opt unităţi de auxiliares dislocate se ridicau, conform opiniei lui Warren Treadgold, la 4.000 de luptători, câte 500 în fiecare milites (Treadgold 1995, 52). După părerea lui Evan Michael Schultheis, fiecare din aceste unităţi, pe care le include în categoria *numerus*, cuprindea câte 640 de militari, ceea ce conduce la un efectiv total al luptătorilor din cadrul celor opt auxilia de 5.120 de oameni (Schultheis 2019, 142).

Din punctul nostru de vedere, formaţiunea de *Milites nauclarii* de la Flaviana nu poate fi inclusă în rândul forţelor terestre. Asemenea unităţilor militare de acelaşi tip din celelalte provincii, şi aceşti *Milites nauclarii* operau în compunerea flotei fluviale, destinate apărării liniei Dunării (Zahariade 1988, 66).

În temeiul acestei concluzii, conchidem că unităţile terestre de auxiliares din Scythia Minor erau în număr de şapte milites. Efectivele lor se ridicau la 3.500 de militari.

În Scythia Minor erau dislocate două legiuni – *Legio I Iovia* şi *Legio II Herculia*. *Notitia Dignitaum* menţionează, sub legiones riparienses, un număr de şapte comandamente ale unor corpuri militare, dispuse în garnizoanele din provincie, aflate sub comanda ducelui acesteia. Potrivit tratatului, sub comanda ducelui se aflau următoarele comandamente: *Praefectus legionis secundae Herculi[an]ae*, la Troesmis, *Praefectus ripae legionis secundae Herculiae cohortis quintae pedaturae inferioris*, la Axiopolis, *Praefectus ripae legionis secundae Herculiae cohortis quintae pedaturae inferioris*, la Iprosmis (Troesmis), *Praefectus legionis primae Iouiae*, la Noviodunum, *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis quintae pedaturae superioris*, la Noviodunum şi *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis quintae pedaturae inferioris*, la Accisso (Aegissus) (*Notitia Dignitatum* 1876, Or. XXXIX.30-34; *La Notitia Dignitatum* 1998, Or. XXXIX.30-34). Alături de aceşti prefecţi, Notitia Dignitatum mai înregistrează şi un *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis [...] et secundae Herculiae musculorum Scythiacorum et classis*, *Inplateypegiis* (in Plateypegiis) (Notitia Dignitatum 1876, Or. XXXIX.35; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XXXIX.35)

Referitor la efectivele militarilor din cele două legiuni, considerăm veridică opinia exprimată de Warren Treadgold că acestea se ridicau la 2.000 de oameni (Treadgold 1995, 52). În opinia lui Evan Michael Schultheis, fiecare corp din legiune număra 960 de militari, ceea ce conduce la un efectiv total al soldaţilor din aceste unităţi de 6.720 de oameni (Schultheis 2019, 142). Ambii cercetători includ în calculele lor şi unitatea comandată de acest *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis [...] et secundae Herculiae musculorum Scythiacorum et classis*, *Inplateypegiis*.

În acest punct al demersului nostru, precizăm că, de-a lungul timpului, o întreagă discuţie a avut loc asupra formei textului şi a semnificaţiei pasajului XXXIX.35 din *Notitia Dignitatum*: *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis [...] et secundae Herculiae musculorum Scythiacorum et classis*, *Inplateypegiis* (in Plateypegiis). Consemnarea din *Notitia Dignitatum* a fost tradusă de editorul ei în limba română, istoricul Vladimir Iliescu, drept *Prefectul ţărmului, comandant [...] al bărcilor scitice ale legiunii întâia Iovia şi a doua Herculea şi al flotei, la Plateypegia"* (Iliescu 1970, II, 211). Corectitudinea traducerii a fost însă contestată de alţi istorici (Bounegru 1984, 274).

O serie de opinii referitoare la aspectele semnalate au fost formulate de numeroşi istorici, români şi străini, începând din secolul al XIX-lea şi până în prezent. Nu s-a ajuns însă la o opinie comună, unanim aceeptată (Mommsen 1889, 213, n. 1; Mommsen 1910, 223, n. 1; Pârvan 1906, 41; Pippidi 1965, 331; Aricescu 1977, 164; Chiriac 1984, 304; Zahariade 1988, 90-91; Zahariade 2006, 176-177; Scurtu 2020, 85; Balla 2019, 485; Balla 2022, 255). Nu insistăm asupra prezentării acestor discuţii şi a opiniilor exprimate, deoarece ele nu au implicaţii asupra subiectului nostru.

Reținem totuși concluzia formulată de istoricul Mihail Zahariade. Autorul nu excludea posibilitatea ca acest *praefectus ripae*, de la Plateypegia, *„special numit”*, să fi avut *„probabil, competență asupra a tot ce ține de activitatea flotei pe Dunărea «scitică»: porturile, aprovizionarea, situația efectivelor, răspândirile subunităților atât ale flotilelor de la gurile fluviului, cât și din sectorul legiunii II Herculia, și anume unitatea de la Flaviana (milites nauclarii)”* (Zahariade 1988, 66). Ca urmare, conchidea el, respectivul *praefectus ripae*, menționat de *Notitia Dignitatum*, *„putea reprezenta, de fapt, un praefectus classis pentru întreaga provincie”* (Zahariade 1988, 66).

Din punctul nostru de vedere, acel *Praefectus ripae legionis primae Iouiae cohortis [...] et secundae Herculiae musculorum Scythiacorum et classis*, de la Plateypegia, exercita comanda unică – atât asupra unității de *musculi Scythici*, cât și asupra *classis in plateypegiis*. Foarte probabil, *musculi Scythici*, un *milites,* în opinia lui Ingo Maier (Maier 2013, 8), era o unitate formată din luptători care operau îmbarcați pe vasele de luptă. Informațiile transmise de *Notitia Dignitatum*, deși destul de confuze, permit, în opinia noastră, concluzia că respectivele unități ale flotei operau independent în aria de jurisdicție militară a celor două legiuni, fără a se subordona însă vreuneia dintre acestea. În temeiul acestor constatări, conchidem că respectivele unități navale nu pot fi incluse în rândul forțelor terestre. În consecință, acest lucru nu impietează însă asupra efectivelor totale a celor două legiuni, care rămân de 2.000 de oameni.

În temeiul informațiilor transmise de *Notitia Dignitatum,* suntem în masură să conchidem că în Scythia Minor erau dislocate 20 de unități militare terestre – șapte de cavalerie și 13 pedestre, din care șapte de milites și două legiones riparienses divizate în șase corpuri. Efectivele militarilor din compunerea forțelor au fost calculate de Warren Treadgold la 9.500 de luptători, din care 3.500 de cavaleriști și 6.000 de pedestrași (Treadgold 1995, 52). Din punctul de vedere al lui Evan Michael Schultheis, numărul total al militarilor pedestrași, dislocați în Scythia Minor, se ridica la 13.632 de oameni, din care 11.840 erau pedestrași și 1.792 erau cavaleriști (Schultheis 2019, 142-143).

Potrivit calculelor noastre, efectivele totale ale forțelor terestre care staționau în Scythia Minor erau de 9.000 de oameni. Dintre aceștia, 3.500 erau cavaleriști și 5.500 erau pedestrași. Și în cazul acestei provincii, ne menținem rezervele exprimate cu privire la efectivele maxime complete ale fiecărei unități militare.

Forțele terestre dislocate pe malul stâng al Dunării de Jos

Conform *Notitia Dignitatum*, o serie de unități militare, destinate apărării provinciilor de la Dunărea de Jos, erau dislocate în garnizoanele situate în capetele de pod de pe malul stâng al fluviului, aflate sub controlul imperiului. În compunerea lor intrau atât unități de cavalerie, cât și unități de pedestrime.

Notitia Dignitatum înregistrează asemenea dislocări de trupe la Sucidava, Drobeta și Zernis (Dierna), toate limitrofe Daciei Ripensis. În consecință, toate unitățile militare respective se aflau *„sub dispositione uiri spectabilis ducis Daciae Ripensis”* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.12; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.12).

La Sucidava era dislocată o unitate de pedestrași, respectiv un corp din Legio V Macedonica. După cum reiese din *Notitia Dignitatum*, aici era dispus un *Praefectus legionis quintae Macedonicae* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.39; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.39).

Potrivit calculelor propuse de Evan Michael Schultheis, la Sucidava ar fi fost dislocați 960 de pedestrași (Schultheis 2019, 150).

Nu agreăm o asemenea estimare. Dacă avem în vedere faptul că în epoca analizată de noi o legiune avea un efectiv de 1.000 de militari, iar Legio V Macedonica din Dacia Ripensis a fost divizată în câte patru corpuri, reiese că o asemenea grupare, comandată de un *praefectus* avea un efectiv de 250 de soldați.

În capul de pod de la Drobeta, își aveau, de asemenea, garnizoana două unități militare. Acestea erau: *Cuneus equitum Dalmatarum Diuitatensium* și *Auxilium primorum Daciscorum* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.16, 39; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.16, 39).

Și în acest caz, efectivele totale, dislocate la Drobeta, calculate potrivit formulelor oferite de Warren Treadgold și Evan Michael Schultheis, diferă semenificativ. Pe baza calculelor propuse de Evan Michael Schultheis, rezultă că la Drobeta erau dislocați, în total, 736 de militari, din care 256 de cavaleriști și 480 de pedestrași. În temeiul numă-

rului de soldaţi atribuit fiecărei unităţi militare de Warren Treadgold, reiese că efectivele însumate ale celor două unităţi militare dislocate la Drobeta se ridicau la 1.000 de militari, din care 500 erau cavalerişti şi 500 – pedestraşi, cifră pe care o admitem ca fiind plauzibilă.

În sfârşit, la Zernis (Dierna), consemnează *Notitia Dignitatum*, îşi avea comandamentul un *Praefectus legionis triaedecimae geminae* (Notitia Dignitatum 1876, Or. XLII.37; La Notitia Dignitatum 1998, Or. XLII.37). Efectivele acestei unităţi militare au fost stabilite la 960 de militari de Evan Michael Schultheis (Schultheis 2019, 150).

În ceea ce ne priveşte, nu suntem de acord cu efectivele calculate de istoricul amintit. Potrivit informaţiilor din *Notitia Dignitatum*, Legio XIII Gemina era divizată în cinci corpuri. În acest caz, considerăm că gruparea de forţe comandată de acest *praefectus* de la Zernis număra 200 de militari.

Prezenţa unităţilor militare romano-bizantine în capetele de pod de pe malul stâng al Dunării este confirmată şi de o serie de inscripţii din secolele IV-V. Spre exemplu, la Drobeta au fost descoperite cărămizi datate în această perioadă cu inscripţiile *„DRVBETA”* şi *„[D(aciae) R(i)p(ensis)] Diern[a]”*, întregite şi citite ca *„(Detaşament de ostaşi cu sediul la) Drubeta (a făcut aceasta)”*, respectiv *„(Detaşament din armata) Daciei Ripensis cu sediul la Dierna”* (IGLR 1976, 355-356, nr. 406-407).

În ceea ce priveşte numărul total al unităţilor militare şi efectivele soldaţilor care staţionau în capetele de pod situate pe malul stâng al Dunării de Jos, informaţiile transmise de *Notitia Dignitatum* ne permit concluzia că aici erau dislocate patru unităţi militare, din care una – de cavalerie şi trei – de pedestraşi, respectiv un cuneus, un auxilium şi două unităţi din legiones ripariense.

Efectivele totale ele militarilor din cadrul lor se ridicau la 1.450 de oameni. Dintre aceştia, 500 erau cavalerişti, iar 950 erau pedestraşi.

Efective totale

Informaţiile transmise de *Notitia Dignitatum* ne permit constatarea că în aria de jurisdicţie a celor trei provincii de la Dunărea de Jos au fost dislocate un număr de 68 de unităţi militare terestre, din care 23 – de cavalerie şi 45 – de pedestraşi. Nu includem în rândul acestora cele trei cohorte din Rhodope şi Thracia şi nici unităţile din compunerea flotei, cum am precizat deja.

Demersurile efectuate de unii istorici au condus la rezultate diferite cu privire la efectivele totale ale forţelor terestre staţionate în Dacia Ripensis, Moesia Secunda şi Scythia Minor. Ele au fost determinate de numărul de militari atribuit fiecărui tip de unitate militară.

Pe baza calculelor efectuate, Warren Treadgold a ajuns la concluzia că efectivele totale ale militarilor din forţele terestre, dislocaţi în cele trei provincii, se ridicau la 31.500 de luptători. Dintre aceştia, 11.500 erau cavalerişti şi 20.000 – pedestraşi. Efectivele calculate de Warren Treadgold nu le includ nici pe cele ale celor trei cohorte din Rhodope şi Thracia, puse sub comanda ducelui Moesiei Secunda, nici pe cele care operau în cadrul flotei (Treadgold 1995, 52).

În ceea ce-l priveşte pe Evan Michael Schultheis, din calculele acestuia rezultă că în aria de jurisdicţie a celor trei provincii dunărene a fost dislocat un număr total de 46.048 de militari, din care 5.888 erau cavalerişti şi 40.160 erau pedestraşi. Asemenea lui Warren Trteadgold, şi efectivele calculate de acest istoric le include pe cele ale trupelor unităţilor militare dislocate în provinciile Rhodope şi Thracia, precum şi pe cele din compunerea flotei (Schultheis 2019, 142-145, 150).

Calculele realizate de noi ne-au condus la concluzia că efectivele totale ale forţelor terestre dispuse în cele trei provincii de la Dunărea de Jos se ridicau la 30.000 de militari, din care 11.500 erau cavalerişti, iar 18.500 erau pedestraşi. Nu am inclus în calculele efectivelor totale realizate de noi nici pe cele ale unităţilor din Thracia şi Rhodope şi nici pe cele care operau în cadrul flotelor celor trei provicii.

Precizăm însă faptul că rezultatele acestor calcule îşi păstrează veridicitatea numai în cazul în care toate unităţile militare ar fi avut complet numărul maxim de soldaţi din compunerea lor. Cum, din punctul nostru de vedere, acest fapt este aproape imposibil, admitem că efectivele calculate de noi, la fel ca şi ale celorlaţi istorici, au un caracter relativ şi teoretic.

Consideraţii finale

Rolul esenţial în apărarea limes-ului danubian al provinciilor Dacia Ripensis, Moesia Secunda şi

Scythia Minor, a revenit forțelor terestre. Dispunerea lor în garnizoanele din provinciile romano-bizantine de la Dunărea de Jos se regăsește în registrul militar *Notitia Dignitatum*.

Potrivit registrului militar, în Dacia Ripensis staționau 27 de unități militare terestre. Dintre acestea, nouă erau unități de cavalerie și 18 – unități de pedestrași (nouă cunei de cavalerie, șase auxilia, un milites și 9 corpuri din legiones riparienses și două cohortes). Efectivele totale ale forțelor care staționau în Dacia Ripensis se ridicau la 11.500 de luptători, din care 4.500 de cavaleriști și 7.000 de pedestrași.

În provincia Moesia Secunda au fost dislocate 21 de unități militare terestre, din care șapte de cavalerie și 14 de pedestrași. Efectivul lor se ridica la circa 9.500 de militari. Dintre aceștia, 3.500 erau cavaleriști, iar 6.000 erau pedestrași.

În Scythia Minor erau dislocate 19 unități militare terestre, din care șapte de cavalerie și 12 de pedestrași, adică șapte cunei de cavalerie, șase auxilia și șase unități din legiones riparienses. Efectivele totale ale militarilor din compunerea lor se ridicau la 9.000 de luptători, din care 3.500 cavaleriști și 5.500 de pedestrași.

Dintre unitățile militare dispuse pe limes-ul provinciilor romano-bizantine de la Dunărea de Jos, unele erau dislocate în capetele de pod situate pe malul stâng al Dunării. Aici erau dislocate patru unități militare, din care una de cavalerie și trei de pedestrași. Efectivele totale ale militarilor din cadrul lor se ridcau la 1.450 de oameni. Dintre aceștia, 500 erau cavaleriști, iar 950 erau pedestrași.

Informațiile transmise de *Notitia Dignitatum* ne permite constatarea că în aria de jurisdicție a celor trei provincii de la Dunărea de Jos au fost dislocate 68 de unități militare terestre, din care 23 de cavalerie și 45 de pedestrași. Efectivele totale ale militarilor din compunerea lor se ridicau la 30.000 de militari, din care 11.500 erau cavaleriști, iar 18.500 erau pedestrași.

Bibliografie

Aricescu 1977: A. Aricescu, Classis in plateypegiis. Studii clasice XVII, 1977, 161-165.

Balla 2019: C. Balla, Some Considerations on the *Praefectus ripae legionis primae Ioviae cohortis et secundae Herculiae Scythicorum et classis in plateypegiis*. Studia Antiqua et Archaeologica 2/25, 2019, 483-493.

Balla 2022: C. Balla, Organizare și strategie militară în Scythia Minor. Sfârșitul secolului al III-lea - secolul al VII-lea d. Hr. (Iași 2022).

Böcking 1834: E. Böcking, Ueber die Notitia Dignitatum utriusque Imperii. Eine Abhandlung zur Litteraturgeschichte und Kritik (Bonn 1834).

Breeze, Dobson 2000: J.D. Breeze, B. Dobson, Hadrian's Wall, e-Book (Penguin Books 2000).

Brennan 1996: P. Brennan, The Notitia Dignitatum. Entretiens sur l'Antiquité classique 42, 1996, 147-178.

Bury 1920: J.B.Bury, The Notitia Dignitatum. The Journal of Roman Studies 10, 1920, 131-154.

Bury 1923: J.B. Bur, History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (AD 395 to AD 565) (London 1923).

Chiriac 1984: C. Chiriac, *Notitia Dignitatum* și unele probleme privind flota militară pe limesul scitic. SCIVA 4/35, 1984, 301-310.

Fairley 1899: D.D. Fairley, Notitia Dignitatum or Register of Dignitaries (Philadelphia 1899).

Grosse 1920: R. Grosse, Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung (Berlin 1920).

Gudea, Zahariade 2016: N. Gudea, M. Zahariade, Dacia Ripensis. Festungen an der Nordgrenze der Provinz und ihre Truppenkörper (Amsterdam 2016).

Faleiro 1998: C.N. Faleiro, Introduccion. In: C.N. Faleiro, La Notitia Dignitatum: nueva editión crítica y comentario histórico. Tesis doctoral (Madrid 1998), 4-27.

Iliescu 1970: Vl. Iliescu, Notitia Dignitatum. Fontes Historiae Dacoromanae, II. Scriptores: 2. Ab anno CCC usque ad annum M. Ediderunt H. Mihăescu, Gh. Ștefan, R. Hîncu, Vl. Iliescu, V.C. Popescu / Izvoarele istoriei României, II. Autori 2. De la anul 300 până la anul 1000. Publicate de H. Mihăescu, Gh. Ștefan, R. Hîncu, Vl. Iliescu, V.C. Popescu (București 1970), 206/207-212/213.

IGLR 1976: Inscripțiile grecești și latine din secolele IV-XIII, descoperite în România. Culese, traduse în românește, însoțite de indici și comentate de Em. Popescu (București 1976).

Jones 1964: A.H.M. Jones, The Later Roman Empire 284-602. A Social Economic and Administrative Survey, vol. II (Oxford 1964).

Kulikowski 2000: M. Kulikowski, The ”Notitia Dignitatum” as a Historical Source. Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte 3/49, 2000, (3rd Qtr.), 358-377.

La Notitia Dignitatum 1998: La Notitia Dignitatum: nueva editión crítica y comentario histórico, por C.N. Faleiro, Tesis doctoral (Madrid 1998).

Maier 2013: I. Maier, Descriptive names of military units in the Compilatin ‘notitia dignitatum’, 2013, pe https://www.yumpu.com/it/document/view/18864875/descriptive-names-of-military-units-in-the-compilation-notitia- (accesat: 04.03.2023).

Mommsen 1889: Th. Mommsen, Die römische Militärwesen seit Diocletian. Hermes. Zeischrift fur Classische Philologie XXIV, 1889, 195-279.

Mommsen 1910: Th. Mommsen, Die römische Militärwesen seit Diocletian. Gesammelte Schriften VI, 1910, 206-283.

Notitia Dignitatum 1876: Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Prouinciarum, edidit O. Seeck (Berolini MDCCCLXXVI).

Pârvan 1906: V. Pârvan, Salsovia (Bucureşti 1906).

Pippidi 1965: D.M. Pippidi, Note de lectură. Studii Clasice VII, 1965, 319-333.

Schultheis 2019: E.M. Schultheis, The Battles of the Catalaunian Fields, AD 451. Flavius Aetius, Attila the Hun and the Transformation of Gaul (Yorkshire-Philadelphia 2019).

Scurtu 2020: E.-F. Scurtu, Despre insula *Peuce, Genucla, Halmyris* şi „cultura Murighiol”. English Edition (Bucharest 2020).

Treadgold 1995: W. Treadgold, Byzantium and Its Army, 284-1081 (Stanford 1995).

Tudor 1974: D. Tudor, Sucidava (Craiova 1974).

Zahariade 1988: M. Zahariade, Moesia Secunda, Scythia şi Notitia Dignitatum (Bucureşti 1988).

Zahariade 2006: M. Zahariade, Scythia Minor. A History of a Later Roman Province (284-681) (Amsterdam 2006).

Zahariade 2014-2015: M. Zahariade, The Dacia Ripensis Section in Notitia Dignitatum (XLII). Thraco-Dacica s.n. VI-VII (XXIX-XXX), 2014-2015, 119-154.

Considerations regarding the defense components of the lower Danube limes at the end of the 4th century and the beginning of the 5th century. The land forces recorded by *Notitia Dignitatum*

Keywords: land forces, Notitia Dignitatum, Dacia Ripensis, Moesia Secunda, Scythia Minor, the Lower Danube.

Abstract: The essential role in the defense of the Danube limes fell to the land forces. Their disposition in the Romano-Byzantine provinces of the Lower Danube can be found in the military document *Notitia Dignitatum*.

According to this source, 27 land military units were stationed in Dacia Ripensis, of which nine were cavalry and 18 were infantry. Their forces amounted to 11,500 warriors, of which 4,500 horsemen and 7,000 infantrymen.

In the province of Moesia Secunda, a number of 21 land military units were deployed, of which seven cavalry and 14 infantry (without the three in Rhodope and Thrace). Their numbers amounted to 9,500 soldiers, of which 3,500 horsemen and 6,000 infantrymen.

A total of 19 military units were deployed in Scythia Minor, of which seven cavalry and 13 infantry. The military forces in their composition amounted to 9,000 warriors, of which 3,500 horsemen and 5,500 infantrymen.

Of these, four military units were stationed in the bridgeheads located on the left bank of the Lower Danube, at Sucidava, Drobeta şi Zernis (Dierna), of which one were cavalry and three were infantry. In total, they numbered 1450 people, of which 500 horsemen and 950 infantrymen.

A number of 68 ground military units, of which 23 cavalry and 45 infantry were deployed in the area of jurisdiction of the three Lower Danube provinces. Their numbers amounted to 30,000 warriors, of which 11,500 horsemen and 18,500 infantrymen. This number does not include troops stationed in the Rhodopes and Thrace.

О компонентах обороны нижнедунайского лимеса в конце IV и начале V века. Сухопутные войска в *Notitia Dignitatum*

Ключевые слова: сухопутные войска, Notitia Dignitatum, Прибрежная Дакия, Мезия Секунда, Малая Скифия, Нижний Дунай.

Резюме: Существенная роль в обороне дунайского лимеса принадлежала сухопутным войскам. Их расположение в романо-византийских провинциях Нижнего Дуная можно найти в военном труде Notitia Dignitatum.

Согласно этому источнику, в Прибрежной Дакии размещалось 27 сухопутных боевых единиц, из них 9 конных и 18 пехотных. Их силы насчитывали 11 500 воинов: 4 500 всадников и 7 000 пехотинцев.

В провинции Мезия Секунда дислоцировалась 21 сухопутная боевая единица, из них 7 конных и 14 пехотных (не считая еще трех в Родопах и Фракии). Их численность составляла 9 500 солдат, из них 3 500 всадников и 6 000 пехотинцев.

В Малой Скифии дислоцировалось 19 боевых единиц: 7 конных и 12 пехотных. По данным некоторых авторов, они насчитывали 8500 воинов, из них 3500 всадников и 5000 пехотинцев.

Некоторые из этих боевых единиц дислоцировалась на плацдармах, расположенных на левом берегу Дуная, в Суцидаве, Дробете и Зернисе (Дьерне). Это были четыре боевые единицы: одна конная и три пехотные. Всего они насчитывали 1450 человек, из них 500 всадников и 950 пехотинцев.

В зоне юрисдикции трех нижнедунайских провинций размещалось 68 сухопутных боевых единиц, из них 23 конных и 45 пехотных. Их численность составляла, по данным некоторых авторов, 30 000 воинов, из них 11 500 всадников и 18 500 пехотинцев. В это число не входят войска, дислоцировавшиеся в Родопах и Фракии.

04.07.2023

Dr. Vasile Mărculeț, cercetător independent, str. Johannes Honterus, nr. 5, RO-551019 Mediaș, jud. Sibiu, România, https://orcid.org/0000-0002-3409-2818, e-mail: vasilemarculet@gmail.com

КУНСТКАМЕРА (МУЗЕЙ) И ДРУГИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОБРАНИЯ НИКОЛАЕВА, ИХ СОЗДАТЕЛИ И ПЕРЕДАЧА ОДЕССКОМУ ОБЩЕСТВУ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ В 40-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Игорь Сапожников, Ольга Айсфельд, Виктор Савченко

Николаевское Депо карт заслуживает особенное внимание историка и археолога.
Свиньин 1826, 96

При основании собрания Общества истории и древностей перевезли в Одессу весь Николаевский музей и таким образом соединили в одно целое главнейшие археологические памятники Южного края.
Уваров 1851, 35

Ключевые слова: Николаев, Кабинет редкостей (Кунсткамера), Черноморское депо карт и Штурманская школа, коллекции антиков и монет, описания современниками, роль масонов, передача в Одесское общество истории и древностей в 1840-х гг.

Историография и обоснование темы

Первой организацией, которая более или менее официально, специально и целенаправленно занималась в Николаеве сбором, хранением, экспонированием и популяризацией предметов старины, был Кабинет редкостей (Кунсткамера или Музей) при Депо карт Черноморского флота. Его историю и судьбу коллекций более 30 лет назад кратко описала И.В. Тункина (1989; 1991), использовав документы дела «Передача древностей Черноморской штурманской роты Обществу»[1]. Заметим, что в итоговой версии опуса она почему-то опустила ссылки на эту подборку документов (Тункина 2002, 190-202). В свое время данный экскурс был признан одной из историографических изюминок монографии И.В. Тункиной (Островерхов, Сапожников 2003, 273-274), но сегодня он устарел, а дальнейшая разработка темы требует привлечения более широкого круга как архивных, так и литературных источников. В свете сказанного, сегодня актуален углубленный анализ и публикация основных документов названого дела Государственного архива Одесской области (ГАОО), так как пока мы можем пользоваться их общим пересказом и цитатами, опубликованными более 20 лет тому назад в труднодоступном региональном издании (Петров 2003).

Заметим, что с выводами И.В. Тункиной согласились не все. Так, В.Н. Даниленко заключил, что первым музеем на юге Украины в конце XVIII в. стал Бахчисарайский дворец, а николаевское собрание не может считаться «музеем в полном смысле этого слова» (Даниленко 1994). Хотя часть замечаний автора была справедливой, у И.В. Тункиной они вызвали недоумение как «бездоказательные». Кроме того, существуют разночтения в дате основания Кабинета – кроме 1803 г., называют 1806 и 1809 годы (Тункина 2002, 190) и спорное мнение, что «Музей-кабинет при Депо карт» просуществовал более 40 лет (Курченко 2011, 179-180).

Итак, данная статья, написанная археологом, архивистом и историком, посвящена публикации документов, исследованию предыстории Кабинета редкостей, описанию его коллекций и других собраний Николаева, характеристике личностей (большинство из них были масонами), которые участвовали или имели прямое отношение к его истории, а также описанию процесса передачи древностей в Одессу в 1840-1846 годах.

Краткая предыстория

По данным французского консула в Крымском ханстве Шарля де Пейссонеля (Peyssonnel

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО), Ф. 93, оп. I, д. 39.

1765, 153-154)[2], проанализированным более 20 лет назад одним из авторов этих строк, а недавно – в первом томе фундаментального «Свода» лапидарных надписей Северного Причерноморья, антики из Ольвии и окрестностей вывозил еще его предшественник на этом посту Жан Мишель Вентюр де Паради (Venture de Paradis; 1701-1754) в 1741-1744 гг. (Сапожников 2001-2002, 454; Иванчик 2021, 17-19). Более того, некоторые надписи скопировал в Очакове сам К.-Ш. Пейссонель в 1754 и (или) 1758 гг., а три из них были опубликованы в 1810 г. по его рисункам из Парижской библиотеки (IOSPE I², 108, 197-198, №79, 181, 182).

Имеются данные о том, что около 1792 г., но до передачи данного земельного участка в частные руки, руководивший строительством Николаева адмиралтейский обер-штер-кригскомиссар М.Л. Фалеев приказал отправить группу матросов на руины Ольвии для поисков древних предметов. Результатом этих «раскопок» стали находки мраморной плиты с древнегреческой надписью[3] и многих ольвийских монет, судьба которых не известна (Снитко та ін. 2018, 503). К этому времени относятся сведения Н.И. Веселовского: «Основатели села Парутина или Ильинского были некрасовцы [русские староверы]». Они, находясь здесь, «начали раскопки в окружающей местности, и сначала довольно удачно, так как в греческих некрополях находилось много ценных, по преимуществу золотых вещей. Но своими раскопками они во многом испортили местность для археологических изысканий» (Веселовский 1904, 12). Один из авторов восстановил более полную картину пребывания этой группы населения (~150-180 человек) и установил, что они могли жить в Ильинском примерно с весны 1790 до лета 1792 года (Сапожников 2021, 355-356), но никаких подтверждений сказанному в литературе не обнаружил. Не исключено, что Н.И. Веселовский опирался на какие-то местные предания[4]. Сказанное в общих чертах характеризует предысторию и самое начало становления Николаева

Рис. 1. Мраморная плита с надписью из Ольвии (Kupfer 1801, Pl. 5, 4).

как центра района, в котором в XVIII – начале XIX века выявлялись, а позже и сохранялись лапидарные и прочие античные артефакты.

Теперь приведем несколько фактов из начальной истории уже музейного дела в Николаеве, наиболее ранние из которых связаны с академиком П.С. Палласом. Ученый, побывавший здесь в июле 1794 года, записал: «На этом же месте [руинах Ольвии] был найден замко́вый камень свода в аршин величиной с греческой надписью (Fig. 4), находящийся теперь в церкви в Николаеве [рис. 1; Pallas 1801, 512; Kupfer 1801, Pl. 5, 4], где также сохраняется большая плита с <…> барельефом, которая была найдена немного дальше от урочища [мыса] Царе-Камыши, где она служила проходящим судам для притягивания баграми и поэтому очень повреждена» (рис. 2; Pallas

[2] Подробнее об исследованиях ученым Северного Причерноморья см.: Сапожников, Полевщикова 2005-2009.

[3] Может быть той, которую позже видели П.С. Паллас, Л.С. Ваксель и др. (рис. 1; 4; см. ниже).

[4] Нам известен еще один факт существования в Причерноморье организованной «русской» группы копачей из села Введенка, которая в конце XIX в. грабила курганы в центре Буджака (Сапожников, Кашуба 2021, 171, 178-179).

1801, 512; Kupfer 1801, Pl. 18, 5)[5]. Далее он сообщал: «Живущий в Николаеве любезный господин профессор Афонин[6] сообщил мне описание некоторых других древностей, найденных прежде в развалинах Ольвии, которое я здесь хочу присовокупить». Речь шла о пяти ольвийских монетах № 1-5, а также двух предметах: «6. Глиняная погребальная лампа с изображением бегущей собаки. <…> 7. Небольшой кусок мрамора, посередине которого видна сова – символ Минервы, а позади нее, с обеих сторон, – два стража с топорами в правой руке» (Pallas 1801, 512-513).

В 1799 году П.И. Сумароков о тех же древностях написал: «На другой день я ездил смотреть сохраняемый подле Собора камень, заслуживающий древностью и важностью своею немалое внимание. Он нечаянно найден рыбаками верстах в 30 отсюда при урочище Цари Камыши в лимане и имеет сажень в вышину и аршин в поперешнику. Грубо высеченные на нем изображения представляют в первом ярусе человека, сидящего на коне; а внизу лежащий, подобно как на постели, вынимая из корзины фрукты, подает их предстоящему пред ним отроку, позади коего находится еще женщина. Вверху видна греческая надпись, которую знающий сей язык перевел мне сими словами: «Стратон, благий путеводитель воев, радуйся!», по чему кажется, что оный камень был некогда воздвигнут в честь Стратону. Внутри алтаря лежит на полу другой камень в ¾ вершка длиной и 5 шириной, на коем старинной эллинской надписи никто еще по сие время разобрать не мог. Оный, как думать надобно, служил где-либо замыканием в дуге дверной. Его нашли верстах в 40 отсюда, по ту сторону Буга, на развалинах древнего и известного города Ольвия, что ныне называется урочищем Сто Могил и принадлежит графу Безбородке[7]. В сем месте попадались еще древнейшие монеты, отломки карнизов и колонн, служащие к заключению о бытии здесь оного града» (Сумароков 1800, 16-17).

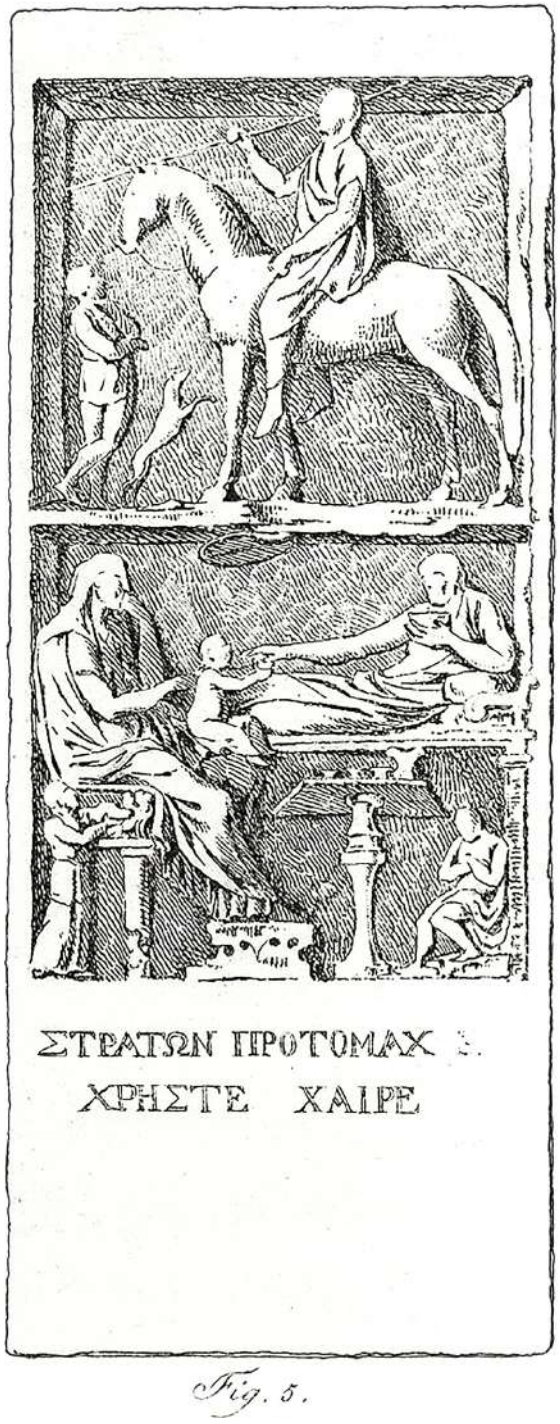


Рис. 2. «Стратонов камень» из окрестностей Ольвии (Kupfer 1801, Pl. 18, 5).

Два этих антика «снял с подлинников» в Николаеве в 1797 и (или) 1798 годах Л.С. Вакселъ (1776-1816) – будущий полковник Корпуса инженеров путей сообщения и член-корреспондент Российской АН. Обнародовал он их несколько лет спустя в альбоме «Изображения разных памятников древности,

[5] Этому уникальному артефакту посвящена специальная статья (Снитко et al. 2018).

[6] Афонин Матвей Иванович (1739-1810). О нем ниже.

[7] П.С. Паллас и П.И. Сумароков описывают одну, ныне не существующую Соборную церковь во имя Григория Великой Армении, заложенную в 1789 г., освященную 30 сентября 1794 г. и ставшую Адмиралтейским Собором 1 января 1798 г. Примечательно, что хранящиеся в нем антики в работах по истории храма не упомянуты (Тригуб 1998; Щукин 2017, 6-17, 38-39).

Рис. 3. «Стратонов камень» по Л.С. Вакселю (Waxel 1803-a, Fig. 2).

Рис. 4. Мраморная плита с надписью из Ольвии по Л.С. Вакселю (Waxel 1803-a, Fig. 1).

найденных на берегах Черного моря…»[8], сославшись на описание П.И. Сумарокова, вместе с «Картой тех мест, где оные памятники обретены» (Ваксель 1801, 5, рис. 1-2; 3-5).

В том же 1799 году писатель и журналист В.В. Измайлов (1773-1830), пробыв в Николаеве несколько дней и посвятив ему пять писем, занимающих более 30 страниц книги, умудрился не упомянуть в них древностей, хотя описал и соборную церковь (Измайлов 1800, 314-315, 322). Казалось, что его словоизлияния не будут нам полезны, но одно письмо посвящено М.И. Афонину, с которым общался П.С. Паллас. Этот персонаж интересен как ученый и житель Николаева, имевший коллекцию ольвийских древностей, который вполне может претендовать на звание первого николаевского археолога. В.В. Измайлов побывал у него в гостях и описал домик из двух комнат с «садиком-украшением», в котором профессор жил один, «по-философски», со слугой. Журналист назвал его «учеником

[8] В 1803 г. альбом был издан в Берлине на французском и немецком языках (Waxel 1803-a; Waxel 1803-b).

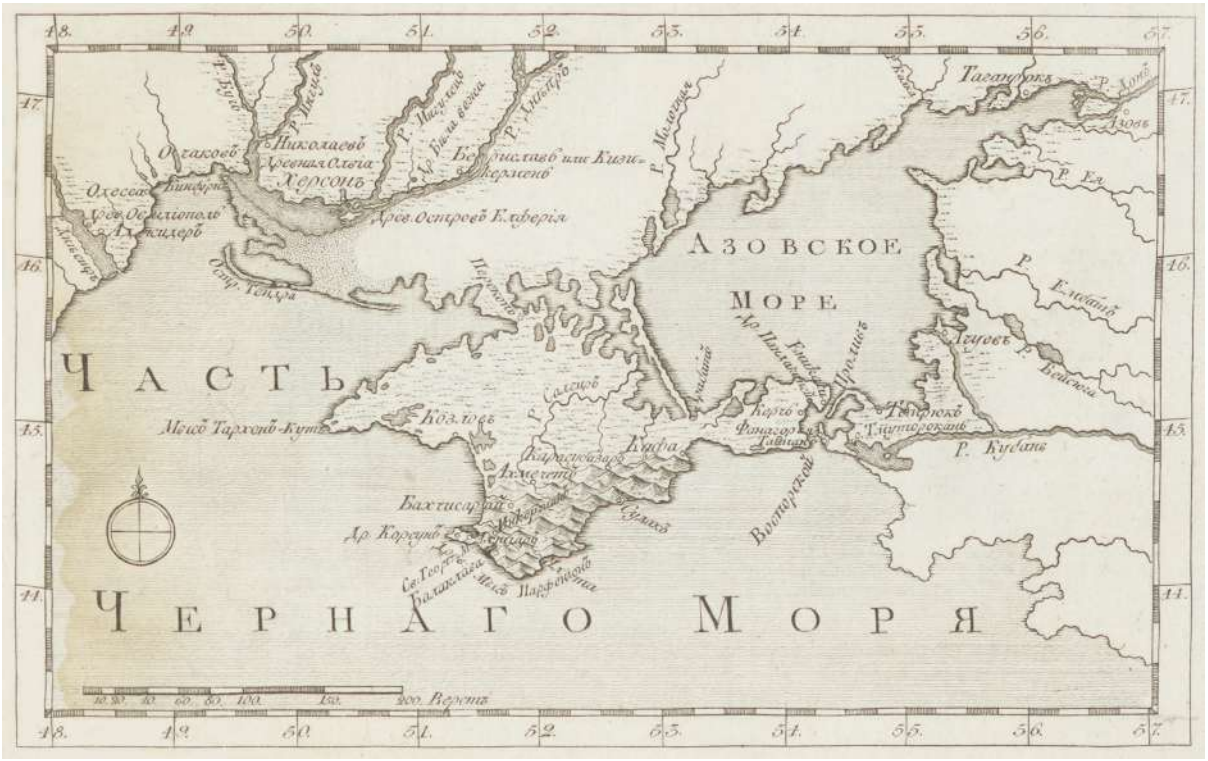


Рис. 5. Карта мест находок древностей Северного Причерноморья (Ваксель 1801).

славного К. Линнея» и заключил, что «сама тень великого человека привлекает душу» (Измайлов 1800, 310-313). О М.И. Афонине (1739-1810) известно немало. Это был первый профессор «натуральной истории» в империи, масон ложи «Озирис» с 1776 г. (Серков 2001, 969). Г.А. Потемкин поручил ему в 1783 г. составить обозрение Екатеринославского наместничества (Скальковский 1836, 182). После этого он служил директором экономии Таврической области (1784-1787), затем осел в Николаеве, где и закончилась его жизнь (Русский 1900, 258-259; Пенчко 1956; Тункина 2002, 426; Макидонов 2011, 177; Губская 2012). Правда, кроме сказанного, о связи ученого с археологией найти пока ничего не удалось.

В 1800 году Николаев посетил английский собиратель антиков Эдвард Даниэль Кларк (Edward Daniel Clarke, 1769-1822; рис. 6), который не поехал на руины Ольвии по ряду детективных обстоятельств, описанных им самим (Clarke 1810, 614) и объясненных И.В. Тункиной (2002, 56-57). Ученый ограничился изучением обоих упомянутых плит в Адмиралтейском соборе и в связи с ними описал

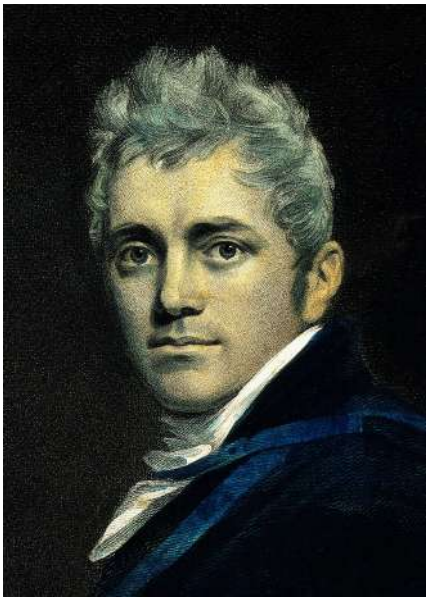


Рис. 6. Э.Д. Кларк (1769-1822).

еще несколько: «В Ольбиополе были найдены и другие надписи, часть которых удивительно соответствуют предыдущим. Благодаря любезности одного ученого друга, недавно вернувшегося из своего путешествия по Греции, я смог сделать очень интересное допол-

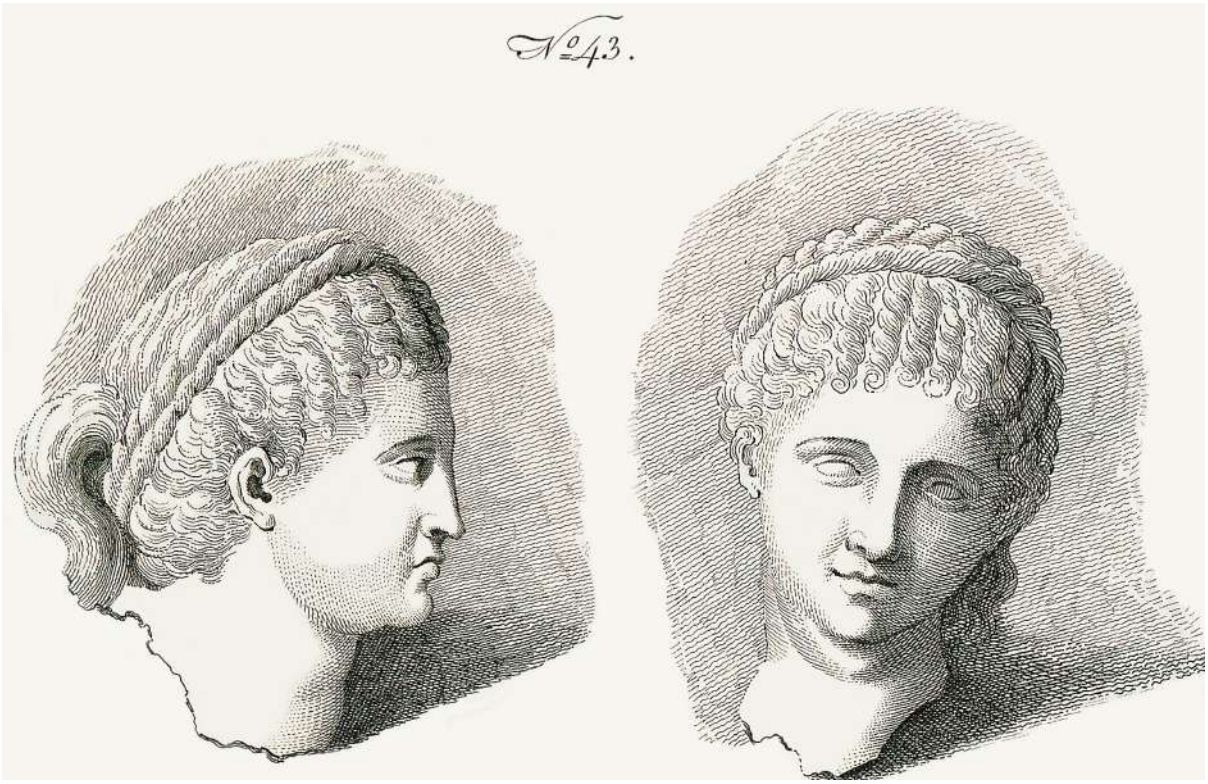


Рис. 7. Голова мраморной статуи из Ольвии (Waxel 1803-b, Fig. 43).

нение к тем, которые скопировал в Николаеве. Во время своего пребывания в Афинах он скопировал четыре ольбиопольские надписи, которые затем были сохранены м. Фовелем, знаменитым художником и антикваром» (Clarke 1810, 614-620; IOSPE I², 79, 113, 134). Из этой «экспедиции» Э.Д. Кларк привез немало «греческих мраморов», 38 из которых подарил библиотеке Кембриджского университета. Четыре из них он вывез из Российской империи контрабандой (три из Фанагории и Кафы), а один был трофеем, взятым российской армией в Анапе в ходе предыдущей войны (Clarke 1809, №6-8, 24).

В 1803 году в Берлине вышло второе дополненное издание альбома Л.С. Вакселя на французском и немецком языках «Коллекция некоторых древностей, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, в том числе находок, сделанных с 1798 года». В нем опубликован ряд находок из Северного Причерноморья, но мы остановимся на ольвийских. Кроме монет (рис. 8), в книге есть рисунки глиняного светильника и головы статуи (рис. 7). О второй сказано: «№43 представляет анфас и профиль головы из белого мрамора; обнаруженная в земле под руинами Ольвио, она очень искусной работы и отлично сохранилась. Особого внимания заслуживает манера укладки волос, которая выглядит действительно античной. Изображение этой головы того же размера, что и мраморный оригинал» (Waxel 1803-b, 22, Fig. №43). Так как о времени нахождения иных описанных находок из Ольвии ничего не сообщается, их можно рассматривать как единый комплекс.

Много лет спустя один из наиболее начитанных археологов своего времени А.А. Формозов заявил, что коллекционер и генерал-квартирмейстер П.К. Сухтелен (1751-1836) во время поездки по южным крепостям в 1800 году нашел время для нумизматических раскопок в Ольвии. Ученый сообщил также, что в 1823 году граф подарил коллекцию «Музею древнеклассической археологии АН» (Формозов 1975, 171-172). Единственным прямым фактом для такого вывода послужили слова В.В. Латышева о том, что «около самого начала века в ольвийских развалинах производил розыски инженер-генерал Сухтелен» (Латышев 1887, 32).

Рис. 8. Монеты из Ольвии (Waxel 1803-b, Fig. 47-48).

С этим не согласилась И.В. Тункина, которая опровергла эту точку зрения… фактами из биографии П.К. Сухтелена, так как он якобы в 1800-1801 гг. никак не мог приехать в Ольвию (Тункина 2002, 428). Казалось бы, все логично, но «ларчик просто открывался»: генерал совершил в указанные годы две аналогичные инспекционные поездки. Вторая из них имела место в феврале – начале марта 1800 года и была описана им в дневнике на голландском языке, давно переведенном и опубликованном (Сухтелен 1897; Сапожников, Аргатюк 2016, 279, прил. 1). Сказанное подтверждает правоту А.А. Формозова и лишний раз показывает, что историю следует изучать не только по неопубликованным источникам, но и по старым добрым книгам.

Что касается книг, то И.В. Тункина, ознакомившись со вторым изданием альбома Л.С. Вакселя и даже републиковав две гравюры из него, ничтоже сумняшеся подписала иллюстрацию «находки 1798 г. из собрания графа П.К. Сухтелена, по Л.С. Вакселю» (Тункина 2002, 55, рис. 6), хотя, как мы помним, сам автор в названии написал о находках не 1798 г., а «с 1798 г.» (Waxel 1803-b). Подводя итоги сказанному, скажем, что к началу XIX в. в Николаеве имелась общественная подборка ольвийских антиков и личная коллекция М.И. Афонина, артефакты из которых были опубликованы. Некоторые предметы, в основном монеты, возможно и путем проведения неких организованных земляных работ, в то время поступали в ведущие частные собрания элиты Российской Империи – П.К. Сухтелена, графов Потоцких и других, и даже в виде подарков попадали в императорские коллекции (см. также: Тункина 2002, 427-428; и др.).

Чтобы далее не касаться проблемы начала научных исследований Ольвии, имеющей историографию, не связанную напрямую с Кунсткамерой и другими собраниями Нико-

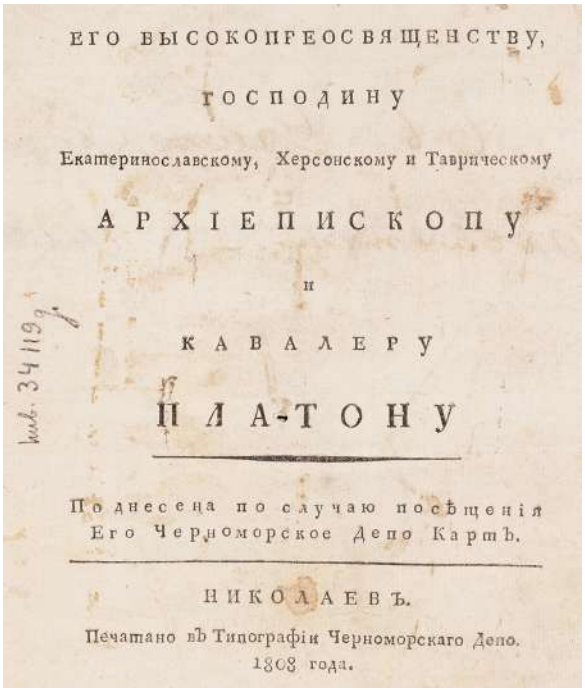
лаева, заметим: по данным И.В. Тункиной, которые подтверждают иные авторы, первые исследования такого рода провел одесский археолог И.П. Бларамберг в начале 1810-х гг. (Тункина 2004, 235; Сапожников 2022, 120).

Очерк истории Кунсткамеры в Депо карт и Штурманской школе

Начало следующего этапа накопления и сохранения древностей в Николаеве традиционно связывается с созданием в 1803 году Черноморского гидрографического депо, инициированным главным командиром Черноморского флота и портов маркизом Жаном (Иваном Ивановичем) де Траверсе (рис. 9), биография которого известна (Бантыш-Каменский 1847; Шатне 2003; и др.). Именно он добился подписания распоряжения о создании так называемого «Морского депо» на базе временной чертежной, первым руководителем которого стал гидрограф и создатель морских карт И. Будищев (Тункина 2002, 190-192; Волков, Семянников 2018, 43-45).

С этого события обычно и начинают историю Кабинета редкостей (Музея) в Николаеве, но Т.С. Митковская, основываясь на материалах Государственного архива Николаевской области (ГАНО), сообщила, что тогда «из дома главного командира в Депо карт были

Рис. 9. И.И. Траверсе (1754-1831).



ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

ГОСПОДИНУ

Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому

АРХІЕПИСКОПУ

и

КАВАЛЕРУ

ПЛАТОНУ

Поднесена по случаю посѣщенія
Его Черноморское Депо Картъ.

НИКОЛАЕВЪ.

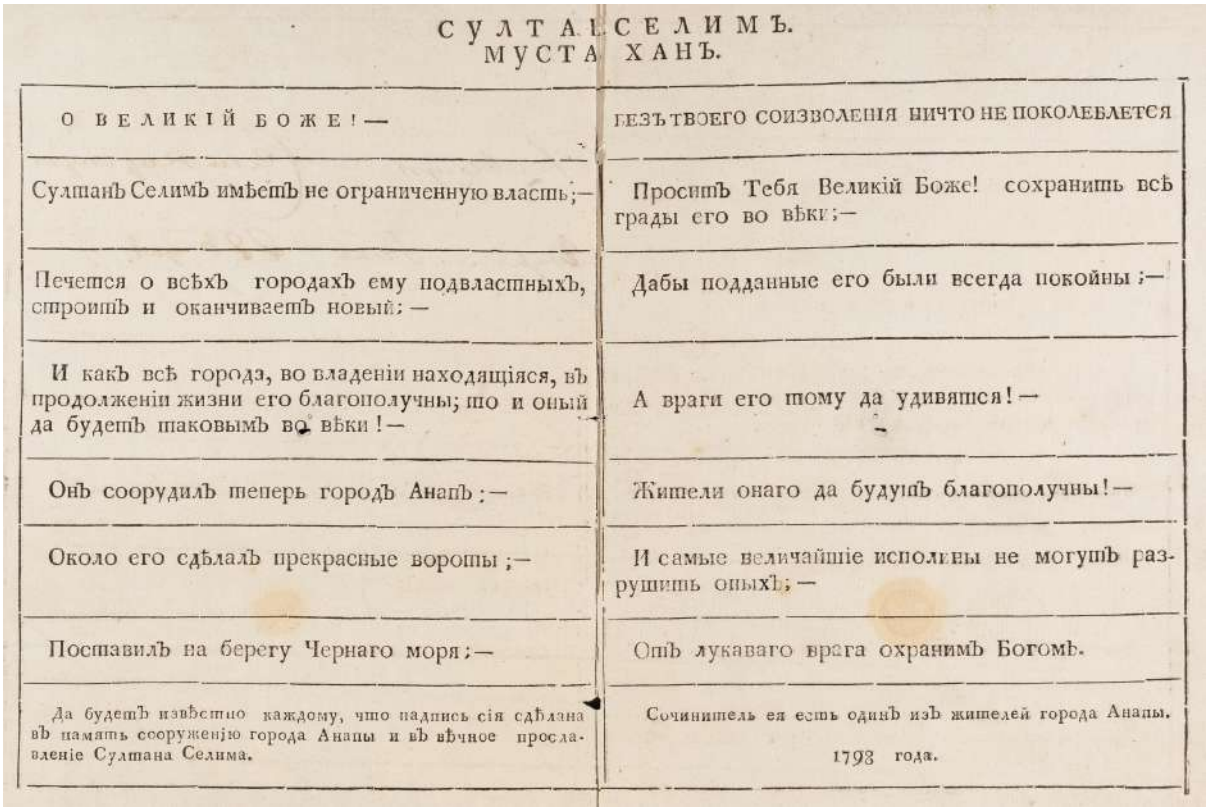
Печатано въ Типографіи Черноморскаго Депо.
1808 года.

Рис. 10. Титульный лист брошюры, изданной в Черноморском Депо карт (Его Высокопреосвященству 1808).

перемещены библиотека и *Кабинет древностей*[9] – первая в Николаеве музейная коллекция» (Митковская 2006, 97). На наш взгляд, это говорит об одном: кабинет редкостей в том или ином виде существовал в Николаеве ранее и отдельно от организованного в 1803 году Депо.

В одном из базовых документов перед «Депо Черноморского флота» ставились задачи: «1) собирания планов и чертежей всем находящимся в том флоте кораблям, фрегатам и прочим судам, равно портовым строениям и другим заведениям; 2) собирания мореплавательных карт Черного моря, с начала существования там флота и до сего времени употребляемых, также журналов при описях берегов <…>; 3) собирания математических и касающихся до мореплавания книг <…>; 4) собирания моделей кораблям и другим судам, имеющим перед другими преимущество, и напоследок – содержание касающихся до мореплавания инструментов, как то: компасов разных родов, октанов, секстанов, квадрантов, телескопов, астрономических часов, зрительных труб, барометров и прочих» (Материалы 1904, 304).

[9] Курсив наш, кабинет так не назывался (прим. авт.).



СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ.
МУСТА ХАНЪ.

О ВЕЛИКІЙ БОЖЕ! —	ТЕЗЪ ТВОЕГО СОИЗВОЛЕНІЯ НИЧТО НЕ ПОКОЛЕБЛЕТСЯ
Султанъ Селимъ имѣетъ не ограниченную власть; —	Проситъ Тебя Великій Боже! сохранить всѣ грады его во вѣки; —
Печется о всѣхъ городахъ ему подвластныхъ, строитъ и оканчиваетъ новый; —	Дабы подданные его были всегда покойны; —
И какъ всѣ города, во владеніи находящіяся, въ продолженіи жизни его благополучны; то и оный да будетъ таковымъ во вѣки! —	А враги его тому да удивятся! —
Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ; —	Жители онаго да будутъ благополучны! —
Около его сдѣлалъ прекрасные ворота; —	И самые величайшіе исполины не могутъ разрушить оныхъ; —
Поставилъ на берегу Чернаго моря; —	Отъ лукаваго врага охранимъ Богомъ.
Да будетъ извѣстно каждому, что надпись сія сдѣлана въ память сооруженію города Анапы и въ вѣчное прославленіе Султана Селима.	Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапы. 1798 года.

Рис. 11. Перевод османской надписи из Анапской крепости (Его Высокопреосвященству 1808).

Итак, сбор и хранение и редкостей, и древностей не входили в круг обязанностей Депо, а занимался этим Кабинет редкостей при нем, причем неофициально. О дарении ему разных диковинок есть сведения с 1804 года, причем они имели случайный характер и разношерстный состав. Так, до 1809 года в него поступили, в частности: монеты, медаль с Венерой, выходящей из морской пены, медный образ Богоматери, изображение на апсиде человеческих фигур с греческой надписью (из Херсонеса – ?), маленькая глиняная ваза из Ольвии, медные дощечки с египетскими иероглифами, «антик» из оникса с вырезанной головой, железные латы из Пантикапея и пр. В 1806 году в его коллекции уже было 595 предметов вместе с окаменелостями, а золотых, серебряных и медных монет – 225 экземпляров (Тункина 2002, 192). Даже эти факты подтверждают мысль о том, что в основу собрания Кабинета, скорее всего, легла какая-то коллекция (или коллекции), собиравшаяся до 1803 года.

Одним из приметных событий в истории Депо стало посещение его в 1808 году архиепископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим Платоном (П.И. Любарским; 1738-1811). Хотя о деталях самого визита не известно ровным счетом ничего, память о нем сохранилась благодаря брошюрке, напечатанной по этому случаю в типографии Депо. В ней, кроме титульного листа (рис. 10), имеется только перевод турецкой надписи на мраморной плите 1797-1798 гг. из османской крепости Анапа (рис. 11). Без сомнения, эта[10] и еще две надписи были сняты со стен после штурма крепости Черноморским флотом 29 апреля 1807 года под руководством его главного командира[11]. Для нас эти факты важны тем, что показывают личное участие И. де Траверсе в «собирании» коллекции и то, что уже в 1808 году Гидрографическое депо официально именовалось Черноморским депо карт (Его Высокопреосвященству 1808).

[10] Была снята с ворот крепости по распоряжению дюка де Ришелье (Мурзакевич 1877, 507).

[11] Плита вместе с еще одной из Анапы была передана из Николаева в Одессу в 1840 г. (прил. к документам 4 и 7) и имеет свою историю переводов и публикаций (Савваитов 1851, 20, 27-28; Мурзакевич 1877; Спафарис 1915, 148-159, рис. 1; Karadeniz 2020, 177-182; и др.).

Сам И. Траверсе хотел узаконить деятельность такого рода, а потому добился одобрения императором специального постановления по Министерству народного просвещения от 28 августа 1809 года «О доставлении находимых в Крыму и на Тамани древностей вместо Харьковского университета в Морское Депо». В нем, в частности, говорилось о том, «…чтобы все помянутые древности доставлены были в Керчь и Севастополь или к другим Черноморским портам по удобности, а оттоль на судах в Николаев, где состоит Морское депо» (Дополнение 1867, ст. 59-60).

Здесь пора сказать, что с начала деятельности Кабинета редкостей, а возможно и ранее, в Николаеве существовало еще одно собрание древностей, причем в этом случае речь шла о крупных, в основном мраморных антиках. Мы имеем в виду коллекцию Штурманской школы (училища), существовавшей в 1798 г. Как полагал историограф Одесского общества истории и древностей В.Н. Юргевич, «незначительное собрание древностей существовало уже раньше при Черноморской штурманской роте в Николаеве, основанное маркизом И.И. Траверсе в 1806 году, которое, умноженное адмиралом А.С. Грейгом [рис. 12], в 1840 году адмиралом М.П. Лазаревым было передано Одесскому обществу» (Юргевич 1888, 35).

Рис. 12. А.С. Грейг (1775-1845).

Хотя данный порядок событий и его хронология схематичны и не совсем верны, в основных моментах они находят подтверждение. В 1804 году археолог Е.Е. Келер увидел в коридоре здания училища 6 античных мраморов с надписями и попросил И.И. Траверсе отправить памятники в Санкт-Петербург президенту Академии художеств, графу А. Строганову (Тункина 2002, 192-193). Не исключено, что адмирал эту просьбу выполнил, о чем может говорить факт, которого И.В. Тункина, похоже, не знала.

Так, в 1810 году князь И. Долгоруков, описывая здание Штурманской школы и ее двор, заметил всего два, уже знакомых нам, артефакта: «Редкостью осмелюсь назвать два камня нарочитой величины из чистого белого мрамора. Об них словарь говорит, что они в соборе; так прежде и было: один лежал при церкви, другой в алтаре; по времени оба они перенесены сюда и здесь хранятся. По надписи на одном из них судя, он отломан от памятника, сооруженного Стратону: это очень явственно видно. На другой доске надпись есть же, но она еще не переведена; никто доныне в смысл ее не вразумится. Буквы изгладились, и не так отличительны черты ее. Обе эти доски вырыты, как сказывали мне, в дачах графа Безбородька» (Долгоруков 1870, 115).

В 1825 году[12] Депо возглавил Николай Михайлович Кумани (1796-1869; рис. 13), который не раз упоминается в публикуемых ниже документах. В том же году адмирал А.С. Грейг приказал объединить библиотеки училища и Депо на базе второй из них (Тункина 2002, 195), и это было только начало реорганизации. Вскоре Н. Кумани подготовил подробное описание антиков кабинета с рисунками, которое было зачитано на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете 27 октября 1826 года. Выводы доклада были вполне объективными: «Нельзя ожидать на будущее время, чтобы наш Музеум обогатился значительно по части древностей; учрежденные два таковые же в Керчи и Одессе, вероятно, присвоят себе все, что найдется редкое, в особенности Керченский, устроенный при самом источ-

[12] До этого, примерно с 1820 г. директором Депо карт Черноморского флота был капитан 2-го ранга Моринц Борисович Берх (1776-1860).

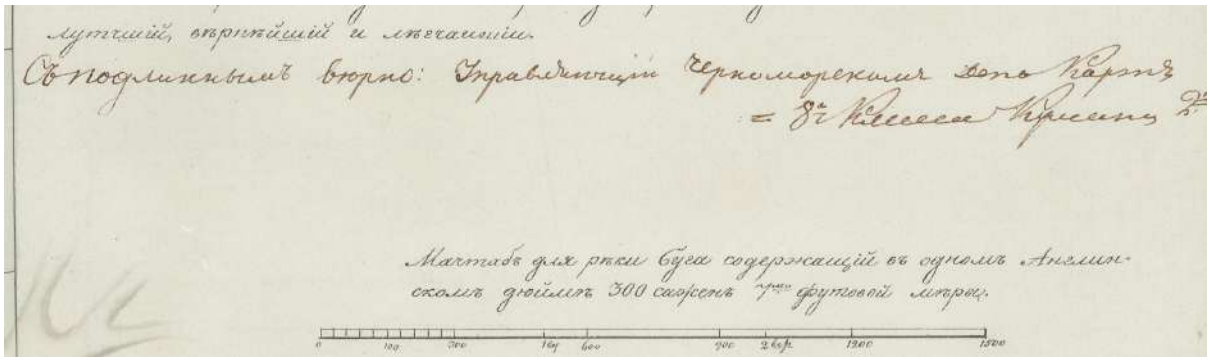


Рис. 13. Подпись Н.М. Кумани на копии «Карты реки Буга» Е.П. Манганари.

нике, откуда беспрестанно извергаются сокровища древней Пантикапеи, не упустит оных из виду; но сие лишение нисколько нас огорчать не должно. Нам предстоит обширное поприще по части наук и изобретений, относящихся до мореплавания, которые и должны составлять главнейшую цель Депо карт, и если она будет достигнута, то и сие заведение обратит на себя не меньшее внимание» (Заседание 1827, 197).

Еще более кардинальной стала реформа, проведенная по указу Николая I «Образование Главного Управления Черноморского флота» от 16.12.1831 года. Тогда при Гидрографическом отделении создали *Гидрографическое Черноморское депо* с чертежной, типографией, обсерваторией и библиотекой. Начальник Депо отвечал «за сбережение и содержание в порядке <…> карт, планов, описей, книг, инструментов и *прочих предметов* [курсив наш]. При библиотеке служили библиотекарь с окладом 1000 руб. в год и два писаря (Образование 1831, 11, 26; §58-59)[13].

Как видим, кабинет редкостей в структуре Депо отсутствовал, о наличии древностей в нем напоминали слова *прочие предметы*, а это значило, что судьба кунсткамеры была предрешена. В 1835 году начальник Главного Морского штаба князь А. Меншиков отдал приказ «передать редкости в Ришельевский лицей, Одесский музей древностей, Керченский музей и Черноморскую штурманскую роту»[14]. Правда, И.В. Тункина высказала сомнение в том, что данный приказ был выполнен. Тем не менее почти сразу после приказа разбазаривание ценностей началось. Уже в 1835 году 536 экспонатов отправились в Херсонскую гимназию, и среди них было 67 античных монет. Кроме того, в процессе самой передачи специальная комиссия выбраковала немало артефактов, не попавших даже в Штурманскую роту, в том числе керамику с граффити и даже небольшие мраморные фрагменты с надписями (Тункина 2002, 201-202). К 1838 году передача большинства экспонатов в роту завершилась.

Описания Кунсткамеры и ее экспонатов

Если до конца 1830-х гг. данные о коллекциях Штурманского училища (роты) в литературе отсутствуют (см. выше)[15], то для 1810-х - 1820-х гг. имеется несколько упоминаний и даже описаний Кабинета редкостей при Депо карт. Наиболее раннее было сделано маркизом Габриэлем де Кастельно (1757-1826) не позже ноября 1811 года: «Николаев – красивый, очень чистый город. Господин маркиз де Траверсе, который является его губернатором и командует морскими силами Черного моря, украшает его с удовольствием каждый день. Он основал музей, где все науки и искусства представлены собраниями связанных с ними предметов. Мы видим здесь модели только что построенных кораблей; коллекции экспонатов по естественной истории, медалей, картин

[13] Через 8 лет при Депо состояли: *начальник, корпуса флотских штурманов* полковник Николай Михайлович *Кумани* 2-й, орд. Станислава 3 и Владимира 4 ст.; *столоначальник,* 12 кл. Егор Федорович *Молчанов*. <…>; *при Библиотеке* – 12 кл. Иван Иванович *Баканов*ский; при *Обсерватории – астроном,* 5 *кл*. Карл Христофорович *Кнорре*, орд. Стан. 3 и Вл. 4 ст. (Месяцеслов 1838, 425).

[14] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), Ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 190.

[15] Если не считать описание Е.Е. Келера, опубликованное в 1826 г. (см. выше и: Köhler 1826, 780-783), но относящееся, скорее всего, еще к 1804 г. (Иванчик 2007).

[надписей (?): de tableaux]; библиотеку, пока еще небольшую, и ценное собрание навигационных карт, чем до сих пор пренебрегали. Последняя коллекция собирается для курсантов школы фортификации [de fortification]» (Castelnau 1820, 132).

Побывавший в Николаеве в 1817 году царский сановник Б. Кампенгаузен написал, что «Музеум в Николаеве заключает в себе древности, найденные в различных сей страны местах», а по богатству он уступает только коллекции И.П. Бларамберга в Одессе и сопоставим с собранием С. Броневского в Феодосии (Пивовар, Сапожников 2022, 77, 81). Интересно мнение французского археолога Д. Рауль-Рошетта (1789-1854) о значении музейных собраний в Причерноморье: «*Понт*, прежде покрытый греческими колониями и кокетливыми городами, начал очень поздно привлекать к себе внимание ученых, и даже в настоящее время главные кабинеты Европы обладают лишь очень небольшим числом памятников этих городов по сравнению с тем, что содержится в музеях *Одессы, Николаева и Феодосии*» (Raiul-Rochette 1822, 2-3).

В 1817 году Николаев посетил великий князь Михаил Павлович, который 9 октября «был в соборной Адмиралтейской церкви…; потом изволил осматривать адмиралтейские присутственные места, штурманское училище, Адмиралтейство, где спущен был на воду вновь построенный ботик, флотское юнгов и артиллерийское училища, госпитали, Депо карт и типографию». На следующий день, следуя в Одессу, «знаменитый путешественник… изволил на пути сем осматривать достопамятные развалины древнего города Ольвии и крепость Очаков» (Северная почта 1817, №89, 2). Через год тут побывал сам император, который 6 мая «осматривал штурманское и артиллерийское училища, <…>, ездил в госпиталь, богадельню и адмиралтейство, где спускали 44-пушечный фрегат «Флору». <…> Из адмиралтейства государь поехал в депо карт, кунст-камеру, типографию и на увеселительную мызу Спасск, а потом гулял в катере по Бугу, осматривая окрестности Николаева» (Записки 1892, 364).

Визиты царственных особ привлекли в Николаев целый сонм иностранных туристов, причем визит в Депо карт с осмотром Кабинета

Рис. 14. Роберт Кер Портер (1777-1842).

редкостей был стандартным. В 1817 году в Николаеве, а может быть и на руинах Ольвии (судя по тексту, это не очевидно), отметился шотландский художник, дипломат и путешественник сэр Роберт Кер Портер (Sir Robert Ker Porter, 1777-1842; рис. 14), который увидел в Депо карт настоящий музей: «Среди других прекрасных заведений в Николаеве, созданных на благо общества и учрежденных его сменяющими друг друга губернаторами, маркиз де Траверси несколько лет назад основал музей. Войдя в него, мы нашли хорошую библиотеку, астрономические и другие научные инструменты, карты, схемы, несколько экспонатов по минералогии, естествознанию и т.д. Принимая во внимание сравнительно ограниченные средства щедрого спонсора, с научной точки зрения все выглядит достойно. В коллекции древностей есть интересные антики; особенно капители колонн, части пилястр из белого мрамора и поврежденные алтари, которые были вырыты из земли там, где когда-то стоял Ольвио – город, основанный греками. Ольвио располагался на некотором расстоянии от северо-западного берега Буга, близ его слияния с Днепровским лиманом. Земляные холмы и ямы являются ныне единственными памятниками его существования; но когда землю тревожат, выявляются другие памятники в виде монет, обломков

столбов и тому подобных реликвий, обычно находимых в могилах большого города» (Ker Porter 1821, 13-14).

Летом 1819 года в Депо побывал легендарный итальянец, граф Карл Видуа (Carlo Fabrizio Vidua, conte di Conzano; 1785-1830; рис. 15) – «путешественник многих странствий и свободный исследователь», как считал А. Гумбольдт. В 1818 году он совершил путешествие, сначала проехав через Лондон и Швецию в Россию. В Петербурге посол Пьемонта представил его Александру I. После этого были Москва, Кавказ, Крым, Николаев и Одесса, откуда он достиг Константинополя морем. Объездив Анатолию, Видуа в декабре 1819 года прибыл в Египет, где пробыл 10 месяцев и оставил десятки своих автографов на известных руинах. Обследовав Ближний Восток, он попал домой через восставшую Грецию в апреле 1821 года. В Депо карт граф осмотрел ряд мраморных антиков, сделал рисунки двух (рис. 16, 1-2; IOSPE I², 47, 49), которые поместил в разделе «Сарматские надписи» каталога «Древние надписи, собранные во время турне по Турции» (Vidua 1826, 1, tabl. I, 1-2).

Более подробное описание экспозиций Депо карт принадлежит шотландцу Роберту Лайелю (рис. 16)[16], побывавшему в Николаеве в мае 1822 года: «Депо карт – это небольшое здание [рис. 19-20], не имеющее внешней привлекательности, против дома адмирала Грейга; его называют также *Черноморским Депо* и *Музеем*; и, по сути, оно как бы объединяет все три характеристики. Оно существует уже давно, но музей основал маркиз де Траверсе. Здесь мы заметили коллекцию карт, планов, а также электрические, гальванические, физических приборы и небесные и земные глобусы. Помимо них, имеются военно-морские инструменты, такие как квадранты, телескопы, компасы и т. д., один набор для публичной продажи, а другой, принадлежащий складу, для использования морскими офицерами. Этому учреждению принадле-

Рис. 15. Граф К. Видуа (1785-1830).

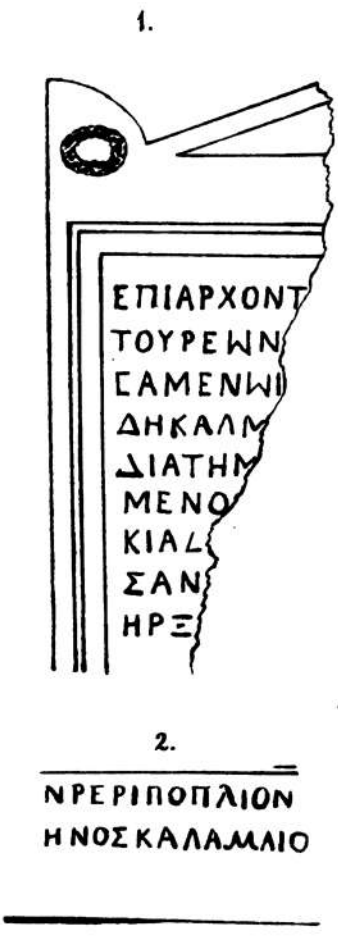


Рис. 16. Надписи, скопированные К. Видуа в Николаеве (Vidua 1826, tabl. I, 1-2).

[16] *Lyall Robert* (1790-1831) – врач, ботаник, путешественник и британский агент, член Королевского азиатского общества Лондона, Вернеровского общества естественной истории Эдинбурга, нескольких российских научных обществ, живший в Российской империи с 1815 по 1823 г. Также написал книги «Характер русских и детальная история Москвы» (1823), «разоблачавшую коррупцию и безнравственность знати и чиновников», и о военных поселениях Российской империи (1824).

Рис. 17. Роберт Лайель (1790-1831).

Рис. 18. П.П. Свиньин (1787-1839).

жит также обширная библиотека, содержащая много ценных книг. Многочисленные каменные монументы с латинскими, а чаще с греческими надписями, хранившиеся прежде в одном из николаевских храмов, теперь собраны в музее. Они, как и многочисленные медали, были скопированы и описаны покойным г. Афониным в «Путешествиях» Палласа, Кларком, Рейли и маркизом де Кастельно. Здесь выставлены макеты большого Военно-морского госпиталя в Херсоне; Кадетского корпуса в Николаеве; различных кораблей и «верблюдов» для их перевозки; корабля «на верблюде»[17] и т.д. и т.д. Пара еще незаконченных больших небесных и земных глобусов и печатный станок также есть среди редкостных предметов. Мы также обратили внимание на коллекцию минералов из разных отделов естественной истории, но они не представляли большой ценности» (Lyall 1825, 202-203).

Но самое подробное описание данного учреждения выполнил в 1825 году П.П. Свиньин (рис. 18)[18], заявивший: «Николаевское *Депо карт* заслуживает особенное внимание историка и археолога…». Далее он описал, как пополнялись его коллекции: «В том же [1803] году общее собрание, ежегодно составляющееся из главного командира [флота], флагманов и капитанов для рассуждения о предметах службы, вошедши в благодетельные виды правительства, пригласило морских офицеров к пожертвованиям, сообщению сведений относительно морского искусства и определило открыть желающим вход в библиотеку и кабинеты для распространения своих познаний. Вследствие сих распоряжений, правительство, чиновники и частные люди снабдили Депо карт разными предметами по части искусств, точных наук, древностей и проч.» (Свиньин 1826, 98-99).

А теперь приведем описание собраний: «Теперь музеум сей содержит следующие предметы: небольшой минц-кабинет [мюнц-кабинет – Münzkabinett, от нем. *Münze* –

[17] Верблюдом или камелем (от camel) называли парные паромы, составляющие плавучий док, при помощи которых с николаевских верфей в Черное море выводили крупные строящиеся военные корабли (Камели 1854).

[18] Не такое подробное, но явно более профессиональное описание лапидарной коллекции Депо и других находок выполнил в Николаеве Е.Е. Келер в июне 1821 г. в своем дневнике «Путешествие в Крым» (Рукописное отделение Российской национальной библиотеки, нем. Q181), но оно до сих пор не опубликовано.

монета], в котором находятся любопытные монеты киммерийских царей и города Ольвии, начало минерального кабинета, библиотеку, заключающую в себе до 2000 книг, собрание моделей мореходных судов, построенных в черноморских портах, модели севастопольских укреплений, некоторых строений и т.п. Два глобуса в 9 футов в диаметре и собрание мраморов, из которых многие достойны любопытства по изящности вкуса и отделке. Примечательнейшие из камней сих суть:

1. Статуя в тоге, вероятно, какого-нибудь чиновника, превосходной работы. Не достает рук и головы. *Из Пантикапеи.*
2. Барельев. На коне всадник в военной одежде, с копьем в руках, пред ним стоит мужчина с ласкающеюся собакой. Внизу изображен за ужином старик на ложе, подающий лакомство ребенку, находящемуся на коленях женщины[19]. <…> [рис. 2-3].
3. Две капители, найденные близ Очакова в самом лимане.
4. Барельев, изображающей трубача, с надписью: D. M. Aur Salvianus tub. Leg XI Cl qui militavit et annos XIII vixit annos XXXIV. *Из Херсонеса*[20].
5. Барельев, представляющий семью за трапезой. *Из Тамани.*
6. Надгробный камень с надписью с изображением щита, разделенного вдоль полосой; в щите шесть линий, употребляемых во французском государственном гербе; щит окружен гирляндой. *Из Ольвии.*
7. Маленькая сидящая женская статуя. Не достает головы. *Из Афин.*
8. Маленькая женская статуя в длинной одежде; левою рукой держит за рога стоящего на задних ногах козла. *Из Пантикапеи.*
9. Часть нагой статуи: плечи покрыты кожей, вероятно, Геркулеса.

Рис. 19. Здание Черноморского Депо карт (начало XX в.).

10. Голова умирающего Александра.
11. Кусок мрамора с надписью.
12. Надгробный камень с надписью.
13. Кусок мрамора, также с греческою надписью, найденный на острове *Березань*.

К сему собранию принадлежит несколько древних домашних утварей из Ольвии и Пантикапеи. В Депо карт находится еще любопытный рисунок внутренности кургана, на котором воздвигнута теперь превосходная обсерватория. Основание сего кургана составлено было из каменной толстой стены, вьющейся наподобие улитки или спирали. По причине отлучки г. архитектора, я не мог узнать, были ли пусты промежутки между стенами сими и не найдено ли тут чего-нибудь замечательного? Директор Депо карт г. [М.И.] Кумани успешно занимается археологическими и историческими изысканиями» (Свиньин 1826, 99-102).

В 1827 году Депо посетил Дж. Вебстер, оставивший такие записи: «В понедельник мы прибыли в Николаев и ждали адмирала Грейга. Но он был нездоров и прислал своего адъютанта, мистера Романцова, который показал нам некоторые места. 1-е. Депо карт – небольшой музей: один большой греческий торс с ногами, несколько капителей, барельеф, маленькие статуи, головы и т.п.; с большим количеством медалей, найденных то ли в окрестностях, то ли в Крыму» (Webster 1830, 99).

В 1838 году «при *Гидрографическом Черноморском депо* находились: типография, лито-

[19] Примечательно, что П. Свиньин видел «Стратонов камень» в Депо, хотя И. Долгоруков в 1810 г. описал его в Штурманском училище (см. выше), а Е.Е. Келер в 1821 г. – в «открытом проходе театра» вместе с другой надписью из греческого Архипелага (Тункина 2002, 193-194).

[20] Данное надгробие на тот момент было опубликовано П.И. Кеппеном как найденное капитаном 2-го ранга Берхом на развалинах Херсонеса в 1824 г. ([Кеппен] 1825, 122-123). Его публикацию с переводом см.: IOSPE I2 551. С него, по разрешению А.С. Грейга, в 1833 г. был сделан гипсовый слепок для Академии художеств (Крючков 1997, 107; Тункина 2002, 509).

Рис. 20. Здание Черноморского Депо карт (совр. состояние).

графия, граверная, чертежная, словолитная; кабинет, снабженный инструментами математическими и астрономическими, служащими к мореплаванию: все они большей частью выписаны из Англии. В доме, именуемом молдавским, есть кабинет физический, снабженный в достаточном количестве орудиями. Здесь производятся опыты, при коих бывают и посторонние посетители. При *Черноморской Штурманской* роте *есть кабинет редкостей, переданный из Черноморского депо*. В нем заключается: собрание одежд, оружия и разные изделия диких народов, собрание раковин, большей частью из Средиземного моря, коллекция медных российских медалей от князя Рюрика до нынешнего времени; серебряные медали французских королей, несколько российских серебряных и золотых медалей; значительное количество серебряных и медных монет боспоро-киммерийских, ольвийских, римских и херсонских[21]; собрание мраморов с надписями и барельефами, отысканных: на берегу Буга, около развалин древней Ольвии, при Керченском проливе, в развалинах Пантикапеи, у Херсониса Таврического и доставленных из Греции; несколько моделей кораблей и значительных зданий» (Описание 1838, 176).

Передача коллекций из Николаева в Одессу

При таком состоянии содержания древностей в Николаеве, после образования 25 марта 1839 года, по личному ходатайству генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского М.С. Воронцова, Одесского общества истории и древностей не могла не возникнуть идея о передаче такого богатого, да еще и недавно объединенного в одном месте собрания древностей новой структуре, имевшей уставные цели и задачи по концентрации и сохранению предметов древности в своих стенах и обладавшей соответствующими кадрами, научным потенциалом и высокими покровителями. Именно этот эпизод, который, впрочем, занял без малого 6 лет, освещен в деле ГАОО о «Передача древностей Черноморской штурманской роты».

Переписка о передаче коллекции из Штурманской роты началась с записки члена Общества Н.Н. Мурзакевича от 27 января 1840 года (док. 2), в которой он указывал на неприемлемые условия хранения статуй и плит в ее стенах. Очевидно, что она предназначалась почетному председателю общества графу М. Воронцову, поскольку в его письме от 31 января к почетному члену общества, начальнику Черноморского флота, вице-адмиралу М.П. Лазареву содержатся те же пассажи записки Мурзакевича (док. 3). Вместе с тем граф ссылался на решение общества ходатайствовать о передаче для его музея и монет, и «камней». Лазарев ответил согласием, к которому прилагалась ведомость, составленная начальником Гидрографического отделения, генерал-лейтенантом Морицем Борисовичем Берхом (1790-1860) (док. 4). На ней имеются карандашные пометы «полу-

[21] Имеется в виду херсонесских.

чено», которые свидетельствуют о том, что не все предметы были пересланы в общество – из 39 только 29.

В апреле 1840 года Общество обратилось к полковнику Н.М. Кумани как к своему действительному члену с просьбой принять на себя труд распорядиться всеми древними статуями, мраморами и проч. и изыскать возможность отправить их в Одессу, обратив особое внимание на их сохранность.[22] Только в июне Кумани распорядился доставить в Одессу бóльшую часть древностей на транспорте «Лебедь» (док. 6).

Еще 9 предметов (мраморная статуя весом в 120 пудов и 8 мраморных камней) прибыли в Одессу через год на транспорте «Днепр» (док. 8). В 1842 году Кумани сообщил, что барельеф под названием «Баснословное изображение на круглой мраморной доске», оставшийся в Николаеве, будет отправлен при удобном случае (док. 9). Такой случай появился только в марте 1843 года – отправка на транспорте «Ахиллес» (док. 10). Лаконичная запись в отчете общества о принесенной в дар Черноморским депо «мраморной картине» подтверждает ее поступление (Отчет 1843, 20).

Итак, в 1843 году все было получено сполна. Вместе с тем пометы рукой Мурзакевича на документах: «Камни присланы без нумеров, все перемешано в кучу», «Вещи все не нумерованы и смешаны» – открывают вопиющее упущение в оформлении переданных памятников, что не могло не осложнить их идентификацию после транспортировки, учитывая также, что их габариты в ведомостях тоже не указаны.

В первом томе «Записок» общества был опубликован перечень предметов «коллекции древних памятников, присланных из Николаева», но ничего не сказано о самом процессе передачи. Перечень систематизирован по местам находок, очень краткий, включает 32 единицы и не вмещает всей той информации, которая имелась в «ведомостях», хотя отдельные позиции незначительно дополнены. «Отысканные:

А. В Ольвии: 3 эллинские надписи разного содержания; надгробие Стратона, сына Протомахова; 2 барельефа и 2 головы, отломанные от статуй.

Б. В Пантикапее: Эллинская надпись 424 года Воспорской эры; мужская статуя в человеческий рост, превосходной работы, но, к сожалению, с отломанной головой и руками.

В. В Херсонесе: Кусок колонны дорического ордера, кажется, из известного храма Дианы-Агротеры; 2 капители византийской архитектуры и пьедестал от статуи гражданина Агасикла.

Г. На острове Березани (древнем Борисфене): Посвятительная надпись Папия, сына Праксианактова, Апполону-Простату.

Д. В Анапе: 2 турецкие надписи, показывающие время построения и возобновления Анапской крепости и 1 карниз с турецкой же надписью.

Е. В Феодосии (древней Кафе): Генуэзская надпись 1344 года.

Ж. Доставленные из Афин: Статуйка Цыбелы и небольшой, но прекрасный торс мужчины.

З. Из других мест Греции: 2 торса от статуек; 1 карниз; 5 разных обломков; надгробная греческая надпись 1523 года.

И. Из разных мест: Мраморная картина духовного содержания и поясной бюст, по-видимому, Сигизмунда III, короля Польского» (Коллекция 1844).

Количество – 32 – вводит в заблуждение, если не знать, что после их получения общество, с подачи Н. Маркевича, признало ряд предметов непрофильными («естественные произведения и минералы») и решило передать их в дар Ришельевскому лицею (Отчет 1843, 16). Однако данных о том, что это состоялось, не обнаружено.

Последним актом передачи стала присылка в 1846 году нумизматической коллекции, которая оставалась в Штурманской роте. Письмо адмирала Лазарева от 21 января 1846 года (док. 12) опосредовано дает знать об обращении к нему Общества 22 октября 1845 года относительно нумизматической коллекции. За этим 13 марта 1846 года последовало отношение управляющего ротой[23], генерал-майора Федора Михайловича Шмелева (ок. 1790 – после 1856), к которому прилагался им же составленный перечень 599

[22] ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 11-11об.

[23] В 1835-1853 гг.

монет (серебряных 30, посеребренных 33, свинцовых 2, остальные – медные). Все это два месяца спустя привез в Одессу учитель Штурманской роты Н. Сапунов на пароходе «Громовержец» (док. 13). Однако остается неясным, почему в отчете общества фигурируют лишь 28 серебряных и 396 медных монет (Отчет 1847, 9).

С этими монетами связан еще один сюжет. В «Каталоге монетам, которые, по мнению Комиссии, можно передать в Одесское общество истории и древностей» (Прил. к док. 13), находки разделены на три коллекции. По данным И.В. Тункиной, одна из них называется «Коллекция 3-я. [Монеты] купленные у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденные в разрытом кургане на острове Тендре». Она происходит из раскопок святилища Ахилла на о. Тендра в 1824 г. и состоит из той части находок (192 монет), которые участник «исследований» Навроцкий продал в Кабинет редкостей Депо карт в 1826 году, о чем была составлена опись[24]. Немаловажно, что эту опись проанализировал профессор П.О. Карышковский в 1988 году, а И.В. Тункина опубликовала ее вместе с его примечаниями и комментариями (Тункина 2002, 462, 464-469).

Таким образом, у нас появилась возможность сравнить опись 1826 года с частью описи 1846 года. Выявленные отличия отмечены нами в самом приложении к документу 13 астерисками и числами в скобках. Оказалось, что в 9 позициях есть расхождения в сторону недостачи 24 монет. Но, что не менее удивительно, в одной позиции, наоборот, выявлен излишек в одну монету (серебряную Александра Севера). Что касается общей суммы, то тендровская коллекция в 1846 году насчитывала 174 экземпляра, «похудев» за 20 лет в Кабинете редкостей на 18, а реально на 24 экземпляра.

Об организаторах и участниках описанных событий: масонский след

Политическая и военная элита Российской империи первой половины XIX века стремилась жить согласно «античным образцам». В гимназиях и пансионах изучали Гомера и Вергилия, дамы носили платья в стиле ампир, их кавалеры создавали коллекции антиков. Элита того времени была спаяна и «александровским масонством» – удивительной смесью реформаторства, романтичных поисков Грааля и античной черноморской Атлантиды. В традициях масонства уже закрепилось пристрастие к античной археологии и истории. Масонская философия и эстетика строились по стандартам древней Греции и Рима, когда история – «учительница жизни», становилась дидактическим инструментом для «отесывания» человека «вольными каменщиками». «Масоны считали, что древние греки проложили пути «возрождения» человека, с помощью гармонизации и сакрализации культурной жизни» (Савченко 2019, 90-99).

Античность была необходима масонам не только для восприятия «классических ценностей», но и для создания «европейского контекста» на новых землях Причерноморья. «Античная мотивация» у масонов усиливалась еще и тем, что они ставили задачу создания здесь своего «Нового света», воссоздания Византии, формирования нового европейского государства на основах масонской этики. В 1807 году масоны – адмиралы И.И. де Траверсе и С.А. Пустошкин и губернатор Э.О. де Ришелье – готовили рейд Черноморского флота на Константинополь и взятие Анапы. С.А. Пустошкин доложил де Траверсе о вывозе трофеев из Анапы: «две мраморные доски с надписями о построении крепости» (Савваитов 1851, 20; Шатне 2001, 53-54; см. выше).

Возможно, все началось в начале 1780-х годов, когда граф А.С. Строганов вернулся из Парижа масоном «высоких» степеней и был назначен Директором императорских библиотек и Президентом Академии художеств. А. Строганов покровительствовал академикам П.С. Палласу и Е.Е. Келеру (зарубежным масонам) в деяниях по открытию «исторической Тавриды». П.С. Паллас завел дружбу с М.И. Афониным, который ранее находился под покровительством масонского лидера И. Шувалова (создателя Академии художеств). Уже в 1799 и 1801 годах П.С. Паллас публикует «Наблюдения, сделанные во время моего путешествия по южным провинциям Российского государства» (Pallas 1801). Масон П. Свиньин занимается описанием «античного» Причерноморья (Серков 2001, 1084).

[24] РГА ВМФ, Ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 69-69 об.

Но для «масонского деланья», согласно ритуалу, требовалась не только «Мудрость», но и «Сила». Такой силой стало командование Черноморского флота, контролирующего «античный берег» Российской империи. Морскими офицерами и администраторами городов и портов на Черном море была создана «походная» масонская ложа «Нептун», существовавшая примерно с 1803 до 1814 года. Возможно, это был «черноморский филиал» ложи «Нептун», инсталлированной в Москве в 1803 году, под председательством бывшего моряка, куратора Московского университета П.И. Голенищева-Кутузова или же балтийской морской ложи «Нептун» (действовала с конца XVIII века, мастером был адмирал С.К. Грейг). Среди членов «черноморского» «Нептуна» были Э.О. де Ришелье, А.Ф. де Ланжерон, де Сент-Жозеф, Л. де Рошешуар, С.М. Телесницкий (капитан порта Одессы), братья Пустошкины, И.И. де Траверсе и др. (Савченко 2019, 30-40). Ложа была связана с «Библейским обществом» и Великой ложей «Астрея». Она ставила своей целью открытие античного мира в Причерноморье для популяризации масонских проектов, опирающихся на античные образцы.

Адмирал И.И. де Траверсе посещал развалины Херсонеса, где вел поиски библиотекарь Императорского Эрмитажа Е.Е. Келер (возможный масон – род Келеров в те времена имел минимум 6 представителей в разных ложах, а сам библиотекарь был в подчинении у А.С. Строганова). При этом он был дружен и вел обширную переписку с А.Ф. Ланжероном и Э.О. де Ришелье (Шатне 2003, 49-53). Во время губернаторства Ланжерона формируется самая многочисленная ложа Юга «Понт Эвксинский» (около 250 чел.), а также ложа Высших масонских степеней – Одесса стала третьим масонским центром в Российской Империи (Савченко 2019, 40-60).

Губернатор края и градоначальник Одессы Э.О. де Ришелье воспринял «моду на археологию» и лично посещал первые раскопки в Причерноморье. Масон маркиз Г. де Кастельно д'Орос, приехавший в Одессу вместе с Ришелье, по поручению последнего, подготовил книгу истории Причерноморья. Масон С.А. Пустошкин в 1808 году был назначен флотским начальником в Николаеве и директором Штурманского училища. Еще один масон, М.Б. Берх, с 1817 года был директором черноморских и азовских маяков, а в 1820-1825 годах директором Депо карт Черноморского флота (см. выше). В 1816 году масон и вице-адмирал А.С. Грейг получил назначение на должность главнокомандующего Черноморским флотом и военного губернатора Николаева и Севастополя. По масонской традиции он был почётным членом Петербургской Академии наук и интересовался раскопками античных городов. В 1825 г. Черноморское депо карт возглавил Н.М. Кумани, его фамилия встречается в списках масонской ложи Феодосии, где главой был А.Ф. де Ланжерон (Серков 2001, 112, 445).

С первой половины 1810-х гг. Одесса (благодаря губернаторам, градоначальникам и масонам Э.О. Ришелье и А.Ф. Ланжерону) стала одним из ведущих центров археологических исследований античности. Особенно это стало заметно после создания в 1817 году Ришельевского лицея, в котором 70% преподавателей, в том числе директор Д.Ш. Николь (аббат Николь) и И.С. Орлай (один из первых историков Западной Украины), были масонами. Масон И.А. Стемпковский (адъютант Э.О. Ришелье) стал одним из первых исследователей античности Северного Причерноморья. Масон генерал-губернатор М.С. Воронцов патронировал археологов (отправлял значительные средства «на проведение раскопок» П.А. Дебрюксу, И.А. Стемпковскому и И.П. Бларамбергу), собирал древности; его называли «археологом-любителем». По прибытии М.С. Воронцова в Одессу И.А. Стемпковский подал ему записку «Мысли относительно поиска древностей» (Савченко 2021, 55-60).

Заключение

Судьба Кабинета редкостей Депо карт и Штурманской школы отразила социокультурные сдвиги первой половины XIX века. Тенденция создания больших стационарных публичных музеев вместо небольших коллекций была связана с демократизацией общественной жизни в Европе (в 30-е гг. XIX в.), которая задавала тон в культурной жизни, с новым стилем «романтизм». Исторические инструменты и мифы античности использовались для возведения империи на греко-римском фундаменте, реализации «балканского про-

екта» в части овладения проливами, но одновременно – для масонского «Просвещения» и усиления влияния Ордена вольных каменщиков, а также для европеизации общественной жизни. Деятельность любителей археологии и истории привела к созданию «стационарных» собраний «древностей» и музеев, крупных исторических обществ и периодических историко-археологических изданий (ЗООИД и др.).

И тут весьма показателен так называемый «феномен Одессы» – города, который за несколько десятилетий стал самым населенным, богатым и интеллектуальным на всем «имперском Юге». Масоны-губернаторы Э.О. де Ришелье, А.Ф. де Ланжерон, М.С. Воронцов стремились создать в этом городе интеллектуальный центр, в котором исторические науки должны были занять достойное место. Одесса должна была стать не только «окном в Европу», но и современным европейским городом со своими музеями и «древностями». Не зря в 1823 году упомянутый И.А. Стемпковский по поводу первых древнегреческих находок в районе Приморского бульвара заявил: «Вот и Одесса наша делается классической землею…» (Сапожников 2022, 112). Этим, строго говоря, и объясняется перенос антиков и монет из Николаева в Одессу, в город, который быстро стал не только центром стремительно развивающегося Юга, но и «витриной» империи с масонской конспирацией.

Если же мы вернемся к поставленному в первом разделе статьи вопросу, чем на самом деле был Кабинет редкостей в Николаеве, то вынуждены будем признать, что разброс мнений на этот счет до сих пор настолько широк, что их затруднительно не только критиковать, но и анализировать. Так, даже ведущий специалист в данной проблематике не сформулировала однозначного определения. Сначала И.В. Тункина говорила о «коллекции древностей Черноморского депо карт» как об «одном из первых музейных собраний античных памятников» Северного Причерноморья в первой четверти XIX века (Тункина 1989). Вскоре она присоединилась к точке зрения о том, что это был «первый государственный археологический музей» (Тункина 1991, 9), а еще 10 лет спустя назвала его «первым государственным хранилищем археологических памятников» в названном регионе (Тункина 2002, 190).

На наш взгляд, приведенные выше материалы и описания однозначно говорят об одном – Кабинет редкостей при Черноморском депо (Депо карт и Штурманской роте) представлял из себя то, чем его и называли – Кунсткамеру[25] (с нумизматическим собранием). Подчеркнем, что датой его создания никак нельзя считать 1803 год, начиная его историю от организации Черноморского депо, так как он существовал до того (см. выше). Р. Лайель написал прямо: «Депо карт <…> существует уже давно, но музей основал маркиз де Траверсе» (Lyall 1825, 202), который не менее 10 лет пополнял его за собственные средства. К его главным характеристикам следует отнести демократичность, публичность (свободный доступ) и использование экспонатов для обучения курсантов.

За каждым артефактом «николаевских» коллекций – своя история. Часть из них стала предметом изучения, которое на первых порах не всегда было качественным и вызывало дискуссии в научной среде. В частности, это касалось лапидарных памятников, прочтение и перевод которых были предприняты еще в николаевский период их хранения. Многие предметы сохраняются и сегодня. Однако частичное изменение со временем их атрибуции и отсутствие изображений иногда вносят путаницу при их идентификации. Публикуемые «ведомости» содержат первоначальные легенды передававшихся в Одессу «древностей».

Благодарности: авторы выражают искреннюю признательность за консультации и предоставленные материалы знатокам Николаевщины и Ольвии И. Снытко, В. Гребенникову и А. Кузмищеву.

Документы воспроизводятся в современной орфографии, но с сохранением их стилистических особенностей, в частности, имен и названий географических объектов. Они снабжены комментариями авторов статьи.

[25] От нем. *Kunstkammer* (комната искусства) – место хранения различных исторических, художественных, естественно-научных и других коллекций редкостей. В XVIII в. в Голландии и других странах они подразделялись на собственно кунсткамеры и кабинеты натуралий.

Приложения

Документ 1

Опись бумагам дела «Передача древностей Черноморской штурманской роты Обществу»
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 1)[26]

1. Записка ЧО [члена Общества] Н. Мурзакевича, 27 января 1840 г.
2. Отношение гр. М.С. Воронцова, 30 января 1840 г. №1613.
3. Письмо М.П. Лазарева, 21 февраля 1840 г. №11469.
4. Ведомость статуям, барельефам и пр.
5. Отношение вице-адмиралу Лазареву, 12 апреля 1840 г. №19.
6. Отношение ДЧ [действительному члену Общества] Кумани, 12 апреля 1840 г. №20.
7. Отзыв ДЧ Кумани, 19 июня 1840 г. №351 (с ведомостью).
8. Отзыв Черноморского комиссионера, 21 июня 1840 г. №1188 (с ведомостью).
9. Отзыв Черноморского депо, 5 августа 1840 г. №224.
10. Отзыв Черноморского комиссионера, 29 марта 1840 г. №497.
11. Отзыв полк[овника] Кумани, 4 мая 1843 г. №519.
12. Отзыв его же, 8 июня 1843 г. №527.
13. Отзыв ЧО Н. Мурзакевича, 9 июня 1843 г.
14. Отношение [в] Гидрографическое депо, 14 июня 1843 г. №131.
15. Отношение П.Ч. [почетного члена Общества] Лазарева, 24 января 1846 г. №2188.
16. Отношение М.П. Лазареву, 22 февраля 1846 г. №43.
17. Отношение управляющего [управляющему] Штурманской ротой, 13 марта 1846 г. № 239.
18. Каталог монетам, 13 марта 1846 г.
19. Отношение Управляющего Штурманской ротой, май 1846 г. № 98.

Документ 2

Мурзакевич Н.Н. Записка о монетах и древних мраморах, находящихся в Черноморской штурманской роте, в Николаеве
Одесса, 27.01.1840. Рукопись. Адресат и подпись отсутствует
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39. лл. 2-2об.)

/2/ В бывшем Черноморском гидрографическом депо, между прочими любопытными вещами, находилась коллекция древних монет, а также камней с древними эллинскими надписями и статуи. По преобразовании Черноморского депо, монеты и древние мраморы, как не принадлежащие к прямым занятиям Депо, переданы в ведение Черноморской штурманской роты. Монеты сберегаются внимательно, но статуи и камни с древними надписями, не имея приличного и удобного помещения, от воздушных перемен сильно страдают. /2об./

Для пользы науке и для сбережения самых древностей полезно было бы у начальника Черноморского флота монеты и древние мраморы исходатайствовать для Музея Одесского общества истории и древностей.

Документ 3

Отношение гр. М.С. Воронцова к М.П. Лазареву
Одесса, 31.01.1840 г. Отпуск, рукопись, исх. №1613
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 3-4)

М[илостивый] г[осударь], Михаил Петрович

/3/ В бывшем Черноморском гидрографическом депо, между прочими любопытными вещами, находится коллекция древних монет, камней с древними надписями и статуи. По преобразованию Черноморского депо, монеты и мраморы, как не принадлежащие к прямым занятиям депо,

[26] Хотя в этой описи документы перечислены по хронологическому принципу, при сшивании дела он был нарушен, что затрудняет работу с бумагами.

переданы в ведение Черноморской штурманской роты. Монеты, как я слышал, сберегаются внимательно, но статуи и камни, не имея удобного помещения, портятся.

В бывшем несколько дней тому назад заседании высочайше утвержденного Одесского общества истории и древностей /3об./ члены оного обратили особенное внимание на таковую коллекцию камней и мраморов. Общество, полагая, что полезно было бы для пользы наук и сбережения самых древностей исходатайствовать оную у начальства Черноморского флота для музея Одесского общества истории и древностей, поручило мне, как почетному президенту оного, обратиться о сем к В[ашему] п[ревосходительству].

Исполняя с удовольствием таковое поручение Общества, я имею честь представить общее наше ходатайство на благосклонное ваше уважение. Удовлетворением оного, Вы бы, м[илостивый] г[осударь], изволили оказать большую услугу Обществу, /4/ требующему, особенно в начале, всякого одобрения и вспомоществования.

С ис[тинным] почт[ением] и пред[анностью] имею честь быть.
В[ашего] п[ревосходительства] Граф Воронцов [подпись]
Помета карандашом на первом листе: «К делу о музеях, спр[авка] г. Мурзакевича».

Документ 4

Письмо М.П. Лазарева графу М.С. Воронцову

Николаев, 21.02.1840 г. Оригинал на бланке Главного управления Черноморского флота.
Исх. №11469. Вх. №28.
(ГАОО, Ф. 93, оп., I. д. 39, л. 7)

Милостивый государь, граф Михаил Семенович

Согласно желанию Общества истории и древностей, сообщенного мне Вашим Сиятельством от 31 минувшего генваря № 1613, касательно передачи из Черноморской штурманской роты в музей по прилагаемой при сем ведомости редкостей, вместе с сим сделано от меня надлежащее распоряжение, имея честь уведомить Ваше Сиятельство.

С истинным почтением и преданностью честь имею быть.
Вашего сиятельства покорнейший слуга М. Лазарев [подпись]

Приложение к док. 4

/8/ Ведомость
статуям, барельефам и камням с древними надписями
(там же, лл. 8-9)

1.[27]Большая мраморная статуя, найденная в Босфорском проливе,
из Пантикапеи, изображающая римского консула, одна 1
2. Малая мраморная статуя без головы, одна 1
3. Малая мраморная статуя, изображающая человеческую
фигуру в сидящем положении из Афин, одна 1
4. Часть торса, найденная около развалин афинских, одна 1
5. Мраморный бюст древнего рыцаря по пояс, один (от г-на главного
командира, вице-адмирала Грейга в 1825 году) 1
6. Мраморная голова, изображающая умирающего Александра царя Македонского, одна ...1
[без №] Большая кость некоторого животного, одна 1
7. Головок мраморных, три 3
8. Барельеф, вывезенный из Греции, изображающий род карнизного украшения, один ... 1
9. Барельеф, найденный около развалин древнего города Ольвио, один 1
10. Барельеф, найденный там же, один .....1 /8об./
11. Стратонов камень: барельеф, найденный в Днепровском лимане, около развалин
древнего города Ольвио, с надписью: «Войска предводитель радуйся», один 1

[27] Нумерация карандашом, как и пометки «получено» в правой колонке, которые проставлены не у всех предметов.

12. Барельеф с изображением овна, один 1
13. Капитель, найденная между развалинами Херсонеса Таврического, одна 1
14. Капитель, найденная там же, одна .....1[28]
15. Часть колонны дорического ордена, одна 1
16. Мраморный камень с греческой надписью, один 1
17. Капителей, найденных в Днепровском лимане около развалин Ольвио, три 3
18. Мраморный камень, найденный в Аккермане,
с греческой надписью в трех кругах, один 1
[без №] Кость мамонтовая, одна 1
[без №] Окаменелость члена от колена вниз, кость
человеческая или какого иного животного, одно 1
19. Мраморный камень, найденный в 1809 г. в Керчи, с греческой надписью, один 1
20. Мрамор, найденный в Ольвио, с греческой надписью
при помплии.....[29] месяц каламея, один 1
21. Мрамор оттуда же, с надписью, коей упоминается месяц гамилион, один .....1 /9/
22. Кусок мрамора с частью греческой надписи из развалин города Ольвио, один 1
23. Кусок мрамора с греческой надписью, один 1
24. Мрамор, изображающий в виде раковины, один 1
25. Мрамор с турецкою надписью, снятый с ворот крепости Анапы, где он был
поставлен в память заложения сего города, один 1
26. Мрамор оттуда же с турецкой надписью на возобновление Анапы, один 1
27. Мрамор с турецкой надписью, один 1
28. Мраморный надгробный камень, найденный около развалин
города Ольвио с греческой надписью, один 1
29. Камень из Апполонового храма, найденный около афинских
развалин, надпись коего разобрать невозможно, один 1
30. Мозаик из простого белого камня, один 1
31. Баснословное[30] изображение на крупной мраморной доске, одно 1
32. Кусок мрамора с греческой надписью, найденный на острове Березани;
доставлен г. капитаном Критским в 1826 году, один 1
Генерал-лейтенант Берх [подпись][31]

Документ 6

Отзыв полковника Н.М. Кумани
Одесскому обществу истории и древностей

Николаев, 19.06.1840 г. Оригинал на бланке Главного управления Черноморского флота.
Исх. №351. Получено 22.06.1840 г. Вх. №76.
(ГАОО, Ф. 93, оп., I, д. 39, л. 12)

Вследствие отношения ко мне общества от 12 апреля №20, я распорядился о доставлении в Одессу большей части из древних статуй и мраморов, уступленных обществу почетным его членом г[осподином] главным командиром Черноморского флота и портов. Предметы сии отправлены на транспорте «Лебедь» в Одессу, где и будут сданы одесскому комиссионеру Черноморского ведомства, чиновнику 7-го класса г[осподину] Пулакасу[32], которого я прошу о передаче их обществу, по ведомости, на обороте у сего приложенной[33].

[28] Сии три последние вещи куплены у кузнечного мастера 12-го класса Иванова в 1826 г. (прим. авт. табл.).
[29] Пропуск в ведомости.
[30] Имеется в виду мифическое.
[31] Всего в ведомости числится 39 предметов, из них 3 (кости) не пронумерованы карандашом.
[32] В 1841 г. Егор Анастасьевич Пулакас был чиновником 6-го класса (Управление 1841, 224).
[33] Ведомость (лл. 13-14) подписана библиотекарем Иваном Ивановичем Бакановским. Известно, что в 1841 г. этот чиновник 10-го класса был приписан к Черноморскому гидрографическом депо (Управление 1841, 220 и 229). В ней меньше позиций, чем в предыдущей ведомости, например, нет «большой мраморной статуи» (№1), второй палеонтологической находки и др., но последовательность оставшихся такая же. Эта ведомость аналогична приемочной ведомости, подписанной в порту (см. ниже прил. к док. 7).

Уведомляя о сем общество, имею честь присовокупить, что я употреблю все зависящие от меня средства к доставлению и остальных редкостей в течение навигации текущего лета, а до того прошу покорнейше почтить уведомлением о получении посланных на транспорте «Лебедь».

Начальник Черноморского гидрографического депо, полковник Кумани [подпись]

Документ 7

Отзыв комиссионера Е.А. Пулакаса
к Одесскому обществу истории и древностей

Одесса, 21.06.1840 г. Оригинал на рукописном бланке Управления Одесского комиссионера Черноморского ведомства.
Исх. №1188. Получено 22.06.1840 г. Вх. №77.
(ГАОО, Ф. 93, оп., I, д. 39, л. 15-15об.)

/15/ Доставленные из Николаева в Одессу на казенном транспорте «Лебедь», отправленные на оном от Черноморского гидрографического депо древние статуи и мраморы, подаренные г[осподином] главным командиром, по ходатайству графа Михаила Семеновича Воронцова, для сего общества всего 29 штук, в ведомости при сем показанные, /15об./ по выгрузке с оного транспорта упомянутых вещей на Военно- практическую гавань, покорнейше прошу Одесское общество истории и древностей не оставить учинить распоряжение о приеме оных в свое ведение и отдатчика снабдить распискою.

Одесский комиссионер 7-го класса Пулакас [подпись]

Приложение к док. 7

Ведомость
статуям, барельефам и камням с древними надписями
(там же, лл. 16-16об)

	число штук	под №/№
Малая мраморная статуя без головы одна	1	2
Малая мраморная статуя, изображающая человеческую фигуру в сидящем положении из Афин	1	3
Часть торса, найденная около развалин афинских	1	4
Мраморный бюст древнего рыцаря по пояс (от г. главного командира, вице-адмирала Грейга в 1825 году)	1	5
Мраморная голова, изображающая умирающего Александра царя Македонского	1	6
Голов мраморных, три	3	7
Барельеф, вывезенный из Греции, изображающий род карнизного украшения	1	8
Барельеф, найденный около развалин древнего города Ольвио	1	9
Барельеф, найденный там же	1	10
[Барельеф] с изображением овна	1	12
Капитель, найденная между развалинами Херсонеса Таврического	1	13
Капитель, найденная там же	1	14
Мраморный камень с греческой надписью	1	16
Кость мамонтовая	1	21
Мраморный камень, найденный в 1809 г. в Керчи, с греческой надписью	1	23
Мрамор, найденный в Ольвио, с греческой надписью при помплии..... месяц каламея	1	24
Мрамор оттуда же, с надписью, коей упоминается месяц гамилион	1	25
Кусок мрамора с частью греческой надписью из развалин города Ольвио	1	26
Кусок мрамора с греческой надписью	1	27
Мрамор, изображающий в виде раковины	1	28
Мрамор оттуда же[34] с турецкой надписью на возобновление Анапы	1	30
Мрамор с турецкой надписью	1	31

[34] Место указано ошибочно.

	число штук	под №/№
Мраморный надгробный камень, найденный около развалин города Ольвио с греческой надписью	1	32
Камень из Аполлонова храма, найденный около афинских развалин, надпись коего разобрать невозможно	1	33
Мозаик из простого белого камня	1	34
Баснословное изображение на круглой мраморной доске	1	35
Кусок мрамора с греческой надписью, найденный на острове Березани; доставлен г. капитан-лейтенантом Критским в 1826 году	1	36
Одесский комиссионер 7-го класса Пулакас [подпись]		

Документ 8

Отношение комиссионера Е.А. Пулакаса
к Одесскому обществу истории и древностей

Одесса, 26.07.1841 г. Оригинал на рукописном бланке Управления Одесского комиссионера Черноморского ведомства. Исх. №1040. Получено 07.09.1841 г. Вх. №6.
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 5-5об.)

/5/ Доставленные из Николаева в Одессу на казенном транспорте «Днепр», следуемые для сего Общества статуя мраморная, одна, весом 120 пудов и камней мраморных восемь, по выгрузке оных с упомянутого транспорта /5об./ вещей на Военно-практическую гавань, покорнейше прошу Одесское общество истории и древностей учинить распоряжение о скорейшем приеме тех вещей в ведение свое и о последующем не оставить меня своим уведомлением.

Одесский комиссионер 6-го класса Пулакас [подпись]

Документ 9

Отношение полковника Н.М. Кумани
в Одесское общество истории и древностей

Николаев, 11.09.1842 г. Оригинал на бланке Главного управления Черноморского флота. Исх. №482. Получено 15.09.1842 г. Вх. №104.
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 6)

Прилагая при сем ведомость[35] статуям, барельефам и камням с древними надписями, отправленным из Черноморской штурманской роты в разное время на идущих в Одессу судах, покорнейше прошу Одесское общество истории и древностей уведомить меня, все ли они получены сполна.

Причем присовокуплю, что барельеф под названием «Баснословное изображение на круглой мраморной доске», оставшийся в Николаеве, будет отправлен при удобном случае.

Начальник Черноморского гидрографического депо, полковник Кумани [подпись]
Библиотекарь Бакановский [подпись]
Карандашная помета Н.Н. Мурзакевича: «Выправились ли №? Все ли получены? Надобно отвечать. Камни присланы без нумеров, все перемешано в кучу».

[35] Эта ведомость (четвертая) переплетена отдельно от письма (лл. 18-19). Она подписана библиотекарем И. Бакановским и является копией ведомости, приложенной к док. 4 (лл. 8-9), но на ней нет номеров карандашом.

Документ 10

Отношение комиссионера Е.А. Пулакаса
к Одесскому обществу истории и древностей

Одесса, 29.03.1843 г. Оригинал на рукописном бланке Управления Одесского комиссионера Черноморского ведомства.
Исх. №497. Получено 30.03.1843 г. Вх. №46.
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 20)

Полученное мною при отношении начальника Гидрографического депо полковника Кумани от 17-го настоящего месяца №510-м через командира брига «Ахиллес» мифологическое изображение на круглой мраморной доске, которое при сем в Одесское общество истории и древностей имею честь препроводить, в получении коего покорнейше прошу снабдить законной распиской.

Одесский комиссионер 6-го класса Пулакас [подпись]

Документ 11

Сообщение Н.Н. Мурзакевича членам
Одесского общества истории и древностей

Одесса, 9.06.1843 г. Оригинал. Получено 13.06.1843 г. вх. №79.
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 23)

Честь имею известить почтеннейшее Общество, что, согласно возложенному на меня поручению – переверить со списком разных предметов древности, доставленные Черноморским депо в общество, – я проверил наличность древностей со списком, который депо доставило в 1840 г. (при прошении № 351 [док. 6]), и нашел, что все сполна доставлено в Одессу и все находится теперь в Музеуме Общества.

Ч.О. [член Общества] Н. Мурзакевич [подпись]
Помета на полях карандашом рукой Н.Н. Мурзакевича: «Вещи все не нумерованы и смешаны».

Документ 12

Отношение М.П. Лазарева к Одесскому
обществу истории и древностей

Николаев, 24.01.1846 г. Оригинал на бланке Главного управления Черноморского флота.
Исх. №2188. Получено 28.01.1846 г.
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 25-25об.)

/25/ На отношение Общества истории и древностей от 22 октября минувшего 1845 года №184[36], имею честь уведомить, что об отправлении из Кабинета Черноморской штурманской роты монет в Одесский музеум, по прилагаемому при сем Каталогу, сделано от меня распоряжение.

О собрании же и присылке из Севастополя в Николаев, находящихся в развалинах древнего Херсониса: колонн, капителей, пьедисталей[37], карнизов, а также греческого мраморного барельефа Феогенова, бывшего в стене прежней Петропавловской церкви, предписано от меня /25об./ командиру Севастопольского порта, и какое последует по сему донесение, в то же время не премину уведомить общество.

Главный командир Черноморского флота и портов,
Генерал-адъютант, адмирал Лазарев [подпись]
Начальник Штаба Черноморского флота и портов,
вице-адмирал Хрущов [подпись]

[36] В деле отсутствует.
[37] Так в документе.

Документ 13

Отношение Ф.М. Шмелева к Одесскому обществу истории и древностей
Николаев, 13.03.1846 г. Оригинал, исх. № 239. Получено 15.05.1846 г. Вх. №7
(ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, л. 28).

Назначенные главным командиром Черноморского флота и портов к передаче в Одесское общество истории и древностей из Штурманской роты монеты, отправив с чиновником 9-го класса Сапуновым[38] на пароходе «Громоносец», имею честь уведомить о том помянутое Общество. Какие же именно монеты в каком числе, препровождаю у сего Каталог и покорнейше прошу о приеме оных от чиновника Сапунова меня уведомить.

Управляющий Черноморской Штурманской
ротой, генерал-майор Шмелев [подпись]

Приложение к док. 13

Каталог монетам,
которые, по мнению Комиссии, можно передать в Одесское общество истории и древностей
13.03.1846 г. (ГАОО, Ф. 93, оп. I, д. 39, лл. 29-31об.)

	/29/ счет
Монеты древние греческие:	
г. Ольвио, медных	56
г. Ольвио, свинцовая	1
Херсонеса-Таврического: г. Херсонеса, медных	12
Восфора Киммерийского: г. Пантикапей, медных	7
Царей Македонских: Александра Великого, свинцовая	1
Антигона, медная	1
Локриды Опунтийцы, серебряная	1
Биотия, медная	1
Афины, медные	2
Аттика, г. Мегары, медные	5
Острова Саламина, медная	1
Ахайя, г. Коринфа, медная	1
Пелополес, г. Оргос, серебряная	1
Островов Эгейского моря: Сифнос, медная	1
Кеос, медная	1
Острова Кеос, г. Июлиса, медная	1
Боспора Киммерийского: г. Фанагория, медная	1
Понт, г. Алигос, медная	1
Пафлагония, г. Синопа, медная	1
Вифания, г. Агрипия, медная	1 /29.об/
г. Кесарии, медная	1
Египет, г. Александрии, медная	1
Царей Боспора Киммерийского:	
Савромата I, медная	1
Рискупорида II и Тиверия императора римского, медная	1
Царицы Гипопирус, медная	1
Котиса I, медная	1
Савромата II, медных	3
Савромата III, медная	1
Котиса II, медная	1
Ромиталка, медная	1
Евпатор, медная	1
Рискупорида II, медная	1
Ининфимива, медная	1
Фоворс, медная	1
Сверх того сомнительных:	
Пантикапейская, медная	1
Митридата III, царя Воспорского, медная	1
Рискупорида VIII, медная	1
Неясных медных	34

[38] Николай Тимофеевич Сапунов – учитель Штурманской роты в 1839 и 1841 гг. (Управление 1841, 229).

Коллекция 2	
Римские:	
Августа, медная	1
Клавдия, медная	1
Нерона, медная	1
Веспасиана, серебряная	1
....., медная	1
Домициана, медная	1
Трояна, медная	1
Трояна, серебряная	1 /30/
[Антонина], медная	1
Фаустины, медных	4
Коммода, медная	1
Андриана, медная	1
Юлии Мамеи, матери Александра Севера, серебряная	1
Александра Севера, медная	1
Феодосия I, медная	1
Императора Маврикия, медная	1
Императора Константина I Великого, медных	4
Императора Валенса, медная	1
Клавдия II, медная	1
Гордиана, медная	1
Гордиана III, серебряных	2
Максимина, медная	1
Трояна Деция, медная	1
Эструциллы, жены Трояна Деция, медная	1
Аврилиана, медная	1
Марка Аврелия, медная	1
Императора Семптимия Севера, серебряных	2
Юлии-Домины, жены Семптимия Севера, серебряная	1
Юлии-Павлы, жены Илиогабала, серебряная	1
Кесаря Гота, серебряных	2
Императора Филиппа, серебряная	1
Императора Иоанна Цимиския, медная	1
Императора Константина, медная	1
Императора Максимиана, медная	1
Императора Анастасия I, медная	1
Императора Констансия I, медная	1
Императора Галлиуна, медная	1
Императора Константина IV, погоната, медная	1
Императора Константина II, медная	1 /300б./
Императора Грациана, медная	1
Императора Юлия, крепна Цезаря, сына Константина Великого, медная	1
Императора Констанция, медная	1
Императора Антонины Каракаллы, серебряная	1
Императора Юстиниана I, медная	1
Императора Юстина II, медная	1
Императора Леона, медная	1
Императора Фоки, медная	1
Императора Люциния, медная	1
Императора Юстина I, медная	1
Императора Аркадия, медная	1
Сверх того неясных:	
Императоров последних времен, медных	6
Какой-то готфской царицы, медная	1
Императоров, коих нельзя распознать, медных	15
Коллекция 3	
г. Ольвио, медных	19
Херсонеса-Таврического, медных	18
Восфора Кимерийского, г. Пантикапеи, медная	1
Калигулы и Рискупорида III, медная	1
Рискупорида I, медная	1
Рискупорида II, медных	2
Митридата III, медная	1
Императора Тиверия и Рискупорида II, медная	1

Царицы Гипопериды, медная (3) *	1
Котиса I, медных (5) *	2
Ромиталка, медная	1/31/
Евпатора, медных (3) *	2
Савромонта III, медных	3
Савромонта IV, медная	1
г. Александрии Египетского, медная	1
г. Амизос, медная	1
Монет, которых трудно распознать, двадцать две	22
Монеты римские:	
г. Рима с изображением Ромула и Рема, питаемых волчицей, медная	1
Юлия Августа, медная	1
Веспасиана, серебряная (3) *	1
Домициана, медная	1
Домициана, серебряная (2) *	1
Трояна, серебряная, одна	1
Андриана, серебряных, две	2
Антонина Кроткого, серебряная	1
Антонина Кроткого, медная	1
Марка Аврелия, серебряная	1
Марка Аврелия, медная	1
Марка Аврелия, II-консульства, медная	1
Фавстины, жены Марка Аврелия, серебряная (2) *	1
Септимия Севера, серебряная	1
Императрицы Каракаллы, серебряная	1
Кесаря Каракаллы, серебряная	1
Александра Севера, серебряная	1
Юлии Мамеи, матери Александра Севера, серебряная	1
Эструцилы, жены Трояна Деция, медная	1
Валериана, серебряная	1 /310б./
Императора Констанция, медных (52) *	42
Кесаря Констанция, медных	4
Константина Великого, медных	2
г. Константинополя, времен Константина Великого, медная	1
Императора Константина Великого после смерти, медная	1
Императрицы Елены, матери Константина Великого, медная	1
Константина II, медная	1
Константина младшего кесаря, медная	1
Юлиана Кесаря Отступника, медных (4) *	3
Валентиниана, медная	1
Валенса, медных	12
г. Агрипия, медная (5) *	1
г. Кесарии, медных	4
Алексея Комнина, серебряная	1
Монет разных древних, найденных в развалинах г. Херсонеса, медных семьдесят одна	71
Монет новейших времен, медных посеребренных	33
Разных европейских государств и владений, медных	43
Казанских татар	32
Российских	15

Генерал-майор Шмелев [подпись]

Библиография

Бантыш-Каменский 1847: [Д.Н.] Бантыш-Каменский, Траверсе, маркиз Иван Иванович. Словарь достопамятных людей Русской земли, ч. III (Санкт-Петербург 1847), 433-437.

Ваксель 1801: Л. Ваксель, Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797м и 1798м годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретены с древними наименованиями (Санкт-Петербург 1801).

Веселовский 1904: Н.И. Веселовский, Первобытные древности: история Южной России (Туапсе 1904).

Волков, Семянников 2018: Ю.А. Волков, Б.Г. Семянников, Археологический музей на Черноморском флоте. Международный журнал теории и научной практики 1/1, 2018, 43-46.

Губская 2012: Т.Н. Губская, Афонин Матвей Иванович (1736-1810 гг.). Город мраморных ангелов (Николаев 2012), 32-33.

Даниленко 1993: В.Н. Даниленко, О первом музее на юге России. В: Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья (Москва 1994), 8-19.

Долгоруков 1870: И.М. Долгоруков, Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года (Москва 1870).

Дополнение 1867: Дополнение к сборнику постановлений по министерству народного просвещения 1803-1864 гг. (Санкт-Петербург 1867).

Его Высокопреосвященству 1808: Его Высокопреосвященству господину Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому архиепископу и кавалеру Платону. Поднесена по случаю посещения его Черноморского депо карт (Николаев 1808).

Записки 1892: Записки А.И. Михайлевского-Данилевского. 1818 год. Исторический вестник XLVIII, 1892, 360-373.

Заседание 1827: Заседание 21, октября 27 дня [1826 г.]. Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете III, кн. II, 1827, 185-197.

Иванчик 2007: А.И. Иванчик, Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Келера в Берлине. В: (отв. ред. И.В. Тункина) Eukharisterion. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (Санкт-Петербург 2007), 182-213.

Иванчик 2021: А.И. Иванчик, Надписи Северного Причерноморья. Лапидарные надписи, т. 1: Греческие и латинские надписи Тиры и окрестностей (Санкт-Петербург 2021).

Измайлов 1800: В. Измайлов, Путешествие в Полуденную Россию в 1799 году письмах, ч. I (Москва 1800).

Камели 1854: Камели. Морской сборник 2, 1854, 318-319.

Кеппен 1825: [П.И. Кеппен,] История и древности. Библиографические листы 9, 1825, 117-123.

Коллекция 1844: Коллекция древних памятников, присланных из Николаева. ЗООИД I, 1844, 636.

Крючков 1997: Ю.С. Крючков, Роль Черноморского флота в создании музеев и памятников в Северном Причерноморье. В: Матеріали Другої миколаївської обласної краєзнавчої конференції «Історія, етнографія, культура: ннові дослідження», т. II: Історія і культура (Миколаїв 1997), 107-108.

Курченко 2011: Т.Є. Курченко, Формування музейної мережі півдня України і першій половині XIX ст. Краєзнавство 4, 2011, 178-183.

Латышев 1887: В.В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии (Санкт-Петербург 1887).

Макидонов 2011: А.В. Макидонов, Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века (Запорожье 2011).

Материалы 1904: Материалы для истории русского флота, ч. XVII (Санкт-Петербург 1904).

Месяцеслов 1838: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839 г., ч. I. (Санкт-Петербург б.г.).

Митковская 2006: Т. Митковская, Сотрудничество Музея судостроения и флота и Государственного архива Николаевской области в создании выставочных проектов. Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею 3, 2006, 96-102.

Мурзакевич 1877: Н. Мурзакевич, Анапская крепостная надпись Одесского музея. ЗООИД X, 1877, 507-508.

Образование 1831: Образование Главного управления Черноморского флота и портов. [Императорский рескрипт] (Санкт-Петербург 1831). Отд. оттиск.

Описание 1838: Описание городов Николаев и Бердянск. Новороссийский календарь на 1839 г. (Одесса 1838), 172-179.

Островерхов, Сапожников 2003: А.С. Островерхов, И.В. Сапожников, Рец.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: XVIII – середина XIX в. С.-Пб.: Наука, 2002. 676 с. Старожитності Степового Причорномор'я і Криму X, 2002, 271-283.

Отчет 1843: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1842 по 14 ноября 1843 года (Одесса 1843).

Отчет 1847: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1845 по 14 ноября 1846 года (Одесса 1847).

Пенчко 1956: Н.А. Пенчко, Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758-1771). Исторический архив 2, 1956, 155-182.

Петров 2003: В.А. Петров, Доля археологічної колекції Миколаївського Кабінету рідкостей. В: (ред. Л.Д. Хлопинська; упор. І.М. Піскурьова) Музейний часопис (Миколаїв 2003), 49-58.

Пивовар, Сапожников 2022: А. Пивовар, И. Сапожников, Б.Б. фон Кампенгаузен и его записка о древностях Северного Причерноморья. Південний захід. Одесика 32, 2022, 73-85.

Русский 1900: Русский биографический словарь, т. 2. (Санкт-Петербург 1900).

Савваитов 1851: П.И. Савваитов, Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 году (Санкт-Петербург 1851).

Савченко 2019: В. Савченко, Одесса масонская: неразгаданный миф города Солнца (Одесса 2019).

Савченко 2021: В. Савченко, Масонський «роман» з археологією: масони та перші археологічні дослідження Півдня України. Південний захід. Одесика 31, 2021, 151-160.

Сапожников 2001-2002: И.В. Сапожников, Очерки истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX ст. от Р.Х. Stratum plus 3, 2001-2002, 452-461.

Сапожников 2021: І.В. Сапожников, Ольвія та її околиці у XVIII – на початку XX ст.: топографо-історіографічні нариси. Археологія і давня історія України 3, 2021, 387-406.

Сапожников 2022: И. Сапожников, Первый археолог Одессы И.П. Бларамберг и раскопки курганов у лютеранской кирхи 1826 года. Південний захід. Одесика 32, 2022, 112-128.

Сапожников, Аргатюк 2016: И. Сапожников, С. Аргатюк, Из истории крепостей Северного Причерноморья: 1797-1812 гг. Архів. Історія. Сучасність, вип. 2: Матеріали II-ї Міжнародної науково-практичної конференції (Одеса 2016), 277-290.

Сапожников, Кашуба 2021: И. Сапожников, М. Кашуба, «Имеем честь заявить, что мы нашли клад»: искатели сокровищ юга Бессарабии в конце XIX – начале XX в. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 167-190.

Сапожников, Полевщикова 2005-2009: И.В. Сапожников, Е.В. Полевщикова, Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной и средневековой географии Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus 4, 2005-2009, 464-475.

Свиньин 1826: П.П. Свиньин, Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России, относительно археологии. Отечественные записки ч. 27, кн. 75, 1826, 91-117.

Серков 2001: А.И. Серков, Русское масонство 1731-2000. Энциклопедический словарь (Москва 2001).

Скальковский 1836: А.А. Скальковский, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, ч. I: 1730-1796 гг. (Одесса 1836).

Снитко та ін. 2018: І.О. Снитко, Н.М. Гаркуша, О.В. Снитко, Про історію однієї лапідарної пам'ятки, знайденої біля Ольвії. В: (відп. ред. І.В. Нємченко) Стародавнє Причорномор'я, вип. XII (Одеса 2018), 500-505.

Спафарис 1915: И.С. Спафарис, Принадлежащие музею общества предметы с арабскими, персидскими и турецкими надписями. ЗООИД XXXII, 1915, 147-198.

Сумароков 1800: П. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году с историческим и топографическим описанием всех этих мест (Москва 1800).

Сухтелен 1897: П.К. Сухтелен, Описание Новороссийской губернии, бывшей Очаковской степи по воинским предметам. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии LXII, 1897, 92-98.

Тригуб 1998: О.П. Тригуб, Історія Миколаївського Адміралтейського собору (1789-1936). Наукові праці МФ НаУКМА 1 (Миколаїв 1998), 56-60.

Тункина 1989: И.В. Тункина, Кабинет редкостей Черноморского депо карт. В: (отв. ред. Г.А. Кошеленко) Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти В.Д. Блаватского (Москва 1989), 117-118.

Тункина 1991: И.В. Тункина, Кабинет редкостей Черноморского депо карт. В: Очерки истории русской и советской археологии (Москва 1991), 9-24.

Тункина 2002: И.В. Тункина, Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX вв. (Санкт-Петербург 2002).

Тункина 2004: И.В. Тункина, О судьбе рукописного наследия И.П. Бларамберга. Херсонесский сборник XIII, 2004, 233-249.

Уваров 1851: А. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1. (Санкт-Петербург 1851).

Управление 1841: Управление Черноморского флота и портов. Новороссийский календарь на 1842 г. (Одесса 1841), 219-229.

Формозов 1975: А.А. Формозов, К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. СА 1, 1975, 171-175.

Шатне 2003: М. Шатне, Жан Батист Траверсе, министр флота российского (Москва 2003).

Щукин 2017: В.В. Щукин, Николаевский Адмиралтейский собор: очерк истории (Николаев 2017).

Юргевич 1888: В. Юргевич, Об археологических розысканиях и открытиях в Южной России, предшествующих учреждению Одесского общества истории и древностей. ЗООИД XIV, 1888, 27-52.

Castelnau 1820: [G. Castelnau,] Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa, ses progrès, son état actuel, détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'Agriculture et du commerce..., vol. 3 (Paris 1820).

Clarke 1809: E.D. Clarke, Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge (Cambridge 1809).

Clarke 1810: E.D. Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa. Part I: Russia, Tartary and Turkey (Cambridge 1810).

IOSPE I²: B. Latyschev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, vol. I. Iterum edidit Basilius Latyschev (Petropoli 1916).

Karadeniz 2020: Karadeniz kuzeyinde osmanli kitabeleri: Ukrayna, Moldova, Rusya, Gürcistan, Litvanya. In: (ed. M. Tütüncü) Corpus of Ottoman Inscriptions in Northern Black Sea (Heemstede 2020).

Ker Porter 1821: R. Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. &c: During the Years 1817, 1818, 1819, and 1820, vol. I (London 1821).

Köhler 1826: H.K.E. Köhler, Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissemenssur les antiquités du littoral de la Sarmatie et des recherches sur les honneurs que les Grecs ont accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg X, 1826, 531-820.

Kupfer 1801: Kupfer zu P.S. Pallas neuen Reisen in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794, вd. II. ([Leipzig 1801]).

Pallas 1801: P.S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. bd. II (Leipzig 1801).

Lyall 1825: R. Lyall, Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia, vol. I. (London 1825).

Peyssonnel 1765: C.-Ch. de Peyssonnel, Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin (Paris 1765).

Raiul-Rochette 1822: D. Raiul-Rochette, Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien (Paris 1822).

Vidua 1826: C. Vidua, Inscriptiones antiquae in Turcico itinere collectae (Lutetiae-Parisior 1826).

Waxel 1803-a: L. Waxel, Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la mer noire appartenans à l'empire de Russie dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798 (Berlin 1803).

Waxel 1803-b: L. Waxel, Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la mer noire appartenans à l'empire de Russie comprenant des decouvertes faites depuis l'annee 1798. [Band 2] (Berlin 1803-b).

Webster 1830: J. Webster, Travels trough the Crimea, Turkey and Egypt; performed during the years 1825-1828: including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy in 1825, vol. I (London 1830).

Kunstkamera (Muzeu) şi alte colecţii arheologice din Nicolaev, creatorii lor şi transferul la Societatea de Istorie şi Antichităţi din Odesa în anii 1840

Cuvinte-cheie: Nikolaev, Cabinetul de rarităţi (Kunstkamera), Depozitul de hărţi ale Mării Negre, Şcoala de navigatori, colecţii de antichităţi şi monede, descrieri ale contemporanilor, rolul francmasonilor, transfer la Societatea de Istorie şi Antichităţi din Odessa în anii 1840.

Rezumat: Articolul este dedicat studierii istoriei unor structuri din cadrul marinei militare de la Marea Neagră din Nicolaev, care, în anii 1800-1830, s-au ocupat cu colectarea, conservarea şi expunerea de obiecte vechi, în special, antice, inscripţii şi monede. Majoritatea provin din ruinele oraşului din apropiere Olbia şi din alte locuri din nordul Mării Negre. Însă unele piese antice, precum şi inscripţii otomane, au fost aduse din Atena, de pe insulele din Marea Mediterană şi de pe coasta Caucazului (cetatea Anapa). Exponatele aveau origini diferite: achiziţii de la tâlhari, descoperiri întâmplătoare, cadouri de la persoane fizice, trofee de război şi chiar din săpături, efectuate sub îndrumarea ofiţerilor de marină la Olbia, la Chersones de lângă Sevastopol şi la sanctuarul lui Ahile. La crearea colecţiilor Cabinetului de rarităţi din cadrul Depozitului de hărţi al Mării Negre, la completarea acestora şi chiar la transferul către Societatea de Istorie şi Antichităţi din Odessa au contribuit, în special, cunoscuţii francmasoni, amiralii I.I. Traverse şi A.S. Greig, contele M.S. Vorontsov şi mulţi alţii. Drept urmare, majoritatea artefactelor foarte valoroase au ajuns în fondurile Muzeului Arheologic din Odesa, unde sunt păstrate până în prezent. Locaţia unora dintre rarităţi este necunoscută.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Lespede din marmură cu inscripţie, provenită din Olbia (Kupfer 1801, Pl. 5, 4).

Fig. 2. „Piatra lui Straton” din împrejurimile Olbiei (Kupfer 1801, Pl. 5, 4).
Fig. 3. „Piatra lui Straton” după L. S. Waxel (Waxel 1803-a, Fig. 2).
Fig. 4. Lespede din marmură cu inscripţie de la Olbia după L. S. Waxel (Waxel 1803-a, Fig. 1).
Fig. 5. Harta descoperirilor de antichităţi din nordul Mării Negre (Ваксель 1801).
Fig. 6. E.D. Clark (1769-1822).
Fig. 7. Capul unei statui de la Olbia (Waxel 1803-b, fig. №43).
Fig. 8. Monede de la Olbia (Waxel 1803-b, Fig. №47-48).
Fig. 9. I.I. Traverse (1754-1831).
Fig. 10. Foaia de titlu a broşurii editate de Depozitul de hărţi al Mării Negre (Его Высокопреосвященству 1808).
Fig. 11. Traducere a inscripţiei otomane din cetatea Anapa (Его Высокопреосвященству 1808).
Fig. 12. A.S. Greig (1775-1845).
Fig. 13. Semnătura lui N.M. Kumani pe copia „Hărţii râului Bug” de E.P. Manganari.
Fig. 14. Robert Ker Porter (1777-1842).
Fig. 15. Contele C. Vidua (1785-1830)
Fig. 16. Inscripţii copiate de K. Vidua în Nicolaev (Vidua 1826, tabl. I, 1-2).
Fig. 17. Robert Lyell (1790-1831)
Fig. 18. P.P. Svinin (1787-1839).
Fig. 19. Edificiul Depozitului de hărţi al Mării Negre (începutul sec. XX).
Fig. 20. Edificiul Depozitului de hărţi al Mării Negre (starea actuală).

The Kunstkamera (Museum) and other archaeological collections of Nikolaev, their creators and the transfer to the Odessa Society of History and Antiquities in the 1840s

Keywords: Nikolaev, Cabinet of Rarities (Kunstkamera), Black Sea Depot of Maps and Navigator School, collections of antiques and coins, descriptions by contemporaries, the role of Freemasons, transfer to the Odessa Society of History and Antiquities in the 1840s.

Abstract: The article focuses on the history of the Black Sea Navy bodies in Nikolaev, which, in the 1800s-1830s. were engaged in the collection, preservation and exhibition of ancient, mainly antique and Roman objects, inscriptions and coins. Most of them came from the ruins of the nearby city of Olbia Pontica and other places in the Northern Black Sea region, but some of the antiquities, as well as the Ottoman inscriptions, were brought from Athens, from the islands of the Mediterranean Sea and from the coast of the Caucasus (the Anapa Fortress). The exhibits had different origins: purchases from robber-diggers, chance finds, gifts from individuals, war trophies, and even from special excavations conducted under the guidance of naval officers at the ruins of Olbia Pontica, at Chersonese near Sevastopol, and at the sanctuary of Achilles (Tendrovskaya Spit). It is noted that in the creation of the collections of the Cabinet of Rarities at the Depot of Maps, their replenishment and even in the transfer to the Odessa Society of History and Antiquities, the leading roles were played by well-known freemasons – admirals I.I. Traverse and A.S. Greig, Count M.S. Vorontsov, and many others. As a result, most of the very valuable artifacts ended up in the funds of the Odessa Archaeological Museum, where they are kept to this day. The location of some of the rarities is unknown.

List of illustrations:

Fig. 1. Marble slab with an inscription from Olbia (Kupfer 1801, Pl. 5, 4).
Fig. 2. “Straton’s stone” from the environs of Olbia (Kupfer 1801, Pl. 18, 5).
Fig. 3. “Straton’s stone” by L.S. Waxel (Waxel 1803-a, Fig. 2).
Fig. 4. Marble slab with an inscription from Olbia by L.S. Waxel (Waxel 1803-a, Fig. 1).
Fig. 5. Map of the places of finds of antiquities of the Northern Black Sea Region (Ваксель 1801).
Fig. 6. E.D. Clark (1769-1822).
Fig. 7. Head of a marble statue from Olbia (Waxel 1803-b, Fig. 43).
Fig. 8. Coins from Olbia (Waxel 1803-b, Fig. 47-48).
Fig. 9. I.I. Traverse (1754-1831).
Fig. 10. Title page of a brochure published at the Black Sea Map Depot (Его Высокопревосходительству 1808).
Fig. 11. Translation of the Ottoman inscription from the Anapa Fortress (Его Высокопревосходительству 1808).
Fig. 12. A.S. Greig (1775-1845).
Fig. 13. Signature of N.M. Kumani on a copy of the “Map of the Bug River” by E.P. Manganari.
Fig. 14. Robert Ker Porter (1777-1842).

Fig. 15. Count C. Vidua (1785-1830)

Fig. 16. Inscriptions copied by K. Vidua in Nikolaev (Vidua 1826, tabl. I, 1-2).

Fig. 17. Robert Lyell (1790-1831)

Fig. 18. P.P. Svin'in (1787-1839).

Fig. 19. The building of the Black Sea Map Depot (beginning of the 20th century).

Fig. 20. The building of the Black Sea Map Depot (current state).

02.06.2023

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, д. 12, 04210 Киев, Украина; https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: ssappog5@gmail.com

Ольга Айсфельд, Геттингенский исследовательский центр, Кальсовштрассе, 54, 37085 Геттинген, Германия; https://orcid.org/0000-0003-1238-7129, e-mail: o.eisfeld.klio@gmx.de

Др. хаб. Виктор Савченко, кафедра истории Украины, Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Старопортофранковская, 26, 65020 Одесса, Украина; https://orcid.org/ https://orcid.org/0000-0001-5949-2263, e-mail: lanjeron15@gmail.com

EMISIUNI MONETARE RUSEŞTI DIN PATRIMONIUL MUZEULUI NAŢIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI (prima jumătate a secolului al XIX-lea)[1]

Elena Arcuş-Jantovan

Cuvinte-cheie: Imperiul Rus, Alexandru I, Nicolae I, monedă, tezaur.

În secolul al XVIII-lea, răspândirea a diverse tipuri de emisiuni monetare, inclusiv ruseşti, a fost facilitată în mod evident de absenţa unei monede naţionale şi a unui sistem monetar naţional în Principatul Moldovei[2]. În prima jumătate a secolului al XIX-lea, persistă o lipsă acută de stabilitate în circulaţia monetară din spaţiul dintre Prut şi Nistru, fiind o consecinţă nu doar a rigorilor impuse odată cu instaurarea regimului fanariot în Principatul Moldovei, dar şi o urmare a anexării Basarabiei de către Imperiul Rus, prin suprapunerea şi implementarea directivelor noului regim. Respectiv, la începutul secolului al XIX-lea sunt răspândite pe scară largă emisiuni monetare care circulau în întreg Principatul Moldovei, etapă în care moneda rusească nu va juca un rol substanţial în circuitul monetar.

După anexarea Basarabiei din anul 1812, moneda rusească ar fi trebuit să înlocuiască în circulaţie o bună parte din emisiuni, dar diversitatea monetară din circulaţie a rămas destul de pronunţată, întrucât moneda rusească nu avea un statut oficial şi bine determinat în circulaţie, dar şi din considerentul că, în comparaţie cu alte emisiuni, moneda rusească a fost receptată foarte greu de populaţie. Acest aspect ne este demonstrat îndeosebi de emisiunile turceşti rămase în circulaţie într-un număr mare, fapt confirmat, în repetate rânduri, de izvoarele scrise, de exemplu, de raportul de la 11 august 1826, în care se menţionează că monedele turceşti încă persistă în circulaţie[3], sau de circulara în care se stipulează interzicerea circulaţiei paralelor, începând cu luna ianuarie a anului 1828, în conformitate cu propunerea aprobată şi adoptată la 24 mai 1827, şi să se permită circulaţia acestora numai până la sfârşitul anului 1827[4]. Abia după adoptarea Regulamentului din 29 februarie 1828 a fost lichidată autonomia limitată, acordată provinciei, iar moneda rusească va fi introdusă ca mijloc de circulaţie bănească în întreaga Basarabie (cu toate acestea, conform surselor scrise şi descoperirilor monetare din acest spaţiu, unele monede străine au rămas totuşi în circulaţie) (Arcuş-Jantovan 2022, 147). Prin urmare, răspândirea monedei ruseşti se va intensifica semnificativ abia după includerea Basarabiei în sistemul economic al Imperiului Rus şi introducerea ei în mod oficial ca mijloc de circulaţie monetară (Tomuleţ 2011, 151; Tomuleţ 2014, 33-34).

Descoperirile monetare din spaţiul dintre Prut şi Nistru confirmă răspândirea emisiunilor monetare ruseşti – atât ale lui Alexandru I (1801-1825)[5], cât şi ale lui Nicolae I (1825-1855)[6], fiind

[1] Articol elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

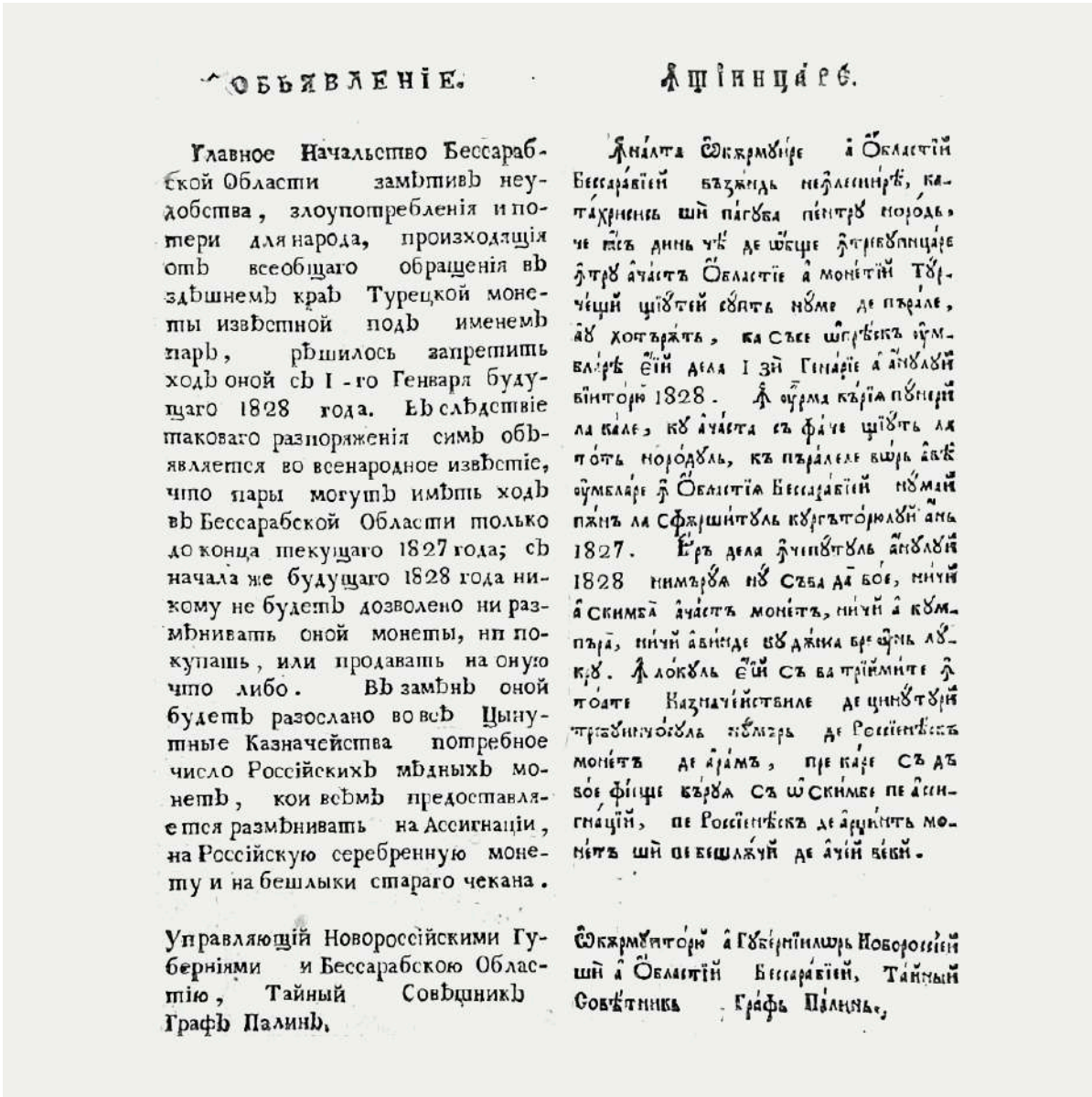
[2] Articolul are la bază comunicarea omonimă, prezentată la Conferinţa ştiinţifică internaţională „Istorie. Arheologie. Muzeologie" a Muzeului National de Istorie a Moldovei, ediţia a XXXII-a, Chişinău, 27-28 octombrie 2022.

[3] ANRM, F. 5, inv. 4, d. 754, 6.

[4] ANRM, F. 205, inv. 1, d. 5292, 15.

[5] *Anenii Noi* (1 piesă, 3 Copeici 1820), *Cahul* (3 piese, 2 Copeici 1816, 1819; 1 rublă 1817), *Caracuşenii Noi* (46 piese, 1 Copeică 1812, 1819 (3), 1822; 2 Copeici 1810, 1811 (14), 1812 (18), 1813 (4), 1818, 1819, 1820, 1823), *Ratuş* (12 piese, 1 Copeică 1819 (2); 2 Copeici 1810-1825 (2), 1811, 1812, 1814, 1817, 1818, 1819, 1820, 1825), *Căuşeni* (1 piesă, 2 Copeici 1815), *Ecaterinovca* (1 piesă, 2 Copeici 1812), *Floreşti* (2 piese, 2 Copeici 1812; 5 Copeici 1812), *Hădărăuţi* (1 piesă, 2 Copeici 1812), *Hânceşti* (1 piesă, 1 Copeică 1819), *Leova* (2 Copeici 1816; 1 Copeică 1818), *Rogojeni* (1 piesă, 2 Copeici 1815), *Sângerei* (1 piesă, 2 Copeici 1816), *Soroca* (1 piesă, 1 Copeică 1819), *Speia* (2 piese, 2 Copeici 1813 (2)), *Stolniceni* (1 piesă, 2 Copeici 1818), *Tigheci* (1 piesă, 2 Copeici 1810).

[6] *Caracuşenii Noi* (1 piesă, 1 Copeică 1828), *Briceni* (1 piesă, 5 Copeici 1832), *Cahul* (7 piese, 1 Copeică 1852; 2 Copeici 1840, 1844; 3 Copeici 1843, 1844 (2); 10 Copeici 1837), *Călăraşi* (3 piese, 1 Copeică 1860, 1864; 5 Copeici 1875), *Floreşti* (2 piese, 5 Copeici 1835; 1 Copeică serebrom 1841), *Hâncești* (7 piese, 1 Copeică 1837, 1 Copeică serebrom 1842, 2 Copeici serebrom 1842, 2 Copeici serebrom ?, 3 Copeici serebrom 1844, 1 Copeică 1852, 1 Copeică ?), *Leova* (4 piese, 1 Copeică 1832, 1853, 1855; 2 Copeici 1838 (1)), *Lopăţica* (1 piesă, 3 Copeici 1840), *Ratuş* (23 piese, ¼ Copeici serebrom 1840 (1); ½ Copeici serebrom 1843; 1 Copeică, 1829 (5),



ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Главное Начальство Бессарабской Области замѣтивъ неудобства, злоупотребленія и потери для народа, происходящія отъ всеобщаго обращенія въ здѣшнемъ краѣ Турецкой монеты извѣстной подъ именемъ паръ, рѣшилось запретить ходъ оной съ 1-го Генваря будущаго 1828 года. Въ слѣдствіе таковаго разпоряженія симъ объявляется во всенародное извѣстіе, что пары могутъ имѣть ходъ въ Бессарабской Области только до конца текущаго 1827 года; съ начала же будущаго 1828 года никому не будетъ дозволено ни размѣнивать оной монеты, ни покупать, или продавать на оную что либо. Въ замѣнъ оной будетъ разослано во всѣ Цынутные Казначейства потребное число Россійскихъ мѣдныхъ монетъ, кои всѣмъ предоставляется размѣнивать на Ассигнаціи, на Россійскую серебренную монету и на бешлыки стараго чекана.

Управляющій Новороссійскими Губерніями и Бессарабскою Областію, Тайный Совѣтникъ Графъ Палинъ.

Аꙗ̀ꙗ̀ꙗ̀

DESCOPERIRI IZOLATE

Alexandru I (1801-1825)

Emisiuni monetare de argint. Alexandru I continuă să emită la monetăria din Sankt-Petersburg aceleaşi nominale de argint ca şi în timpul lui Pavel I (Rubla, Poltina, Polupoltinnik, 10 Copeici, 5 Copeici), dar, totodată, Alexandru I reintroduce în circuit monede de 20 Copeici, pe care le-a emis pentru prima dată Ecaterina a II-a (1762-1796) în anul 1764, dar care, ulterior, nu au mai fost emise de către Pavel I (1796-1801).

Rubla, 5 piese (1811, 1815, 1818 (2), 1820)[8]

FB-19515, N. 32192. 1818; 20,32 g; 35,37 mm; AR↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / С[9]. Semicircular, în partea de sus: valoarea nominală – МОНЕТА РУБЛЬ; în partea de jos: anul de emitere – 1818.
Rv. În centru: inscripţie în patru rânduri – ЧИСТАГО СЕРЕБРА 4 ЗОЛОТН. 21 ДОЛЯ; în partea de sus: coroană imperială, în partea de jos: atelierul monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: inscripţionată – СЕР . 83 1/3 ПРОБЫ 4 ЗОЛ . 82 14/25 ДОЛИ.

Poltina, 2 piese (1814, 1818)[10]

FB-28619, N. 54708. 1818; 9,87 g; 28,51 mm; AR ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / С. Semicircular, în partea de sus: valoarea nominală – МОНЕТА ПОЛТИНА; în partea de jos: anul de emitere – 1818.
Rv. În centru: inscripţie în patru rânduri – ЧИСТАГО СЕРЕБРА 2 ЗОЛОТН. 10 1/2 ДОЛЕЙ; în partea de sus: coroana imperială, în partea de jos: atelierul monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: inscripţionată – СЕР . 83 1/3 ПРОБЫ 2 ЗОЛ . 21 7/25 ДОЛИ.

20 Copeici, 2 piese (1818, 1819)[11]

FB-13694, N. 14262. 1819; 3,95 g; 21,95 mm; AR ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / С; în partea de jos: anul emiterii – 1819.

[8] *Act 509, 1 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13562, N. 14130; FB-13564, N. 14132; *Act 289, 16 aprilie 1991* – donaţie, Postul Vamal Ungheni: FB-19515, N. 32192; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21382-14, N.33887; *Act 103, 17 iunie 1994* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-22702, N. 35268.

[9] ПС – Павел Ступицын (Pavel Stupitsyn).

[10] *Act 509, 1 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13563, N. 14131; *Act 87, 14 iulie 2011* – transfer, Trezoreria de Stat: FB-28619, N. 54708.

[11] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13690, N. 14258; FB-13694, N. 14262.

Rv. În centru: valoarea nominală, în două rânduri – 20 / КОПѢЕКЪ; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă de lauri, iar din dreapta: crenguţă de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: punctată.

10 Copeici, 2 piese (1804, 1825)[12]

FB-13689, N. 14257. 1804; 1,97 g; 17,97 mm; AR ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei este stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – Ф / Г[13].
Rv. În partea de sus: valoarea nominală în două rânduri – 10 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1804 / С.П.Б.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

5 Copeici (AR)[14], 1 piesă (1825)[15]

FB-13692, N. 14260. 1825; 1,12 g; 15,04 mm; AR ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / Д[16]; în partea de jos: anul emiterii – 1825.

Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – 5 / КОПѢЕКЪ; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă de lauri, iar din dreapta: crenguţă de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: punctată.

Emisiuni monetare de cupru. Alexandru I continuă să emită aceleaşi nominale de cupru ca şi în timpul lui Pavel I (2 Copeici, Copeica, Denga, Polushka), dar şi 5 Copeici de cupru (Pavel I nu a emis 5 Copeici de cupru, ci doar 5 Copeici de argint). Emisiunile de cupru, la fel ca şi cele de argint, pe parcursul întregii perioade şi la toate tipurile de emisiuni au avut abateri în ceea ce priveşte standardele de emitere (Adrianov 2008, 122; Adrianov 2010, 134).

5 Copeici (AE)[17], 4 piese (1802, 1804 (2), 1810)[18]

FB-10347-2, N. 7858. 1802; 49,80 g; 42,66 mm; AE ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapuse cinci rozete.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în două rânduri – 5. / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1802. / К.М. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapuse cinci rozete.
Muchia: Zimţată oblic spre stânga.

2 Copeici, 158 piese (1802 (2), 1810, 1811 (10), 1812 (19), 1813 (7), 1814 (5), 1815 (14), 1816 (7),

[12] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13689, N. 14257; FB-13693, N. 14261.
[13] ФГ – Федор Гельман (Fedor Gelman).
[14] Monedele de 5 Copeici de argint au fost emise în anii 1810-1825.
[15] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13692, N. 14260.
[16] ПД – Павел Данилов (Pavel Danilov).
[17] Monedele de 5 Copeici de cupru au fost emise în anii 1802-1810.
[18] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-2, N. 7858; FB-10347-5, N. 7861; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-15, N. 27512; FB-16744-15, N. 27513.

1817 (16), 1818 (20), 1819 (16), 1820 (22), 1821, 1822 (2), 1823 (2), neprecizate (4))[19]

a) Tip I (emis în anii 1802-1807)

FB-10347-1, N. 7857. 1802; 17,51 g; 35,28 mm; AE ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat, cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapuse lateral, din stânga si din dreapta, câte o rozetă.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în două rânduri – 2. / КОПЕЙКИ; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1802. / E.M. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapuse lateral, din stânga şi din dreapta, câte o rozetă.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

b) Tip II (emis în anii 1810-1830)

[19] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-1, N. 7857; FB-10347-3, N. 7859; FB-1 0347-4, N. 7860; FB-10347-6, N. 7862; FB-10347-7, N. 7863; FB-10347-8, N. 7864; FB-10347-9, N. 7865; FB-10347-10, N. 7866; FB-10347-11, N. 7867; FB-10347-12, N. 7868; FB-10347-13, N. 7869; FB-10347-15, N. 7871; FB-10347-16, N. 7872; FB-10347-17, N. 7873; *Act 336, iunie 1989* – FB-15612, N. 22594; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-22112-2, N. 34708; FB-21384-4, N. 33999; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-22 (1), N. 37574; FB-23384-22 (2), N. 37575; FB-23384-23, N. 37576; FB-23384-24, N. 37577; FB-23384-25, N. 37578; FB-23384-26, N. 37579; FB-23384-27, N. 37580; FB-23384-28, N. 37581; FB-23384-29, N. 37582; FB-23384-30, N. 37583; *Act 137, 23 decembrie 1998* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-23816-9, N. 38354; *Act 56, 12 decembrie 2016* – donaţie, V. Corici: FB-29916, N. 56183; *Act 15, 19 martie 2018* – donaţie, M. Ţopa: FB-30161, N. 56233.

FB-10971-3, N. 10352. 1820; 14,31 g; 31,13 mm; AE ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – H / M[20]; în partea de jos: anul emiterii – 1820.
Rv. În centru: valoarea nominală, în trei rânduri – 2 / КОПѢЙ / КИ; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – E.M.; lateral, din stânga: crenguţă de lauri, iar din dreapta: crenguţă de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: netedă.

1 Copeica, 62 piese (1801, 1805, 1810, 1812 (3), 1814, 1818 (9), 1819 (13), 1820 (4), 1821 (11), 1822 (10), 1823 (5); neprecizate (2))[21]

a) Tip I (emis în anii 1804-1807)

[20] НМ – Николай Мундт (Nikolai Mundt).

[21] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-33, N. 7889; FB-10347-34, N. 7890; FB-10347-35, N. 7891; FB-10347-45, N. 7901; FB-10347-98, N. 7954; FB-10347-99, N. 7955; FB-10347-100, N. 7956; FB-10347-101, N. 7957; FB-10347-102, N. 7958; FB-10347-103, N. 7959; FB-10347-104, N. 7960; FB-10347-105, N. 7961; FB-10347-122, N. 7978; FB-10347-123, N. 7979; FB-10347-124, N. 7980; FB-10347-125, N. 7981; FB-10347-126, N. 7982; FB-10347-127, N. 7983; FB-10347-128, N. 7984; FB-10347-129, N. 7985; FB-10347-130, N. 7986; FB-10347-154, N. 8010; FB-10347-155, N. 8011; FB-10347-156, N. 8012; FB-10347-157, N. 8013; FB-10347-158, N. 8014; FB-10347-159, N. 8015; FB-10347-160, N. 8016; FB-10347-161, N. 8017; FB-10347-162, N. 8018; FB-10347-163, N. 8019; FB-10347-164, N. 8020; FB-10347-165, N. 8021; FB-10347-168, N. 8024; FB-10347-169, N. 8025; FB-10347-170, N. 8026; FB-10347-171, N. 8027; FB-10347-172, N. 8028; FB-10347-173, N. 8029; FB-10347-174, N. 8030; FB-10347-175, N. 8031; FB-10347-178, N. 8034; FB-10347-179, N. 8035; FB-10347-180, N. 8036; FB-10347-586, N. 8442; FB-10347-589, N. 8445; FB-10347-592, N. 8448; FB-10347-593, N. 8449; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-13, N. 27510; FB-16744-16, N. 27514; FB-16744-23, N. 27525; FB-16744-24, N. 27526; *Act 96, 12 februarie 1990* – transfer, Muzeul Republican al Prieteniei Popoarelor: FB-16939, N. 27769; FB-16946, N. 27776; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-3, N. 33998; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-31, N. 37584; *Act 137, 23 decembrie 1998* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-23816-3, N. 38348.

FB-16744-16, N. 27514. 1805; 10,73 g; 27,24 mm; AE ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat, cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapusă în partea de sus o rozetă.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală în două rânduri – 1. / КОПЕЙКА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1805. / E.M. Câmp monetar mărginit de cinci cercuri concentrice, având suprapusă în partea de sus o rozetă.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

b) Tip II (emis în anii 1810-1830)

FB-16744-23, N. 27525. 1819; 8,52 g, 25,39 mm; AE ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus: acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – H / M; în partea de jos: anul emiterii – 1819.
Rv. În centru: valoarea nominală, în două rânduri – 1 / КОПЕЙКА; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – E.M.; lateral, din stânga: crenguţă de lauri, iar din dreapta: crenguţă de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: netedă.

1 Deniga/ Deniga[22], 4 piese (1805, 1811, 1819 (2))[23]
a) Tip I (emis în anii 1802-1810)

FB-16744-17, N. 27515. 1805; 4,50 g; 21,55 mm; AE ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat, cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Câmp monetar mărginit de două inele concentrice si cerc zimţat.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală în două rânduri – 1. / ДЕНЬГА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1805. / E.M. Câmp monetar mărginit de două inele concentrice si cerc zimţat.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

b) Tip II (emis în anii 1810-1825)

FB-10347-14, N. 7870. 1811; 3,25 g; 19,61 mm; AE ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – M / K[24]; în partea de jos: anul emiterii – 1811.
Rv. În centru: valoarea nominală – ДЕНЬГА; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – И.М.; lateral, din stânga: crenguţă de lauri, iar din dreapta: crenguţă de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: netedă.

Polushka[25]**,** 1 piesă (1805)[26]

[22] Echivalentă cu valoarea unei jumătăţi de Copeică.
[23] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-14, N. 7870; FB-10347-131, N. 7987; FB-10347-132, N. 7988; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-17, N. 27515.
[24] MK – Михаил Клейнер (Mihail Kleiner).
[25] Echivalentă cu valoarea unei pătrimi de Copeică. A fost emisă în anii 1802-1810.
[26] *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-18, N. 27516.

FB-16744-18, N. 27516. 1805; 3,60 g; 20,06 mm; AE ↗

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat, cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Câmp monetar mărginit de două inele concentrice si cerc zimţat.

Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în două rânduri – 1. / ПОЛУШКА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1805. / E.M. Câmp monetar mărginit de două inele concentrice şi cerc zimţat.

Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Nicolai I (1825-1855)

Emisiuni monetare de argint. Emisiunile de argint iniţiale sunt bătute conform modelului pieselor precedente, emise de Alexandru I. Per ansamblu, Nicolai I emite aceleaşi nominale de argint ca Alexandru I (Rubla, Poltina, 20 Copeici, 10 Copeici, 5 Copeici), cu excepţia faptului că nu mai emite Polupoltinnik, în schimb emite, pentru prima dată în istorie, în anul 1827, nominale cu aceeaşi valoare, dar pe care este indicat deja: 25 Copeici.

Rubla, 2 piese (1843, 1847)[27]

FB-13699, N. 14267. 1847; 20,69 g; 35,92 mm; AR ↑

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: M / W[28]. Câmp monetar mărginit de inel în relief, inscripţie circulară: ЧИСТАГО СЕРЕБРА 4 ЗОЛОТНИКА 21 ДОЛЯ şi cerc zimţat.

Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – МОНЕТА / РУБЛЬ; în partea de sus: coroană imperială, iar în partea de jos: anul emiterii – 1847; lateral din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.

Muchia: inscripţionată – СЕР . 83 1/3 ПРОБЫ 4 ЗОЛ . 82 14/25 ДОЛИ.

25 Copeici, 4 piese (1827, 1847, 1855)[29]

a) Tip I (emis în anii 1827-1831)

FB-13696, N. 14264. 1827; 5,23 g; 24,28 mm; AR ↗

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – Н / Г[30]; în partea de jos: anul emiterii – 1827.

Rv. În centru, valoarea nominală în două rânduri: 25 / КОПѢКЪ; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: însemnele atelierului monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.

Muchia: punctată.

[27] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13699, N. 14267; *Act 103, 17 iunie 1994* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-22703, N. 35269.

[28] MW – Mennica Warszawska (Atelierul monetar: Varşovia).

[29] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13696, N. 14264; FB-13698, N. 14266; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21382-16, N. 33889; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-32, N. 37585.

[30] НГ – Николай Грачев (Nikolai Grachev).

b) Tip II (emis în anii 1832-1855)

FB-13698, N. 14266. 1847; 5,06 g; 24,13 mm; AR ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / А[31]. Câmp monetar mărginit de inel în relief, inscripţie circulară: ЧИСТАГО СЕРЕБРА 1 ЗОЛОТНИКЪ 5 1/4 ДОЛЕЙ şi cerc zimţat.
Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – 25 / КОПѢЕКЪ; în partea de sus: coroană imperială, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1847 / С.П.Б.; lateral din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: punctată.

10 Copeici (AR)[32], 1 piesă (1826-1831)[33]

FB-13702, N. 14270. 1826-1831; 1,81 g; 17,47 mm; AR ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – Н / Г; în partea de jos: anul emiterii (*neprecizat*).
Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – 10 / КОПѢЕКЪ; în partea de sus: coroană imperială; în partea de jos: atelierul monetar – С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică.
Muchia: punctată.

5 Copeici (AR)[34], 2 piese (1848, 1851)[35]

FB-13701, N. 14269. 1851. 1,02 g; 15,06 mm; AR ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – П / А; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – 5 / КОПѢЕКЪ; în partea de sus: coroană imperială, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1851 / С.П.Б.; lateral, din stânga: crenguţă stilizată de lauri, iar din dreapta: crenguţă stilizată de stejar, unite cu o panglică; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Muchia: punctată.

Emisiuni monetare de cupru. Monedele de cupru au cunoscut o diversitate considerabilă de nominale şi de versiuni ale acestora. Astfel, Nicolai I emite din cupru : 10 Copeici, 5 Copeici, 3 Copeici, Deniga/Denejka/ ½ Copeici şi Polushka / ¼ Copeici. Unele dintre ele chiar şi de 4 tipuri (2 Copeici, 1 Copeica). De la reforma monetară lansată de Petru I, Nicolae I are cea mai variată gamă, îndeosebi de emisiuni cu aceeaşi valoare (de ex., Deniga/Denejka/½ Copeici). Ca şi în cazul lui Alexandru I, emisiunile de cupru şi cele de argint – pe parcursul întregii perioade şi la toate tipurile de emisiuni – au avut abateri în ceea ce priveşte standardele de emitere, iar calitatea monedelor era diversă, în dependenţă de atelierele în care au fost emise (de ex., monedele emise la Sankt-Petersburg erau, de regulă, superioare

[31] ПА – Павел Алексеев (Pavel Alekseev).
[32] Monedele de 10 Copeici de argint au fost emise în anii 1826-1855.
[33] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13702, N. 14270.
[34] Monedele de 5 Copeici de argint au fost emise în anii 1826-1855.
[35] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13701, N. 14269; FB-13700, N. 14268.

din punct de vedere calitativ celor de la Ekaterinburg) (Adrianov 2008, 144).

10 Copeici (AE)[36], 12 piese (1831, 1832, 1833 (6), 1837 (3), 1838)[37]

FB-16744-33, N. 27536. 1838; 51,36 g; 44,47 mm; AE ↗

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – H / A[38]; în partea de jos: anul emiterii – 1838.

Rv. În centru: valoarea nominală, în două rânduri – 10 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: însemnele atelierului monetar – E.M.

Muchia: netedă.

5 Copeici (AE)[39], 39 piese (1831, 1832 (10), 1833 (8), 1834 (5), 1835 (3), 1836 (2), 1837 (6), 1838, 1839 (3))[40]

FB-10347-254; N. 8109. 1837; 21,05 g; 36,52 mm; AE ↑

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – K / T[41]; în partea de jos: anul emiterii – 1837.

Rv. În centru: valoarea nominală, în două rânduri – 5 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: însemnele atelierului monetar – E.M.

Muchia: netedă.

3 Copeici, 24 piese (1840 (3), 1841, 1842 (2), 1843 (4), 1844 (4), 1845, 1852, 1853, 1854, 1855, neprecizat (1))[42]

a) Tip I (emis în anii 1839-1848)

[36] Monedele de cupru de 10 Copeici au fost emise în anii 1830-1839.

[37] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-208, N. 8064; FB-10347-211, N. 8067; FB-10347-212, N. 8068; FB-10347-213, N. 8069; FB-10347-214, N. 8070; FB-10347-215, N. 8071; FB-10347-216, N. 8072; FB-10347-217, N. 8073; FB-10347-257, N. 8112; FB-10347-258, N. 8113; FB-10347-259, N. 8114; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-33, N. 27536.

[38] НА – Николай Алексеев (Nikolai Alekseev).

[39] Monedele de 5 Copeici de cupru au fost emise în anii 1830-1839.

[40] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-199, N. 8055; FB-10347-200, N. 8056; FB-10347-201, N. 8057; FB-10347-202, N. 8058; FB-10347-203, N. 8059; FB-10347-204, N. 8060; FB-10347-205, N. 8061; FB-10347-218, N. 8074; FB-10347-219, N. 8075; FB-10347-220, N. 8076; FB-10347-221, N. 8077; FB-10347-222, N. 8078; FB-10347-223, N. 8079; FB-10347-224, N. 8080; FB-10347-229, N. 8085; FB-10347-230, N. 8086; FB-10347-231, N. 8087; FB-10347-234, N. 8090; FB-10347-235, N. 8091; FB-10347-237, N. 8093; FB-10347-238, N. 8094; FB-10347-252, N. 8107; FB-10347-253, N. 8108; FB-10347-254, N. 8109; FB-10347-255, N. 8110; FB-10347-256, N. 8111; FB-10347-261, N. 8116; FB-10347-262, N. 8117; FB-10347-263, N. 8118; FB-10347-264, N. 8119; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-26, N. 27528; FB-16744-29, N. 27531; FB-16744-29, N. 27532; FB-16744-30, N. 27533; FB-16744-31, N. 27534; *Act 774, 21 februarie 1990* – donaţie, P. Gh. Sandokci: FB-18344, N. 29015; *Act 1338, 24 octombrie 1991* – FB-21004, N. 33556; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-5, N. 34000; *Act 137, 23 decembrie 1998* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-23816-20, N. 38365.

[41] КТ – Константин Томсон (Konstantin Tomson).

[42] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-283, N. 8138; FB-10347-284, N. 8139; FB-10347-285, N. 8140; FB-10347-317, N. 8172; FB-10347-318, N. 8173; FB-10347-321, N. 8176; FB-10347-321, N. 8176; FB-10347-322, N. 8177; FB-10347-323, N. 8178; FB-10347-326, N. 8181; FB-10347-327, N. 8182; FB-10347-328, N. 8183; FB-10347-329, N. 8184; FB-10347-332, N. 8187; FB-10347-350; N. 8205; FB-10347-377, N. 8232; *Act 841, 30 noiembrie 1989* – FB-16607, N. 27005; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-8, N. 34003; *Act 17, 22 februarie 1993* – achiziţie, D.V. Pocitarenco: FB-22112-6, N. 34710; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-33, N. 37586; FB-23384-33; N. 37587; FB-23384-34, N. 37588.

FB-10347-317, N. 8172. 1842; 32,79 g; 38,82 mm; AE ↗
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolae I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în trei rânduri – 3 / КОПѢЙКЪ / СЕРЕБРОМ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1842 / E.M.
Muchia: netedă.

b) Tip II (emis în anii 1849-1855)

FB-16941, N. 27771. 1854; 14,34 g; 31,94 mm; AE ↑
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în două rânduri – 3 / КОПѢЕКЪ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1854 / E.M.; câmp monetar mărginit de o cunună formată din două ramuri stilizate.
Muchia: netedă.

2 Copeici, 41 piese (1837 (10), 1838, 1840 (7), 1841 (3), 1842 (8), 1844 (2), 1851 (2), 1852 (4), 1853 (3))[43]

a) Tip I (emis în anii 1830-1839)

FB-27454-34, N. 50573; 1838; 7,53 g; 29,44 mm. AE ↗
Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – H / A; în partea de jos: anul emiterii – 1837.
Rv. În centru: valoarea nominală în două rânduri – 2 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: însemnele atelierului monetar – E.M[44].
Muchia: netedă.

b) Tip II (emis în anii 1839-1848)

FB-10347-317, N. 8172. 1841; 32,79 g; 38,82 mm; AE ↗
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală în trei rânduri – 2 / КОПѢЙКЪ / СЕРЕБРОМ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1841 / С.П.М.[45]. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Muchia: netedă.

[43] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-241, N. 8097; FB-10347-242, N. 8098; FB-10347-243, N. 8099; FB-10347-244, N. 8100; FB-10347-245, N. 8101; FB-10347-246, N. 8102; FB-10347-247, N. 8103; FB-10347-248, N. 8104; FB-10347-249, N. 8105; FB-10347-250, N. 8106; FB-10347-260, N. 8115; FB-10347-272, N. 8127; FB-10347-273, N. 8128; FB-10347-274, N. 8129; FB-10347-275, N. 8130; FB-10347-286, N. 8141; FB-10347-297, N. 8152; FB-10347-298, N. 8153; FB-10347-299, N. 8154; FB-10347-311, N. 8166; FB-10347-312, N. 8167; FB-10347-313, N. 8168; FB-10347-314, N. 8169; FB-10347-315, N. 8170; FB-10347-316, N. 8171; FB-10347-324, N. 8179; FB-10347-325, N. 8180; FB-10347-335, N. 8190; FB-10347-336, N. 8191; FB-10347-339, N. 8194; FB-10347-340, N. 8195; FB-10347-341, N. 8196; FB-10347-342, N. 8197; FB-10347-351, N. 8206; FB-10347-352, N. 8207; *Act 650, 22 septembrie 1989* – achiziţie, D.P. Konstantinov: FB-16094, N. 24050; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-7, N. 34002; *Act 17, 22 februarie 1993* – achiziţie, D.V. Pocitarenco: FB-22112-5, N. 34709; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-35, N. 37589; *Act 55, 12 decembrie 2016* – donaţie, I. Isac: FB-29913, N. 56179.

[44] E.M. – Екатеринбургская монета (Monedă emisă la Ekaterinburg).

[45] С.П.М. – Санкт-Петербургская монета (Monedă emisă la Sankt-Peterburg).

c) Tip III (emis în anii 1849-1855).

FB-10347-335, N. 8190. 1851; 9,98 gr; 28,08 mm; AE ↑

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat, cu stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa.

Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în două rânduri – 2 / КОПѢЕКЪ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar - 1851 / E.M.; câmp monetar mărginit de o cunună formată din două ramuri stilizate.

Muchia: netedă.

1 Copeica, 68 piese (1828 (11), 1829 (9), 1832 (3), 1834 (3), 1835 (2), 1836, 1837 (4), 1840 (8), 1841 (8), 1842 (5), 1843, 1845 (2), 1846, 1854 (2), 1855)[46]

a) Tip I (emis în anii 1830-1839)

FB-10347-337, N. 8192. 1832; 4,80 g; 22,88 mm; AE ↑

Av. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefală, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; sub labele acvilei: iniţialele meşterului monetar – Ф / Х[47]; în partea de jos: anul emiterii – 1832.

Rv. În centru: valoarea nominală, în două rânduri – 1 / КОПѢЙКА; în partea de jos: însemnele atelierului monetar – E.M.

Muchia: netedă.

b) Tip II (emis în anii 1839-1847)

FB-10347-308, N. 8163. 1842; 10,48 g; 27,13 mm; AE ↗

Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.

Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în trei rânduri – 1 / КОПѢЙКА / СЕРЕБРОМ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1842 / E.M. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.

Muchia: netedă.

[46] *Act 18, 31 ianuarie 1985* – donaţie, A.I. Kanţeponskoi: FB-7365, N. 5096; *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-181, N. 8037; FB-10347-182, N. 8038; FB-10347-183, N. 8039; FB-10347-184, N. 8040; FB-10347-185, N. 8041; FB-10347-186, N. 8042; FB-10347-187, N. 8043; FB-10347-188, N. 8044; FB-10347-189, N. 8045; FB-10347-190, N. 8046; FB-10347-191, N. 8047; FB-10347-192, N. 8048; FB-10347-193, N. 8049; FB-10347-194, N. 8050; FB-10347-195, N. 8051; FB-10347-196, N. 8052; FB-10347-197, N. 8053; FB-10347-198, N. 8054; FB-10347-206, N. 8062; FB-10347-207, N. 8063; FB-10347-209, N. 8065; FB-10347-210, N. 8066; FB-10347-225, N. 8081; FB-10347-226, N. 8082; FB-10347-227, N. 8083; FB-10347-228, N. 8084; FB-10347-232, N. 8088; FB-10347-233, N. 8089; FB-10347-239, N. 8095; FB-10347-240, N. 8096; FB-10347-276, N. 8131; FB-10347-277, N. 8132; FB-10347-278, N. 8133; FB-10347-279, N. 8134; FB-10347-280, N. 8135; FB-10347-281, N. 8136; FB-10347-282, N. 8137; FB-10347-290, N. 8145; FB-10347-291, N. 8146; FB-10347-292, N. 8147; FB-10347-293, N. 8148; FB-10347-294, N. 8149; FB-10347-295, N. 8150; FB-10347-296, N. 8151; FB-10347-306, N. 8161; FB-10347-307, N. 8162; FB-10347-308, N. 8163; FB-10347-309, N. 8164; FB-10347-310, N. 8165; FB-10347-320, N. 8175; FB-10347-330, N. 8185; FB-10347-331, N. 8186; *Act 816, 10 octombrie 1986* – FB-10971-5, N. 10354; FB-10971-6, N. 10355; *Act 841, 12 octombrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-11031-2, N. 10844; *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova: FB-16744-25, N. 27527; FB-16744-27, N. 27529; FB-16744-28, N. 27530; *Act 96, 12 februarie 1990* – transfer, Muzeul Republican al Prieteniei Popoarelor: FB-16940, N. 27770; *Act 189, 5 martie 1990* – achiziţie, L.G. Kuşnirenko: FB-17231, N. 28775; *Act 87, 22 decembrie 1997* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-23384-36, N. 37590; FB-23384-37, N. 37591; FB-23384-38, N. 37592; FB-23384-39, N. 37593; FB-23384-39, N. 37594; FB-23384-40, N. 37595; FB-23384-41, N. 37596; *Act 56, 12 decembrie 2016* – donaţie, V. Corici: FB-29915, N. 56182; *Act. 20, 17 iunie 2022* – donaţie, M. Ţărnă, PMC. 288-3, N. 57051.

[47] ФХ – Фёдор Хвощинский (Fedor Hvoshchinskii).

c) Tip III (emis în anii 1849-1855)

FB-10347-337, N. 8192. 1851; 4,80 g; 22,88 mm; AE ↑
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I: litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală – КОПЕЙКА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1851 / E.M.
Muchia: netedă.

½ Copeici[48]. 10 piese (1840 (6), 1841 (3), 1842)[49]

FB-16744-34, N. 27537. 1840; 4,60 g; 21,34 mm; AE ↗
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în trei rânduri – ½ / КОПѢЙКЪ / СЕРЕБРОМ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1840 / E.M. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Muchia: netedă.

Denejka[50]. 13 piese (1851, 1852 (3), 1853 (2), 1854 (4), 1855 (3))[51]

FB-10347-347, N. 8202. 1852; 2,58 g; 17,91 mm; AE ↑
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I: litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală – ДЕНЕЖКА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1852 / E.M.
Muchia: netedă.

¼ Copeici[52]. 1 piesă (1840)[53]

FB-10347-271, N. 8126. 1840; 2,46 g; 17,31 mm; AE ↑
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală, în trei rânduri – ¼ / КОПѢЙКЪ / СЕРЕБРОМ, iar în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1840 / E.M. Câmp monetar mărginit de un cerc perlat.
Muchia: netedă.

Polushka[54], 3 piese (1850, 1854 (2))[55]

FB-10347-376, N. 8231. 1854; 1,25 g, 14,16 mm; AE ↑
Av. În centru: monograma încoronată a lui Nicolai I – litera majusculă stilizată „H” şi cifra romană „I”.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală – ПОЛУШКА; în partea de jos: anul emiterii şi însemnele atelierului monetar – 1854 / E.M.
Muchia: netedă.

[48] Monede de ½ Copeici serebrom au fost emise în anii 1839-1848.
[49] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-265, N. 8120; FB-10347-266, N. 8121; FB-10347-267, N. 8122; FB-10347-268, N. 8123; FB-10347-269, N. 8124; FB-10347-270, N. 8125; FB-10347-287, N. 8142; FB-10347-288, N. 8143; FB-10347-289, N. 8144; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-6, N. 34001.
[50] Denejka a fost emisă în anii 1849-1855.
[51] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-338, N. 8193; FB-10347-347, N. 8202; FB-10347-348, N. 8203; FB-10347-349, N. 8204; FB-10347-359, N. 8214; FB-10347-360, N. 8215; FB-10347-372, N. 8227; FB-10347-373, N. 8228; FB-10347-374, N. 8229; FB-10347-375, N. 8230; FB-10347-383, N. 8238; FB-10347-383a, N. 8238a; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E. S. Maranţ: FB-21384-10, N. 34005; *Act 17, 22 februarie 1993* – achiziţie, D. V. Pocitarenco: FB-22112-8, N. 34712.
[52] ¼ Copeici serebrom au fost emise în anii 1839-1846.
[53] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-271, N. 8126.
[54] Polushka a fost emisă în anii 1849-1855.
[55] *Act 517, 5 august 1986* – FB-10347-333, N. 8188; FB-10347-334, N. 8189; FB-10347-376, N. 8231.

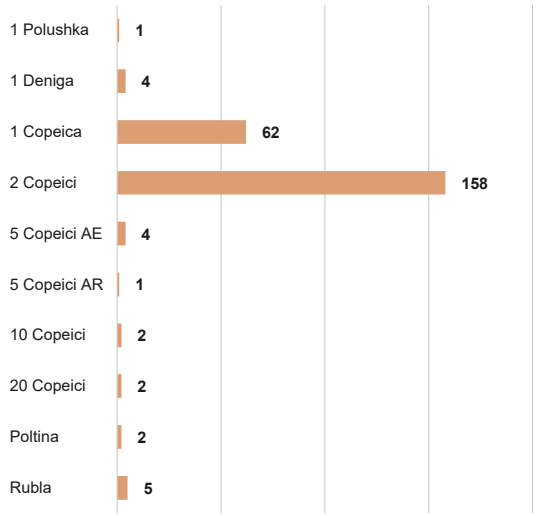


Fig. 2. Alexandru I. Emisiuni monetare din patrimoniul MNIM.

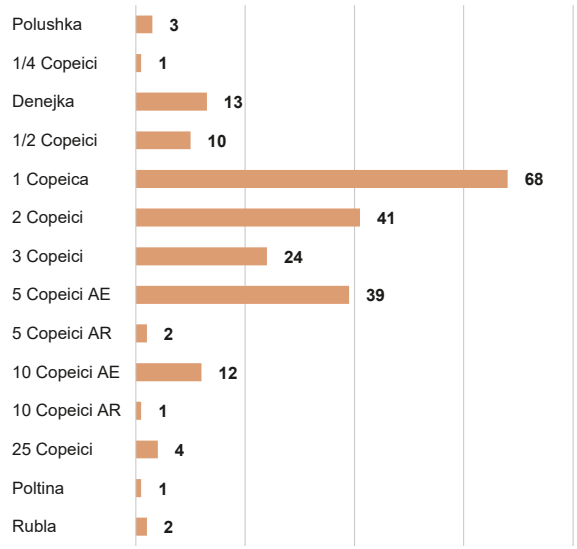


Fig. 3. Nicolai I. Emisiuni monetare din patrimoniul MNIM.

După cum s-a constatat, anumite tipuri de emisiuni monetare se regăsesc în mod evident în număr mai mare (fig. 2; fig. 3), situaţie explicată prin faptul că răspândirea tuturor acestor emisiuni a fost determinată, în mare parte, de tirajul acestora. De ex.:

1 Polushka din 1805 – 12 000 ex.
1 Deniga din 1805 – 40 800 ex.
1 Copeica din 1805 – 16 518 840 ex.
2 Copeici din 1802 – 45 798 350 ex.

TEZAUR

Emisiuni ale lui Alexandru I şi ale lui Nicolai I se regăsesc în patrimoniul MNIM, inclusiv în structura unui tezaur – *Tezaurul de la Ratuş* (FB-27454 (1-35), N. 50540-50574). Acesta a fost descoperit în anul 2007 şi a fost constituit, iniţial, din 36 de piese de cupru, emise în perioada anilor 1801-1848, dintre care au fost recuperate 35 de piese (descoperitorii au păstrat o piesă de 3 Copeici) (Arcuş-Jantovan et al. 2019, 240; Arcuş-Jantovan 2022, 88). Toate aceste monede reprezintă emisiuni cu valoare nominală mică, emise de Alexandru I şi de Nicolai I:

Alexandru I (1801-1825) – 1 Copeica: 1819 (2) – 2 piese; 2 Copeici: 1810-1825 (2), 1811, 1812, 1814, 1817, 1818, 1819, 1820, 1825 – 10 piese.

Nicolai I (1825-1855) – ¼ Copeici serebrom: 1840- 1 piesă; ½ Copeici serebrom : 1843- 1 piesă; 1 Copeica: 1829 (5), 1833 (2) – 7 piese; 1 Copeică serebrom: 1840 (3), 1841, 1842 (2), 1843 (2) – 8 piese; 2 Copeici: 1837 (2), 1838 (3) – 5 piese; 3 Copeici serebrom: 1843 – 1 piesă.

Catalogul monedelor din tezaurul Ratuş:

1. FB-27454-1, N. 50540. ¼ Copeici serebrom, 1840. 2,22 g; 17, 60 mm; AE ↑.
2. FB-27454-2, N. 50541. ½ Copeici serebrom, 1843. 3,69 g; 20, 89 mm; AE ↑.
3. FB-27454-3, N. 50542. 1 Copeica, 1829. 6,20 g; 25, 38 mm; AE ↑.
4. FB-27454-4, N. 50543. 1 Copeica, 1833. 4,33 g; 23, 65 mm; AE ↑.
5. FB-27454-5, N. 50544. 1 Copeica, 1819. 6,14 g; 24, 94 mm; AE ↑.
6. FB-27454-6, N. 50545. 1 Copeica, 1829. 6,39 g; 24, 09 mm; AE ↑.
7. FB-27454-7, N. 50546. 1 Copeica, 1829. 6,73 g; 24, 13 mm; AE ↗.
8. FB-27454-8, N. 50547. 1 Copeica serebrom, 1841. 9,08 g; 26, 65 mm; AE ↑.
9. FB-27454-9, N. 50548. 1 Copeica serebrom, 1843. 9,08 g; 27, 17 mm; AE ↗.
10. FB-27454-10, N. 50549. 1 Copeica serebrom, 1843. 9,08 g; 26, 88 mm; AE ↗.
11. FB-27454-11, N. 50550. 1 Copeica serebrom, 1840. 8,83 g; 26, 75 mm; AE ↖.
12. FB-27454-12, N. 50551. 1 Copeica serebrom, 1842. 9,28 g; 26, 48 mm; AE ↗.
13. FB-27454-13, N. 50552. 1 Copeica serebrom, 1842. 9,35 g; 26, 67 mm; AE ↗.
14. FB-27454-14. N. 50553. 1 Copeica, 1819. 4,53 g; 25, 03 mm; AE ↗.

Fig. 4. Tezaurul monetar Ratuş: 1 - ¼ Kopeiki serebrom, 1840; 2 - ½ Kopeiki serebrom, 1843; 3 - 1 Kopeika, 1829; 4 - 1 Kopeika, 1829; 5 - 1 Kopeika serebrom, 1843; 6 - 1 Kopeika serebrom, 1842; 7 - 2 Kopeiki, 1820; 8 - 2 Kopeiki, 1838; 9 - 3 Kopeiki serebrom, 1843.

15. FB-27454-15, N. 50554. 1 Copeica, 1829. 6,79 g; 24, 35 mm; AE ↗.
16. FB-27454-16, N. 50555. 1 Copeica, 1833. 3,83 g; 23, 88 mm; AE ↑.
17. FB-27454-17, N. 50556. 1 Copeica, 1829. 5,83 g; 24, 85 mm; AE ↑.
18. FB-27454-18, N. 50557. 1 Copeica serebrom, 1840. 9,89 g; 26, 76 mm; AE ↑.
19. FB-27454-19, N. 50558. 1 Copeica serebrom, 1840. 10,25 g; 26, 76 mm; AE ↑.
20. FB-27454-20, N. 50559. 2 Copeici, 1837. 9,37 g; 28, 68 mm; AE ↑.
21. FB-27454-21. N. 50560. 2 Copeici, 1810-1825. 8,91 g; 29, 14 mm; AE ↑.
22. FB-27454-22, N. 50561. 2 Copeici, 1818. 12,64 g; 28, 48 mm; AE ↑.

23. FB-27454-23, N. 50562. 2 Copeici, 1838. 7,98 g; 29, 79 mm; AE ↑.
24. FB-27454-24, N. 50563. 2 Copeici, 1825. 13,57 g; 29, 07 mm; AE ↗.
25. FB-27454-25, N. 50564. 2 Copeici, 1810-1825. 12,52 g; 28, 46 mm; AE ↑.
26. FB-27454-26, N. 50565. 2 Copeici, 1811. 12,50 g; 28, 78 mm; AE ↑.
27. FB-27454-27, N. 50566. 2 Copeici, 1820. 13,44 g; 28, 60 mm; AE ↖.
28. FB-27454-28, N. 50567. 2 Copeici, 1819. 11,99 g; 29, 48 mm; AE ↑.
29. FB-27454-29, N. 50568. 2 Copeici, 1837. 8,46 g; 28, 56 mm; AE ↑.
30. FB-27454-30, N. 50569. 2 Copeici, 1812. 13,85 g; 29, 85 mm; AE ↑.
31. FB-27454-31, N. 50570. 2 Copeici, 1814. 11,56 g; 30, 08 mm; AE ↑.
32. FB-27454-32, N. 50571. 2 Copeici, 1817. 13,67 g; 29, 57 mm; AE ↑.
33. FB-27454-33, N. 50572. 2 Copeici, 1838. 7,93 g; 29, 54 mm; AE ↑.
34. FB-27454-34, N. 50573. 2 Copeici, 1838. 7,53 g; 29, 44 mm; AE ↗.
35. FB-27454-35, N. 50574. 3 Copeici serebrom, 1843. 29,44 g; 38, 02 mm; AE ↗.

Concluzii

În patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei se regăsesc o bună parte din tipurile de emisiuni ruseşti din această perioadă – atât ale lui Alexandru I (1801-1825), cât şi ale lui Nicolai I (1825-1855). Piesele au fost atestate în structura unui tezaur (tezaurul de la Ratuş (35 AE, 1801-1848)), dar şi ca numeroase descoperiri izolate. Descoperirile izolate din colecţia MNIM sunt reprezentate de următoarele emisiuni monetare ale lui Alexandru I: piese din argint – Rubla (5), Poltina (2), 20 Copeici (2), 10 Copeici (2), 5 Copeici (1) – şi din cupru – 5 Copeici (4), 2 Copeici (155), 1 Copeică (58), Deniga (4), Polushka (1); şi cele ale lui Nicolai I: piese din argint – Rubla (2), Poltina (1), 25 Copeici (4), 10 Copeici (1) şi din cupru – 10 Copeici (12), 5 Copeici (41), 3 Copeici (20), 2 Copeici (39), 1 Copeică (98), ½ Copeici (10), Denejka (14), ¼ Copeici (1), Polushka (3).

Aceste descoperiri demonstrează nu doar diversitatea însemnată de tipuri monetare din circulaţie, dar şi răspândirea constantă a emisiunilor ruseşti în prima jumătate a secolului al XIX-lea în Basarabia.

Din considerentul că emisiunile cu valoare nominală mică nu au prezentat un interes numismatic şi sunt stipulate rar în lucrările ştiinţifice, este dificil de a certifica în mod exhaustiv prezenţa monedei ruseşti în circulaţie şi de a deduce rolul ei. Prin urmare, trebuie să menţionăm că cercetarea acestor emisiuni este indubitabil necesară, fiindcă prin aceste precizări sunt elucidate noi aspecte cu privire la circulaţia monedei ruseşti din prima jumătate a secolului al XIX-lea, îndeosebi prin sublinierea rolului însemnat al monedelor cu valoare nominală redusă, dar şi prin probarea existenţei unei diversităţi monetare ridicate în circulaţie, ceea ce relevă importanţa şi utilitatea introducerii în circuitul ştiinţific a acestor date.

Bibliografie

Arcuș-Jantovan 2022: E. Arcuș-Jantovan, Moneda și circulația monetară în Principatul Moldovei (1711-1859) (Chișinău 2022).

Arcuș-Jantovan et al. 2019: E. Arcuș-Jantovan, V. M. Butnariu, R. Tabuica, C. Tătaru, Moneta Terrae Moldaviae II. Repertoriu Numismatic (Iași 2019).

Tomuleț 2011: V. Tomuleț, Circulația monetară în Basarabia în primele decenii după anexarea ei la Imperiul Rus. SUM 10 (50), 2011, 142-153.

Tomuleț 2014: V. Tomuleț, Politica monetară a Imperiului Rus în Basarabia. In: Conspecte numismatice, IV (Chișinău 2014), 28-34.

Адрианов 2008: Я.В. Адрианов, Медные монеты Российской Империи 1700-1917 годов: каталог (Пермь 2008).

Адрианов 2010: Я.В. Адрианов, Серебряные монеты Российской империи 1701-1917 годов: каталог (Пермь 2010).

Биткин 2000: В.В. Биткин, Сводный каталог монет Императорской России регулярного чекана (Киев 2000).

Орлов 1994: А.П. Орлов, Монеты России 1700-1917 (Минск 1994).

Семенов 2008: В. Семенов, Монеты России 1700-1917 гг. (Санкт-Петербург 2008).

Узеников 1992: В.В. Узеников, Монеты России. 1700-1917 (Москва 1992).

Russian coins from the holdings of the National Museum of History of Moldova (first half of the 19th century)

Keywords: Russian Empire, Alexander I, Nicholas I, coin, hoard.

Abstract: In the 18th century, the absence of a national currency and a national monetary system undoubtedly contributed to the spread in the Principality of Moldavia of various types of coins, including Russian ones. In the first half of the 19th century, acute instability of monetary circulation remained in the Prut-Dniester interfluve, which was the result of not only severe restrictions imposed with the establishment of the Phanariot regime in the Principality of Moldavia, but also the annexation of Bessarabia to the Russian Empire, which entailed the implementing the directives of the new regime. Thus, at the beginning of the 19th century, there were widely used the coins distributed throughout the territory of the Principality of Moldavia, that is at that stage the Russian money did not play a significant role in money circulation. Later, after the annexation, their distribution increased significantly, especially with the inclusion of Bessarabia in the economic system of the Russian Empire and the official introduction of the Russian currency as a means of monetary circulation.

The collections of the National Museum of History of Moldova contain a large number of Russian coins from the reigns of Alexander I (1801-1825) and Nicholas I (1825-1855). These coins were discovered both as part of the hoard (the Ratuş hoard (35 pieces, 1801-1848)), and as a result of numerous single finds.

All these findings testify not only to a significant variety of types of coins used on the territory of Bessarabia, but also to the constant entry of Russian money into the circulation in the first half of the 19th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Notice of a ban on the circulation of Turkish para and their replacement with Russian coins from January 1828.

Fig. 2. Coins of Alexander I from the NMHM collection.

Fig. 3. Coins of Nicholas I from the NMHM collection.

Fig. 4. Coin hoard from the Ratuş village.

Российские монеты из фондов Национального музея истории Молдовы (первая половина XIX века)

Ключевые слова: Российская Империя, Александр I, Николай I, монета, клад.

Резюме: В XVIII веке распространению в Молдавском княжестве различных типов монетных выпусков, в том числе и российских, безусловно способствовало отсутствие национальной валюты и национальной денежной системы. В первой половине XIX века в Пруто-Днестровском междуречье сохранялась острая нестабильность денежного обращения, что явилось следствием не только жестких ограничений, наложенных с установлением фанариотского режима в Молдавском княжестве, но и присоединения Бессарабии к Российской империи, повлекшего за собой указания нового режима. Таким образом, в начале XIX века здесь имели широкое хождение монеты, распространенные на всей территории Молдавского княжества, на том этапе российская валюта не играла существенной роли в денежном обороте. В дальнейшем, после аннексии, ее распространение значительно возросло, особенно с включением Бессарабии в экономическую систему Российской империи и официальным введением российской валюты в качестве средства денежного обращения.

В фондах Национального музея истории Молдовы находится большое количество российских монет времен правления Александра I (1801-1825) и Николая I (1825-1855). Они были обнаружены как в составе клада (Ратушский клад (35 предметов, 1801-1848)), так и в результате многочисленных единичных находок.

Все эти находки свидетельствуют не только о значительном разнообразии типов монет, использовавшихся на территории Бессарабии, но и о постоянном поступлении русских денег в обращение в первой половине XIX века.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Уведомление о запрете на хождение турецких пара и замене их русскими монетами с января 1828 года.

Рис. 2. Монеты Александра I из коллекции НМИМ.

Рис. 3. Монеты Николая I из коллекции НМИМ.

Рис. 4. Монетный клад из села Ратуш.

20.03.2023

Dr. Elena Arcuş-Jantovan, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9741-6963, e-mail: elena.arcus_jantovan@yahoo.com

TEZAURUL MONETAR „CHIŞINĂU-POLTAVA”[1]

Elena Arcuş-Jantovan

Cuvinte-cheie: Imperiul Rus, Alexandru al II-lea, Alexandru al III-lea, Nicolae al II-lea, tezaur, monedă.

În timpul lucrărilor agricole efectuate pe un teren aflat în apropiere de şoseaua Poltava, elevii şcolii profesionale nr. 2 din or. Chişinău, V.M. Hilev şi V.N. Medvedev, au descoperit un tezaur monetar. Acest tezaur a fost transmis Muzeului Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală, fiind înregistrat în data de 20 decembrie 1971, Act nr. 3120 (nr. de inventar – 13002)[2]. Ulterior, tezaurul a fost transferat la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, conform Actului nr. 510 din 21 decembrie 1987 (nr. de inventar – FB-13587-13671; N. 14155-14239).

Tezaurul este constituit din 85 de monede (84 ex. din argint şi 1 ex. din cupru), emise de Alexandru al II-lea (1855-1881), Alexandru al III-lea (1881-1894) şi Nicolae al II-lea (1894-1917). Piesele din structura acestuia reprezintă nominale de: 20 Copeici (24 de piese), 15 Copeici (26 de piese), 10 Copeici (28 de piese), 5 Copeici (6 piese) şi ½ Copeici (1 piesă). Cea mai timpurie piesă este emisă în anul 1861 – 10 Copeici, iar cele mai tardive sunt piesele emise în anul 1915 – 10 Copeici, 15 Copeici şi 20 Copeici.

În tezaur prevalează piesele de 10 Copeici (33%) şi 15 Copeici (31%), urmate de piesele de 20 Copeici (28%), cel mai puţin numeroase piese fiind cele de 5 Copeici (7%) şi ½ Copeici (1%), aşa cum putem observa în structură şi din diagrama de mai jos (fig. 1).

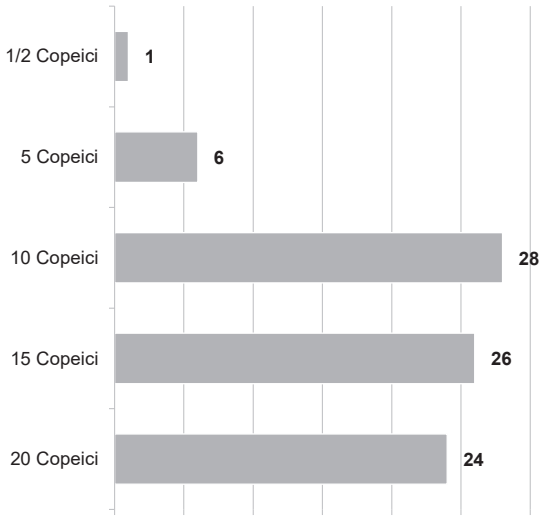


Fig. 1. Structura tezaurului monetar „Chişinău-*Poltava*”.

În Imperiul Rus, începând cu anul 1867, monedele au fost emise după aceleaşi standarde timp de 50 de ani. Acest fapt confirmă că tipurile respective conveneau atât populaţiei, cât şi producerii, cel mai probabil, din considerentul că noile standarde de emitere şi conceptul de design mai complex (prin urmare, mai dificil şi mai costisitor de reprodus) au diminuat semnificativ posibilitatea falsificării monedelor, conferind siguranţă în autenticitatea acestora şi, totodată, dimensiunile monedelor au devenit optimale (poate, doar cu excepţia la ¼ Copeici, cu o greutate de numai 0,82 g şi cu un diametru de 13,2 mm) (Рзаев 2010, 205).

În ceea ce priveşte anume nominalele din argint de 20 Copeici, 15 Copeici, 10 Copeici şi 5 Copeici, emise în anii 1860-1866, acestea se distingeau de monedele emise în perioada 1867-1917 doar din punct de vedere al caracteristicilor tehnice[3], dar din punct de vedere al design-ului întruneau aceleaşi elemente, fapt care justifică, probabil, prezenţa în structura tezaurului „Chişinău-*Poltava*” a unei emisiuni de 10 Copeici din anul 1861, singura piesă cu titlul 750 ‰ şi muchie punctată.

[1] Articol elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

[2] Date obţinute prin bunăvoinţa dnei Irina Badiuc, Şef Secţie Patrimoniu, Evidenţă şi Completare, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală, căreia îi adresăm sincere mulţumiri.

[3] În anii 1860-1866 emisiunile monetare respective aveau titlu 750 ‰ şi muchie punctată, iar în anii 1867-1917, titlul 500 ‰, muchie zimţată şi o greutate puţin mai mică.

Emitere	Nominale					Total
	20 Copeici (AR)	15 Copeici (AR)	10 Copeici (AR)	5 Copeici (AR)	½ Copeici (AE)	
1861			1			1
1870		1	1			2
1873	1					1
1878		1				1
1879	1					1
1890		1				1
1892				1		1
1897				1		1
1898		1				1
1899		1	1	1		3
1900		1	3			4
1901	1		1			2
1902		1		1		2
1903	1	3	1			5
1904	1	2	1			4
1905	1		1	1		3
1906		2	3			5
1907		1	2			3
1908	1	2	2			5
1909	2	1	2			5
1910	1		3			4
1911	1	1				2
1912	1	2	1		1	5
1913	2	1	1			4
1914	3	2	1	1		7
1915	7	2	3			12
Total	**24**	**26**	**28**	**6**	**1**	**85**

Fig. 2. Distribuţia emisiunilor monetare în funcţie de anul emiterii.

O altă excepţie o constituie emisiunile din anul 1915, care, comparativ cu celelalte emisiuni din tezaur, nu au însemnele atelierului monetar (începând cu anul 1915, de pe monede dispare marca С.П.Б. (Sankt-Petersburg), aşa cum oraşul este redenumit Petrograd).

Astfel, după cum vom putea observa mai jos, monedele de argint din tezaur au acelaşi concept de design, fiind toate emise la atelierul monetar din Sankt-Petersburg[4].

20 copeici

Av. În centru: stema mică[5] a Imperiului Rus – acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; pe aripile acvilei: opt scuturi cu stemele regatelor integrate Imperiului Rus; sub labele acvilei: însemnele meşterului monetar – Н / I; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Rv. În partea de sus: coroană imperială şi valoarea nominală în două rânduri – 20 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul de emitere şi atelierul monetar – 1873 / С.П.Б.; circular: două ramuri stilizate, legate cu o panglică; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Muchia: zimţată.

15 copeici

Av. În centru: stema mică a Imperiului Rus – acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; pe aripile acvilei: opt scuturi cu

[4] Comparativ cu emisiunile atelierului monetar de la Sankt-Petersburg, monedele ruseşti emise în atelierele din Paris şi Strasbourg nu au însemnele meşterului monetar.
[5] Modelul anului 1856.

stemele regatelor integrate Imperiului Rus; sub labele acvilei: însemnele meşterului monetar – Н / І; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Rv. În partea de sus: coroană imperială şi valoarea nominală în două rânduri – 15 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul de emitere şi atelierul monetar – 1870 / С.П.Б.; circular: două ramuri stilizate, legate cu o panglică; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Muchia: zimţată.

10 copeici

Av. În centru: stema mică a Imperiului Rus – acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; pe aripile acvilei: opt scuturi cu stemele regatelor integrate Imperiului Rus; sub labele acvilei: însemnele meşterului monetar – Ф / Б; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Rv. În partea de sus: coroană imperială şi valoarea nominală în două rânduri – 10 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul de emitere şi atelierul monetar – 1861 / С.П.Б.; circular: două ramuri stilizate, legate cu o panglică; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Muchia: punctată.

5 copeici

Av. În centru: stema mică a Imperiului Rus – acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane; pe pieptul acvilei: stema Moscovei – Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat; pe aripile acvilei: opt scuturi cu stemele regatelor integrate Imperiului Rus; sub labele acvilei: însemnele meşterului monetar – А / Г; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Rv. În partea de sus: coroană imperială şi valoarea nominală în două rânduri – 5 / КОПѢЕКЪ; în partea de jos: anul de emitere şi atelierul monetar – 1892 / С.П.Б.; circular: două ramuri stilizate, legate cu o panglică; câmp monetar mărginit de un cerc zimţat.
Muchia: zimţată.

½ copeici

Av. În centru: monograma lui Nicolae al II-lea – Н / ІІ; lateral din stânga: crenguţă de lauri, lateral din dreapta: crenguţă de palmier.
Rv. În partea de sus: valoarea nominală în două rânduri – ½ / КОПѢЙКИ; în partea de jos: anul de emitere şi atelierul monetar – 1912 / С.П.Б..
Muchia: zimţată.

Catalogul monedelor
IMPERIUL RUS

Alexandru al II-lea (1855-1881)

1

10 Copeici, 1861. Sankt-Petersburg (fig. 4/1)
Av. Ф / Б[6]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1861 / С.П.Б.[7]
Muchie: punctată
AR↗; 1,85 g; 17,58 mm
FB-13587, N. 14155
(Адрианов 2010, 202, nr. III:Б; Биткин 2000, 550, nr. 225; Семенов 2008, 78, nr. 162:21).

2

10 Copeici, 1870. Sankt-Petersburg
Av. НІ[8]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1870 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 1,77 g; 17,74 mm
FB-13588, N. 14156
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 550, nr. 237; Семенов 2008, 78, nr. 162:43).

3

15 Copeici, 1870. Sankt-Petersburg
Av. НІ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1870 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 2,62 g; 19,79 mm
FB-13589, N. 14157
(Адрианов 2010, 205, nr. III:В; Биткин 2000, 549, nr. 204; Семенов 2008, 73, nr. 149:33).

4

20 Copeici, 1873. Sankt-Petersburg (fig. 3/1)
Av. НІ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1873 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 3,50 g; 22,15 mm
FB-13590, N. 14158
(Адрианов 2010, 207, nr. III:В; Биткин 2000, 548, nr. 178; Семенов 2008, 72, nr. 146:52).

5

15 Copeici, 1878. Sankt-Petersburg (fig. 3/5)

[6] ФБ – Федор Блюм (Fedor Blium).
[7] С.П.Б. – Санкт-Петербург (Sankt-Petersburg).
[8] НІ – Николай Иосса (Nikolai Iossa).

Av. НФ[9]
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1878 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,64 g; 19,94 mm
FB-13591, N. 14159
(Адрианов 2010, 205, nr. III:В; Биткин 2000, 549, nr. 213; Семенов 2008, 73, nr. 149:42).

6

20 Copeici, 1879. Sankt-Petersburg
Av. НФ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1879 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 3,33 g; 21,96 mm
FB-13592, N. 14160
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 548, nr. 186; Семенов 2008, 72, nr. 146:60).

Alexandru al III-lea (1881-1894)

7

15 Copeici, 1890. Sankt-Petersburg
Av. АГ[10]
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1890 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,59 g; 19,81 mm
FB-13593, N. 14161
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 583, nr. 121; Семенов 2008, 73, nr. 149:56).

8

5 Copeici, 1892. Sankt-Petersburg (fig. 4/7)
Av. АГ
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1892 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,91 g; 15,04 mm
FB-13594, N. 14162
(Адрианов 2010, 201, nr. III:В; Биткин 2000, 584, nr. 150; Семенов 2008, 80, nr. 170:58).

Nicolae al II-lea (1894-1917)

9

5 Copeici, 1897. Sankt-Petersburg
Av. АГ
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1897 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,86 g; 15,02 mm
FB-13595, N. 141623
(Адрианов 2010, 201, nr. III:В; Биткин 2000, 600, nr. 163; Семенов 2008, 80, nr. 170:60).

10

15 Copeici, 1898. Sankt-Petersburg
Av. АГ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1898 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 2,62 g; 19,81 mm
FB-13596, N. 14164
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 114; Семенов 2008, 73, nr. 149:61).

11

5 Copeici, 1899. Sankt-Petersburg
Av. АГ
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1899 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,82 g; 15,12 mm
FB-13597, N. 14165
(Адрианов 2010, 201, nr. III:В; Биткин 2000, 600, nr. 165; Семенов 2008, 80, nr. 170:62).

12

15 Copeici, 1899. Sankt-Petersburg
Av. АГ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1899 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,61 g; 19,87 mm
FB-13598, N. 14166
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 115; Семенов 2008, 73, nr. 149:62).

13

10 Copeici, 1899. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ[11]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1899 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,87 g; 17,66 mm
FB-13599, N. 14167
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 142; Семенов 2008, 78, nr. 162:75).

14

10 Copeici, 1900. Sankt-Petersburg
Av. ФЗ[12]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1900 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,49 g; 17,64 mm
FB-13600, N. 14168
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 143; Семенов 2008, 78, nr. 162:76).

[9] НФ – Николай Фоллендорф (Nikolai Follendorf).
[10] АГ – Аполлон Грасгоф (Apollon Grasgof).
[11] ЭБ – Эликум Бабаянц (Elikum Babaiants).
[12] ФЗ – Феликс Залеман (Feliks Zaleman).

15

10 Copeici, 1900. Sankt-Petersburg
Av. ФЗ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1900 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,72 g; 17,65 mm
FB-13601, N. 14169
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 143; Семенов 2008, 78, nr. 162:76).

16

10 Copeici, 1900. Sankt-Petersburg
Av. ФЗ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1900 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,69 g; 17,60 mm
FB-13602, N. 14170
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 143; Семенов 2008, 78, nr. 162:76).

17

15 Copeici, 1900. Sankt-Petersburg
Av. ФЗ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1900 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,59 g; 19,91 mm
FB-13603, N. 14171
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 117; Семенов 2008, 73, nr. 149:64).

18

10 Copeici, 1901. Sankt-Petersburg
Av. АР[13]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1901 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,73 g; 17,63 mm
FB-13604, N. 14172
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 145; Семенов 2008, 78, nr. 162:78).

19

20 Copeici, 1901. Sankt-Petersburg
Av. ФЗ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1901 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,36 g; 22,04 mm
FB-13605, N. 14173
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Б; Биткин 2000, 598, nr. 92; Семенов 2008, 72, nr. 146:75).

[13] АР – Александр Редько (Aleksandr Redko).

20

5 Copeici, 1902. Sankt-Petersburg (fig. 4/8)
Av. АР
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1902 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,78 g; 15,20 mm
FB-13606, N. 14174
(Адрианов 2010, 201, nr. III: Д; Биткин 2000, 600, nr. 170; Семенов 2008, 80, nr. 170:67).

21

15 Copeici, 1902. Sankt-Petersburg (fig. 3/6)
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1902 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,48 g; 19,88 mm
FB-13607, N. 14175
(Адрианов 2010, 205, nr. III: Б; Биткин 2000, 598, nr. 120; Семенов 2008, 73, nr. 149:67).

22

10 Copeici, 1903. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1903 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,67 g; 17,69 mm
FB-13608, N. 14176
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 147; Семенов 2008, 78, nr. 162:80).

23

15 Copeici, 1903. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1903 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,66 g; 19,84 mm
FB-13609, N. 14177
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 121; Семенов 2008, 73, nr. 149:68).

24

15 Copeici, 1903. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1903 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,70 g; 19,80 mm
FB-13610, N. 14178
(Адрианов 2010, 205, nr. III: Б; Биткин 2000, 598, nr. 121; Семенов 2008, 73, nr. 149:68).

25

15 Copeici, 1903. Sankt-Petersburg (fig. 3/7)
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1903 / С.П.Б.

Muchie: zimţată
AR↑; 2,58 g; 19,79 mm
FB-13611, N. 14179
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 121; Семенов 2008, 73, nr. 149:68).

26

20 Copeici, 1903. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1903 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,47 g; 21,94 mm
FB-13612, N. 14180
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 95; Семенов 2008, 72, nr. 146:78).

27

10 Copeici, 1904. Sankt-Petersburg (fig. 4/2)
Av. АР
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1904 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,80 g; 17,66 mm
FB-13613, N. 14181
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 148; Семенов 2008, 78, nr. 162:81).

28

15 Copeici, 1904. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1904 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,75 g; 19,86 mm
FB-13614, N. 14182
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 122; Семенов 2008, 73, nr. 149:69).

29

15 Copeici, 1904. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1904 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,62 g; 19,83 mm
FB-13615, N. 14183
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 598, nr. 122; Семенов 2008, 73, nr. 149:69).

30. 20 Copeici, 1904. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1904 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,42 g; 21,93 mm
FB-13616, N. 14184
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 96; Семенов 2008, 72, nr. 146:79).

31

5 Copeici, 1905. Sankt-Petersburg
Av. АР
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1905 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,84 g; 15,23 mm
FB-13617, N. 14185
(Адрианов 2010, 201, nr. III:Д; Биткин 2000, 600, nr. 173; Семенов 2008, 80, nr. 170:70).

32

10 Copeici, 1905. Sankt-Petersburg (fig. 4/3)
Av. АР
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1905 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,73 g; 17,65 mm
FB-13618, N. 14186
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 149; Семенов 2008, 78, nr. 162:82).

33

20 Copeici, 1905. Sankt-Petersburg (fig. 3/2)
Av. АР
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1905 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,30 g; 21,86 mm
FB-13619, N. 14187
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 97; Семенов 2008, 72, nr. 146:80).

34

10 Copeici, 1906. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1906 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,86 g; 17,75 mm
FB-13620, N. 14188
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 150; Семенов 2008, 78, nr. 162:83).

35

10 Copeici, 1906. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1906 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,69 g; 17,61 mm
FB-13621, N. 14189
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 150; Семенов 2008, 78, nr. 162:83).

36

10 Copeici, 1906. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1906 / С.П.Б.

Muchie: zimţată
AR↑; 1,74 g; 17,63 mm
FB-13622, N. 14190
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 150; Семенов 2008, 78, nr. 162:83).

37

15 Copeici, 1906. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1906 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,50 g; 19,79 mm
FB-13623, N. 14191
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 124; Семенов 2008, 73, nr. 149:71).

38

15 Copeici, 1906. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1906 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,73 g; 19,82 mm
FB-13624, N. 14192
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 124; Семенов 2008, 73, nr. 149:71).

39

10 Copeici, 1907. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1907 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,75 g; 17,61 mm
FB-13625, N. 14193
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 151; Семенов 2008, 78, nr. 162:84).

40

10 Copeici, 1907. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1907 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,76 g; 17,62 mm
FB-13626; N. 14194
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 151; Семенов 2008, 78, nr. 162:84).

41. 15 Copeici, 1907. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1907 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,73 g; 19,84 mm
FB-13627, N. 14195
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 125; Семенов 2008, 73, nr. 149:72).

42

10 Copeici, 1908. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1908 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,77 g; 17,46 mm
FB-13628, N. 14196
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 152; Семенов 2008, 78, nr. 162:85).

43

10 Copeici, 1908. Sankt-Petersburg (fig. 4/4)
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1908 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,76 g; 17,55 mm
FB-13629, N. 14197
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 152; Семенов 2008, 78, nr. 162:85).

44

15 Copeici, 1908. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1908 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,65 g; 19,66 mm
FB-13630, N. 14198
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 126; Семенов 2008, 73, nr. 149:73).

45

15 Copeici, 1908. Sankt-Petersburg (fig. 3/8)
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1908 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↗; 2,66 g; 19,70 mm
FB-13631, N. 14199
(Адрианов 2010, 205, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 126; Семенов 2008, 73, nr. 149:73).

46

20 Copeici, 1908. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1908 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,50 g; 22,03 mm
FB-13632, N. 14200
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 100; Семенов 2008, 72, nr. 146:83).

47

10 Copeici, 1909. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1909 / С.П.Б.

Muchie: zimţată
AR↑; 1,88 g; 17,52 mm
FB-13633, N. 14201
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 153; Семенов 2008, 78, nr. 162:86).

48

10 Copeici, 1909. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1909 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,77 g; 17,46 mm
FB-13634, N. 14202
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 153; Семенов 2008, 78, nr. 162:86).

49

15 Copeici, 1909. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1909 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,44 g; 19,69 mm
FB-13635, N. 14203
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 127; Семенов 2008, 73, nr. 149:74).

50

20 Copeici, 1909. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1909 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,65 g; 22,17 mm
FB-13636, N. 14204
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 101; Семенов 2008, 72, nr. 146:84).

51

20 Copeici, 1909. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1909 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,57 g; 22,03 mm
FB-13637, N. 14205
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 101; Семенов 2008, 72, nr. 146:84).

52

10 Copeici, 1910. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1910 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,87 g; 17,46 mm
FB-13638, N. 14206
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 154; Семенов 2008, 78, nr. 162:87).

53

10 Copeici, 1910. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1910 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,79 g; 17,50 mm
FB-13639, N. 14207
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 154; Семенов 2008, 78, nr. 162:87).

54

10 Copeici, 1910. Sankt-Petersburg (fig. 4/5)
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1910 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,78 g; 17,46 mm; perforată
FB-13640, N. 14208
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 154; Семенов 2008, 78, nr. 162:87).

55

20 Copeici, 1910. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1910 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,59 g; 22,07 mm
FB-13641, N. 14209
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 102; Семенов 2008, 72, nr. 146:85).

56

15 Copeici, 1911. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1911 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,59 g; 19,84 mm
FB-13642; N-14210
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 128; Семенов 2008, 73, nr. 149:75).

57

20 Copeici, 1911. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1911 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,35 g; 22,10 mm
FB-13643, N. 14211
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 103; Семенов 2008, 72, nr. 146:86).

58

10 Copeici, 1912. Sankt-Petersburg (fig. 4/6)
Av. ЭБ
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1912 / С.П.Б.

Fig. 3. Monede din tezaurul „Chişinău-*Poltava*”: 1 - 20 Copeici, 1873; 2 - 20 Copeici, 1903; 3 - 20 Copeici, 1912; 4 - 20 Copeici, 1915; 5 - 15 Copeici, 1878; 6 - 15 Copeici, 1902; 7 - 15 Copeici, 1903; 8 - 15 Copeici, 1908; 9 - 15 Copeici, 1912; 10 - 15 Copeici, 1913.

Muchie: zimţată
AR↑; 1,79 g; 17,56 mm
FB-13644, N. 14212
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 156; Семенов 2008, 78, nr. 162:89).

59

15 Copeici, 1912. Sankt-Petersburg
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1912 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,70 g; 19,71 mm
FB-13645, N. 14213
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 129; Семенов 2008, 73, nr. 149:76).

60

15 Copeici, 1912. Sankt-Petersburg (fig. 3/9)
Av. ЭБ
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1912 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,61 g; 19,70 mm
FB-13646, N. 14214
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 129; Семенов 2008, 73, nr. 149:76).

61

20 Copeici, 1912. Sankt-Petersburg (fig. 3/3)
Av. ЭБ
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1912 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,53 g; 22,09 mm
FB-13647, N. 14215
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 104; Семенов 2008, 72, nr. 146:87).

62

10 Copeici, 1913. Sankt-Petersburg
Av. ВС[14]
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1913 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,80 g; 17,46 mm
FB-13648, N. 14216
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 158; Семенов 2008, 78, nr. 162:92).

63

15 Copeici, 1913. Sankt-Petersburg (fig. 3/10)
Av. ВС
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1913 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,68 g; 19,71 mm
FB-13649, N. 14217
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 132; Семенов 2008, 73, nr. 149:78).

64

20 Copeici, 1913. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1913 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,62 g; 22,07 mm
FB-13650, N. 14218
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 107; Семенов 2008, 72, nr. 146:90).

65

20 Copeici, 1913. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1913 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,71 g; 22,14 mm
FB-13651, N. 14219
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:B; Биткин 2000, 598, nr. 107; Семенов 2008, 72, nr. 146:90).

66

5 Copeici, 194. Sankt-Petersburg (fig. 4/9)
Av. АР
Rv. 5 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 0,89 g; 15,09 mm
FB-13652, N. 14220
(Адрианов 2010, 201, nr. III:Д; Биткин 2000, 600, nr. 182; Семенов 2008, 80, nr. 170:79).

67

10 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 1,87 g; 17,64 mm
FB-13653, N. 14221
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 159; Семенов 2008, 78, nr. 162:93).

68

15 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,71 g; 19,69 mm
FB-13654, N. 14222
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 133; Семенов 2008, 73, nr. 149:80).

[14] ВС – Виктор Смирнов (Viktor Smirnov)

69

15 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 2,57 g; 19,65 mm
FB-13655, N. 14223
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Б; Биткин 2000, 599, nr. 133; Семенов 2008, 73, nr. 149:80).

70

20 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,55 g; 22,09 mm
FB-13656, N. 14224
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 108; Семенов 2008, 72, nr. 146:91).

71

20 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,47 g; 22,16 mm
FB-13657, N. 14225
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 108; Семенов 2008, 72, nr. 146:91).

72

20 Copeici, 1914. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1914 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AR↑; 3,58 g; 22,06 mm
FB-13658, N. 14226
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:В; Биткин 2000, 598, nr. 108; Семенов 2008, 72, nr. 146:91).

73

10 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 1,74 g; 17,50 mm
FB-13659, N. 14227
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 160; Семенов 2008, 78, nr. 162:94).

74

10 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 1,84 g; 17,52 mm
FB-13660, N. 14228
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 160; Семенов 2008, 78, nr. 162:94).

75

10 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 10 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 1,90 g; 17,60 mm
FB-13661, N. 14229
(Адрианов 2010, 203, nr. III:Б; Биткин 2000, 599, nr. 160; Семенов 2008, 78, nr. 162:94).

76

15 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 2,59 g; 19,72 mm
FB-13662, N. 14230
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Г; Биткин 2000, 599, nr. 134; Семенов 2008, 73, nr. 149:81).

77

15 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 15 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 2,68 g; 19,57 mm
FB-13663, N. 14231
(Адрианов 2010, 205, nr. IIIa:Г; Биткин 2000, 599, nr. 134; Семенов 2008, 73, nr. 149:81).

78

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,51 g; 22,07 mm
FB-13664, N. 14232
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

79

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,61 g; 22,15 mm
FB-13665, N. 14233
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

Fig. 4. Monede din tezaurul „Chişinău-*Poltava*": 1 - 10 Copeici, 1861; 2 - 10 Copeici, 1904; 3 - 10 Copeici, 1905; 4 - 10 Copeici, 1908; 5 - 10 Copeici, 1910; 6 - 10 Copeici, 1912; 7 - 5 Copeici, 1892; 8 - 5 Copeici, 1902; 9 - 5 Copeici, 1914; 10 - ½ Copeici, 1912.

80

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,68 g; 22,24 mm
FB-13666; N. 14234
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

81

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,54 g; 22,09 mm
FB-13667, N. 14235
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

82

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,65 g; 22,12 mm
FB-13668, N. 14236
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

83

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,59 g; 22,09 mm
FB-13669, N. 14237
(Адрианов 2010, 207, nr. IV:Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

84

20 Copeici, 1915. Sankt-Petersburg
Av. ВС
Rv. 20 / КОПѢЕКЪ / 1915
Muchie: zimţată
AR↑; 3,65 g; 22,12 mm
FB-13670, N. 14238
(Адрианов 2010, 207, nr. IV: Г; Биткин 2000, 598, nr. 109; Семенов 2008, 72, nr. 146:92).

85

½ Copeici, 1912. Sankt-Petersburg (fig. 4/10)
Av. Monogramă
Rv. ½ / КОПѢЕКЪ / 1912 / С.П.Б.
Muchie: zimţată
AE↑; 1,62 g; 16,30 mm
FB-13671, N. 14239
(Адрианов 2008, 160, nr. III; Биткин 2000, 606, nr. 687; Семенов 2008, 107, nr. 231:С/61).

Bibliografie

Адрианов 2008: Я.В. Адрианов, Медные монеты Российской Империи 1700-1917 годов: каталог (Пермь 2008).

Адрианов 2010: Я.В. Адрианов, Серебряные монеты Российской империи 1701-1917 годов: каталог (Пермь 2010).

Биткин 2000: В.В. Биткин, Сводный каталог монет Императорской России регулярного чекана (Киев 2000).

Рзаев 2010: В. Рзаев, Загадки российской нумизматики. Факты. Исследования. Версии, том 1 (Москва 2010).

Семенов 2008: В. Семенов, Монеты России 1700-1917 гг. (Санкт-Петербург 2008).

Chisinau-Poltava Highway coin hoard

Keywords: Russian Empire, Alexander II of Russia, Alexander III of Russia, Nicholas II of Russia, hoard, coin.

Abstract: During agricultural work on a land plot near the Poltava Highway, students of Chisinau Vocational School No. 2 V.M. Khilev and V.N. Medvedev discovered a hoard of coins. This hoard was transferred to the State Museum of Local Lore, where it was registered on December 20, 1971 (Acceptance Certificate No. 3120; Accession No. 13002). Later, the hoard was transferred to the National Museum of History of Moldova (Act No. 510 of December 21, 1987; Accession No. FB-13587-13671; Nos. 14155-14239).

The hoard consists of 85 coins (84 silver and 1 copper ones) issued during the reigns of Alexander II (1855-1881), Alexander III (1881-1894) and Nicholas II (1894-1917). Coins are represented by the following denominations:

- **½ kopeck** (1 specimen): 1912;
- **5 kopecks** (6 specimens): 1892, 1897, 1899, 1902, 1905, 1914;

- **10 kopecks** (28 specimens): 1861, 1870, 1899, 1900 (3), 1901, 1903, 1904, 1905, 1906 (3), 1907 (2), 1908 (2), 1909 (2),1910 (3), 1912, 1913, 1914, 1915 (3);
- **15 kopecks** (26 specimens): 1870, 1878, 1890, 1898, 1899, 1900, 1902, 1903 (3), 1904 (2), 1906 (2), 1907, 1908 (2), 1909, 1911, 1912 (2), 1913, 1914 (2), 1915 (2);
- **20 kopecks** (24 specimens): 1873, 1879, 1901, 1903, 1904, 1905, 1908, 1909 (2), 1910, 1911, 1912, 1913 (2), 1914 (3), 1915 (7).

List of illustrations:

Fig. 1. Composition of the Chisinau-Poltava Highway coin hoard.

Fig. 2. Distribution of coins by years of minting.

Fig. 3. Coins from the Chisinau-Poltava Highway hoard.

Fig. 4. Coins from the Chisinau-Poltava Highway hoard.

Монетный клад «Кишинёв-Полтавка»

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Александр III, Николай II, клад, монета.

Резюме: Во время проведения сельскохозяйственных работ на земельном участке возле Полтавского шоссе учащиеся ПТУ № 2 города Кишинева В.М. Хилев и В.Н. Медведев обнаружили клад монет. Этот клад был передан в Государственный историко-краеведческий музей, где был зарегистрирован 20 декабря 1971 года (акт приема № 3120; инв. № 13002). Позже клад был передан в Национальный музей истории Молдовы согласно акту № 510 от 21 декабря 1987 года (инв. № FB-13587-13671; №№ 14155-14239).

Клад состоит из 85 монет (84 серебряных и 1 медной), выпущенных в периоды правления Александра II (1855-1881), Александра III (1881-1894) и Николая II (1894-1917). Монеты представлены следующими номиналами:

- **½ копейки** (1 предмет): 1912;
- **5 копеек** (6 предметов): 1892, 1897, 1899, 1902, 1905, 1914;
- **10 копеек** (28 предметов): 1861, 1870, 1899, 1900 (3), 1901, 1903, 1904, 1905, 1906 (3), 1907 (2), 1908 (2), 1909 (2),1910 (3), 1912, 1913, 1914, 1915 (3);
- **15 копеек** (26 предметов): 1870, 1878, 1890, 1898, 1899, 1900, 1902, 1903 (3), 1904 (2), 1906 (2), 1907, 1908 (2), 1909, 1911, 1912 (2), 1913, 1914 (2), 1915 (2);
- **20 копеек** (24 предмета): 1873, 1879, 1901, 1903, 1904, 1905, 1908, 1909 (2), 1910, 1911, 1912, 1913 (2), 1914 (3), 1915 (7).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Структура монетного клада «Кишинев-Полтавка».

Рис. 2. Распределение монет по годам чеканки.

Рис. 3. Монеты из клада «Кишинев-Полтавка».

Рис. 4. Монеты из клада «Кишинев-Полтавка».

14.02.2023

Dr. Elena Arcuş-Jantovan, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9741-6963, e-mail: elena.arcus_jantovan@yahoo.com

Alexandru Berzovan, AT THE BORDERS OF THE GREAT STEPPE: LATE IRON AGE HILLFORTS BETWEEN THE EASTERN CARPATHIANS AND PRUT (5th-3rd centuries BC)

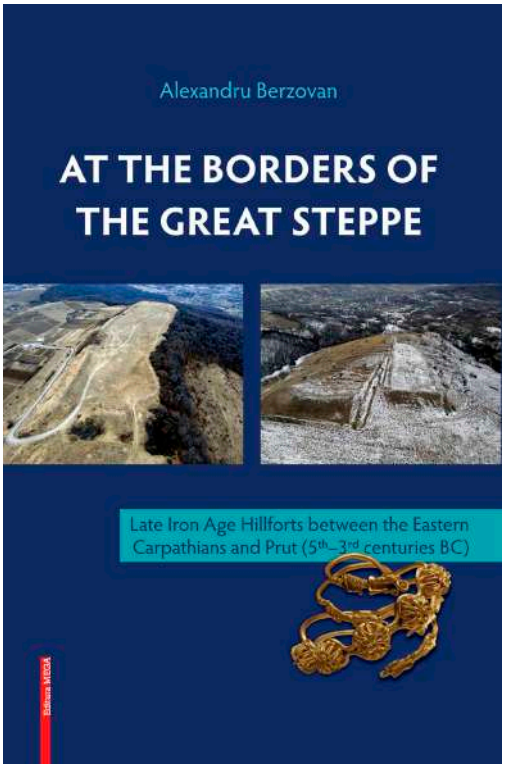
Cluj-Napoca: MEGA, 2022, 310 p. ISBN: 978-606-020-494-7

Anul 2022 a fost unul de anvergură pentru ştiinţa fortificaţiilor preistorice din spaţiul românesc, deoarece au văzut lumina tiparului două monografii importante domeniului, în ambele fiind implicat Alexandru Berzovan: în prima, care va fi subiectul recenziei ce urmează, – ca autor, iar în a doua – ca editor (Florescu 2022).

Monografia reprezintă rodul unui proiect de cercetare postdoctorală. Ea este împărţită în 13 secţiuni: *Introducere* (p. 13-15), nouă capitole (p. 17-244), *Concluzii* (p. 245-252), *Bibliografie* (p. 253-272) şi *Planşe* (p. 273-309).

În *Introducere* (p. 13-15), autorul explică pe scurt situaţia fortificaţiilor din sec. V-III a. Chr. în spaţiul dintre Carpaţi şi Prut, precum şi în zonele adiacente, relevă importanţa studierii lor şi desfăşoară câte un rezumat pentru fiecare dintre cele nouă capitole şi pentru concluzii.

În primul capitol, *Introductory aspects* („Aspecte introductive") (p. 17-36), sunt abordate, în primul rând, metodologia cercetării şi conceptele teoretice cu care lucrează. Identificarea siturilor s-a realizat în trei etape de bază. În prima etapă, s-au căutat menţiuni relevante în bibliografie, inclusiv în cea din sec. XIX şi începutul sec. XX. Privitor la sursele cartografice s-au folosit hărţi topografice, imagini de satelit şi scanări LIDAR, acestea din urmă executate de Administraţia Bazinală de Apă Prut, Bârlad. În a doua etapă, s-au efectuat periegeze şi prospecţiuni magnetometrice pe siturile reperate, iar a treia a prevăzut combinarea tuturor datelor strânse şi realizarea unei sinteze. Mai departe, autorul descrie structura repertoriului din capitolul III, defineşte cronologia folosită, explică problemele iscate din utilizarea termenului englez de *hillfort*, care nu este întotdeauna potrivit (p. 23). Din experienţa acestuia, excavarea prin tranşee înguste, de 1-2 m lăţime, a liniilor defensive este insuficientă, fiind necesare anexe sau secţiuni mai late, pentru a depista urmele de pari ale construcţiilor de


Alexandru Berzovan
AT THE BORDERS OF THE GREAT STEPPE
Late Iron Age Hillforts between the Eastern Carpathians and Prut (5th–3rd centuries BC)

lemn (p. 27). Abordarea interdisciplinară culminează cu descrierea cadrului geografic şi a paleoclimei. Moldova dintre Carpaţi şi Prut se împarte în trei zone geografice principale, dintre care Podişul Moldovei conţine cel mai mare număr de fortificaţii în sec. V-III a. Chr., concentrate, în special, în Dealurile Botoşanilor, Podişul Bârladului şi în Colinele Tutovei (p. 32-35).

Al doilea capitol, *History of archaeological research* („Istoricul cercetării arheologice") (p. 37-54), prezintă evoluţia studierii fortificaţiilor relevante, de la menţiunile de *cetăţi* în *Descrierea Moldovei* a lui Dimitrie Cantemir până în prezent, oferind detalii atât despre dezvoltarea instituţională muzeistică şi arheologică, cât şi despre cercetările efectuate asupra siturilor propriu-zise. Printre evenimentele mai importante, Gheorghe Asachi a publicat primul plan al unei cetăţi din sec. V-III a. Chr. (Cotnari „Cătălina") în

1854 (p. 39). C. Solomon a efectuat singurele săpături din perioada interbelică asupra unui sit fortificat în perioada cercetată, la Brăhăşeşti (p. 43). Principalele cercetări arheologice s-au desfăşurat în 1945-1989, atunci când s-a înfiinţat un număr mare de muzee judeţene, iar Institutul „A. D. Xenopol" a devenit centrul arheologilor ieşeni. Săpăturile unor arheologi sunt enumerate, de exemplu, cele efectuate de S. Teodor la Arsura, de V. V. Bazarciuc la Buneşti „Dealul Bobului" ş.a., dar o atenţie deosebită i se oferă lui Adrian C. Florescu, conducătorul săpăturilor de la Stânceşti (1960-1968; 1970) şi Cotnari „Cătălina" (1967-1985). Se scoate în evidenţă pionieratul acestuia în aplicarea metodelor din ştiinţe precum matematica, statistica şi geodezia în cercetarea fortificaţiilor din epoca fierului, contribuţii de care ştiinţa arheologică, după cum, pe bună dreptate, afirmă autorul (p. 50), a fost văduvită, nefiind publicate la timp. Această situaţie nu se referă doar la materialele lui A. C. Florescu, evident, ci vizează şi alte situri, precum cel de la Buneşti. Autorul analizează critic rezultatele publicate ale săpăturilor, notând problemele din rapoartele neconsecvente sau tendenţioase. După 1989, amploarea săpăturilor descreşte, cauzele principale indicate fiind finanţarea slabă, lipsa specialiştilor şi reorientarea arheologilor spre săpăturile de salvare (p. 50-52). În final, se trec în revistă contribuţiile personale ale autorului la problema fortificaţiilor din sec. V-III a. Chr., inclusiv periegeze în zona Dobrovăţ (2016), la Poiana Mănăstirii (2013), Stânceşti şi Cotu Copălău (2016-2017), săpături la Poiana Mănăstirii împreună cu S. Enea (2017), la Dobrovăţ (2019, 2021) şi Albeşti (2021), demonstrând o bună cunoaştere a metodelor de cercetare de teren.

Al treilea capitol, *Archaeological repertoire* („Repertoriul arheologic") (p. 55-175), reprezintă partea cea mai voluminoasă şi mai valoroasă a cărţii, un repertoriu al tuturor siturilor fortificate, identificate de către autor în spaţiul dintre Carpaţi şi Prut, care au funcţionat în sec. V-III a. Chr. Celelalte fortificaţii, a căror apartenenţă la perioada abordată este incertă sau au alte probleme, sunt prezentate pe scurt în secţiunea *Addenda et Corrigenda* a capitolului (p. 171-175). Repertoriul conţine, în total, 37 de fortificaţii, descrise conform unei structuri standardizate compuse din 17 elemente, de exemplu, istoricul cercetării, coordonatele, tipul, datarea, tipul de fortificaţie, suprafaţa, bibliografia ş.a., la care se adaugă diferite hărţi, imagini de satelit, fotografii aeriene şi din teren. Opţiunea pentru un asemenea format înlesneşte compararea siturilor între ele. Extrem de utilă este includerea descrierii separate a stării actuale (împădurită, terenuri agricole etc.) şi a stării de conservare a acestora, un aspect trecut cu vederea în literatura mai veche. Acolo unde a fost posibil, liniile defensive sunt descrise pe toată lungimea lor, lucru, de asemenea, rar întâlnit. Spre deosebire de capitolul II, unde autorul a redat o imagine de ansamblu, în repertoriu, istoricul cercetării pentru fiecare fortificaţie ajunge la un nivel desăvârşit, iar bibliografia este comprehensivă. Potrivit informaţiilor respective, 19 din 37 de fortificaţii au beneficiat de săpături arheologice, în 13 cazuri fiind săpături multianuale. După 1989, săpături arheologice s-au organizat în 12 situri din total. Toate cele 37 situri incluse în repertoriu au fost vizitate de autor şi documentate în teren.

În capitolul al patrulea, *The hillforts in the East-Carpathian landscape* („Fortificaţiile în peisajul est-carpatic") (p. 177-187), autorul discută repartizarea geografică a fortificaţiilor, atât raportate unele faţă de altele, cât şi în raport cu formele de relief, cursurile de apă şi tumuli. Majoritatea lor se găsesc la est de culoarul Siretului, doar trei fiind amplasate la vest. În funcţie de relief se deosebesc trei tipuri principale de fortificaţii, mai exact: de vârf de deal, de platou barat şi de coastă de deal, ultimul fiind o raritate. Observaţii pertinente s-au enunţat în privinţa asemănărilor cu distribuţia spaţială a fortificaţiilor din spaţiul pruto-nistrean: lipsa lor în regiunile de câmpie şi agregarea lor în clustere din zone deluroase şi păduroase (p. 178). Revelatoare sunt şi diferenţele, anume amplasarea fortificaţiilor din sec. V-III a. Chr. de la est de Prut în preajma cursurilor mari de apă şi continuitatea unora din ele din prima epocă a fierului, spre deosebire de regiunea de la vest de Prut, unde contrariul este valabil (p. 180). Cu toate acestea, merită precizat că pe teritoriul actual al Republicii Moldova sunt doar trei râuri mari (Nistru, Prut şi Răut), restul (Botna, Bâc, Ichel etc.) având în prezent un debit mic, astfel încât un număr considerabil de cetăţi se află în raport cu cursurile principale de apă la distanţe similare cu cele atestate la vest de Prut. Sfârşitul capitolului discută rezultatele analizelor de vizibilitate, importante din punct de vedere militar, şi rolul tumulilor din incintele fortificate şi din afara lor.

În capitolul al cincilea, *Understanding the hillforts. Morphology and defensive systems* („Înţelegerea fortificaţiilor. Morfologie şi sisteme defensive") (p. 189-206), autorul realizează o clasificare a fortificaţiilor în funcţie de mărime, de numărul de incinte şi formă. Ulterior, intră în vizor elemente specifice din cadrul sistemelor defensive (bastionul, poarta de acces) şi particularităţile de construcţie a liniilor propriu-zise de apărare (şanţ, val, palisadă). După formă, se disting cetăţi neregulate, circulare, semicirculare şi dreptunghiulare, ultima reprezentată de un singur caz. Analogia dintre formele dreptunghiulare ale cetăţilor de la Dochia „Cetăţuia Sărăţica" şi Hansca „Cetate" (p. 190, nota 331) este potrivită doar parţial. Fortificaţia de la Hansca este unul dintre cazurile rare, amplasate pe vârf de deal, înconjurat din toate direcţiile de pante abrupte, inclusiv dinspre „şaua" care face legătura cu restul culmii. Astfel, sistemul de apărare imită forma naturală a vârfului de deal, iar dimensiunile reduse (sub 1 ha) ale incintei (Zanoci 1998, 133; Arnăut 2003, 348, fig. 26) nu se compară cu cele ale cetăţii de la Dochia (20 ha). Prin urmare, la momentul actual, nu există o analogie apropiată cetăţii de la Dochia printre siturile fortificate din epoca fierului de la est de Prut.

Un rezultat remarcabil al acestei cercetări a fost precizarea limitelor reale ale siturilor fortificate incluse. La analiza dimensiunilor, se poate constata cu certitudine proporţia neobişnuit de mare a fortificaţiilor cu suprafaţa întinsă, de peste 10 ha (8 din 35 sau circa 23% din total) (p. 190). În continuare, autorul abordează bastioanele şi intrările în cetăţi, care, spre deosebire de spaţiul dintre Prut şi Nistru, sunt mai slab atestate sau studiate (p. 191-192). În mod inovativ, capitolul V include încercări de a reconstitui, cu rezultate promiţătoare, aspectul în elevaţie şi înălţimea originală a valurilor sau zidurilor, în baza datelor arheologice recoltate (forma, înălţimea şi lăţimea rămăşiţelor valului, gradul de înclinare, diametrul gropilor de pari etc.) şi a comparaţiei dintre fortificaţii sau cu situaţia din regiuni mai îndepărtate. Autorul identifică trei tipuri principale de construcţii defensive (p. 192-203): şanţ cu val şi palisadă, cunoscut şi sub numele de „zid combinat", majoritar (1), zid cu carcasă de lemn şi emplecton, tradus în engleză drept *box rampart*, la Arsura şi Brăhăşeşti (2) şi zid de tip *Pfostenschlitzmauer*, cu paramente din piatră, la Cotnari „Cătălina" (3). La observaţia că tipul de zid cu carcasă de lemn şi emplecton este cunoscut în spaţiul carpato-nistrean în prima epocă a fierului (p. 201-202), trebuie adăugată precizarea că el continuă să fie predominant în a doua epocă a fierului (Zanoci 2011, 122-123, tab. 2), existând, la moment, o discrepanţă între zona de la est de Prut şi cea de la vest de râu în privinţa tipului majoritar, o problemă care, eventual, va trebui să fie discutată. În acelaşi timp, dacă se ia în considerare arealul culturii Gáva-Holihrady, atunci în prima epocă a fierului tipul de zid combinat a prevalat până la descoperirea majorităţii fortificaţiilor culturii Saharna (Zanoci 2011, 119, tab. 1). Analogia cu abandonarea zidurilor de tip *murus gallicus* în timpul Războaielor galice în favoarea construcţiei de tip şanţ cu val şi palisadă (p. 205-206) contribuie la deslușirea motivaţiei probabile din spatele adoptării celui din urmă în spaţiul dintre Carpaţi şi Prut în sec. V-III a. Chr., cu completarea că *murus gallicus* avea un dezavantaj în comparaţie cu fortificaţiile cu zid din carcasă de lemn şi emplecton de la est de Carpaţi – de obicei, nu erau dotate cu şanţ de apărare (Krausz 2019, 173).

În capitolul al şaselea, *Living in the enclosures. Structures inside the hillforts* („Viaţa în incinte. Structuri în interiorul fortificaţiilor") (p. 207-215), sunt analizate rezultatele cercetărilor din interiorul cetăţilor. Întrucât săpăturile arheologice organizate au fost puţine la număr, datele s-au completat cu scanări magnetometrice. Astfel, autorul notează că densitatea joasă a locuinţelor reprezintă o caracteristică a fortificaţiilor studiate, concentraţii mai mari de habitat fiind depistate doar la Buneşti şi Stânceşti. Tabelele incluse permit recapitularea facilă a particularităţilor locuinţelor excavate, cum ar fi dimensiunile, formele, amplasarea vetrelor ş.a. După cum a notat şi Valeriu Sîrbu în prefaţă (p. 12), una dintre concluziile principale ale acestei monografii este că fortificaţiile nu pot fi considerate aşezări protourbane. Argumentele aduse de autor sunt convingătoare, de exemplu, absenţa spaţiilor separate meşteşugăreşti sau de cult, a clădirilor grandioase, cu stipulaţia că viitoarele cercetări pot aduce noi răspunsuri (p. 208-209), având în vedere că nivelul de cercetare a incintelor rămâne scăzut, rareori atingând 5% din suprafaţa totală a sitului, nemaivorbind de zona *extra muros*. Ulterior, în *Concluzii*, autorul admite că fortificaţiile au jucat un rol important în depozitarea mărfurilor de import şi redistribuirea lor către alte centre (p. 246), ceea ce reprezintă o funcţie urbană.

Capitolul al şaptelea, *Crafts and occupations* („Meşteşuguri şi îndeletniciri") (p. 217-223), ilustrează ocupaţiile populaţiei fortificaţiilor în lumina dovezilor arheologice. S-a realizat o singură analiză palinologică, la Bazga, care a relevat prezenţa cânepii; adiţional, s-au mai găsit seminţe de orz şi grâu. Conform analizelor osteologice, băştinaşii preferau să crească vite cornute mari, similar altor zone din spaţiul carpato-dunubiano-pontic. Dintre animalele vânate predominau cele destinate hranei (mistreţ, cerb etc.), dar s-au găsit şi oase de animale folosite, de obicei, pentru piele (castor, bursuc etc.) (p. 217-221). Dovezi directe ale practicării unor meşteşuguri precum confecţionarea ceramicii sau metalurgia nu s-au depistat, dar s-a descoperit un cleşte de fierar şi zgură (p. 223). Alte exemple de unelte folosite în diferite activităţi casnice completează imaginea de ansamblu asupra muncilor efectuate între zidurile cetăţilor.

Capitolul al optulea, *Exchanges* („Schimburi") (p. 225-235), scoate în evidenţă relaţiile comunităţilor care locuiau în fortificaţiile dintre Carpaţi şi Prut cu alte comunităţi. În prim-plan se află, evident, schimburile cu polisurile greceşti, demonstrată de prezenţa amforelor, mărgelelor de sticlă şi a ceramicii greceşti de lux în incintele cetăţilor. Piesele de harnaşament, vârfurile de săgeată cu trei aripioare, alte piese de armament, cât şi tezaurul de la Stânceşti reflectă relaţiile cu lumea nord-pontică (de stepă), pe când lumea celtică se manifestă prin intermediul fibulelor de schemă La Tène (8 la Buneşti), un fragment de teacă şi hibridizarea formelor locale de fibule (p. 232). Legături cu alte culturi, precum Poieneşti-Lucăşeuca, vest-podoliană şi zone mai îndepărtate, au ieşit, de asemenea, la suprafaţă, astfel încât spaţiul dintre Carpaţi şi Prut se afirmă drept o regiune de înaltă mobilitate comercială.

În ultimul capitol, *Treasures and hoards in the hillforts* („Comori şi tezaure în fortificaţii") (p. 237-244), autorul discută principalele tezaure şi depozite de piese metalice din fortificaţiile cercetate, mai exact, tezaurul de la Stânceşti, trei tezaure şi patru depozite de obiecte metalice de la Buneşti şi diadema de la Buneşti. O atenţie deosebită primeşte primul din cele menţionate, fiind publicate rezultatele analizelor metalografice ale pieselor, analiza elementelor artistice, pentru a stabili cum se încadrează în concepţiile artistice traco-getice sau scitice ş.a.

În *Concluzii* (p. 245-252), autorul aduce verdictul asupra principalelor probleme care afectează cercetarea fortificaţiilor din sec. V-III a. Chr. în spaţiul dintre Carpaţi şi Prut: funcţionalitatea acestora, care era diversă, în dependenţă de amplasare şi alţi factori (de refugiu, militară etc.); perioada de existenţă a acestora (majoritatea în sec. IV-III a. Chr., unele îşi au începutul în sec. VI a. Chr.); etnia comunităţilor care le-au construit, în baza surselor scrise antice; fenomenul apariţiei fortificaţiilor ca rezultat al amplasării la periferia lumii nomade; importanţa climei în evoluţia demografică şi socială; cauzele dispariţiei fortificaţiilor în jurul anului 220 a. Chr. (în urma invaziei purtătorilor culturii Poieneşti-Lucăşeuca ş.a.); elemente de continuitate în cultura dacică.

La începutul concluziilor se recapitulează principalele rezultate tangibile, pe care le-a adus monografia de faţă – cartarea exactă a fortificaţiilor din sec. V-III a. Chr. dintre Carpaţi şi Prut cu ajutorul tehnologiei LiDAR şi al cercetărilor de suprafaţă. Valoarea acestora este incontestabilă, dar meritul lucrării este cu mult mai mare decât atât, reprezentând totalul unor eforturi, precum verificarea bibliografiei vechi, consultarea rapoartelor din arhive, corelarea acestora cu datele de pe teren etc., care au culminat cu corectarea unor erori perpetuate în literatura arheologică timp de decenii. În textul lucrării s-au strecurat câteva greşeli gramaticale, dar, în general, engleza întrebuinţată se ridică la un nivel înalt. Unele evoluţii în istoriografia fortificaţiilor epocii fierului din alte regiuni au rămas nediscutate, însă acest fapt nu afectează integritatea concluziilor enunţate. Printre atuurile lucrării se numără abordarea metodică, repertoriul detaliat şi uşor de utilizat, calitatea înaltă a fotografiilor şi ilustraţiilor, acordarea unei dimensiuni interdisciplinare fiecărui capitol ş.a. Conţinutul repertoriului, în particular, reprezintă o noutate pentru arheologia românească. Toate acestea asigură că monografia va rămâne o lucrare de referinţă în viitor, un exemplu de urmat şi un rezultat greu de egalat.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Florescu 2022: A.C. Florescu, Cetăţi traco-getice pe teritoriul Moldovei anterioare epocii Burebista-Decebal (ed. A. Berzovan) (Cluj-Napoca: MEGA 2022).

Krausz 2019: S. Krausz, Iron Age fortifications in France. In: (Eds. G. Lock, I. Ralston) Hillforts: Britain, Ireland and the nearer Continent. Papers from the Atlas of Hillforts of Britain and Ireland Conference, June 2017 (Oxford 2019), 165-187.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2011: A. Zanoci, Tipologia şi evoluţia construcţiilor defensive din spaţiul est-carpatic în secolele XII/XI-III a. Chr. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 117-152.

01.09.2023

Dumitru Condrea, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9799-7756, e-mail: dumitru.condrea@outlook.com

COMISIA
NAȚIONALĂ
ARHEOLOGICĂ

Decizia Comisiei Naționale Arheologice
a Ministerului Culturii al Republicii Moldova

Extras
din procesul-verbal nr. 3 din 19 septembrie 2023
al ședinței Comisiei Naționale Arheologice
a Ministerului Culturii al Republicii Moldova

Prezenți: Gheorghe Postică – președinte, Eugen Sava – vice-președinte, Vlad Vornic, Sergiu Matveev, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Ion Tentiuc, Alexandru Levinschi, Aurel Zanoci, Sergiu Musteață, Igor Manzura, Natalia Mateevici – membri.

Au lipsit: Serghei Covalenco.

Ordinea de zi:
1. Examinarea repetată a solicitării dlui dr. Igor Manzura cu privire la respectarea Codului deontologic al arheologilor din Republica Moldova.

Comisia Națională a constatat:
Dl dr. Igor Manzura a depus la Comisia Națională Arheologică, pe data de 20 iunie 2023, o cerere, prin care a solicitat luarea de atitudine în cazul dlui dr. hab. Valentin Dergacev, pe care îl acuză de nerespectarea deontologiei profesionale a arheologilor din Republica Moldova și nerespectarea dreptului de autor prin publicarea neautorizată a imaginilor grafice, realizate de către solicitant, acestea reprezentând materiale din epoca bronzului, descoperite în tumulul nr. 1 de la Olekcsandrivka, reg. Odesa, în cadrul săpăturilor arheologice efectuate sub conducerea lui V.V. Beilecci și regretatul V.G. Petrenko.

Publicarea neautorizată a ilustrației privind tumulul nr. 1 și mormintele de la Olekcsandrivka a fost identificată în tabelul 59 de la pagina 560 a monografiei *В.А. Дергачев, Ямная культура Карпато-Подунавья = Yamnaya culture of the Carpathian-Danube region*, Кишинэу: CEP USM, 2023. ISBN 978-9975-62-522-7. / T. 1: *Каталог памятников* = Catalogue of the burials. 2023, 773 p.: tab. ISBN 978-9975-62-523-4.

Dl dr. Igor Manzura a realizat imaginile grafice ale mormintelor și ale tumulului nr. 1 de la Olekcsandrivka în cadrul proiectului finanțat de Institutul German de Arheologie cu privire la publicarea mormintelor umane atribuite epocii bronzului, în baza protocolului semnat de către Institutul German de Arheologie cu Muzeul Național de Arheologie din Odesa al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei, la 29 noiembrie 2018 (copia protocolului a fost anexată).

Dl dr. Igor Manzura a prezentat Comisiei Naționale Arheologice desenele originale realizate personal cu privire la tumulul nr. 1 și mormintele din epoca bronzului de la Olekcsandrivka.

Pe data de 4 iulie 2023, Comisia Națională Arheologică a examinat cererea dlui dr. Igor Manzura și l-a împuternicit pe dl dr. hab. Gheorghe Postică, președintele Comisiei Naționale Arheologice (CNA), să aducă la cunoștința dlui dr. hab. Valentin Dergacev, arheolog recunoscut pe plan internațional, cererea depusă de dl dr. Igor Manzura, cu solicitarea prezentării explicațiilor dlui Valentin Dergacev în legătură cu acest caz.

Pe data de 10 iulie 2023, dl dr. hab. Valentin Dergacev a fost informat oficial de către președintele CNA cu privire la cererea dlui dr. Igor Manzura, cu solicitarea explicației pe caz.

În data de 11 iulie 2023, dl Valentin Dergacev a răspuns la solicitare, fără să prezinte explicaţii legate de subiectul de fond al situaţiei create.

La 17 iulie 2023, preşedintele CNA a adresat dlui dr. hab. Valentin Dergacev un nou mesaj cu rugămintea de a prezenta o expunere concretă la subiectul de bază al cazului, la care, cu regret, nu a urmat niciun răspuns.

La 13 septembrie 2023, preşedintele CNA a expediat către arheologii din Republica Moldova, inclusiv dlui dr. hab. Valentin Dergacev, invitaţia cu privire la convocarea pentru data de 19 septembrie 2023 a şedinţei Comisiei Naţionale Arheologice pentru dezbaterea unor subiecte, inclusiv a cererii din 20 iunie a dlui dr. Igor Manzura.

Dl dr. hab. Valentin Dergacev n-a reacţionat sub nicio formă la invitaţia din 13 septembrie şi nici nu s-a prezentat la şedinţa CNA.

Referitor la această problemă s-au pronunţat:

dr. Igor Manzura, dr. hab. Gheorghe Postică, dr. hab. Eugen Sava, dr. hab. Sergiu Musteaţă, dr. Vlad Vornic, dr. Natalia Mateevici, dr. Alexandru Levinschi, dr. Ion Tentiuc, dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău, dr. Aurel Zanoci şi dr. Sergiu Matveev.

Comisia Naţională Arheologică a hotărât unanim:

1. A confirma faptul că desenele grafice privind tumulul nr. 1 şi mormintele din epoca bronzului, descoperite în timpul săpăturilor arheologice efectuate de către V.V. Beilecci şi V.G. Petrenko în cadrul necropolei de la Olekcandrivka, reg. Odesa, sunt realizate de către dl dr. Igor Manzura, reprezentnd o creaţie de autor a acestuia cu drept de primă publicare.

2. A constata veridicitatea faptului că dl dr. hab. Valentin Dergacev a preluat şi a publicat neautorizat în tabelul 59 de la pagina 560 a monografiei *В.А. Дергачев, Ямная культура Карпато-Подунавья = Yamnaya culture of the Carpathian-Danube region*, Кишинэу: CEP USM, 2023, desenele grafice, realizate de către dl dr. Igor Manzura, privind tumulul nr. 1 cu morminte din epoca bronzului din cadrul necropolei de la Olekcandrivka, reg. Odesa, investigate de către V.V. Beilecci şi V.G. Petrenko, ceea ce reprezintă o încălcare a Codului deontologic al arheologilor din Republica Moldova.

3. A publica prezenta decizie în revista de specialiate „Tyragetia”, care apare sub egida Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei.

Preşedintele Comisiei Naţionale Arheologice,
prof. univ., dr. hab. Gheorghe Postică

19 septembrie 2023

COMISIA
NAȚIONALĂ
ARHEOLOGICĂ

Decision of the National Archaeological Commission
of the Ministry of Culture of the Republic of Moldova

Extract
from minutes no. 3 of September 19, 2023 meeting
of the National Archaeological Commission
of the Ministry of Culture of the Republic of Moldova

Present: Gheorghe Postică – Chairman, Eugen Sava – Vice-Chairman, Vlad Vornic, Sergiu Matveev, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Ion Tentiuc, Alexandru Levinschi, Aurel Zanoci, Sergiu Musteaţă, Igor Manzura, Natalia Mateevici – members

Absent: Sergei Kovalenko.

Agenda:
1. Re-examination of the request of Dr. Igor Manzura for compliance with the Code of Ethics for Archaeologists of the Republic of Moldova.

The National Commission found:
Dr. Igor Manzura submitted a request to the National Archaeological Commission on June 20, 2023, in which he asked to express the position on the case of Dr. habil. Valentin Dergachev, whom he accuses of non-compliance with the professional deontology of archaeologists of the Republic of Moldova and not respecting copyright through the unauthorized publication of graphic images made by the applicant, which represent Bronze Age materials discovered in mound No. 1 from Olekcsandrivka of the Odessa region during archaeological excavations conducted under the leadership of V.V. Beilekchi and the late V.G. Petrenko

Unauthorized publication of an illustration regarding mound no. 1 and the graves at Olekcsandrivka were found in Table 59 on page 560 of the monograph: *В.А. Дергачев, Ямная культура Карпато-Подунавья = Yamnaya culture of the Carpathian-Danube region*, Кишинэу: CEP USM, 2023. ISBN 978-9975-62-522-7. / T. 1: *Каталог памятников* = Catalogue of the burials. 2023, 773 p.: tab. ISBN 978-9975-62-523-4.

Dr. Igor Manzura made graphic images of the graves and mound No. 1 from Olekcsandrivka within the project funded by the German Institute of Archeology to publish human burials dating back to the Bronze Age, based on a protocol signed by the German Institute of Archeology with the Odessa National Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine on November 29, 2018 (a copy of the protocol is attached).

Dr. Igor Manzura presented to the National Archaeological Commission the original drawings of burial mound No. 1 and the Bronze Age graves at Olekcsandrivka, made by him personally.

On July 4, 2023, the National Archaeological Commission examined the request of Dr. Igor Manzura and authorized Dr. habil. Gheorghe Postică, Chairman of the National Archaeological Commission (CNA), to bring to the attention of Dr. habil. Valentin Dergachev, an internationally recognized archaeologist, the application submitted by Dr. Igor Manzura with a request to Mr. Valentin Dergachev provide explanations regarding this case.

July 10, 2023, the Chairman of the CNA officially informed Dr. habil. Valentin Dergachev about the appeal of Dr. Igor Manzura, with a request for clarification on the case.

On July 11, 2023, Mr. Valentin Dergachev responded to the request without providing an explanation regarding the essence of the situation.

On July 17, 2023, the Chairman of the CNA addressed Dr. habil. Valentin Dergachev a new message with a request to provide clear explanations on the merits of the case, to which, unfortunately, there was no response.

On September 13, 2023, the Chairman of the CNA sent to archaeologists of the Republic of Moldova, including Dr. habil. Valentin Dergachev, notice of the convening of a meeting of the National Archaeological Commission on September 19, 2023 to discuss certain issues, including the June 20 request of Dr. Igor Manzura.

Dr. habil. Valentin Dergachev did not react in any way to the invitation of September 13, and did not appear at the CNA meeting.

The following spoke on this issue:
Dr. Igor Manzura, Dr. habil. Gheorghe Postică, Dr. habil. Eugen Sava, Dr. habil. Sergiu Musteaţă, Dr. Vlad Vornic, Dr. Natalia Mateevici, Dr. Alexandru Levinschi, Dr. Ion Tentiuc, Dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Dr. Aurel Zanoci, and Dr. Sergiu Matveev.

The National Archaeological Commission unanimously decided:

1. It has been confirmed that graphic drawings related to mound No. 1 and the Bronze Age graves discovered during archaeological excavations by V.V. Beilekchi and V.G. Petrenko on the territory of the Olekcandrivka burial ground in the Odessa region, are made by Dr. Igor Manzura, thus representing his author's creation with the right of first publication.

2. Dr. habil. Valentin Dergachev took over and published without permission in Table 59 on page 560 of the monograph *Jamnaja kul'tura Karpato-Podunav'ja = Yamnaya culture of the Carpathian-Danube region* (Chisinau: CEP USM, 2023) the graphic drawings by Dr. Igor Manzura related to mound no. 1 and the Bronze Age graves from the Olekcandrivka burial ground in the Odessa region, investigated by V.V. Beilekchi and V.G. Petrenko, which is a violation of the Code of Ethics for Archaeologists of the Republic of Moldova.

3. This decision are to be published in the specialized journal "Tyragetia" of the National Museum of History of Moldova.

Chairman of the National Archaeological Commission,
Univ. Prof. Dr. habil. Gheorghe Postică

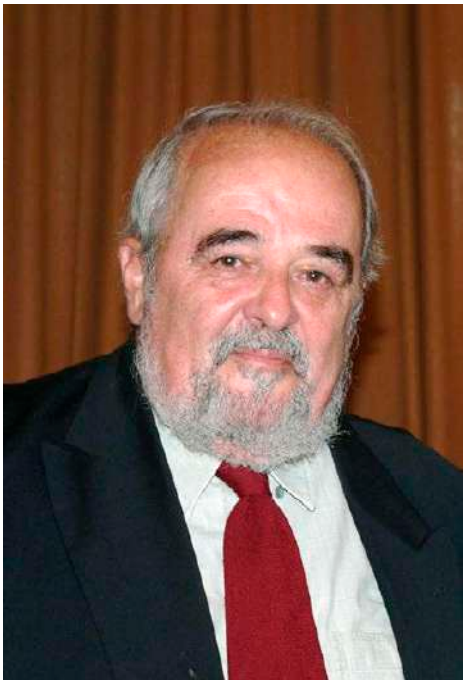
September 19, 2023

IN MEMORIAM MIRCEA BABEŞ
(13 decembrie 1941 – 26 aprilie 2023)

Perseverenţa şi tenacitatea au fost virtuţile principale ale celui care a fost arheologul, istoricul şi profesorul Mircea Babeş. Născut la Bucureşti într-o familie de intelectuali cu origini moldoveneşti, a absolvit Liceul „Dimitrie Cantemir" în 1959 şi Facultatea de Istorie a Universităţii Bucureşti în 1964[1]. Aici i-a avut profesori pe Ion Nestor, Dionisie Pippidi şi Emil Condurachi. Ion Nestor, până în 1974, apoi Dumitru Berciu aveau să-i fie îndrumători ai tezei de doctorat, susţinute în 1978.

Cariera ştiinţifică a lui Mircea Babeş a cuprins trei perioade distincte. Perioada de debut (1965-1971) a fost marcată de contribuţii care anunţau preocupările plurivalente de mai târziu: funerarul provincial roman, vestigiile grupei Poieneşti – Lucaşeuca (pe atunci Lukaševka) şi La Tène-ul „getic" şi „dacic" de la Dunărea de Jos. Perioada maturităţii profesionale a fost îndelungată (1971-1996) şi corespunde activităţii sale rodnice de cercetător consacrat la Institutul de Arheologie din Bucureşti. În acest răstimp, au văzut lumina tiparului contribuţiile ştiinţifice care au făcut din Mircea Babeş una dintre figurile ilustre ale arheologiei româneşti. În etapa târzie a carierei, distanţarea de cercetare a coincis cu apropierea de studenţi, prin implicarea în învăţământul universitar. Cariera i-a fost împlinită plenar prin iniţiativele şi creativitatea din cercetare, prin prodigioasa activitate publicistică şi prin implicarea instituţională.

Cea dintâi săpătură de amploare, coordonată de Mircea Babeş în calitate de tânăr angajat la Institutul de Arheologie, a vizat cercetarea uneia dintre necropolele oraşului roman Romula (1965-1970). Studierea acestor vestigii funerare romane, ca şi a celor de la Enisala (1968-1969), i-a permis tânărului Mircea Babeş să redacteze două contribuţii de sinteză (Babeş 1969; Babeş 1971), a căror valoare ştiinţifică este recunoscută şi astăzi. Cele două studii nu erau doar rodul unor documentări minuţioase de teren, ci şi al unei familiarizări acribe şi precoce cu vasta literatură a funerarului roman din acea vreme. În pofida calităţii



incontestabile a acestor contribuţii, pentru impetuosul Mircea Babeş nu se găsea loc în ierarhia anchilozată a cercetării antichităţilor clasice greco-romane din Bucureşti. Destinul ştiinţific avea să-l conducă către explorarea predilectă a altor teme de cercetare şi a altor vestigii arheologice – pe atunci mai puţin cunoscute, dar nu mai puţin spectaculoase: antichităţile „dacice" şi (mai ales) cele „bastarne". Aceste direcţii de cercetare, iniţial secundare, aveau să devină preocupările predilecte şi rodnice ale carierei sale.

Debutul ştiinţific al lui Mircea Babeş a coincis cu perioada de „destindere" a regimului Ceauşescu (1968-1974). Contactele cu cercetarea occidentală erau intense, călătoriile de studii erau posibile, dictatul şi controlul ideologic se făceau cu oarecare discreţie. Aceste împrejurări politice şi sprijinul profesorului Ion Nestor i-au permis lui Mircea Babeş să obţină o bursă din partea Fundaţiei *Alexander von Humboldt* la Institutul de Pre- şi Protoistorie din Saarbrücken, în Germania, pe atunci, Federală (1971-1972). Gazdă ştiinţifică i-a fost profesorul Rolf Hachmann, una dintre somităţile incontestabile ale arheologiei germane din acea vreme (Babeş 1994; Adler 2017), alături

[1] Activitatea şi personalitatea lui Mircea Babeş au mai fost evocate de Ştefănescu 1978, 43; Firca et al. 1994, 24-26; Filip 1998, 20; Arnăut 2002; Petolescu 2007; Mihăilescu-Bîrliba 2007; Teodor 2007; Lazarovici 2011; Petolescu 2011.

de Joachim Werner, Georg Kossack ș.a. Sub îndrumarea lui Hachmann, Mircea Babeș a valorificat monografic mica necropolă celtică de la Les Jogasses (Babeș 1974). Acest studiu a reprezentat un exercițiu de metodologie arheologică aplicată, care avea să-i servească în întreaga sa carieră. Publicarea acestei monografii a consacrat deplina maturitate științifică a lui Mircea Babeș, care a beneficiat, astfel, de girul forurilor profesionale occidentale încă înaintea susținerii tezei de doctorat în România.

Studiile din Germania nu au vizat doar antichități celtice, ci, cu deosebire, arheologia grupei Poienești – Lucașeuca. Experiențele acumulate au relevat necesitatea stringentă a cercetării plenare, prin săpături ample, a unor monumente reprezentative ale grupei respective. Acest deziderat avea să călăuzească o bună parte din activitatea științifică a lui Mircea Babeș de după întoarcerea din Germania.

Vocația fervență a polivalenței izvorâte din tenacitate profesională i-a inspirat însă preocupări multiple, unele fructificate exemplar, altele demarate plenar. În 1976, ediția critică a volumului al IV-lea al operelor lui Alexandru Odobescu (Odobescu 1976) era distinsă cu Premiul Perpessicius (cea mai bună ediție critică a anului). Mulțumită unei burse asigurate de Institutul de Arheologie din Sofia, Mircea Babeș a întreprins, în 1977, un amplu stagiu de documentare în mai multe muzee din Bulgaria. În 1978, era susținută teza de doctorat *Moldova centrală și de nord în sec. II-I î.e.n.*, inițiată sub îndrumarea lui Ion Nestor, dar definitivată sub cea a lui Dumitru Berciu. Concomitent, erau finalizate cercetările de la Boroșești (1968-1978), erau continuate cele de la Cârlomănești (1967-1981) și erau inițiate cele de la Poienești (1978-2000). Rezultatele cercetărilor de la Cârlomănești nu s-au lăsat îndelung așteptate. În 1975 și, respectiv, în 1979, neobositul arheolog redacta două studii sintetice, dedicate cronologiei și stadiului cercetării La Tène-ului târziu din Dacia pre-romană (Babeș 1975; Babeș 1979a). Perspectivele conturate cu perspicacitate în aceste studii își vădesc și astăzi valabilitatea, în ciuda acumulărilor documentare mai noi. Pentru arheologia protoistorică românească, în general, și pentru Mircea Babeș, în particular, deceniul 8 al secolului trecut a fost o perioadă de efervescență în planul ideilor și al oportunităților din cercetare. În acel context, Mircea Babeș se distingea deja ca unul dintre cei mai plurivalenți arheologi români de talie internațională ai generației sale.

Îndrăzneala redactării unei contondente recenzii (Babeș 1982a) pe marginea monografiei fostului său conducător de doctorat, Dumitru Berciu (Berciu 1981) nu a fost lipsită de consecințe. Susținerea financiară românească a publicării monografiei despre cultura Poienești – Lucașeuca a fost sistată. Lucrarea avea să fie publicată numai după schimbarea regimului din România. Entuziasmul creator al anilor de tinerețe ai lui Mircea Babeș era reprimat în contextul evoluției tot mai autarhice și șovine a regimului Ceaușescu (1979-1989). În acea perioadă, România și-a închis porțile către lume, contactele cu mediile profesionale din străinătate (atât din Occident, cât și din blocul sovietic) au fost drastic restrânse, iar promovările în instituțiile de cultură au fost suprimate. Conformismul ideologic devenea condiția supraviețuirii profesionale. Delictul de opinie conducea la izolare sau excludere. O astfel de alternativă nu corespundea staturii profesionale la care aspira Mircea Babeș.

Din această perspectivă vor trebui înțelese contribuțiile sale din anii ’80 despre unitatea, continuitatea și caracterul clasic al culturii elementului autohton (Babeș 1979b; Babeș 1980; Babeș 1983a; Babeș 1987). Infinit mai pertinente și mai apreciate în mediile profesioniste românești și internaționale au fost și vor rămâne studiile de sinteză, dedicate, în aceeași perioadă, paftalelor La Tène târziu din sud-estul Europei (Babeș 1983b)[2] sau funerarului din Dacia preromană (Babeș 1988)[3]. Aceste contribuții îl disting pe autor ca pe unul dintre inițiatorii cercetării relațiilor transculturale dintre grupele epocii La Tène în sud-estul Europei. În cariera lui Mircea Babeș, anii ’80 au reprezentat și o perioadă de recluziune studioasă pe tărâmul vestigiilor bastarne de la Poienești – un șantier îndelungat, unde a fost secondat îndeaproape de antropologul Nicolae Miriţoiu. Tot în această perioadă, Mircea Babeș și-a intensificat și preocupările pentru istoria arheologiei românești (Babeș 1981; Babeș 1982; Babeș 1983c; Babeș 1984).

Nenumărate frământări, iluzii și deziluzii au caracterizat viața intelectuală românească din anii care au urmat schimbării politice din decem-

[2] Studiul era apreciat 28 de ani mai târziu de către Guștin 2011, 127-128, fig. 9.
[3] Studiul a fost citat pe larg de Sîrbu 1993.

brie 1989[4]. În acea vreme tulbure, Mircea Babeș și-a continuat cu perseverență săpăturile de la Poienești. Sub îndrumarea experimentatului arheolog, aici au făcut primii pași în cercetarea de teren câțiva studenți care aveau să îmbrățișeze, în cele din urmă, disciplina arheologiei. Pentru Mircea Babeș, cea mai importantă consecință a schimbării de regim din 1989 a fost reluarea contactelor profesionale cu Occidentul. Încrederea forurilor științifice din Germania i-a fost reconfirmată prin acordarea titlului de membru corespondent al Institutului Arheologic German (1991). Noile împrejurări i-au îngăduit lui Mircea Babeș să publice monografia îndelung așteptată, dedicată culturii Poienești – Lucașeuca (Babeș 1993a). Această lucrare a reflectat apogeul carierei științifice a lui Mircea Babeș și reprezintă și astăzi, după 30 de ani, una dintre rarele monografii de indiscutabil calibru internațional, consacrate unei culturi preistorice de pe teritoriul actual al României.

Mircea Babeș nu s-a izolat în turnul de fildeș al preocupărilor savante, ci s-a implicat asiduu în funcționarea mai multor structuri instituționale: a fost Director adjunct al Institutului de Arheologie din București (1990-1994) și redactor-șef al revistei de Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie (1995-2009). Încă din 1990 a pus bazele Clubului Humboldt-România, a cărui președinție executivă, apoi de onoare, a asigurat-o mulți ani. Concomitent, Mircea Babeș găsea energia să se lanseze într-o polemică privind sistemul de construcție al fortificațiilor „getice" din sudul României (Babeș 1997) și și-a adus o contribuție discretă, dar prețioasă, la studiul orfevreriei nord-tracice prin publicarea ștanței de la Oprișor (Babeș 1993b). Nenumărate voci din cele trei volume ale Enciclopediei arheologiei și istoriei vechi a României, apărute în răstimpul 1996-2000 sub coordonarea lui Constantin Preda, poartă semnătura lui Mircea Babeș. De asemenea, preocupările sale pentru istoria arheologiei românești s-au intensificat (Babeș 1992; Babeș 1995; Babeș 1998a; Babeș 1998b; Babeș 2002; Babeș 2003a; Babeș 2004a; Babeș 2005a; Babeș 2005b; Babeș 2006; Babeș 2007a; Babeș 2007b; Babeș 2009; Babeș, Nicolae 2014), mai ales în contextul coordonării secțiunii românești a prestigiosului proiect internațional *Archives of European Archaeology* (2005-2008).

Arena frământărilor ideologice nu i-a fost străină. A condamnat exagerările naționalismului de dinainte și de după momentul 1989 (Babeș 2007a), dar, totodată, a susținut ferm conceptele integratoare de unitate a culturii geto-dacice și de continuitate a elementului autohton (Babeș 2000; Babeș 2003b). Viziunea asumată cu un zel neprecupețit nu l-a împiedicat însă pe Mircea Babeș să traducă în românește și să îngrijească editarea criticii acestor concepte de către Karl Strobel (Strobel 1998; cf. Strobel 2019).

În perioada 1997-2007, Mircea Babeș a profesat la Universitatea pe care altădată o absolvise. Aici s-a implicat asiduu în viața Catedrei de Arheologie și a organizat un Seminar de Arheologie (Babeș 2004b). Mai multe generații de studenți i-au audiat consistentele cursuri. Modelul de perseverență și de acribie întruchipat de Mircea Babeș rămâne un deziderat greu de atins într-o lume tot mai dinamică și mai superficială. Puțini dintre cei care l-au avut conducător de doctorat au satisfăcut standardele de rigoare științifică, pretinse de profesor. În peisajul saturat de lejeritate al studiilor postuniversitare românești, exigența plenară a lui Mircea Babeș i-a asigurat o statură insolită.

Pregătirea minuțioasă a cursurilor universitare, urmată de deziluzia pensionării subite din învățământul superior nu l-au împiedicat pe cel care rămăsese un neobosit cercetător să reinițieze săpături la Zimnicea și Cârlomănești și să redacteze noi studii valoroase. Printre acestea, trebuie amintite articolele despre fibulele de la Horodica (Babeș 2005c) și Săveni (Babeș, Coman 2005), contribuțiile dedicate practicilor funerare „getice" din secolele V-III a. Chr. (Babeș 2001a; Babeș, Miriţoiu 2002), precum și scurta sinteză despre așezarea protoistorică de la Cârlomănești (Babeș 2010a). Cel din urmă studiu a fost redactat în strânsă legătură cu reinițierea, în 2001, a cercetărilor de teren de la Cârlomănești, unde Mircea Babeș s-a înconjurat de mai mulți colaboratori tineri. Unii dintre aceștia îi continuă și astăzi cercetările. Dacă studiile din revistele de strictă specialitate ar putea fi percepute ca aprofundări ale unor aspecte particulare ale arheologiei protoistorice de la Dunărea de Jos, viziunea istorică și arheologică a lui Mircea Babeș ni se dezvăluie pe larg în contribuțiile sale consistente

[4] Frământările din acea vreme au fost creionate succint de Boia 1997, 276-292 și Boia 2016, 194-200.

din cele două ediţii ale tratatului *Istoria românilor* (Babeş 2001b; Babeş, Glodariu 2001; Babeş 2001c; Babeş, Isvoreanu 2010; Babeş et al. 2010; Babeş 2010b).

Anii de bătrâneţe i-au fost încununaţi de colaborări rodnice cu cercetători mai tineri. Monografiile în colaborare, publicate în perioada târzie a carierei (Lazarovici, Babeş 2015; Babeş, Bondoc, Nicolae 2020; Babeş, Iarmulschi 2020), au reprezentat predarea ştafetei pe direcţiile de cercetare iniţiate în tinereţe şi în perioada deplinei sale maturităţi. Materialele recoltate cu acribie de-a lungul îndelungatelor săpături de la Boroseşti şi Poieneşti, precum şi minuţioasele arhive documentare, elaborate în timpul acelor cercetări de teren, au reprezentat şi vor reprezenta pentru mult timp surse preţioase de informaţie şi bază de pornire pentru noi sinteze.

Retragerea din viaţa ştiinţifică a lui Mircea Babeş – cauzată de bătrâneţe, de boală şi de inexorabilul sfârşit – a creat vidul unei veritabile autorităţi profesionale în arheologia protoistorică românească. Pentru energia şi perseverenţa de care a dat dovadă într-o viaţă dedicată plenar arheologiei, Mircea Babeş a fost respectat nu numai de către cei care l-au stimat, i s-au alăturat şi l-au urmat, dar şi de către cei care l-au criticat, i s-au împotrivit sau chiar l-au detestat. Acest respect dăinuie şi acum. Pentru cercetătorii culturii Poieneşti – Lucaşeuca şi ai vestigiilor dacice din sudul României, Mircea Babeş nu a murit, ci rămâne mereu prezent prin opera sa ştiinţifică.

Bibliografie

Adler 2017: W. Adler, Prof. Dr. Rolf Hachmann 1917-2014. In: Landesarchäologie Saar 2010-2015. Denkmalpflege im Saarland 9, 2017, 9-12.

Arnăut 2002: T. Arnăut, Profesorul Mircea Babeş la cei 60 de ani. Tyragetia 11, 2002, 389-391.

Babeş 1969: M. Babeş, Noi date despre arheologia şi istoria bastarnilor. O fibulă „pomeraniană" descoperită la Ghelăieşti. SCIV 20, 2, 1969, 195-218.

Babeş 1971: M. Babeş, Necropola daco-romană de la Enisala. SCIV 22, 1, 1971, 19-45.

Babeş 1974: M. Babeş, Das Gräberfeld von Les Jogasses. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 13 (Bonn: Rudolf Habelt Verlag 1974).

Babeş 1975: M. Babeş, Problèmes de la chronologie de la culture géto-dace à la lumière des fouilles de Cîrlomăneşti. Dacia 19, 1975, 125-139.

Babeş 1979a: M. Babeş, Le stade actuel des recherches sur la culture géto-dace à son époque de développement maximum (II^{e} siècle av.n.e. - I^{er} siècle de n.e.). Dacia 23, 1979, 5-19.

Babeş 1979b: M. Babeş, Unitatea şi răspândirea geto-dacilor în lumina descoperirilor arheologice (secolele al II-lea î.e.n. - I e.n.). SCIVA 30, 3, 1979, 327-345.

Babeş 1980: M. Babeş, L'unité et la diffusion des tribus géto-daces à la lumière des données archéologiques (IIe siècle av.n.è. - Ier siècle de n.è. In: ***, Actes du IIe Congrès International de Thracologie, II (Bucharest 1980), 7-23.

Babeş 1981: M. Babeş, Marile etape ale dezvoltării arheologiei în România. SCIVA 32, 3, 1981, 319-330.

Babeş 1982a: M. Babeş, D. Berciu, Buridava dacica. SCIVA 33, 2, 1982, 250-257.

Babeş 1982b: M. Babeş, Vasile Pârvan şi arheologia geto-dacă. SCIVA 33, 4, 1982, 359-364.

Babeş 1983a: M. Babeş, Civilizaţia geto-dacă şi legăturile ei cu marile civilizaţii ale lumii antice. In: ***, Omagiu secretarului general al Partidului Comunist Român, preşedintele României Socialiste, Nicolae Ceauşescu, strălucit preţuitor şi ctitor de istorie, Universitatea din Bucureşti (Bucureşti 1983), 33-39.

Babeş 1983b: M. Babeş, Paftale Latène tîrzii din sud-estul Europei. SCIVA 34, 3, 1983, p. 196-221.

Babeş 1983c: M. Babeş, Figuri de seamă în cercetarea antichităţilor Buzăului: M. Ghica, Al. Odobescu, I. Nestor. In: ***, Spiritualitate şi istorie la Întorsura Carpaţilor, 2 (Buzău 1983), 363-369.

Babeş 1984: M. Babeş, Preocupări de preistorie în activitatea de arheolog a lui Alexandru Odobescu. In: ***, Memoriile Secţiei de Ştiinţe Istorice a Academiei Republicii Socialiste România, secţiunea IV, tomul IX, 1984 (1987), 136-143.

Babeş 1987: M. Babeş, Relations of the Geto-Dacian World with the Neighbouring Peoples. Revue Internationale d'Histoire Militaire 66, 1987, 19-27.

Babeş 1988: M. Babeş, Descoperirile funerare şi semnificatia lor în contextul culturii geto-dacice clasice. SCIVA 39, 1, 1988, 3-32.

Babeş 1992: M. Babeş, Odobescu, arheologul. SCIVA 43, 2, 1992, 119-126.

Babeş 1993a: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt, Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30 (Bonn: Rudolf Habelt Verlag 1993).

Babeş 1993b: M. Babeş, O unealtă toreutică din sec. IV - III a. Ch. de la Oprişor (jud. Mehedinţi). SCIVA 44, 2, 1993, 125-134.

Babeş 1994: M. Babeş, Rolf Hachmann - membru de onoare al Academiei Române. SCIVA 45, 1, 1994, 85-86.

Babeş 1995: M. Babeş, 160 ani de arheologie românească. Magazin Istoric 29, 4 (337), 1995, 54-56.

Babeş 1997: M. Babeş, Despre fortificaţiile „Cetăţii Jidovilor" de la Coţofenii din Dos. SCIVA 48, 3, 1997, 237-254.

Babeş 1998a: M. Babeş, Archäologie und archäologische Denkmalpflege in Rumänien. Archäologisches Nachrichtenblatt 3, 2, 1998, 129-132.

Babeş 1998b: M. Babeş, Rumunia: archeologia i archeologiczna ochrona zabytków. In: (ed. Z. Kobylinski), Ochrana dziedzictwa archeologicznego w Evropie (Warszawa 1998), 313-316.

Babeş 2000: M. Babeş, „Devictis Dacis". La conquète trajane vue par l'archéologie. In: (Eds. A. Avram, M. Babeş), Civilisation grecque et cultures antiques periferiques. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire (Bucharest 2000), 323-338.

Babeş 2001a: M. Babeş, Pratiques funéraires birituelles prolongées chez les Getes du Bas-Danube (V^e - III^e s. av. J.-C.). In: ***, XIV^e Congrès de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Liège, 2-8 Septembre 2001. Pré-Actes (Liège 2001), 295-296.

Babeş 2001b: M. Babeş, Spaţiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria Românilor. Vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate (ediţia I) (Bucureşti 2001), 501-532.

Babeş 2001c: M. Babeş, În loc de încheiere: consecinţele cuceririi traianice în lumina arheologiei. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria Românilor. Vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate (ediţia I) (Bucureşti 2001), 797-802.

Babeş 2002: M. Babeş, Archäologie und Gesellschaft am Anfang des 21. Jahrhunderts, Mitteilungen des Humboldt-Clubs Rumänien 6 (Bukarest), 2002, 7-12.

Babeş 2003a: M. Babeş, Arheologija i obštestvo v načalato na XXI vek. Arheologija (Sofia) XLIV, 1, 2003, 8-12.

Babeş 2003b: M. Babeş, 2. Latènezeit und Römische Kaiserzeit, s.v. A. Vulpe, M. Babeş, I. Ioniţă, I. Piso, Rumänien und Republik Moldau. In: (Eds. H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer), Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 25 (Berlin, New York 2003), 469-479.

Babeş 2004a: M. Babeş, Rumänsk arkeologi under 170 år. In: ***, Guldskatter - Rumänien under 7000 år (Stockholm 2004), 82-85.

Babeş 2004b: M. Babeş, Din activitatea Seminarului de Arheologie „Vasile Pârvan" al Universităţii din Bucureşti. SCIVA 52-53, 2001-2002 (2004), 301-306.

Babeş 2005a: M. Babeş, Hundertjähriges Jubiläum eines Humboldtianers: Ion Nestor (1905-2005). Mitteilungen des Humboldt-Clubs Rumänien 8-9, 2004-2005 (2005), 11-16.

Babeş 2005b: M. Babeş, 170 de ani de arheologie românească. SCIVA 54-56, 2003-2005, 9-20.

Babeş 2005c: M. Babeş, The brooch from Horodica: Daciam, Celtic or Germanic? In: (Eds. H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska), Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction. 7^th c. BC - 1^st c. AD. Dedicated to Zenon Woźniak (Kraków 2005), 121-129.

Babeş 2006: M. Babeş, Von Odobescu bis Nestor. Der Werdegang des archäologischen Studiums in Rumänien bis zur kommunistischen Machtergreifung. In: (Eds. J. Callmer, M. Meyer, R. Struwe, C. Theune), Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890-1930) im europäischen Vergleich. Internationale Tagung an der Humboldt-Universität zu Berlin vom 13.-16. März 2003 (Rahden/Westfalen: Verlag Marie Leidorf GmbH 2006), 237-248.

Babeş 2007a: M. Babeş, Die rumänische Archäologie und die Versuchung des Nationalismus vor und nach der Wende. In: S. Rieckhoff, U. Sommer, Auf der Suche nach Identitäten. Volk - Stamm - Kultur - Ethnos. Interationale Tagung der Universität Leipzig vom 8. - 9. Dezember 2000, BAR Internationa Series 1705, 2007, 193-195.

Babeş 2007b: M. Babeş, Arheologia românească şi congresele internaţionale în epoca „Războiului Rece". SCIVA 58, 3-4, 2007, 321-344.

Babeş 2009: M. Babeş, Arheologie, societate şi politică în România, înainte şi după 1989. SCIVA 59-60, 2008-2009 (2009), 5-16.

Babeş 2010a: M. Babeş, Staţiunea geto-dacică de la Cârlomăneşti: dava sau centru religios? Mousaios 15, 2010, 123-146.

Babeş 2010b: M. Babeş, În loc de încheiere: consecinţele cuceririi traianice în lumina arheologiei. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria Românilor. Vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate (ediţia a II-a) (Bucureşti 2010), 845-850.

Babeș, Bondoc, Nicolae 2020: M. Babeș, D. Bondoc, C. Nicolae, Necropola plană birituală de la nordul orașului Romula (Craiova: Antheo 2020).

Babeș, Coman 2005: M. Babeș, R. Coman, O nouă „fibulă pomeraniană" în România, ArhMold 28, 2005, 139-148.

Babeș, Glodariu 2001: M. Babeș, I. Glodariu, Civilizația geto-dacă din a doua jumătate a secolului al II-lea a. Chr. până la începutul secolului al II-lea p. Chr. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria Românilor. Vol. I. Moștenirea timpurilor îndepărtate (ediția I) (București 2001), 725-762.

Babeș et al. 2010: M. Babeș, I. Glodariu, T. Isvoreanu, A. Vîlcu, Civilizația geto-dacică „clasică" (prima jumătate a secolului al II-lea a. Chr. până la începutul secolului al II-lea p. Chr.). In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria românilor. Vol. 1. Moștenirea timpurilor îndepărtate (ediția a II-a) (București 2010), 757-835.

Babeș, Iarmulschi 2020: M. Babeș, V. Iarmulschi, Așezarea și necropola de tip Poienești - Lucașeuca de la Boroseşti. Biblioteca Tyragetia XXXII (Chișinău 2020).

Babeș, Isvoreanu 2010: M. Babeș, T. Isvoreanu, Spațiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe), Istoria românilor. Vol. 1. Moștenirea timpurilor îndepărtate (ediția a II-a) (București 2010), 517-555.

Babeș, Mirițoiu 2002: M. Babeș, N. Mirițoiu, Necropola medievală de la Poienești, mormântul 729/ La nécropole médiévale de Poienești, la tombe 729. In: (Ed. E. Nicolae), Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1471-2001), Chișinău, 13-15 mai 2001; comunicări, studii și note (București 2002), 158-161.

Babeș, Nicolae 2014: M. Babeș, C. I. Nicolae, Rival archaeological congresses in inter-war Europe. Dacia N.S. 58, 2014, 309-324.

Berciu 1981: D. Berciu, Buridava dacica (București: Editura Academiei Republicii Socialiste România 1981).

Boia 1997: L. Boia, Istorie și mit în conștiința românească (București: Humanitas 1997).

Boia 2016: L. Boia, Strania istorie a comunismului românesc (și nefericitele ei consecințe) (București: Humanitas 2016).

Firca et al. 1994: G.-B. Firca, A. T. Murgan, C. Petac, L. Zaharia (eds.), Romanian Fellows of the Alexander von Humboldt Foundation (București: Editura Enciclopedică 1994).

Filip 1998: J. Filip (ed.), Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas, Band 3, Addenda (Prague 1998), 20.

Guštin 2011: M. Guštin, On the Celtic tribe of Taurisci. Local identity and regional contacts in the ancient world. In: M. Guštin, M. Jevtić, The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea (Koper-Beograd 2011), 119-128.

Lazarovici 2011: C.-M. Lazarovici, Profesorul Mircea Babeș la 70 de ani. ArhMold 34, 2011, 393-395.

Lazarovici, Babeș 2015: C.-M. Lazarovici, M. Babeș, Poienești - așezări preistorice. Bibliotheca Archaeologica Moldaviae XXII (Suceava: Karl Romstorfer 2015).

Mihăilescu-Bîrliba 2007: V. Mihăilescu-Bîrliba, Mircea Babeș la 65 de ani. ArhMold 30, 2007, 451-454.

Odobescu 1976: A. Odobescu, Opere, IV, Tezaurul de la Pietroasa (Introducere, Comentarii și Note de Mircea Babeș) (București: Editura Academiei 1976).

Petolescu 2007: C.C. Petolescu, Profesorul Mircea Babeș la 65 de ani. SCIVA 58, 1-2, 2007, 5-10.

Petolescu 2011: C.C. Petolescu, Savantul Mircea Babeș la 70 de ani / The savant Mircea Babeș at his 70. In: (Eds. D. Măgureanu, D. Măndescu. S. Matei), Archaeology. Making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeș at his 70th anniversary (Pitești: Ordessos 2011), 15-26.

Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor, pornind de la descoperiri arheologice din Câmpia Brăilei. Biblioteca Istros 3 (Galați 1993).

Ștefănescu 1978: Ș. Ștefănescu (ed.), Enciclopedia istoriografiei românești (București: Editura Științifică și Enciclopedică 1978).

Strobel 1998: K. Strobel, Dacii. Despre complexitatea mărimilor etnice, politice și culturale ale spațiului Dunării de Jos. SCIVA 49, 1-2, 1998, 61-95 (I), 207-227 (II).

Strobel 2019: K. Strobel, Pseudofakten und Ethnonationalisms am Beispiel der „Geschichte der Daker". Ein Beitrag zur Dekonstruktion axiomatischer Geschichtsbilder und ihrer Folgen in der Archäologie und Numismatik des Donau- und Balkanraumes. ArhMold 42, 2019, 21-66.

Teodor 2007: S. Teodor, Mircea Babeș – un reputat savant. ArhMold 30, 2007, 454-460.

Dr. habil. Daniel Spânu, Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan", București, România,
https://orcid.org/0009-0007-8825-6092, e-mail: hazdrik@yahoo.com

Lista abrevierilor

AARMSI	Analele Academiei Române. Memoriile Secţiunii Istorice. Academia Română, Bucureşti
ActaMM	Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIAX	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AIMSR	Arhiva Istorico-militară de Stat din Rusia, Sankt Petersburg
AISR	Arhiva Istorică de Stat din Rusia
AISRL	Arhiva Istorică de Stat a regiunii Leningrad
AMC	Arhiva Ministerului Culturii
ANRM	Arhiva Naţională a Republicii Moldova
AO	Arhivele Olteniei, Craiova
Apulum	Apulum. Buletinul Muzeului Regional Alba-Iulia, Alba-Iulia
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
ASRO	Arhiva de Stat din regiunea Odesa
AUB	Analele Universităţii Bucureşti, Bucureşti
Basarabia	Basarabia, Chişinău
BOR	Biserica Ortodoxă Română, nr. 8, 1903
BNRM	Biblioteca Naţională a Republicii Moldova
BBR	Buletinul Bibliotecii Române, Freiburg
BDA	Buletinul de Documentare Arhivistică, Bucureşti
BRM	Bibliografia Românească Modernă
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice, Bucureşti
Candela Moldovei	Candela Moldovei. Institutul cultural-misionar „Trinitas”, Iaşi
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CI	Cercetări Istorice, Iaşi
Cugetul	Cugetul. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
Cumidava	Cumidava. Muzeul judeţean Braşov, Braşov
Datini	Datini. Revistă de cultură, Bucureşti
Destin Românesc	Destin Românesc. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău-Bucureşti
Destin Românesc s.n.	Destin Românesc. Serie Nouă. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
FIASRO	Filiala din Ismail a Arhivei de Stat din regiunea Odesa
Magazin bibliologic	Magazin bibliologic, Biblioteca Naţională a Republicii Moldova, Chişinău
Marisia	Marisia. Studii şi materiale, Târgu Mureş
Mitropolia Olteniei	Mitropolia Olteniei, Craiova
MNAIM	Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei
MNIM	Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei
Ortodoxia	Ortodoxia. Revista Patriarhiei Române, Bucureşti
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pyretus	Pyretus, Ungheni
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău

Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Arhivelor	Revista Arhivelor. Direcţia Generală a Arhivelor Statului, Bucureşti
Revista Bistriţei	Revista Bistriţei. Muzeul Judeţean Bistriţa-Năsăud
Revista de etnologie	Revista de etnologie, Chişinău
Revista de filosofie	Revista de filosofie, Bucureşti
Revista de istorie	Revista de Istorie, Bucureşti
Revista de istorie a Moldovei	Revista de istorie a Moldovei, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
RRH	Revue Roumaine d'Histoire, Bucarest
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
Viaţa Basarabiei	Viaţa Basarabiei, Chişinău
Ziridava	Ziridava. Muzeul judeţean Arad, Arad
Богословские Труды	Богословские Труды. Московская патриархия, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
ЕАИВЕ	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
Етнография на България	Етнография на България, София
ЖМВД	Журнал Министерства Внутренних Дел (СПб.)
КЕВ	Кишиневские Епархиальные Ведомости, Кишинев
Киевская старина	Киевская старина, Киев
КСИЭ	Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, Москва
ПСЗРИ	Полное Собрание Законов Российской Империи
РА	Российская Археология, Москва
Русский Вестник	Русский Вестник, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
УЗКГУ	Ученые Записки Кишиневского Государственного Университета (Кишинев)
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revista prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie, precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se vor prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

BONS

Casa Editorial-Poligrafică Bons Offices SRL
Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
Tel./fax: +37322 50 08 94
Tel.: +37322 50 08 95, +37322 27 66 44
E-mail: bons@bons.md